

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР НОВОГО КУМИРА ЧИТАТЕЛЕЙ.
1 500 000 ЭКЗЕМПЛЯРОВ ПРОДАНО ЗА ГОД.

Жоэль Диккер

ПРАВДА О ДЕЛЕ ГАРРИ КВЕБЕРТА

CoRpus

Тайны нераскрытого убийства,
запретной любви и писательского успеха.



Annotation

«Правда о деле Гарри Квеберта» вышла в 2012 году и сразу стала бестселлером. Едва появившись на прилавках, книга в одной только Франции разошлась огромным тиражом и была переведена на тридцать языков, а ее автор, двадцатисемилетний швейцарец Жоэль Диккер, получил Гран-при Французской академии за лучший роман и Гонкуровскую премию лицейстов.

Действие этой истории с головокружительным сюжетом и неожиданным концом происходит в США. Молодой успешный романист Маркус Гольдман мается от отсутствия вдохновения и отправляется за помощью к своему учителю, знаменитому писателю Гарри Квеберту. Однако внезапно выясняется, что помощь требуется самому Гарри, обвиненному в убийстве, которое произошло в тихом американском городке 33 года назад. Чтобы спасти Гарри от электрического стула, Маркус берется за собственное расследование и пытается распутать самый сложный клубок лжи, давно похороненных тайн и роковых случайностей. И получает тридцать один совет, как написать бестселлер.

-
- [Жоэль Диккер](#)
 - [Исчезновение](#)
 - [Пролог](#)
 - [Часть первая](#)
 - [31. В глубинах памяти](#)
 - [30. Великолепный](#)
 - [29. Можно ли влюбиться в пятнадцатилетнюю девочку?](#)
 - [28. Как важно уметь падать](#)
 - [27. Там, где сажали гортензии](#)
 - [26. Н-О-Л-А](#)
 - [25. О Ноле](#)
 - [24. День независимости](#)
 - [23. Те, кто близко ее знал](#)
 - [22. Полицейское расследование](#)
 - [21. О том, как трудно любить](#)
 - [20. Обед в саду у Куиннов](#)
 - [19. «Дело Гарри Квеберта»](#)
 - [18. Мартас-Винъярд](#)

- [17. Попытка бегства](#)
 - [16. «Истоки зла»](#)
 - [15. Перед бурей](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [14. Что случилось 30 августа 1975 года](#)
 - [13. Буря](#)
 - [12. Человек, который писал картины](#)
 - [11. В ожидании Нолы](#)
 - [10. Поиски пропавшей девочки](#)
 - [9. Черный «монте-карло»](#)
 - [8. Анонимщик](#)
 - [7. После Нолы](#)
 - [6. Принцип Барнаски](#)
 - [Часть третья](#)
 - [5. Девочка, которая потрясла Америку](#)
 - [4. Sweet home Alabama\[5\]](#)
 - [3. Election Day\[6\]](#)
 - [2. Конец игры](#)
 - [1. Правда о деле Гарри Квеберта](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Слова благодарности](#)
 - [≈](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
-

Жоэль Диккер
Правда о деле Гарри Квеберта

Моим родителям

Исчезновение

(суббота, 30 августа 1975 года)

— Единый диспетчерский центр полиции. Что случилось?

— Алло! Меня зовут Дебора Купер, я живу на Сайд-Криклейн. По-моему, я только что видела, как какой-то мужчина гонится в лесу за девушкой.

— Опишите точно, что произошло.

— Я не знаю! Я стояла у окна, смотрела в сторону леса и увидела там эту девушку, она бежала между деревьями... И ее преследовал мужчина... По-моему, она пыталась от него спастись.

— Где они сейчас?

— Я... Я их больше не вижу. Они в лесу.

— Немедленно высылаю к вам группу, мэ.

Именно с этого звонка начались события, всколыхнувшие весь город Аврора, что в штате Нью-Гэмпшир. В тот день бесследно исчезла Нола Келлерган, местная девушка пятнадцати лет. И больше ее никто никогда не видел.

Пролог

Октябрь 2008 года

(спустя 33 года после исчезновения)

О книге говорили все. Я больше не мог спокойно бродить по улицам Нью-Йорка, я больше не мог совершать обычную пробежку по аллеям Центрального парка — гуляющие встречали меня возгласами: «Э, да это Гольдман! Тот самый писатель!» Бывало, кто-нибудь даже пробежал несколько шагов, чтобы догнать меня и задать терзавшие его вопросы: «Так это правда, то, про что написано в вашей книжке? Гарри Квеберт действительно это сделал?» В моем любимом кафе в Уэст-Виллидж некоторые посетители, недолго думая, усаживались за мой столик и заводили разговор: «Я сейчас читаю вашу книгу, мистер Гольдман, буквально не могу оторваться! Первая тоже была хороша, но эта! Вам правда отвалили миллион долларов, чтобы вы ее написали? А лет вам сколько? Только что исполнилось тридцать? Тридцать лет! И у вас уже такая куча деньжищ!» Даже привратник в моем доме, чье продвижение к концу книги я наблюдал каждый раз, когда он открывал мне двери, наконец, закончив чтение, надолго зажал меня у лифта, чтобы излить душу: «Так вот что случилось с Нолой Келлерган? Какой кошмар! Но как же человек может до такого докатиться, а, мистер Гольдман? Как такое может быть?»

Весь Нью-Йорк гонялся за моей книгой; она вышла всего две недели назад и уже обещала стать лидером продаж года на всем американском континенте. Всем хотелось знать, что произошло в Авроре в 1975 году. Об этом говорили везде: на телевидении, на радио, в газетах. Мне только что исполнилось тридцать, и эта книга, всего лишь вторая в моей карьере, сделала из меня самого популярного писателя Америки.

Громкое дело, которое взбудоражило всю страну и из которого я почерпнул сюжет для своего рассказа, случилось несколькими месяцами раньше, в начале лета, когда были обнаружены останки девушки, исчезнувшей тридцать три года назад. Так было положено начало событиям в Нью-Гэмпшире, о которых здесь пойдет речь. И не будь их, о существовании городка Аврора в остальной Америке наверняка никто бы и не подозревал.

Часть первая

Болезнь писателей

Страх чистого листа

(за 8 месяцев до выхода книги)

31. В глубинах памяти

— Самое главное, Маркус, это первая глава. Если она читателям не понравится, остальное они читать не будут. С чего вы думаете начать свою книгу?

— Не знаю, Гарри. Думаете, у меня когда-нибудь получится?

— Что?

— Написать книгу.

— Я в этом уверен.

В начале 2008 года, то есть примерно через полтора года после того, как благодаря своему первому роману я сделался новым идиолом американской литературы, на меня напал жестокий страх чистого листа — похоже, довольно обычный синдром среди писателей, переживших внезапный и громкий успех. Болезнь проявилась не сразу, она угнездилась во мне постепенно. Такое ощущение, что она поразила мозг и он постепенно оцепенел. На первые симптомы я не обращал внимания: я говорил себе, что вдохновение вернется завтра или послезавтра, а может, послепослезавтра. Но шли дни, недели, месяцы, а вдохновение не возвращалось.

Мое нисхождение в ад поделилось на три этапа. Первым, без которого никаких головокружительных падений просто не может быть, стал стремительный взлет: первый роман, распроданный в количестве двух миллионов экземпляров, возвел меня в ранг популярного писателя. Стояла осень 2006 года, и за несколько недель мое имя превратилось в Имя: я был везде — на телевидении, в газетах, на обложках журналов. Мое лицо глядело с гигантских рекламных плакатов на каждой станции метро. Самые суровые критики крупнейших ежедневных газет Восточного побережья в один голос утверждали, что молодой Маркус Гольдман обещает стать великим писателем.

Одна-единственная книга — и передо мной уже открыты врата новой жизни: жизни юных звезд-миллионеров. Я съехал из дома своих родителей в Монтклере, штат Нью-Джерси, и обосновался в дорогой квартире в Гринвич-Виллидж, я сменил свой весьма потрепанный «форд» на новенький черный «рейнджровер» с тонированными стеклами, я сделался завсегдатаем фешенебельных ресторанов, я прибегнул к услугам литературного агента, который ведал моим времяпрепровождением и

приходил в мой новый дом смотреть бейсбол на гигантской плазменной панели. Я снял офис в двух шагах от Центрального парка, где слегка влюбленная секретарша по имени Дениза разбирала мою почту, варила мне кофе и сортировала мои важные бумаги.

Первые полгода после выхода книги я лишь наслаждался своим новым приятным существованием. По утрам я заходил в офис, при случае просматривал статьи о себе и читал десятки писем от поклонников, которые приходили ежедневно и которые Дениза затем убирала в большие папки. Потом, довольный собой, я решал, что поработал достаточно, и шел бродить по улицам Манхэттена, провожаемый шушуканьем прохожих. Остаток дня я пользовался новыми правами, приобретенными вместе с известностью: правом покупать все, что захочется, правом на *VIP*-ложу в Мэдисон-сквер-гарден на матчах «Рейнджеров», правом шагать по красным дорожкам вместе с музыкальными звездами, чьи диски я собирал в ранней юности, правом появляться в свете вместе с Лидией Глур, героиней последнего телесериала, которую буквально рвали на части. Я был знаменитый писатель; мне казалось, что это самая прекрасная профессия. Уверенный, что успех будет длиться вечно, я не придавал значения первым предупреждениям своего агента и издателя, которые торопили меня и усаживали за работу — писать новый роман.

За следующие полгода я обнаружил, что ветер изменился: писем от поклонников приходило все меньше, а на улице ко мне подходили все реже. Вскоре те из прохожих, кто меня еще узнавал, стали задавать один и тот же вопрос: «А о чем будет ваша следующая книга, мистер Гольдман? И когда она выйдет?» Я понял, что пора браться за дело, и взялся за дело: записал на листочках некоторые идеи и набросал на компьютере несколько синопсисов. Но ничего хорошего не вышло. Тогда я стал придумывать другие идеи и набросал новые синопсисы. С тем же успехом. В конце концов я купил новый компьютер — в надежде приобрести в комплекте отличные идеи и отменные синопсисы. Все напрасно. Потом я попытался сменить метод: призвав на помощь Денизу, я до глубокой ночи диктовал ей опорные фразы, остроумные шутки и великолепные подступы к роману. Но наутро шутки казались мне плоскими, фразы — банальными, а пресловутые подступы — перекрытыми. Я вступал во второй этап своей болезни.

Осенью 2007-го исполнился год с момента выхода моей первой книги, а я не написал еще ни единой строчки. Когда письма в папках иссякли, в общественных местах меня перестали узнавать, а из больших книжных магазинов на Бродвее исчезли афиши с моим лицом, я понял, что слава

мимолетна. Что эта вечно голодная горгона быстро покидает тех, кто ее не кормит: популярные политики, старлетка из последнего реалити-шоу и на шумевшая рок-группа забрали себе внимание, предназначавшееся мне. А ведь после выхода моей книги прошел всего год, всего лишь годик, до смешного короткий в моих глазах, но с точки зрения человечества равнозначный вечности. За этот самый год в одной только Америке родился миллион детей, еще миллион человек умерли, добрых тысяч десять были застрелены, полмиллиона пристрастились к наркотикам, еще миллион стали миллионерами, семнадцать миллионов сменили мобильный телефон, пятьдесят тысяч погибли в автокатастрофах, а еще два миллиона при тех же обстоятельствах получили более или менее серьезные травмы. А я написал всего одну книгу.

«Шмид и Хансон», влиятельное нью-йоркское издательство, заплатившее мне кругленькую сумму за право напечатать мою книгу и возлагавшее на меня большие надежды, наседало на моего агента Дугласа Кларена, а тот, в свою очередь, теребил меня. Он говорил, что время поджимает, что мне непременно надо представить новую рукопись, а я, пытаясь его успокоить, чтобы успокоить самого себя, уверял, что мой второй роман движется полным ходом и ему не о чем волноваться. Но я часами просиживал взаперти в кабинете и так и не написал ни строчки: вдохновение внезапно ушло и больше не возвращалось. А по вечерам, лежа без сна в постели, я представлял себе, что скоро, еще до своего тридцатого дня рождения, великий Маркус Гольдман перестанет существовать. Эта мысль навела на меня такой ужас, что я решил слегка встряхнуться и уехать в отпуск: провести месяц на вилле в Майами, так сказать, ради новых впечатлений — и в тайной уверенности, что, расслабившись под пальмами, полностью восстановлю контроль над своим творческим гением. Но Флорида, естественно, оказалась всего лишь пышной попыткой бегства, а эту тягостную ситуацию за две тысячи лет до меня уже опробовал на себе философ Сенека: куда бы вы ни бежали, ваши проблемы залезают к вам в багаж и следуют за вами повсюду. Вот так сразу по приезде в Майами меня догнал у выхода из аэропорта симпатичный носильщик-кубинец и спросил:

— Вы мистер Гольдман?

— Да.

— Тогда это ваше.

И протянул мне пакет с пачкой бумаги.

— Это мои чистые листы?

— Да, мистер Гольдман. Вы же не можете без них ехать.

Так что месяц во Флориде я провел в одиночестве, запершись в люксе

со своими демонами, раздосадованный и жалкий. Мой компьютер был включен день и ночь, но документ, озаглавленный «новый роман. doc», оставался безнадежно пустым. То, что я подцепил болезнь, весьма распространенную в творческой среде, я понял однажды вечером, предложив коктейль «Маргарита» пианисту в гостиничном баре. Пересев за стойку, он поведал мне, что за всю жизнь написал одну-единственную песню, но эта песня оказалась оглушительным суперхитом. Он имел такой успех, что так и не смог написать ничего другого и теперь, несчастный, без гроша в кармане, зарабатывал на хлеб, наигрывая для гостиничных постояльцев чужие хиты. «Я тогда мотался в адские туры по самым большим залам страны, — говорил он, держа меня за отворот рубашки. — Десять тысяч человек орали мое имя, одни телки падали в обморок, другие швыряли мне на сцену трусики. Это было нечто». И, слизав, как собачка, соль с края стакана, добавил: «Клянусь, это правда». И что хуже всего — я знал, что это правда.

Третий этап моих бедствий начался сразу после возвращения в Нью-Йорк. По дороге из Майами я прочел в самолете статью о некоем молодом писателе, только что выпустившем роман, который критика превозносила до небес, а по прибытии в аэропорт Ла-Гуардиа я увидел в зале получения багажа его лицо, смотревшее на меня с огромных плакатов. Жизнь издевалась надо мной: меня не только забыли, но, что еще хуже, заменили другим. Дуглас, встречавший меня в аэропорту, был вне себя: «Шмид и Хансон», потеряв терпение, требует доказательств того, что роман продвигается и вскоре я смогу принести им законченную новую рукопись.

— Дело дрянь, — сказал он мне в машине, пока мы ехали в Манхэттен. — Ну скажи мне, что во Флориде ты набрался сил и твоя книжка почти готова! Еще этот тип, про которого все говорят... Его книга будет иметь большой успех на Рождество. А ты, Маркус? Что у тебя есть на Рождество?

— Я сейчас за нее засяду! — в панике вскричал я. — Я успею! Устроим большую рекламную кампанию, и все получится! Людям понравилась первая книга, понравится и вторая!

— Марк, ты не понимаешь: все это можно было бы сделать еще несколько месяцев назад. В том и состояла стратегия: оседлать волну успеха, накормить публику, дать ей то, чего она хочет. Публика хотела Маркуса Гольдмана, но поскольку Маркус Гольдман тихо слинял во Флориду, читатели пошли и купили книжку кого-то другого. Ты экономику учил хоть немножко, Марк? Книги стали взаимозаменяемым продуктом: люди хотят, чтобы роман им нравился, они хотят расслабиться и развлечься.

Если этого не дашь им ты, значит, даст твой сосед, а ты отправишься прямоком в корзину.

Перепуганный пророчествами Дугласа, я засел за работу как одержимый: я начинал писать в шесть утра и заканчивал не раньше девяти-десяти вечера. Целыми днями я сидел в кабинете, писал без передышки, набрасывал слова, начинал фразы, придумывал все новые идеи романа. Но, к величайшему моему разочарованию, ничего стоящего не получалось. Со своей стороны, Дениза целыми днями беспокоилась о моем состоянии. Делать ей больше было нечего, диктовки кончились, почту разбирать было не нужно, кофе варить не нужно, и она вышагивала взад-вперед по коридору. А когда силы ее иссякали, начинала барабанить в дверь.

— Маркус, умоляю, откройте! — стенала она. — Выйдите из кабинета, погуляйте в парке! Вы же сегодня ничего не ели!

В ответ я орал:

— Не хочу есть! Не хочу есть! Нет книжки — нет еды!

Она почти рыдала.

— Не говорите таких ужасов, Маркус! Я сбегая в закусочную на углу, принесу вам сэндвичи с ростбифом, ваши любимые. Я мигом! Я мигом!

Я слышал, как она хватает сумку, бежит к входной двери и устремляется вниз по лестнице, как будто ее поспешность может что-то изменить в моем положении. Ибо я наконец постиг размеры поразившего меня бедствия: когда я был никем, написать книгу казалось мне делом очень легким, но теперь, когда я достиг вершины, теперь, когда нужно взвалить на плечи свой талант и повторить изнурительный поход за успехом, то есть написать хороший роман, я чувствовал, что больше на это не способен. Меня убивал страх чистого листа, и помочь мне не мог никто: все, с кем я говорил, твердили, что это совершеннейшие пустяки, самое обычное дело, и если я не напишу свою книгу сегодня, то конечно же напишу завтра. Два дня я пытался работать в моей прежней комнате в Монтклере, у родителей, той самой, где нашел вдохновение для первого романа. Но эта попытка закончилась самым жалким провалом, которому отчасти, возможно, поспособствовала моя мать, в частности потому, что она оба дня просидела рядом со мной, вглядываясь в экран моего ноутбука и повторяя: «Очень хорошо, Марки».

— Мама, я не написал ни строчки, — в конце концов произнес я.

— Но я же чувствую, что это будет очень хорошо.

— Мама, пожалуйста, дай мне побыть одному...

— Почему одному? У тебя живот болит? Тебе нужно попукать? Ты можешь пукать при мне, дорогой. Я твоя мать.

— Нет, мама, мне не нужно попукать.

— Так ты голоден? Хочешь оладушек? Или вафель? Чего-нибудь соленьенького? А может, яишенку?

— Нет, я не голоден.

— Тогда почему ты хочешь, чтобы я ушла? Или ты пытаешься сказать, что тебе мешает присутствие женщины, которая дала тебе жизнь?

— Нет, ты мне не мешаешь, но...

— *Но* что?

— Ничего, мама.

— Тебе нужна подружка, Марки. Думаешь, я не знаю, что ты разошелся с этой телеактрисой? Как бишь ее там?

— Лидия Глур. В любом случае мы по-настоящему и не были вместе, мама. Я хочу сказать: это точно была история просто так.

— История просто так, история просто так! Вот что нынешние молодые-то делают: заводят *истории просто так*, а в пятьдесят лет остаются с лысиной и без семьи!

— При чем тут лысина, мама?

— Ни при чем. Но, по-твоему, это нормально, если я узнаю, что ты живешь с этой девицей, из журнала? Какой сын так обращается с матерью, а? Вообрази себе, как раз накануне твоего отъезда во Флориду прихожу я к Шнайгетцу — парикмахеру, не мяснику, — а там все на меня как-то странно смотрят. Я спрашиваю, в чем дело, и тут миссис Берг, сидя под сушкой, показывает мне журнал, который она читает, а там твое фото вместе с этой Лидией Глур, на улице, а в заголовке статьи написано, что вы расстались. Вся парикмахерская знала, что вы разошлись, а я даже не знала, что ты встречаешься с этой девицей! Конечно, мне не хотелось выглядеть круглой душой: я сказала, что она очаровательная женщина и часто приходила к нам на обед.

— Мама, я тебе ничего не говорил, потому что это было несерьезно. Понимаешь, она не та.

— Но у тебя вечно не те! Тебе не попадается никто приличный, Марки! Вот в чем проблема. Думаешь, эти телеактрисы умеют вести хозяйство? Представь, вчера я встретила в супермаркете миссис Эмерсон: ее дочь тоже не замужем. Она тебе отлично подойдет. К тому же у нее прекрасные зубы. Хочешь, я им скажу, чтобы они к нам зашли?

— Нет, мама. Я пытаюсь работать.

В этот момент в дверь позвонили.

— Думаю, это они, — сказала моя мать.

— То есть какие такие *они*?

— Миссис Эмерсон с дочерью. Я их позвала на чай в четыре часа. Сейчас ровно четыре. Хорошая женщина — это женщина, которая приходит вовремя. Не правда ли, она тебе уже нравится?

— Ты пригласила их на чай? Гони их вон, мама! Я не хочу их видеть! Мне книгу надо писать, черт возьми! Я здесь не затем, чтобы чаи распивать, я должен написать роман!

— О, Марки, но тебе правда нужна подружка. Подружка, с которой ты обручишься и на которой ты женишься. Ты слишком много думаешь о книгах и слишком мало о женитьбе...

Никто не понимал всей серьезности положения: новая книга была мне абсолютно необходима, хотя бы для того, чтобы соблюсти условия договора с издательством. В январе 2008 года Рой Барнаски, всесильный директор издательства «Шмид и Хансон», пригласил меня в свой кабинет на 51-м этаже башни на Лексингтон-авеню, чтобы по всей строгости призвать к порядку. «Ну, Гольдман, и когда я получу вашу новую рукопись? — рявкнул он. — Мы заключили договор на пять книг: пора браться за дело, да поживее! Нужен результат, нужны цифры! Вы не укладываетесь в сроки! Вы вообще ни во что не укладываетесь! Видели того типа, что выпустил свою книжку перед Рождеством? Теперь публика читает его, а не вас! Его агент говорит, что у него почти готов следующий роман. А вы? Из-за вас мы теряем деньги! Так что встряхнитесь и исправляйте ситуацию. Нанесите решительный удар, напишите мне хорошую книжку и спасите свою шкуру. Даю вам полгода, последний срок — июнь». Полгода на книгу, когда я почти полтора года в ступоре. Это было невозможно. Хуже того, Барнаски, назначив свой срок, не поставил меня в известность о последствиях, которые меня ждут, если я не выполню обязательства. Эту миссию взял на себя Дуглас две недели спустя, во время энного по счету разговора у меня дома. «Надо писать, старина, нельзя больше отлынивать, — сказал он. — Ты подписался на пять книг! На пять! Барнаски в бешенстве, он больше не хочет ждать... Он мне сказал, что дал тебе срок до июня. А знаешь, что будет, если ты сядешь в лужу? Они расторгнут договор, подадут на тебя в суд и пустят по миру. Они отнимут у тебя все бабло, и прости-прощай твоя красивая жизнь, твоя красивая квартира, твои понтовые штиблеты, твоя большая тачка: у тебя не останется ни гроша. Они тебя зарежут». Ну вот, год назад меня считали новой звездой в литературе этой страны, а теперь я стал великим разочарованием, главным лохом североамериканского книгоиздания. Урок номер два: слава не только мимолетна, слава чревата последствиями. Вечером, на следующий день после предостережений Дугласа, я снял

трубку и набрал номер телефона единственного человека, который, как мне казалось, мог меня выручить: Гарри Квеберта, моего бывшего университетского преподавателя, а главное, одного из самых читаемых и почитаемых писателей Америки, с которым мы близко сошлись лет десять назад, когда я был его студентом в Университете Берроуза, в Массачусетсе.

К тому времени я не видел его больше года и почти столько же не говорил с ним по телефону. Я позвонил ему домой, в Аврору, штат Нью-Гэмпшир. Услышав мой голос, он насмешливо произнес:

— О, Маркус! Неужто это вы мне звоните? Невероятно. С тех пор как вы стали звездой, вы не подаете признаков жизни. Я пытался вам звонить с месяц назад, но попал на вашу секретаршу, которая заявила, что вас ни для кого нет.

Я ответил без обиняков:

— Гарри, дело плохо. По-моему, я больше не писатель.

Он сразу посерьезнел:

— Что за вздор вы несете, Маркус?

— Я не знаю, что писать, мне конец. Чистый лист. И так месяцами. Может, даже уже целый год.

Он расхохотался — тепло, успокаивающе.

— Ступор в мозгах, Маркус, вот это что такое! Все эти чистые листы — такая же глупость, как сексуальные неудачи, когда нужен результат: это паника гения, та самая, из-за которой ваш маленький дружок повисает тряпочкой, когда вы собрались покувыркаться с поклонницей и думаете только о том, как бы довести ее до оргазма, измеримого по шкале Рихтера. Забудьте о гениальности, просто складывайте вместе слова. Гениальность придет сама собой.

— Вы думаете?

— Уверен. Только надо слегка отвлечься от светских раутов и тарталеток. Писать — дело серьезное. Мне казалось, я вам это внушил.

— Но я работаю как проклятый! Только этим и занимаюсь! И все равно ничего не получается.

— Значит, обстановка неподходящая. Нью-Йорк — это очень мило, но там чересчур шумно. Почему бы вам не приехать сюда, ко мне, как во времена, когда вы у меня учились?

Уехать из Нью-Йорка, переменить обстановку. Никогда еще призыв удалиться в изгнание не казался мне таким разумным. Отправиться за вдохновением для новой книги в американскую глушь, к своему старому учителю: это было как раз то, что нужно. Так что неделю спустя, в середине февраля 2008 года, я перебрался в Аврору, штат Нью-Гэмпшир.

Это случилось за несколько месяцев до тех драматических событий, о которых я собираюсь вам рассказать.

* * *

Пока летом 2008 года не разразился скандал, всколыхнувший всю Америку, про Аврору вообще никто не слышал. Это городок на берегу океана, в пятнадцати минутах езды от границы Массачусетса. На главной улице находится кинотеатр — репертуар которого перманентно отстаёт от остальной страны, — несколько магазинов, почта, полицейский участок и горстка ресторанов, в частности «Кларкс», историческая городская забегаловка, *diner*. Кругом — мирные кварталы дощатых крашенных домов с приветливыми полотняными маркизами, шиферными крышами и садиками с безупречно ухоженными газонами. Это Америка в Америке, где никто не запирает дверь на ключ; одно из тех местечек, что существуют только в Новой Англии, настолько спокойное, словно все беды обходят его стороной.

Я хорошо знал Аврору, потому что часто приезжал навестить Гарри, пока был его студентом. Он жил за городом, возле федерального шоссе номер 1, на выезде в сторону Мэна, в роскошном доме из камня и сосны, на берегу залива, обозначенного на картах как Гусиная бухта. То был настоящий дом писателя, высящийся над океаном, с террасой для погожих дней, откуда лестница вела прямо на пляж. Вокруг царил покой дикой природы: прибрежный лесок, груды валунов и гигантских камней, влажные заросли папоротника и мхов, несколько прогулочных тропинок вдоль песчаного берега. Если забыть, что находишься всего в нескольких милях от цивилизации, временами можно почувствовать себя на краю света. И легко было представить себе, как старый писатель, сидя на террасе, создает свои шедевры, черпая вдохновение в приливах и закатах.

10 февраля 2008 года я покинул Нью-Йорк на пике кризиса чистого листа. Страна уже бурлила в преддверии президентских выборов: несколькими днями раньше, в «Супервторник» (который в виде исключения пришёлся на февраль, а не на март, что предвещало необычный год), мандат от республиканцев получил сенатор Маккейн, тогда как у демократов ещё продолжались ожесточённые бои между Хилари Клинтон и Бараком Обамой. Я домчался на машине до Авроры без единой остановки. Зима была снежная, и в проносившихся за окном пейзажах преобладал белый цвет. Я любил Нью-Гэмпшир: любил его

спокойствие, его бескрайние леса, его заросшие кувшинками пруды, где летом можно купаться, а зимой кататься на коньках, любил думать о том, что здесь не платят ни подоходного налога, ни налога с продаж. Я считал его либертарианским штатом, а его девиз «Жить свободным или умереть», выбитый на номерах машин, обгонявших меня на шоссе, прекрасно выражал то могучее чувство свободы, какое охватывало меня в каждый мой приезд в Аврору. Помню, впрочем, что в тот холодный, туманный вечер, приехав к Гарри, я сразу ощутил внутренний покой. Он ждал меня на крыльце, укутанный в огромную зимнюю куртку. Я вышел из машины, он пошел навстречу, положил руки мне на плечи и улыбнулся широкой ободряющей улыбкой:

— Что с вами, Маркус?

— Не знаю, Гарри...

— Ну ладно, ладно. Вы всегда были слишком впечатлительным юношей.

Прежде чем я разложил свои вещи, мы посидели в гостиной и поговорили. Он сварил кофе. В очаге потрескивал огонь; в доме было тепло и уютно, а снаружи, за огромным панорамным окном, ледяной ветер трепал океан и мокрый снег падал на скалы.

— Я и забыл, до чего здесь красиво, — прошептал я.

Он кивнул:

— Вот увидите, мой милый Маркус, я вами займусь. Вы нам снесете не роман, а бомбу! Не переживайте, все хорошие писатели проходят через подобные трудности.

Он выглядел все таким же безмятежным и уверенным, каким я его знал всегда. Казалось, этот человек не ведал сомнений: харизматичный, знающий себе цену, он одним своим присутствием естественно подчинял себе окружающих. Ему шел шестьдесят седьмой год, он был статен, с безупречно пышной седой шевелюрой, широкими плечами и мощным торсом — свидетельством длительных занятий боксом. Он был боксер; именно на почве этого вида спорта, которым я сам усердно занимался, между нами и зародилась симпатия в Университете Берроуза.

С Гарри меня связывали очень глубокие связи, о которых я расскажу чуть ниже. Он вошел в мою жизнь в 1998 году, когда я поступил в Университет Берроуза, в Массачусетсе. В то время ему было пятьдесят семь, и он уже лет пятнадцать благоденствовал на кафедре литературы этого скромного провинциального университета с его мирной атмосферой и симпатичными, вежливыми студентами. Прежде я, как и все, знал по имени Гарри-Квеберта-Великого-Писателя; в Берроузе я встретил Просто-

Гарри, того, кто, несмотря на разницу в возрасте, вскоре станет одним из ближайших моих друзей и научит меня, как стать писателем. Сам он получил признание в середине 70-х, когда вторая его книга, «Истоки зла», распроданная тиражом пятнадцать миллионов экземпляров, принесла ему *National Literary Award* и *National Book Award*, две самые престижные литературные премии страны. С тех пор он регулярно печатался и вел весьма популярную ежемесячную колонку в *Boston Globe*. То был один из великих представителей американской интеллигенции; он выступал с многочисленными лекциями, его часто звали на главные культурные мероприятия, к его мнению по политическим вопросам прислушивались. Его очень уважали, он был гордостью страны, тем лучшим, что могла породить Америка. Приехав к нему на несколько недель, я надеялся, что он сумеет вновь превратить меня в писателя, научит, как преодолеть пропасть чистого листа. Приходилось, однако, признать, что Гарри хотя и считал мое положение безусловно затруднительным, но отнюдь не видел в нем ничего ненормального. «У всех писателей иногда случаются осечки, это часть профессиональных рисков, — объяснил он. — Принимайтесь за работу, все само рассосется, вот увидите». Он устроил меня в своем кабинете на первом этаже, том самом, где написал все свои книги, в том числе «Истоки зла». Я сидел там часами, тоже пытался писать, но в основном смотрел как замороженный на океан и снег за окном. Он приносил мне кофе или чего-нибудь поесть и, глядя на мою унылую физиономию, пытался поднять мне настроение. Наконец однажды утром он сказал:

— Не сидите с таким видом, Маркус, можно подумать, вы умираете.

— Вроде того...

— Знаете, волнуйтесь из-за судеб мира, из-за войны в Ираке, но уж не из-за каких-то несчастных книжек... Вам еще рановато. Честное слово, вы меня огорчаете: развели канитель, а всего-то не можете собраться и написать три строчки. Взгляните на вещи здраво: вы написали потрясающую книгу, стали богатым и знаменитым, а вторая книга слегка застряла у вас в голове. Ничего странного или тревожного в этой ситуации нет...

— А вы?.. У вас никогда не бывало такой проблемы?

Он звонко расхохотался.

— Страх чистого листа? Вы шутите? Мой бедный друг, бывало, и куда чаще, чем вы можете себе представить!

— Мой издатель говорит, что если я сейчас не напишу новую книгу, мне конец.

— А вы знаете, кто такой издатель? Писатель-неудачник с богатеньким

папашей, на чьи деньги он может присваивать себе чужие таланты. Вот увидите, Маркус, все очень скоро образуется. Перед вами чертовски завидная карьера. Первая ваша книга была замечательная, а вторая будет еще лучше. Не берите в голову, я помогу вам снова обрести вдохновение.

Не могу сказать, что поездка в Аврору вернула мне вдохновение, но она, безусловно, пошла мне на пользу. И Гарри тоже: он жил холостяком, без особых развлечений, и, я это знал, нередко чувствовал себя одиноким. То были счастливые дни. Кстати, последние наши счастливые дни, проведенные вместе. Мы подолгу бродили вдоль океана, слушали великую оперную классику, бегали на лыжах, вкушали от местных культурных радостей и совершали вылазки в окрестные супермаркеты в поисках маленьких коктейльных сосисок, доход от которых шел в пользу ветеранов американской армии. Гарри их обожал и считал, что они сами по себе — достаточное оправдание военного вторжения в Ирак. Еще мы часто ходили обедать в «Кларкс», вечерами напролет пили там кофе и рассуждали о жизни, как во времена, когда я был его студентом. В Авроре все знали и уважали Гарри, а с недавнего времени знали и меня тоже. Ближе всего я сошелся с хозяйкой «Кларкса» Дженни Доун и с Эрни Пинкасом, местным библиотекарем-волонтером, добрым приятелем Гарри, иногда заезжавшим под вечер в Гусиную бухту выпить виски. Сам я каждое утро ходил в библиотеку читать *New York Times*. В первый же день я заметил, что Эрни Пинкас выставил на рекламной стойке экземпляр моей книги, причем на самом видном месте. Он гордо указал на него со словами:

— Видишь, Маркус, твоя книжка на первом месте. Самая спрашиваемая книга, уже год. Когда следующая?

— Честно говоря, мне трудновато ее начать. Потому-то я и здесь.

— Не волнуйся. Уверен, ты найдешь гениальную идею. Что-нибудь захватывающее.

— Например?

— Откуда я знаю, это ты писатель. Но надо найти тему, которая бы увлекла толпы.

Последние тридцать лет Гарри всегда сидел в «Кларксе» за одним и тем же столиком, номер 17; Дженни привинтила к нему металлическую табличку с надписью:

За этим столиком летом 1975 года

писатель Гарри Квеберт сочинил

Я знал эту табличку всегда, но никогда толком не обращал на нее внимания. И только в этот приезд стал проявлять к ней пристальный интерес, подолгу рассматривать ее. Вскоре эти слова, выгравированные на металле, превратились для меня в наваждение: сидя за этим жалким деревянным столом, липким от грязи и кленового сиропа, в этой забегаловке в маленьком городишке в Нью-Гэмпшире, Гарри написал свой колоссальный шедевр, превративший его в легенду литературы. Откуда к нему пришло вдохновение подобной силы? Мне тоже хотелось усесться за этот стол и писать и пережить приступ гениальности. Впрочем, я просидел за ним два вечера кряду, с бумагой и ручками, но безрезультатно. В конце концов я спросил у Дженни:

— И что, он садился за этот стол и писал?

Она кивнула:

— Целый день, Маркус. Целый день, как отдать. Без остановки. Я прекрасно помню, это было летом 1975-го.

— А сколько лет ему было в 1975-м?

— Как тебе. Около тридцати. Может, на пару лет побольше.

Я чувствовал, как во мне закипает что-то вроде ярости: я тоже хотел создать шедевр, я тоже хотел написать книгу, которая станет образцом для всех. Гарри это понял, когда почти через месяц моего пребывания в Авроре обнаружил, что я по-прежнему не написал ни строчки. Случилось это в начале марта в кабинете его дома в Гусиной бухте, где я ожидал Божественного Откровения и куда он, опоясанный женским фартуком, принес мне свежееиспеченные оладьи.

— Двигается? — спросил он.

— Пишу нечто сногсшибательное, — ответил я, протянув ему пачку бумаги, которую три месяца назад передал мне носильщик-кубинец.

Поставив поднос, он жадно всмотрелся в них — и понял, что это всего лишь чистые листы.

— Вы ничего не написали? За три недели, что вы здесь живете, вы ничего не написали?

Я взорвался:

— Да, ничего! Ничего! Ничего стоящего! Одни идеи для скверного романа!

— Бог ты мой, Маркус, а что же вы хотите написать, разве не роман?

Я не думал ни секунды:

— Шедевр! Я хочу написать шедевр!

— Шедевр?

— Да. Я хочу написать великий роман, с великими идеями! Я хочу написать книгу, которая оставит след в умах.

Гарри с минуту смотрел на меня, а потом расхохотался:

— Маркус, ваше запредельное тщеславие мне осточертело. Вы будете очень большим писателем, я это знаю, я в этом уверен с тех пор, как познакомился с вами. Но, если хотите знать, ваша проблема в том, что вы слишком спешите! Вам лет сколько?

— Тридцать.

— Тридцать лет, а вы уже хотите быть Солом Беллоу и Артуром Миллером в одном флаконе? Слава придет, не торопитесь. Мне вот шестьдесят семь, и я в ужасе: время, знаете ли, летит быстро, и с каждым прошедшим годом их остается все меньше, и ни одного не вернешь. Вы что думаете, Маркус? Что возьмете и родите вторую книжку просто так? Карьера строится постепенно, старина. А чтобы написать великий роман, великих идей не нужно: просто будьте самим собой, и все у вас получится, тут я спокоен. Я двадцать пять лет преподаю литературу, целых двадцать пять лет, и человека более талантливого до сих пор не встречал.

— Спасибо.

— Не стоит благодарности, это чистая правда. Только нечего тут лить крокодиловы слезы, что вы еще до сих пор не нобелевский лауреат, черт возьми... Тридцать лет... Фу-ты ну-ты, и тоже туда же, великие романы... Нобелевской премии по кретинизму — вот чего вы заслуживаете.

— Но как у вас получилось, Гарри? Ваша книга 1976 года, «Истоки зла», — это же шедевр! А это была всего лишь вторая ваша книга... Что вы такое сделали? Как пишут шедевры?

Он грустно улыбнулся:

— Маркус, шедевры не пишутся. Они существуют сами по себе. И потом, знаете, для многих я так в итоге и остался автором одной-единственной книги... В смысле, что ни одна из следующих не имела такого же успеха. Когда говорят обо мне, сразу вспоминают «Истоки зла», и почти всегда только их. А это грустно; думаю, если бы мне в тридцать лет сказали, что я достиг вершины своей карьеры, я бы точно утопился в океане. Не надо слишком спешить.

— Вы сожалеете об этой книге?

— Может быть... Немного... Не знаю... Не люблю сожалений: они означают, что мы не принимаем себя такими, какими мы были.

— Ну а мне что теперь делать?

— То, что у вас всегда выходило лучше всего — писать. И если позволите, Маркус, я дам вам совет: не делайте, как я. Знаете, мы с вами невероятно похожи, так вот заклинаю вас: не повторяйте моих ошибок.

— Каких ошибок?

— Я тоже, когда приехал сюда летом семьдесят пятого, непременно хотел написать великий роман, я был одержим этой идеей и желанием стать великим писателем.

— И вы им стали...

— Вы не понимаете; конечно, сегодня я, как вы говорите, *великий писатель*, но в этом громадном доме я живу один. Моя жизнь пуста, Маркус. Не делайте, как я... Не давайте тщеславию вас пожрать. Иначе ваше сердце будет одиноким, а перо печальным. Почему у вас нет подружки?

— У меня нет подружки, потому что мне никто не нравится по-настоящему.

— А по-моему, дело в том, что вы и трахаетесь, как пишете: либо восторг и экстаз, либо ничего. Найдите себе кого-нибудь достойного и дайте ей шанс. И с книгой так же: дайте шанс себе самому. Дайте шанс своей жизни! Знаете, какое мое главное занятие? Кормить чаек. Видели, у меня на кухне стоит железная коробка с надписью «На память о Рокленде, Мэн»? Я туда складываю засохший хлеб и кидаю его чайкам. Вы не должны все время писать...

Несмотря на советы, которыми пытался меня снабдить Гарри, я был весь поглощен мыслью о том, каким образом он в моем возрасте пережил ту вспышку, то гениальное озарение, что позволило ему написать «Истоки зла». Вопрос этот неотступно преследовал меня, а поскольку Гарри отдал мне свой кабинет, я позволил себе слегка там порыться. Мне и в голову не могло прийти, что я найду. Все началось с того, что в поисках ручки я открыл один из ящиков стола и обнаружил тетрадь и несколько отдельных листков с записями — черновики Гарри. Я пришел в необычайное возбуждение: мне неожиданно представлялся случай понять, как Гарри работал, много ли зачеркиваний было в его тетрадях, или его гений изливался сам собой. Не довольствуясь находкой, я стал обшаривать его библиотеку в поисках других тетрадей. Для полной свободы действий приходилось дожидаться, чтобы Гарри отлучился из дому; между тем по четвергам он преподавал в Берроузе, уезжал рано утром и возвращался обычно совсем поздно. Вот так под вечер четверга 6 марта 2008 года и произошло событие, которое я решил немедленно забыть: я обнаружил, что Гарри в возрасте тридцати четырех лет состоял в любовной связи с

пятнадцатилетней девочкой. Дело было в 1975 году.

Я проник в его тайну, исступленно и бесцеремонно роясь на полках в его кабинете; за книгами мне попалась большая деревянная лакированная шкатулка с крышкой на шарнирах. Предвкушая крупную добычу, быть может рукопись «Истоков зла», я схватил шкатулку, но, к великому моему смятению, внутри оказалась не рукопись, а всего лишь несколько фотографий и вырезок из газет. На фото был запечатлен Гарри в молодости, в расцвете своих тридцати лет, изящный, гордый, а рядом с ним — юная девушка. Там было четыре или пять снимков, она присутствовала на всех. На одном из фото Гарри на пляже, с обнаженным торсом, загорелый, мускулистый, прижимал к себе улыбающуюся девушку, с солнечными очками в длинных светлых волосах, а она целовала его в щеку. На обороте значилось: «Мы с Нолой, Мартас-Винъярд, конец июля 1975 года». С головой уйдя в свое открытие, я не заметил, что Гарри гораздо раньше обычного вернулся из университета; не услышал ни скрипа покрышек его «шевроле-корвета» на гравийной дорожке Гусиной бухты, ни его голоса, когда он вошел в дом. Я ничего не слышал, потому что нашел в шкатулке, под фотографиями, письмо без даты. На красивом листочке детским почерком было написано:

Не волнуйтесь, Гарри, не волнуйтесь из-за меня, я найду способ приехать туда к Вам. Ждите меня в номере 8, мне нравится эта цифра, она моя любимая. Ждите меня в этом номере в семь вечера. Потом мы уедем отсюда навсегда.

Я Вас так люблю.

Нежно-нежно.

Нола.

Кто же такая была эта Нола? С бьющимся сердцем я стал просматривать газетные вырезки: во всех статьях говорилось о загадочном исчезновении некоей Нолы Келлерган, имевшем место августовским вечером 1975 года; Нола с газетных снимков была та же, что на фото Гарри. Именно в эту минуту Гарри толкнул ногой дверь и вошел в кабинет, неся поднос с кофейными чашками и тарелкой печенья; обнаружив, что я сижу на ковре, а передо мной рассыпано содержимое его тайной шкатулки, он выронил поднос из рук.

— Но... что это вы делаете? — вскричал он. — Вы... Маркус, вы шарите у меня в кабинете? Я вас приглашаю к себе, а вы роетесь в моих

вещах? И это называется друг?

Я проямлил какие-то невнятные объяснения:

— Я не нарочно, Гарри. Я ее случайно нашел, эту шкатулку. Я не должен был ее открывать... Мне так неловко...

— Да уж, не должны были, это точно! По какому праву! По какому праву, черт вас раздери?

Он выхватил фотографии у меня из рук, торопливо собрал все статьи и, засунув все вперемешку обратно в шкатулку, унес ее в свою комнату и заперся на ключ. Я никогда не видел его в таком состоянии, непонятно было, что это — паника или ярость. Стоя под дверью, я рассыпался в извинениях, говорил, что не хотел его задеть, что нашел шкатулку случайно, но ничто не помогало. Он вышел лишь через два часа и, спустившись напрямик в гостиную, налил себе подряд несколько стаканов виски. Когда мне показалось, что он немного успокоился, я присоединился к нему.

— Гарри... Кто эта девушка? — тихо спросил я.

Он опустил глаза:

— Нола.

— Кто такая Нола?

— Не спрашивайте, кто такая Нола. Пожалуйста.

— Гарри, кто такая Нола? — повторил я.

Он опустил голову:

— Я любил ее, Маркус. Я так ее любил.

— Почему вы мне никогда о ней не рассказывали?

— Это сложно...

— Для друзей нет ничего сложного.

Гарри пожал плечами:

— Раз уж вы нашли эти фото, я вам скажу, так и быть... В 1975-м, приехав в Аврору, я влюбился в эту девушку; ей было всего пятнадцать. Ее звали Нола, и она стала женщиной моей жизни.

Мы немного помолчали, а потом я с замиранием сердца спросил:

— Что случилось с Нолой?

— Скверная история, Маркус. Она пропала. Однажды вечером, в конце августа семьдесят пятого, она исчезла; до этого местная жительница видела ее всю в крови. Вы же открыли шкатулку, вы наверняка видели все эти статьи. Ее так и не нашли, никто не знает, что с ней случилось.

— Какой ужас, — вздохнул я.

Он надолго повесил голову.

— Знаете, — наконец сказал он, — Нола изменила всю мою жизнь. И

мне было бы совершенно наплевать, стану ли я великим Гарри Квебертом, гениальным писателем. Мне было бы совершенно наплевать на славу, на деньги, на мою великую судьбу, если бы я смог сохранить Нолу. Ничто из того, что я совершил после, не наполнило мою жизнь таким смыслом, как лето, проведенное с ней.

За все время нашего знакомства я впервые видел Гарри в подобном волнении. Он с минуту смотрел на меня, потом добавил:

— Маркус, об этой истории не знала ни одна живая душа. Теперь знаете вы, первый. И вы должны хранить тайну.

— Конечно.

— Обещайте мне!

— Обещаю, Гарри. Это будет наша тайна.

— Если кто-нибудь в Авроре узнает, что у меня был роман с Нолой Келлерган, это может меня погубить...

— Можете положиться на меня, Гарри.

Вот и все, что я узнал о Ноле Келлерган. Мы ни разу больше не заговаривали ни о ней, ни о шкатулке, и я решил навсегда похоронить этот эпизод в недрах своей памяти, нимало не подозревая, что через несколько месяцев силой обстоятельств призрак Нолы вновь возникнет в нашей жизни.

Я вернулся в Нью-Йорк в конце марта; полтора месяца, проведенных в Авроре, так и не сумели дать начало моему будущему великому роману. До срока, поставленного Барнаски, оставалось три месяца, и я знал, что спасти карьеру мне не удастся. Я покрыл себя позором, моя звезда закатилась, я был самым несчастным и самым бесплодным из ведущих нью-йоркских писателей. Недели шли за неделями; большую часть времени я усердно готовился к моменту краха. Нашел новое место Денизе, связался с адвокатами, которые могли быть мне полезны на случай, если издательство решит потащить меня в суд, и составил список самых дорогих мне предметов, чтобы спрятать их у родителей, прежде чем в мою дверь постучат судебные исполнители. С началом рокового месяца июня, месяца моей казни, я принялся считать дни, оставшиеся до моей литературной смерти: вот еще тридцать деньков, а потом вызов в кабинет Барнаски — и расправа. Обратный отсчет начался. Мне и в голову не приходило, что одно драматическое событие вскоре изменит весь расклад.

30. Великолепный

— Вторая глава очень важна, Маркус. Она должна быть резкой, ударной.

— Как что, Гарри?

— Как в боксе. Вы правша, но в боевой стойке левый кулак у вас всегда впереди: первым прямым ударом вы оглушаете противника, а затем мощным ударом правой укладываете его на месте. Вот такая и должна быть ваша вторая глава: прямой удар в челюсть читателю.

Это случилось 12 июня 2008 года. Все утро я сидел дома, читал в гостиной. На улице было жарко, но сыро: уже третий день в Нью-Йорке моросил противный теплый дождик. Около часа дня зазвонил телефон. Я снял трубку, но сперва мне показалось, что на проводе никого нет. Потом до меня донеслись сдавленные рыдания.

— Алло! Алло! Кто это? — спросил я.

— Она... она умерла.

Голос был едва слышен, но я узнал его сразу.

— Гарри? Гарри, это вы?

— Она умерла, Маркус.

— Умерла? Кто умерла?

— Нола.

— Что? То есть как?

— Она умерла, и все из-за меня. Маркус... Что я наделал... Боже, что я наделал?!

Он плакал.

— Гарри, о чем вы? Что вы хотите сказать?

Короткие гудки. Я сразу перезвонил ему домой — никто не отвечал. На мобильный — безуспешно. Я звонил снова и снова, оставил несколько сообщений на автоответчике. Ничего. Я очень беспокоился. В тот момент я еще не знал, что Гарри звонил из Главного управления полиции штата, из Конкорда. Я не понимал, что происходит, пока около четырех мне не позвонил Дуглас.

— Твою мать, Марк, ты в курсе? — не своим голосом заорал он.

— В курсе чего?

— Да включи ты телевизор, блин! Тут про Гарри Квеберта! Это

Квеберт!

— Квеберт? Что Квеберт?

— Черт, включай телевизор!

Я немедленно переключился на новостной канал. И в полном изумлении увидел на экране изображение дома в Гусиной бухте и услышал пояснения диктора:

Здесь, в своем доме в Авроре, штат Нью-Гэмпшир, сегодня был задержан писатель Гарри Квеберт, во владениях которого полиция обнаружила человеческие останки. По предварительным данным, речь может идти о теле Нолы Келлерган, местной девушки, ушедшей из дому в августе 1975 года, в возрасте пятнадцати лет; о дальнейшей ее судьбе до сих пор ничего не было известно...

Все закружилось вокруг меня; в полном одурении я рухнул на тахту, не слыша ничего, ни телевизора, ни Дугласа, вопившего в трубку: «Маркус? Ты здесь? Алло! Он убил девчонку? Он убил девчонку?» У меня в голове все смешалось, как в дурном сне.

Так, вместе со всей потрясенной Америкой, я узнал, что произошло несколькими часами раньше. Ранним утром по вызову Гарри в Гусиную бухту приехала некая фирма по озеленению, чтобы устроить возле дома цветники с гортензиями. Перекапывая землю, садовники нашли на метровой глубине человеческие кости и немедленно известили полицию. Вскоре на свет был извлечен скелет целиком, и Гарри арестовали.

На телевидении все развивалось очень быстро. Прямые включения из Авроры, с места преступления, чередовались с кадрами из Конкорда, столицы Нью-Гэмпшира, расположенной в шестидесяти милях к северо-востоку: здесь, в камере предварительного заключения уголовной полиции штата, теперь содержался Гарри. Примчавшиеся на место бригады журналистов уже пристально следили за ходом расследования. Судя по всему, вместе с телом была обнаружена улика, позволяющая всерьез предполагать, что речь идет об останках Нолы Келлерган. Ответственный полицейский чин уже успел заявить, что если информация подтвердится, на Гарри Квеберта падет подозрение в убийстве некоей Деборы Купер, последнего человека, видевшего Нолу 30 августа 1975 года; в тот же день после звонка в полицию она была найдена мертвой. От всего этого голова шла кругом. Слух разбухал, разрастался по экспоненте; благодаря телевидению, радио, интернету, социальным сетям информация в реальном

времени разлеталась по всей стране: Гарри Квеберт, шестидесяти семи лет, один из величайших писателей второй половины века, оказался гнусным убийцей маленькой девочки.

Я долго не мог осознать, что происходит, наверно, несколько часов. В восемь вечера, когда встревоженный Дуглас заявился ко мне домой убедиться, что со мной все в порядке, я по-прежнему не сомневался, что это какая-то ошибка.

— Да как же они могут обвинять его в двойном убийстве, если даже не доказано, что тело действительно этой самой Нолы!

— Так или иначе, у него в саду был закопан труп.

— Тогда почему он велел копать в том самом месте, где якобы зарыл тело? Это же бессмыслица! Я должен туда поехать.

— Куда туда?

— В Нью-Гэмпшир. Я должен поехать и защитить Гарри.

Ответ Дугласа был исполнен того весьма прозаического здравого смысла, какой отличает уроженцев Среднего Запада:

— Даже не думай, Марк. Нечего тебе туда ездить. Не лезь в это говно.

— Гарри мне звонил...

— Когда? Сегодня?

— Около часу дня. По-моему, он воспользовался правом на один звонок. Я должен поехать и поддержать его! Это очень важно.

— Важно? Важно — это твоя вторая книжка. Надеюсь, ты не навешал мне лапши на уши и к концу месяца у тебя в самом деле будет рукопись. Барнаски уже готов с тобой порвать. Ты вообще понимаешь, что теперь будет с Гарри? Не лезь в это говно, Марк, ты слишком молод! Не гробь свою карьеру.

Я не ответил. По телевизору помощник прокурора штата давал пресс-конференцию целой толпе журналистов. Он перечислил предъявленные Гарри обвинения: умышленное похищение и двойное умышленное убийство. Гарри официально обвинили в смерти Деборы Купер и Нолы Келлерган. По совокупности преступлений за похищение и оба убийства ему грозила смертная казнь.

Но это было лишь начало падения Гарри. На следующий день всю страну облетели кадры предварительных слушаний по его делу. Все видели, как под прицелом десятков телекамер и в слепящем шквале фотовспышек двое полицейских ввели его, в наручниках, в зал суда. Выглядел он изможденным: мрачный, небритый, всклокоченный, с опухшими глазами и в расстегнутой рубашке. Рядом с ним был Бенджамин

Рот, его адвокат. Рота, известного в Конкорде юриста, в прошлом часто консультировавшего Гарри, я немного знал, поскольку несколько раз пересекался с ним в Гусиной бухте.

Благодаря волшебству телевидения вся Америка в прямом эфире следила за этими слушаниями. Гарри утверждал, что не виновен в преступлениях, в которых его обвиняют; судья вынес решение о его предварительном заключении под стражу в мужскую тюрьму штата Нью-Гэмпшир. Но настоящая буря еще не грянула: в тот момент я по простоте душевной еще надеялся на скорое окончание дела, однако через час после окончания слушаний мне позвонил Бенджамин Рот.

— Ваш номер мне дал Гарри, — сказал он. — Он очень просил вам позвонить, он хочет сказать, что невиновен и никого не убивал.

— Я знаю, что он невиновен! — ответил я. — Я в этом не сомневаюсь. Как он?

— Плохо, как вы можете догадаться. Копы на него надавили, он признался, что у него был роман с Нолой тем летом, когда она пропала.

— Про Нолу я был в курсе. Но все остальное?

Рот замялся:

— Он все отрицает. Но...

Он замолчал.

— Но что? — встревожился я.

— Маркус, не скрою, будет трудно. У них туз.

— Что вы хотите сказать, какой такой *туз*? Говорите же, черт возьми!

Я должен знать!

— Это должно остаться между нами. Никто не должен знать.

— Я никому не скажу. Вы можете мне верить.

— Вместе с останками девчонки следователи обнаружили рукопись «Истоков зла».

— Что?

— Что слышали: рукопись этой гребаной книжки была похоронена вместе с ней. Гарри вляпался по уши.

— Он это как-то объяснил?

— Да. Он говорит, что написал эту книгу для нее. Что она вечно рылась в его вещах и иногда брала отдельные листы почитать. Говорит, что за несколько дней до исчезновения унесла всю рукопись.

— Что? — вскричал я. — Он написал эту книжку для нее?

— Да. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы это просочилось. Сами понимаете, какой выйдет скандал, если СМИ узнают, что одна из самых продаваемых книг в Америке за последние полвека — не просто

рассказ об истории любви, как все думали, а плод подпольной любовной связи тридцатичетырехлетнего мужика и пятнадцатилетней девочки...

— Как вы думаете, его нельзя выпустить под поручительство?

— Под поручительство? Вы не поняли, насколько все серьезно, Маркус: когда за преступление полагается смертная казнь, под поручительство не выпускают. Гарри грозит смертельный укол. Дней через десять он предстанет перед Большим жюри, которое примет решение о привлечении к ответственности и о рассмотрении дела в суде. Обычно это простая формальность, процесс, безусловно, будет. Через полгода, может, через год.

— А до тех пор?

— Он должен сидеть в тюрьме.

— Но если он невиновен?

— Таков закон. Повторяю: положение очень серьезное. Его обвиняют в убийстве двух человек.

Я рухнул на тахту. Мне надо было поговорить с Гарри.

— Скажите ему, чтобы он мне позвонил! — воззвал я к Роту. — Это очень важно!

— Я оставлю ему сообщение...

— Скажите, что мне обязательно надо с ним поговорить и что я жду его звонка!

Повесив трубку, я тут же достал с книжной полки «Истоки зла» с дарственной надписью учителя на титульном листе:

Маркус у, самому блестящему моему ученику, с самыми дружескими чувствами.

Г. Л. Квеберт, май 1999 г.

Я вновь погрузился в чтение книги, которую не открывал уже много лет. Это был роман о любви, повествование в нем чередовалось с эпистолярными фрагментами; история мужчины и женщины, которые любят друг друга, но не имеют права друг друга любить. Значит, он написал ее для этой загадочной девушки, о которой я пока ничего не знал. Глубокой ночью, дочитав книгу до конца, я надолго задумался о ее названии. И в первый раз спросил себя, что оно значит: почему «Истоки зла»? Какое зло имел в виду Гарри?

Прошло три дня; результаты анализа ДНК и слепок зубов подтвердили: скелет, найденный в Гусиной бухте, действительно принадлежит Ноле Келлерган. Изучение останков позволило установить, что речь идет о ребенке приблизительно пятнадцати лет; таким образом, смерть Нолы примерно совпадала с моментом ее исчезновения. А главное, трещина в затылочной кости позволяла даже по прошествии более чем тридцати лет с уверенностью утверждать, что жертва умерла как минимум от одного нанесенного ей удара: Нола Келлерган была забита до смерти.

Никаких вестей от Гарри не было. Я пытался связаться с ним через полицию штата, через тюрьму и снова через Рота, но безуспешно. Я ходил кругами по квартире, меня терзали тысячи вопросов, мне не давал покоя его загадочный звонок. В воскресенье вечером я не выдержал: мне ничего не оставалось, как поехать в Нью-Гэмпшир и посмотреть, что там происходит.

Ранним утром в понедельник, 16 июня 2008 года, я запихнул чемоданы в багажник своего «рейнджровера» и выехал из Манхэттена по Франклин-Рузвельт-драйв, идущей вдоль Ист-Ривер. Мимо меня проплывал Нью-Йорк — Бронкс, Гарлем; наконец я свернул на шоссе I-95 и поехал на север. И только когда забрался достаточно далеко в глубь штата Нью-Йорк, чтобы уже никто не смог убедить меня отступить и благоразумно вернуться домой, предупредил родителей, что еду в Нью-Гэмпшир. Мать заявила, что я сошел с ума:

— Что ты творишь, Марки? Ты собрался защищать этого варвара и преступника?

— Он не преступник, мама. Он мой друг.

— Хорошенькое дело, твои друзья — преступники! Папа тут рядом, он говорит, что ты убегаешь из Нью-Йорка из-за книжных дел.

— Я не убегаю.

— Значит, ты убегаешь из-за женщины?

— Я же сказал: я не убегаю. У меня сейчас нет подружки.

— Когда наконец у тебя будет подружка? Я все думаю об этой Наталье, которую ты к нам приводил в прошлом году. Очень симпатичная *шикса*. Почему бы тебе ей не позвонить?

— Ты ее терпеть не могла.

— А почему ты больше не пишешь книжек? Когда ты был великим писателем, тебя все любили.

— Я и сейчас писатель.

— Возвращайся домой. Я тебе сделаю отличных хот-догов и горячий яблочный пирог с шариком ванильного мороженого, чтобы ты его на нем растопил.

— Мама, мне тридцать лет, я сам себе могу наделать хот-догов, если захочу.

— Представляешь, твоему отцу больше нельзя хот-догов. Так доктор сказал. (Я услышал, как отец в глубине комнаты заныл, что иногда все-таки можно, а мать несколько раз повторила: «Все, с хот-догами и всей этой дрянью покончено. Доктор сказал, что ты все себе засорил!») Марки, дорогой! Папа говорит, тебе надо написать книгу о Квеберте. Тогда ты сможешь начать все заново. Раз все вокруг говорят про Квеберта, все будут говорить про твою книгу. Почему ты больше не приходишь к нам обедать, Марки? Ты так давно у нас не был. Ням-ням, славный яблочный пирог!

Я почти проехал Коннектикут, когда мне в голову пришла не лучшая мысль выключить на время *CD* с оперой и послушать новости по радио; оказалось, что из-за утечки информации в полиции СМИ узнали о рукописи «Истоков зла», найденной вместе с останками Нолы Келлерган, и о признании Гарри в том, что связь с ней стала для него источником вдохновения. За утро эта новая сенсация уже успела облететь всю страну. На АЗС сразу за Нью-Хейвеном я, залив полный бак, обнаружил, что заправщик прилип к экрану телевизора, где снова и снова повторяли это сообщение. Я уселся с ним рядом и попросил прибавить звук; взглянув на мое убитое лицо, он спросил:

— Вы чего, не в курсе? Все уж сколько часов только об этом и твердят. Вы-то где были? На Марсе?

— В машине.

— Ха, у вас что, радио нет?

— Я слушал оперу. Хотел развеяться.

Он с минуту разглядывал меня.

— Я вас вроде знаю, нет?

— Нет.

— А по-моему, знаю...

— У меня очень заурядное лицо.

— Нет, я вас точно где-то видел... Вы с телевидения, ага? Актер?

— Нет.

— А чем занимаетесь?

— Я писатель.

— Ах вот оно что! Тут в прошлом году ваша книжка продавалась. И

личность ваша на обложке была, прекрасно помню!

Он запетлял между стеллажами в поисках книги, которой там, естественно, больше не было. Наконец он откопал одну на складе и с торжествующим видом вернулся к стойке:

— Вот, это же вы! Глядите, ваша книга. И имя ваше написано, Маркус Гольдман.

— Пускай так.

— Ну? Что новенького, мистер Гольдман?

— Честно говоря, ничего особенного.

— А куда путь держите, позвольте спросить?

— В Нью-Гэмпшир.

— Шикарное местечко. Особенно летом. Вы туда зачем? На рыбалку?

— Да.

— А кого словить хотите? Там кое-где такие черные окуни водятся — охренеть.

— Да, похоже, словлю одну мороку. Я к другу, у него неприятности. Очень крупные неприятности.

— Э, да уж небось не такие крупные, как у Гарри Квеберта!

Он расхохотался, с жаром пожал мне руку — потому что «нечасто тут встретишь знаменитостей» — и угостил кофе на дорожку.

В общественном мнении царило смятение: мало того что наличие рукописи среди останков Нолы означало окончательный приговор Гарри; в первую очередь глубочайшую неловкость вызвало известие о том, что книга родилась из любовной связи с девочкой пятнадцати лет. И как теперь к этой книге относиться? Неужели вся Америка, возведя Гарри в разряд литературных звезд, оказала поддержку маньяку? В общей атмосфере скандала журналисты, со своей стороны, выдвигали разные гипотезы о том, что могло заставить Гарри убить Нолу Келлерган. Может, она угрожала разоблачить их связь? Или хотела порвать с ним и он потерял голову? Все эти вопросы помимо воли теснились в моем мозгу все время, пока я ехал в Нью-Гэмпшир. Я изо всех сил пытался отвлечься, выключал радио и пускал оперу, но любая мелодия наводила меня на мысли о Гарри, а едва я вспоминал Гарри, я вспоминал и девочку, тридцать лет пролежавшую под землей рядом с домом, где, как мне всегда казалось, я провел прекраснейшие годы своей жизни.

Пять часов спустя я наконец добрался до Гусиной бухты. Ехал я туда, не задумываясь, почему, собственно, туда, а не в Конкорд встретиться с Гарри и Ротом? На обочине шоссе 1 стояли в ряд фургоны спутникового телевидения, а у съезда на гравийную дорожку, ведущую к дому, толклись

журналисты, ожидая прямого включения на своих каналах. Не успел я свернуть, как все они ринулись к моей машине и окружили ее, перекрыв проезд, чтобы посмотреть, кто приехал. Один из них, узнав меня, завопил: «Э, да это тот писатель, это Маркус Гольдман!» Весь рой возбудился еще больше, в стекла машины влипли объективы телекамер и фотоаппаратов, репортеры, перекрикивая друг друга, засыпали меня ворохом вопросов: «Считаете ли вы, что Гарри Квеберт убил эту девушку?», «Знали ли вы, что он написал „Истоки зла“ для нее?», «Следует ли изъять эту книгу из продажи?». Я не желал делать никаких заявлений, не опускал стекол и не снимал темных очков. Местным полицейским, регулировавшим потоки журналистов и зевак, удалось расчистить мне путь, и я скрылся за кустами ежевики и огромными соснами, что обрамляли дорожку. Кто-то из журналистов кричал мне вслед: «Мистер Гольдман, зачем вы приехали в Аврору? Что вы делаете в доме Гарри Квеберта? Мистер Гольдман, почему вы здесь?»

Почему я здесь? Потому что это Гарри. Потому что он, наверное, мой лучший друг. Как ни странно — я сам осознал это только сейчас, — Гарри был самым моим дорогим другом. В школьные и университетские годы у меня не получалось заводить близких друзей из числа сверстников, друзей на всю жизнь. В моей жизни был один Гарри, и, удивительное дело, меня несколько не волновало, виновен он в том, в чем его обвиняют, или нет: ответ на этот вопрос никак не затрагивал тех глубоких дружеских чувств, какие я к нему питал. Странное ощущение: думаю, я предпочел бы ненавидеть его, плюнуть ему в лицо вместе со всей страной; так было бы проще. Но это дело существовало отдельно от моих чувств. В крайнем случае я попросту говорил себе: он человек, а у каждого человека есть свой демон. У всех есть свои демоны. Вопрос только в том, до каких пределов с ними можно мириться.

Я поставил машину на гравийной парковке, рядом с крыльцом. Его красный «корвет» был на месте, перед маленькой пристройкой, служившей гаражом, как всегда. Как будто хозяин дома и все хорошо. Я хотел войти в дом, но он оказался заперт. В первый раз на моей памяти эта дверь не открылась передо мной. Я обошел дом; мне не встретилось ни одного полицейского, но весь участок за домом был обнесен заградительными лентами. Я всмотрелся в обширное огороженное пространство, протянувшееся до самой опушки леса. Издалека угадывались очертания зияющего кратера, свидетельство усердных полицейских раскопок, а прямо рядом с ним засыхали всеми забытые гортензии.

Наверно, я проторчал так битый час, потому что вскоре сзади

послышался звук подъезжающей машины. Из Конкорда приехал Рот: увидел меня по телевидению и сразу примчался сюда. Первыми его словами было:

— Явились все-таки?

— Да. А почему такой вопрос?

— Гарри сказал, что вы приедете. Сказал, что вы чертовски упрямый осел и скоро явитесь сюда, будете совать нос в его дело.

— Гарри хорошо меня знает.

Рот порылся в кармане пиджака и извлек оттуда клочок бумаги:

— Это от него.

Я развернул листок. Это была записка.

Дорогой мой Маркус!

Если Вы читаете эти строки, значит, Вы приехали в Нью-Гэмпшир узнать, как дела у старого друга.

Вы храбрый малый; никогда в этом не сомневался. Клянусь, я не виновен в преступлениях, в которых меня обвиняют. Тем не менее, думаю, мне придется некоторое время просидеть в тюрьме, а у Вас есть чем заняться, кроме как мной. Займитесь своей карьерой, займитесь романом, который Вам надо к концу месяца сдать издателю. Ваша карьера для меня важнее. Не тратьте на меня время.

Ваш Гарри.

P. S. Если Вам вдруг все-таки захочется немножко пожить в Нью-Гэмпшире или время от времени наезжать сюда, то Вы знаете: Гусиная бухта Ваш дом. Можете жить здесь, сколько хотите. Прошу Вас только об одном одолжении: кормите чаек. Кладите хлеб на террасу. Кормите чаек, это важно.

— Поддержите его, — сказал Рот. — Вы нужны Квеберту.

Я кивнул.

— Как для него все складывается?

— Плохо. Видели новости? Про книжку всем все известно. Это катастрофа. Чем больше я узнаю, тем чаще задаюсь вопросом, как мне его защищать.

— Откуда утечка?

— По моим представлениям, прямо из кабинета прокурора. Они хотят

еще сильнее надавить на Гарри, облить его грязью в глазах общественного мнения. Им нужно чистосердечное признание, они знают, что в деле тридцатилетней давности признание — штука первостатейная.

— Когда я могу с ним встретиться?

— Уже завтра утром. Тюрьма штата находится на выезде из Конкорда.

Где вы остановитесь?

— Здесь, если можно.

Он поморщился:

— Сомневаюсь. Полиция обыскала дом. Это место преступления.

— Разве место преступления не там, где яма? — спросил я.

Рот обследовал входную дверь, потом быстро обошел дом и, улыбаясь, вернулся ко мне.

— Из вас бы вышел неплохой адвокат, Гольдман. Дом не опечатан.

— Значит, я имею право здесь поселиться?

— Значит, вам не запрещено здесь поселиться.

— Я, кажется, не совсем понял.

— В этом прелесть американского права, Гольдман: если закона нет, вы его сами придумываете. А если к вам посмеют прикопаться, идите в суд, он признает вашу правоту и вынесет решение имени вас: Гольдман против штата Нью-Гэмпшир. Знаете, почему в этой стране вам сразу после ареста обязаны зачитать ваши права? Потому что в шестидесятых годах некий Эрнесто Миранда был осужден за изнасилование на основании собственных показаний. Так вот его адвокат, представьте, решил, что это несправедливо, ибо милейший Миранда в школе не засиделся и не знал, что Билль о правах позволяет ему не свидетельствовать против себя. Этот самый адвокат поднял шум, обратился в верховный суд, и все такое — и, представьте себе, выиграл, козел! Признания недействительны, решение «Миранда против штата Аризона» увенчано лаврами, и теперь любой коп, засадивший вас за решетку, должен бубнить: «Вы имеете право хранить молчание, все, что вы скажете, может быть использовано против вас в суде, ваш адвокат может присутствовать при допросе, если вы не можете оплатить услуги адвоката, он будет предоставлен вам государством». Короче, всем этим дурацким ля-ля тополя, какое все время слышишь в кино, мы обязаны другу Эрнесто! Мораль: правосудие в Америке, Гольдман, — это коллективная работа, в ней может участвовать каждый. Так что забирайте себе это местечко, ничто вам не мешает, а если полиция обнаглеет и начнет цепляться, грозите судом, возмещением громадного ущерба и убытков. Они этого пугаются. Зато вот ключей от дома у меня нет.

Я достал из кармана связку:

— Гарри мне дал в свое время.

— Гольдман, да вы волшебник! Только заклинаю, не заходите за полицейские ограждения: у нас будут проблемы.

— Договорились. Кстати, Бенджамин, обыск дома что-нибудь дал?

— Ничего. Полиция ничего не нашла. Потому-то его и не опечатали.

Рот уехал, а я вошел в огромный пустой дом. Запер дверь изнутри и направился напрямик в кабинет, на поиски пресловутой шкатулки. Но ее там больше не было. Куда Гарри мог ее деть? Мне непременно хотелось ее добыть, я обшарил все книжные полки в кабинете и в гостиной, но тщетно. Тогда я решил тщательно осмотреть каждую комнату, поискать хоть какую-нибудь мелочь, которая помогла бы понять, что произошло здесь в 1975 году. Неужели в одной из этих комнат была убита Нола Келлерган?

В конце концов я нашел несколько альбомов с фотографиями, которые прежде никогда не видел или не замечал. Открыв наугад один из них, я обнаружил наши с Гарри снимки времен университета. В аудиториях, в зале для бокса, в университетском парке, в кафешке, где мы часто встречались. Там были даже фото с моего вручения диплома. В другом альбоме хранились вырезки из газет и журналов, посвященные мне и моей книге. Отдельные фрагменты были подчеркнуты или обведены красным карандашом; только теперь я понял, что Гарри всегда самым пристальным образом следил за моей жизнью и благоговейно хранил все свидетельства, имевшие ко мне хотя бы отдаленное отношение. Я нашел даже вырезку из газеты Монтклера полуторагодичной давности с описанием церемонии, устроенной в мою честь в Фелтоновской школе. Где он раздобыл эту статью? Я прекрасно помнил тот день. Незадолго до Рождества 2006 года продажи моего первого романа превысили миллион экземпляров, и директор школы, где я получил среднее образование, воодушевившись моим бурным успехом, решил воздать мне должное.

Помпезное чествование состоялось субботним вечером в актовом зале школы, куда собрали избранных учеников, выпускников и нескольких местных журналистов. Весь этот бомонд теснился на раскладных стульях перед огромным занавесом; после торжественной речи директора занавес упал, открыв большой стеклянный шкаф с надписью: «В честь Маркуса П. Гольдмана по прозвищу Великолепный, учившегося в этой школе в 1994–1998 гг.» За стеклом красовался экземпляр моего романа, мои старые табели с оценками, несколько фотографий, моя майка игрока в лакросс и майка команды бегунов.

Я перечитал статью с улыбкой. Мое пребывание в Фелтоне,

маленьком, очень спокойном учебном заведении в северной части Монкклера, настолько врезалось в память однокашникам и учителям, что они прозвали меня Великолепным. Но в тот декабрьский день 2006 года никто из аплодировавших витрине моей славы не знал, что признанной звездой Фелтона на четыре долгих прекрасных года я стал лишь благодаря череде сперва случайных, а затем умело подстроенных недоразумений.

Эпопея Великолепного началась одновременно с первым учебным годом: мне предстояло выбрать вид спорта, которым я стану заниматься. Я решил, что это будет либо футбол, либо баскетбол, но число мест в обеих командах было ограничено, а я, на свою беду, в день записи явился в нужный кабинет слишком поздно.

— Я уже закрылась, — заявила мне толстая дама, отвечавшая за регистрацию. — Приходите на следующий год.

— Мэм, пожалуйста, — взмолился я, — мне обязательно надо записаться на какой-нибудь вид спорта, а то меня выгонят.

— Фамилия? — вздохнула она.

— Гольдман. Маркус Гольдман.

— Какой вид?

— Футбол. Или баскет.

— Мест нет. Остались команды либо акробатического танца, либо лакросса.

Лакросс или акробатический танец. Хрен редьки не слаще. Я знал, что если попаду в танцевальную команду, надо мной будут смеяться, и выбрал лакросс. Но в Фелтоне уже лет двадцать не было хорошей команды по лакроссу, никто из учеников не хотел туда идти, и теперь она состояла из тех, кого выгнали отовсюду или кто опоздал на запись. Так я оказался в ущербной, никчемной и неумелой команде, которой, однако, предстояло покрыть меня славой. В надежде перейти со временем в футбол я решил добиваться спортивных достижений, чтобы меня заметили, и тренировался с таким невиданным усердием, что через две недели наш тренер усмотрел во мне звезду, которую ждал всегда. Меня немедленно сделали капитаном и без каких-либо особых усилий с моей стороны сочли лучшим игроком в лакросс за всю историю школы. Я легко побил рекорд по голам двадцатилетней давности — совершенно убогий — и за подобную доблесть попал на школьную Доску почета, чего еще ни разу не случалось с первогодком. Это, разумеется, впечатлило однокашников и привлекло ко мне внимание учителей. Из этого опыта я вынес одно: чтобы стать великолепным, достаточно пускать пыль в глаза другим; в конечном счете все дело в шоукарстве.

Я быстро втянулся в игру. Естественно, вопрос об уходе из команды по лакроссу для меня больше не стоял: отныне мной владела одна-единственная мысль — во что бы то ни стало быть лучшим, любой ценой обратить на себя внимание. Был, к примеру, общий конкурс личных научных проектов, в нем победила сверходаренная мелкая стерва по имени Салли, а я оказался на шестнадцатом месте. Во время вручения премии в актовом зале я ухитрился взять слово и сочинил историю о том, как все выходные напролет добровольно занимался с умственно отсталыми детьми, что сильно мешало моей работе над проектом; а в конце произнес со слезами на глазах: «Мне безразличны любые первые премии, если я могу принести крупицу счастья моим маленьким трисомным друзьям». Все были явно взволнованы; я сумел затмить Салли в глазах учителей, товарищей и самой Салли, у которой оказался братик с тяжелой инвалидностью (этого я не знал) и которая отказалась от премии, потребовав, чтобы ее вручили мне. После этого эпизода мое имя появилось на Доске почета — которую я, вполне сознавая свое самозванство, называл про себя «Доской бесчестья», — в рубриках «спорт», «наука» и «приз лучшему товарищу». Но остановиться я не мог, я был как одержимый. Неделю спустя я побил рекорд продажи билетов вещевой лотереи, купив их сам у себя на деньги, накопленные за два последних лета, когда убирал лужайки вокруг городского бассейна. Большого и не требовалось: вскоре вся школа стала говорить, что Маркус Гольдман — человек высшей пробы. В итоге ученики и учителя наградили меня прозвищем Великолепный, словно заводским клеймом, гарантией абсолютного успеха, а моя скромная слава прокатилась по всему нашему кварталу в Монтклере, преисполнив родителей невероятной гордости.

Заработанная таким сомнительным способом репутация побудила меня заняться благородным искусством бокса. Я всегда питал слабость к боксу и всегда был неплохим бойцом, но, тайно отправляясь на тренировки в один бруклинский клуб, в часе езды на поезде, где меня никто не знал, где не существовало Великолепного, я искал другого: права быть уязвимым, права уступить победу более сильному, права потерять лицо. Это был единственный способ сбежать подальше от созданного мною пугала совершенства — в зале для бокса Великолепный мог потерпеть поражение, мог быть плохим. Здесь мог существовать Маркус. Ибо мало-помалу моя навязчивая идея стать абсолютным номером один превзошла все мыслимые пределы: чем больше я выигрывал, тем больше боялся проиграть.

На третьем году моего обучения директору из-за сокращения бюджета пришлось распустить команду по лакроссу: она обходилась школе слишком

дорого, а не приносила почти ничего. И значит, мне, к великому моему горю, нужно было выбирать новый вид спорта; конечно, футбольная и баскетбольная команды строили мне глазки, но я знал, что, попав в одну из них, столкнусь с куда более одаренными и целеустремленными игроками, чем мои товарищи по лакроссу. Я рисковал оказаться на вторых ролях, снова стать никем или, хуже того, оскандалиться: что будут говорить, если Маркус Гольдман по прозвищу Великолепный, бывший капитан команды по лакроссу, побивший рекорд по числу забитых мячей за двадцать лет, вдруг окажется мазилой на футбольном поле? Две недели я жил в тоске и тревоге — пока не услышал о всемирно забытой команде по бегу, состоявшей из двух коротконогих толстяков и одного тощего задохлика. Оказалось к тому же, что это единственный вид спорта, в котором Фелтон никогда не состязался с другими школами: здесь я мог быть уверен, что мне не придется тягаться ни с кем, кто мог бы представлять для меня опасность. В общем, я с большим облегчением и без колебаний записался в фелтоновскую команду по бегу и на первой же тренировке, под влюбленными взорами директора и нескольких девиц из группы поддержки, побил рекорд скорости моих незлобивых товарищей.

И все бы прекрасно обошлось, если бы не директор, которому пришла в голову несуразная мысль устроить большие соревнования по бегу между учебными заведениями округа, дабы поправить положение школы: прельстившись моими результатами, он не сомневался, что Великолепный играючи одержит победу. При этом известии меня охватила паника; я без устали тренировался целый месяц, но знал, что против бегунов из других школ, поднаторевших в соревнованиях, у меня нет никаких шансов. Я был лишь картонным фасадом; меня поднимут на смех, и в придачу на своей же территории.

В день забега болеть за меня собрался весь Фелтон да еще половина нашего квартала. Прозвучал стартовый выстрел — и, как я и боялся, меня немедленно обогнали все остальные бегуны. Настал решающий момент; на кону стояла моя репутация. Забег был на шесть миль, двадцать пять кругов по стадиону. Двадцать пять унижений. Я финиширую последним, поверженный и обесчещенный. Победитель, быть может, обойдет меня на целый круг. Надо было любой ценой спасти Великолепного. Я собрал все силы, всю свою энергию и, выдав в отчаянном порыве безумный спринт, под восторженные вопли толпы возглавил забег. Теперь, пока я был первым, пора было воплощать разработанный мной иезуитский план: чувствуя, что силы мои на исходе, я сделал вид, будто споткнулся, и полетел на землю — со всеми положенными кульбитами, воплями на

публику и криками толпы; в итоге это стоило мне сломанной ноги, что, конечно, предусмотрено не было, зато спасло величие моего имени — ценой операции и двухнедельного лежания в больнице. А на следующей неделе после происшествия школьная газета писала обо мне:

Во время этого легендарного забега Маркус Гольдман по прозвищу Великолепный, далеко оторвавшийся от соперников и готовый одержать сокрушительную победу, пал жертвой дурного качества беговой дорожки: он неудачно упал и сломал ногу.

Таков был конец моей карьеры бегуна и спортсмена вообще: по причине тяжелой травмы меня освободили от занятий спортом до самого окончания школы. За свою самоотверженность и героизм я был удостоен таблички с моим именем в витрине почета, где уже красовалась моя майка бегуна. А директор, кляня дурное качество спортивных сооружений Фелтона, затеял дорогостоящие работы по замене всего покрытия беговой дорожки на стадионе; средства он черпал из бюджета внеклассной работы, и ученики всех классов на весь следующий год лишились каких-либо мероприятий.

По окончании школы мне, со всем моим ворохом отличных оценок, грамот и рекомендаций, предстоял роковой выбор: выбор университета. И когда однажды вечером, лежа на кровати в своей комнате, я разложил перед собой три пригласительных письма — одно из Гарварда, другое из Йеля, а третье из Берроуза, маленького, никому не ведомого университета в Массачусетсе, сомнений у меня не было: я хочу в Берроуз. В крупном университете мне грозила опасность потерять ярлык Великолепного. Отправиться в Гарвард или Йель значило задрать планку слишком высоко: у меня не было ни малейшего желания сталкиваться с неугомонной элитой, явившейся со всех концов страны и готовой поселиться на всех досках почета. Доски почета Берроуза представлялись мне куда более доступными. Великолепному вовсе не хотелось осрамиться. Великолепный желал остаться Великолепным. Берроуз подходил для этого идеально: скромный кампус, где я, бесспорно, буду блистать. Мне не составило труда убедить родителей, что факультет литературы в Берроузе во всех отношениях лучше, чем в Гарварде и Йеле, — и осенью 1998 года я перебрался из Монтклера в маленький промышленный городок в Массачусетсе, где мне предстояло встретиться с Гарри Квебертом.

Под вечер, когда я все еще сидел на террасе, разглядывая альбомы с

фотографиями и погружаясь в воспоминания, мне позвонил ошарашенный Дуглас:

— Маркус, дьявол тебя раздери! В голове не укладывается! Ты уехал в Нью-Гэмпшир и даже меня не предупредил! Мне звонят журналисты, спрашивают, что ты там делаешь, а я не в курсе. Пришлось включить телевизор, чтобы что-то узнать. Возвращайся в Нью-Йорк. Вернись, пока не поздно. Эта история — совершенно не твоего ума дело! Прямо завтра на рассвете выбирайся из этой дыры и возвращайся в Нью-Йорк. У Квеберта отличный адвокат. Пускай он делает свою работу, а ты займись своей книгой. Тебе через две недели рукопись сдавать Барнаски!

— Гарри нужно, чтобы рядом был друг, — ответил я.

Повисла пауза, а потом Дуглас прошептал — так, словно только сейчас осознал то, чего не мог понять долгие месяцы:

— У тебя нет книги, да? Две недели до срока, а ты, блин, не удосужился написать эту долбаную книгу! Так, Марк? Ты собрался другу помогать или ты из Нью-Йорка сбежал?

— Заткнись, Дуг.

Снова повисла долгая пауза.

— Марк, скажи, что у тебя есть идея. Скажи мне, что у тебя есть план и есть веская причина отправиться в Нью-Гэмпшир.

— Веская причина? А дружба — этого мало?

— Да блин, чем ты ему таким обязан, этому Гарри, чтобы туда ехать?

— Всем, абсолютно всем.

— То есть как это — *всем*?

— Дуглас, это сложно.

— Черт, Маркус, что ты хочешь сказать?

— Дуг, в моей жизни был эпизод, о котором я никогда тебе не рассказывал... После школьных лет я бы точно пошел по дурной дорожке. А потом я встретил Гарри... В каком-то смысле он спас мне жизнь. Я перед ним в долгу... Без него я бы никогда не стал писателем, тем, кем я стал. Это случилось в Берроузе, штат Массачусетс, в 1998 году. Я обязан ему всем.

29. Можно ли влюбиться в пятнадцатилетнюю девочку?

— Мне бы хотелось научить вас писать, Маркус, не затем, чтобы вы просто умели писать, но чтобы вы стали писателем. Потому что писать книги — это пустяки: писать все умеют, но не все при этом писатели.

— А как человек узнает, что он писатель, Гарри?

— Никто не знает, что он писатель. Ему об этом говорят другие.

Все, кто помнит Нолу, скажут, что она была чудесная девушка. Из тех, что надолго врезаются в память: нежная и предупредительная, лучезарная и одаренная во всем. В ней, казалось, обитала та упоительная радость жизни, какая способна озарить самый хмурый дождливый день. По субботам она подрабатывала официанткой в «Кларксе»; кружила между столиками в порхающем облаке светлых вьющихся волос. Всегда находила приветливое словечко для каждого клиента. Посетители не сводили с нее глаз. Нола — это был целый мир.

Единственная дочь Дэвида и Луизы Келлерган, южан-евангелистов, родилась 12 апреля 1960 года в Джексоне, штат Алабама, откуда были родом ее родители. Семейство Келлерган обосновалось в Авроре осенью 1969 года: отец Нолы получил место пастора в приходе Сент-Джеймс, главной общине Авроры, в то время весьма многочисленной и постоянно пополнявшейся. Церковь Сент-Джеймс, внушительное дощатое здание, стояла у южного въезда в город; сейчас от нее ничего не осталось: общине Авроры пришлось слиться с общиной Монберри из-за финансовых трудностей и малого числа прихожан. Теперь на этом месте ресторан «Макдоналдс». С самого приезда Келлерганы поселились на Террас-авеню, 245, в симпатичном одноэтажном доме, принадлежащем приходу: скорее всего, именно через окно своей комнаты шесть лет спустя, 30 августа 1975 года, Нола ушла и растворилась в пространстве.

Всеми этими описаниями встретили меня завсегдатаи «Кларкса», куда я отправился наутро после приезда в Аврору. Проснулся я внезапно, на рассвете, от мучительно неприятного чувства, что на самом деле сам не знаю, зачем я здесь. Совершив пробежку по пляжу, я покормил чаек — и тут же спросил себя, вправду ли добрался до самого Нью-Гэмпшира только

ради того, чтобы побросать хлеба морским птицам. Встретиться в Конкорде с Бенджамином Ротом, чтобы навестить Гарри, я должен был только в одиннадцать; оставаться одному не хотелось, и я решил пока сходить в «Кларкс» поесть оладий. Когда я в студенческие годы гостил у Гарри, он имел обыкновение таскать меня туда на рассвете. Будил еще до зари — безжалостно тряс со словами, что пора надевать спортивный костюм. Потом мы спускались на берег океана пробежаться и позаниматься боксом. Если он слегка уставал, то начинал изображать тренера: останавливался, якобы затем, чтобы поправлять мои удары и стойки, но я знал, что главным образом ему просто надо отдышаться. Так, за упражнениями и пробежками, мы одолевали по пляжу несколько миль, отделявших Гусиную бухту от Авроры. Затем поднимались по скалам Гранд-Бич и шли по спящему городу. На главной улице, погруженной в темноту, издали виднелся яркий свет, лившийся из витрины забегаловки — единственного заведения, открытого в такую рань. Внутри царил полный покой; редкие посетители, дальнобойщики и коммивояжеры, молча поглощали свой завтрак. Где-то в глубине говорило радио, неизменно включенное на новостном канале, но звук был слишком тихий, и слова диктора не всегда можно было разобрать. Если утро выдавалось жарким, под потолком с металлическим скрежетом крутился вентилятор, и вокруг ламп плясали пылинки. Мы усаживались за столик номер 17, и Дженни сразу приносила нам кофе. Мне она всегда улыбалась нежно, почти по-матерински. Говорила: «Бедный Маркус, он тебя заставляет вставать ни свет ни заря, да? Вечно он так, сколько его знаю». И мы смеялись.

Но сегодня, 17 июня 2008 года, несмотря на ранний час, в «Кларксе» уже царило необычайное оживление. Все только и говорили, что об этом деле, и едва я успел войти, как меня обступили знакомые из числа завсегдатаев: все хотели знать, *правда ли это*, была ли у Гарри связь с Нолой и убил ли он ее и Дебору Купер. Я уклонился от ответа и уселся за 17-й столик, он оставался свободным. И обнаружил, что таблички в честь Гарри больше нет: только две дырочки от шурупов в деревянной столешнице да выцветший лак на месте металлической пластины.

Дженни принесла мне кофе и приветливо поздоровалась. Вид у нее был грустный.

— Ты переехал к Гарри? — спросила она.

— Конечно. Ты сняла табличку?

— Да.

— Почему?

— Он написал книгу для этой девчонки, Маркус. Для

пятнадцатилетней девчонки. Я не могу оставить табличку. Это не любовь, это мерзость.

— Думаю, все не так просто, — ответил я.

— А я думаю, что нечего тебе лезть в это дело, Маркус. Лучше бы ты вернулся в Нью-Йорк, подальше от всего этого.

Я заказал ей оладьи и сосиски. На столе валялся заляпанный жиром номер *Aurora Star*. На первой странице поместили громадную фотографию Гарри времен его славы: представительный вид, глубокий, уверенный в себе взгляд. А сразу под ней — снимок из Дворца правосудия в Конкорде: Гарри входит в зал заседаний, в наручниках, опустившийся, осунувшийся, с всклокоченными волосами и перевернутым лицом. Овальные портреты Нолы и Деборы Купер. И заголовок: «Что совершил Гарри Квеберт?»

Вскоре после меня пришел Эрни Пинкас и сел ко мне за столик с чашкой кофе.

— Видел тебя по телевизору вчера вечером, — сказал он. — Ты перебрался сюда?

— Да, наверно.

— Чего ради?

— Сам не знаю. Ради Гарри.

— Он ведь невиновен, да? Не могу поверить, чтобы он такое сотворил... Нелепость какая-то.

— Я уже ничего не знаю, Эрни.

По моей просьбе Эрни рассказал, как несколько дней назад полиция обнаружила останки Нолы, зарытые в Гусиной бухте на метровой глубине. В тот четверг жителей Авроры взбудоражили сирены полицейских машин, съехавшихся со всего округа: тут были и машины дорожной полиции, и авто уголовной полиции без опознавательных знаков, и даже передвижная лаборатория.

— Когда выяснилось, что это, вероятно, останки Нолы Келлерган, все были просто в шоке! — объяснял Пинкас. — Никто не мог поверить, что все это время она была прямо тут, у нас на глазах. Я имею в виду, сколько раз я приходил к Гарри, на эту самую террасу, выпить стаканчик виски... Чуть ли не рядом с ней... Скажи, Маркус, он правда написал ту книгу для нее? Не могу поверить, что у них был роман... А ты что-нибудь про это знал?

Вместо ответа я стал изо всех сил размешивать кофе, устроив в чашке водоворот, и сказал только:

— Тут сам черт ногу сломит, Эрни.

Немного погодя к нашему столику подсел Тревис Доун, шеф полиции

Авроры и в придачу муж Дженни. Он был из числа самых давних моих здешних знакомых: седеющий шестидесятилетний добряк, этакий беззлобный деревенский коп, которого уже давно никто не боится.

— Мне очень жаль, сынок, — произнес он, поздоровавшись.

— Жаль чего?

— Да я об этой истории, что свалилась тебе на голову. Вы очень близки с Гарри, я знаю. Нелегко тебе, должно быть.

Тревис оказался первым человеком, который подумал и о моих чувствах. Кивнув, я спросил:

— Почему за все время, что я здесь бываю, я ни разу не слышал о Ноле Келлерган?

— Потому что, пока не нашли ее тело в Гусиной бухте, это была старая история. О таких историях вспоминать не любят.

— Тревис, что произошло 30 августа 1975 года? И что случилось с этой Деборой Купер?

— Скверное дело, Маркус. Очень скверное. И я оказался на первых ролях, потому что в тот день было мое дежурство. Я тогда был простым полицейским. Именно я принял тот звонок... Дебора Купер, симпатичная старушка, после смерти мужа жила одна в уединенном домике на опушке леса Сайд-Крик. Знаешь, где Сайд-Крик? Это там, где начинается тот большущий лес, в двух милях за Гусиной бухтой. Прекрасно помню мамашу Купер: она постоянно звонила. Особенно по ночам, говорила, что вокруг дома какой-то подозрительный шум. Страшно ей было в своей здоровой хибаре у самого леса, вот и хотела, чтобы кто-нибудь ее время от времени развлек. Всякий раз извинялась за беспокойство и угощала полицейских, которые к ней ездили, пирожками и кофе. А назавтра приходила в участок и приносила какой-нибудь гостинец. Я же говорю, милейшая старушка. Таким всегда хочется оказать услугу. Короче, этого самого 30 августа 1975 года мамаша Купер набирает телефон экстренного вызова и говорит, что видела девушку в лесу, а за ней гнался мужчина. Ну и я сразу отправился к ней. Она позвонила днем, в первый раз такое. Когда я приехал, она меня ждала у дома и сказала: «Тревис, может, вы решите, что я спятила, но на сей раз я правда видела что-то странное». Я осмотрел опушку леса, там, где она видела девушку, и нашел лоскут красной ткани. Я сразу решил, что дело серьезное, и предупредил шефа Пратта, тогдашнего шефа полиции Авроры. Он был в отпуске, но немедленно приехал. Лес-то громадный, второй человек не помешает. Вошли мы в лес, прошагали добрую милю и нашли следы крови, светлые волосы и еще обрывки красной ткани. Но задаваться вопросами оказалось некогда,

потому что в эту минуту со стороны дома Деборы Купер донесся выстрел... Мы бросились туда — и нашли мамашу Купер на кухне, в луже крови. Потом мы узнали, что она еще раз звонила в полицию, сообщить, что девочка, которую видела незадолго до того, укрылась у нее.

— Девочка вернулась в дом?

— Да. Пока мы ходили по лесу, она прибежала, вся в крови, ей нужна была помощь. Но мы уже никого в доме не застали, кроме трупа мамы Купер. Свихнуться можно.

— А девушка, это была Нола? — спросил я.

— Да. Мы это быстро поняли. Во-первых, чуть позже позвонил ее отец и сказал, что она пропала. А во-вторых, Дебора Купер сама назвала ее имя.

— И что потом?

— После второго звонка мамы Купер сюда выехала полиция округа. Подъезжая к опушке леса Сайд-Крик, помощник шерифа заметил черный «шевроле-монте-карло», на большой скорости удалявшийся на север. Была организована погоня, но машину так и не задержали, несмотря на полицейские кордоны. Следующие недели мы искали Нолу, весь округ перевернули. Кто же мог подумать, что она в Гусиной бухте, у Гарри Квеберта? По всем признакам, она должна была быть где-то в этом лесу. Устраивали облаву за облавой, но так и не нашли ни машину, ни девочку. Если б могли, всю страну бы прочесали, но спустя три недели поиски пришлось прекратить, хоть и скрепя сердце: большие шишки в полиции штата заявили, что они обходятся слишком дорого, а уверенности, что будет толк, никакой.

— Вы кого-то подозревали тогда?

Он на секунду замялся, потом сказал:

— Официально это не говорилось, но... думали на Гарри. И причины у нас были. Я хочу сказать: он приезжает в Аврору, а через три месяца исчезает малыш Келлерган. Странное совпадение, нет? А главное, какая у него была тогда машина? Черный «шевроле-монте-карло». Но улики против него не хватало. По сути, эта рукопись — то самое доказательство, какое мы искали тридцать три года назад.

— Не думаю. Это не Гарри. И потом, зачем ему оставлять такую улику против себя вместе с телом? И зачем он послал садовников рыть землю именно там, где закопал труп? Это же ни в какие ворота не лезет.

Тревис пожал плечами:

— Поверь моему опыту старого копа: никогда не знаешь, на что способны люди. И особенно те, кого вроде бы хорошо знаешь.

С этими словами он поднялся и сердечно попрощался со мной: «Если я

могу что-то для тебя сделать, скажи, не стесняйся». Пинкас, не проронивший ни звука за все время нашего разговора, недоверчиво произнес: «Надо же... Понятия не имел, что полиция подозревала Гарри...» Я ничего не ответил. Оторвал первую страницу газеты, сунул в карман и, хотя было еще рано, поехал в Конкорд.

* * *

Мужская тюрьма штата Нью-Гэмпшир расположена по адресу Норт-Стейт-стрит, 281, на севере Конкорда. Чтобы попасть туда из Авроры, нужно свернуть с шоссе 93 за торговым центром «Капитолий», потом, на углу «Холидей-Инн», на Норт-стрит, и ехать прямо минут десять. За кладбищем Блоссом-Хилл и озерцом в форме подковы возле реки дорога идет вдоль решетчатой ограды с колючей проволокой, не оставляющей сомнений в том, куда ты попал; чуть подальше висит указатель с названием тюрьмы, а за ним видны угрюмые строения из красного кирпича, обнесенные толстой стеной, и решетки главного входа. Напротив, на другой стороне улицы — дилерский центр по продаже автомобилей.

Рот ждал меня на парковке, курил дешевую сигару. Вид у него был безмятежный. Вместо приветствия он снисходительно похлопал меня по плечу, словно мы были старые друзья.

— Первый раз в тюрьме? — спросил он.

— Да.

— Постарайтесь расслабиться.

— А кто вам сказал, что я напряжен?

Он заметил стайку журналистов, поджидавших поблизости:

— Они повсюду. Главное, не реагируйте на их приставания. Это гиены, Гольдман. Они не отвяжутся, пока вы им не швырнете чего-нибудь жареного. Будьте непреклонны и храните молчание. Малейшее ваше дурно истолкованное слово может обернуться против нас и угробить мою стратегию защиты.

— И какова ваша стратегия?

Он взглянул на меня очень серьезно:

— Все отрицать.

— Все отрицать?

— Да, все. Их связь, похищение, оба убийства. Будем доказывать в суде его невиновность, я добьюсь оправдания Гарри и очень рассчитываю потребовать возмещения миллионных убытков и ущерба от штата Нью-

Гэмпшир.

— А куда вы денете рукопись, найденную полицией вместе с телом? И признания Гарри, что у него была связь с Нолой?

— Рукопись ничего не доказывает! Написать не значит убить. И потом, Гарри все объяснил, и вполне вразумительно: Нола перед тем, как исчезнуть, унесла рукопись. Что до их интрижки, это просто увлечение. Ничего особо дурного. Ничего противозаконного. Прокурор ничего доказать не сможет, вот увидите.

— Я говорил с шефом полиции Авроры, Тревисом Доуном. Он утверждает, что Гарри в свое время был под подозрением.

— Хрень собачья! — Рот легко срывался на грубость, если ему противоречили.

— Судя по всему, подозреваемый водил черный «шевроле-монте-карло». По словам Тревиса, именно эта модель была тогда у Гарри.

— Хрень в квадрате! — взорвался Рот. — Но знать полезно. Хорошо поработали, Гольдман, мне такие сведения нужны. Между прочим, раз вы знакомы со всеми олухами, что живут в Авроре, порасспрашивайте-ка их, надо бы заранее знать, какими байками они собираются кормить присяжных, если их позовут свидетелями на процесс. И попробуйте выяснить, кто из них пьет горькую или бьет жену: свидетель, который пьет или бьет жену, считается не заслуживающим доверия.

— Довольно гнусные методы, вам не кажется?

— На войне как на войне, Гольдман. Буш соврал всему народу, чтобы напасть на Ирак, но это было необходимо: гляньте, Саддам получил под зад, иракцев освободили, и с тех пор мир чувствует себя намного лучше.

— Большинство американцев выступали против этой войны. Это была катастрофа.

На его лице отразилось разочарование.

— О нет! Вот так я и думал...

— Что?

— Вы будете голосовать за демократов, Гольдман?

— Естественно, я буду голосовать за демократов.

— Вот увидите, они навесят на богачей вроде вас изумительные налоги. И тут уж поздно будет плакать. Чтобы управлять Америкой, надо иметь яйца. А у слонов яйца больше, чем у ослов, ничего не поделаешь, это генетика.

— Очень поучительно, Рот. Так или иначе, демократы уже выиграли президентскую гонку. Ваша расчудесная война оказалась достаточно непопулярной, чтобы перевесить чашу весов.

Он улыбнулся — лукаво, почти недоверчиво:

— Только не говорите мне, что вы в это верите! Женщина и черномазый, Гольдман! Женщина и черномазый! Ну вы же умный мальчик, будьте хоть немного серьезнее: кто же выберет женщину или черномазого главой страны? Напишите про это книжку. Дивный научно-фантастический роман. Что дальше-то будет? Пуэрториканка-лесбиянка или индейский вождь?

После обычных формальностей я попросил Рота ненадолго оставить нас с Гарри наедине в зале свиданий. Он сидел за пластиковым столом, осунувшийся, в арестантской робе. Когда я вошел в комнату, его лицо просветлело. Он встал, мы крепко обнялись, а потом уселись по разные стороны стола и замолчали. Наконец он произнес:

— Мне страшно, Маркус.

— Мы вытащим вас отсюда, Гарри.

— Знаете, у меня в камере телевизор. Я вижу и слышу все, что обо мне говорят. Моя песенка спета. Моей карьере конец. Жизни конец. И это только начало: по-моему, я падаю.

— Никогда не надо бояться падать, Гарри.

Он грустно улыбнулся уголком рта:

— Спасибо, что пришли.

— Мы же друзья. Я поселился в Гусиной бухте, покормил чаек.

— Знаете, если вам хочется вернуться в Нью-Йорк, я прекрасно пойму.

— Никуда я не уеду. Рот — странная птица, но, похоже, свое дело знает: он говорит, что вас оправдают. Я останусь здесь, буду вам помогать. Сделаю все, что нужно, чтобы докопаться до истины, и смою пятно с вашей чести.

— А ваш новый роман? Ведь издатель ждет его к концу месяца, разве нет?

Я опустил голову:

— Нет никакого романа. У меня больше нет идей.

— То есть как это — нет идей?

Я не ответил и, чтобы сменить тему, вытащил из кармана газетный лист, который несколькими часами раньше захватил в «Кларксе».

— Гарри, мне надо понять. Мне надо знать правду. У меня из головы не выходит ваш тогдашний звонок. Вы спрашивали себя, что сделали с Нолой...

— Я просто разволновался, Маркус. Меня только что задержали, у меня было право на один звонок, а единственным человеком, кого мне

хотелось известить, были вы. Известить не о том, что меня арестовали, а о том, что она умерла. Потому что только вы знали про Нолу и мне хотелось с кем-то разделить мою печаль... Все эти годы я надеялся, что она жива, что она где-то есть. Но она умерла, навсегда... Она умерла, и я чувствовал себя за это ответственным, по самым разным причинам. Наверно, потому, что не сумел ее защитить. Но я ни разу не причинил ей зла, клянусь, я не виновен в том, в чем меня обвиняют.

— Я вам верю. Что вы сказали полиции?

— Правду. Что я невиновен. Зачем бы мне сажать цветы прямо на этом месте, а? Это же полный абсурд! Еще я сказал, что не знаю, как там оказалась эта рукопись, но что они должны знать: я написал этот роман для Нолы и о Ноле до ее исчезновения. Что мы с Нолой любили друг друга. Что летом, перед ее исчезновением, у нас был роман и я написал о нем книгу; у меня тогда было два экземпляра — оригинал, рукописный, и машинописная копия. Нолу очень интересовало то, что я делаю, она даже помогала мне переписывать набело. А машинописный вариант у меня однажды пропал. В конце августа, как раз перед тем, как пропала Нола... Я думал, она взяла его почитать, она иногда так делала. Читала мои тексты, а потом высказывала свое мнение. Разрешения она не спрашивала... Но на сей раз мне так и не удалось ее спросить, взяла она рукопись или нет, потому что она сама исчезла. У меня остался экземпляр, написанный от руки. Это были «Истоки зла», несколько месяцев спустя роман, как вы знаете, вышел и имел успех.

— Значит, вы действительно написали эту книгу для Нолы?

— Да. Я видел по телевизору, что ее собираются изъять из продажи.

— Но что было между вами и Нолой?

— Любовь, Маркус. Я безумно в нее влюбился. Думаю, это меня и погубило.

— Что еще есть у полиции против вас?

— Понятия не имею.

— А шкатулка? Где ваша пресловутая шкатулка с письмом и фотографиями? Дома у вас я ее не нашел.

Он не успел ответить: дверь комнаты открылась, и он сделал мне знак молчать. Это был Рот. Пока он усаживался с нами за стол, Гарри незаметно взял блокнот, лежавший передо мной, и черкнул в нем несколько слов, которые в тот момент я прочесть не мог.

Рот начал с долгих рассуждений о ходе дела и процедурных тонкостях. Завершив наконец свой получасовой монолог, он спросил у Гарри:

— Нет ли каких-то подробностей, о которых вы мне не рассказали? Я

должен знать все, это очень важно.

Помолчав, Гарри пристально посмотрел на нас и сказал:

— Действительно, есть одна вещь, о которой вам надо знать. По поводу 30 августа 1975 года. В тот вечер, в тот ужасный вечер, когда Нола пропала, она должна была прийти ко мне...

— Прийти к вам? — переспросил Рот.

— В полиции меня спросили, что я делал вечером 30 августа 1975 года, и я сказал, что меня не было в городе. Я солгал. Это единственный момент, когда я сказал неправду. В ту ночь я находился поблизости от Авроры, в номере мотеля, что стоит на шоссе 1, в направлении Мэна. Мотель «Морской берег». Он и сейчас там стоит. Я сидел на кровати в номере восемь и ждал, надушенный как подросток, с охапкой голубых гортензий, ее любимых цветов. У нас было назначено свидание в семь вечера, и я помню, как я ждал, а она не приходила. В девять она опаздывала уже на два часа. А она никогда не опаздывала. Никогда. Я положил гортензии в умывальник, чтобы не завяли, включил радио, чтобы отвлечься. Ночь была душная, грозовая, мне было жарко, я задыхался в своем костюме. Я вынул из кармана записку и перечитал ее раз десять, быть может, сто. Записку, которую она написала мне за пару дней до того, несколько слов любви, которые я никогда не смогу забыть:

Не волнуйтесь, Гарри, не волнуйтесь из-за меня, я найду способ добраться туда к Вам. Ждите меня в номере 8, мне нравится эта цифра, она моя любимая. Ждите меня в этом номере в семь вечера. Потом мы уедем отсюда навсегда.

Я Вас так люблю.

Нежно-нежно.

Нола.

Помню, как диктор по радио объявил, что время двадцать два часа. Двадцать два часа, а Нола все нет. В конце концов я растянулся на кровати и уснул, прямо в одежде. Когда я открыл глаза, было уже утро. Радио по-прежнему говорило, шел семичасовой выпуск новостей:

Все силы полиции подняты по тревоге в райо не Авроры после исчезновения накануне вечером, около девятнадцати часов, Нола Келлерган, пятнадцати лет. Полиция разыскивает всех, кто располагает какими-либо сведениями... В момент исчезновения

Нола Келлерган была одета в красное платье...

Я в панике скатился с кровати. Поскорее выбросил цветы и немедленно выехал в Аврору, весь растерзанный, с всклокоченными волосами. Номер был оплачен заранее.

Я никогда не видел столько полиции в Авроре. Машины со всех округов. Шоссе было перегорожено кордоном, проверяли все автомобили, въезжающие или выезжающие из города. Я увидел шефа полиции, Гэрета Пратта, с карабином в руке:

— Шеф, я только что услышал по радио...

— Дрянь дело, дрянь, — ответил он.

— Что произошло?

— Никто не знает. Нола Келлерган ушла из дому и пропала. Ее видели вчера вечером недалеко от Сайд-Крик-лейн, и с тех пор о ней ни слуху ни духу. Весь район оцеплен, лес прочесывают.

По радио без конца передавали ее приметы:

Девушка, белая, рост 5 футов 2 дюйма, вес сто фунтов, волосы длинные, светлые, глаза зеленые, одета в красное платье. На шее золотая цепочка с надписью «Нола».

Красное платье, красное платье, красное платье, повторяло радио. Красное платье было мое любимое. Она надела его для меня. Вот. Вот что я делал ночью 30 августа 1975 года.

Мы с Ротом сидели в полном замешательстве.

— Вы должны были бежать? — переспросил я. — В тот день, когда она пропала, вы должны были бежать вместе?

— Да.

— Так вот почему вы сказали, что это ваша вина, тогда, когда мне звонили? У вас было назначено свидание, она пошла на него и пропала...

Он понуро опустил голову:

— По-моему, если бы не это свидание, она, возможно, была бы жива...

Когда мы вышли из зала, Рот сказал, что эта история с подготовкой к побегу — полная катастрофа, она ни в коем случае не должна просочиться наружу. Если обвинение о ней узнает, Гарри крышка. Мы распрощались на стоянке, и только сев в машину, я открыл свой блокнот и прочел, что написал Гарри:

Маркус, у меня на письменном столе стоит фарфоровый

горшок. На самом дне Вы найдете ключ. Это ключ от моей раздевалки в фитнес-клубе Монберри. Шкафчик 201. Все там. Сожгите все. Я в опасности.

Монберри, соседний с Авророй городок, находился милях в десяти в глубь штата. Я заехал в Гусиную бухту, нашел в горшке ключ, спрятанный под скрепками, и тем же вечером отправился туда. В Монберри оказался только один фитнес-клуб — современное, сияющее стеклами здание на главной улице города. В раздевалке никого не было. Я нашел шкафчик 201, ключ подошел. Внутри лежал тренировочный костюм, протеиновые батончики, перчатки для гантелей и та самая деревянная шкатулка, которую я несколько месяцев назад нашел в кабинете Гарри. Все было на месте: фотографии, статьи, записка от Нолы. Еще я обнаружил стопку пожелтевших листов бумаги, скрепленных вместе. Обложка была пустая, без заглавия. Я заглянул дальше: текст был написан от руки, и по первым же строчкам я понял, что передо мной рукопись «Истоков зла». Рукопись, которую я так долго искал несколько месяцев назад, покоилась в раздевалке фитнес-клуба. Я сел на скамейку и, дрожа от восторга, стал просматривать страницу за страницей: почерк был идеальный, никаких помарок. Вошли какие-то люди, стали переодеваться, но я даже не обратил на них внимания, не в силах оторваться от текста. Мне так хотелось создать шедевр, а Гарри его создал. Сел за столик в кафе и написал эти абсолютно гениальные слова, эти несравненные фразы, тщательно скрывая за ними историю своей любви к Ноле Келлерган.

Возвратившись в Гусиную бухту, я все сделал так, как велел Гарри. Разжег камин в гостиной и бросил туда все содержимое шкатулки: письмо, фотографии, вырезки из газет и, наконец, рукопись. Он написал: «Я в опасности». Но какую опасность он имел в виду? Огонь вспыхнул с новой силой: письмо Нолы рассыпалось в пепел, фотографии сначала расплавились посередине, а потом исчезли совсем. Рукопись занялась буйным оранжевым пламенем, и ее страницы превратились в груды шлака. Я сидел у камина и смотрел, как исчезает история любви Гарри и Нолы.

Вторник, 3 июня 1975 года

В этот день стояла скверная погода. Вечерело, и пляж был безлюдным. Ни разу с момента приезда в Аврору он не видел такого черного, грозного неба. Ветер терзал океан, вздымавшийся пеной и гневом: собирался дождь. Именно ненастье и выгнало его из дому. Он спустился по деревянной лестнице, ведущей от террасы на пляж, и уселся на песок, положив блокнот

на колени. Ручка свободно скользила по бумаге: надвигавшаяся буря несла ему вдохновение, в нем рождались идеи большого романа. За последние недели у него появилось несколько хороших идей для новой книги, но ни одна не воплотилась: не получалось то начало, то конец.

С неба упали первые капли. Сперва редкие, а потом вдруг хлынул ливень. Он хотел было уйти, укрыться от дождя, — но тут увидел ее. Она шла босиком по кромке океана, неся сандалии в руке, и танцевала под дождем, играя с волнами. В изумлении и восторге он застыл на месте: она огибала пенистые языки волн, стараясь не замочить подол платья. На миг зазевалась, вода дошла ей до лодыжек; от неожиданности она рассмеялась. Зашла еще чуть-чуть поглубже, кружась, отдаваясь серой безбрежности океана. Словно весь мир принадлежал ей одной. Желтая заколка в форме цветов не давала светлым развевающимся волосам спадать на лицо. С неба низвергались потоки воды.

Она заметила его присутствие метрах в десяти и остановилась как вкопанная; смущенно воскликнула:

— Простите... Я вас не видела.

Он почувствовал, как забилося его сердце.

— Только не извиняйтесь, — ответил он. — Продолжайте. Пожалуйста, продолжайте! В первый раз вижу, чтобы человек так наслаждался дождем.

Она сияла.

— Вы тоже его любите? — спросила она восторженно.

— Что именно?

— Дождь.

— Нет... Я... Честно говоря, я его ненавижу.

Она улыбнулась чудесной улыбкой:

— Как можно ненавидеть дождь? Никогда не видела ничего красивее.

Смотрите! Смотрите!

Он поднял голову — вода заструилась по его лицу. Он взглянул на миллионы линий, расчертивших пейзаж, и закружился на месте. Она тоже. Они смеялись, они промокли насквозь. Наконец они укрылись под навесом террасы. Он достал из кармана подмокшую в этом потоке пачку сигарет и закурил.

— Можно одну? — спросила она.

Он протянул ей пачку, она взяла сигарету. Он был покорён.

— Вы писатель, верно?

— Да.

— Из Нью-Йорка...

— Да.

— Я хотела вас спросить: почему вы переехали из Нью-Йорка в эту глухомань?

Он улыбнулся:

— Захотелось сменить обстановку.

— А мне так хочется в Нью-Йорк! Я бы ходила по нему часами, посмотрела бы все спектакли на Бродвее. Представляла бы себя звездой. Звездой в Нью-Йорке...

— Простите, мы знакомы? — прервал ее Гарри.

Она снова засмеялась своим изумительным смехом:

— Нет. Но все знают, кто вы такой. Вы писатель. Добро пожаловать в Аврору. Меня зовут Нола. Нола Келлерган.

— Гарри Квеберт.

— Я знаю. Вас все знают, я же сказала.

Он протянул ей руку, но она оперлась о его плечо и, встав на цыпочки, поцеловала в щеку.

— Мне надо идти. Вы никому не скажете, что я курю?

— Нет, обещаю.

— До свидания, мистер Писатель. Надеюсь, мы еще увидимся.

И она исчезла в струях дождя.

Он был потрясен. Кто эта девушка? Сердце его колотилось. Он стоял на террасе, долго, неподвижно, пока не стало смеркаться. Он не замечал ни ночи, ни дождя. Он спрашивал себя, сколько ей может быть лет. Слишком юная, он это знал. Но она пленила его. Она зажгла огонь в его сердце.

* * *

Звонок Дугласа вернул меня к реальности. Прошло два часа, вечерело. В камине не осталось ничего, только тлели угли.

— Все только о тебе и говорят, — сказал Дуглас. — Никто не понимает, зачем ты сидишь в Нью-Гэмпшире... Все говорят, что ты делаешь самую большую глупость в своей жизни.

— Все знают, что мы с Гарри друзья. Я не могу сидеть сложа руки.

— Но, Марк, тут другое дело. Все эти истории с убийствами, с этой книжкой. По-моему, ты не понимаешь масштабы скандала. Барнаски в бешенстве, подозревает, что тебе нечего ему предъявить, что у тебя нет нового романа. Говорит, что ты просто залег на дно в этом Нью-Гэмпшире. И ведь он прав... Сегодня семнадцатое июня, Марк. Через тринадцать дней

истекает срок. Через тринадцать дней тебе конец.

— Блин, ты думаешь, я не знаю? Ты за этим звонишь? Напомнить, в каком я положении?

— Нет, я звоню, потому что, по-моему, у меня идея.

— Идея? Я тебя слушаю.

— Напиши книгу о деле Гарри Квеберта.

— Что? Нет, исключено, я не собираюсь делать себе имя на костях Гарри.

— Что значит *на костях*? Ты сказал, что хочешь его защищать. Докажи, что он невиновен, и напиши обо всем этом книгу. Представляешь, какой будет успех?

— За десять-то дней?

— Я поговорил с Барнаски, чтобы его успокоить...

— Что? Ты...

— Марк, выслушай сначала, а потом вставай на дыбы. Барнаски считает, что это золотое дно! Говорит, что Маркус Гольдман, который пишет о деле Гарри Квеберта, — это пахнет цифрами с семью нулями! Это может стать книгой года. Он готов перезаключить договор. Предлагает все начать с чистого листа: новый договор, который аннулирует предыдущий, и к тому же аванс в полмиллиона долларов. Понимаешь, что это значит?

Понятно, что это значило: написать такую книгу — это снова сделать себе имя. Верный бестселлер, гарантия успеха и куча денег в придачу.

— Зачем Барнаски такое для меня делать?

— Он не для тебя это делает, а для себя. Марк, ты не понимаешь, об этом деле здесь говорят все. Подобная книга — это сенсация века!

— По-моему, у меня не получится. Я разучился писать. И даже не знаю, умел ли когда-нибудь. А вести расследование... На то есть полиция. Я не знаю, как ведут расследование.

Но Дуглас настаивал:

— Марк, такой шанс бывает раз в жизни.

— Я подумаю.

— Если ты говоришь, что подумаешь, значит, думать ты не будешь.

На этой фразе мы оба рассмеялись: он неплохо меня знал.

— Дуг... Как ты думаешь, можно влюбиться в пятнадцатилетнюю девочку?

— Нет.

— Почему ты так уверен?

— Я ни в чем не уверен.

— А что такое любовь?

— Марк, помилуй, мне только философских разговоров сейчас не хватало...

— Но он ее любил, Дуглас! Гарри безумно влюбился в эту девочку. Он мне сегодня в тюрьме рассказывал: он сидел на пляже, перед домом, увидел ее и влюбился. Почему в нее, а не в кого-то другого?

— Марк, я не знаю. Но мне интересно знать, что тебя так связывает с Квебертом.

— Великолепный, — ответил я.

— Кто?

— Великолепный. Молодой человек, которому не удавалось двигаться по жизни. Пока он не встретил Гарри. Это Гарри научил меня, как стать писателем. Это он научил меня, как важно уметь падать.

— Что ты несешь, Марк? Ты что, пьян? Ты писатель, потому что у тебя талант.

— Нет, именно что нет. Писателем не рождаются, писателем становятся.

— И это случилось в Берроузе в 1998-м?

— Да. Он передал мне все, что знал сам... Я всем ему обязан.

— Расскажи, если хочешь?

— Ладно.

В тот вечер я рассказал Дугласу историю, связывавшую меня с Гарри. Повесив трубку, я спустился на пляж; хотелось свежего воздуха. В сумерках угадывались тяжелые тучи, плотно закрывшие небо: было душно, надвигалась гроза. Внезапно поднялся ветер, и верхушки деревьев заплясали в бешеном танце; сама природа словно возвещала конец великого Гарри Квеберта.

Домой я вернулся совсем поздно. А подойдя к входной двери, обнаружил записку, оставленную кем-то в мое отсутствие. Простой конверт, без адреса; внутри лежал листок с одной фразой, напечатанной на компьютере:

Возвращайся домой, Гольдман.

28. Как важно уметь падать (Университет Берроуза, Массачусетс, 1998–2002)

— Гарри, если бы из всех ваших уроков надо было оставить только один, который это будет?

— А вы как думаете?

— Для меня это будет *как важно уметь падать*.

— Согласен. Жизнь — это долгое падение, Маркус. Главное — уметь падать.

1998 год был не только годом великих ледяных ливней, которые парализовали север Соединенных Штатов и часть Канады и оставили миллионы несчастных на много дней без света, но и годом моей встречи с Гарри. В ту осень, окончив Фелтон, я прибыл в кампус Берроуза, пеструю смесь сборных домиков и викторианских построек в окружении обширных, великолепно ухоженных газонов. Меня поселили в симпатичной комнате в восточном крыле дортуаров; соседом моим оказался милый очкарик из Айдахо по имени Джаред, тщедушный и чернокожий, который вырос под родительским крылышком и теперь, явно перепуганный внезапно обретенной свободой, все время спрашивал, имеет ли он *право*. «Я имею право выйти купить себе колы? Я имею право вернуться в кампус после десяти часов вечера? Я имею право хранить в комнате продукты? Я имею право не ходить на лекцию, если заболел?» Я отвечал, что с тех пор, как приняли 13-ю поправку и отменили рабство, он имеет право делать все, что хочет, и он сиял от счастья.

У Джареда были две мании: повторять пройденное и звонить матери, чтобы сказать, что у него все хорошо. У меня была только одна: стать знаменитым писателем. Я все время писал рассказы для университетского журнала, но там их печатали через раз и на самых последних страницах — вкладки с рекламой никому не интересных местных предприятий: «Типография Лукаса», «Форстер, вывоз мусора», «Парикмахерская Франсуа» или какой-нибудь магазин «Цветы Джулии Ху». Такое положение дел казалось мне совершенно возмутительным и несправедливым. По правде говоря, в университете мне пришлось столкнуться с весьма суровым соперником в лице Доминика Рейнхарца, студента-третьекурсника, обладавшего исключительным писательским талантом: по сравнению с ним я выглядел бледно. В журнале ему всегда отводили почетное место, и после

выхода каждого номера я обнаруживал в библиотеке восторженные комментарии студентов по его поводу. Единственным моим верным почитателем был Джаред: он жадно читал мои рассказы, едва они вылезали из принтера, а затем перечитывал еще раз, уже в журнале. Я всегда дарил ему экземпляр, но он непременно шел в редакцию журнала и платил за него положенные два доллара, достававшиеся ему тяжким трудом: по выходным он работал в университете уборщиком. По-моему, его восхищение мною не знало границ. Он нередко говорил: «Ты же такой крутой, Маркус... Что ты торчишь в этом заштатном Берроузе, а?» Однажды вечером, теплым бабьим летом, мы пошли поваляться на газоне кампуса, попить пива и посмотреть на звезды. Джаред для начала спросил, имеем ли мы право распивать пиво в пределах кампуса, потом — имеем ли мы право лежать на газоне ночью, а потом заметил падающую звезду и закричал:

— Загадывай желание, Маркус! Загадывай желание!

— Я загадал, чтобы мы с тобой достигли в жизни успеха, — сказал я. — Ты чем хочешь заняться в жизни, Джаред?

— Я бы хотел стать просто приличным человеком, Марк. А ты?

— А я хочу стать величайшим писателем. Чтобы везде продавались миллионы и миллионы моих книжек.

Он смотрел на меня во все глаза: я видел, как его белки сверкают в темноте, словно две луны.

— У тебя точно получится, Марк. Ты такой крутой чувак!

А я сказал себе, что падающая звезда — это звезда, которая могла быть прекрасной, но побоялась светить и сбежала куда подальше. Вроде меня.

По четвергам мы с Джаредом непременно шли на лекцию главной университетской знаменитости — писателя Гарри Квеберта. Он производил сильное впечатление: личность харизматическая, незаурядный педагог, обожаемый студентами и уважаемый коллегами. Именно он делал погоду в Берроузе; к его мнению прислушивались не только потому, что он был Гарри Квеберт, ТОТ САМЫЙ Гарри Квеберт, лучшее перо Америки, но и потому, что он внушал почтение своей статной фигурой, врожденным изяществом, теплым и в то же время звучным голосом. Когда он шел по коридорам университета или по аллеям кампуса, все оборачивались, чтобы поздороваться с ним. Он пользовался огромной популярностью: все без исключения студенты были благодарны ему за то, что он отдает свое время такому маленькому университету, — ведь ему достаточно позвонить, и его возьмут на любую престижнейшую кафедру страны. К тому же он

единственный из преподавателей читал свои лекции в большой поточной аудитории, где обычно проходили церемонии вручения дипломов и театральные спектакли.

1998 год был еще и годом дела Левински. Годом президентского минета, когда вся Америка с ужасом обнаружила, что разврат проник на высшие этажи власти, и видела, как наш респектабельный президент Клинтон вынужден каяться перед всей нацией из-за того, что услужливая стажерка полизала ему причиндалы. Как и положено клубничке, дело было у всех на устах: в университетском городке только об этом и говорили, и все мы с напускным сочувствием задавались вопросом, что же теперь будет с нашим славным президентом.

Однажды в четверг, в конце октября, Гарри Квеберт начал свою лекцию так:

— Дамы и господа, всех нас очень волнует то, что сейчас происходит в Вашингтоне, верно? Дело Левински... Представьте себе, за всю историю Соединенных Штатов Америки со времен Джорджа Вашингтона отмечены лишь две причины для досрочного прекращения президентских полномочий: либо какая-нибудь выдающаяся мерзость, как у Ричарда Никсона, либо смерть. До сих пор девять президентов досрочно покинули свой пост по одной из этих двух причин: Никсон подал в отставку, а остальные восемь умерли, причем половина из них были убиты. Но теперь к этому списку может добавиться третья причина — фелляция. Оральный секс, минет, отсос. И все спрашивают себя, может ли наш могучий президент оставаться нашим могучим президентом со спущенными штанами. Вот что страстно интересует Америку: истории про секс, истории про мораль. Америка — это пиписькин рай. Вот увидите, пройдет несколько лет, и никто не вспомнит, что Клинтон поднял нашу развалившуюся экономику, грамотно управлялся с республиканским большинством в сенате или заставил Рабина и Арафата пожать друг другу руки. Зато все будут помнить про дело Левински, ибо минеты, дамы и господа, навсегда врезаются в память. Ну да, наш президент любит, чтобы ему время от времени откачивали шишку. И что? Он безусловно не одинок. Кто из вас тоже это любит?

Гарри замолчал и обвел глазами аудиторию. Повисла долгая пауза: большинство студентов созерцали свои ботинки. Джаред, сидевший рядом со мной, даже зажмурился, чтобы не встретиться с ним глазами. А я — я поднял руку. Я сидел в задних рядах, и Гарри, указывая на меня пальцем, провозгласил:

— Встаньте, мой юный друг. Встаньте, чтобы все вас видели, и

поделитесь с нами своими мыслями.

Я встал на стул и гордо выпрямился.

— Я очень люблю минеты, профессор. Мое имя Маркус Гольдман, и мне нравится, когда меня сосут. Как нашему славному президенту.

Гарри сдвинул на кончик носа очки для чтения и взглянул на меня с интересом. Позже он признавался: «Когда я увидел вас в тот день, Маркус, увидел гордого, крепкого юношу, стоящего на стуле, я подумал: черт, какой крутой чувак». Но тогда он просто спросил:

— Скажите, молодой человек: вы любите давать сосать мальчикам или девочкам?

— Девочкам, профессор Квеберт. Я примерный гетеросексуал и примерный американец. Благослови Бог нашего президента, секс и Америку!

Ошарашенная аудитория разразилась хохотом и аплодисментами. Гарри был в восторге. Он заявил, обращаясь к моим товарищам:

— Видите, теперь уже никто не будет относиться к бедному мальчику по-прежнему. Все станут говорить: а, это тот поганец, который любит сосалки. Плевать на его таланты, плевать на его достоинства, он так навсегда и останется мистером Минетом. (Он снова повернулся ко мне.) А теперь, мистер Минет, не сообщите ли вы нам, почему вы пустились в подобные признания, когда у ваших товарищей хватило такта промолчать?

— Потому, профессор Квеберт, что в пиписькином раю секс может вас погубить, а может и вознести на вершину. А теперь, когда все взоры прикованы ко мне, я имею счастье вам сообщить, что пишу отличные рассказы и что их печатают в университетском журнале, номера которого можно будет купить всего за пять долларов по окончании лекции у выхода из аудитории.

После лекции Гарри подошел ко мне. Студенты расхватили весь мой запас экземпляров журнала; он купил последний.

— Сколько вы продали? — спросил он.

— Все, что было, пятьдесят экземпляров. И мне заказали еще сотню, с предоплатой. Я платил за них по два доллара, а перепродал по пять. То есть заработал четыреста пятьдесят долларов. Не говоря уж о том, что один из членов редколлегии журнала только что предложил мне стать его главным редактором. Он говорит, что я сделал журналу невероятную рекламу и что он в жизни не видел ничего подобного. Ах да, чуть не забыл: добрый десяток девиц оставили мне свой номер телефона. Вы правы, мы живем в пиписькином раю. И каждому из нас остается только с умом этим пользоваться.

Он улыбнулся и протянул мне руку:

— Гарри Квеберт.

— Я знаю, кто вы. А я Маркус Гольдман. Я мечтаю стать великим писателем, как вы. Надеюсь, мой рассказ вам понравится.

Мы обменялись крепким рукопожатием, и он сказал:

— Дорогой Маркус, вы, без сомнения, далеко пойдете.

Честно говоря, в тот день я пошел не слишком далеко: меня вызвал в свой кабинет декан, Дастин Пергол; он был вне себя от гнева.

— Молодой человек, — сердито спросил он своим гнусавым голосом, вцепившись в подлокотники кресла. — Правда ли, что вы сегодня перед всей аудиторией позволили себе высказывания порнографического характера?

— Порнографического? Нет.

— Не вы ли в присутствии трехсот своих товарищей превозносили оральный секс?

— Да, действительно. Я говорил о минете.

Он воздел глаза к небу.

— Мистер Гольдман, признаете ли вы, что употребили в одной фразе слова «Бог», «благословлять», «секс», «гетеросексуал», «гомосексуалист» и «Америка»?

— Не помню дословно, но да, что-то такое было.

Он спросил — медленно, членораздельно, пытаясь сохранять спокойствие:

— Мистер Гольдман, не могли бы вы объяснить, в какой непристойной фразе могут содержаться сразу все эти слова?

— О, не волнуйтесь, господин декан, никаких непристойностей там не было. Просто благословение — Бога, Америки и секса во всех его проявлениях. Спереди, сзади, слева, справа и во всех направлениях, если вы понимаете, что я имею в виду. Видите ли, мы, американцы, обожаем благословлять, такой уж мы народ. Культура такая. Всякий раз, как мы довольны, мы благословляем.

Он снова воздел очи горе.

— Правда ли, что затем вы самовольно торговали университетским журналом у выхода из аудитории?

— Совершенно верно, господин декан. Но к этому меня вынудили чрезвычайные обстоятельства, я вам с удовольствием все объясню. Видите ли, я много работаю, пишу рассказы для журнала, но редакция печатает их на худших страницах. Так что мне нужна была небольшая реклама, иначе

меня никто не читает. Зачем писать, если никто тебя не читает?

— Это рассказ порнографического характера?

— Нет, господин декан.

— Я бы хотел взглянуть.

— Пожалуйста. Пять долларов номер.

Пергол взорвался:

— Мистер Гольдман! Вы, кажется, не понимаете всей серьезности положения! Ваши слова оскорбили всех! Мне поступили жалобы от студентов! Ситуация крайне неприятная — для вас, для меня, для всех. Вы якобы заявили (он взглянул на лежавший перед ним листок): «Я люблю минеты... Я примерный гетеросексуал и примерный американец. Благослови Бог нашего президента, секс и Америку». Это что за клоунада, черт побери?

— Это всего лишь правда, господин декан: я примерный гетеросексуал и примерный американец.

— Я не желаю ничего знать! Ваша сексуальная ориентация никого не интересует, мистер Гольдман! А мерзости, которые вы творите у себя между ног, ваших товарищей несколько не касаются!

— Но я всего лишь отвечал на вопросы профессора Квеберта.

От этой фразы Пергол потерял дар речи.

— Что... Что вы такое говорите? Вопросы профессора Квеберта?

— Да, он спросил, кто любит давать сосать, а поскольку я поднял руку, потому что, по-моему, невежливо не отвечать, когда тебе задают вопрос, он спросил, предпочитаю ли я давать сосать мальчикам или девочкам. Вот и все.

— Профессор Квеберт спросил, предпочитаете ли вы давать...

— Именно так. Понимаете, господин декан, во всем виноват президент Клинтон. Все хотят делать то же, что делает президент.

Пергол встал и, порывшись среди подвесных папок, достал какое-то дело. Потом сел обратно за стол и посмотрел мне прямо в глаза.

— Кто вы такой, мистер Гольдман? Расскажите немного о себе. Интересно знать, откуда вы взялись.

Я рассказал, что родился в Монтклере, штат Нью-Джерси; мать — продавщица в универмаге, отец — инженер. Средний класс, хорошая американская семья. Единственный сын. Безоблачное детство и отрочество, несмотря на уровень интеллекта выше среднего. Фелтоновская школа. Великолепный. Болельщик «Джайентс». Брекеты в четырнадцать лет. Каникулы у тетки в Огайо, бабушка с дедушкой во Флориде — из-за солнца и апельсинов. Все более чем нормально: никаких аллергий, никаких

особенных болезней. В возрасте восьми лет — пищевое отравление цыпленком в летнем лагере скаутов. Любит собак, не любит кошек. Занятия спортом: лакросс, бег, бокс. Цель жизни — стать знаменитым писателем. Не курит, потому что от этого бывает рак легких и скверный запах по утрам. Пьет в меру. Любимое блюдо — стейк и макароны с сыром. Эпизодически потреблял морепродукты, преимущественно в ресторане «Джоз Стоун Крэб», во Флориде, хотя мама говорит, что это приносит несчастье по причине нашей *религиозной принадлежности*.

Пергол выслушал мою биографию не моргнув глазом и, когда я умолк, сказал:

— Мистер Гольдман, может, хватит уже байки травить? Я ознакомился с вашим делом. Я кое-кому позвонил, говорил с директором вашей школы. Он сказал, что вы были незаурядным учеником и могли бы записаться в лучшие университеты. Так скажите мне: что вы здесь делаете?

— Простите, господин декан?

— Мистер Гольдман, кто же предпочтет Берроуз Гарварду или Йелю?

Триумф в поточной аудитории полностью перевернул мою жизнь, хоть и едва не стоил мне места в Берроузе. Пергол, завершая нашу беседу, сказал, что ему надо подумать над моей дальнейшей участью, и в конечном итоге дело обошлось без последствий. Только годы спустя я узнал: Пергол, полагая, что студент, однажды создавший проблему, будет создавать их всегда, хотел меня отчислить, и в Берроузе я смог остаться лишь по настоянию Гарри.

На следующий день после этого достопамятного эпизода мне единогласно вручили бразды правления университетским журналом, дабы я придал ему новую динамику. Как истинно Великолепный, я решил, что новую динамику ему можно придать, прекратив печатать тексты Рейнхарца и украшая обложку каждого номера самим собой. Потом, в понедельник, я случайно встретил Гарри в зале для бокса, который прилежно посещал с самого приезда. Зато его я там видел в первый раз. Обычно народу в зале почти не было: в Берроузе боксировать не любили. Кроме меня, регулярно туда ходил только Джаред, которого мне удалось уговорить проводить со мной несколько раундов каждый второй понедельник — мне нужен был партнер, желательно очень слабый, чтобы быть уверенным в победе. Так что два раза в месяц я делал из него котлету, и не без удовольствия: приятно было снова и снова чувствовать себя Великолепным.

В тот понедельник, когда в зале появился Гарри, я отрабатывал перед зеркалом боевую стойку. В спортивном костюме он выглядел не менее

элегантно, чем в своих двубортных пиджаках. Входя, он издал поздоровался со мной и сказал только: «Не знал, что вы тоже любите бокс, мистер Гольдман»; потом стал работать с мешком в углу зала. У него был отличный удар, двигался он проворно и стремительно. Мне страшно хотелось с ним поговорить, рассказать, как после лекции меня вызывал Пергол, поболтать о минетах и свободе слова, сказать, что я теперь главный редактор университетского журнала и как я им восхищаюсь. Но я был слишком взволнован и не решился к нему подойти.

В следующий понедельник он снова пришел и присутствовал при традиционном избиении Джареда. Стоя у края ринга, он с интересом наблюдал, как я безжалостно и по всем правилам лупцую товарища, а после боя сказал, что я неплохой боксер, что самому ему хочется снова серьезно заняться спортом, дабы не потерять форму, и что мои советы приветствуются. Ему было за пятьдесят, но под широкой майкой угадывалось крепкое, сильное тело; он умело бил по груше, имел хорошую устойчивость, сохранил стойку, все рефлексy и чуть замедленную, но уверенную работу ног. Я предложил ему для начала немного потренироваться с мешком, и за этим занятием мы провели весь вечер.

Он приходил и через понедельник, и потом. А я стал в каком-то смысле его личным тренером. Вот так, на тренировках, мы с Гарри и начали сближаться. Нередко после занятий мы садились рядом на деревянную скамейку в раздевалке, обсохнуть и немного поболтать. Несколько недель спустя настал момент, которого я боялся: Гарри захотелось подняться на ринг и провести со мной три раунда. Естественно, я не осмелился его бить, зато он с удовольствием отвесил мне несколько весьма увесистых ударов в челюсть и несколько раз послал в нокдаун. Он смеялся, говорил, что не делал этого много лет и уже забыл, как это здорово. Разделав меня буквально под орех и обозвав хлюпиком, он предложил пойти поужинать. Я повел его в студенческую столовку на оживленной улице Берроуза, и мы, поглощая сочащиеся жиром гамбургеры, поговорили о книгах и писательском ремесле.

— Вы хороший студент, — сказал он, — знаете, что к чему.

— Спасибо. Вы прочли мой рассказ?

— Пока нет.

— Мне бы очень хотелось знать, что вы о нем думаете.

— Ладно, друг, если это доставит вам удовольствие, обещаю, что погляжу и скажу свое мнение.

— Только без всяких поблажек.

— Договорились.

Он назвал меня «друг», и я был вне себя от восторга. В тот же вечер я позвонил родителям и сообщил, что всего через несколько месяцев после поступления в университет уже ужинаю с великим Гарри Квебертом. Моя мать чуть не сошла с ума от счастья и обзвонила половину Нью-Джерси, хвастаясь, что ее чудо-Маркус, Маркус Великолепный, уже возвращается в высших литературных кругах. Маркус скоро станет великим писателем, это уж будьте благонадежны.

Ужин после бокса вскоре стал частью нашего понедельничного вечернего ритуала, помешать которому не могли никакие обстоятельства. Я, как никогда, чувствовал себя Великолепным: ведь я состоял в особых отношениях с Гарри Квебертом, и отныне по четвергам, когда я брал слово на его лекциях, он называл меня «Маркус», тогда как остальным студентам приходилось довольствоваться заурядным «мистер» или «мисс».

Спустя несколько месяцев — должно быть, в январе или феврале, вскоре после рождественских каникул, — во время очередного понедельничного ужина я снова пристал к Гарри с вопросом, как ему понравился мой рассказ: до сих пор он так ни разу о нем и не заговорил. Поколебавшись, он спросил:

— Вы действительно хотите знать, Маркус?

— Непременно. И критикуйте, пожалуйста. Я здесь, чтобы учиться.

— Вы хорошо пишете. У вас огромный талант.

Я покраснел от удовольствия и в нетерпении воскликнул:

— А еще?

— Вы, бесспорно, очень одаренный человек.

Я был на седьмом небе.

— Но мне надо что-то улучшить, как вы считаете?

— О, безусловно. Знаете, у вас большой потенциал, но, по сути, все, что я прочел, — плохо. Очень плохо, если честно. Вообще никуда не годится. Кстати, это относится и ко всем остальным текстам, которые я видел в университетском журнале. Вырубать деревья ради того, чтобы печатать такую пачкотню, — преступление. На всех скверных писак в этой стране лесов не напасешься. Надо сделать над собой усилие.

Кровь застыла у меня в жилах. Меня словно огрели дубиной по голове. Выходило так, что Гарри Квеберт, первостатейный писатель, — еще и первостатейная сволочь.

— Вы всегда такой? — резко спросил я.

Он усмехнулся, глядя на меня с вальяжным видом и явно наслаждаясь моментом:

— Какой такой?

— Несносный.

Он расхохотался:

— Слушайте, Маркус, я ведь точно знаю, что вы такое: первачок с претензиями, полагающий, будто Монтклер — это центр мироздания. Вроде как европейцы в Средние века, покуда не сели на корабль и не обнаружили, что большинство цивилизаций по ту сторону океана куда более развиты, чем их собственная, — что они и пытались скрыть, устраивая побоище за побоищем. Я что хочу сказать, Маркус: вы потрясающий парень, но если не будете шевелить задницей, то, скорее всего, погаснете. У вас хорошие тексты. Но переделывать надо все: стиль, фразы, понятия, идеи. Вам надо взглянуть на себя со стороны и гораздо больше трудиться. Ваша проблема в том, что вы очень мало работаете. Довольствуетесь тем, что есть, лепите слова одно к другому без особого разбора, и это чувствуется. Думаете, вы гений, а? Ошибаетесь. Ваша работа — халтура, а значит, никуда не годится. Все надо делать заново. Понимаете?

— Не совсем...

Я просто кипел от гнева: да как он смеет, будь он хоть сто раз Квеберт? Как он смеет так обращаться с человеком, получившим прозвище Великолепный? А Гарри продолжал:

— Приведу очень простой пример. Вы хороший боксер. Это факт. Вы умеете драться. Но смотрите сами: вы меряетесь силами с одним этим несчастным заморышем и лупите его почем зря с таким самодовольным видом, что меня тошнит. Деретесь только с ним, потому что уверены в своем превосходстве. А значит, вы слабак, Маркус. Жалкий трус. Дристун. Ничтожество, барахло, фуфло, дешевка. Только и можете, что пускать пыль в глаза. И что всего хуже, вас это абсолютно устраивает. Померяйтесь силами с настоящим противником! Наберитесь храбрости! Бокс никогда не врет, ринг — лучший способ узнать, кто чего стоит: либо ты отметелишь, либо тебя отметелят, но обмануть нельзя, ни себя, ни других. А вы так и норовите улизнуть. Знаете, кто вы? Вы самозванец. Знаете, почему журнал печатал ваши рассказы в самом конце? Потому что они плохие. Вот и все. А почему рассказы Рейнхарца были в таком почете? Потому что они отличные. Это могло вызвать у вас желание превзойти самого себя, трудиться с утра до ночи и написать потрясающий текст, но ведь куда как проще совершить небольшой государственный переворот, убрать Рейнхарца и печататься самому, вместо того чтобы себя изменить. Дайте-ка угадаю, Маркус, вы ведь всю жизнь вели себя так? Или я не прав?

Вне себя от бешенства, я воскликнул:

— Ничего вы не знаете, Гарри! В школе меня очень ценили! Я был Великолепным!

— Да посмотрите вы на себя, Маркус, вы же не умеете падать! Бойтесь падать! И по этой самой причине, если так пойдет и дальше, вы скоро превратитесь в никому не интересную пустышку. Как можно жить, если не умеешь падать? Черт возьми, взгляните на себя и ответьте честно самому себе, какого хрена вы торчите в Берроузе! Я читал ваше дело! Говорил с Перголом! Еще чуть-чуть — и он вышвырнул бы вас за дверь, гениальный мальчик! Вы могли учиться в Гарварде, в Йеле, во всей Лиге ядовитого плюща,^[1] если б захотели, так нет же, вам надо было забраться сюда, потому что Господь наш Иисус дал вам такие малюсенькие яйца, что вам слабó мериться силами с настоящими соперниками. Я и в Фелтон звонил, говорил с бедным директором, совершеннейшим простофилей, он мне рассказывал о Великолепном и чуть не плакал от умиления. Вы знали, когда ехали сюда, Маркус, что здесь вы будете тем непобедимым персонажем, которого состряпали на пустом месте и который на самом деле бессилен перед настоящей жизнью. Вы заранее знали, что здесь вам не грозит опасность упасть. Думаю, это и есть ваша проблема: вы еще не поняли, как важно уметь падать. И если вы не опомнитесь, то пропадете, именно из-за этого.

С этими словами он написал на салфетке какой-то адрес в Лоуэлле, Массачусетс, в часе езды отсюда, и сказал, что это боксерский клуб, где каждый четверг вечером устраивают бои для всех. После чего удалился, предоставив мне оплатить счет.

В понедельник Квеберта в зале для бокса не оказалось, и через понедельник тоже. В аудитории он называл меня «мистер» и держался высокомерно. В конце концов я решил подойти к нему после лекции.

— Вы больше не ходите на бокс?

— Маркус, я вас очень люблю, но я уже вам сказал: по-моему, вы просто мелкий нытик с претензиями, а у меня слишком мало времени, чтобы тратить его на вас. Вам не место в Берроузе, и мне в вашем обществе делать нечего.

В следующий четверг я взял у Джареда машину и, кипя от бешенства, отправился в указанный Гарри клуб. Это оказался огромный сарай в промышленной зоне. Жуткое место, набитое людьми и провонявшее потом и кровью. На центральном ринге бушевал на редкость свирепый бой; множество зрителей, столпившихся у самых канатов, издавали зверские вопли. Мне было страшно, хотелось сбежать, признать себя побежденным, но я не успел: передо мной нарисовался громадный негр — как я потом

узнал, владелец зала: «Боксировать пришел, *whitey*?» Я ответил «да», и он послал меня переодеваться. Спустя четверть часа я стоял на ринге напротив него: бой, два раунда.

Никогда в жизни не забуду, как он мордовал меня в тот вечер; я думал, что умру. Меня буквально размазали под дикое улюлюканье зала, в восторге следившего, как милый желторотый студентик из Монтклера огребает по морде. Несмотря на свое состояние, я почел делом чести продержаться до конца основного времени — вопрос самолюбия, — и, дождавшись финального гонга, рухнул на землю: нокаут. Когда я снова открыл глаза, совершенно оглоушенный, но, благодарение богу, живой, надо мной склонился Гарри с мокрой губкой в руке.

— Гарри? Что вы здесь делаете?

Он бережно промокнул мне лицо. Он улыбался.

— Милый мой Маркус, у вас просто железные яйца: этот тип фунтов на шестьдесят тяжелее вас... Это был великолепный бой. Я очень вами горжусь...

Я попытался было встать, но он не позволил:

— Ну-ка, не прыгайте, по-моему, у вас сломан нос. Вы отличный парень, Маркус. Я догадывался, но вы мне доказали. Приняв этот бой, вы доказали, что я не зря возлагаю на вас надежды со дня нашей первой встречи. Вы показали, что способны преодолеть и превзойти самого себя. Теперь мы можем стать друзьями. Я хотел сказать вам вот что: вы самый незаурядный человек, который встретился мне за последние годы, и, вне всякого сомнения, станете великим писателем. Я вам помогу.

* * *

В общем, настоящая наша дружба началась после достопамятного мордобоя в Лоуэлле; Гарри Квеберт, в дневное время профессор литературы, стал для меня просто Гарри, партнером по боксу по понедельникам, другом и наставником в те выходные, когда он по вечерам учил меня, как стать писателем. Последнее происходило, как правило, по субботам. Мы встречались в кафешке неподалеку от кампуса и располагались за большим столом, где можно было разложить книги и исписанные листы. Он перечитывал мои тексты и давал советы, заставлял вновь и вновь начинать сначала, заново обдумывать фразы.

— Текст хорошим не бывает, — говорил он. — Просто есть момент, когда он не так плох, как раньше.

В промежутке между нашими встречами я часами просиживал в комнате, раз за разом перерабатывая свои тексты. Я, всегда порхавший по жизни в свое удовольствие, всегда умевший всех обмануть, налетел на преграду — но на какую преграду! На Гарри Квеберта собственной персоной, первого и единственного человека, сумевшего столкнуть меня с самим собой.

Гарри не только учил меня писать — он научил меня восприимчивости. Он водил меня в театр, на выставки, в кино. И еще в бостонский Симфони-Холл; говорил, что от хорошего оперного пения может расплакаться. Он считал, что мы с ним очень похожи, и нередко рассказывал о своей прошлой писательской жизни. Писательство, по его словам, изменило всю его жизнь, и случилось это в середине семидесятых. Помню, однажды мы с ним отправились в Тинейдридж послушать хор пенсионеров, и он поделился со мной очень давними воспоминаниями. Он родился в 1941 году в Бентоне, в Нью-Джерси; мать — секретарша, отец — врач, других детей в семье не было. Думаю, детство у него было совершенно безоблачное, и о юных его годах рассказывать особенно нечего. На мой взгляд, история его жизни началась в конце шестидесятых, когда он, окончив филологический факультет Нью-Йоркского университета, нашел место учителя литературы в Куинсе. Но скоро почувствовал, что в школьном классе ему тесно; в нем всегда жила одна-единственная мечта — писать. В 1972 году вышел его первый роман, на который он возлагал большие надежды, но который имел успех в очень узких кругах. Тогда он решил перейти на новый этап. «Однажды, — вспоминал он, — я решился: сказал себе, что пора написать сногсшибательную книжку, забрал из банка все свои сбережения и стал искать дом на побережье, чтобы несколько месяцев пожить спокойно и поработать без помех. Дом я нашел, в Авроре, и сразу понял: это то, что надо. В конце мая 1975 года я уехал из Нью-Йорка и перебрался в Нью-Гэмпшир, да здесь и остался. Потому что в то лето я написал книгу, открывшую передо мной врата славы: да-да, Маркус, в тот год, в Авроре, я написал „Истоки зла“. На гонорар за книгу я выкупил дом и до сих пор в нем живу. Вот увидите, это потрясающее место, приезжайте ко мне при случае...»

Первый раз я приехал в Аврору на рождественских каникулах, в начале января 2000 года. К тому моменту мы с Гарри были знакомы около полутора лет. Помню, я привез бутылку вина для него и цветы для его жены. При виде громадного букета Гарри как-то странно посмотрел на меня и сказал:

— Цветы? Это уже интересно, Маркус. Вы собрались признаваться мне в любви?

— Это для вашей жены.

— Моей жены? Но я не женат.

Только тогда я понял, что во время наших встреч мы ни разу не говорили о его личной жизни: миссис Гарри Квеберт не существовало. Родных Гарри Квеберта тоже. Был только сам Квеберт. Один. Квеберт, подылавший со скуки настолько, что подружился с одним из своих студентов. Понял я это прежде всего по холодильнику. Сразу после моего приезда мы расположились в великолепной гостиной, стены которой были сплошь покрыты деревянными панелями и книжными полками, и Гарри спросил, не хочу ли я чего-нибудь выпить.

— Лимонаду?

— С удовольствием.

— Там в холодильнике стоит кувшинчик, специально для вас. Налейте себе и принесите мне тоже большой стакан, спасибо.

Я пошел на кухню и, открыв холодильник, обнаружил, что он пуст: внутри был один несчастный кувшин с лимонадом — тщательно приготовленным, со льдом в форме звездочек, лимонной цедрой и листиками мяты. Холодильник одинокого человека.

— Гарри, у вас в холодильнике ничего нет, — сказал я, вернувшись в гостиную.

— О, сейчас схожу в магазин. Простите, я не привык принимать гостей.

— Вы один здесь живете?

— Естественно. С кем же мне тут жить?

— Я имею в виду, у вас нет семьи?

— Нет.

— Ни жены, ни детей?

— Никого.

— И подружки?

Он грустно улыбнулся:

— И подружки нет. Никого.

В тот первый приезд в Аврору я осознал, что сложившийся у меня образ Гарри односторонен: его громадный дом на побережье океана был абсолютно пустым. Гарри Л. Квеберт, звезда американской литературы, почтенный, обожаемый студентами профессор, обаятельный, харизматичный, элегантный, спортивный, неприкасаемый, возвращаясь к себе, в маленький городок Нью-Гэмпшира, становился просто Гарри.

Зажатым, иногда чуть грустным мужчиной, любящим долгие прогулки по пляжу, прямо у себя под домом, и считавшим своим священным долгом кормить чаек сухим хлебом, который он хранил в жестяной коробке с выбитой на ней надписью «На память о Рокленде, Мэн». И я спрашивал себя, что же могло случиться в жизни этого мужчины, если таков ее конец.

Меня бы не так волновало одиночество Гарри, если бы наша дружба не породила неизбежные слухи. Остальные студенты, заметив, что у меня с Гарри особые отношения, намекали, что мы с ним голубые. В конце концов мне надоели подковырки товарищей, и в одно субботнее утро я спросил его напрямую:

— Гарри, почему вы всегда один?

Он опустил голову; глаза его заблестели.

— Вы пытаетесь завести разговор о любви, Маркус, но любовь — сложная штука. Очень сложная. Самое потрясающее и одновременно худшее, что может с вами случиться. Когда-нибудь вы сами поймете. Любовь может сделать вам очень больно. Из-за этого не надо бояться падать, и тем более влюбляться, потому что любовь — это прекрасно, но, как все прекрасное, она ослепляет, и у вас болят глаза. Вот почему потом часто плачут.

С того дня я стал регулярно навещать Гарри в Авроре. Иногда приезжал из Берроуза на день, иногда оставался ночевать. Гарри учил меня, как стать писателем, а я, как мог, старался скрасить его одиночество. Все последующие годы, пока продолжалась моя учеба в университете, я видел в Берроузе Гарри Квеберта, писателя-звезду, и общался в Авроре с просто-Гарри, одиноким мужчиной.

Летом 2002-го, отучившись четыре года в Берроузе, я получил свой диплом по литературе. После церемонии вручения дипломов в поточной аудитории, где я произнес положенную речь лучшего в выпуске, а мои родители и друзья, приехавшие из Монтклера, с волнением убедились, что я по-прежнему Великолепный, мы с Гарри прошли по кампусу. Мы бродили под высокими платанами и случайно оказались у зала для бокса. Погода была замечательная, сияло солнце. Мы совершили последнее паломничество к рингам и мешкам.

— Вот здесь все и началось, — произнес Гарри. — Что вы будете теперь делать?

— Вернусь в Нью-Йорк. Напишу книгу. Стану писателем. Таким, как вы учили. Напишу великий роман.

Он улыбнулся:

— Великий роман? Погодите, Маркус, у вас вся жизнь впереди. Вы будете иногда сюда заезжать, да?

— Конечно.

— В Авроре для вас всегда найдется место.

— Я знаю, Гарри. Спасибо.

Он посмотрел на меня и положил руки мне на плечи.

— Годы прошли с момента нашей встречи. Вы очень изменились; стали мужчиной. Мне не терпится прочесть ваш первый роман.

Мы долго смотрели друг другу в глаза, а потом он спросил:

— Если честно, Маркус, почему вы хотите писать?

— Понятия не имею.

— Это не ответ. Почему вы пишете?

— Потому что у меня это в крови... Потому что, когда я утром просыпаюсь, это первое, о чем я думаю. Больше я ничего не могу сказать. А вы, Гарри, почему вы стали писателем?

— Потому что это придало смысл моей жизни. Если вы еще не заметили, жизнь вообще-то — штука бессмысленная. Разве что вы сами постараетесь вложить в нее смысл и будете биться что есть мочи каждый день, чтобы достичь этой цели. Вы талантливы, Маркус; придайте смысл вашей жизни, и пусть ветер победы овеивает ваше имя. Быть писателем — значит быть живым.

— А если не получится?

— Получится. Будет трудно, но у вас получится. В тот день, когда это придаст смысл вашей жизни, вы станете настоящим писателем. А пока главное — не бойтесь падать.

Роман, написанный мною за два следующих года, вознес меня на вершину. Сразу несколько издательств предложили купить у меня рукопись, и в итоге в 2005 году я подписал договор на кругленькую сумму с престижным нью-йоркским издательством «Шмид и Хансон», глава которого, Рой Барнаски, как дальновидный бизнесмен заставил меня подписать общий договор на пять произведений. Осенью 2006-го роман вышел в свет и имел громадный успех. Великолепный из Фелтона стал знаменитым писателем, и в жизни моей произошел переворот: мне было двадцать восемь, а я уже был богат, известен и талантлив. Мне и в голову не приходило, что урок Гарри только начинается.

27. Там, где сажали гортензии

— Гарри, я как-то не уверен в том, что пишу. Не знаю, хорошо ли выходит. Стоит ли того, чтобы...

— Надевайте шорты, Маркус, и идите побегайте.

— Сейчас? Там же льет как из ведра.

— Избавьте меня от своих стенаний, маленький нытик. От дождя еще никто не умер. Если вам не хватает смелости пробежаться под дождем, вам не хватит смелости написать книгу.

— Еще один ваш пресловутый совет?

— Да. Причем этот совет годится для всех персонажей, что живут внутри вас: и для мужчины, и для боксера, и для писателя. Если в один прекрасный день вы усомнитесь в том, что делаете, — ступайте бегать. И бегайте, пока ноги держат: вот тогда почувствуете, как в вас пробуждается бешеная воля к победе. Знаете, Маркус, я ведь тоже ненавидел дождь, пока...

— И что вас заставило передумать?

— Не что, а кто.

— Кто?

— Вперед. Сейчас же бегать. И не возвращайтесь, пока семь потов не сойдет.

— Как я могу чему-то научиться, если вы мне никогда ничего не рассказываете?

— Вы задаете слишком много вопросов, Маркус. Удачной пробежки.

Это был здоровенный тип не самого приятного вида: афроамериканец, ручищи как кувалды, под слишком тесным блейзером угадывалось массивное, коренастое тело. В нашу первую встречу он наставил на меня револьвер. Между прочим, я первый раз видел, чтобы кто-то угрожал мне оружием. Он возник в моей жизни в среду 18 июня 2008 года, когда я всерьез принялся за расследование убийства Нолы Келлерган и Деборы Купер. Я жил в Гусиной бухте почти двое суток и в то утро решил, что пора вплотную познакомиться с ямой, зияющей в двадцати метрах от дома; до сих пор я довольствовался тем, что созерцал ее издали. Приподняв заградительные ленты, я пролез под ними и стал рассматривать хорошо знакомую местность. Границы Гусиной бухты обозначались пляжем и

прибрежным лесом: ни заборов, ни табличек, запрещающих вторгаться в частные владения. Сюда любой мог зайти и выйти, и встретить людей, гуляющих по пляжу или по окрестным рощам, было делом вполне обычным. Яма находилась на лужайке прямо над океаном, между террасой и лесом. Я подошел к ней; тысячи вопросов роились у меня в голове, и в частности — сколько часов я просидел на этой террасе, в кабинете Гарри, когда рядом под землей покоилось тело девочки. Я сделал несколько фото и даже видео на мобильник, пытаюсь представить себе разложившийся труп, представший взорам полиции. Целиком поглощенный местом преступления, я не заметил опасности у себя за спиной, и только повернувшись, чтобы снять террасу, увидел, что в нескольких метрах стоит человек и целится в меня из револьвера. Я завопил:

— Не стреляйте! О боже, не стреляйте! Я Маркус Гольдман! Писатель! Он немедленно опустил оружие.

— Так это вы Маркус Гольдман?

Он сунул пистолет в кобуру на поясе, и я заметил у него бейджик:

— А вы коп?

— Сержант Перри Гэхаловуд. Уголовная полиция штата. Что это вы тут торчите? Это место преступления.

— И часто вы так, пугачом своим, в людей метите? А если б я был из федеральной полиции? Хороши бы вы тогда были, ха! Вылетели бы со службы как миленький!

Он расхохотался:

— Вы? Коп? Я за вами уж десять минут наблюдаю, как вы тут на цыпочках ходите, чтобы мокасины не испачкать. И федералы, когда ствол видят, не голосят, а выхватывают свой и палят во все, что движется.

— Я думал, вы бандит.

— Потому что я черный?

— Нет, потому что вид у вас бандитский. Это на вас индейский галстук?

— Да.

— Давно вышел из моды.

— Может, все-таки скажете, какого черта вы здесь делаете?

— Я здесь живу.

— То есть как это — вы здесь живете?

— Я друг Гарри Квеберта. Он просил меня приглядеть за домом, пока его нет.

— Вы что, совсем спятили? Гарри Квеберт обвиняется в двойном убийстве, в доме прошел обыск и доступ туда закрыт! Поедемте-ка со

мной, старина.

— Вы не опечатали дом.

Он на минуту задумался:

— Никак не думал, что его займет какой-то писателишка.

— Надо было думать. Хотя полицейскому это, конечно, сложно.

— И все-таки я вас арестую.

— Нет такого закона! — воскликнул я. — Печатей нет, запрета нет! Я остаюсь здесь. А иначе я вас потащу в суд и вчиню иск за то, что вы угрожали мне своей пушкой. И потребую возмещения миллионных убытков и морального ущерба. Я все снял на камеру.

— Рот подучил, да? — вздохнул Гэхаловуд.

— Да.

— Пффф! Экий черт. Родную мать пошлет на электрический стул, лишь бы снять обвинение со своего клиента.

— Дыра в законе, сержант. Дыра в законе. Надеюсь, вы на меня не в претензии.

— В претензии. Но дом нас все равно больше не интересует. А вот заходить за полицейские ограждения я вам запрещаю. Вы читать умеете? Там написано: место преступления, за заграждения не заходить.

Слегка воспрянув духом, я отряхнул рубашку, сделал несколько шагов к яме и очень серьезно пояснил:

— Представьте себе, сержант, я тоже веду расследование. Лучше скажите, что вам известно об этом деле.

Он опять прыснул:

— Нет, я, наверно, сплю! Вы? Ведете расследование? Вот это новости. Между прочим, с вас пятнадцать долларов.

— Пятнадцать долларов? Это за что же?

— Это я заплатил за вашу книжку. В прошлом году читал. Очень плохая книжка. В жизни ничего хуже не читал. Так что верните деньги.

Я посмотрел ему прямо в глаза и сказал:

— Идите к черту, сержант.

А поскольку я по-прежнему двигался к яме, не глядя под ноги, то и свалился в нее. И опять завопил, потому что оказался в могиле Нолы.

— Нет, вы совершенно невозможны! — воскликнул Гэхаловуд, стоя на куче земли.

Он протянул мне руку и помог вылезти. Мы пошли посидеть на террасе, и я отдал ему деньги. У меня была только пятидесятидолларовая купюра.

— Сдача есть? — спросил я.

- Нет.
- Оставьте себе.
- Спасибо, писатель.
- Я больше не писатель.

Как я быстро понял, сержант Гэхаловуд был человек сварливый и в придачу упрямый как осел. Однако после моих настойчивых просьб он все же рассказал, что в тот день, когда обнаружили тело, был на постоянном дежурстве и оказался у ямы в числе первых.

— Там были человеческие останки и кожаная сумка. На сумке внутри было выбито имя: «Нола Келлерган». Я открыл ее, там была рукопись, в довольно приличном состоянии. Я так думаю, бумага сохранилась из-за кожи.

— Как вы узнали, что это рукопись Гарри Квеберта?

— Тогда я этого не знал. Я ему показал ее на допросе, и он ее сразу опознал. Потом я, естественно, сравнил текст. Он слово в слово совпадает с той его книжкой, «Истоки зла», которая вышла в семьдесят шестом, меньше чем через год после трагедии. Забавное совпадение, да?

— То, что он написал книгу о Ноле, еще не доказывает, что он ее убил. Он говорит, что рукопись пропала и что Нола иногда забирала ее.

— Труп девочки нашли в его саду. И при ней рукопись его книжки. Докажите мне, что он невиновен, писатель, может, я тогда передумаю.

— Мне бы хотелось взглянуть на рукопись.

— Невозможно. Это улика.

— Но я тоже веду расследование, я же сказал.

— Ваше расследование меня не волнует, писатель. Вы получите доступ к делу, как только Квеберт предстанет перед Большим жюри.

Я решил показать, что тоже не дилетант и кое-что знаю о деле:

— Я говорил с Тревисом Доуном, нынешним шефом полиции Авроры. Судя по всему, в момент исчезновения Нола они напали на след: черный «шевроле-монте-карло».

— Я в курсе, — отмахнулся Гэхаловуд. — И угадайте, Шерлок Холмс: у кого был черный «шевроле-монте-карло»? У Гарри Квеберта.

— Откуда вы знаете про «шевроле»?

— Читал тогдашний отчет.

Немного подумав, я спросил:

— Минуточку, сержант. Если вы такой умный, объясните, зачем Гарри велел сажать цветы именно там, где якобы похоронил Нолу?

— Думал, что садовники не будут копать так глубоко.

— Это бессмыслица, вы сами понимаете. Гарри не убивал Нолу

Келлерган.

— С чего это вы так уверены?

— Он любил ее.

— Все они так на суде говорят: «Я слишком ее любил, вот и убил».

Когда любят, не убивают.

С этими словами Гэхаловуд поднялся со стула, давая понять, что разговор окончен.

— Уже уходите, сержант? Но наше расследование только начинается.

— Наше? Вы хотите сказать — мое.

— Когда снова увидимся?

— Никогда, писатель. Никогда.

И он ушел, не попрощавшись.

Этот самый Гэхаловуд не принимал меня всерьез, зато с Тревисом Доуном все было совершенно иначе: чуть позже я зашел к нему в полицейский участок Авроры, отнес обнаруженное накануне вечером анонимное послание.

— Я к тебе: вот, нашел это в Гусиной бухте, — сказал я, положив бумажку ему на стол.

Он прочел.

— «Возвращайся домой, Гольдман»? И когда это случилось?

— Вчера вечером. Пошел прогуляться по пляжу, а когда вернулся, письмо торчало из проема входной двери.

— И ты, конечно, ничего не видел...

— Ничего.

— Первый раз такое?

— Да. Вообще-то я здесь всего два дня...

— Я зарегистрирую жалобу и заведу дело. Тебе надо быть осторожным, Маркус.

— Ты прямо как моя мать.

— Да нет, я серьезно. Не стоит недооценивать эмоциональное воздействие этой истории. Я оставлю у себя письмо?

— Бери.

— Спасибо. А что еще я могу для тебя сделать? Ты же, наверно, не только для того пришел, чтобы рассказать мне про эту бумажку.

— Ты не мог бы съездить со мной в Сайд-Крик, если у тебя есть время? Хочется увидеть место, где все произошло.

Тревис не только согласился отвезти меня в Сайд-Крик, он еще и совершил со мной путешествие в прошлое тридцатитрехлетней давности.

Мы ехали на патрульной машине тем же путем, что и он сам после первого звонка Деборы Купер. После Авроры мы двинулись по шоссе 1 в сторону Мэна, миновали Гусиную бухту и через несколько миль оказались на опушке леса Сайд-Крик, на пересечении с Сайд-Крик-лейн — дорогой, в конце которой жила Дебора Купер. Тревис свернул, и мы подъехали к симпатичному дощатому дому, обращенному фасадом к океану и окруженному лесом. Место было восхитительное, но совершенно глухое.

— Ничего с тех пор не изменилось, — сказал Тревис, пока мы обходили дом. — Разве что покрашен заново, чуть светлее, чем раньше. А все остальное в точности как тогда.

— Кто здесь теперь живет?

— Пара из Бостона, только в летние месяцы. Приезжают в июле, уезжают в конце августа. В остальное время — никто.

Он показал мне заднюю калитку напротив кухни и пояснил:

— Когда я последний раз видел Дебору Купер живой, она стояла у этой калитки. Как раз тогда подъехал шеф Пратт, велел ей спокойно сидеть дома и не волноваться, и мы с ним пошли обшаривать лес. Кому же могло прийти в голову, что через двадцать минут ее убьют выстрелом в грудь.

Тревис, продолжая рассказ, направился к лесу. Я понял, что он нашел тропинку, по которой они с шефом Праттом шли тридцать три года тому назад.

— А что случилось с шефом Праттом? — спросил я, шагая за ним следом.

— Ушел в отставку. Живет по-прежнему в Авроре, на Маунтин-драйв. Наверняка ты его видел. Коренастый такой, вечно в брюках для гольфа.

Мы все дальше углублялись в лес. Чуть ниже сквозь ряды деревьев и буйную зелень виднелся пляж. Прошло добрых четверть часа, и Тревис вдруг резко остановился у трех прямых как свечи сосен.

— Это было здесь.

— Что здесь?

— Здесь мы нашли всю эту кровь, клочья светлых волос, кусок красной ткани. Ужас. Я это место никогда не забуду: мха на камнях прибавилось, деревья выросли, но для меня все осталось как раньше.

— И что вы стали делать?

— Мы поняли, что происходит что-то серьезное, но времени уже не было — раздался тот самый выстрел. С ума сойти, мы же никого не видели... То есть я хочу сказать, мы наверняка в какой-то момент прошли мимо девочки или ее убийцы... Не знаю, как мы их пропустили... Думаю, они прятались в кустах и он зажимал ей рот рукой. Лес огромный, тут легко

остаться незамеченным. По-моему, в какой-то момент убийца зазевался, и она этим воспользовалась, вырвалась из его рук и добежала до дома, пытаясь спастись. Он вошел за ней в дом и избавился от мамыши Купер.

— Значит, услышав выстрел, вы сразу побежали к дому...

— Да.

Мы пошли обратно и вернулись к дому миссис Купер.

— Все произошло на кухне, — сказал Тревис. — Нола бежит из леса, зовет на помощь; мамаша Купер впускает ее и идет в гостиную позвонить в полицию и сообщить, что девочка у нее. Я знаю, что телефон в гостиной: я сам полчаса назад звонил по нему шефу Пратту. Пока ее нет, преступник проникает на кухню и хватает Нолу, но в этот момент входит Купер, и он ее убивает. А потом тащит Нолу в свою машину.

— Где была машина?

— На шоссе номер один, там, где оно идет вдоль этого чертова леса. Пойдем, я тебе покажу.

Тревис снова повел меня от дома в лес, но уже в совсем другом направлении; он уверенно шагал среди деревьев, и скоро мы вышли на шоссе 1.

— Черный «шевроле» стоял здесь. В то время обочины шоссе не были расчищены так, как сейчас, и его скрывали кусты.

— А откуда известно, что он пошел именно сюда?

— По следам крови, они вели от дома до этого места.

— И что машина?

— Испарилась. Я тебе говорил, помощник шерифа ехал на подмогу по этой дороге и случайно ее заметил. Организовали погоню, перекрыли весь район, но он от нас ушел.

— Как же убийце удалось выскользнуть из сети?

— Хотел бы я знать; надо сказать, я уже тридцать три года не перестаю задавать себе вопросы по поводу этого дела. Знаешь, я каждый день, когда сажусь в полицейскую машину, спрашиваю себя, что было бы, если бы мы нагнали этот долбанный «шевроле». А вдруг малышку удалось бы спасти...

— То есть ты думаешь, она была в машине?

— Сейчас, когда ее тело нашли в двух милях отсюда, я в этом уверен.

— И ты думаешь, за рулем этого черного «шевроле» был Гарри, да?

Он пожал плечами:

— Скажем так, в свете последних событий я не вижу, кто еще это мог бы быть.

Бывший шеф полиции Гэрет Пратт, к которому я отправился в тот же

день, явно разделял мнение своего тогдашнего подчиненного относительно виновности Гарри. Он встретил меня на открытой террасе, в брюках для гольфа. Его жена Эми принесла нам выпить, а потом сделала вид, будто занимается с цветочными вазонами, чтобы послушать наш разговор; впрочем, она этого и не скрывала, отпуская комментарии к словам мужа.

— Я вас раньше видел или нет? — спросил Пратт.

— Это тот милый молодой человек, который написал ту книгу, — подсказала жена.

— Вы не тот парень, который написал книгу? — переспросил он.

— Он самый. И не только.

— Гэрет, я же тебе только что сказала, — оборвала его Эми.

— Дорогая, не мешай нам, пожалуйста, люди приходят ко мне, благодарю покорно. Итак, мистер Гольдман, чем обязан счастьем вас видеть?

— Честно говоря, я пытаюсь сам себе ответить на несколько вопросов в связи с убийством Нолы Келлерган. Я говорил с Тревисом Доуном, и он сказал, что вы уже тогда подозревали Гарри.

— Это верно.

— А на каком основании?

— Нас насторожили некоторые моменты. Особенно то, чем обернулась погоня: ясно было, что убийца свой, местный. Чтобы вот так взять да исчезнуть, когда вся полиция штата стояла на ушах, надо было знать район как свои пять пальцев. И потом, этот черный «монте-карло». Как вы догадываетесь, мы составили список всех владельцев этой модели в нашем районе: у них у всех было алиби, кроме Квеберта.

— И тем не менее вы в итоге не пошли по этому следу...

— Нет, потому что, кроме этой истории с машиной, нам на самом деле нечего было ему предъявить. Да и из списка подозреваемых мы его очень быстро вычеркнули. То, что тело этой несчастной девочки нашли в его саду, доказывает, что мы поторопились. С ума сойти, ведь он мне всегда был страшно симпатичен... Может, потому я и судил предвзято. Он всегда был такой обаятельный, приветливый, все ему верили... Я вот хочу спросить, мистер Гольдман. Как я понял, вы хорошо его знаете; и вот теперь, когда известно про девочку в саду, вам не приходят на ум какие-нибудь его слова или поступки, которые могли вызвать у вас хотя бы тень подозрения?

— Нет, шеф. Ничего, насколько я помню.

Вернувшись в Гусиную бухту, я увидел за лентами ограждения саженцы гортензии, засыхавшие корнями вверх на краю ямы. Я пошел в

маленькую пристройку, служившую гаражом, и извлек оттуда лопату. Потом проник в запретную зону, вскопал квадратный участок мягкой земли прямо над океаном и посадил цветы.

30 августа 2002 года

— Гарри?

Было шесть часов утра. Он сидел на террасе Гусиной бухты с чашкой кофе в руках. Он обернулся:

— Маркус? Вы весь потный... Только не говорите, что вы уже пробежались?

— Пробежался. Все восемь миль.

— Когда же вы встали?

— Рано. Помните, два года назад, когда я только начал сюда ездить, вы меня будили до зари? У меня теперь привычка. Встаю на заре, чтобы весь мир был мой. А вы что делаете на улице?

— Смотрю, Маркус.

— И куда вы смотрите?

— Видите вон ту лужайку прямо над пляжем, среди сосен? Я давно хочу что-нибудь из нее сделать. Это единственный ровный участок в моих владениях, там можно разбить маленький садик. Хочу соорудить красивый уголок — две скамейки, железный стол, а вокруг гортензии. Много гортензий.

— Почему именно гортензии?

— Я знал одного человека, который их любил. Мне хочется устроить цветники с гортензиями, чтобы помнить о ней всегда.

— Вы любили этого человека?

— Да.

— У вас грустный вид, Гарри.

— Не обращайтесь внимания.

— Гарри, почему вы никогда не рассказываете о своей любви?

— Потому что сказать нечего. Лучше посмотрите, посмотрите хорошенько! Или нет — лучше закройте глаза! Да, зажмурьтесь, и покрепче, чтобы никакой свет не проникал. Видите? Вот дорожка, она выложена плиткой и ведет от террасы к гортензиям. И две скамеечки, с них виден и океан, и роскошные цветы. Что может быть лучше, чем смотреть на океан и гортензии? Там есть даже прудик, а посередине — фонтан в виде статуи. Если прудик получится достаточно большой, я туда пущу разноцветных японских карпов.

— Рыб? Они там полчаса не проживут, их сожрут чайки.

Он улыбнулся:

— Чайки тут имеют право делать что хотят, Маркус. Но вы правы: карпов я в пруд пускать не буду. И идите, ради бога, примите горячий душ, пока вы не умерли или не подхватили еще какую-нибудь гадость; а то ваши родители решат, что я о вас совсем не забочусь. А я пойду приготовлю завтрак. Маркус...

— Да, Гарри?

— Если бы у меня был сын...

— Я знаю, Гарри. Знаю.

* * *

В четверг 19 июня 2008 года я с утра отправился в мотель «Морской берег». Найти его оказалось очень легко: проехав по шоссе 1 четыре мили на север от Сайд-Крик-лейн, невозможно было не заметить огромный деревянный щит с надписью:

Мотель и ресторан

Морской берег

Построен в 1960 г.

Место, где Гарри ждал Нолу, существовало по-прежнему; я наверняка сотни раз проезжал мимо, но никогда не обращал на него внимания — да и какое мне было до него дело вплоть до сегодняшнего дня? Это было деревянное строение с красной крышей, окруженное кустами роз; прямо за ним начинался лес. Двери всех номеров на первом этаже выходили прямо на парковку; на второй этаж вела наружная лестница.

По словам администратора, мотель с момента постройки несколько не изменился, разве что номера сделали более современными, а к основному зданию пристроили ресторан. В качестве доказательства он вытащил памятный альбом к сорокалетию мотеля и продемонстрировал мне фотографии того времени.

— Почему вас так интересует это место? — в конце концов спросил он.

— Потому что я ищу одно очень важное свидетельство, — ответил я.

— Слушаю вас.

— Мне нужно узнать, находился ли кто-нибудь здесь в восьмом номере в ночь с субботы 30 августа на воскресенье 31 августа 1975 года.

Он захохотал:

— Семьдесят пятого года? Это вы серьезно? С тех пор как ввели компьютерную регистрацию, в базе сохраняются данные максимум за последние два года. Если хотите, я могу вам сказать, кто здесь ночевал 30 августа 2006-го. Ну, то есть чисто теоретически, потому что я, естественно, не имею права раскрывать эту информацию.

— Значит, узнать никак нельзя?

— Кроме базы, мы храним только адреса электронной почты нашей рассылки. Не хотите получать нашу рассылку?

— Нет, спасибо. Но мне бы хотелось посмотреть на восьмой номер, если можно.

— Просто так смотреть нельзя. Но номер свободен. Хотите снять его на ночь? Сто долларов.

— У вас на рекламном щите написано, что все номера по семьдесят пять. Знаете что, я вам сейчас дам двадцать долларов, вы мне покажете номер, и все будут довольны.

— Да вы крутой! Ладно, так и быть.

Восьмой номер находился на втором этаже. Самый что ни на есть обычный номер: кровать, мини-бар, телевизор, маленький письменный стол и ванная.

— Почему вас так интересует этот номер? — спросил администратор.

— Трудно объяснить. Один мой друг говорит, что ночевал здесь тридцать лет назад. Если это правда, значит, он не виновен в том, в чем его обвиняют.

— А в чем его обвиняют?

Я не ответил и задал еще один вопрос:

— Почему ваш мотель называется «Морской берег»? Отсюда и моря-то не видно.

— Не видно, но через лес идет тропинка на пляж. Это написано в проспекте. Но клиентам на это плевать: те, кто у нас останавливается, на пляж не ходят.

— Вы хотите сказать, что можно, к примеру, идти вдоль моря от Авроры, пересечь лес и попасть к вам?

— Теоретически, да.

Остаток дня я провел в городской библиотеке — рылся в архивах, пытаюсь восстановить события прошлого. В этом деле мне очень помог Эрни Пинкас, не жалеющий времени, чтобы облегчить мои разыскания.

Судя по тогдашним газетам, в день исчезновения Нолы никто не заметил ничего странного: ни убегающей девочки, ни какого-нибудь человека, слонявшегося у ее дома. Все считали ее исчезновение большой загадкой, которую убийство Деборы Купер только усугубляло. Однако некоторые свидетели — в основном соседи — указывали, что в тот день из дома семейства Келлерган доносились крики и шум; другие, впрочем, объясняли, что шум — это музыка, которую его преподобие, по своему обыкновению, включил на полную громкость. По сведениям *Aurora Star*, Келлерган-отец любил мастерить у себя в гараже и за работой всегда слушал музыку. Звук он прибавлял, чтобы заглушить грохот инструментов: он полагал, что хорошая музыка, пусть даже слишком громкая, все равно лучше, чем стук молотка. Но если его дочь звала на помощь, он вполне мог не услышать. Пинкас сказал, что отец Келлерган не может себе простить, что включил музыку так громко; с тех пор он живет затворником в их доме на Террас-авеню и все время крутит этот самый диск так, что можно оглохнуть, как будто себе в наказание. Из всей семьи в живых остался он один. Мать Нолы, Луиза, давно умерла. По словам Пинкаса, когда стало известно, что откопали тело малышки Нолы, дом старого Дэвида Келлергана осадили журналисты.

— Это была невероятно грустная сцена. Он произнес что-то вроде: «Значит, она умерла... Я все это время копил деньги, чтобы она могла поступить в университет». И представь, на следующий день у его дверей выстроилось пять фальшивых Нол. За баблом. У бедняги от этого совсем крыша съехала. В дикие времена мы живем, Маркус, честное слово: столько дерьма у людей в душах. Я так думаю.

— А отец часто так делал, музыку ставил на полную мощность? — спросил я.

— Да, все время. Кстати, о Гарри... Знаешь, я тут вчера встретил в городе мамашу Куинн...

— Мамашу Куинн?

— Ну да, это прежняя владелица «Кларкса». Она тут всем направо и налево говорит, что всегда знала, что Гарри имел виды на Нолу... Якобы у нее тогда было неопровержимое доказательство.

— Что за доказательство?

— Понятия не имею. От Гарри есть какие-нибудь новости?

— Я к нему завтра поеду.

- Передавай от меня привет.
- Навести его, если хочешь... Ему будет приятно.
- Не уверен, что мне сильно хочется.

Я знал, что семидесятипятилетний пенсионер Пинкас, который всю жизнь работал на текстильной фабрике в Конкорде, нигде не учился и очень жалел, что может утолить свою страсть к книгам не иначе как в должности библиотекаря на общественных началах, был навеки благодарен Гарри за то, что тот разрешил ему посещать вольнослушателем лекции по литературе в Университете Берроуза. Поэтому я всегда считал его одним из самых верных друзей Гарри; и вот теперь даже он предпочитает держаться от него подальше.

— Знаешь, — сказал он, — Нола была такая необыкновенная девочка, кроткая, всегда приветливая. Ее здесь все любили! Она нам всем была как дочка. Так как же Гарри мог... Я хочу сказать, даже если он ее не убивал, он написал ей эту книгу! Блин, ей пятнадцать лет было! Девочка совсем! И так ее любить, чтобы книгу ей написать? Я со своей женой пятьдесят лет прожил, и мне ни разу не захотелось написать ей книгу.

— Но эта книга — шедевр.

— Эта книга — дьявол! Извращение! Кстати, я выбросил все экземпляры, какие тут были. Люди слишком потрясены.

Я вздохнул, но промолчал. Не хотелось с ним спорить. Только спросил:

— Эрни, можно мне пришлют посылку сюда, на адрес библиотеки?

— Посылку? Конечно. А почему?

— Я попросил домработницу взять у меня дома одну важную вещь и послать мне через *FedEx*. Но пусть лучше ее доставят сюда: я не так часто бываю в Гусиной бухте, и там почтовый ящик забит всякой дрянью, я в него даже не заглядываю... Здесь я, по крайней мере, буду уверен, что она дойдет.

Почтовый ящик в Гусиной бухте весьма точно отражал нынешнюю репутацию Гарри: вся Америка, прежде преклонявшаяся перед ним, теперь его освистывала и заваливала оскорбительными письмами. Разгорался крупнейший скандал в истории книгоиздания: «Истоки зла» отныне были изъяты из книжных магазинов и из школьной программы, *Boston Globe* в одностороннем порядке прекратила сотрудничество с ним, а что до административного совета Университета Берроуза, то он решил немедленно уволить Гарри с должности. Все газеты без стеснения изображали его сексуальным маньяком; все споры, все разговоры вертелись вокруг него. Рой Барнаски, учуяв, что дело пахнет колоссальной выгодой, и не желая ее упустить, непременно хотел выпустить об этом книгу. И

поскольку Дуглас убедить меня так и не смог, он в конце концов позвонил мне лично, дабы прочесть небольшую лекцию о рыночной экономике.

— Публика жаждет, требует такую книгу, — заявил он. — Вот послушайте, у нашей высотки внизу даже собрались фанаты и скандируют ваше имя.

Он включил громкую связь, сделал знак ассистенткам, и те заорали что было мочи: «Гольд-ман! Гольд-ман! Гольд-ман!»

— Это не фанаты, Рой, это ваши ассистентки. Добрый день, Мариза.

— Здравствуйте, Маркус, — ответила Мариза.

Барнаски снова взял трубку:

— В общем, только подумайте, Гольдман: к осени выпускаем книгу. Верный успех! Полтора месяца, чтобы написать книжку — как вам, нормально?

— Полтора месяца? У меня на первую книгу ушло два года. Да и не понимаю, о чем тут рассказывать, никто пока не знает, что произошло.

— Слушайте, я могу вам для скорости выделить писателей-призраков.

[\[2\]](#) И потом, не надо никакой высокой литературы: люди прежде всего хотят знать, что Квеберт сделал с девочкой. Просто опишите факты и добавьте саспенса, грязи и немного секса, само собой.

— Секса?

— Да прекратите вы, Гольдман, не мне вас учить ремеслу: кто станет покупать книгу без непристойных сцен между стариком и семилетней девочкой? Люди же этого хотят. Даже если книжка плохая, она будет продаваться тоннами. Важно-то это, разве нет?

— Гарри было тридцать четыре, а Ноле пятнадцать!

— Не цепляйтесь к мелочам... Сделаете книгу — я аннулирую предыдущий договор и в придачу выдам вам аванс в полмиллиона долларов в благодарность за сотрудничество.

Я наотрез отказался, и Барнаски вышел из себя:

— Что ж, раз вам угодно поиграть в плохих парней, пожалуйста: рукопись должна быть у меня на столе ровно через одиннадцать дней, иначе я вас засужу и разорю!

Он швырнул трубку. Чуть позже, когда я зашел в супермаркет на главной улице, мне позвонил Дуглас, явно с подачи самого Барнаски, и опять попытался меня уговорить:

— Марк, сейчас не время капризничать. Ты забыл, что Барнаски держит тебя за яйца? Твой предыдущий договор пока в силе, и единственный способ его аннулировать — принять предложение. И потом, эта книжка прославит тебя до небес. Ты еще скажи, что аванс в

полмиллиона — худшее, что может случиться в жизни!

— Барнаски хочет, чтобы я сочинил какой-то памфлет! Это не обсуждается. Мне не нужна такая книга, я не хочу писать халтуру за несколько недель. Хорошая книга требует времени.

— Но сейчас все так делают, чтобы нагнать тираж! Писатели-мечтатели, которые ждут у моря погоды, чтобы их осенило, никому не нужны! С ними покончено! От твоей книги еще нет ни строчки, а ее уже рвут из рук, потому все хотят всё знать. И немедленно. Просвет на рынке скоро кончится: осенью президентские выборы, кандидаты точно выпустят по книжке, и они займут все медийное пространство. Ты не поверишь, все уже говорят о книге Барака Обамы!

Я и так уже ничему не верил. Оплатил покупки и вернулся к припаркованной на улице машине. А на ней обнаружил подсунутый под «дворник» листок бумаги. Опять то же самое послание:

Возвращайся домой, Гольдман.

Я огляделся: никого. Только несколько человек за столиками на соседней террасе да покупатели, выходящие из супермаркета. Кто-то меня преследовал. Кто-то очень не хотел, чтобы я расследовал смерть Нолы Келлерган.

На следующий день после этого нового происшествия, в пятницу 20 июня, я снова отправился к Гарри в тюрьму. Но сначала заехал в библиотеку, куда только что доставили мою посылку.

— Что там такое? — любопытствовал Пинкас в надежде, что я открою ее при нем.

— Нужный мне инструмент.

— Инструмент для чего?

— Для работы. Спасибо, что получил, Эрни.

— Погоди, хочешь кофе? Я как раз сварил. Хочешь ножницы, вскрыть посылку?

— Спасибо, Эрни. Кофе с удовольствием выпью, но в следующий раз. Мне пора.

Добравшись до Конкорда, я решил завернуть в Главное управление полиции штата — повидать сержанта Гэхаловуда и поделиться с ним теми гипотезами, которые возникли у меня после нашей короткой встречи.

Главное полицейское управление штата Нью-Гэмпшир, большое красное кирпичное здание, где находились офисы уголовного отдела,

располагалось на Хейзен-драйв, 33, в центре Конкорда. Был почти час дня; мне сообщили, что Гэхаловуд ушел на обед, и попросили подождать в коридоре, у стола, где стоял кофейный автомат и лежали журналы. Явился он через час, все с тем же сердитым выражением на лице.

— Это вы? — рассвирепел он при виде меня. — Меня зовут, мне говорят: «Перри, пошевеливайся, там какой-то тип тебя уже час ждет», я бросаю обед, бегу посмотреть, что случилось, может, это важно, а тут на тебе — писатель!

— Не сердитесь... Я тут подумал, что мы исходили из неверных данных и что, может быть...

— Я вас ненавижу, писатель, зарубите себе на носу. Моя жена прочитала вашу книжку и считает вас красавцем и умником. Ваша физиономия на задней стороне обложки несколько месяцев красовалась на ее ночном столике. Вы жили в нашей спальне! Вы с нами спали! С нами ужинали! Вы в отпуск ездили вместе с нами! Ванну принимали с моей женой! Все ее подружки из-за вас хихикали! Вы мне всю жизнь отравили!

— Вы женаты, сержант? С ума сойти, вы такой противный, я бы поклялся, что вы холостяк.

Он яростно втянул голову в свой двойной подбородок и рявкнул:

— Ради всего святого, что вам надо?

— Понять.

— Ничего себе заявки!

— Я знаю.

— Может, все-таки пусть полиция разберется?

— Мне нужна информация, сержант. Люблю все знать, болезнь у меня такая. Тревожное расстройство, мне надо все держать под контролем.

— Ну так и держите под контролем самого себя!

— Мы можем пройти в ваш кабинет?

— Нет.

— Скажите точно: Нола действительно умерла в пятнадцать лет?

— Да. Анализ костей подтвердил.

— Значит, похищение и убийство произошло одновременно?

— Да.

— Но эта сумка... Почему ее закопали с сумкой?

— Понятия не имею.

— А если у нее была сумка, мы можем считать, что она сбежала из дому?

— Если вы к побегу готовитесь, вы же, наверно, одежду в сумку положите?

— Верно.

— А там была только эта книжка.

— Один — ноль в вашу пользу, — сказал я. — Потрясен вашей проницательностью. Но эта сумка...

Он не дал мне договорить:

— Черт меня дернул сказать вам тогда про эту сумку. Сам не знаю, что на меня нашло...

— Я тем более.

— Жалость, наверно. Да, точно: мне вас стало жалко — вид потерянный, ботинки все в грязи.

— Спасибо. А можно еще вопрос: что вы можете сказать о вскрытии? Кстати, про скелет говорят «вскрытие»?

— А я откуда знаю?

— Или более подходящим термином будет «судебно-медицинская экспертиза»?

— Плевать я хотел на термины. Я вам одно могу сказать: ей раскроили череп! Раскроили! Бац! Бац!

Он замахал руками, изображая удары битой, и я спросил:

— Значит, ее убили битой?

— Да понятия не имею, зануда несчастный!

— Женщина? Мужчина?

— Чего?

— Могла ли женщина нанести такие удары? Почему обязательно мужчина?

— Потому что тогда был свидетель, Дебора Купер, она своими глазами видела и однозначно опознала мужчину. Ладно, писатель, разговор окончен. Вы меня слишком бесите.

— А вы сами что думаете про это дело?

Он вытащил из бумажника семейную фотографию.

— У меня две дочки, писатель. Четырнадцать лет и семнадцать. И я не представляю, как бы я пережил то, что пережил отец Келлерган. Я хочу правды. Хочу правосудия. Правосудие — это не просто сумма фактов, это работа, куда более сложная. Так что я буду продолжать расследование. И если обнаружу доказательство невиновности Квеберта, поверьте, он будет на свободе. Но если он виновен, тут уж будьте уверены: я не позволю Роту вешать лапшу на уши жюри, он большой мастак освобождать преступников. Это уж совсем никакое не правосудие.

Философия Гэхаловуда с его повадками разъяренного бизона мне определенно нравилась.

— В сущности, вы отличный парень, сержант. Давайте я угощу вас пончиками и мы еще побалакаем?

— Я не хочу пончиков, я хочу, чтобы вы убрались отсюда. Мне работать надо.

— Но вы должны мне объяснить, как ведут расследование. Я не умею. Что мне надо делать?

— До свидания, писатель. Насмотрелся я на вас, на всю неделю хватит. А может, и на всю жизнь.

Он не принимал меня всерьез; я был разочарован и не стал настаивать. Протянул ему руку на прощание, он чуть не раздробил мне пальцы своей лапищей, и я ушел. Но уже на улице, на парковке, услышал его оклик: «Писатель!» Я обернулся: его грузная туша рысью двигалась ко мне.

— Писатель, — произнес он, запыхавшись. — Хорошего копа интересует не убийца... А жертва. Вы должны думать о жертве. Начинать надо сначала, с того, что было до убийства. А не с конца. Вы сосредоточились на убийстве и идете по ложному пути. Вам надо задаться вопросом, кто была жертва... Спросите себя, кто такая Нола Келлерган...

— А Дебора Купер?

— Если хотите знать мое мнение, все завязано на Нолу. Дебора Купер — просто побочная жертва. Ищите, кто такая была Нола, и найдете ее убийцу, а заодно и убийцу мамы Купер.

Кто такая Нола Келлерган? Направляясь в тюрьму штата, я очень рассчитывал задать этот вопрос Гарри. Выглядел он скверно. Судя по всему, его очень волновало содержимое шкафчика в фитнес-клубе.

— Вы все нашли? — спросил он, не успев даже поздороваться.

— Да.

— И все сожгли?

— Да.

— Рукопись тоже?

— Рукопись тоже.

— Почему вы меня не уведомили, что все сделали? Я чуть не умер от беспокойства! И где вы были эти два дня?

— Занимался расследованием. Гарри, почему шкапулка была в раздевалке фитнес-клуба?

— Знаю, вам это покажется странным... После вашего приезда в Аврору, тогда, в марте, я испугался, как бы шкапулку не нашел кто-нибудь другой. Подумал, что на нее может наткнуться кто угодно: какой-нибудь бесцеремонный посетитель, домработница. И рассудил, что лучше будет

спрятать мои воспоминания в другом месте.

— Вы их спрятали? Но это доказывает вашу вину. А рукопись... Это были «Истоки зла»?

— Да. Самый первый вариант.

— Я узнал текст. Заглавия на обложке не было...

— Заглавие появилось уже потом.

— Вы хотите сказать — после исчезновения Нолы?

— Да. Но давайте не будем говорить об этой рукописи, Маркус. Она проклята, она навлекла на меня одно только зло, и вот тому свидетельство: Нола умерла, а я в тюрьме.

С минуту мы молча смотрели друг на друга. Я положил на стол пластиковый пакет с содержимым моей посылки.

— Что это? — спросил Гарри.

Вместо ответа я вытащил мини-дисковый плеер с подключенным микрофоном для записи. И поставил перед Гарри.

— Черт подери, Маркус, вы что творите? Только не говорите, что вы сохранили эту адскую машинку...

— Конечно, Гарри. Я ее хранил как зеницу ока.

— Ради бога, уберите это!

— Не кипятитесь, Гарри...

— Но какого дьявола вы собираетесь делать с этой штукой?

— Я хочу, чтобы вы мне рассказали о Ноле, об Авроре, обо всем. О лете семьдесят пятого года, о вашей книге. Мне надо знать. Должна же где-то обретаться правда.

Он грустно улыбнулся. Я включил запись, и он начал говорить. Чудная была сцена: в тюремной комнате для свиданий с пластиковыми столами, где мужья встречались с женами, а отцы с детьми, я встречался с моим старым учителем, и он рассказывал мне свою историю.

В тот вечер я поужинал рано, на обратном пути в Аврору. Мне не хотелось сразу возвращаться в Гусиную бухту, сидеть одному в громадном доме, и после ужина я просто поехал вдоль побережья. Солнце клонилось к закату, океан искрился; все было великолепно. Я миновал мотель «Морской берег», лес Сайд-Крик, Сайд-Крик-лейн, Гусиную бухту, проехал через Аврору и добрался до пляжа Гранд-Бич. Подошел к воде, а потом уселся на камни, полюбоваться рождением ночи. Вдалеке в зеркале волн плясали огни Авроры; до меня доносились резкие крики чаек, гудели туманные горны маяков, в окрестных кустах пели соловьи. Я включил плеер, и в темноте зазвучал голос Гарри:

Знаете пляж Гранд-Бич, Маркус? Первый пляж Авроры, если ехать из Массачусетса. Иногда я отправляюсь туда на закате и смотрю на огни города. И думаю обо всем, что там произошло за последние тридцать лет. На этом пляже я остановился, когда впервые приехал в Аврору. Это было 20 мая 1975 года. Мне было тридцать четыре. Я приехал из Нью-Йорка, намереваясь взять судьбу в свои руки: бросил все, оставил место учителя литературы, собрал все свои сбережения и решил попробовать себя в роли писателя: найти уединенное место в Новой Англии и написать роман, о котором мечтал.

Сначала я хотел снять дом в Мэне, но один агент по недвижимости из Бостона убедил меня остановить выбор на Авроре. Он рассказал мне про дом, о котором можно только мечтать и который в точности отвечал тому, что я искал, — про Гусиную бухту. Едва подъехав к дому, я в тот же миг в него влюбился. Это было то, что нужно: убежище, спокойное, первозданное, и притом не совсем недоступное, всего в нескольких милях от Авроры. Город мне тоже очень нравился. Тихо, мирно, дети беззаботно играют на улицах, уровень преступности нулевой; уголок с почтовой открытки. Дом был мне не по карману, но агентство недвижимости согласилось разбить платеж на два раза, и я рассчитал: если тратить не слишком много, я смогу свести концы с концами. И потом, у меня было предчувствие, что я делаю правильный выбор. И я не ошибся, ведь это решение изменило всю мою жизнь: книга, которую я написал в то лето, принесла мне богатство и славу.

По-моему, в Авроре мне больше всего нравилось то, что я быстро оказался на особом положении: в Нью-Йорке я был всего лишь учитель литературы плюс безымянный писатель, а в Авроре — Гарри Квеберт, писатель из Нью-Йорка, который приехал писать свой новый роман. Знаете, Маркус, эта ваша школьная история с Великолепным, когда вы, ради того чтобы блистать, всеми правдами и неправдами уклонялись от сравнения с другими, — ведь это в точности то же самое, что случилось здесь со мной. Я был молод, уверен в себе, элегантен, привлекателен, атлетически сложен, образован, и к тому же обосновался в великолепном поместье, в Гусиной бухте.

Жители города хоть и не знали меня по имени, судили о моих успехах по тому, как я держался и в каком доме я жил. Этого

было достаточно: все поголовно вообразили, что я — нью-йоркская звезда, и я вдруг разом стал знаменитостью. В Нью-Йорке меня не ценили как писателя, зато сразу оценили в Авроре. Я отдал в городскую библиотеку несколько экземпляров своей первой книги, которые взял с собой, и, представьте себе, эта жалкая куча бумаги, от которой в Нью-Йорке воротили нос, здесь, в Авроре, всех привела в восторг. Это было в 1975 году, задолго до интернета и всяких высоких технологий, в малюсеньком городке штата Нью-Гэмпшир, искавшем смысла в своем существовании и получившем в моем лице звезду местного масштаба, о которой всегда мечтал.

* * *

В Гусиную бухту я вернулся около одиннадцати вечера. Свернув на гравийную дорожку, которая вела к дому, я вдруг увидел в свете фар человека в маске, пустившегося бежать в лес. Я резко затормозил и с криком выскочил из машины, собираясь погнаться за незванным гостем. И тут мой взгляд упал на яркий свет рядом с домом: там что-то горело. Я подбежал посмотреть, в чем дело: «корвет» Гарри был охвачен пламенем. Огонь уже бушевал, к небу поднимался столб едкого дыма. Я звал на помощь, но звать было некого. Кругом был только лес. Стекла «корвета» лопнули от жара, металл начал плавиться, и языки пламени, разгоревшегося с удвоенной силой, лизнули стены гаража. Я ничего не мог поделать. Усадьба была обречена.

26. Н-О-Л-А

(Аврора, Нью-Гэмпшир, суббота, 14 июня 1975 года)

— Писатели, Маркус, потому такие уязвимые, что способны испытывать два вида любовных страданий, то есть вдвое больше, чем все нормальные люди: горести любви и горести книги. Писать книгу — все равно что кого-нибудь любить: это может быть очень мучительно.

Служебная инструкция

Вниманию персонала!

Как вы все могли заметить, Гарри Квеберт уже неделю каждое утро завтракает в нашем заведении. Мистер Квеберт — крупный нью-йоркский писатель, ему следует уделять особое внимание. Все его потребности удовлетворять предельно ненавязчиво. Ни в коем случае не беспокоить.

Столик номер 17 впредь до новых указаний зарезервирован за ним. Он должен быть всегда свободен для него.

Тамара Куинн

Все перевесила бутылка с кленовым сиропом. Едва она ее поставила на поднос, как он покачнулся; пытаясь его подхватить, она сама потеряла равновесие, и поднос вместе с ней с оглушительным грохотом полетел на пол.

Гарри перевесился через стойку:

— Нола? Все в порядке?

Она встала, слегка оглоушенная:

— Да-да, я...

С минуту оба созерцали масштабы бедствия — и расхохотались.

— Не смейтесь, Гарри, — в конце концов ласково упрекнула его Нола. — Если миссис Куинн узнает, что я опять уронила поднос, мне влетит.

Он обогнул стойку и, сидя на корточках, стал помогать ей собирать осколки стакана, валявшиеся в месиве из горчицы, майонеза, кетчупа, кленового сиропа, масла, соли и сахара.

— Что за черт, — поинтересовался он, — кто-нибудь может мне объяснить, почему в последнюю неделю, стоит здесь что-нибудь заказать, как мне непременно приносят все приправы зараз?

— Это из-за инструкции, — объяснила Нола.

— Инструкции?

Она указала глазами на прилепленный за стойкой листок; Гарри встал, взял его в руки и стал читать вслух.

— Гарри, нет! Что вы делаете? Вы с ума сошли! Если миссис Куинн узнает...

— Не волнуйся, никого же нет.

Было семь часов утра; в «Кларксе» было еще безлюдно.

— Это что еще за инструкция?

— Миссис Куинн дала указания.

— Кому?

— Всему персоналу.

Их разговор прервало появление первых посетителей; Гарри немедленно вернулся за свой стол, а Нола поспешила приступить к своим обязанностям.

— Сию минуту принесу вам другие тосты, мистер Квеберт, — торжественно провозгласила она и исчезла на кухне.

За маятниковыми дверьми она секунду постояла в задумчивости и улыбнулась сама себе: она любила его. С той первой встречи на пляже, две недели назад, с того самого чудесного дождливого дня, когда она случайно пошла прогуляться возле Гусиной бухты, она любила его. Она это знала. Чувство было не похоже ни на что другое, оно не обманывало: она ощущала себя другой, более счастливой; дни казались ей прекраснее. А главное, когда он был здесь, сердце у нее билось чаще.

После сцены на пляже они пересекались дважды: у супермаркета на главной улице, а потом в «Кларксе», где она по субботам работала официанткой. И при каждой встрече между ними происходило что-то особенное. С тех пор он взял привычку каждый день приходить в «Кларкс», чтобы писать; в связи с чем Тамара Куинн, владелица заведения, тремя днями раньше, под вечер, устроила срочное собрание своих «девочек» — так она называла официанток — и огласила им пресловутую служебную инструкцию.

— Девочки, — объявила она подчиненным, выстроив их, как на

параде, — за последнюю неделю вы все, конечно, отметили, что великий нью-йоркский писатель Гарри Квеберт ходит сюда каждый день; следовательно, у нас он нашел все приметы утонченности и качества, присущие лучшим заведениям Восточного побережья. «Кларкс» — заведение высокого уровня; мы обязаны оправдывать ожидания самых требовательных клиентов. И поскольку кое у кого из вас мозги с горошину, я написала служебную инструкцию, чтобы вы помнили, как следует обслуживать мистера Квеберта. Вы должны читать ее, перечитывать, вы зубрить наизусть! Я вас буду спрашивать, причем без предупреждения. Она будет висеть на кухне и за стойкой.

Затем Тамара Куинн отчеканила свои указания: главное — не беспокоить мистера Квеберта, ему нужно собраться с мыслями. Прилагать все усилия, чтобы он чувствовал себя как дома. Статистика его предыдущих посещений «Кларкса» показывает, что он заказывает только черный кофе: как только он придет, подавать ему кофе и ничего больше. Если ему еще что-то понадобится, если мистер Квеберт голоден, он попросит сам. Не докучать ему, не предлагать дополнительных блюд, как другим клиентам. Если он закажет еду, сразу приносить ему все приправы, чтобы ему не приходилось требовать их отдельно: горчицу, кетчуп, майонез, перец, соль, масло, сахар и кленовый сироп. Великие писатели не обязаны отвлекаться на приправы: их ум должен быть свободен, чтобы спокойно творить. Быть может, книга, которую он пишет, те записи, что он делает, часами не двигаясь с места, — начало гениального шедевра и скоро о «Кларксе» заговорят по всей стране. В мечтах Тамара Куинн уже видела, как книга по праву прославит ее ресторан: тогда у нее будут деньги и она откроет второе заведение в Конкорде, а потом в Бостоне, Нью-Йорке и во всех больших городах на побережье, вплоть до самой Флориды.

Минди, одной из официанток, потребовались дополнительные объяснения:

— Но, миссис Куинн, откуда нам знать, что мистер Квеберт ничего не хочет, один черный кофе?

— Это знаю я. И точка. В лучших ресторанах важным клиентам нет нужды делать заказ: персонал знает их привычки. Мы — лучший ресторан?

— Да, миссис Куинн, — хором ответили официантки.

— Да, мама, — выкрикнула Дженни, потому что она была ее дочь.

— Больше не называй меня здесь «мама», — приказала Тамара. — Слишком отдает деревенским трактиром.

— Как же мне тогда тебя называть? — спросила Дженни.

— Никак не называть, выслушиваешь мои распоряжения и

подобострастно киваешь в знак согласия. И не надо ничего говорить. Понятно?

Дженни тряхнула головой.

— Понятно или непонятно? — повторила мать.

— Ну да, мама, я поняла. Это я киваю...

— А, прекрасно, дорогая. Вот видишь, как быстро ты все схватываешь. Ну, девочки, я хочу посмотреть на ваш подобострастный вид... Так... Отлично... А теперь киваем. Так... Да... Сверху вниз... Очень хорошо, прямо как в «Шато Мармон».

Не одну Тамару Куинн так взбудоражило присутствие в Авроре Гарри: весь город так и бурлил. Некоторые говорили, что в Нью-Йорке он величайшая знаменитость, другие это подтверждали, чтобы не прослыть невеждами. Правда, Эрни Пинкас, у которого в городской библиотеке было несколько экземпляров первого романа Квеберта, заявлял, что первый раз слышит о таком писателе, но, в сущности, кого могло интересовать мнение фабричного рабочего, ничего не понимавшего в нью-йоркском высшем свете? А главное, все сходились на том, что кто попало не поселился бы в роскошном доме в Гусиной бухте, где жильцов не было уже много лет.

Второй повод для волнений касался девушек на выданье, а порой и их родителей: Гарри Квеберт был не женат. Его сердце было свободно, а известность, ум, состояние и весьма привлекательная внешность превращали его в завидного жениха. В «Кларксе» весь персонал скоро понял, что Дженни Куинн, двадцатичетырехлетняя блондинка, красивая и чувственная, бывшая заводила чирлидеров в школе Авроры, без ума от Гарри. Дженни обслуживала посетителей по будням; она единственная открыто нарушала инструкцию: шутила с Гарри, все время заговаривала с ним, отрывала его от работы и никогда не приносила все приправы сразу. На выходных Дженни не работала; по субботам приходила Нола.

Из задумчивости Нолу вывел повар, нажавший на служебный звонок: тосты Гарри были готовы. Она поставила тарелку на поднос, поправила золотистую заколку в волосах и толкнула дверь кухни, гордая собой. Уже две недели она была влюблена.

Она принесла Гарри заказ. Народу в «Кларксе» постепенно прибавлялось.

— Приятного аппетита, мистер Квеберт.

— Зови меня Гарри...

— Только не здесь, — прошептала она, — миссис Куинн это не понравится.

— Ее же нет. Никто не узнает.

Она указала глазами на других клиентов и направилась к их столику.

Он проглотил кусочек тоста и нацарапал несколько строк на листке. Написал дату: *суббота, 14 июня 1975 года*. Он марал бумагу, сам не вполне понимая, что пишет; за три недели, что он прожил здесь, ему так и не удалось начать свой роман. Ни одна из идей, приходивших ему на ум, так ни во что и не вылилась, и чем больше он старался, тем хуже у него получалось. Ему казалось, что он медленно тонет, он чувствовал, что подхватил самую страшную чуму, какая только может поразить людей его сорта, — страх чистого листа. С каждым днем он все больше впадал в панику и даже усомнился в правильности своего замысла: он потратил все сбережения, чтобы снять до сентября этот внушительный дом на морском берегу, настоящий писательский дом, дом его мечты, но какой смысл разыгрывать из себя писателя, если не знаешь, о чем писать? Заключая договор аренды, он считал свой план непогрешимым: задумать чертовски хороший роман и к сентябрю написать достаточно много, чтобы предложить первые главы ведущим нью-йоркским издательствам, которые придут в восторг и будут драться за авторские права. Ему дадут приличный аванс, и он, обеспечив себе будущее, закончит книгу и станет звездой, как всегда и мечтал. Но теперь все его замыслы шли прахом: он до сих пор не написал ни строчки. Такими темпами ему придется осенью вернуться в Нью-Йорк без денег и без книги, умолять директора школы снова взять его на работу и навсегда забыть о славе. А если будет нужно, найти еще и место ночного сторожа, чтобы отложить хоть немного денег.

Он взглянул на Нолу, что-то обсуждавшую с другими клиентами. Она сияла. Он услышал ее смех и написал:

Нола. Нола. Нола. Нола. Нола.
Н-О-Л-А. Н-О-Л-А.

Н-О-Л-А. Эти четыре буквы перевернули его мир. Нола, маленькая женщина, вскружившая ему голову, едва он ее увидел. Н-О-Л-А. Через два дня после встречи на пляже он столкнулся с ней у супермаркета; они вместе дошли по главной улице до пристани для яхт.

— Все говорят, что вы приехали в Аврору писать книгу, — сказала она.

— Это правда.

Она пришла в восторг:

— О, Гарри, это потрясающе! Я первый раз встречаю настоящего писателя! Мне столько всего хочется у вас спросить...

— Например?

— Как люди пишут?

— Это получается само собой. В голове вертятся разные мысли, а потом превращаются во фразы и выплескиваются на бумагу.

— Как, наверно, здорово быть писателем!

Он посмотрел на нее — и просто-напросто влюбился до безумия.

Н-О-Л-А. Она сказала, что работает в «Кларксе» по субботам, и в следующую субботу он с раннего утра уже был там. Весь день он сидел и смотрел на нее, любуясь каждым ее движением. Потом он вспомнил, что ей всего пятнадцать, и ему стало стыдно: если кто-нибудь в этом городе догадается, какие чувства он питает к маленькой официантке из «Кларкса», у него будут неприятности. Его могут даже посадить в тюрьму. Тогда, чтобы не вызывать подозрений, он стал приходить завтракать в «Кларксе» каждый день. Уже больше недели он изображал из себя завсегдатая, делал вид, что ежедневно приходит работать, просто так, независимо ни от чего: никто не должен был знать, что по субботам его сердце бьется чаще. И каждый день, сидя за рабочим столом, на террасе Гусиной бухты, и в «Кларксе», он писал лишь одно: ее имя. Н-О-Л-А. Целыми страницами — лишь бы называть ее по имени, любоваться ею, описывать ее. Страницами, которые он потом рвал и сжигал в железной корзине для бумаг. Если кто-нибудь найдет эти страницы, ему конец.

Около полудня, в самый разгар ланча, Нолу подменила Минди: это было необычно. Нола вежливо подошла попрощаться к Гарри; с ней был мужчина — как догадался Гарри, ее отец, преподобный Дэвид Келлерган. Он появился чуть раньше и выпил у стойки стакан молока с гранатовым сиропом.

— До свидания, мистер Квеберт, — сказала Нола. — На сегодня я закончила. Я только хотела представить вам моего отца, преподобного Келлергана.

Гарри встал, и мужчины дружески пожали друг другу руки.

— Значит, вы и есть знаменитый писатель, — улыбнулся Келлерган.

— А вы — тот самый преподобный Келлерган, о котором здесь так много говорят.

Дэвид Келлерган поднял брови:

— Не обращайтесь внимания на все эти разговоры. Люди всегда преувеличивают.

Нола вытащила из кармана афишку и протянула Гарри:

— Сегодня в школе концерт по случаю окончания учебного года,

мистер Квеберт. Я из-за этого сегодня должна уйти пораньше. В пять часов вечера. Вы придете?

— Нола, — ласково укорил ее отец, — оставь в покое бедного мистера Квеберта. Ну что ему делать на школьном представлении?

— Это будет очень красиво! — восторженно возразила она.

Гарри поблагодарил Нолу за приглашение и попрощался.

Смотрел через витрину ей вслед, пока она не скрылась за углом, а потом вернулся в Гусиную бухту и снова погрузился в свои наброски.

Два часа дня. Н-О-Л-А. Он просидел за письменным столом два часа, но не написал ни строчки, не в силах оторвать взгляд от циферблата наручных часов. Ему нельзя идти в школу — это под запретом. Но, несмотря на все стены и тюрьмы, он все равно хотел быть с ней: его тело томилось в Гусиной бухте, но дух танцевал на пляже с Нолой. Три часа. Четыре. Он вцепился в ручку, чтобы не встать из-за стола. Ей пятнадцать лет, его любовь под запретом. Н-О-Л-А.

Без десяти пять Гарри в элегантном темном костюме вошел в актовый зал школы. В зале яблоку негде было упасть; на концерт собрался весь город. Пробираясь вперед по рядам, он не мог отделаться от ощущения, что люди за спиной перешептываются, что родители учеников, встречаясь с ним глазами, говорят: «А я знаю, почему ты здесь». Ему стало страшно неловко, он уселся в первое попавшееся кресло и сполз пониже, чтобы никто его не видел.

Началось представление; он выслушал скверный хор. За ним последовали духовой ансамбль без драйва, звездные танцовщицы без блеска, бездушная игра в четыре руки и безголосые певцы. Потом свет погас; прожектор очертил на темной сцене яркий круг. И вышла она, в голубом платье с блестками, сверкавшем тысячью искр. Н-О-Л-А. Зал затих; она уселась на высокий стул, поправила заколку и придвинула стоявший перед ней микрофон. Потом послала слушателям сияющую улыбку, подхватила гитару и вдруг запела *Can't Help Falling in Love with You* в собственной аранжировке.

Публика сидела разинув рот; и Гарри в эту минуту понял, что судьба, направив его в Аврору, вела его к Ноле Келлерган, самой необыкновенной девушке, какую он когда-либо встречал и какой не встретит больше никогда. Быть может, его удел не в том, чтобы быть писателем, а в том, чтобы быть любимым этой потрясающей юной женщиной; какая судьба может быть прекраснее? Он был настолько потрясен, что в конце

представления, пока все хлопали, встал со стула и ушел. Поскорей вернулся в Гусиную бухту, уселся на террасе и, огромными глотками прихлебывая виски, принялся исступленно писать: *Н-О-Л-А, Н-О-Л-А, Н-О-Л-А*. Он не знал, что делать. Уехать из Авроры? Но куда? Обрато в нью-йоркский хаос? Он снял этот дом на четыре месяца и половину уже заплатил. Он приехал писать книгу, и он должен ее написать. Он должен собраться и вести себя как писатель.

Когда от письма у него заболела рука, а от виски голова пошла кругом, он спустился на пляж и, привалившись в унынии к высокой скале, стал созерцать горизонт. Внезапно за его спиной послышались шаги.

— Гарри? Гарри, что случилось?

Это была Нола, в своем голубом платье. Она бросилась к нему и упала на колени в песок.

— Боже мой, Гарри! Вам плохо?

— Что... Что ты здесь делаешь? — вместо ответа спросил он.

— Я ждала вас после концерта. Я видела, как вы встали и ушли, когда все хлопали, и не могла вас найти. Я беспокоилась... Почему вы так быстро ушли?

— Тебе нельзя здесь оставаться, Нола.

— Почему?

— Потому что я напился. То есть я хочу сказать, я немного пьян. Теперь жалею, если бы я знал, что ты придешь, я бы не пил.

— Почему вы напились, Гарри? Вы такой грустный...

— Мне одиноко. Мне до ужаса одиноко.

Она прижалась к нему и посмотрела ему прямо в глаза пронзительным, сияющим взглядом.

— Ну Гарри, вокруг вас столько людей!

— Меня убивает одиночество, Нола.

— Тогда я составлю вам компанию.

— Тебе нельзя...

— А мне хочется. Если только я вам не мешаю.

— Ты мне никогда не мешаешь.

— Гарри, почему все писатели такие одинокие? Хемингуэй, Мелвилл... Это же самые одинокие люди на свете!

— Не знаю, то ли все писатели одинокие, то ли они от одиночества и пишут...

— А почему все писатели кончают жизнь самоубийством?

— Самоубийством кончают не все писатели. Только те, чьи книги никто не читает.

— Я прочитала вашу книгу. Взяла в городской библиотеке и прочитала за одну ночь! Мне так понравилось! Вы очень большой писатель, Гарри! Гарри... сегодня вечером я пела для вас. Эту песню я пела для вас!

Он улыбнулся и посмотрел на нее. Она с бесконечной нежностью провела рукой по его волосам и повторила:

— Вы очень большой писатель, Гарри. Вы не должны чувствовать себя одиноким. Я здесь, с вами.

25. О Ноле

— Гарри, а как, в сущности, стать писателем?

— Никогда не отступать. Знаете, Маркус, свобода, жажда свободы — это война с самим собой. Мы живем в обществе смиренных офисных служащих, и чтобы вытащить себя из этого болота, надо сражаться одновременно и с собой, и со всем миром. Свобода — это ежеминутная борьба, которую мы почти не осознаем. Я никогда не покорюсь.

Маленькие города американской глубинки имеют тот недостаток, что в них есть только бригады пожарных-волонтеров, куда менее расторопных, чем профессионалы. Поэтому вечером 20 июня 2008 года, когда я смотрел, как пламя, вырвавшись из «корвета», охватывает пристройку, служившую гаражом, между моим звонком в спасательные службы и их появлением в Гусиной бухте прошло довольно много времени. Дом уцелел чудом — хотя, по мнению командира пожарных Авроры, чудом было прежде всего то, что гараж находился в отдельной постройке, и это позволило быстро локализовать огонь.

Пока в Гусиной бухте сутились полицейские и пожарные, приехал Тревис Доун, которого тоже подняли по тревоге.

— Маркус, ты не ранен? — спросил он, бросившись ко мне.

— Нет, со мной все в порядке, разве что дом едва не сгорел...

— Что произошло?

— Я возвращался с пляжа Гранд-Бич и, свернув на дорожку, увидел фигуру человека, он убежал в лес. А потом это пламя...

— Ты успел опознать этого человека?

— Нет. Все случилось так быстро...

Внезапно нас позвал полицейский, прибывший на место одновременно с пожарной командой. Осматривая окрестности дома, он обнаружил письмо, засунутое в дверной проем. Листок с надписью:

Возвращайся домой, Гольдман.

— Черт! Вчера я получил такое же.

— Такое же? И где оно было? — спросил Тревис.

— На моей машине. Я зашел минут на десять в магазин, а когда

вернулся, у меня под «дворник» было засунуто это самое послание.

— Думаешь, кто-то тебя преследует?

— Я... Я понятия не имею. До сих пор не обращал на это внимания.

Но что это все значит?

— Этот пожар здорово похож на предупреждение, Маркус.

— Предупреждение? Кому бы и зачем меня предупреждать?

— Похоже, кому-то не нравится твое присутствие в Авроре. Всем известно, что ты задаешь много вопросов...

— Ну и что? Кто-то боится, что я могу что-то раскопать про Нолу?

— Возможно. Во всяком случае, мне это не нравится. Дело пахнет жареным. Я здесь на ночь оставлю патруль, так надежнее.

— Не надо никакого патруля. Если этот тип меня ищет, пусть приходит: я его встречу.

— Спокойно, Маркус. Хочешь ты или нет, этой ночью тут будет дежурить патруль. Если я прав и это предупреждение, значит, скоро последуют и другие действия. Надо быть очень осторожным.

Назавтра я с раннего утра отправился в тюрьму рассказать Гарри об этом происшествии.

— «Возвращайся домой, Гольдман»? — переспросил он, когда я упомянул о письме.

— Именно так. Напечатано на компьютере.

— Что сделала полиция?

— Приехал Тревис Доун. Забрал письмо, сказал, что отдаст его на анализ. Думает, что это предупреждение. Возможно, кому-то не хочется, чтобы я дальше копался в этом деле. Кому-то, кто видит в вас идеального виновника и не желает, чтобы я совал свой нос, куда не надо.

— Может, тому, кто убил Нолу и Дебору Купер?

— Например.

Вид у Гарри был серьезный.

— Рот сказал, что в ближайший вторник я предстану перед Большим жюри. Горсткой добропорядочных граждан, которые рассмотрят мое дело и решат, насколько обоснованы обвинения. Судя по всему, Большое жюри всегда на стороне прокурора... Это какой-то кошмар, Маркус, каждый день мне кажется, что я увязаю все больше. Теряю почву под ногами. Сперва меня забирают, и я говорю себе, что это ошибка, через пару часов все выяснится, а потом я оказываюсь здесь, под арестом, вплоть до самого процесса, который когда еще будет, и мне грозит смертная казнь. Смертная казнь, Маркус! Я все время об этом думаю. Мне страшно.

Я и сам видел, что Гарри хиреет. Он сидел в тюрьме чуть больше недели, и было ясно, что ему не продержаться и месяца.

— Мы скоро вытащим вас отсюда, Гарри. Мы раскроем это убийство. Рот — прекрасный адвокат, не теряйте надежды. Может, продолжите вашу историю? Расскажите мне про Нолу, с того места, где мы остановились. Что было после?

— После чего?

— После сцены на пляже. Когда в ту субботу, после школьного концерта, Нола пришла к вам и сказала, что вы не должны чувствовать себя одиноким.

С этими словами я поставил на стол плеер и включил его. Гарри слабо улыбнулся:

— Вы хороший парень, Маркус. Ведь это и было важнее всего: Нола приходит на пляж и говорит, чтобы я не чувствовал себя одиноким, что она здесь ради меня... По сути, я всегда был человек довольно одинокий, а тут вдруг стало иначе. С Нолой я чувствовал себя как бы частью целого, того целого, какое мы составляли вместе. Когда ее не было рядом, во мне образовывалась пустота, я никогда прежде не испытывал такого ощущения нехватки: как будто с тех пор, как она вошла в мою жизнь, все мое мироздание без нее вращалось вкривь и вкось. Я знал, что в ней мое счастье, но понимал и то, что у нас с ней все будет невероятно сложно. Впрочем, первым моим побуждением было подавить свои чувства: мы не могли быть вместе. В ту субботу мы еще немного постояли на пляже, а потом я сказал, что уже поздно, что ей надо домой, пока родители не стали волноваться, и она послушалась. Она ушла, она шла по пляжу, а я смотрел ей вслед в надежде, что она обернется, хоть один разок, и помашет мне рукой. Н-О-Л-А. Но мне любой ценой нужно было выкинуть ее из головы... Так что всю следующую неделю я, чтобы забыть Нолу, старался сблизиться с Дженни, той самой Дженни, которая теперь хозяйка «Кларкса».

— Погодите... Вы хотите сказать, что Дженни, о которой вы сейчас рассказываете, Дженни семьдесят пятого года, официантка в «Кларксе», — это Дженни Доун, жена Тревиса, которая теперь владеет «Кларксом»?

— Она самая. Только на тридцать лет старше. В те времена она была очень красивая. Впрочем, она и сейчас красива. Знаете, она могла бы стать актрисой, попытать счастья в Голливуде. Она часто об этом говорила. Уехать из Авроры и зажить полной жизнью в Калифорнии. Но она так ничего и не сделала: осталась здесь, получила от матери ресторан и в итоге будет всю жизнь продавать гамбургеры. Сама виновата: мы сами выбираем

себе жизнь, Маркус. Уж я-то знаю...

— Почему вы так говорите?

— Не важно... Я отвлекаюсь и теряю нить рассказа. Я говорил о Дженни. В общем, Дженни было двадцать четыре, и она была очень красивая: королева красоты в школе, чувственная блондинка, от которой любой мужчина потеряет голову. Впрочем, на Дженни тогда все заглядывались. Я целыми днями сидел в «Кларксе», в ее обществе. Мне в «Кларксе» открыли счет, и я все туда записывал. Я совершенно не считал, сколько тратил, притом что я вбухал все свои сбережения в аренду дома и мой бюджет был весьма ограничен.

Среда, 18 июня 1975 года

С тех пор как в Аврору приехал Гарри, Дженни Куинн по утрам приводила себя в порядок на целый час дольше. Она влюбилась в него с первого дня, с той минуты, как его увидела. Никогда прежде она не испытывала подобных чувств: он был мужчиной ее жизни, она это знала. Он был тем, кого она ждала всегда. Каждый раз, увидев его, она представляла себе их совместную жизнь: пышную свадьбу, жизнь в Нью-Йорке. Гусиная бухта будет их летней виллой, здесь он сможет в тишине и покое править рукописи, а она — навещать родителей. Он увезет ее далеко-далеко от Авроры; ей больше не нужно будет отчищать заляпанные жиром столы и туалеты в этом занюханном ресторане. Она сделает карьеру на Бродвее, отправится сниматься в Калифорнию. Об их семье напишут в газетах.

Она ничего не придумывала, это не была игра воображения: между ней и Гарри явно что-то намечалось. Он любил ее, он тоже ее любил, это точно. Иначе с чего бы ему каждый день приходить в «Кларкс»? Каждый день! А их разговоры у стойки! Ей так нравилось, когда он присаживался напротив нее, чтобы немного поболтать. Он нисколько не походил на мужчин, которых она встречала прежде, он был куда умнее, утонченнее. Ее мать, Тамара Куинн, дала строгие указания всему персоналу «Кларкса», в частности, запретила с ним разговаривать и его отвлекать, и, случалось, бранила ее дома за неподобающее поведение. Но мать ничего не понимала, не понимала, что Гарри настолько любит ее, что пишет о ней книгу.

Про книгу она заподозрила несколько дней назад, а сегодня утром убедилась. Гарри появился в «Кларксе» на рассвете, около половины седьмого утра, сразу после открытия. Он редко приходил так рано; обычно в это время здесь бывали одни только дальнобойщики и коммивояжеры. Едва усевшись за свой обычный столик, он принялся писать, неистово, без

остановки, почти лежа на бумаге, словно боялся, как бы кто-нибудь не увидел, что он пишет. Иногда останавливался и подолгу смотрел на нее; она делала вид, будто ничего не замечает, но знала, что он не сводит с нее глаз. Сперва она не сообразила, почему он так пристально на нее смотрит. А около полудня поняла: он пишет книгу о ней. Да, она, Дженни Куинн, — главная героиня нового шедевра Гарри Квеберта. Вот почему он не хотел, чтобы кто-нибудь увидел его листки. Едва осознав это, она пришла в невероятное волнение. И поскольку настало время ланча, воспользовалась случаем, чтобы принести ему меню и немного поболтать.

Все утро он писал четыре буквы ее имени: *Н-О-Л-А*. Ее образ не выходил у него из головы, ее лицо занимало все его мысли. Иногда он закрывал глаза, чтобы представить ее себе, потом, словно пытаясь излечиться, старался смотреть на Дженни, в надежде, что забудет ее. Дженни красавица, почему бы ему ее не полюбить?

Около полудня, увидев, что Дженни направляется к нему с меню и чашкой кофе, он прикрыл исписанную страницу чистым листом — как всегда, когда кто-нибудь к нему приближался.

— Пора вам что-нибудь поесть, Гарри, — велела она чересчур заботливым тоном. — Вы за целый день маковой росинки не проглотили, только добрых полтора литра кофе. У вас будет изжога на голодный желудок.

Он постарался вежливо улыбнуться и как-нибудь завязать разговор. На лбу у него выступили капли пота, и он быстро вытер его тыльной стороной руки.

— Вам жарко, Гарри. Вы слишком много работаете!

— Возможно.

— У вас вдохновение?

— Да. В последнее время дело, можно сказать, идет неплохо.

— Вы все утро не поднимали головы.

— В самом деле.

Дженни улыбнулась заговорщицкой улыбкой, давая понять, что ей все известно про книгу.

— Гарри... Я знаю, это нескромно, но... Можно мне почитать? Хотя бы несколько страниц? Мне так интересно посмотреть, что вы пишете. Это, наверно, чудесно.

— У меня еще не совсем готово...

— Наверняка это уже потрясающе.

— Попозже посмотрим.

Она снова улыбнулась:

— Позвольте принести вам лимонаду немного освежиться. Хотите что-нибудь съесть?

— Я возьму яичницу с беконом.

Дженни немедленно исчезла на кухне и заорала повару: «Яичницу с беконом для вел-ликого пис-сателя!» Мать, видевшая, что она болтает в зале, призвала ее к порядку:

— Дженни, прекрати надоедать мистеру Квеберту!

— Надоедать? Мама, ты промахнулась: я его вдохновляю!

Тамара Куинн с сомнением посмотрела на дочь. Ее Дженни — милая девушка, но уж очень наивная.

— Кто тебе вбил в голову такую чепуху?

— Гарри в меня влюблен, мама, я знаю. И по-моему, я на первых ролях в его книге. Да, мама, твоя дочь не будет всю жизнь подавать бекон и кофе. Твоя дочь выйдет в люди!

— Да что ты такое городишь?

— Между Гарри и мной скоро все будет официально, — слегка преувеличила Дженни, чтобы мать уяснила как следует.

И, торжествуя, состроила лукавую гримаску и удалилась в зал походкой королевы.

Тамара Куинн не смогла удержаться от довольной улыбки: если дочери удастся подцепить Квеберта, о «Кларксе» заговорят по всей стране. Может, и свадьбу сыграют здесь, кто знает: она найдет слова, чтобы убедить Гарри. Оцепленный квартал, большие белые шатры на улице, тщательно отобранная публика; половина нью-йоркского бомонда, десятки журналистов освещают событие, бесконечные вспышки камер... Этого человека послало само небо.

В тот день Гарри покинул «Кларкс» в четыре часа, торопливо, словно припозднился. Сел в машину, припаркованную перед закусочной, и быстро уехал. Он не хотел опоздать, не хотел ее упустить. Вскоре после его ухода на том же месте остановился полицейский автомобиль. Полицейский Тревис Доун, нервно вцепившись в руль, украдкой заглянул через витрину в ресторан. Решив, что народу еще слишком много, он не решился войти внутрь. Воспользовавшись передышкой, он стал повторять заготовленную фразу. Уж одну фразу-то он мог сказать; не нужно так робеть. Одну несчастную фразу, всего с десятков слов. Глядя на себя в зеркало заднего вида, он произнес: «Живет, Пренни. Я подумал, может, нам в субкино сходить в боту...» Он чертыхнулся: совсем не та фраза! Одна какая-то фраза, всего ничего, а он никак не может запомнить. Развернув ключок

бумаги, он перечитал записанные слова:

Привет, Дженни! Я подумал, если ты свободна в субботу вечером, мы можем сходить в кино в Монберри.

Ничего ведь сложного: ему надо войти в «Кларкс», улыбнуться, сесть за стойку и спросить кофе. Пока она будет наливать ему чашку, надо произнести эту фразу. Он пригладил волосы и сделал вид, будто занят и говорит по радиосвязи — на случай, если кто-нибудь его увидит. Прошло десять минут; четверо клиентов вместе вышли из «Кларкса». Путь был свободен. Сердце у него колотилось: он чувствовал, как оно отдается в груди, в руках, в голове, казалось, пульсировали даже кончики пальцев. Он вышел из машины, сжимая в кулаке бумажку. Он любил ее. Он любил ее еще в школе. Она была самой восхитительной женщиной, какую он когда-либо встречал. Из-за нее он и остался в Авроре: в полицейской академии отмечали его способности, советовали не оставаться в местной полиции, а метить выше. Говорили про полицию штата и даже федеральную. Какой-то тип приезжал из Вашингтона и сказал ему: «Парень, нечего тебе делать в глухой дыре. Идет набор в ФБР. ФБР — это все-таки не шутки». ФБР. Ему предлагали ФБР. Может, он бы даже попросился в престижнейшую секретную службу, ведающую охраной президента и первых лиц страны. Но была на свете эта девушка, официантка в закусочной «Кларкс», в Авроре, девушка, которую он всегда любил и которая, как он надеялся, однажды обратит на него внимание, — Дженни Куинн. Поэтому он попросил направить его в полицию Авроры. Без Дженни его жизнь не имела смысла. У дверей ресторана он остановился, набрал в легкие воздуха и шагнул внутрь.

Она думала о Гарри, машинально вытирая уже сухие чашки. В последнее время он всегда исчезал около четырех; она спрашивала себя, куда он так регулярно ходит. Может, на свидание? С кем? Какой-то посетитель, усевшись за стойку, вывел ее из задумчивости:

— Здравствуй, Дженни.

Это был Тревис, ее симпатичный школьный приятель, а теперь полицейский.

— Привет, Тревис. Налить тебе кофе?

— С удовольствием.

Он на миг прикрыл глаза, чтобы сосредоточиться: надо было произнести фразу. Она поставила перед ним чашку и налила кофе. Момент настал.

— Дженни... Я хотел тебе сказать...

— Да?

Она устремила на него взгляд своих больших светлых глаз, и он растерялся вконец. Что там дальше во фразе? Кино.

— Кино, — выговорил он.

— Что — кино?

— Я... В Манчестере было ограбление в кино.

— Неужели? Ограбили кино? Какая странная история.

— В почтовом отделении Манчестера, я хотел сказать.

Какого дьявола он говорит про это ограбление? Кино!

Он должен говорить про кино!

— Так на почте или в кино? — спросила Дженни.

Кино. Кино. Кино. Кино. Говорить про кино! Его сердце готово было лопнуть. Он решился:

— Дженни... Я хотел... В общем, я подумал, что, может... В общем, если ты хочешь...

В эту минуту Тамара из кухни позвала дочь, и Дженни пришлось прервать его рацеи:

— Прости, Тревис, мне надо идти. Мама сегодня в кошмарном настроении.

И девушка скрылась за маятниковыми дверьми, не дав молодому полицейскому закончить фразу. Он вздохнул и прошептал: «Я подумал, если ты свободна в субботу вечером, мы можем сходить в кино в Монберри». Потом оставил пять долларов за пятидесятицентовый кофе, который даже не выпил, и, печальный, разочарованный, вышел из «Кларкса».

* * *

— Куда вы ходили каждый день в четыре часа, Гарри? — спросил я.

Он ответил не сразу. Он смотрел в окно, и мне показалось, что на лице его улыбка счастья. В конце концов он произнес:

— Мне так нужно было ее видеть...

— Нолу, да?

— Да. Знаете, Дженни была потрясающая девушка, но она была не Нола. Быть с Нолой значило жить настоящей жизнью. Иначе не скажешь. Каждая секунда, проведенная с ней, была секундой жизни во всей ее полноте. По-моему, вот это и есть любовь. Ее смех, Маркус, этот смех

звучит во мне уже тридцать три года. Этот ее невероятный взгляд, ее глаза, искрящиеся жизнью, — они всегда здесь, передо мной... И все ее жесты, ее манера поправлять волосы, покусывать губы. Я всегда слышу в себе ее голос, иногда она как будто рядом со мной. Когда я иду в центр города, к пристани или в супермаркет, я снова вижу, как она говорит со мной о жизни и о книгах. Тогда, в июне 1975-го, мне казалось, что она всегда была частью моей жизни, хотя вошла она в нее меньше месяца назад. И когда ее не было со мной, мне казалось, что все утратило смысл: день, когда я не видел Нолу, был потерянным днем. Мне так нужно было ее видеть, что я не мог ждать очередной субботы. Тогда я стал поджидать ее у выхода из школы. Вот что я делал, когда уходил из «Кларкса» в четыре часа. Я садился в машину и ехал к школе. Вставал на парковку для учителей, прямо перед главным входом, и, прячась в машине, ждал, когда она выйдет. Едва она появлялась, я чувствовал себя настолько полным жизни, настолько сильным... Мне хватало счастья мельком ее увидеть: я смотрел на нее, пока она не садилась в школьный автобус, а потом еще ждал, когда автобус исчезнет вдали. Может, я был безумен, Маркус?

— Нет, Гарри, не думаю.

— Я знаю одно: Нола жила во мне. Буквально. Потом снова настала суббота, и та суббота была замечательным днем. Стояла прекрасная погода, весь народ отправился на пляж: в «Кларксе» было безлюдно, и мы вели с Нолой долгие разговоры. По ее словам, она много думала обо мне, о моей книге, и что то, что я сейчас пишу, будет, несомненно, великим шедевром. В конце ее рабочего дня, около шести, я предложил подвезти ее на машине. Я высадил ее за квартал до дома, в пустынной аллее, подальше от чужих взглядов. Она спросила, не хочу ли я немного пройтись, но я объяснил, что это сложно, если кто-нибудь увидит нас вдвоем на прогулке, в городе пойдут сплетни. Помню, она сказала:

«Гулять — это не преступление, Гарри...» — «Я знаю, Нола. Но думаю, у людей возникнут вопросы». Она поморщилась.

«Мне так нравится быть с вами, Гарри. Вы удивительный человек. Как было бы хорошо, если бы мы могли побыть немного вместе и нам не надо было прятаться».

Суббота, 28 июня 1975 года

Час дня. Дженни Куинн хлопотала за стойкой «Кларкса». Каждый раз, как открывалась дверь ресторана, она подсакивала, надеясь, что это он. Но его не было. Она нервничала и очень злилась. Дверь хлопнула еще раз, и опять это был не Гарри. Это была ее мать, Тамара; вид дочери удивил ее: на

ней был восхитительный кремовый костюм, который она обычно надевала только по торжественным случаям.

— Дорогая, ты почему это так одета? — спросила Тамара. — Где твой передник?

— Может, я больше не хочу носить твои уродские передники! Имею я право хоть иногда побыть красивой или нет? Думаешь, мне нравится целыми днями подавать стейки?

В глазах ее стояли слезы.

— Да что происходит, в конце концов?

— А то, что сегодня суббота и я не должна работать! Я никогда не работаю по выходным!

— Но ты же сама потребовала поставить тебя вместо Нолы, когда она попросила на сегодня отгул.

— Да. Наверно. Сама не знаю. Ой, мама, я такая несчастная!

Дженни, вертевшая в руках бутылку кетчупа, по неловкости уронила ее на пол: бутылка разбилась, и белые чистенькие тенниски покрылись красными брызгами. Она разрыдалась.

— Дорогая, ну что с тобой? — заволновалась мать.

— Я жду Гарри, мама! Он всегда приходит по субботам... Так почему его сегодня нет? Мама, я такая дура! Как я могла подумать, что он меня любит? Такой мужчина, как Гарри, никогда не захочет иметь дело с простой подавальщицей гамбургеров вроде меня! Я просто идиотка!

— Ну-ну, не надо так говорить! — Тамара обняла ее, утешая. — Ступай повеселись, бери свой выходной. Я тебя подменю. Я не хочу, чтобы ты плакала. Ты чудесная девушка, и я уверена, что Гарри в тебя влюблен.

— Тогда почему его нет?

Мамаша Куинн на секунду задумалась:

— А он знал, что ты сегодня работаешь? Ты же никогда не работаешь по субботам, с чего ему приходить, если тебя нет? Знаешь, что я думаю, дорогая: Гарри, наверно, очень несчастен в субботу, потому что в этот день он тебя не видит.

Лицо Дженни прояснилось.

— О, мама, как я сама об этом не подумала!

— Тебе бы стоило съездить к нему домой. Я уверена, он будет счастлив тебя видеть.

Дженни вспыхнула от радости. Какую отличную мысль подала ей мать! Поехать к Гарри в Гусиную бухту, устроить ему хороший пикник: бедняга, должно быть, работает как проклятый и наверняка забыл пообедать. И она кинулась на кухню за едой.

В эти самые минуты в городке Рокленд, штат Мэн, в ста двадцати милях от Авроры, Гарри и Нола устроили пикник на берегу океана. Нола бросала куски хлеба огромным чайкам, издававшим хриплые крики.

— Обожаю чаек! — воскликнула она. — Это мои самые любимые птицы. Наверно, потому, что я люблю океан, а где чайки, там и океан. Правда: ведь даже если горизонт скрыт за деревьями, чайки в небе нам напоминают, что океан совсем рядом. Вы напишете о чайках в своей книге, Гарри?

— Если хочешь. Я вставлю в эту книгу все, что ты хочешь.

— А о чем она?

— Мне бы хотелось тебе сказать, но не могу.

— Это история любви?

— В каком-то смысле.

Он смотрел на нее с улыбкой. В руках у него была тетрадь, и он попробовал зарисовать карандашом эту сцену.

— Что вы делаете? — спросила она.

— Набросок.

— Вы еще и рисуете? Нет, вы точно одарены во всем. Покажите, я хочу посмотреть!

Она подошла к нему и, увидев рисунок, пришла в восторг:

— Как красиво, Гарри! Вы такой талантливый!

В порыве нежности она прижалась к нему, но он оттолкнул ее, почти рефлекторно, и огляделся вокруг, словно желая убедиться, что их никто не видел.

— Зачем вы так? — рассердилась Нола. — Вы меня стыдитесь?

— Нола, тебе пятнадцать лет... А мне тридцать четыре. Люди не поймут.

— Люди — идиоты!

Он засмеялся и несколькими штрихами набросал ее гневную физиономию. Она снова прильнула к нему, и он сдался. Вместе они смотрели, как чайки дерутся из-за кусков хлеба.

Они решились на эту поездку несколько дней назад. Он подждал ее неподалеку от дома, после школы. Возле остановки школьного автобуса. Увидев его, она удивилась и страшно обрадовалась:

— Гарри? Что вы тут делаете?

— Честное слово, сам не знаю. Но я хотел тебя увидеть. Я... Знаешь, Нола, я тут поразмыслил над твоей идеей...

— Побывать только вдвоем, без никого?

— Да. Я подумал, что мы можем куда-нибудь съездить на этих выходных. Недалеко. В Рокленд, например. Туда, где нас никто не знает. Чтобы чувствовать себя свободнее. Если ты хочешь, конечно.

— О, Гарри, это было бы потрясающе! Только надо ехать в субботу, мне нельзя пропускать воскресную службу.

— Значит, в субботу. Ты сможешь освободиться?

— Конечно! Отпрошусь у миссис Куинн. И придумаю, что сказать родителям. Не беспокойтесь.

Она придумает, что сказать родителям. Когда она произнесла эту фразу, он спросил себя, с чего ему вздумалось втюриться в девочку-подростка. И сейчас, на пляже в Рокленде, он думал о них.

— О чем вы думаете, Гарри? — спросила Нола, по-прежнему прижимаясь к нему.

— О том, что мы с тобой делаем.

— А что плохого в том, что мы делаем?

— Ты сама прекрасно знаешь. А может, не знаешь. Что ты сказала родителям?

— Они думают, что я с подругой, Нэнси Хаттауэй, и что мы рано утром поехали целый день кататься на лодке отца Тедди Бапста, ее дружка.

— А где Нэнси?

— Катается на лодке с Тедди. Вдвоем. Она сказала, что я с ними, чтобы родители Тедди отпустили их поплавать одних.

— Значит, ее мать думает, что она с тобой, а твоя — что ты с Нэнси, и если они друг другу позвонят, все подтвердится.

— Вот именно. План беспроигрышный. Мне надо вернуться к восьми вечера, мы успеем потанцевать? Мне так хочется, чтобы мы вместе потанцевали.

Когда Дженни приехала в Гусиную бухту, было три часа дня. Ставя машину перед домом, она обнаружила, что черного «шевроле» на месте нет. Наверно, Гарри уехал. Она все-таки позвонила в дверь: как и следовало ожидать, никто не ответил. Она обошла дом проверить, может, он на террасе, но и там никого не было. В конце концов она решила войти. Вероятно, Гарри поехал проветриться. Он много работал в последние дни, ему надо сделать перерыв. Конечно, он будет очень счастлив, когда, вернувшись, обнаружит на столе отличную закуску: сэндвичи с говядиной, яйца, сыр, овощи кусочками с соусом на травах, ее фирменным, кусок торта и сочные фрукты.

Дженни первый раз видела дом изнутри. И нашла, что все здесь

великолепно. Просторно, отделано со вкусом; выступающие балки на потолке, большие книжные шкафы вдоль стен, лакированный паркет и огромные окна во всю стену с панорамным видом на океан. Помимо своей воли она представила, как живет здесь вместе с Гарри: летом они будут завтракать на террасе, зимой запрутся в тепле, у камина в гостиной, и он станет читать ей отрывки из своего нового романа. Зачем ехать в Нью-Йорк? Они и здесь будут так счастливы вместе. Им ничего не будет нужно, кроме них самих. Она разложила еду на столе в столовой, расставила посуду, которую нашла в буфете, и, закончив, села в кресло и стала ждать. Пусть ему будет сюрприз.

Она ждала час. Куда он мог деться? Ей стало скучно, и она решила заглянуть в другие комнаты. Первая дверь вела в кабинет на первом этаже. Там было тесновато, но все удобно обустроено: шкаф, секретер эбенового дерева, книжные полки на стене и широкий деревянный пюпитр, заваленный бумагой и ручками. Так вот где Гарри работает. Она подошла к пюпитру, просто так, взглянуть одним глазком. Она не хотела тайком читать, не хотела обмануть его доверие, ей просто хотелось увидеть, что он целыми днями пишет о ней. Уверенная в своем праве, она взяла из стопки верхнюю страницу и с бьющимся сердцем прочла. Первые строчки зачеркнуты и замазаны черным фломастером, так что ничего нельзя разобрать. Но ниже написано вполне четко:

Я хожу в «Кларкс», только чтобы видеть ее. Я хожу туда, только чтобы быть рядом с ней. Она — все, о чем я всегда мечтал. Она живет во мне. Я одержим. Я не имею права. Мне нельзя. Мне нельзя туда ходить, нельзя даже оставаться в этом злосчастном городе: я должен уехать, бежать, никогда не возвращаться. Я не имею права ее любить, это запрещено. Может, я сошел с ума?

Сияя от счастья, Дженни расцеловала листок и прижала его к груди. Потом закружилась и громко воскликнула: «Гарри, любимый, вы не сошли с ума! Я тоже люблю вас, и вы имеете на меня все права на свете! Не убегайте, мой милый! Я вас так люблю!» В восторге от своего открытия, она поскорей положила листок обратно на пюпитр, чтобы ее не застигли, и сразу вернулась в гостиную. Улеглась на тахту, подняла юбку так, чтобы были видны ляжки, и расстегнула пуговицы, обнажив грудь. Никто никогда не писал ей ничего более прекрасного. Как только он вернется, она отдастся ему. Подарит ему свою девственность.

В эту самую минуту Дэвид Келлерган зашел в «Кларкс», уселся за стойку и заказал, как всегда, большой стакан теплого молока с гранатовым сиропом.

— Вашей дочери сегодня нет, преподобный отец, — сказала Тамара, наливая ему молоко. — Она отпросилась.

— Я знаю, миссис Куинн. Она на море, с друзьями. Уехала на рассвете. Я предлагал ее отвезти, но она отказалась, велела мне отдыхать, оставаться в постели. Такая милая девочка.

— Вы совершенно правы, преподобный. Я ею очень довольна.

Дэвид Келлерган улыбнулся; Тамара на минуту задержала взгляд на низеньком жизнерадостном человечке с добрым лицом и в круглых очках. Лет пятидесяти, худой, с виду скорее хрупкий, он, однако, излучал огромную силу. Говорил всегда спокойно и взвешенно, никогда не повышал голос. Она очень уважала его, впрочем, как и все жители города. Ей нравились его проповеди, несмотря на рубленый выговор южанина. Дочь была похожа на него: нежная, вежливая, услужливая, приветливая. Хорошие люди были Дэвид и Нола Келлерган; настоящие американцы и настоящие христиане. Их очень любили в Авроре.

— Сколько вы уже у нас живете, преподобный отец? — спросила Тамара Куинн. — У меня такое впечатление, что вы здесь были всегда.

— Скоро шесть лет, миссис Куинн. Шесть прекрасных лет.

Преподобный обвел взглядом зал и, как завсегдатай, сразу заметил, что столик номер 17 не занят.

— Смотри-ка, писателя нет? Это нечасто случается, верно?

— Сегодня нет. Знаете, он такой приятный человек.

— Мне он тоже очень симпатичен. Я его здесь и встретил. Он любезно согласился прийти в школу на концерт по случаю окончания учебного года. Мне бы хотелось, чтобы он стал членом нашего прихода. Нам нужны известные личности, чтобы расшевелить этот город.

Тут Тамара вспомнила о дочери и, не удержавшись, с легкой улыбкой поделилась великой новостью:

— Только никому не говорите, преподобный: между ним и моей Дженни что-то намечается.

Дэвид Келлерган улыбнулся и отхлебнул большой глоток молока с гранатовым сиропом.

В Рокленде шесть часов. На террасе кафе Гарри и Нола, одурев от солнца, потягивали фруктовый сок. Нола просила, чтобы Гарри рассказал

ей о своей нью-йоркской жизни. Ей хотелось знать все:

— Расскажите мне обо всем, расскажите, что значит быть там звездой.

Он знал, что она представляет себе жизнь, полную коктейлей и пирожных, но что он мог ей сказать? Что он совершенно не тот, кем его вообразили в Авроре? Что в Нью-Йорке он никому не известен? Что первая его книга прошла незамеченной, а сам он до сих пор был ничем не примечательным школьным учителем? Что у него больше почти нет денег, потому что все сбережения он угрохал на аренду Гусиной бухты? Что у него не получается ничего написать? Что он самозванец? Что гордый Гарри Квеберт, известный писатель, живущий в роскошном доме на морском берегу и целыми днями пишущий в кафе, просуществует всего одно лето? По сути, он не мог сказать ей правду: это почти наверняка значило бы ее потерять. И он решил выдумывать, играть до конца роль своей жизни — роль одаренного, уважаемого художника, уставшего от красных дорожек и нью-йоркской суеты и приехавшего в маленький городок Нью-Гэмпшира, чтобы дать необходимую передышку своему гению.

— Вам так повезло, Гарри, — восхищенно воскликнула она, выслушав его рассказ. — У вас такая увлекательная жизнь! Иногда мне хочется взлететь и оказаться далеко отсюда, далеко от Авроры. Знаете, я здесь задыхаюсь. Мои родители — тяжелые люди. Отец хороший, но он церковник, у него свои заморочки. А мать, она так сурова со мной! Можно подумать, она никогда не была молодой. Да еще этот храм по воскресеньям, он мне до чертиков надоел! Не знаю, верю ли я в Бога. А вы верите в Бога, Гарри? Если да, тогда я тоже буду верить.

— Не знаю, Нола. Теперь уже не знаю.

— Мать говорит, мы обязаны верить в Бога, иначе он нас жестоко накажет. Иногда я говорю себе, что, если сомневаешься, лучше честно признаться.

— Вообще-то, — заметил Гарри, — единственный, кто знает, существует Бог или нет, — это сам Бог.

Она рассмеялась. Простодушным, невинным смехом. Потом взяла его за руку и спросила:

— А человек имеет право не любить свою мать?

— Думаю, да. Любовь — это не обязанность.

— Но это есть в десяти заповедях. Возлюби своих родителей. Четвертая или пятая, уже не помню. Между тем первая заповедь — это верить в Бога. Значит, если я не верю в Бога, я не обязана любить свою мать, правда? Она такая суровая. Иногда запирает меня в комнате, говорит, что я распутная. Я не распутная, мне просто хочется быть свободной.

Хочется иметь право немножко помечтать. Боже мой, уже шесть часов! Как бы я хотела, чтобы время остановилось. Пора возвращаться, а мы даже не успели потанцевать.

— Мы еще потанцуем, Нола. Мы потанцуем. У нас вся жизнь впереди.

В восемь часов Дженни внезапно проснулась. Ожидая на тахте, она задремала. А теперь солнце уже клонилось к закату, наступил вечер. Она валялась на диване, тяжело дыша, из угла рта свесилась ниточка слюны. Она натянула трусики, спрятала груди, поскорей собрала свою провизию и, сгорая со стыда, уехала из Гусиной бухты.

Несколько минут спустя они приехали в Аврору. Гарри затормозил на маленькой припортовой улочке, чтобы Нола встретилась со своей подругой Нэнси и они вернулись домой вместе. Они немного посидели в машине. Улица была пустынна, день угасал. Нола вытащила из сумки сверток.

— Что это? — спросил Гарри.

— Откройте. Это вам подарок. Я нашла его в том магазинчике в центре города, там, где мы пили сок. Это на память, чтобы вы никогда не забывали этот чудесный день.

Он развернул бумагу. Внутри была голубая железная коробка с надписью: «На память о Рокленде. Мэн».

— Это чтобы складывать туда засохший хлеб, — объяснила Нола. — Чтобы вы дома кормили чаек. Надо кормить чаек, это важно.

— Спасибо. Обещаю, что всегда буду кормить чаек.

— А теперь скажите мне что-нибудь ласковое, милый Гарри. Скажите, что я ваша милая Нола.

— Милая Нола...

Она улыбнулась и потянулась к его лицу, поцеловать. Внезапно он отпрянул.

— Нола, — резко сказал он, — это невозможно.

— А? Но почему?

— Мы с тобой — это слишком сложно.

— Что тут слишком сложного?

— Все, Нола, все. Теперь иди, тебе надо встретиться с подругой, уже поздно. Я... я думаю, нам лучше больше не видеться.

Он поспешно вышел из машины, чтобы открыть ей дверцу. Пусть она побыстрее уходит; так трудно было не сказать ей, как он ее любит.

— Значит, та коробка с хлебом у вас на кухне — это память о дне, проведенном в Рокленде? — спросил я.

— Ну да, Маркус. Я кормлю чаек, потому что меня просила Нола.

— А что было после Рокленда?

— Это был такой чудесный день, что я испугался. Все было чудесно, но слишком сложно. Тогда я решил, что должен оставить Нолу и переключиться на другую девушку. На девушку, которую я имел право любить. Догадались, на кого?

— На Дженни.

— В яблочко.

— И что?

— Расскажу в другой раз, Маркус. Мы долго разговаривали, я устал.

— Конечно, понимаю.

Я выключил плеер.

24. День независимости

— Встаньте в боевую стойку, Маркус.

— В боевую стойку?

— Да. Ну, давайте! Поднимите кулаки, правильно поставьте ноги, готовьтесь к бою. Что вы чувствуете?

— Я... Я чувствую, что готов на все.

— Прекрасно. Видите ли, писательство очень похоже на бокс. Встаешь в боевую стойку, решаешься ввязаться в схватку, поднимаешь кулаки и бросаешься на противника. С книгой все примерно так же. Книга — это бой.

— Прекращай свое расследование, Маркус.

Это были первые слова, сказанные мне Дженни, когда я зашел в «Кларкс» повидаться с ней и поговорить об ее отношениях с Гарри в 1975 году.

О пожаре рассказывали по местному телевидению, и новость постепенно распространялась.

— Почему я должен его прекращать?

— Потому что я очень волнуюсь за тебя. Не нравятся мне такие истории... — В ее голосе звучала материнская нежность. — Начинается с пожара, а кончается неизвестно чем.

— Я не уеду из этого города, пока не пойму, что тут произошло тридцать три года назад.

— Ты невозможен, Маркус! Настоящий упрямый осел, точно как Гарри!

— По-моему, это комплимент.

Она улыбнулась:

— Ну ладно, чем я могу тебе помочь?

— Мне хочется немного поговорить. Можем пойти пройтись, если хочешь.

Она оставила «Кларкс» на одну из официанток, мы спустились к пристани и сели на лавочку, лицом к океану. Я всматривался в эту женщину, которой, по моим подсчетам, было пятьдесят семь, потрепанную жизнью, исхудавшую, с заострившимися чертами лица и запавшими глазами, и пытался представить ее такой, какой ее описывал Гарри: красивой пышной блондинкой, королевой красоты в школьные годы.

Внезапно она спросила:

— Маркус... Каково это?

— Что именно?

— Слава.

— Это больно. Приятно, но зачастую больно.

— Я помню, когда ты был студентом, вы с Гарри приходили в «Кларкс» работать над твоими текстами. Он заставлял тебя пахать как лошадь. Вы часами сидели за столом, перечитывали, черкали, начинали заново. Я помню, как ты приезжал сюда. Вас с Гарри встречали на пробежке, еще до зари, с этой его железной дисциплиной. Знаешь, когда ты был здесь, он весь светился. Он был непохож на себя. И все знали, что ты скоро приедешь, потому что он всем об этом говорил за много дней. Все время повторял: «Я вам говорил, что на будущей неделе ко мне придет Маркус? До чего он все-таки необыкновенный парень. Он далеко пойдет, я знаю». Твои приезды, твое присутствие меняло его жизнь. Ведь никто не обольщался: мы все знали, как Гарри одиноко в его огромном доме. В тот день, когда ты ворвался в его существование, все изменилось. Он возродился. Словно старый холостяк наконец-то почувствовал себя любимым. Когда ты бывал здесь, ему становилось гораздо, несравненно лучше. После каждого твоего отъезда он нам проходу не давал: Маркус то, Маркус сё. Он так гордился тобой. Гордился, как отец сыном. Ты и заменял ему сына, которого у него не было. Он все время говорил о тебе; ты никогда не покидал Аврору, Маркус. А потом, в один прекрасный день, он увидел тебя в газете. Феномен Маркуса Гольдмана. Родился великий писатель. Гарри скупил все газеты в супермаркете, угощал всех шампанским в «Кларксе». Выпьем за Маркуса, гип-гип-ура! Тебя показывали по телевизору, тебя крутили по радио, вся эта долбаная страна говорила только о тебе и твоей книжке. Он накупил десятки экземпляров и раздавал их везде, где только мог. А мы спрашивали, как у тебя дела, когда мы снова тебя увидим. И он отвечал, что дела наверняка идут отлично, но что от тебя почти нет вестей. Что ты, наверно, очень занят. Ты сразу перестал ему звонить, Маркус. Ты был очень занят — занят своей важной персоной, ты раздавал интервью газетам и красовался в телевизоре, а его бросил. Больше ты сюда не приезжал. Он так гордился тобой, так надеялся получить от тебя весточку, но ее не было. Ты добился успеха, ты прославился, и он тебе больше был не нужен.

— Неправда! — воскликнул я. — Да, у меня от успеха голова шла кругом, но я думал о нем. Каждый день. Просто у меня не было ни секунды свободной.

— Даже не было ни секунды ему позвонить?

— Но я же ему позвонил!

— Ну да, ты ему позвонил — когда сидел в дерьме по уши. Ведь мистер Великий Писатель, распродав черт-те сколько миллионов книжек, сдрейфил и не знал, что теперь ему писать. Это мы тоже все узнали из первых рук, так что я в курсе. Гарри сидел за стойкой в «Кларксе» сам не свой: от тебя был звонок, ты весь в депрессии, у тебя нет идей, и издатель заберет у тебя все твои драгоценные бабки. И тогда ты вдруг снова приезжаешь в Аврору, как побитый пес, а Гарри разбивается в лепешку, чтобы поднять твой моральный дух. Бедный несчастный писатель, что бы тебе такое написать? И тут две недели назад случается чудо: разражается скандал, и кто сюда едет? Любезный Маркус. Какого черта ты приперся в Аврору, Маркус? Вдохновения искать для новой книги?

— Почему ты так думаешь?

— Догадалась.

Я немного помолчал, приходя в себя. Потом ответил:

— Издатель предложил мне написать книгу. Но я не буду этого делать.

— Да ровно наоборот: ты не можешь ее не написать, Марк! Потому что книга, быть может, единственный способ доказать Америке, что Гарри не чудовище. Он не виноват, я точно знаю. Нутром чувствую. Ты не можешь бросить его, у него никого нет, кроме тебя. Ты знаменит, люди тебя слушают. Ты должен написать книгу о Гарри, о тех годах, что вы провели вместе. Рассказать, какой он необыкновенный человек.

— Ты его любишь, да? — прошептал я.

Она опустила глаза:

— По-моему, я не знаю, что такое любить.

— А по-моему, наоборот, знаешь. Достаточно послушать, как ты о нем говоришь, хоть и пытаешься изо всех сил его ненавидеть.

Она печально улыбнулась и сказала со слезами в голосе:

— Вот уже больше тридцати лет я все время думаю о нем. Что он всегда один, а я так хотела сделать его счастливым. А я — посмотри на меня, Маркус... Я мечтала стать звездой кино, а стала звездой фритюра. Не та у меня жизнь, какой я хотела.

Я почувствовал, что она готова к откровенному разговору, и попросил:

— Дженни, расскажи мне о Ноле. Пожалуйста...

Она снова грустно улыбнулась:

— Она была очень милая девушка. Моя мать очень ее любила, говорила о ней много хорошего, и меня это бесило. Потому что до Нолы красавицей-принцессой в этом городе была я. И смотрели все только на

меня. Когда она здесь появилась, ей было девять лет. И тогда, естественно, всем было на нее плевать. А потом в одно прекрасное лето, как часто бывает с девочками-подростками, те же самые все вдруг заметили, что малышка Нола превратилась в красивую юную женщину с восхитительными ножками, пышной грудью и ангельским личиком. И что эта новая Нола в купальнике весьма желанна.

— Ты к ней ревновала?

Она на секунду задумалась:

— А, ладно, сейчас уже могу тебе сказать, все равно не имеет значения: да, немного ревновала. Мужчины на нее заглядывались, женщина это всегда заметит.

— Но ей было всего пятнадцать...

— Она не выглядела девочкой, уж поверь. Это была женщина. И красивая женщина.

— Ты догадывалась про нее и Гарри?

— У меня и в мыслях не было! Здесь никто не мог себе такое представить. Ни с Гарри, ни с кем. Да, она была очень красивая девушка. Но ей было пятнадцать, и все это знали. И она была дочь преподобного Келлергана.

— Значит, вы не соперничали из-за Гарри?

— Боже мой, нет!

— А у тебя был с Гарри роман?

— Так, чуть-чуть. Пару раз встречались. Он здесь пользовался большим успехом у женщин. Я имею в виду, когда нью-йоркская знаменитость селится в такой дыре...

— Дженни, у меня к тебе вопрос, который, возможно, тебя удивит... Ты знала, что, когда Гарри приехал сюда, он был никто? Просто обыкновенный школьный учитель, который потратил все свои сбережения на то, чтобы снять дом в Гусиной бухте.

— Что? Но ведь он уже был писателем...

— Он выпустил один роман, но за собственный счет, и никакого успеха он не имел. Думаю, с его известностью получилось недоразумение, и он на нем сыграл, чтобы быть в Авроре тем, кем ему хотелось быть в Нью-Йорке. А поскольку потом он написал «Истоки зла» и прославился, иллюзия оказалась полной.

Она невесело рассмеялась:

— Ну и ну! Я не знала. Чертов Гарри... Помню наше первое с ним настоящее свидание. Я так волновалась в тот день. Даже дату помню, потому что был праздник. Четвертое июля 1975 года.

Я быстро прикинул в уме: 4 июля, то есть через несколько дней после поездки в Рокленд. Как раз тогда, когда Гарри решил выбросить Нолу из головы. Я попросил Дженни продолжать:

— Расскажи мне об этом Четвертом июля.

Она прикрыла глаза, как будто снова оказалась в прошлом.

— Это был прекрасный день. Гарри тогда пришел в «Кларкс» и предложил съездить вместе в Конкорд, посмотреть фейерверк. Сказал, что заедет за мной домой в шесть часов. В принципе моя смена кончалась в полседьмого, но я сказала, что мне очень удобно. А мама отпустила меня пораньше, чтобы я привела себя в порядок.

Пятница, 4 июля 1975 года

В доме семейства Куинн на Норфолк-авеню царила величайшая суматоха. Без четверти шесть, а Дженни была еще не готова. Она как фурия носилась вверх-вниз по лестнице в нижнем белье и с разными платьями в руках.

— Мама, а вот это, как ты думаешь? — спросила она, в седьмой раз появляясь в гостиной, где сидела мать.

— Нет, это не годится, — вынесла приговор Тамара, — у тебя в нем толстая попа. Ты же не хочешь, чтобы Гарри Квеберт подумал, что ты обжора? Примерь другое.

Дженни помчалась обратно наверх, в свою комнату, всхлипывая, что она уродина, что ей нечего надеть и что она так и останется одна до конца жизни.

Тамара сильно нервничала: ее дочь должна быть на высоте. Гарри Квеберт — это вам не молодые люди из Авроры, у нее нет права на ошибку. Как только дочь сообщила о вечернем свидании, она в приказном порядке выпроводила ее из «Кларкса»; время было полуденное, в ресторане яблоку негде упасть, но ее Дженни ни секунды лишней не должна была провести среди запахов горелого сала, иначе они могли вьестись в ее кожу и волосы. Ради Гарри она должна быть самым совершенством. Тамара отправила ее в парикмахерскую и сделать маникюр, а сама вычистила дом сверху донизу и приготовила *изысканный* (в ее представлении) аперитив, на случай, если Гарри Квеберт захочет заодно перекусить. Ее Дженни не ошиблась: Гарри за ней ухаживал. Страшно взволнованная, она неотвязно думала о свадьбе — дочь наконец будет пристроена. Хлопнула входная дверь: ее муж, Роберт Куинн, инженер на перчаточной фабрике в Конкорде, вернулся домой. От ужаса у нее глаза полезли на лоб.

Роберт сразу заметил, что на первом этаже чистота и порядок. У входа

красивый букет ирисов, всюду салфетки, которых он прежде никогда не видел.

— Что это тут творится, Котеночек? — спросил он, входя в гостиную, где был накрыт столик со сладкими и солеными птифурами, бутылкой шампанского и фужерами.

— О, Бобби, мой Боббо, — отозвалась Тамара, изо всех сил сдерживая раздражение, — ты очень не вовремя, мне не нужно, чтобы ты тут путался под ногами. Я же оставляла сообщение на фабрике.

— Мне не передали. А что ты хотела?

— Чтобы ты ни в коем случае не возвращался домой раньше семи.

— А-а. Это почему?

— Потому что, представь себе, Гарри Квеберт пригласил Дженни съездить с ним вечером в Конкорд посмотреть фейерверк.

— Кто такой Гарри Квеберт?

— Ох, Боббо! Надо же все-таки хоть немножко быть в курсе светской жизни. Это великий писатель, он приехал в конце мая.

— А-а. Но почему мне нельзя домой?

— «А-а»? Вы только послушайте, он говорит «а-а». Великий писатель ухаживает за нашей дочерью, а ты говоришь «а-а». Так вот: я не хотела, чтобы ты возвращался, потому что ты не умеешь вести утонченный разговор. Гарри Квеберт, представь себе, не кто-нибудь: он поселился в Гусиной бухте.

— В Гусиной бухте? Ни фига себе.

— Для тебя это, может, и большие деньги, но для такого, как он, снять дом вроде Гусиной бухты все равно что в воду плюнуть. Он же в Нью-Йорке звезда!

— В воду плюнуть? Не знал такого выражения.

— Ох, Боббо, ты вообще ничего не знаешь.

Роберт недовольно поморщился и подошел к шведскому столу, приготовленному женой.

— Только ничего не трогай, Боббо!

— Это что еще за штуки?

— Это не штуки. Это изысканный аперитив. Это высший шик.

— Но ты говорила, нас на вечер звали соседи есть гамбургеры! Мы всегда ходим к соседям есть гамбургеры Четвертого июля!

— Мы и пойдем. Но позже! И не вздумай рассказывать Гарри Квеберту, что мы едим гамбургеры, как простые люди!

— Но мы и есть простые люди. Я люблю гамбургеры. Ты сама в своем ресторане торгуешь гамбургерами.

— Ты вообще ничего не понимаешь, Боббо! Это совсем другое. А у меня, между прочим, большие планы.

— Я не знал. Ты мне ничего не говорила.

— Я не все тебе говорю.

— Почему ты мне не все говоришь? Я тебе все говорю. Вот, кстати, у меня после обеда все время живот болел. Жуткие газы. Мне даже пришлось запереться в кабинете и встать на четвереньки, чтобы попухать, так было больно. Вот видишь, я тебе все говорю.

— Прекрати, Боббо! Ты меня смущаешь!

Снова появилась Дженни, уже с другим платьем.

— Слишком парадное! — рявкнула Тамара. — Надо что-то шикарное, но на каждый день!

Роберт Куинн, воспользовавшись тем, что жена отвлеклась, уселся в свое любимое кресло и налил себе виски.

— Кто тебе разрешил садиться! — закричала Тамара. — Ты все перепачкаешь! Знаешь, сколько времени я тут все драила? Иди лучше переодеваться, живо.

— Переодеваться?

— Надень костюм, нельзя же встречать Гарри Квеберта распустехой!

— Ты достала шампанское, которое мы хранили для торжественных случаев?

— Это и есть торжественный случай! Ты что, не хочешь, чтобы наша дочь удачно вышла замуж? Чем цепляться по пустякам, иди быстро переодейся. Он скоро придет.

Тамара препроводила мужа к лестнице, чтобы он точно не отвертелся. В это время сверху спустилась Дженни, в слезах, трусиках и без лифчика, и заявила, всхлипывая, что все отменит, потому что она так больше не может. Роберт, пользуясь случаем, тоже занял, что хочет читать газету, а не вести великие дискуссии с великим писателем, что он все равно не читает книжек, потому что они нагоняют на него сон, и он не знает, о чем с ним говорить. Было без десяти шесть: десять минут до свидания. Все трое стояли в прихожей и спорили, и тут раздался звонок в дверь. У Тамары чуть не случился сердечный приступ. Он здесь. Великий писатель пришел пораньше.

В дверь позвонили. Гарри пошел открывать. На нем был льняной костюм и летняя шляпа: он собирался ехать за Дженни. За дверью стояла Нола.

— Нола? Что ты тут делаешь?

— Вообще-то говорят «здравствуй». Воспитанные люди, когда встречаются, говорят друг другу «здравствуй», а не «что ты тут делаешь?».

Он улыбнулся:

— Здравствуй, Нола. Прости, я просто не ожидал тебя увидеть.

— Что происходит, Гарри? С тех пор как мы съездили в Рокленд, от вас ни слуху ни духу. Целую неделю никаких вестей! Я дурно себя вела? Или вам было неприятно? О, Гарри, мне так понравился этот наш день в Рокленде! Это было волшебно!

— Я совершенно не сержусь, Нола. И мне тоже очень понравился наш день в Рокленде.

— Тогда почему вы не подавали признаков жизни?

— Из-за книги. У меня было много работы.

— Как бы я хотела каждый день быть с вами, Гарри. Всю жизнь.

— Ты ангел, Нола.

— Теперь мы это можем. Я больше не хожу в школу.

— Почему не ходишь в школу?

— Занятия кончились, Гарри. У меня каникулы. Вы не знали?

— Нет.

На ее лице заиграла радость.

— Это было бы потрясающе, правда? Я подумала и решила, что могла бы заботиться о вас, прямо здесь. Вам лучше работать дома, а не в этой суете, в «Кларксе». Вы могли бы писать на террасе. По-моему, океан такой прекрасный, он бы вас вдохновлял, я уверена! А я бы следила, чтобы вам было хорошо и удобно. Я буду хорошо заботиться о вас, от всей души, обещаю, я сделаю вас счастливым! Гарри, пожалуйста, позвольте мне сделать вас счастливым.

Он заметил, что она принесла с собой корзинку.

— Это для пикника, — пояснила она. — Для нас, на вечер. У меня даже бутылка вина есть. Я подумала, мы могли бы устроить пикник на пляже, это так романтично.

Он не хотел романтических пикников, не хотел быть с ней рядом, не хотел ее: он должен был ее забыть. Он уже жалел об этой субботе в Рокленде: увез пятнадцатилетнюю девочку в другой штат без ведома родителей! Если бы их остановила полиция, все могли бы подумать, что он ее похитил. Эта девочка его погубит, она должна исчезнуть из его жизни.

— Не могу, Нола, — только и сказал он.

Она очень расстроилась:

— Почему?

Он должен ей сказать, что у него свидание с другой. Ей будет тяжело

это слышать, но она должна понять, что их любовь невозможна. И все же он не решился и снова солгал:

— Мне надо ехать в Конкорд, повидаться с издателем, он там будет на празднике в честь Четвертого июля. Будет ужасно скучно. Я бы предпочел остаться с тобой.

— Можно я поеду с вами?

— Нет. То есть тебе там будет скучно.

— Вы очень красивый в этой рубашке, Гарри.

— Спасибо.

— Гарри... Я влюблена в вас. С того самого дня, когда шел дождь и я увидела вас на пляже, я безумно в вас влюблена. Я бы хотела быть с вами до конца жизни!

— Перестань, Нола. Не говори так.

— Почему? Ведь это правда! Я дня не могу прожить, если я не рядом с вами! Когда я вас вижу, жизнь кажется мне прекраснее! А вы меня ненавидите, да?

— Да нет же! Конечно нет!

— Я знаю, что вы меня считаете уродиной. И что в Рокленде вам, конечно, было со мной скучно. Потому-то вы и не подавали о себе вестей. Вы думаете, что я маленькая, глупая и скучная уродка.

— Не говори глупостей. Ладно, пойдем, я отвезу тебя домой.

— Скажите мне «милая Нола»... Скажите еще раз.

— Не могу, Нола.

— Пожалуйста!

— Не могу. Эти слова говорить нельзя!

— Но почему? Боже мой, почему? Почему нам нельзя любить, если мы любим друг друга?

— Пойдем, Нола, — повторил он. — Я отвезу тебя домой.

— Но, Гарри, зачем жить, если мы не имеем права любить?

Он ничего не ответил и повел ее к черному «шевроле».

Она плакала.

Звонил не Гарри Квеберт, а Эми Пратт, жена шефа полиции Авроры. Она была устроительницей летнего бала, одного из главных событий в жизни города; в этом году бал должен был состояться 19 июля, и сейчас она обходила соседей. Услышав звонок, Тамара выпроводила мужа и полуголую дочь наверх — и, открыв, с облегчением обнаружила за дверью не именитого гостя, а Эми Пратт с лотерейными билетами для бала. В этом году разыгрывалась неделя отдыха в великолепном отеле на острове

Мартас-Винъярд, в Массачусетсе, где проводили отпуск многие звезды. Когда Тамара узнала, какой будет первый приз, у нее заблестели глаза; она купила две пачки билетов и, хотя приличия требовали предложить гостье (которую она к тому же очень уважала) оранжаду, без сожалений выставила ее за дверь: было без пяти шесть. Дженни успела успокоиться и спустилась вниз в зеленом летнем платье, которое ей очень шло; за ней появился отец в костюме-тройке.

— Это был не Гарри, а Эми Пратт, — насмешливо объявила Тамара. — Я прекрасно знала, что это не он. Видели бы вы себя, улепетывали как зайцы! Ха! Я-то знала, что это не он, потому что он человек высокого полета, а люди высокого полета раньше времени не приходят. Это еще невежливее, чем опаздывать. Имей в виду, Боббо, а то ты вечно боишься опоздать на свои встречи.

Часы в гостиной пробили шесть раз, и все семейство Куинн выстроилось у входной двери.

— Главное, ведите себя естественно! — взмолилась Дженни.

— Мы очень естественны, — отозвалась мать. — Правда, Боббо, мы естественны?

— Конечно, Котенок. Только у меня, по-моему, опять газы: я себя чувствую как скороварка, которая сейчас взорвется.

Несколько минут спустя Гарри звонил в дверь дома Куиннов. Он высадил Нолу на какой-то улице недалеко от дома, чтобы их не увидели вместе. Он оставил ее в слезах.

* * *

Дженни рассказала мне про вечер 4 июля, для нее это были чудесные минуты. Она с волнением описывала ярмарку, их совместный ужин, фейерверк над Конкордом.

По тому, как она говорила о Гарри, я понял, что всю свою жизнь она по-прежнему любила его и что за нынешней ее неприязнью кроется прежде всего боль: ведь он бросил ее ради Нолы, маленькой субботней подавальщицы, той, для которой он написал шедевр. Прежде чем мы расстались, я задал ей еще один вопрос:

— Дженни, кто, по-твоему, мог бы больше всего рассказать мне о Ноле?

— О Ноле? Ее отец, конечно.

Ее отец. Конечно.

23. Те, кто близко ее знал

— А персонажи? С кого вы пишете своих персонажей?

— С кого угодно. С друга, с домработницы, с клерка в окошке банка. Но вот что важно: не сами эти люди служат для вас источником вдохновения, а их поступки. Их действия наводят вас на мысли о том, как мог бы себя вести кто-нибудь из персонажей вашего романа. Когда писатели говорят, что никогда не описывают реальных людей, они лгут, но они правы: это позволяет им избежать больших неприятностей.

— Как так?

— Писатели, Маркус, имеют то преимущество, что могут сводить счеты с себе подобными посредством книжки. Единственное правило — не называть их по имени. Никаких имен собственных: это прямой путь к судебным искам и прочим мукам. Какой там у нас следующий номер в списке?

— Двадцать третий.

— Значит, вот вам двадцать третье правило: пишите только вымышленные истории. Все прочее принесет одни неприятности.

В воскресенье 22 июня 2008 года я впервые увидел преподобного отца Келлергана. Стоял один из тех сереньких летних дней, какие бывают только в Новой Англии: от океана поднимался такой плотный туман, что его ключья висели на вершинах деревьев и на крышах. Дом семейства Келлерган находился на Террас-авеню, 245, в самом центре красивого жилого квартала. Судя по всему, со времени их приезда в Аврору он совсем не изменился. Та же краска на стенах, те же кусты кругом. Недавно посаженные розы разрослись и превратились в цветники, а вишню перед домом, засохшую десять лет назад, заменили точно таким же деревом.

Со стороны дома доносилась оглушительная музыка. Я несколько раз позвонил в дверь, но никто не ответил. В конце концов какой-то прохожий крикнул мне: «Если вы к отцу Келлергану, звонить бесполезно. Он в гараже». Я постучал в дверь гаража: в самом деле, музыка звучала оттуда. Я стучал долго; наконец дверь открылась, и передо мной оказался маленький, худенький старичок, седой и весь белесый, в рабочей блузе и защитных очках. Дэвид Келлерган, восемьдесят пять лет.

— Вы по какому делу? — любезно прокричал он, громкость музыки

была почти нестерпимой.

Мне пришлось сложить руки рупором, чтобы он меня услышал:

— Меня зовут Маркус Гольдман. Вы меня не знаете, но я расследую гибель Нолы.

— Вы из полиции?

— Нет, я писатель. Вы не могли бы выключить музыку или немного уменьшить звук?

— Это невозможно. Я никогда не приглушаю музыку. Но, если хотите, мы можем пройти в гостиную.

Он впустил меня в гараж; все помещение было переоборудовано под мастерскую, в центре которой гордо высилась коллекционная модель «харлея-дэвидсона». Из старенького проигрывателя в углу, подключенного к стереоколонкам, гремел классический джаз.

Я готовился к дурному приему. Я думал, что после осады журналистов отцу Келлергану хочется хоть немного покоя; но он, напротив, держался очень приветливо. Хотя я часто бывал в Авроре, но никогда прежде его не видел. Он явно не знал о моих связях с Гарри, и я предусмотрительно о них не упоминал. Он приготовил нам два стакана чаю со льдом, и мы расположились в гостиной. Он не стал отвинчивать защитные очки, словно готовясь в любой момент вернуться к своему мотоциклу; из гаража по-прежнему неслась оглушительная музыка. Я попытался себе представить, как выглядел этот человек тридцать три года тому назад, когда он был энергичным пастором прихода Сент-Джеймс.

— Что привело вас сюда, мистер Гольдман? — спросил он, с любопытством разглядывая меня. — Книга?

— Сам не знаю, преподобный отец. Главное, я хочу узнать, что случилось с Нолой.

— Не называйте меня преподобным, я больше не пастор.

— Соболезную, мистер Келлерган, у вас такое горе.

Он улыбнулся — на удивление тепло:

— Спасибо. Вы первый человек, который принес мне соболезнования, мистер Гольдман. Последние две недели весь город говорит о моей дочери; все набрасываются на газеты, чтобы узнать последние подробности, но никто не пришел и не спросил, каково мне. Ко мне в дверь звонят либо журналисты, либо соседи, которые жалуются на шум. Имеет право скорбящий отец слушать музыку или нет?

— Безусловно.

— Так значит, вы пишете книгу?

— Я уже не уверен, что способен писать. Хорошо писать, это так

трудно. Издатель предложил мне написать книгу об этом деле. Он говорит, это даст новый толчок моей карьере. Вы не будете против книги о Ноле?

Он пожал плечами:

— Нет. Если это поможет родителям быть осмотрительнее. Знаете, в тот день, когда моя дочь исчезла, она была в своей комнате. А я работал в гараже, под музыку. Я ничего не слышал. Когда я решил зайти к ней, ее в доме уже не было. Окно в ее комнате было открыто. Она будто испарилась. Я не сумел присмотреть за дочерью. Напишите книгу для родителей, мистер Гольдман. Родители должны очень следить за своими детьми.

— Что вы делали в тот день в гараже?

— Чинил мотоцикл. Тот самый «харлей», который вы видели.

— Отличная машина.

— Спасибо. Я как раз тогда притащил его от одного кузовщика из Монберри. Он говорил, что больше из него выжать нечего, и отдал его мне за символические пять долларов. Вот чем я занимался, когда пропала моя дочь: возился с этим проклятым мотоциклом.

— Вы живете один?

— Да. Жена давно умерла...

Он встал и принес альбом с фотографиями. Показал мне Нолу в детстве и свою жену Луизу. Вид у них был счастливый. Меня удивило, с какой легкостью он доверился мне, в сущности, незнакомому человеку. Думаю, ему просто хотелось погрузиться в воспоминания о дочери. Он рассказал, что они приехали в Аврору осенью 1969 года, из Джексона, штат Алабама. Несмотря на то что тамошнее братство переживало расцвет, зов моря оказался сильнее: община Авроры искала нового священника, и он согласился. Главной причиной переезда в Нью-Гэмпшир стало желание найти спокойное место, чтобы растить Нолу. В те годы страна пылала изнутри — политические распри, сегрегация, война во Вьетнаме. После событий 1967 года — расовых бунтов в Сан-Квентине, массовых беспорядков в черных кварталах Ньюарка и Детройта — они стали подыскивать убежище, надежно защищенное от всех этих волнений. И когда их маленькая машинка, пытая под тяжестью фургончика, дотащилась до больших, усеянных кувшинками прудов Монберри и стала спускаться к Авроре и вдали показался чудесный, спокойный городок, Дэвид Келлерган поздравил себя с удачным выбором. Мог ли он вообразить, что именно здесь шесть лет спустя исчезнет его дочь?

— Я проезжал мимо вашего бывшего прихода, — сказал я. — Он превратился в «Макдоналдс».

— Весь мир постепенно превращается в «Макдоналдс», мистер

Гольдман.

— Но что случилось с приходом?

— Несколько лет дела шли отлично. А потом пропала моя Нола, и все изменилось. Вернее, изменилось одно: я перестал верить в Бога. Если бы Бог существовал на самом деле, дети бы не пропадали. Я стал вести себя черт знает как, но никто не осмеливался выставить меня за дверь. Понемногу община распалась. Пятнадцать лет назад приход в Авроре по финансовым причинам объединился с приходом в Монберри. Здание церкви они продали. Теперь верующие по воскресеньям отправляются в Монберри. После исчезновения Нола я так и не смог вернуться к своим обязанностям, хотя официально уволился только шесть лет спустя. Приход по-прежнему платит мне содержание. И дом мне уступили за какие-то крохи.

Затем Дэвид Келлерган рассказал, как счастливо и беззаботно они жили в Авроре. По его словам, это были лучшие годы в его жизни. Он вспоминал, как летними вечерами разрешал Ноле попозже лечь спать и она сидела под маркизой и читала; ему хотелось, чтобы лето не кончалось никогда. Еще он рассказал, что дочь откладывала деньги, которые по субботам зарабатывала в «Кларксе»: говорила, что уедет на них в Калифорнию и станет актрисой. А он был так горд, когда приходил в «Кларкс» и слышал, как ее хвалят клиенты, как ею довольна мамаша Куинн. Еще долго после ее исчезновения он спрашивал себя, не уехала ли она в Калифорнию.

— Почему «уехала»? — спросил я. — Вы хотите сказать, сбежала?

— Сбежала? С чего бы ей сбежать? — возмутился он.

— А Гарри Квеберт? Вы хорошо его знаете?

— Нет. Едва знакомы. Пару раз его встречал.

— Едва знакомы? — изумился я. — Но вы тридцать лет живете в одном городе.

— Я не со всеми знаком, мистер Гольдман. Да и живу я затворником, знаете ли. Неужели это все правда? Про Гарри Квеберта и Нолу? И что он написал эту книгу для нее? Что значит эта книга, мистер Гольдман?

— Буду с вами откровенен: думаю, ваша дочь любила Гарри, и притом взаимно. В книге рассказывается о невозможной любви между двоими, принадлежащими к разным классам общества.

— Я знаю, — воскликнул он. — Я знаю! Так что же, выходит, Квеберт, чтобы придать себе весу, заменил «извращение» на «классы общества» и продал миллионы экземпляров своей книжки? Книжки, в которой рассказаны непристойные истории о моей дочери, о моей малышке Ноле, и

которую вся Америка читала и превозносила тридцать лет!

Преподобный Келлерган вспыхнул; последние слова он произнес с такой яростью, какую я никак не ожидал встретить в этом хрупком с виду человеке. С минуту он молча ходил взад-вперед по комнате, словно пытаясь выпустить гнев. На заднем плане по-прежнему истошно орала музыка. Я сказал:

— Гарри Квеберт не убивал Нолу.

— Как вы можете быть уверены?

— Никогда ни в чем нельзя быть уверенным, мистер Келлерган.

Поэтому-то жизнь иногда такая сложная.

Он поморщился:

— Что вы хотите узнать, мистер Гольдман? Если вы здесь, значит, у вас есть ко мне вопросы?

— Я пытаюсь понять, что могло произойти. В тот вечер, когда пропала ваша дочь, вы ничего не слышали?

— Ничего.

— Кто-то из соседей тогда утверждал, что слышал крики.

— Крики? Не было никаких криков. В этом доме никогда никто не кричал. Да и с чего бы кому-то кричать? В тот день после обеда я работал в гараже. Когда пробило семь, я начал готовить ужин. Я пошел позвать ее, чтобы она мне помогла, но в комнате ее не было. Сначала я подумал, что она, наверно, пошла пройтись, хотя это было не в ее привычках. Я немного подождал, но потом начал волноваться и решил обойти квартал. Не успел я пройти и сотни метров, как наткнулся на целую толпу: сбегались все соседи, говорили, что в Сайд-Крик видели окровавленную молодую женщину, что со всего округа прибывают полицейские машины и оцепляют окрестности. Я кинулся в первый же дом, позвонить в полицию, сказать, что это может быть Нола... Ее комната была на первом этаже, мистер Гольдман. Тридцать с лишним лет я спрашивал себя, что случилось с моей дочерью. И еще говорил себе, что если бы у меня были другие дети, я бы их отправил спать на чердак. Но других детей у меня нет.

— Тем летом, когда она исчезла, вы не замечали ничего странного в ее поведении?

— Нет. Теперь уже не знаю. Не думаю. Я сам себе часто задаю этот вопрос и не могу на него ответить.

Тем не менее он вспомнил, что в то лето, в самом начале каникул, Нола иногда казалась очень грустной, но он списал это на переходный возраст. Потом я попросил разрешения посмотреть комнату его дочери; он проводил меня, словно хранитель музея, и строго велел ничего не трогать.

После исчезновения Нолы он оставил ее комнату такой, какая она была. Все было на месте: кровать, этажерка с куклами, маленький книжный шкаф, парта с разбросанными ручками, длинной железной линейкой и пожелтевшими листками бумаги. Бумага была почтовая, та самая, на которой она написала записку Гарри. Отец заметил, что меня она заинтересовала:

— Она покупала эту бумагу в канцелярском магазине в Монберри. Она ее обожала, всегда носила с собой, писала на ней заметки, записки. Эта бумага была она сама. У нее всегда было несколько блоков в запасе.

Еще в углу комнаты стоял портативный «ремингтон».

— Это была ее машинка? — спросил я.

— Моя. Но она тоже ею пользовалась. В то лето, когда она исчезла, она брала ее очень часто. Говорила, что ей надо напечатать важные документы. Довольно часто она даже уносила ее из дому. Я предлагал ее подвезти, но она всегда отказывалась. Уходила пешком, волоча ее за ручку.

— Значит, в комнате с тех пор ничего не изменилось?

— Все было ровно так же. Эту самую пустую комнату я увидел, когда пошел ее звать. Окно было распахнуто настежь, и занавески покачивались от легкого ветерка.

— Думаете, в тот вечер кто-то проник в комнату и увел ее силой?

— Не могу вам сказать. Я ничего не слышал. Но, как видите, никаких следов борьбы нет.

— Полиция обнаружила при ней сумку. На сумке, внутри, было выбито ее имя.

— Да, меня даже просили ее опознать. Это был мой подарок на день рождения, на ее пятнадцать лет. Она увидела эту сумку в Монберри, когда мы с ней ездили туда вместе. До сих пор помню тот магазинчик на главной улице. На завтра я туда съездил и купил ее. И отдал шорнику, выбить внутри ее имя.

Я попытался предложить гипотезу:

— Но если это ее сумка, значит, она взяла ее с собой. Если она взяла ее с собой, значит, она куда-то отправлялась, верно? Мистер Келлерган, я знаю, это трудно себе представить, но вы не думаете, что Нола могла убежать из дому?

— Не знаю, мистер Гольдман. В полиции мне уже задавали этот вопрос, и тогда, тридцать лет назад, и сейчас, тому несколько дней. Но отсюда ничего не пропало. Ни одежда, ни деньги, ничего. Взгляните, вот ее копилка, на этажерке, она полная. — Он взял с верхней полки банку из-под печенья. — Смотрите, там сто двадцать долларов! Сто двадцать долларов!

Почему она их оставила, если хотела сбежать? Полиция говорит, у нее в сумке была эта проклятая книжка. Это правда?

— Правда.

Те же вопросы по-прежнему пульсировали в моем мозгу: почему Нола скрылась, не взяв ни одежды, ни денег? Почему она взяла только рукопись?

Пластинка в гараже отыграла последний трек, и отец бросился туда, поставить ее сначала. Мне не хотелось больше ему мешать; я распрощался и ушел, сфотографировав по дороге «харлей-дэвидсон».

Вернувшись в Гусиную бухту, я пошел на пляж, позаниматься боксом. К величайшему моему удивлению, вскоре меня там нашел сержант Гэхаловуд. Он подошел со стороны дома, но поскольку уши у меня были заткнуты наушниками, заметил я его, только когда он похлопал меня по плечу.

— Вы в хорошей форме, — заметил он, разглядывая мой торс и вытирая о штаны мокрую от моего пота руку.

— Стараюсь, — ответил я и, вынув из кармана плеер, выключил его.

— Мини-дисковый? — продолжал он своим неприятным тоном. — А известно ли вам, что *Apple* произвел революцию в мире и музыку в почти неограниченном количестве теперь можно хранить на портативном жестком диске под названием *iPod*?

— Я не слушаю музыку, сержант.

— Что же вы тогда слушаете, когда занимаетесь спортом?

— Не важно. Скажите лучше, чему я обязан честью вашего посещения. Да к тому же в воскресенье.

— Мне позвонил бывший шеф полиции Авроры Пратт, рассказал о пожаре в пятницу вечером. Он встревожен, и, должен признаться, не напрасно: я тоже не люблю, когда дела принимают подобный оборот.

— Вы что, хотите сказать, что вы беспокоитесь за мою безопасность?

— Ни в коем разе. Я просто не хочу, чтобы все пошло вразнос. Всем известно, что преступления против детей вызывают сильнейшее брожение среди населения. Могу вас уверить: всякий раз, как про убитую девочку говорят по телевизору, целые толпы вполне цивилизованных отцов семейства готовы оторвать Квеберту яйца.

— Да, но тут-то целились в меня.

— Вот потому я и здесь. Почему вы не сказали, что получили анонимное письмо?

— Потому что вы меня вышвырнули из кабинета.

— Что верно, то верно.

— Угостить вас пивом, сержант?

Чуть поколебавшись, он согласился. Мы поднялись в дом, я принес две бутылки, и мы выпили их на террасе. Я рассказал, как накануне вечером, возвращаясь с Гранд-Бич, наткнулся на поджигателя.

— Описать я его не могу. Он был в маске. Я видел только силуэт. И опять то же самое послание: «Гольдман, возвращайся домой». Уже третье.

— Да, Пратт мне говорил. Кому известно, что вы ведете собственное расследование?

— Всем. То есть я хочу сказать, я целыми днями задаю вопросы всем, кто мне попадается. Кому угодно. Кто-то не хочет, чтобы я копался в этой истории, как вы считаете?

— Кто-то не хочет, чтобы вы докопались до правды о Ноле. Кстати, как двигается ваше расследование?

— Мое расследование? Теперь оно вас интересует?

— Возможно. Скажем так: с тех пор как вам угрожают, чтобы заставить вас молчать, ваши акции резко подскочили.

— Я говорил с отцом Келлерганом. Славный старик. Он показал мне комнату Нолы. Вы ее тоже видели, я так подозреваю...

— Да.

— Но если это побег, как вы объясните, что она ничего с собой не взяла? Ни одежды, ни денег, вообще ничего.

— Просто это был не побег, — отозвался Гэхаловуд.

— А если это похищение, тогда почему нет никаких следов борьбы? И почему она взяла эту сумку с рукописью?

— Она могла знать убийцу, вот и все. Быть может, она даже состояла с ним в связи. Тогда ему достаточно было просто подойти к окну, — возможно, он иногда так делал, — и убедить ее пойти с ним. Может, просто немного пройтись.

— Вы имеете в виду Гарри.

— Да.

— И что дальше? Она берет рукопись и вылезает в окно?

— Кто вам сказал, что она взяла с собой эту рукопись? Кто вам сказал, что она вообще хоть раз держала эту рукопись в руках? Это слова Квеберта, это он так объясняет, откуда его рукопись взялась рядом с трупом Нолы.

На миг у меня мелькнула мысль рассказать то, что я знал про Гарри и Нолу, — что они должны были встретиться в мотеле «Морской берег» и бежать. Но я предпочел промолчать, чтобы не навредить Гарри. И только спросил:

— Какова же ваша гипотеза?

— Квеберт убил девушку и закопал рукопись вместе с ней. Может быть, совесть замучила. Книга была об их любви, и их любовь ее убила.

— С чего вы взяли?

— На рукописи есть надпись.

— Надпись? Какая надпись?

— Этого я сказать не могу. Тайна следствия.

— Слушайте, кончайте вы эти глупости, сержант! Вы сказали либо слишком много, либо слишком мало: нечего прятаться за тайну следствия каждый раз, как вам это удобно.

Он покорно вздохнул.

— Там написано: «Прощай, милая Нола».

Я потерял дар речи. «Милая Нола». Эти самые слова Нола просила Гарри сказать ей в Рокленде. Я попытался взять себя в руки и спросил:

— Что вы собираетесь делать с этой надписью?

— Отдадим на графологическую экспертизу. В надежде, что это что-нибудь даст.

Я был совершенно потрясен его признанием. «Милая Нола». Именно эти слова произнес сам Гарри, именно эти слова я записал на плеер.

Вечер я провел в размышлениях, не зная, что делать. Ровно в девять позвонила мама. Судя по всему, о пожаре рассказали по телевизору.

— Боже мой, Марки, ты что, умереть собрался из-за этого преступного дьявола?

— Успокойся, мама. Спокойнее.

— У нас только о тебе и говорят, и не то чтобы очень тепло, ты понимаешь, о чем я. Все соседи в недоумении... Спрашивают, почему ты упрямисься и сидишь с этим Гарри.

— Не будь Гарри, я бы никогда не стал Великим Гольдманом, мама.

— Ты прав, без этого типа ты бы стал Величайшим Гольдманом. Ты так изменился с тех пор, как стал ездить к этому типу, в университете. Ты же Великолепный, Марки. Помнишь? Даже несчастная миссис Ланг, кассирша в супермаркете, и та до сих пор меня спрашивает: «Как поживает Великолепный?»

— Мама... Не было никогда никакого Великолепного.

— Никакого Великолепного? Не было Великолепного? — Она позвала отца. — Нельсон, подойди-ка сюда! Марки говорит, что никогда не был Великолепным! — Я услышал, как отец пробормотал что-то невнятное. — Вот видишь, и папа тоже говорит: в школе ты был Великолепным. Я вчера встретила твоего бывшего директора... Он сказал, что у него о тебе такие воспоминания... Я думала, он сейчас расплачется, так он расчувствовался.

А потом он сказал: «Ах, миссис Гольдман, прямо не знаю, куда это сейчас занесло вашего сына». Видишь, как все грустно: даже твой бывший директор в недоумении. А о нас ты подумал? Почему ты мчишься к какому-то старому профессору, вместо того чтобы искать себе жену? Тебе тридцать лет, а у тебя еще нет жены! Ты хочешь, чтобы мы умерли, так и не увидев, как ты женишься?

— Мама, тебе пятьдесят два года. Какое-то время еще есть.

— Прекрати придирааться! Кто тебя научил придирааться, а? Это все твой проклятый Квеберт. Почему ты не хочешь привести нам красавицу-жену? А? А? Теперь ты молчишь?

— Мама, в последнее время я не встречал никого, кто бы мне понравился. Я занят: книга, турне, будущая книга...

— Одни отговорки! А новая твоя книга? Она будет о чем? О всяких извращениях? Я тебя не узнаю, Марки... Марки, дорогой, послушай, мне надо тебя спросить: ты влюблен в этого Гарри? Ты с ним занимаешься гомосексуализмом?

— Нет! Вовсе нет!

Я услышал, как она сказала отцу: «Он говорит нет. Значит да». Потом она спросила шепотом:

— У тебя болезнь? Мамочка будет любить тебя, даже если ты болен.

— Что? Какая еще болезнь?

— Какая бывает у мужчин, когда у них аллергия на женщин.

— Ты хочешь сказать, не гомосексуалист ли я? Нет! И даже если б это было так, не вижу в этом ничего плохого. Но я люблю женщин, мама.

— Женщин? Как это так — женщин? Довольно с тебя одной, люби ее и женись! Женщин! Ты что хочешь сказать, что ты не способен хранить верность? Ты сексуальный маньяк, Марки? Может, тебе надо сходить к врачу-психиатру, чтобы он тебя вылечил?

В конце концов я с досады бросил трубку. Мне было очень одиноко. Я уселся за письменный стол Гарри, включил плеер и стал снова слушать его голос. Мне необходимо было какое-то новое звено, осязаемое доказательство, меняющее ход расследования, что-то, что могло бы пролить свет на одуряющий пазл, который я пытался сложить и который до сих пор ограничивался тремя элементами: Гарри, рукописью и погибшей девочкой. Я размышлял — и вдруг во мне проснулось странное, давно забытое ощущение: мне хотелось писать. Писать о том, чем я живу и что чувствую. Вскоре моя голова уже лопалась от идей — это было уже не желание, а потребность писать. Такого не случалось со мной уже полтора года. словно внезапно проснувшийся вулкан готовился к извержению. Я

кинулся к ноутбуку и, на минуту задумавшись над тем, как начать эту историю, стал печатать первые строки своей будущей книги:

Весной 2008 года, примерно через год после того, как я стал новой звездой американской литературы, произошло событие, которое я решил похоронить в глубинах памяти: оказалось, что мой университетский профессор, шестидесятисемилетний Гарри Квеберт, один из самых известных писателей в стране, в возрасте тридцати четырех лет состоял в любовной связи с пятнадцатилетней девочкой. Это было летом 1975 года.

* * *

Во вторник 24 июня 2008 года Большое жюри присяжных подтвердило обоснованность обвинений, выдвинутых прокуратурой; отныне Гарри официально вменялось в вину похищение и двойное умышленное убийство. Когда Рот позвонил мне и сообщил о решении жюри, я взорвался:

— Вы, кажется, изучали право, можете вы мне объяснить, на основании чего они несут эту ахинею?

Ответ был прост: на основании материалов следствия. После предъявления обвинения мы как представители защиты могли получить к ним доступ. Все утро мы с Ротом провели за изучением документов; атмосфера была натянутая, прежде всего потому, что он, перелистывая страницы, все время повторял:

— О-ля-ля, это нехорошо. Даже совсем нехорошо.

— Раз нехорошо, значит, это вы должны быть хороши, нет? — возражал я.

Он озадаченно поднимал брови, и я все меньше верил в его адвокатские способности.

В деле присутствовали фотографии, показания очевидцев, отчеты, акты экспертиз, протоколы допросов. Некоторые снимки относились к 1975 году: фото дома Деборы Купер, ее тела, лежащего на кухонном полу в луже крови, и наконец того места в лесу, где были обнаружены следы крови, клочья волос и обрывки платья. Затем мы перенеслись во времени на тридцать три года вперед и оказались в Гусиной бухте: на дне ямы, выкопанной полицией, виднелся скелет в позе зародыша. Местами на костях еще висели куски плоти, на черепе сохранились редкие обрывки

волос; на скелете было наполовину истлевшее платье, а рядом лежала пресловутая кожаная сумка. Меня чуть не вырвало.

— Это Нола?

— Она самая, — ответил Рот. — А в сумке была рукопись Квеберта. Одна рукопись, и все. Прокурор говорит, что если девочка убегает из дому, она не уходит без ничего.

Акт вскрытия зафиксировал глубокий перелом на уровне черепа. Нола получила удар невероятной силы: затылочная кость была раздроблена. Судебный медик полагал, что убийца использовал очень тяжелую палку или аналогичный предмет, например биту или дубинку.

Потом мы ознакомились с показаниями садовников, Гарри, и особенно с теми, на которых стояла подпись Тамары Куинн: согласно ее заявлению, записанному сержантом Гэхаловудом, она еще тогда знала, что Гарри увлечен Нолой, и у нее было доказательство, но впоследствии оно куда-то делось, и потому ей никто не верил.

— Ее свидетельство заслуживает доверия? — спросил я.

— В глазах жюри — да, — подтвердил Рот. — И противопоставить нам нечего: Гарри сам признал на допросе, что состоял в связи с Нолой.

— Ну ладно, есть в этом деле хоть что-то, что его не обличает?

На сей счет у Рота была одна идея: он порылся в документах и протянул мне толстую пачку бумаги, перетянутую скотчем.

— Это копия пресловутой рукописи, — пояснил он.

Первая страница была без заглавия; название явно появилось у Гарри позже. Но посреди страницы были разборчиво написаны от руки, синими чернилами, три слова:

Прощай, милая Нола.

Рот пустился в долгие объяснения. Он считал, что, используя рукопись как главную улику против Гарри, прокуратура совершает грубую ошибку: назначена графологическая экспертиза, и как только станут известны ее результаты — он был уверен, что они покажут невиновность Гарри, — все дело рассыплется как карточный домик.

— Это центральный пункт моей защиты, — заявил он победным тоном. — Если чуть-чуть повезет, даже не понадобится доводить дело до суда.

— Но что будет, если установят, что это почерк Гарри?

Рот в изумлении уставился на меня:

— Это с какой же радости?

— Я вам должен сообщить важную вещь: Гарри мне рассказал, что однажды ездил с Нолой на денек в Рокленд, и она попросила называть ее «милая Нола».

Рот смертельно побледнел: «Вы же понимаете, что если так или иначе эти слова написал он...» — и, даже не закончив фразу, собрал свои вещи и потащил меня в тюрьму. Он был вне себя.

Едва оказавшись в комнате для свиданий, Рот заорал, размахивая рукописью перед носом Гарри:

— Она велела называть ее «милая Нола»?

— Да, — Гарри опустил голову.

— А вы видите, что тут написано? На первой странице вашей гребаной рукописи! Вы когда собирались мне об этом сказать, вашу мамашу?

— Уверяю вас, это не мой почерк. Я ее не убивал! Я не убивал Нолу! Это вы знаете или нет, бог ты мой? Вы же знаете, что не я убийца Нолы!

Рот немного успокоился и сел.

— Мы знаем, Гарри. Но все эти совпадения настораживают. Побег, эта надпись... А я должен защищать вашу задницу перед жюри из добропорядочных граждан, которые жаждут приговорить вас к смерти еще до начала процесса.

Гарри выглядел очень скверно. Он встал и начал ходить взад-вперед по тесному помещению с бетонными стенами.

— Вся страна ополчилась на меня. Скоро весь мир будет требовать мою шкуру. Если еще не требует... Люди говорят обо мне слова, смысла которых сами не понимают: педофил, извращенец, полоумный. Они поливают грязью мое имя и жгут мои книги. Но вы должны знать, повторяю в последний раз: я не маньяк. Нола — единственная женщина, которую я любил в своей жизни, и, на мою беду, ей было всего пятнадцать лет. Любовь рассудку не подчиняется, черт возьми!

— Но речь о пятнадцатилетней девочке! — взвился Рот.

Гарри с досадой повернулся ко мне:

— Вы тоже так думаете, Маркус?

— Гарри, меня смущает, что вы никогда мне об этом не говорили... Мы друзья уже десять лет, и за это время вы ни разу не упомянули Нолу. Я думал, мы с вами близкие люди.

— Но, боже милосердный, что я должен был вам сказать? «Ах, дорогой Маркус, право, я никогда вам не говорил, но в семьдесят пятом году, приехав в Аврору, я влюбился в девушку пятнадцати лет от роду, в

девочку, которая перевернула мою жизнь, а спустя три месяца, в один летний вечер, исчезла, и я так после этого и не оправился...»?

Он пнул пластиковый стул и запустил им в стену.

— Гарри, — сказал Рот. — Если эти слова написали не вы — а я вам верю, — то кто бы это мог быть? У вас нет предположений?

— Нет.

— Кто знал про вас с Нолой? Тамара Куинн утверждает, что всегда это подозревала.

— Не знаю я! Может, Нола рассказала о нас кому-нибудь из подруг...

— Но вы не исключаете возможности, что кто-то был в курсе? — настаивал Рот.

Повисла пауза. У Гарри был такой грустный и подавленный вид, что у меня разрывалось сердце.

— Ну, — Рот изо всех сил старался заставить его говорить, — я же чувствую, что вы о чем-то умалчиваете. Как мне вас защищать, если вы скрываете какие-то сведения?

— Были... Были анонимные письма.

— Какие анонимные письма?

— Сразу после исчезновения Нолы я стал получать анонимные письма. Каждый раз, возвращаясь из какой-нибудь отлучки, я находил их в дверном проеме. Тогда я страшно перепугался. Это означало, что кто-то шпионит за мной, подстерегает, когда меня нет дома. В какой-то момент мне стало так страшно, что, получив очередное письмо, я звонил в полицию. Говорил, что кто-то бродит вокруг моего дома, приезжал патруль, и это меня успокаивало. Естественно, я не мог назвать истинную причину моей тревоги.

— Но кто мог слать вам эти письма? — спросил Рот. — Кто знал про вас с Нолой?

— Не имею ни малейшего понятия. Во всяком случае, это продолжалось полгода. А потом прекратилось.

— Вы их сохранили?

— Да. Они дома. Между страницами большой энциклопедии, в моем кабинете. Думаю, полиция их не нашла, потому что никто меня про них не спрашивал.

Вернувшись в Гусиную бухту, я немедленно снял с полки энциклопедию, о которой он говорил, и нашел спрятанный между страницами крафтовый конверт с десятком листков. Письма на пожелтевшей бумаге. На каждом листке были напечатаны на машинке одни и те же слова.

*Я знаю, что ты сделал с этой девочкой 15 лет.
И скоро весь город узнает.*

Кто-то знал о Гарри и Ноле. И этот кто-то тридцать три года молчал.

* * *

В следующие два дня я постарался расспросить всех, кто так или иначе мог знать Нолу. Эрни Пинкас снова оказал неоценимую помощь в моих разысканиях: откопав в архивах библиотеки альбом выпускников средней школы Авроры за 1975 год, он с помощью интернета составил список нынешних адресов большинства одноклассников Нолы, до сих пор проживающих в этом районе. К несчастью, плоды моих усилий оказались ничтожны: всем этим людям было сейчас под пятьдесят, но я не мог добиться от них ничего, кроме детских воспоминаний, не представлявших особого интереса для расследования. Вплоть до той минуты, когда я вдруг понял, что одно из имен в списке мне знакомо: Нэнси Хаттауэй. Та, кто, по словам Гарри, обеспечивала Ноле алиби во время их поездки в Рокленд.

По сведениям Пинкаса, Нэнси Хаттауэй держала магазин рукоделия в промышленном комплексе на выезде из города в сторону Массачусетса. Я отправился туда первый раз в четверг, 26 июня 2008 года. Красивый магазинчик с яркой витриной, зажатый между закусочной и скобяной лавкой. Внутри я обнаружил даму лет пятидесяти; в ее коротко стриженных волосах пробивалась седина. Она сидела за столом, в очках для чтения, и приветливо поздоровалась со мной. Я спросил:

— Простите, вы Нэнси Хаттауэй?

— Я самая, — ответила она, поднимаясь из-за стола. — Мы знакомы? Я вас, кажется, где-то видела.

— Меня зовут Маркус Гольдман. Я...

— Писатель, — перебила она. — Теперь вспоминаю. Говорят, вы задаете много вопросов о Ноле.

Вид у нее был настороженный. Впрочем, она тут же добавила:

— Думаю, вас вряд ли интересует рукоделие.

— Вы правы. И меня действительно интересует смерть Нолы Келлерган.

— А при чем здесь я?

— Если не ошибаюсь, вы очень близко знали Нолу. Когда вам было пятнадцать лет.

— Кто вам это сказал?

— Гарри Квеберт.

Она встала и решительным шагом направилась к двери. Я подумал было, что она меня выгонит, но она повесила на витрину табличку «Закррито» и задвинула щеколду. Потом обернулась ко мне и спросила:

— Вы какой кофе любите, мистер Гольдман?

Мы просидели в служебном помещении больше часа. Она была та самая Нэнси, подруга Нолы, о которой говорил Гарри. Она никогда не была замужем и сохранила девичью фамилию.

— Вы никогда не уезжали из Авроры? — спросил я.

— Никогда. Я слишком привязалась к этому городу. Как вы меня нашли?

— По интернету. Интернет творит чудеса.

Она кивнула:

— Ну так что же вы, собственно, хотите узнать, мистер Гольдман?

— Зовите меня Маркус. Мне надо, чтобы кто-нибудь рассказал мне о Ноле.

Она улыбнулась:

— Мы с Нолой учились в одном классе; подружились сразу, как она переехала в Аврору. Мы жили почти рядом, на Террас-авеню, и она часто приходила ко мне. Она говорила, что ей нравится бывать у меня дома, потому что у нас *нормальная* семья.

— Нормальная? Что вы имеете в виду?

— Думаю, вы встречались с отцом Келлерганом...

— Да.

— Он очень жесткий человек. Удивительно, что Нола была его дочь — умненькая, нежная, приветливая, улыбчивая.

— Странно, что вы так отзываетесь о преподобном Келлергане, мисс Хаттауэй. Я встречался с ним несколько дней назад, и он показался мне человеком скорее мягким.

— Он может производить такое впечатление. Во всяком случае на людях. Вроде бы в Алабаме он творил чудеса, и его позвали на выручку, потому что приход Сент-Джеймс приходил в запустение. И действительно, не успел он его возглавить, как по воскресеньям в храме стало полно народу. Но в остальном... трудно сказать, что на самом деле творилось дома у Келлерганов.

— Что вы хотите сказать?

— Нолу били.

— Что?

Сцена, о которой мне поведала Нэнси Хаттауэй, произошла, по моим подсчетам, в понедельник, 7 июля 1975 года, то есть в период, когда Гарри оттолкнул от себя Нолу.

Понедельник, 7 июля 1975 года

Наступили каникулы. Погода стояла совершенно восхитительная, и Нэнси зашла к Ноле позвать ее на пляж. Когда они шли по Террас-авеню, Нола вдруг спросила:

- Скажи, Нэнси, как ты считаешь, я гадкая девочка?
- Гадкая девочка? Нет! Какой ужас! Почему ты спрашиваешь?
- Потому что дома мне говорят, что я гадкая девочка.
- Что? Почему тебе так говорят?
- Не важно. Где будем купаться?
- На Гранд-Бич. Скажи мне, Нола, почему тебе такое говорят?
- Может, это и правда. Наверно, это из-за того случая в Алабаме.
- В Алабаме? А что там случилось?
- Не имеет значения.
- Ты какая-то грустная, Нола.
- Мне грустно.
- Грустно? Но ведь каникулы! Как можно грустить, когда каникулы?
- Это сложно, Нэнси.
- У тебя неприятности? Если у тебя неприятности, скажи!
- Я влюблена в человека, который меня не любит.
- В кого?
- Не хочется о нем говорить.

— Это Коди, тот старшеклассник, который за тобой увивался? Я так и думала, что он тебе нравится! И как оно, встречаться со старшеклассником? Но ведь он дурак, нет? Он же круглый дурак! Знаешь, он только потому классный, что в баскетбольной команде. Это с ним ты ездила в субботу?

— Нет.

— Тогда кто же? Ну пожалуйста, скажи. Вы уже переспали? Ты уже спала с парнем?

— Нет! Ты что, спятила? Я себя храню для мужчины моей жизни.

— Но с кем ты была в субботу?

— С одним человеком, постарше. Но это не важно. Он все равно никогда меня не полюбит. Меня никто никогда не полюбит.

Они пришли на Гранд-Бич. Пляж был не очень красивый, но всегда безлюдный. А главное, после отлива, когда океан отступал на три метра, во впадинах огромных скал оставались естественные бассейны, нагретые

солнцем. Они любили в них понежиться: вода там была куда теплее, чем в океане. Поскольку на пляже никого не было, они не прятались, надевая купальники, и Нэнси заметила синяки у Нола на груди.

— Нола! Какой ужас! Что это у тебя?

Нола прикрыла руками грудь:

— Не смотри!

— Но я видела! У тебя рубцы...

— Пустяки.

— Нет, не пустяки! Что это?

— Меня мама побила в субботу.

— Что? Не говори глупости...

— Нет, это правда! Это она мне говорит, что я гадкая девочка.

— Да что ты такое несешь!

— Это правда! Почему мне никто не верит!

Нэнси не рискнула больше задавать вопросы и сменила тему. Искупавшись, они пошли к ней домой. Нэнси взяла в ванной у матери целебный бальзам и намазала истерзанную грудь подруги.

— Нола, про твою мать... — сказала она, — по-моему, тебе надо с кем-то поговорить. В школе, например, с миссис Сэндерс, медсестрой...

— Забудь, Нэнси. Пожалуйста...

* * *

Вспоминая свое последнее лето с Нолой, Нэнси прослезилась.

— А что произошло в Алабаме? — спросил я.

— Понятия не имею. Так никогда и не узнала. Нола мне не сказала.

— Это как-то связано с их отъездом?

— Не знаю. Мне бы очень хотелось вам помочь, но я правда не знаю.

— А эти любовные огорчения... Вы знаете, кто это был?

— Нет.

Я догадывался, что это связано с Гарри, но мне нужно было убедиться, что это знает она.

— Но вы же были в курсе, что она с кем-то встречается. Если не ошибаюсь, как раз тогда вы обеспечивали друг другу алиби, чтобы встречаться с мальчиками.

Она усмехнулась:

— Я вижу, вы неплохо информированы... Сначала мы сговаривались, чтобы съездить на денек в Конкорд. Съездить в Конкорд — для нас это

было целое приключение, мы всегда находили чем там заняться. Чувствовали себя взрослыми дамами. А потом уже мне надо было покататься одной на лодке с моим тогдашним дружкой, а ей... Знаете, я уже тогда догадывалась, что она встречается с мужчиной старше ее. Она несколько раз обмолвилась.

— То есть вы знали про нее и Гарри Квеберта...

У нее вырвалось:

— О боже, нет!

— Как нет? Вы только что сказали, что Нола встречалась с мужчиной старше ее.

Повисла томительная пауза. Я понял, что Нэнси что-то знает, но не хочет говорить.

— Кто был этот человек? — спросил я. — Это не Гарри Квеберт, да? Мисс Хаттауэй, я понимаю, вы меня не знаете, а я вваливаюсь к вам и заставляю ворошить воспоминания. Если бы у меня было больше времени, я бы вел себя иначе. Но времени нет совсем: Гарри Квеберт гниет в тюрьме, а я убежден, что он не убивал Нолу. Поэтому, если вы знаете что-то, что может мне помочь, вы должны мне сказать.

— Про Гарри я ничего не знала. Нола ни разу мне не говорила. Я обо всем узнала по телевизору десять дней назад, как и все... Но она упоминала одного человека. Да, я знала, что у нее была связь с мужчиной сильно старше ее. Но это не Гарри Квеберт.

Я не верил своим ушам:

— Но когда это было?

— Я уже не помню всех подробностей, слишком много времени прошло, но могу вам точно сказать: летом семьдесят пятого, тем летом, когда сюда приехал Гарри, у Нолы были отношения с мужчиной лет сорока.

— Лет сорока? А имени его вы не помните?

— Ну уж его забыть трудно. Это Элайджа Стерн, наверно, один из самых богатых людей в Нью-Гэмпшире.

— Элайджа Стерн?

— Да. Она говорила, что он заставлял ее раздеваться, подчиняться ему, позволять делать, что ему хочется. Она должна была ездить к нему в Конкорд. Стерн присылал своего подручного, такого странного типа, его звали Лютер Калейб. Он приезжал за ней в Аврору и отвозил к Стерну. Я это знаю, потому что видела своими глазами.

22. Полицейское расследование

— Гарри, а откуда знать, что у тебя всегда будут силы писать книги?

— У кого-то силы есть, у кого-то нет. У вас будут, Маркус. Будут, я знаю.

— Почему вы так уверены?

— Потому что в вас это сидит. Вроде болезни. Болезнь писателей, Маркус, это не когда больше не можешь писать, а когда больше не хочешь писать, но остановиться уже не можешь.

Из «Дела Гарри Квеберта»

Пятница, 27 июня 2008 года. Половина восьмого утра. Я жду сержанта Перри Гэхаловуда. Это дело началось дней десять назад, но мне кажется, что прошли уже месяцы. По-моему, городок Аврора таит в себе странные вещи, люди на самом деле знают куда больше, чем говорят. Остается выяснить, почему все молчат... Вчера вечером я снова нашел такое же письмо: «Гольдман, возвращайся домой». Кто-то играет на моих нервах.

Интересно, что скажет Гэхаловуд про мое открытие с Элайджей Стерном. Я справился о нем в интернете: последний наследник финансовой империи, успешно ею управляет. Родился в 1933 году в Конкорде, живет там же. Сейчас ему семьдесят пять лет.

Я писал эти строки в Конкорде, поджидая Гэхаловуда за столом в коридоре Главного управления полиции штата. От этого занятия меня внезапно оторвал густой бас сержанта:

— Писатель? Что это вы тут делаете?

— Я обнаружил поразительные вещи, сержант. Мне надо вам о них рассказать.

Он открыл дверь своего кабинета, поставил стакан с кофе на журнальный столик, бросил пиджак на стул и поднял жалюзи. Потом произнес, по-прежнему занимаясь своими делами:

— Знаете что, могли бы и позвонить. Культурные люди сначала звонят.

Мы бы договорились о встрече, и вы явились бы тогда, когда удобно нам обоим. Все-таки так полагается.

Я выпалил одним духом:

— У Нолы был любовник, некий Элайджа Стерн. Гарри во времена своей связи с Нолой получал анонимные письма, значит, кто-то был в курсе.

Он в изумлении уставился на меня:

— Вы откуда это выкопали, черт возьми?

— Я же сказал, я веду собственное расследование.

К нему немедленно вернулась вся его сварливость.

— Вы мне осточертели, писатель. Вы мне все следствие засрали.

— Вы не в духе, сержант?

— Да, не в духе. Потому что на дворе семь утра, а вы уже машете руками у меня в кабинете.

Я спросил, нет ли здесь чего-нибудь, на чем писать. Он покорно вздохнул и провел меня в смежную комнату. На стене висел пробковый щит с приколотыми фотографиями Сайд-Крик и Авроры. Он указал мне на белую доску рядом со щитом и дал фломастер:

— Валяйте, я вас слушаю.

Я написал на доске имя Нолы и соединил его стрелками с именами тех, кто был замешан в этом деле. Первым шел Элайджа Стерн, за ним Нэнси Хаттауэй.

— А если Нола Келлерган не была примерной девочкой, какой ее все изображают? — начал я. — Мы знаем, что у нее была связь с Гарри. Теперь я знаю, что в тот же период у нее была еще одна связь, с мужчиной по имени Элайджа Стерн.

— Элайджа Стерн, бизнесмен?

— Он самый.

— Кто вам сказал такую чепуху?

— Тогдашняя лучшая подруга Нолы. Нэнси Хаттауэй.

— Как вы ее нашли?

— Выпускной альбом средней школы Авроры за 1975 год.

— Ладно. И что вы мне хотите сказать, писатель?

— Что Нола была несчастная девочка. В начале лета семьдесят пятого ее отношения с Гарри осложняются: он ее отталкивает, она подавлена. Мать лупит ее почем зря. Сержант, чем больше я думаю, тем больше мне кажется, что ее исчезновение — результат странных событий, происшедших тем летом, вопреки тому, в чем нас все пытаются убедить.

— Продолжайте.

— Так вот, я убежден, что про Гарри с Нолой было известно другим людям. Может быть, этой Нэнси Хаттауэй, но тут я не уверен: она говорит, что вообще ничего не знала, и, похоже, не лжет. Во всяком случае, кто-то писал Гарри анонимные письма...

— В связи с Нолой?

— Да. Посмотрите, я их нашел у него дома, — сказал я, протянув ему одно из писем, которое захватил с собой.

— У него дома? Мы же там проводили обыск.

— Ну и что? Но это значит, что кто-то с самого начала был в курсе.

Он прочел вслух:

— «Я знаю, что ты сделал с этой девочкой 15 лет. И скоро весь город узнает». Когда Квеберт получил эти письма?

— Сразу после исчезновения Нола.

— У него нет никаких соображений по поводу того, кто мог их писать?

— К сожалению, никаких.

Я повернулся к пробковому щиту с приколотыми фотографиями и пометками:

— Это ваше расследование, сержант?

— Именно. А теперь давайте-ка начнем сначала. Нола Келлерган исчезает вечером 30 августа 1975 года. В отчете полиции Авроры сказано, что установить, идет ли речь о похищении или неудачном побеге, не представляется возможным: ни следов борьбы, ни свидетелей. Тем не менее сейчас мы всерьез склоняемся к версии похищения. Прежде всего потому, что она не взяла с собой ни вещей, ни денег.

— Думаю, она сбежала, — сказал я.

— Ну хорошо. Будем исходить из этой гипотезы, — согласился Гэхаловуд. — Она вылезает из окна своей комнаты и бежит. Куда?

Пора было выкладывать все, что я знаю:

— Она шла к Гарри.

— Думаете?

— Знаю. Он мне сам сказал. Я вам до сих пор не рассказывал, потому что боялся его скомпрометировать, но, по-моему, пришло время раскрыть карты: в тот вечер, когда Нола пропала, она должна была встретиться с Гарри в мотеле на шоссе 1. Они собирались бежать вместе.

— Бежать? Как? Почему? Куда?

— Этого я не знаю. Но очень рассчитываю выяснить. Во всяком случае, в тот пресловутый вечер Гарри ждал Нолу в номере мотеля. Она оставила ему записку, что придет. Он прождал ее всю ночь, но она так и не пришла.

— Что за мотель? И где записка?

— В мотеле «Морской берег». В нескольких милях к северу от Сайд-Крик. Я туда заезжал, мотель по-прежнему там. А записка... Я ее сжег. Чтобы обезопасить Гарри...

— Сожгли? Вы в своем уме, писатель? Что на вас нашло? Хотите, чтобы вас посадили за уничтожение улики?

— Я зря это сделал. Мне очень жаль, сержант.

Гэхаловуд, все еще чертыхаясь, схватил карту окрестностей Авроры и развернул на столе. Показал мне центр города, отметил шоссе 1, которое шло вдоль берега, Гусиную бухту и лес Сайд-Крик. Потом стал размышлять вслух:

— Если бы я был девочкой и собирался сбежать, чтобы никто не видел, я бы пошел к ближайшему пляжу и двигался вдоль моря, пока не смогу выйти на шоссе 1. То есть либо у Гусиной бухты, либо у...

— Сайд-Крик, — подсказал я. — От моря к мотелю ведет тропинка через лес.

— Ого! — воскликнул Гэхаловуд. — Значит, можно без особых натяжек считать, что девочка сбежала из дома. Террас-авеню тут... а ближайший пляж... Гранд-Бич! Значит, она проходит пляж и идет вдоль океана до леса. Но что могло случиться в этом проклятом лесу?

— Можно предположить, что в лесу она наткнулась на какого-нибудь негодяя. Он пытается ее изнасиловать, потом хватает толстую ветку и убивает ее.

— Можно, писатель, но вы упускаете деталь, вызывающую целую кучу вопросов: рукопись. И эту надпись от руки, «Прощай, милая Нола». Ведь это значит, что тот, кто убил и похоронил Нолу, знал ее и питал к ней нежные чувства. И если предположить, что это не Гарри, то как вы объясните, откуда у нее взялась рукопись?

— Рукопись была у Нолы с собой. Это точно. Хоть она и убегает, но вещи брать с собой не может: это привлекло бы внимание, особенно если в момент ухода ее застигнут родители. А потом, ей ничего и не нужно: она думает, что Гарри богат, что они купят все необходимое для их новой жизни. Так что ей с собой взять? Единственную незаменимую вещь: рукопись книги, которую написал Гарри и которую она унесла почитать, как часто делала. Она знает, что Гарри дорожит этой рукописью. Она кладет ее в сумку и убегает из дому.

С минуту Гэхаловуд обдумывал мою теорию.

— Значит, по-вашему, убийца закопал сумку и рукопись вместе с ней, чтобы избавиться от улики.

— Точно.

— Но это не объясняет, откуда взялись слова любви прямо на тексте.

— Хороший вопрос, — согласился я. — Возможно, это доказывает, что убийца Нола ее любил. Может, стоит рассмотреть версию убийства на почве страсти, в припадке безумия? А опомнившись, убийца сделал эту надпись, чтобы могила не оставалась безымянной. Может, кто-то любил Нолу и не вынес ее связи с Гарри? Он знал о побеге и, не сумев ее отговорить, предпочел ее убить, лишь бы не потерять. Вполне убедительная гипотеза, разве нет?

— Убедительная, писатель. Но, как вы и сказали, это всего лишь гипотеза, и теперь надо ее проверить. Как и все прочие. Добро пожаловать в тяжкую и кропотливую работу копа.

— Что вы предлагаете, сержант?

— Мы назначили графологическую экспертизу по делу Квеберта, но результаты будут чуть позже, придется подождать. Остается выяснить еще один момент: почему Нолу похоронили в Гусиной бухте? Это же рядом с Сайд-Крик: зачем затевать возню с перевозом тела ради того, чтобы закопать его в паре миль оттуда?

— Нет тела — нет убийства, — предположил я.

— Вот и я так думаю. Возможно, убийца понял, что окружен полицией. И ему пришлось довольствоваться ближайшими окрестностями.

Мы оба перевели взгляд на белую доску с моим списком имен:

Гарри Квеберт

Нэнси Хаттауэй

Элайджа Стерн

НОЛА

Тамара Куинн

Дэвид и Луиза Келлерган

Лютер Калев

— Все эти люди так или иначе связаны с Нолой или с делом, — сказал я. — Можно даже считать, что это список подозреваемых.

— Для начала это список-заморочка, — рассудил Гэхаловуд.

Я пропустил мимо ушей его инсинуации и попытался сократить список:

— Нэнси в семьдесят пятом году было всего пятнадцать, и никаких мотивов. Думаю, ее можно вычеркнуть. Тамара Куинн твердит всем и каждому, что знала про Гарри и Нолу... она могла быть автором анонимных писем Гарри.

— Вот с женщинами я не знаю, — перебил Гэхаловуд. — Чтобы так проломить череп, надо обладать огромной силой. Я все-таки думаю, это

скорее мужчина. Тем более что Дебора Купер ясно видела мужчину, который преследовал Нолу.

— А родители, Келлерганы? Мать избивала дочь...

— Избивать свою дочь не похвально, но вряд ли похоже на тот зверский удар, какой получила Нола.

— Я читал в интернете, что при пропаже детей преступник часто оказывался членом семьи или родственником.

Гэхаловуд закатил глаза:

— А я читал в интернете, что вы великий писатель. Как видите, интернет вечно врет.

— Не будем забывать про Элайджу Стерна. По-моему, его надо допросить, и как можно скорее. Нэнси Хаттауэй говорит, что он присылал за Нолой своего шофера, Лютера Калеба, и тот отвозил ее в его особняк в Конкорде.

— Потише, писатель. Элайджа Стерн — влиятельный человек из богатейшей семьи. Он очень силен. Из тех, к кому прокурор без веских улик вязаться не будет. Что у вас против него, кроме вашей свидетельницы, которая в те времена была еще девчонкой? Сегодня ее показания ничего не стоят. Нужны веские факты, доказательства. Я перерыл все отчеты полиции Авроры: там нет ни слова ни о Гарри, ни о Стерне, ни об этом Лютере Калебе.

— Мне Нэнси Хаттауэй показалась человеком, заслуживающим доверия...

— Не спорю, просто я не вполне доверяю воспоминаниям, которые всплывают через тридцать лет, писатель. Я попытаюсь разобраться в этой истории, но чтобы всерьез заняться Стерном, мне нужны доказательства. Я не собираюсь рисковать своей задницей, вызывая на допрос человека, который играет в гольф с губернатором, и не имея при этом что ему предъявить.

— Ко всему прочему, Келлерганы переехали из Алабамы в Аврору по какой-то вполне конкретной причине, но о ней никто ничего не знает. Отец говорит, они искали более здоровое место, но Нэнси Хаттауэй сообщила, что Нола упоминала некое событие, которое случилось, когда она с семьей жила в Джексоне.

— Гм. В общем, надо во всем этом покопаться, писатель.

Я решил не говорить Гарри про Элайджу Стерна, пока у меня не будет более весомых доказательств. Зато я позвонил с этой новостью Роту: мне казалось, что подобное обстоятельство может сыграть решающую роль в защите Гарри.

— У Нола Келлерган была связь с Элайджей Стерном? — поперхнулся он.

— Именно так. Сведения из надежного источника.

— Отличная работа, Маркус. Вызовем Стерна в зал суда, предъявим ему обвинение и перевернем ситуацию. Представляете, какие рожи будут у присяжных, когда Стерн, поклявшись на Библии, начнет делиться с ними пикантными подробностями своих утех с малюткой Келлерган?

— Пожалуйста, ничего не говорите Гарри. До тех пор, пока я не разузнаю о Стерне поподробнее.

В тот же день после обеда я отправился в тюрьму; Гарри подтвердил слова Нэнси Хаттауэй.

— Нэнси Хаттауэй говорила про побои, которые терпела Нола.

— Ох, Маркус, эти побои, это ужасная история...

— Еще она сказала, что в начале лета Нола была очень печальная и задумчивая.

Гарри грустно кивнул:

— Когда я попытался оттолкнуть Нолу, я сделал ее очень несчастной, и это привело к страшным бедам. В те выходные после Дня независимости и нашей с Дженни поездки в Конкорд я был совершенно оглушен своим чувством к Ноле. Мне надо было в обязательном порядке отдалиться от нее. Поэтому в субботу, 5 июля, я решил не ходить в «Кларкс».

И пока я записывал рассказ Гарри о катастрофических выходных 5 и 6 июля 1975 года, мне стало ясно, что «Истоки зла» — это подробное описание его романа с Нолой, с отрывками из их подлинной переписки. Значит, Гарри никогда ничего не скрывал: он с самого начала признался всей Америке в их невозможной любви. В конце концов я даже перебил его:

— Гарри, но ведь все это есть в вашей книге!

— Все, Маркус, все. Но никто никогда не пытался понять. Все писали всякие умные анализы текста, говорили про аллегории, символы и фигуры стиля, а я даже смысла их не понимаю. Тогда как все, что я сделал, — это написал книгу о Ноле и о себе.

Суббота, 5 июля 1975 года

Четыре часа утра. На улицах города не было ни души, только его шаги

гулко отдавались в тишине. Он думал только о ней. С тех пор как он решил больше с ней не встречаться, у него пропал сон. Он внезапно просыпался до рассвета и больше не мог уснуть. Тогда он натягивал спортивный костюм и отправлялся бегать. Бежал по пляжу, гонялся за чайками, подражал их полету и мчался дальше, к Авроре. Добрых пять миль между нею и Гусиной бухтой он проносился стрелой. Обычно он пересекал город из конца в конец и делал вид, будто убегает в Массачусетс, а потом садился на Гранд-Бич и смотрел на восход солнца. Но в то утро, оказавшись в квартале Террас-авеню, он остановился отдышаться и немного прошелся между рядами домов, обливаясь потом; в висках стучала кровь.

Он миновал дом семейства Куинн. Вчерашний вечер с Дженни точно был самым скучным в его жизни. Дженни — потрясающая девушка, но с ней он не мог ни смеяться, ни мечтать. Мечтать он мог только с Нолой. Он пошел дальше, вниз по улице, и оказался перед запретным домом — домом Келлерганов, там, где накануне высадил плачущую Нолу. Он изо всех сил напускал на себя холодность, чтобы она поняла, но она не поняла ничего. Спросила: «Почему вы так поступаете со мной, Гарри? Почему вы такой злой?» Он думал о ней весь вечер. Во время ужина в Конкорде даже отлучился на минуту, чтобы позвонить из телефонной кабины. Попросил телефонистку соединить его с Келлерганами из Авроры, Нью-Гэмпшир, и, едва услышав звонок, повесил трубку. Когда он вернулся к столу, Дженни спросила, все ли с ним в порядке.

Застыв на тротуаре, он всматривался в окна, пытаясь угадать, в какой комнате она спит. Н-О-Л-А. Милая Нола. Он стоял долго. Вдруг ему послышался какой-то шум; он хотел отойти подальше, но налетел на железные мусорные баки, и они со страшным грохотом опрокинулись. В доме зажегся свет, и Гарри бросился бежать со всех ног; вернувшись в Гусиную бухту, он уселся за письменный стол и попытался писать. Начало июля, а он до сих пор так и не начал свой великий роман. Что с ним будет? Придется вернуться к своей горемычной жизни. Он никогда не станет писателем. Он вообще никем не станет. Первый раз в жизни ему пришла мысль о самоубийстве. Около семи утра он уснул прямо за столом, уткнувшись в свои перечерканные, разорванные черновики.

В половине первого в служебном туалете «Кларкса» Нола плеснула в лицо водой, чтобы не так заметны были ее покрасневшие глаза. Она проплакала все утро. Сегодня суббота, а Гарри нет. Он больше не хочет ее видеть. Субботы в «Кларксе» — это были их свидания; и вот он впервые не пришел. Проснувшись, она была еще полна надежды: он придет, попросит

прощения за то, что был такой злой, и она его, конечно, простит. Мысль, что она снова его увидит, привела ее в хорошее настроение; собираясь на работу, она даже чуть-чуть нарумянилась, чтобы ему понравиться. Но за завтраком мать обрушилась на нее с суровыми упреками:

— Нола, я хочу знать, что ты от меня скрываешь.

— Я ничего не скрываю, мама.

— Не лги матери! Думаешь, я ничего не замечаю? Дурочкой меня считаешь?

— О нет, мама! Я ничего такого не думаю!

— Думаешь, я не вижу, что тебя вечно нет дома, что ты вся из себя веселая, что ты красишься?

— Мама, я ничего дурного не делаю. Честное слово.

— Думаешь, я не знаю, что ты ездила в Конкорд с этой маленькой распутницей Нэнси Хаттауэй? Ты гадкая девочка, Нола! Мне за тебя стыдно!

Преподобный Келлерган вышел из кухни, направился в гараж и запер дверь. Как всегда во время ссор: он не желал ничего знать. И включил свой проигрыватель, чтобы не слышать ударов.

— Мама, честное слово, я не делаю ничего дурного, — повторила Нола.

Луиза Келлерган оглядела дочь со смесью брезгливости и презрения. Потом усмехнулась:

— Ничего дурного? Ты знаешь, почему мы уехали из Алабамы... Знаешь почему, да? Или хочешь, чтобы я тебе память освежила? Ну-ка иди сюда!

Она схватила Нолу за руку и потащила в ее комнату. Заставила раздеться и смотрела, как та дрожит от страха в нижнем белье.

— Ты почему носишь лифчик?

— Потому что у меня грудь, мама.

— У тебя не должно быть груди! Ты еще слишком маленькая! Сними лифчик и подойди сюда!

Нола сняла лифчик и, голая, приблизилась к матери. Та взяла с ее парты железную линейку и, оглядев дочь с головы до ног, замахнулась и ударила линейкой по ее соскам. Била с силой, долго, и когда та корчилась от боли, приказывала ей стоять смирно, а то получит еще. Избивая дочь, Луиза повторяла: «Нельзя лгать матери. Нельзя быть гадкой девочкой, понятно? Хватит считать меня дурой!» Из гаража доносился джаз, звучавший на полную мощность.

У Нолы хватило сил пойти в «Кларкс» только потому, что она знала:

там будет Гарри. Он единственный давал ей силы жить, и она хотела жить для него. Но он не пришел. В расстройстве и смятении она все утро проплакала, спрятавшись в туалете. Поднимала блузу, смотрела в зеркало на свои истерзанные груди: они были все в синяках. И она говорила себе, что мать права: она гадкая уродина, потому-то Гарри и не хочет больше ее видеть.

Внезапно в дверь постучали. Это была Дженни:

— Нола, ты что там делаешь? В ресторане битком! Иди к клиентам!

Нола в панике открыла дверь: наверно, Дженни вызвали другие официантки и пожаловались, что она просидела все утро в туалете. Но Дженни зашла в «Кларкс» случайно. Вернее, в надежде застать Гарри. А войдя, обнаружила, что обслуживание застопорилось.

— Ты плакала? — спросила Дженни, увидев несчастное лицо Нолы.

— Я... Я плохо себя чувствую.

— Умойся и выходи в зал. Я тебе помогу, пока наплыв. На кухне паника.

После полудня, когда в ресторане вновь воцарился покой, Дженни налила Ноле лимонаду, чтобы ее утешить.

— Выпей, — ласково сказала она, — тебе станет лучше.

— Спасибо. Ты скажешь своей маме, что я сегодня плохо работала?

— Не волнуйся, не скажу. У всех бывают минуты уныния. Что у тебя случилось?

— Несчастливая любовь.

Дженни улыбнулась:

— Да ладно, ты еще такая юная! Как-нибудь встретишь хорошего человека.

— Не знаю...

— Ну-ну, перестань. Улыбайся жизни! Вот увидишь, все придет. Представь, совсем недавно я была в таком же положении, как и ты. Чувствовала себя несчастной и одинокой. А потом в город приехал Гарри...

— Гарри? Гарри Квеберт?

— Да! Он такой замечательный! Послушай... Все еще неофициально, я не должна тебе говорить, но мы же все-таки подружки, правда? И я так счастлива, что могу кому-то сказать: Гарри меня любит. Он любит меня! Он пишет про меня тексты о любви. Вчера вечером он возил меня в Конкорд на праздник в честь Дня независимости. Это было так романтично!

— Вчера вечером? Разве он там был не со своим издателем?

— Говорю тебе, он был со мной! Мы смотрели фейерверк над рекой, это было чудесно!

— Значит, Гарри и ты... Вы... Вы вместе?

— Да! О, Нола, ведь ты рада за меня, да? Только никому не говори. Не хочу, чтобы все знали. Ты же знаешь, каковы люди: сразу начинают завидовать.

Нола почувствовала, как у нее сжалось сердце; ей вдруг стало так больно, что захотелось умереть: значит, Гарри любит другую. Любит эту Дженни Куинн. Все кончено, он больше ее не хочет. Он даже нашел, кем ее заменить. Голова у нее шла кругом.

В шесть часов, закончив смену, она ненадолго зашла домой, а потом отправилась в Гусиную бухту. Машины Гарри на месте не было. Куда он мог уехать? С Дженни? От одной этой мысли ей стало еще больнее; она изо всех сил сдерживала слезы. Поднялась на несколько ступенек, ведущих под маркизу, вынула из кармана конверт и засунула в дверной проем. В конверте лежали две фотографии, сделанные в Рокленде: на одной — стоя чайки на берегу моря, на другой — они вдвоем во время их пикника. И еще там было короткое письмо, несколько строк, написанных на ее любимой бумаге:

Милый Гарри!

Я знаю, что Вы меня не любите. Но я Вас буду любить всегда. Посылаю Вам фото птиц, которых Вы так хорошо рисуете, и наше фото, чтобы Вы никогда меня не забывали.

Я знаю, что Вы не хотите меня видеть. Но хотя бы напишите. Просто один раз. Просто несколько слов, чтобы у меня осталась память о Вас.

Я Вас никогда не забуду. Вы самый необыкновенный человек, какого я встречала в жизни.

Я люблю Вас навеки.

Она со всех ног бросилась прочь. Спустилась на пляж, сняла сандалии и побежала по воде, как бежала в тот день, когда встретила его.

Из романа Гарри Л. Квеберта «Истоки зла»

Письма начались после того, как она оставила ему записку на дверях дома. Любовное письмо, чтобы сказать все, что чувствует к нему.

Мой милый!

Я знаю, что Вы меня не любите. Но я Вас буду любить всегда.

Посылаю Вам фото птиц, которых Вы так хорошо рисуете, и наше фото, чтобы Вы никогда меня не забывали.

Я знаю, что Вы не хотите меня видеть. Но хотя бы напишите. Просто один раз. Просто несколько слов, чтобы у меня осталась память о Вас.

Я Вас никогда не забуду. Вы самый необыкновенный человек, какого я встречала в жизни.

Я люблю Вас навеки.

Он ответил несколько дней спустя, когда набрался смелости ей написать. Писать — это был пустяк. Писать ей — целая эпопея.

Моя милая!

Как Вы можете говорить, что я не люблю Вас? Вот Вам слова любви, вечные слова, они идут из самых глубин моего сердца. Слова, чтобы сказать, что я думаю о Вас каждое утро, когда просыпаюсь, и каждый вечер, когда ложусь спать. Ваше лицо запечатлелось во мне, когда я закрываю глаза, то вижу Вас перед собой.

Еще сегодня я стоял на заре перед Вашим домом. Должен признаться: я делаю это часто. Я искал Ваше окно, света нигде не было. Я представлял себе Вас, спящую как ангел. Потом я видел Вас и любовался Вами, Вашим красивым платьем с цветами, оно Вам так идет. Вы казались немного грустной. Зачем Вы грустите? Скажите мне, и я стану грустить вместе с Вами.

P. S. Пишите мне по почте, так надежнее.

Я так Вас люблю. Каждый день, каждую ночь.

Мой милый!

Пишу сразу, как прочла Ваше письмо. На самом деле я прочла его десять раз, а может быть, сто! Вы так прекрасно пишете. Каждое Ваше слово — чудо. Вы такой талантливый. Почему Вы не хотите прийти ко мне? Зачем Вы скрываетесь? Почему не хотите говорить со мной? Зачем приходите ко мне

под окно, но не ко мне?

Покажитесь, умоляю Вас. Я грущу с тех пор, как Вы больше не говорите со мной.

Напишите скорее. Жду Ваших писем с нетерпением.

Они знали, что отныне писать — значит любить, потому что им не дано быть вместе. Они станут целовать бумагу, как жаждали целовать друг друга, они станут ждать почты, как ждали бы друг друга на перроне вокзала.

Иногда он прятался на углу ее улицы, так, чтобы никто не видел, и ждал, когда пройдет почтальон. Он смотрел, как она выбегает из дома и бросается к почтовому ящику, забрать драгоценное письмо. Она жила только ради этих слов любви. Чудесная и трагичная сцена: любовь была их величайшим и недостижимым богатством.

Моя милая, моя ненаглядная!

Я не могу показаться Вам: это принесет нам слишком много зла. Мы из разных миров, люди не поймут.

Как я страдаю из-за своего происхождения! Почему нужно жить по чужим обычаям? Почему мы не можем просто любить, невзирая на все различия? Таков современный мир: мир, где двое любят друг друга и не могут держаться за руки. Таков современный мир: он полон законов, полон правил, но это черные правила, они замыкают и грязнят сердца людей.

А наши сердца чисты, их нельзя замкнуть.

Я люблю Вас бесконечной, вечной любовью. С самого первого дня.

Любовь моя!

Спасибо за последнее письмо. Пишите, не переставайте, это так прекрасно.

Моя мать спрашивает, кто мне столько пишет. Хочет знать, почему я все время сую нос в почтовый ящик. Чтобы ее успокоить, я говорю, что это подруга, которую я встретила в лагере прошлым летом. Я не люблю лгать, но так проще. Я знаю, Вы правы, мы не можем ничего сказать: люди причинят Вам зло. Пусть даже мне так больно слать Вам письма по почте, когда мы совсем рядом.

21. О том, как трудно любить

— Знаете, Маркус, каков единственный способ понять, насколько вы любите человека?

— Нет.

— Потерять его.

По дороге в Монберри есть небольшое озерцо, известное во всей округе; в жаркие дни его осаждают семьи и дети из летних лагерей. Люди стекаются с самого утра: берега покрываются пляжными подстилками и зонтиками, под которыми млеют родители, покуда их дети шумно плещутся в зеленой тепловатой воде с пятнами пены там, куда течение сносит мусор от пикников. С тех пор как какой-то ребенок напоролся на использованный шприц, брошенный на берегу, — это было два года назад, — городские власти Монберри постарались благоустроить территорию вокруг озера. Появились столы для пикников и барбекю, чтобы больше никто не жег костры, превращавшие газон в лунный пейзаж, значительно увеличилось количество урн, были установлены сборные туалеты, расширена и забетонирована парковка рядом с берегом, а с июня по август бригада уборщиков ежедневно чистила пляж от мусора, презервативов и собачьих какашек.

В тот день, когда я, собирая материал для книги, приехал на озеро, дети поймали лягушку — наверно, последнего обитателя этого водоема — и тянули ее за задние ноги, пытаясь их оторвать.

Эрни Пинкас сказал, что это озеро — отличная иллюстрация человеческого упадка, поразившего Америку и весь остальной мир. Тридцать три года назад туда мало кто ходил. Добраться до него было трудно: надо было, оставив машину на обочине шоссе, пересечь лесок, а потом еще добрых полмили пробираться среди высокой травы и кустов шиповника. Но результат стоил затраченных усилий — взгляду открывалось великолепное озеро, сплошь покрытое розовыми кувшинками, в обрамлении огромных плакучих ив. В прозрачной воде мелькали стайки золотистых окуньков; их подстерегали серебристые цапли, неподвижно застывшие в тростнике. Был даже кусочек пляжа с серым песком.

На это озеро и приехал Гарри, скрываясь от Нолы. Именно здесь он находился в субботу, 5 июля, когда она оставила первое свое письмо в дверях его дома.

Суббота, 5 июля 1975 года

Он подъехал к озеру около полудня. Эрни Пинкас уже поджидал его, растянувшись на берегу.

— Приехали все-таки? — усмехнулся Пинкас. — Прямо удивительно видеть вас не в «Кларксе».

Гарри улыбнулся:

— Вы мне столько рассказывали про это озеро, что я не мог не приехать.

— Красиво, а?

— Потрясающе.

— Вот она, Новая Англия, Гарри. Заповедный рай, и как раз это мне и нравится. В остальных местах они вечно что-то строят и бетонируют. А здесь другое дело: могу поспорить, что через тридцать лет этот уголок останется таким же, каким и был.

Искупавшись, они уселись обсыхать на солнце и заговорили о литературе.

— Кстати о книжках, как подвигается ваш роман? — спросил Пинкас.

— Пфф, — только и ответил Гарри.

— Не стройте такую мину, я уверен, что это очень здорово.

— Нет, по-моему, все очень плохо.

— Дайте почитать, я вам скажу объективное мнение, обещаю. Что вам не нравится?

— Все. У меня нет вдохновения. Не знаю, как начать. По-моему, я сам не знаю, о чем пишу.

— А сюжет какой?

— История любви.

— А, про любовь... — вздохнул Пинкас. — Вы влюблены?

— Да.

— Хорошее начало. Скажите, Гарри, вы не слишком скучаете по жизни в большом городе?

— Нет. Мне здесь хорошо. Мне нужен был покой.

— А чем вы, собственно, занимаетесь в Нью-Йорке?

— Я... Я писатель.

— Гарри... — Пинкас на миг запнулся. — Не обижайтесь, но я говорил с одним своим другом, он живет в Нью-Йорке...

— И что?

— Он сказал, что первый раз о вас слышит.

— Не все же меня знают... Знаете, сколько народу живет в Нью-

Йорке?

Пинкас улыбнулся, показывая, что говорит без задней мысли:

— По-моему, вас никто не знает, Гарри. Я связался с издательством, выпустившим вашу книгу... Хотел заказать еще экземпляры... Я не знал, что это за издатель, думал, это я невежда... Пока не обнаружил, что это типография в Бруклине... Я им звонил, Гарри... Вы напечатали книгу за свой счет...

Гарри, покраснев, опустил голову.

— Значит, вы все знаете, — прошептал он.

— Что я такого знаю?

— Что я самозванец.

Пинкас дружески положил руку ему на плечо.

— Самозванец? Еще чего! Не говорите глупости! Я читал вашу книжку, мне очень понравилось! Потому и хотел заказать еще. Великолепная книга, Гарри! Разве обязательно быть знаменитым, чтобы быть хорошим писателем? У вас огромный талант, я уверен, что скоро вы будете известны всем. Кто знает, может, та книга, которую вы пишете, будет шедевром.

— А если не получится?

— У вас получится. Я знаю.

— Спасибо, Эрни.

— Не благодарите, это чистая правда. И не волнуйтесь, я никому ничего не скажу. Это останется между нами.

Воскресенье, 6 июля 1975 года

Ровно в три часа дня Тамара Куинн водворила мужа на крыльцо — в костюме, с бокалом шампанского в руке и с сигарой во рту.

— Только не двигайся! — строго приказала она.

— Но у меня рубашка колется, Котеночек.

— Замолчи, Боббо! Это очень дорогие рубашки, а дорогие вещи не колются.

Котеночек купила новые рубашки в одном из центральных магазинов Конкорда.

— Почему мне больше нельзя надевать мои другие рубашки?

— Я же тебе сказала: я не хочу, чтобы ты надевал свое старое мерзкое тряпье, когда к нам придет великий писатель!

— И мне не нравится вкус сигары...

— Другой стороной, бестолочь! Ты ее не тем концом в рот сунул. Не видишь, что ли, у головки кольцо?

— Я думал, это колпачок.

— Ты совсем ничего не смыслишь в шикоте?

— В *шикоте*?

— Это все то, что высший шик.

— Не знал, что так говорят, — *шикота*.

— Да потому что ты ничего не знаешь, бедный мой Боббо. Гарри должен появиться через пятнадцать минут, постарайся быть на высоте. И произвести на него впечатление.

— И что мне делать?

— Кури сигару с задумчивым видом. Как крупный делец. А когда он заговорит с тобой, отвечай с видом превосходства.

— А это как — с видом превосходства?

— Отличный вопрос. Раз уж ты глуп и вообще ничего не знаешь, надо вести себя уклончиво и отвечать вопросом на вопрос. Если он тебя спросит: «Вы были за или против войны во Вьетнаме?» — отвечай: «Раз вы задаете такой вопрос, значит, у вас есть на этот счет четкое мнение?» И тут — оп! — наливаешь ему шампанского. Это называется «отвлечь внимание».

— Хорошо, Котеночек.

— Не подведи меня.

— Хорошо, Котеночек.

Тамара пошла обратно в дом, и раздосадованный Роберт уселся в плетеное кресло. Ему был противен этот Гарри Квеберт, этот якобы несравненный писатель, который, по всему судя, был прежде всего несравненным кривлякой. И ему противно было смотреть на жену, устраивающую вокруг него брачные танцы. Он слушался только потому, что она обещала: сегодня вечером он сможет быть ее Робертом-Поросеночком и даже спать в ее комнате — у супругов Куинн были разные спальни. Обычно она раз в три-четыре месяца соглашалась на половой акт, чаще всего после долгих слезных уговоров, но права спать с ней он был лишен уже давно.

В доме, на втором этаже, Дженни кончила наряжаться: на ней было длинное, широкое вечернее платье с пышными плечиками и фальшивое ожерелье; на пальцах несколько лишних колец, на губах слишком много помады. Тамара поправила дочери платье и улыбнулась:

— Ты великолепна, дорогая. У этого Квеберта просто крыша слетит, когда он тебя увидит!

— Спасибо, мама. А не чересчур?

— Чересчур? Нет, в самый раз.

— Но мы всего лишь идем в кино!

— А потом? А если потом будет шикарный ужин? Об этом ты подумала?

— В Авроре нет шикарных ресторанов.

— А вдруг Гарри заказал для своей невесты столик в роскошном ресторане в Конкорде?

— Мама, мы еще не помолвлены.

— О, дорогая, это дело ближайшего времени, я уверена. Вы уже целовались?

— Нет еще.

— Во всяком случае, если он захочет тебя потискать, ради бога, не упрячься!

— Хорошо, мама.

— И какая чудная мысль ему пришла — пригласить тебя в кино!

— На самом деле это я его пригласила. Набралась духу, позвонила ему и сказала: «Милый Гарри, вы слишком много работаете! Давайте сегодня вечером сходим в кино».

— И он согласился...

— Сразу! Без всяких колебаний!

— Вот видишь, как будто он сам это придумал.

— Мне всегда так неловко его беспокоить, когда он пишет... Потому что он пишет обо мне. Я знаю, я видела кусочек. Он там говорит, что ходит в «Кларкс», только чтобы видеть меня.

— О, милая! Это так волнительно.

Тамара схватила коробочку румян и размалевала дочери лицо, погрузившись в мечты. Он пишет книгу о ней: значит, скоро в Нью-Йорке все узнают про «Кларкс» и про Дженни. Наверно, и фильм будет. Какая чудесная перспектива! Этого Квеберта сам Бог послал: были они хорошими, добрыми христианами, вот и награда. Она быстро раскинула мозгами: в ближайшее воскресенье непременно нужно закатить обед под открытым небом, чтобы все стало официально. Времени мало, но ничего не поделаешь, еще через неделю, в субботу, будет уже летний бал, и весь потрясенный город станет завистливо взирать на Дженни под ручку с великим писателем. Значит, ее, Тамары, подруги должны увидеть дочь и Гарри вместе до бала, чтобы слух успел облететь всю Аврору, тогда на балу они будут гвоздем вечера. Ах, какое счастье! Она так волновалась за дочь: ведь та в итоге могла выскочить за какого-нибудь проезжего дальнобойщика. Или хуже — за социалиста. Или еще хуже — за негра. От этой мысли ее бросило в дрожь — ее Дженни и ужасный негр! Вдруг она

встревожилась: многие великие писатели были евреи. А вдруг Квеберт — еврей? Какой кошмар! Может, даже еврей-социалист! Как жалко, что у евреев белая кожа, их так просто не опознаешь. Негры, по крайней мере, честны, они черные, чтобы всем было ясно видно. А евреи — притворщики. Она почувствовала боль в животе, у нее свело желудок. После дела Розенбергов она ужасно боялась евреев. Они же передали Советам атомную бомбу! Как узнать, не еврей ли Квеберт? Внезапно ее осенило. Она взглянула на часы: как раз успеет до его прихода. И бросилась в магазин.

В двадцать минут четвертого перед домом Куиннов остановился черный «шевроле-монте-карло», и Роберт Куинн с удивлением увидел, как из него выходит Гарри Квеберт: ему самому особенно нравилась эта модель. Еще он отметил, что великий писатель был совсем не при параде. Тем не менее он обратился к нему с напыщенным приветствием и немедленно предложил выпить истинной *шикоты*, как и учила жена:

— Шампанского? — проревел он.

— Э-э, честно говоря, я не большой любитель шампанского, — отозвался Гарри. — Может, просто пива, если у вас есть...

— Ну конечно! — вдруг совершенно по-свойски возликовал Роберт.

Вот в пиве он знал толк. У него даже была книга обо всех сортах пива, какие варят в Америке. Он поспешил к холодильнику взять две холодные бутылки, а по пути объявил дамам на втором этаже, что не-такой-уж-великий Гарри Квеберт прибыл. Мужчины уселись под маркизой, закатав рукава рубашек, чокнулись бутылками и заговорили о машинах.

— Почему у вас «монте-карло»? — спросил Роберт. — То есть я хочу сказать, при вашем-то положении вы могли выбрать какую угодно модель, а взяли «монте-карло»...

— Она спортивная и в то же время практичная. И потом, мне нравится ее дизайн.

— Мне тоже! В прошлом году я чуть не сломался и не купил!

— Почему же не купили?

— Жена не захотела.

— Надо было сперва купить, а потом уже спрашивать ее мнение.

Роберт расхохотался; этот Квеберт, оказывается, совсем простой, приветливый, а главное, очень симпатичный. В эту минуту на крыльцо выкатилась Тамара, неся в руках то, за чем она бегала в супермаркет: блюдо с нарезанным салом и колбасами. «Добрый день, мистер Квеберт! — заголосила она. — Добро пожаловать! Хотите свининки?» Гарри

поздоровался и взял ветчины. При виде гостя, жующего ветчину, ее охватило сладостное чувство облегчения. Идеальный мужчина — и не негр, и не еврей.

Придя в себя, она обнаружила, что Роберт снял галстук и что мужчины пьют пиво прямо из бутылки.

— Чем это вы занимаетесь? Вы не пьете шампанское? А ты, Роберт, почему такой расхристанный?

— Мне жарко! — жалобно отозвался Боббо.

— А я больше люблю пиво, — объяснил Гарри.

И тут вышла Дженни в своем вечернем платье — чересчур нарядная, но обворожительная.

В это самое время в доме на Террас-авеню, 245, преподобный Келлерган, войдя в комнату дочери, застал ее в слезах.

— Что случилось, моя милая?

— О, папа, мне так грустно...

— Почему?

— Из-за мамы...

— Не говори так...

Нола сидела на полу с заплаканными глазами. Преподобному стало ее очень жаль.

— А давай пойдем в кино? — предложил он, чтобы ее утешить. — Ты, я и огромный пакет попкорна! Сеанс в четыре, мы еще успеем.

— Моя Дженни — особенная девочка, — говорила Тамара, пока Роберт, пользуясь тем, что жена отвернулась, напихивался колбасой. — Представляете, она уже в десять лет побеждала на всех местных конкурсах красоты. Дженни, милая, ты помнишь?

— Да, мама, — вздохнула Дженни. Ей было очень неловко.

— А давайте посмотрим старые альбомы с фотографиями? — предложил Роберт с набитым ртом, вспомнив пьесу, которую его когда-то заставила выучить жена.

— О да! Альбомы! — воодушевилась Тамара.

Она немедленно притащила целую кучу альбомов, отражающих первые двадцать четыре года существования Дженни на свете. И, переворачивая страницы, все время восклицала: «А кто эта чудесная девушка?» — «Это Дженни!» — отвечали они с Робертом хором.

Когда с фотографиями было покончено, Тамара приказала мужу наполнить бокалы шампанским и решила наконец заговорить о приеме,

который рассчитывала устроить в ближайшее воскресенье.

— Если вы не заняты, мистер Квеберт, приходите к нам на обед в будущее воскресенье.

— С удовольствием.

— Не волнуйтесь, ничего особо мудреного не будет. То есть, в смысле, я знаю, что вы приехали сюда отдохнуть от нью-йоркской светской суеты. Будет просто деревенский обед с приличными людьми.

Без десяти четыре, когда Нола с отцом входили в кино, перед входом остановился черный «шевроле-монте-карло».

— Иди займи места, а я займусь попкорном, — предложил дочери Дэвид Келлерган.

Нола вошла в зал в ту самую минуту, когда Гарри и Дженни оказались в вестибюле кинотеатра.

— Иди займи места, а я на минутку забегу в туалет, — предложила Дженни.

Гарри вошел в зал и, пробираясь сквозь толпу зрителей, нос к носу столкнулся с Нолой.

Увидев ее, он почувствовал, что сердце выпрыгивает из груди. Ему так ее не хватало.

Увидев его, она почувствовала, что сердце выпрыгивает из груди. Ей надо было с ним поговорить: если он с этой Дженни, пусть скажет. Она хотела услышать это от него.

— Гарри, я...

— Нола...

В этот момент из толпы вынырнула Дженни, и Нола, поняв, что она пришла с Гарри, метнулась прочь из зала.

— С тобой все в порядке, Гарри? — спросила Дженни. Она не успела заметить Нолу. — Ты какой-то странный.

— Да... Я... я сейчас приду. Займи нам места, я куплю попкорна.

— Да! Попкорна! Попроси, чтобы положили побольше масла.

Гарри толкнул двери зала и увидел, как Нола, пробежав через вестибюль, поднимается на галерею второго этажа, закрытую для публики. Он кинулся за ней, перескакивая через две ступеньки.

На втором этаже было безлюдно; он нагнал ее, схватил за руку и прижал к стене.

— Пустите меня, — сказала она, — пустите, или я закричу!

— Нола! Нола, не сердись на меня.

— Почему вы меня избегаете? Почему больше не приходите в

«Кларкс»?

— Прости...

— Я для вас не красивая, поэтому, да? Почему вы мне не сказали, что помолвлены с Дженни Куинн?

— Что? Ни с кем я не помолвлен. Кто тебе такое сказал?

Она широко, с огромным облегчением улыбнулась:

— То есть вы с Дженни не вместе.

— Нет! Говорю тебе — нет.

— Значит, вы не считаете меня уродиной?

— Уродиной? Что ты, Нола, ты такая красивая.

— Правда? Мне было так грустно... Я думала, я вам не нравлюсь. Мне даже хотелось выброситься в окно.

— Не надо говорить такие вещи.

— Тогда скажите еще раз, что я красивая...

— По-моему, ты очень красивая. Прости, что огорчил тебя.

Она опять улыбнулась. Вся эта история — просто недоразумение! Он любит ее. Они любят друг друга! Она прошептала:

— Забудем об этом. Обнимите меня покрепче... Вы такой замечательный, такой красивый, такой изящный.

— Не могу, Нола.

— Почему? Если бы вы на самом деле считали меня красивой, вы бы меня не отталкивали!

— Я считаю тебя очень красивой. Но ты еще девочка.

— Я не девочка!

— Нола... Нам с тобой нельзя быть вместе.

— Почему вы так жестоки со мной? Не хочу с вами больше разговаривать, никогда!

— Нола, я...

— Уходите сейчас же! Уходите, не говорите со мной. Не говорите больше со мной, а то я всем скажу, что вы извращенец. Идите к своей миленькой! Это она мне сказала, что вы вместе. Я все знаю! Я все знаю, Гарри, и я вас ненавижу! Уйдите! Уйдите!

Она оттолкнула его, скатилась по ступенькам и выбежала из кинотеатра. Гарри понуро поплелся в зал. В дверях он столкнулся с отцом Келлерганом.

— Добрый день, Гарри.

— Преподобный отец!

— Я ищу свою дочь, вы ее не видели? Я ей поручил занять нам места, а она как в воду канула.

- Я... По-моему, она только что ушла.
— Ушла? То есть как? Ведь фильм сейчас начнется.

После кино они съездили в Монберри, поесть пиццы. На обратном пути в Аврору Дженни сияла: какой чудесный вечер! Ей хотелось проводить с этим человеком каждый вечер, всю жизнь.

— Гарри, не отвози меня сразу домой, — попросила она. — Все было так прекрасно... Мне не хочется, чтобы этот вечер кончился. Мы можем пойти на пляж.

— На пляж? Почему на пляж?

— Потому что это так романтично! Остановись у Гранд-Бич, там никогда никого не бывает. Мы сможем флиртовать, как студенты, лежа на капоте. Смотреть на звезды и наслаждаться темнотой. Пожалуйста...

Он хотел отказаться, но она настаивала. Тогда он предложил не пляж, а лес: пляж был местом Нолы. Он остановился у Сайд-Крик-лейн и едва успел выключить мотор, как Дженни набросилась на него и, не спрашивая позволения, изо всех сил поцеловала в губы. Она держала его голову и душила своим языком. Ее руки шарили по его телу, она отвратительно постанывала. В салоне машины было тесно; она залезла на него верхом, и он чувствовал, как ее твердые соски упираются ему в грудь. Она была восхитительная женщина, из нее вышла бы идеальная жена, она только этого и хотела. Он без колебаний женился бы на ней хоть завтра: такая женщина, как Дженни, — мечта многих мужчин. Но в его сердце не оставалось места, его целиком занимали четыре буквы: Н-О-Л-А.

— Гарри, — сказала Дженни, — ты тот мужчина, которого я ждала всю жизнь.

— Спасибо.

— Тебе хорошо со мной?

Он не ответил, только ласково отстранил ее:

— Нам пора возвращаться, Дженни. Я и не видел, что уже так поздно. Машина тронулась с места и покатила к Авроре.

Он высадил ее у дома, не заметив, что она плачет. Почему он не ответил? Он ее не любит? Почему ей так одиноко? Ведь ей так немного нужно: все, о чем она мечтает, — это чтобы нашелся славный мужчина, который бы любил ее и защищал, дарил время от времени цветы и водил ужинать. Пусть даже хот-догами, если он небогат. Просто ради удовольствия сходить куда-нибудь вместе. В сущности, какое ей дело до Голливуда, если найдется человек, которого она любит и который любит ее. Стоя под маркизой, она смотрела вслед черному «шевроле», пока он не

скрылся в темноте, а потом разрыдалась, закрыв лицо руками, чтобы не слышали родители. Особенно мать, ей не хотелось перед ней отчитываться. Она не пойдет домой, пока на втором этаже не погаснет свет. Вдруг до ее слуха донесся рокот мотора; она подняла голову в надежде, что это вернулся Гарри, что сейчас он обнимет ее и утешит. Но нет: перед домом остановилась полицейская машина. Она узнала Тревиса Доуна — он патрулировал улицы и случайно оказался у дома Куиннов.

— Дженни? Все в порядке? — спросил он из открытого окна машины.

Она пожала плечами. Он заглушил мотор и открыл дверцу, но перед тем, как выйти из автомобиля, развернул клочок бумаги, который бережно хранил в кармане, и быстро перечитал то, что было на нем написано:

Я: Привет, Дженни, как дела?

Она: Привет, Тревис! Что новенького?

Я: Я тут случайно мимо проходил. Ты великолепна. Ты все хорошеешь. Ты хорошо выглядишь. Я тут подумал: у тебя есть кавалер для летнего бала? А то мы могли бы пойти вместе.

— ИМПРОВИЗИРОВАТЬ —

предложить ей прогуляться и/или молочный коктейль.

Он поднялся к ней на крыльцо и сел рядом.

— Что случилось? — обеспокоенно спросил он.

— Ничего, — отозвалась Дженни, вытирая глаза.

— Нет, не ничего. Ты же плачешь, я вижу.

— Меня обидел один человек.

— Что? Кто? Скажи мне кто! Мне ты все можешь сказать... Я с ним разделаюсь, вот увидишь!

Она грустно улыбнулась и положила голову ему на плечо:

— Это не важно. Но спасибо, Тревис, ты классный парень. Хорошо, что ты здесь.

Он набрался смелости и ободряюще обнял ее за плечи.

— Знаешь, — продолжала Дженни, — я получила письмо от Эмили Каннингем, той, что училась с нами в школе. Она теперь живет в Нью-Йорке. Нашла хорошую работу, беременна первым ребенком. Иногда я вдруг понимаю, что все отсюда уехали. Все, кроме меня. И тебя. А собственно, почему мы остались в Авроре, Тревис?

— Не знаю. Это смотря кто...

— Ну а ты, например, ты почему остался?

— Я хотел остаться рядом с человеком, которого очень люблю.

— А с кем? Я ее знаю?

— Ну да, конечно. Знаешь, Дженни, я хотел... Я хотел тебя спросить... В общем, если ты... По поводу...

Он сжал в кармане листок и попытался успокоиться: надо предложить ей быть его партнершей на балу. Дело нехитрое. Но в этот миг входная дверь с грохотом отворилась. На пороге стояла Тамара в халате и в бигуди.

— Дженни, дорогая? Что это ты сидишь под дверью? Мне показалось, я слышала голоса... А, это наш славный Тревис. Как дела, мой мальчик?

— Добрый вечер, миссис Куинн.

— Дженни, ты как раз вовремя. Пойдем, помоги мне, ладно? Мне надо снять эти штуки с головы, а твой отец совершенно беспомощен. Можно подумать, у него руки из задницы растут.

Дженни встала и помахала Тревису рукой на прощание. Дверь за ней закрылась, а он еще долго сидел один на крыльце.

Той же ночью Нола вылезла в окно своей комнаты и побежала к Гарри. Ей надо было его видеть, надо было выяснить, почему он больше не хочет ее знать. Почему даже не ответил на ее письмо? Ей потребовалось добрых полчаса, чтобы дойти до Гусиной бухты. На террасе горел свет: Гарри, сидя за большим деревянным столом, смотрел на океан. Она окликнула его, и он подскочил от неожиданности.

— Нола, черт возьми! Как ты меня напугала!

— Значит, вот что я вам внушаю? Страх?

— Ты прекрасно знаешь, что это неправда... Что ты здесь делаешь?

Она расплакалась:

— Понятия не имею... Я вас так люблю. Я никогда ничего такого не чувствовала...

— Ты убежала из дому?

— Да. Я люблю вас, Гарри. Слышите? Я вас люблю, как никогда никого не любила и никогда больше не буду любить.

— Не говори так, Нола...

— Почему?

У него сводило живот. Листок, который лежал перед ним и который он прятал, был первой главой его романа. У него наконец получилось начать. Это была книга о ней. Он писал ей книгу. Он любил ее так, что писал ей книгу. Но не осмелился ей сказать. Он слишком боялся того, что могло случиться, если он будет ее любить.

— Я не могу любить тебя, — сказал он с напускным безразличием.

Слезы полились у нее из глаз.

— Вы лжете! Вы негодяй, и вы лжете! Зачем тогда Рокленд? Зачем тогда все?

Он заставил себя быть злым.

— Это была ошибка.

— Нет! Нет! Я думала, что вы и я — это что-то особенное! Это из-за Дженни? Вы ее любите, да? Что такое в ней есть, чего нет у меня, а?

Гарри, не в силах вымолвить ни слова, смотрел, как Нола, вся в слезах, стремглав убегает в ночь.

* * *

— Это была ужасная ночь, — рассказывал мне Гарри в зале для свиданий тюрьмы штата. — Мы с Нолой — это было что-то очень сильное. Невероятно сильное, понимаете? Полнейшее безумие! Любовь, какая бывает раз в жизни! Я до сих пор вижу, как она убегала в ту ночь по пляжу. И себя, не знающего, что делать: бежать за ней? Остаться дома, но уйти в подполье? Или набраться мужества и уехать из города? Все следующие дни я проводил на озере в Монберри, просто чтобы не оставаться в Гусиной бухте, чтобы она не могла ко мне прийти. А моя книга, та самая, ради которой я приехал в Аврору, ради которой пожертвовал всеми своими сбережениями, — она не двигалась. Или дальше не двигалась. Я написал первые страницы, но теперь меня снова заклинило. Это была книга о Ноле, но как ее писать без Нолы? Как писать историю любви, обреченной заранее? Я часами просиживал перед своими листками, часами, и писал несколько слов, пару строчек. Плохих строчек, пошлых и банальных. Плачевное состояние, когда начинаешь ненавидеть любые печатные тексты, потому что все они в тысячу раз лучше, чем можешь написать ты сам, и даже меню в ресторане кажется гениальным: «Бифштекс на косточке: 8 долларов» — только подумать, какое мастерство! Это был совершеннейший ужас, Маркус; я был несчастен, и Нола тоже была несчастна, из-за меня. Почти всю неделю я, как мог, избегал ее. И все же она несколько раз приходила в Гусиную бухту, по вечерам. Приносила полевые цветы, собирала их для меня. Стучалась в дверь, умоляла: «Гарри, милый Гарри, я не могу без вас. Впустите меня, пожалуйста. Дайте мне хотя бы поговорить с вами». А я таился, не подавал признаков жизни. Слышал, как она бьется о дверь, и снова стучит, и плачет. И сидел по другую сторону, не шевелясь. Ждал. Иногда она оставалась у входа больше часа. Потом я слышал, как она кладет цветы у двери и уходит. Я бросался к окну кухни и смотрел, как

она удаляется по гравийной дорожке. Мне хотелось вырвать у себя сердце, так я ее любил. Но ей было пятнадцать. Той, кого я любил до безумия, было пятнадцать лет! Тогда я выходил, подбирал цветы и ставил в вазу в гостиной. Все букеты, что она приносила. И часами смотрел на эти цветы. Мне было так одиноко и так грустно. А потом, в следующее воскресенье, 13 июля 1975 года, случилось нечто ужасное.

Воскресенье, 13 июля 1975 года

Перед домом номер 245 по Террас-авеню собралась плотная толпа. Новость уже облетела весь город. Исходила она от шефа Пратта, вернее, от его жены Эми: мужа срочно вызвали к Келлерганам. Эми Пратт тут же сообщила об этом соседке, та позвонила своей подруге, а та предупредила сестру, дети которой, оседлав велосипеды, помчались звонить в двери своим приятелям: случилось что-то серьезное. У дома Келлерганов стояли две полицейские машины и скорая помощь; Тревис Доун удерживал любопытных на тротуаре. Из гаража неслась оглушительная музыка.

Гарри узнал обо всем от Эрни Пинкаса, ровно в десять утра. Тот долго барабанил в дверь и, увидев Гарри в халате, с всклокоченными волосами, понял, что разбудил его.

— Я подумал, что вам точно никто не скажет, вот и пришел, — сказал он.

— О чем не скажет?

— Это Нола.

— Что — Нола?

— Она пыталась наложить на себя руки. Пыталась покончить с собой.

20. Обед в саду у Куиннов

— Гарри, в том, что вы мне рассказываете, есть какой-нибудь порядок?

— Ну конечно.

— А какой?

— Ну вот вы меня сейчас спросили... На самом деле, может, и никакого.

— Гарри! Это важно! Если вы мне не поможете, у меня ничего не получится!

— Ну какая разница, какой у меня порядок. В конечном итоге важно, какой порядок у вас. Так на каком мы остановились? На девятнадцатом?

— На двадцатом.

— Тогда номер двадцать: победа в вас самом, Маркус. Вам остается только ее выпустить.

Рой Барнаски позвонил мне с утра в субботу, 28 июня.

— Дорогой Гольдман, известно ли вам, какое число у нас в понедельник?

— Тридцатое июня.

— Тридцатое июня. Неужели? С ума сойти, как быстро летит время. *Il tempo è passato*, Гольдман. И что у нас будет в понедельник тридцатого июня?

— Национальный день крем-соды, — ответил я. — Только что читал про это статью.

— Тридцатого июня истекает ваш срок, Гольдман! Вот что будет в понедельник. Я только что говорил с вашим агентом Дугласом Клареном. Он вне себя. Говорит, что перестал вам звонить, потому что вы неуправляемы. «Гольдман — это бешеная лошадь» — вот что он мне сказал. Вам пытаются протянуть руку помощи, найти какой-то выход, а вы, вы предпочитаете мчаться куда глаза глядят и врезаться в стену.

— Руку помощи? Вам надо, чтобы я придумал какую-то порнографию про Нолу Келлерган.

— Не надо красивых слов, Маркус. Я хочу развлекать публику. Чтобы ей захотелось покупать книги. Люди все меньше покупают книги — разве что всякие жуткие истории, в которых находят свои собственные

низменные позывы.

— Я не собираюсь писать макулатуру, только чтобы спасти свою карьеру.

— Ну как хотите. Значит, вот что будет тридцатого июня: Мариза, моя секретарша, вы ее прекрасно знаете, в десять тридцать придет ко мне в кабинет на совещание. В десять тридцать по понедельникам мы обсуждаем выполнение основных договоров, истекших за неделю. Она скажет: «Маркус Гольдман должен был до сегодняшнего дня представить рукопись. Мы ничего не получили». Я с важным видом кивну, скорее всего, подожду до конца дня, до последней минуты откладывая ужасный долг, а около половины восьмого с глубоким сожалением позвоню Ричардсону, зав. юридическим отделом, и поставлю его в известность о сложившейся ситуации. Скажу, что мы немедленно вчиняем вам иск за неисполнение условий договора и требуем возмещения ущерба в сумме десять миллионов долларов.

— Десять миллионов? Это смешно, Барнаски.

— Вы правы. Пятнадцать миллионов.

— Вы кретин, Барнаски.

— Вот тут-то вы и ошибаетесь, Гольдман: это вы кретин! Хотите играть в большой песочнице, но не хотите соблюдать правила. Хотите играть в НХЛ, но не желаете участвовать в матчах плей-офф, а так дела не делаются. И знаете что? Из денег от вашего процесса я отвалю жирный кусок какому-нибудь молодому писателю с непомерными амбициями, чтобы он всем рассказал историю про Маркуса Гольдмана или про то, как некто многообещающий, но полный высоких чувств, поломал себе карьеру и будущее. И он явится к вам брать интервью в жалкую хижину во Флориде, где вы будете жить в полном одиночестве, накачиваясь виски с десяти утра, чтобы забыть прошлое. До скорого, Гольдман. Встретимся в суде.

Он повесил трубку.

Вскоре после этого поучительного звонка я отправился обедать в «Кларкс» и неожиданно застал там все семейство Куинн в издании 2008 года. Тамара за стойкой отчитывала дочь — это у нее не так и то не эдак. Роберт, притаившись в углу на банкетке, поедая яичницу-болтунью и читал спортивную вкладку *Concord Herald*. Я уселся рядом с Тамарой, раскрыл первую попавшуюся газету и, сделав вид, будто углубился в чтение, стал слушать, как она фыркает и жалуется: на кухне грязь, официантки как сонные мухи, кофе холодный, бутылки с кленовым сиропом липкие, сахарницы пустые, столы заляпаны жиром, в помещении слишком жарко,

тосты дрянные, она бы и цента за блюдо не заплатила, два доллара за кофе — это грабеж, и вообще она бы сроду не передала ей ресторан, если б знала, что она превратит его во второсортную забегаловку, ведь у нее у самой были такие планы на это заведение, и, кстати, в ее время люди со всего штата съезжались отведать ее гамбургеров и говорили, что они лучшие в округе. Заметив, что я прислушиваюсь, она смерила меня презрительным взглядом и грозно спросила:

— Эй, вы там, юноша! Вы зачем подслушиваете?

Я обернулся к ней, изобразив на лице святую невинность:

— Я? Я вас вовсе не слушаю, что вы.

— Как же не слушаете, коли отвечаете! Вы откуда свалились?

— Из Нью-Йорка.

Слово «Нью-Йорк» подействовало на нее как успокоительное: она немедленно смягчилась и спросила умильным тоном:

— И что же такой приятный молодой человек из Нью-Йорка поделывает в Авроре?

— Пишу книгу.

Она тут же помрачнела и снова разоралась:

— Книгу? Так вы писатель? Ненавижу писателей! Все вы бездельники и никчемные вруны. На что вы живете? На пособие? Это ресторан моей дочери, и предупреждаю, она вас в долг кормить не будет! Так что если нечем заплатить, убирайтесь. Убирайтесь, пока я не вызвала копов! У меня зять — шеф полиции.

Дженни за стойкой досадливо поморщилась:

— Ма, это Маркус Гольдман. Он известный писатель.

Мамаша Куинн поперхнулась кофе:

— Силы небесные, так вы тот мелкий засранец, что цеплялся за юбку Квеберта?

— Да, если угодно.

— Как вы, однако, возмужали... Стали даже ничего. Хотите знать, что я думаю про Квеберта?

— Нет, спасибо.

— А я все-таки скажу: я думаю, что он прожженный сукин кот и поделом ему кончить на электрическом стуле!

— Ма! — взмолилась Дженни.

— Это правда!

— Ма, хватит!

— Заткнись, дочка. Сейчас я говорю. Запомните, мистер писатель хренов. Если у вас есть хоть на грамм честности, напишите правду о Гарри

Квеберте: он последняя тварь, извращенец, подонок и убийца. Он убил малышку Нолу, мамашу Купер и в каком-то смысле еще и мою Дженни.

Дженни выбежала на кухню. По-моему, она плакала. Восседа на барном табурете, прямая как палка, яростно сверкая глазами и тыча пальцем в воздух, Тамара Куинн поведала мне о причинах своего гнева и о том, как Гарри Квеберт опозорил ее имя. Рассказанный ею случай имел место в воскресенье, 13 июля 1975 года, в день, который призван был навсегда остаться в памяти семейства Куинн: именно тогда, ровно в полдень (как значилось на приглашениях, разосланных десятку гостей), на свежестриженном газоне их сада был устроен званый обед.

13 июля 1975 года

Большое событие Тамара Куинн обставила с большим размахом: в саду натянут тент, на столе белая скатерть и серебро, «шведский стол» доставлен от кулинару из Конкорда — рыбная закуска, холодное мясо, блюда с морепродуктами и салат оливье. Подавать прохладительные напитки и итальянское вино пригласили официанта с рекомендациями. Все должно было быть идеально. Этот обед станет важнейшим светским раутом: Дженни готовилась официально представить своего нового кавалера нескольким выдающимся представителям высшего общества Авроры.

Было без десяти двенадцать. Тамара с гордостью обзревала убранство сада: все готово. Еду она достанет в последнюю минуту, а то слишком жарко. Ах, как все будут наслаждаться морскими гребешками, петушками и хвостами лобстеров, внимая блестящей беседе Гарри Квеберта, под ручку с ее Дженни, ослепительно прекрасной. Сцена обещала быть грандиозной, и Тамара, представив ее, даже вздрогнула от удовольствия. Она еще полюбовалась на свои приготовления и в последний раз повторила рассадку гостей, которую записала на листочке и старалась выучить наизусть. Все было идеально. Теперь не хватало только приглашенных.

Таковых было восемь — четверо ее подруг с мужьями. Тамара долго размышляла, сколько человек позвать. Непростой выбор: если гостей будет слишком мало, все могут подумать, что ее прием не удался, а если слишком много — изысканный сельский обед мог легко превратиться в ярмарочное гулянье. В конце концов она решила остановиться на тех, кто наверняка распушит по городу самые невероятные слухи, тех, благодаря кому все скоро станут говорить, что с тех пор, как Тамара Куинн заполучила в будущие зятя звезду американской литературы, она устраивает шикарные приемы для избранных. В общем, она пригласила Эми Пратт, потому что та

была устроительницей летнего бала, Беллу Карлтон, считавшую себя законодательницей мод, потому что ее муж каждый год менял машину, Синди Тирстен, возглавлявшую множество женских клубов, и Донну Митчелл, болтливую стерву, вечно хвастающую успехами своих детей. Тамара готовилась всем им утереть нос. К тому же все они, получив приглашение, перезвонили ей с вопросом, по какому случаю праздник, а она, чтобы поддержать их в напряжении, ловко уклонялась от ответа: «Мне надо сообщить вам важную новость». Ей не терпелось поглядеть на их физиономии, когда они узнают, что ее Дженни и великий Квеберт вместе на всю жизнь. Скоро все заговорят о семье Куинн, все станут им завидовать.

Тамара была слишком поглощена своим приемом и потому оказалась в числе тех немногих жителей города, кто не толкся в этот час перед домом Келлерганов. Новость она узнала рано утром, как и все, и сперва испугалась за свой прием: Нола пыталась покончить с собой. Но, слава богу, девочка позорно погорела со своим суицидом, и она поняла, что ей вдвойне повезло: во-первых, потому, что если бы Нола умерла, пришлось бы отменять обед — праздновать что-то в подобных обстоятельствах было бы неприлично. А во-вторых, сегодня, по счастью, было воскресенье, а не суббота: ведь если бы Нола попыталась убить себя в субботу, ей пришлось бы искать замену в «Кларксе», а это сложно. Нет, Нола решительно молодец — сделала свое дело в воскресенье, да к тому же еще и неудачно.

Убедившись, что в саду полный порядок, Тамара пошла посмотреть, что творится в доме. Дженни она нашла на своем посту, при входе, готовую встречать гостей. Зато беднягу Боббо пришлось отчитать по всей строгости: он был при рубашке и галстук, но до сих пор без штанов, потому что по воскресеньям ему разрешалось сидеть на веранде с газетой в трусах, и ему нравилось, когда в трусы задувает ветерок, освежая его телеса, особенно волосатые части, ведь это так приятно.

— Что это ты тут растелешился! — пристыдила его жена. — Интересно, когда великий Гарри Квеберт станет нашим зятем, ты так и будешь разгуливать в подштанниках?

— Знаешь, — возразил Боббо, — по-моему, он совсем не такой, как мы думаем. В сущности, он очень простой парень. Любит моторы, пиво похолоднее... Думаю, он не обидится, что я по-воскресному. Впрочем, я у него спрошу...

— Ничего ты у него не спросишь! И только посмей брякнуть за обедом какую-нибудь глупость! Чтобы я тебя вообще не слышала! Ах, бедный мой Боббо, было б можно, я бы тебе рот зашила, чтобы ты молчал: ты его как откроешь, так несешь ахинею. Отныне по воскресеньям чтобы был в

рубашке и брюках. И точка. Нечего шляться по дому без порток. Мы теперь очень важные люди.

Произнося свою тираду, она заметила, что перед мужем на журнальном столике лежит открытка и он нацарапал на ней несколько строк.

— Это еще что такое? — рявкнула она.

— Не важно.

— Покажи!

— Нет! — заартачился Боббо, схватив открытку.

— Боббо, дай посмотреть!

— Это личное письмо.

— О, *мистер* теперь пишет личные письма! Покажи, я сказала! Кто главный в этом доме, я или хрен собачий?

Она выхватила у мужа из рук открытку, которую он пытался спрятать под газету. На открытке был щенок. Она насмешливо прочла вслух:

Дорогая наша Нола!

Желаем тебе побыстрей выздороветь и надеемся очень скоро увидеть тебя в «Кларксе».

Вот конфеты, чтобы твоя жизнь была послаще.

Любящая тебя

семья Куинн.

— Это что за убожество? — воскликнула Тамара.

— Открытка для Нолы. Я схожу куплю сладостей и приложу к ней. Ноле будет приятно, тебе не кажется?

— Ты просто смешон, Боббо! Эта открытка с собачкой смешна, твой текст смешон! «Надеемся очень скоро увидеть тебя в „Кларксе“»? Она пыталась покончить с собой, а ты считаешь, ей хочется вернуться и подавать кофе? А конфеты? Что она делать-то будет с твоими конфетами?

— Съест их, по-моему, ей это доставит удовольствие. Вот видишь, ты все изгадила. Потому и показывать тебе не хотел.

— Ой, Боббо, хватит хныкать, — сердито отмахнулась Тамара и разорвала открытку на четыре части. — Я пошлю ей цветы, шикарные цветы из дорогого магазина в Монберри, а не твои конфеты из супермаркета. И сама напишу, на белой открытке и красивым почерком: «Скорейшего выздоровления. От семьи Куинн и Гарри Квеберта». А теперь

надень штаны, сейчас гости придут.

Донна Митчелл с мужем позвонили в дверь ровно в полдень, сразу за ними явились Эми и шеф Пратт. Тамара велела официанту подать приветственный коктейль, и они выпили его в саду. Шеф Пратт рассказал, как его поднял с постели телефонный звонок:

— Малютка Келлерган пыталась проглотить целую кучу таблеток. По-моему, она хватала все, что попадалось под руку, в том числе какое-то количество снотворного. Но ничего особо серьезного. Ее отвезли в больницу в Монберри и промыли желудок. Нашел ее преподобный, в ванной. Уверяет, что у нее была температура и она приняла не то лекарство. Ну а мне-то что... Главное, что с девочкой все в порядке.

— Хорошо еще, это случилось утром, а не в полдень, — сказала Тамара. — Жалко, если бы вы не смогли прийти.

— Ну так что такого важного ты хочешь нам сообщить? — не утерпела Донна.

Тамара с широкой улыбкой ответила, что хотела бы подождать, пока не соберутся все гости. Вскоре пришла чета Тирстенов, а в двадцать минут первого — супруги Карлтон, оправдываясь, что задержались из-за проблемы с новой машиной. Теперь все были в сборе. Все, кроме Гарри Квеберта. Тамара предложила выпить еще по коктейлю.

— А кого мы ждем? — спросила Донна.

— Увидите, — отозвалась Тамара.

Дженни улыбнулась: это будет чудесный день.

В двенадцать сорок Гарри по-прежнему не было. Подали третий приветственный коктейль. Без двух минут час — четвертый.

— Еще один коктейль? — застонала Эми Пратт.

— Потому что я всех вас очень приветствую! — провозгласила Тамара, которую начинало всерьез тревожить опоздание звездного гостя.

Солнце палило вовсю. Все слегка ословели. «Я хочу есть», — высказался наконец Боббо и схлопотал увесистый подзатыльник. Четверть второго, а Гарри по-прежнему не появлялся. Тамара почувствовала, как внутри у нее все сжалось.

* * *

— Мы ждали-ждали, — говорила Тамара за стойкой «Кларкса». — Господи, сколько мы ждали! Да еще жара адская.

Со всех пот катился в три ручья...

— В жизни так пить не хотел, — гаркнул Роберт, пытаясь включиться в разговор.

— Закрой рот, ты! По-моему, меня спрашивают, а не тебя. Великих писателей, вроде мистера Гольдмана, такие ослы, как ты, не интересуют.

Она швырнула в него вилкой, а потом снова повернулась ко мне:

— Короче, мы прождали до половины второго.

* * *

Тамара до последнего надеялась, что у него сломалась машина; а может, он даже попал в аварию? Что угодно, только бы он ее не продинамил. Сославшись на дела на кухне, она несколько раз уходила в дом позвонить в Гусиную бухту, но там телефон не отвечал. Тогда она послушала новости по радио, но никаких крупных аварий не упоминали и ни один знаменитый писатель в тот день в Нью-Гэмпшире не умирал. Дважды перед домом раздавался шум машины, и каждый раз сердце у нее подскакивало: это он! Но нет, это были всего лишь идиоты соседи.

Гости едва держались на ногах; изнемогая от жары, они в конце концов сбились под тент, в тени. Они расселись по своим местам и томились в мертвой тишине. Наконец Донна нарушила молчание: «Надеюсь, это очень важная новость». — «Если я выпью еще один коктейль, меня, по-моему, вырвет», — заявила Эми. Тамара, не выдержав, попросила официанта расставить блюда и предложила гостям угощаться.

В два часа дня обед был в полном разгаре, а никаких вестей от Гарри по-прежнему не поступало. Дженни, вся сжавшись, не могла проглотить ни кусочка и только старалась не разрыдаться на виду у всех. Тамару трясло от злости: он опаздывал на два часа, значит, уже не придет. Как он посмел так с ней обойтись? Хорош джентльмен! И в довершение всего Донна снова стала приставать к ней с расспросами, какую же великую новость она для них припасла. Тамара молчала. Тогда несчастный Боббо, пытаясь спасти положение и женину честь, торжественно воздвигся на стул, поднял свой стакан и гордо объявил гостям: «Дорогие друзья, мы хотели вам сообщить, что у нас новый телевизор». Повисла долгая недоуменная пауза. Тамара, не в силах перенести подобного издевательства, тоже встала и заявила: «У Роберта рак. Он скоро умрет». Гости немедленно разволновались, и сам Боббо тоже: он никак не подозревал, что умирает, и спрашивал себя, когда же доктор успел позвонить им домой и почему жена ничего ему не сказала.

И Роберт вдруг заплакал, потому что скоро лишится жизни. Лишится всего — своей семьи, своей дочери, своего городка. И все окружили его, клятвенно обещая, что станут навещать его в больнице до последней минуты и никогда его не забудут.

Гарри не поехал на обед к Тамаре Куинн, потому что находился у постели Нолы. Как только Пинкас сообщил ему новость, он отправился в больницу в Монберри, куда ее отвезли. Несколько часов он просидел на стоянке, не выходя из машины и не зная, что делать. Он чувствовал себя виноватым — ведь умереть она решила из-за него. От этой мысли ему самому захотелось покончить с собой. Он перестал сдерживать свои чувства и только теперь начал понимать, насколько сильно его влечет к ней. И проклинал любовь; пока она была здесь, совсем рядом, он мог себя убедить, что между ними нет ничего серьезного и что он должен вычеркнуть ее из своей жизни, но теперь, когда он едва ее не потерял, представить себе жизнь без нее стало невозможно. Нола, милая Нола. Н-О-Л-А. Он так ее любил.

Когда он наконец решился войти в больницу, было пять часов вечера. Он надеялся, что никого не встретит, но в центральном вестибюле столкнулся с заплаканным Дэвидом Келлерганом.

— Преподобный отец... Я узнал про Нолу. Право, мне очень жаль.

— Спасибо, что пришли выразить свое участие, Гарри. Вам, конечно, скажут, что Нола пыталась покончить с собой, но это жалкая ложь. У нее болела голова, и она приняла не то лекарство. Как все дети, она часто бывает рассеянна.

— Конечно, — согласился Гарри. — Эти лекарства — такая гадость. В какой палате лежит Нола? Я хотел зайти ее проведать.

— Очень любезно с вашей стороны, но, знаете, ее лучше сейчас не навещать. Ей нельзя утомляться, вы же понимаете.

Однако у преподобного Келлергана была с собой записная книжка, где посетители могли оставить запись. Гарри написал: «Скорого выздоровления. Г. Л. Квеберт», сделал вид, что уходит, и затаился в своем «шевроле». Прождав еще час, он наконец увидел, как преподобный Келлерган идет по парковке к своей машине; тогда он тайком вернулся в главный корпус больницы и спросил номер палаты Нолы. 26-я палата, второй этаж. Он постучал. Сердце у него колотилось. Никто не ответил. Он тихонько приоткрыл дверь: Нола сидела на краю кровати, одна. Она повернула голову и увидела его; глаза ее на миг вспыхнули радостью, но она сразу погрузилась.

— Оставьте меня, Гарри... Оставьте, или я позову медсестер.
— Нола, я не могу тебя оставить...
— Вы были такой злой, Гарри. Я не хочу вас видеть. Мне неприятно вас видеть. Из-за вас мне захотелось умереть.
— Прости меня, Нола...
— Прощу, только если вы хотите быть со мной. Если нет, оставьте меня в покое.

Она посмотрела ему прямо в глаза; вид у него был печальный и виноватый, и она не удержалась и улыбнулась ему:

— Милый Гарри, не смотрите на меня, как побитый пес. Обещаете никогда больше не быть злым?

— Обещаю.

— Просите прощения за все те дни, когда бросали меня одну под вашей дверью и ни разу мне не открыли.

— Я прошу прощения, Нола.

— Вы плохо просите прощения. Встаньте на колени. На колени и просите прощения.

Он больше не раздумывал: встал на колени и положил голову на ее голые коленки. Она наклонилась и погладила его по лицу.

— Встаньте, Гарри. Идите ко мне, мой милый. Я люблю вас. Люблю с того самого дня, когда первый раз увидела. Я хочу быть вашей навсегда.

В то время как Гарри и Нола вновь обретали друг друга в маленькой больничной палате, в Авроре давно закончился обед в саду и Дженни, запершись у себя в комнате, изливала в слезах свое унижение и печаль. Роберт пошел было ее утешать, но она не открыла дверь. Тамара же, одержимая праведным гневом, понеслась к Гарри требовать объяснений. Она всего минут на десять разминулась с неожиданным гостем, позвонившим в дверь. Роберт открыл: на пороге стоял Тревис Доун в парадной форме; зажмурившись и протягивая ему охапку роз, он единым духом выпалил:

— Дженни-хочешь-пойти-со-мной-на-летний-бал-пожалуйста-спасибо.

Роберт расхохотался:

— Здравствуй, Тревис, ты, наверно, хочешь поговорить с Дженни?

Тревис вытаращил глаза и сдавленно вскрикнул:

— Мистер Куинн? Я... Я прошу прощения. Какой же я болван! Просто я хотел... В общем, вы не против, чтобы ваша дочь пошла со мной на летний бал? Если она согласна, конечно. Ну, может, у нее уже кто-то есть. Ее уже кто-то звал, да? Я и не сомневался. Что же я за дурак такой...

Роберт дружески похлопал его по плечу:

— Ну-ну, мой мальчик, ты как раз вовремя. Входи.

Он отвел молодого полицейского на кухню и достал из холодильника бутылку пива.

— Спасибо, — сказал Тревис, кладя цветы на кухонный стол.

— Нет, это я себе. А тебе надо чего-нибудь покрепче.

Роберт подхватил бутылку виски, положил в стакан льда и налил двойную порцию:

— Ну-ка давай выпей, и залпом.

Тревис выпил.

— Мой мальчик, у тебя какой-то очень нервный вид. Расслабься. Девушки не любят нервных парней. Поверь, я кое-что в этом смыслю.

— Но я же совсем не робкий, а когда вижу Дженни, меня как заклинивает. Не знаю, что такое...

— Это любовь, сынок.

— Вы думаете?

— Точно.

— Правда, ваша дочь, она потрясающая, мистер Куинн. Такая нежная и умная, а уж красивая! Не знаю, стоит ли вам говорить, но я иногда проезжаю мимо «Кларкса», только чтобы увидеть ее сквозь витрину. Смотрю на нее... Смотрю на нее и чувствую, как сердце выскакивает из груди, я как будто задыхаюсь в своем мундире. Это любовь, да?

— Точно.

— Знаете, в такой момент мне хочется выйти из машины, зайти в «Кларкс» и спросить ее, как дела и не хочет ли она, случайно, сходить в кино после смены. Но у меня никогда не хватает смелости. Это тоже любовь?

— Э нет, вот это уже глупость. Так и упускают любимых девушек. Не робей, мой мальчик. Ты молодой, красивый, все при тебе.

— Так что же мне делать, мистер Куинн?

Роберт налил ему еще виски.

— Хорошо бы сейчас послать к тебе Дженни, но у нее был тяжелый день. Если хочешь совета, выпей и иди домой, сними свой мундир и надень просто рубашку. Потом звонишь сюда и предлагаешь Дженни где-нибудь поужинать. Говоришь, что хочешь съездить в Монберри съесть гамбургер. Там есть один ресторан, он ей страшно нравится, я тебе дам адрес. Будет очень кстати, вот увидишь. А вечером, когда вы оба расслабитесь, предложишь ей прогуляться. Сядете на скамейку, будете смотреть на звезды. Покажешь ей созвездия...

— Созвездия? — в отчаянии перебил Тревис. — Но я ни одного не знаю!

— Хватит того, что ты ей покажешь Большую Медведицу.

— Большую Медведицу? Я не найду Большую Медведицу! Черт, я пропал!

— Да ладно, покажи ей любую светящуюся точку в небе и назови как придется. Женщины считают, что если парень знает астрономию, это очень романтично. Только постарайся не перепутать падающую звезду с самолетом. А потом спросишь, не хочет ли она быть твоей партнершей на летнем балу.

— Думаете, она согласится?

— Уверен.

— Спасибо, мистер Куинн! Спасибо огромное!

Отправив Тревиса домой, Роберт уговорил Дженни выйти из комнаты. Они сидели на кухне и ели мороженое.

— С кем же я теперь пойду на бал, папа? — спросила несчастная Дженни. — Я останусь одна, и все будут надо мной смеяться.

— Ну что за ужасы ты говоришь? Наверняка целая куча парней мечтают пойти туда с тобой.

Дженни проглотила огромную ложку мороженого.

— Интересно знать кто, — вздохнула она с набитым ртом. — Я вот, например, ни одного не знаю!

В эту минуту зазвонил телефон. Роберт попросил Дженни подойти и услышал: «А, привет, Тревис! Да? Да, с удовольствием. Через полчаса? Отлично. До скорого». Она повесила трубку и помчалась к отцу — рассказать, что звонил ее друг Тревис и предложил ей съездить поужинать в Монберри. Роберт постарался изобразить удивление:

— Вот видишь, я же говорил, что ты не пойдешь на бал в одиночестве.

В эту самую минуту Тамара в Гусиной бухте рыскала по пустому дому. Она долго и безуспешно колотила в дверь: что ж, если Гарри от нее прячется, она его найдет. Но в доме никого не было, и она решила произвести небольшой осмотр. Начала с гостиной, потом добралась до комнат и, наконец, до кабинета Гарри. Стала рыться в бумагах, разбросанных на письменном столе, и вдруг нашла исписанный им листок:

*Моя Нола, милая Нола, Нола, моя любовь, что ты наделала?
Зачем хотела умереть? Из-за меня? Я люблю тебя, люблю*

*больше всего на свете. Не покидай меня. Если ты умрешь, я умру.
Все, что мне нужно в жизни, Нола, это ты. Четыре буквы: Н-О-
Л-А.*

И Тамара в смятении сунула листок в карман, полная решимости уничтожить Гарри Квеберта.

19. «Дело Гарри Квеберта»

— Писатели, которые пишут ночами, накачиваясь кофе, и курят самокрутки, — это миф, Маркус. Вам нужна дисциплина, в точности как в боксерских тренировках. Нужно соблюдать распорядок, повторять упражнения — не сбивайтесь с ритма, будьте упорны и соблюдайте безупречный порядок в делах. Вот три головы Цербера, которые защитят вас от злейшего врага писателей.

— А кто этот враг?

— Сроки договора. Знаете, что означает срок?

— Нет.

— Это значит, что ваш мозг, своенравный по определению, должен выдавать продукцию за время, установленное не вами. Как будто вы курьер и ваш хозяин требует от вас прибыть в такое-то место точно в назначенный час: разбирайтесь как хотите, не важно, застряли вы в пробке или вам прокололи покрышку. Опоздать нельзя, иначе вам конец. Ровно то же самое со сроками, которые назначит вам издатель. Издатель для вас — и жена, и хозяин: без него вы никто, но все равно его ненавидите. Главное, Маркус, соблюдайте сроки. Но если можете позволить себе такую роскошь, срывайте их. Это куда как увлекательнее.

Тамара Куинн сама призналась мне, что украла у Гарри листок, на следующий день после нашей беседы в «Кларксе». Меня заинтриговал ее рассказ, и я решил сходить к ней домой и порасспрашивать еще. Она приняла меня в гостиной, страшно возбужденная тем, что привлекла мое внимание. Я упомянул ее заявление полиции двухнедельной давности и спросил, откуда она узнала об отношениях Гарри и Нолы. Тогда-то она и поведала о своем визите в Гусиную бухту в воскресенье вечером, после обеда в саду.

— Эта записка, что я нашла у него на столе, это была такая мерзость! Гадости про малышку Нолу!

По тому, как она говорила, я понял: ей ни разу не приходила в голову мысль, что у Гарри с Нолой мог быть роман.

— Вы никогда не допускали, что они могли любить друг друга? — спросил я.

— Любить друг друга? Ну знаете, не говорите глупости. Квеберт — явный извращенец, вот и все. Даже на секунду не могу себе представить, чтобы Нола могла отвечать на его приставания. Один Бог знает, сколько ей пришлось от него вытерпеть... Бедная девочка.

— А потом? Что вы сделали с листком?

— Унесла с собой.

— С какой целью?

— Навредить Квеберту. Я хотела посадить его в тюрьму.

— Вы кому-нибудь говорили про этот листок?

— Конечно!

— Кому?

— Шефу Пратту. Через пару дней после того, как его нашла.

— Только ему?

— Многим говорила, после того как Нола пропала. Полиция должна была знать, что Квеберт — это след.

— Значит, если я правильно понимаю, вы узнаете, что Гарри Квеберт влюблен в Нолу, и никому не говорите до того самого момента, когда девочка исчезает, то есть два месяца спустя?

— Да, так.

— Миссис Куинн, — сказал я. — Насколько я вас знаю, мне непонятно, почему вы сразу не воспользовались своим открытием, чтобы навредить Гарри, ведь он, в конце концов, скверно обошелся с вами, не пришел на ваш обед... Я имею в виду, не в обиду вам будь сказано, что в вашем характере было бы скорее развесить этот листок по всему городу или разбросать по почтовым ящикам соседей.

Она опустила глаза:

— Значит, вы не понимаете? Мне было так стыдно. Так стыдно! Гарри Квеберт, великий писатель из Нью-Йорка, отверг мою дочь ради пятнадцатилетней девочки. Мою дочь! Каково мне было, как вы думаете? Такое унижение! Такое унижение! Я пустила слух, что у Дженни с Гарри все прочно, так представьте, что бы люди сказали... А потом, Дженни была так влюблена. Она бы умерла, если б узнала. Вот я и решила все держать при себе. Надо было видеть мою Дженни в тот вечер, когда был летний бал, на следующей неделе. Такая грустная, хоть и под ручку с Тревисом.

— А что шеф Пратт? Что он вам ответил, когда вы ему рассказали?

— Что он проведет расследование. Я ему еще раз говорила, когда малышка исчезла, и он сказал, что это может быть улик. Беда в том, что за это время листок пропал.

— То есть как это — пропал?

— Я его хранила в сейфе «Кларкса». Открыть его могла только я. А потом в один прекрасный день, в самом начале августа семьдесят пятого, листок загадочным образом исчез. А нет листка — нет и улики против Гарри.

— Кто мог его взять?

— Понятия не имею! До сих пор ломаю голову. Огромный литой сейф, ключ был у меня одной. Там хранилась вся бухгалтерская отчетность «Кларкса», зарплата и немного наличности для заказов. Однажды утром я обнаружила, что листка там больше нет. И никаких следов взлома. Все на месте, кроме этого проклятого клочка бумаги. Как такое могло случиться, ума не приложу.

Я записал ее слова: история становилась все интереснее. И задал еще один вопрос:

— Между нами, миссис Куинн, что вы почувствовали, когда узнали о чувствах Гарри к Ноле?

— Злость, отвращение.

— Вам не приходило в голову попытаться отомстить Гарри, посылая ему анонимные письма?

— Анонимные письма? Разве я похожа на человека, способного на такую гадость?

Я не стал настаивать и продолжал расспросы:

— Как вы думаете, у Ноле могла быть связь еще с кем-то из мужчин в Авроре?

Она чуть не поперхнулась холодным чаем.

— Вот уж это вообще не по делу! Во-об-ще! Она была милая девочка, такая славная, всегда готовая услужить, работающая, умница. Что вы тут сочиняете какие-то неуместные постельные истории?

— Я только спросил, просто так. Вы знаете такого человека — Элайджу Стерна?

— Конечно, — ответила она так, будто это само собой разумеется. И добавила: — Он был владельцем до Гарри.

— Владейцем чего?

— Дома, естественно, Гусиной бухты. Дом принадлежал Элайдже Стерну, и раньше он регулярно туда наведывался. По-моему, это было родовое поместье. Было время, когда его часто можно было встретить в Авроре. Потом он унаследовал отцовское дело, ему стало некогда приезжать, и он стал сдавать Гусиную бухту в аренду и в конце концов продал дом Гарри.

Я не верил своим ушам:

- Гусиная бухта принадлежала Элайдже Стерну?
— Ну да. Что это с вами, юноша из Нью-Йорка? Вы аж побледнели...

* * *

В понедельник 30 июня 2008 года, в десять тридцать утра, в Нью-Йорке, на 51-м этаже небоскреба издательства «Шмид и Хансон» на Лексингтон-авеню, Рой Барнаски начал еженедельное совещание со своей секретаршей Маризой.

— Маркус Гольдман должен был до сегодняшнего дня прислать вам рукопись, — напомнила Мариза.

— Думаю, вы ничего от него не получали...

— Ничего, мистер Барнаски.

— Я так и подозревал, я с ним говорил в субботу. Экий упрямец. Все насмарку.

— Что мне делать?

— Поставьте в известность Ричардсона. Скажите, что мы подаем судебный иск.

В эту минуту в дверь постучали: ассистентка Маризы позволила себе прервать совещание. В руках у нее был листок бумаги.

— Я знаю, что у вас совещание, мистер Барнаски, — извинилась она, — но вам только что пришел мейл, и, по-моему, это очень важно.

— От кого еще? — раздраженно спросил Барнаски.

— От Маркуса Гольдмана.

— От Гольдмана? Давайте сюда немедленно!

От: m.goldman@nobooks.com

Дата: понедельник 30 июня 2008 г., 10:24

Дорогой Рой!

Эта книга — не халтура с целью привлечь публику, пользуясь всеобщим ажиотажем.

Эта книга — не потому, что Вы ее требуете.

Эта книга — не затем, чтобы спасти мою шкуру.

Эта книга — потому что я писатель. Эта книга повествует о чем-то реальном. Эта книга — история человека, которому я обязан всем.

Во вложении Вы найдете ее первые страницы.

Если Вам понравится — позвоните.

Если не понравится, свяжитесь прямо с Ричардсоном, и до встречи в суде.

Удачного совещания с Маризой, передайте ей от меня дружеский привет.

Маркус Гольдман.

- Вы распечатали вложение?
- Нет, мистер Барнаски.
- Идите распечатайте немедленно!
- Да, мистер Барнаски.

Маркус Гольдман

Дело Гарри Квеберта

(рабочее название)

Весной 2008 года, примерно через год после того, как я стал новой звездой американской литературы, произошло событие, которое я решил похоронить в глубинах памяти: оказалось, что мой университетский профессор, шестидесятисемилетний Гарри Квеберт, один из самых известных писателей в стране, в возрасте тридцати четырех лет состоял в любовной связи с пятнадцатилетней девочкой. Это было летом 1975 года.

Я сделал это открытие мартовским днем, когда гостил у него в Авроре, штат Нью-Гэмпшир. Просматривая его библиотеку, я наткнулся на письмо и несколько фотографий. Тогда мне и в голову не пришло, что я стою на пороге одного из самых крупных скандалов 2008 года.

[...]

На след Элайджи Стерна меня навела бывшая одноклассница Нола, некая Нэнси Хаттауэй, по-прежнему живущая в Авроре. По ее словам, Нола в то лето призналась ей, что состоит в любовной связи с бизнесменом из Конкорда Элайджей Стерном. Он посылал за ней в Аврору своего шофера, некоего Лютера Калеба, и тот отвозил ее к нему.

Никаких сведений о Лютере Калебе у меня нет. Что же до Стерна, то сержант Гэхаловуд пока отказывается вызывать его на допрос. Он считает, что на данном этапе вовлекать его в расследование нет никаких оснований. Поэтому я собираюсь нанести ему небольшой визит сам. В интернете я выяснил, что он учился в Гарварде и по-прежнему состоит в обществах выпускников университета. Страстно увлекается искусством, считается известным меценатом. Человек, судя по всему, порядочный во всех отношениях. Особенно странное совпадение: Гусиная бухта, дом, где живет Гарри, раньше принадлежал ему.

Эти два абзаца, написанные утром 30 июня 2008 года, были первым упоминанием об Элайдже Стерне в моей книге. Я добавил их к тексту, сохранил документ и отправил его Рою Барнаски. А потом сразу отправился в Конкорд, полный решимости встретиться со Стерном и понять, что связывало его с Нолой. Я был в пути около получаса, когда у меня зазвонил телефон.

— Алло?

— Маркус? Это Рой Барнаски.

— Рой! Надо же! Вы получили мой мейл?

— Гольдман, ваша книжка — это что-то потрясающее! Мы ее берем!

— Правда?

— Железно! Мне понравилось! Мне понравилось, черт подери! Безумно хочется узнать, чем все кончится.

— Мне самому интересно это узнать.

— Слушайте, Гольдман, вы пишете книгу, и мы аннулируем предыдущий договор.

— Я сделаю эту книгу, но по-своему. Я не желаю больше слушать ваши гнусные советы. Никаких ваших подсказок и никакой цензуры.

— Делайте все, что угодно, Гольдман. У меня только одно условие: книга должна выйти осенью. С тех пор как Обама стал кандидатом от демократов, его автобиография разлетается как горячие пирожки. То есть книгу об этом деле надо выпускать быстро, пока нас всех не захлестнуло безумие президентских выборов. Ваша рукопись нужна мне в конце августа.

— В конце августа? Но остается меньше двух месяцев.

— Совершенно верно.

— Это очень мало.

— Разбирайтесь как знаете. Я хочу сделать вас осенью гвоздем сезона.

Квеберт знает?

— Нет. Пока нет.

— Сообщите ему, как друг советую. И держите меня в курсе своих достижений.

Я собирался нажать на отбой, но он вдруг спросил:

— Минутку, Гольдман!

— Да?

— Почему вы передумали?

— Мне угрожали. Несколько раз. Похоже, кто-то очень не хочет, чтобы я докопался до правды. И я подумал, что, возможно, эта правда заслуживает книги. Ради Гарри, ради Нолы. Это ведь тоже входит в ремесло писателя, разве нет?

Но Барнаски меня уже не слушал: он уцепился за слово «угрожали».

— Угрожали? Это же потрясающе! Это нам даст бешеную рекламу! Только представьте, если на вас будет покушение, можете смело приписывать лишний ноль к объему продаж. А если вас убьют — то целых два!

— При условии, что я умру после того, как закончу книгу.

— Само собой. Вы где? Связь плохая.

— На шоссе. Еду к Элайдже Стерну.

— Так вы действительно считаете, что он замешан в этой истории?

— Как раз хочу выяснить.

— Вы абсолютно безбашенный, Гольдман. Вот это мне в вас и нравится.

Элайджа Стерн обитал в усадьбе на холмах Конкорда. Ворота оказались открыты, и я въехал в его владения на машине. Мощеная дорога вела к богатому каменному дому, обрамленному живописными цветниками; перед домом, на площадке, украшенной фонтаном в виде бронзового льва, шофер в мундире начищал заднее сиденье роскошного седана.

Я бросил машину посреди площадки, издали помахал шоферу, как хорошему знакомому, и лихо устремился к парадной двери. На мой звонок открыла горничная. Я назвал ее и сказал, что хочу видеть мистера Стерна.

— Вам назначено?

— Нет.

— В таком случае это невозможно. Без предварительной договоренности мистер Стерн не принимает. Кто вас сюда впустил?

— Ворота были открыты. Как можно договориться о встрече с вашим

хозяином?

— Мистер Стерн сам назначает встречи.

— Позвольте увидеться с ним на несколько минут. Это ненадолго.

— Это невозможно.

— Скажите ему, что я от Нолы Келлерган. Думаю, это имя ему знакомо.

Горничная ушла, оставив меня под дверью, но быстро вернулась.

— Мистер Стерн вас примет, — сказала она. — Вы, должно быть, действительно важное лицо.

Она провела меня в кабинет на первом этаже, обитый деревом и гобеленами; в кабинете, в кресле, сидел весьма изысканно одетый человек, смеривший меня суровым взглядом. Это и был Элайджа Стерн.

— Мое имя Маркус Гольдман, — сказал я. — Спасибо, что приняли меня.

— Гольдман, писатель?

— Да.

— Чему я обязан вашим внезапным визитом?

— Я расследую дело Келлерган.

— Не знал, что существует дело Келлерган.

— В нем есть, скажем так, непроясненные тайны.

— Разве это не дело полиции?

— Я друг Гарри Квеберта.

— И при чем здесь я?

— Мне сказали, что вы когда-то жили в Авроре. Что Гусиная бухта, дом, где сейчас живет Гарри Квеберт, раньше принадлежал вам. Я хотел убедиться, что это правда.

Он знаком предложил мне сесть.

— Ваши сведения точны, — произнес он. — Я продал ему дом в 1976 году, сразу после того, как он прославился.

— Значит, вы знакомы с Гарри Квебертом?

— Очень мало. Встречался несколько раз, когда он только поселился в Авроре. С тех пор мы не общались.

— Могу я узнать, что вас связывает с Авророй?

Его взгляд стал тяжелым.

— Это допрос, мистер Гольдман?

— Ни в коем случае. Мне просто стало любопытно, почему такой человек, как вы, имел дом в таком маленьком городке, как Аврора.

— Такой человек, как я? Вы хотите сказать — очень богатый?

— Да. По сравнению с другими городами на побережье в Авроре нет

ничего особо привлекательного.

— Этот дом построил мой отец. Он искал место на берегу океана, но поблизости от Конкорда. И потом, Аврора — красивый город. К тому же находится между Конкордом и Бостоном. В детстве я не раз прекрасно проводил там лето.

— Почему вы его продали?

— Когда умер отец, я унаследовал массу всего. У меня уже не было времени всем этим пользоваться, и я перестал приезжать в Гусиную бухту. Тогда я решил сдавать дом в аренду; так было почти десять лет. Но арендаторов было мало, и дом слишком часто пустовал. Поэтому, когда Гарри Квеберт предложил купить его у меня, я сразу согласился. Впрочем, продал я его по сходной цене, не ради денег: я был счастлив, что дом будет жить. Вообще я всегда очень любил Аврору. Часто останавливался там во времена, когда у меня было много дел в Бостоне. К тому же я долгое время финансировал их летний бал. А в «Кларксе» подают лучшие гамбургеры во всем округе. По крайней мере, тогда подавали.

— А Нола Келлерган? Вы ее знали?

— Смутно. Скажем так, о ней узнали во всем штате, когда она исчезла. Ужасная история, а теперь вот ее тело находят в Гусиной бухте... Да еще эта книжка, которую написал для нее Квеберт... Это просто мерзость. Жалею ли я, что продал ему Гусиную бухту? Да, безусловно. Но откуда же я мог знать?

— Но ведь когда Нола исчезла, Гусиная бухта еще фактически принадлежала вам...

— На что это вы намекаете? Что я причастен к ее смерти? Знаете, последние десять дней я все время задаюсь вопросом, не выкупил ли Гарри Квеберт дом только затем, чтобы никто не обнаружил тело, зарытое в саду.

Стерн сказал, что Нолу знал смутно; стоит ли ему сообщать, что у меня есть свидетель, утверждающий, что они состояли в любовной связи? Я решил пока придерживаться этот козырь, но, чтобы слегка его подколоть, упомянул имя Калеба.

— А Лютер Калев? — спросил я.

— Что Лютер Калев?

— Вы знаете некоего Лютера Калеба?

— Коли вы спрашиваете, значит, должны знать, что он много лет был моим личным шофером. Что за игры, мистер Гольдман?

— Есть свидетель, видевший, как Нола в лето перед своим исчезновением неоднократно садилась в его машину.

Он угрожающе наставил на меня палец:

— Не будите мертвых, мистер Гольдман. Лютер был человек достойный, храбрый, честный. Я никому не позволю чернить его имя, когда его нет и он не может себя защитить.

— Он умер?

— Да. Давно. Вам, конечно, скажут, что он часто бывал в Авроре, и это правда: он ухаживал за домом в те времена, когда я его сдавал. Следил, чтобы дом был в хорошем состоянии. Это был благородный человек, и я не потерплю, чтобы вы в моем присутствии оскорбляли его память. Еще какие-нибудь сопляки из Авроры будут уверять, что он был странный: да, правда, он отличался от большинства смертных. Во всех отношениях. Он был очень некрасив: лицо страшно обезображено, челюсти смыкались плохо, поэтому говорил он неразборчиво. Но сердце у него было доброе, а чувства сильные и глубокие.

— А вы не думаете, что он мог быть причастен к исчезновению Нолы?

— Нет. Категорически нет. Я думаю, что виновен Гарри Квеберт. Он, по-моему, сейчас в тюрьме...

— Я не уверен в его виновности. Потому-то я и приехал к вам.

— Ну как же, девочку нашли в его саду, а рядом с телом рукопись его книги. Книги, которую он написал для нее... Чего вам еще нужно?

— Написать книгу не значит убить, мистер Стерн.

— Похоже, ваше расследование чертовски буксует, если вам приходится являться сюда и расспрашивать о моем прошлом и об этом Лютере. Разговор окончен, мистер Гольдман.

Он позвал горничную и велел ей меня проводить.

Я покидал кабинет Стерна с неприятным ощущением, что наша встреча ничего не дала. Я жалел, что не могу предъявить ему обвинения Нэнси Хаттауэй, но мне не хватало улик. Гэхаловуд предупреждал: одних ее показаний будет недостаточно, она скажет одно, а Стерн другое. Мне нужно было конкретное доказательство. И тут мне пришло в голову, что хорошо бы слегка прогуляться по этому дому.

Оказавшись в огромном вестибюле, я спросил горничную, нельзя ли перед отъездом зайти в туалет. Она проводила меня к туалету для гостей на первом этаже и, как и требует скромность, сказала, что подождет у выхода из дома. Как только она скрылась из глаз, я кинулся по коридору осматривать то крыло здания, в котором находился. Я не знал, что именно ищу, но знал, что делать это надо быстро. Это был единственный шанс найти какое-то звено, связующее Стерна с Нолой. С бьющимся сердцем я открывал наугад какие-то двери, молясь, чтобы в комнатах никого не оказалось. Но везде было пусто; передо мной была только анфилада богато

убранных гостиных. Огромные окна выходили на великолепный парк. Прислушиваясь к малейшему шуму, я продолжал обыск. Толкнул еще одну дверь и оказался в маленьком кабинете. Заскочил внутрь и стал открывать шкафы: внутри были папки, горы документов. Те, что я успел пробежать, не представляли для меня интереса. Я что-то искал — но что? Что в этом доме, тридцать лет спустя, могло вдруг попасться мне на глаза? Время поджимало: если я не вернусь через пару минут, горничная пойдет в туалет меня искать. В конце концов я попал еще в один коридор, с одной-единственной дверью. На всякий случай я открыл и ее: она вела на просторную веранду, укрытую от нескромных взглядов целыми джунглями плюща. Там стояло несколько мольбертов с неоконченными полотнами, на столе были разбросаны кисти. Мастерская художника. На стене была развешана серия картин, весьма удачных. Одна из них привлекла мое внимание: я сразу узнал висячий мост по дороге к Авроре, на берегу моря. Тогда я понял, что на всех картинах изображена Аврора. Гранд-Бич, главная улица, даже «Кларкс». Сходство было поразительное. Везде стояла подпись «Л. К.» и даты — не позднее 1975 года. И тут я заметил еще одну, бóльшую по размеру картину, висящую в углу; перед ней было расположено кресло, и только у нее имелась подсветка. Это был портрет юной женщины. Видна была только верхняя часть ее груди, но становилось ясно, что она обнажена. Я подошел поближе; лицо на портрете показалось мне знакомым. А еще через мгновение я вдруг с изумлением понял — это портрет Нолы. Это была она, вне всякого сомнения. Я сделал несколько фото на мобильный телефон и немедленно выскочил из комнаты. Горничная топталась у входа. Я вежливо попрощался с ней и поскорей унес ноги, дрожа и обливаясь потом.

* * *

Спустя полчаса после своего открытия я влетел в кабинет Гэхаловуда в Главном управлении полиции штата. Он, естественно, пришел в ярость: ведь я ездил к Стерну, не переговорив предварительно с ним.

— Вы невыносимы, писатель! Просто невыносимы!

— Я всего лишь нанес ему визит, — возразил я. — Позвонил в дверь, попросил меня принять, он меня принял. Не вижу здесь ничего дурного.

— Я же вам сказал: подождите!

— Чего подождать, сержант? Вашего высочайшего благословения? Или чтобы улики свалились с неба? Вы тут стонали, что не хотите с ним

связываться, ну а я стал действовать. Вы стенаете, а я действую! И смотрите, что я у него нашел!

Я показал ему фото на телефоне.

— Картина? — презрительно протянул Гэхаловуд.

— Посмотрите хорошенько.

— О боже... Это вроде бы...

— Нола! У Элайджи Стерна висит портрет Нолы Келлерган.

Я переслал фото Гэхаловуду по электронной почте, и он их распечатал в большом формате.

— Это Нола, она самая, — подтвердил он, сравнив их с фотографиями, хранящимися в деле.

Качество изображения было неважное, но сомнений не оставалось.

— Значит, связь между Стерном и Нолой действительно существует, — сказал я. — Нэнси Хаттауэй утверждает, что Нола поддерживала отношения со Стерном, а теперь я нахожу портрет Нолы у него в мастерской. Да, я вам не все сказал: до 1976 года дом Гарри принадлежал Элайдже Стерну. Когда Нола исчезла, фактическим владельцем Гусиной бухты был Стерн. Чудные совпадения, правда? Короче, требуйте ордер и вызывайте мотоциклистов: пора произвести у Стерна обыск по всей форме и посадить его под замок.

— Ордер на обыск? Вы совсем сбрендили, бедный мой друг! На основании чего? Ваших фото? Они незаконны! Эти улики ничего не стоят: вы обшаривали дом без разрешения. Я бессилен. Чтобы приняться за Стерна, нужно что-то другое, а он тем временем, конечно, избавится от картины.

— Но ведь он не знает, что я ее видел. Я заговорил с ним о Лютере Калебе, и он стал нервничать. Что до Нолы, то он заявил, что знает ее очень смутно, а у самого висит ее портрет в полуголом виде. Не знаю, кто написал эту картину, но в мастерской висят и другие, за подписью «Л. К.». Может, Лютер Калев?

— Не нравится мне вся эта история, писатель. Если я возьмусь за Стерна и сяду в лужу, мне конец.

— Знаю, сержант.

— Поговорите о Стерне с Гарри. Попробуйте что-нибудь выяснить. А я покопаюсь в биографии этого Лютера Калеба. Нам нужны надежные факты.

В машине, по пути из Главного управления полиции в тюрьму, я услышал по радио, что все книги Гарри почти во всех штатах изъяты из

школьной программы. Это был конец: меньше чем за две недели Гарри потерял все. Отныне он запрещенный писатель, профессор без места, человек, которого ненавидит вся страна. Чем бы ни завершилось следствие и судебный процесс, его имя запятнано навсегда; теперь его творчество навеки связано с шумихой вокруг лета с Нолой, и ни один устроитель культурных торжеств, безусловно, не осмелится больше включить Гарри в программу, во избежание скандала. Это был моральный электрический стул. Хуже всего, что Гарри совершенно ясно понимал ситуацию; войдя в зал для свиданий, он первым делом спросил:

— А если меня убьют?

— Никто вас не убьет, Гарри.

— Но разве я еще не умер?

— Нет. Вы не умерли! Вы великий Гарри Квеберт! Как важно уметь падать — помните? Главное не падение, потому что падение неизбежно, главное уметь подняться. И мы поднимемся.

— Вы классный парень, Маркус. Но шоры дружбы не дают вам увидеть правду. В сущности, вопрос не в том, убил ли я Нолу, или Дебору Купер, или хоть президента Кеннеди. Вопрос в том, что у меня была связь с этой девочкой, и это непростительно. А эта книжка? Черт меня дернул написать эту книжку!

Я повторил:

— Мы поднимемся, вот увидите. Помните, как мне надавали по морде в Лоуэлле, в том сарае, где был подпольный боксерский зал? Я никогда в жизни так удачно не поднимался.

Он натужно улыбнулся и спросил:

— А вы как? Новые угрозы были?

— Скажем так, возвращаясь в Гусиную бухту, я всякий раз задаюсь вопросом, что меня там ждет.

— Разыщите того, кто это делает, Маркус. Разыщите и врежьте от души. Мне невыносима мысль, что кто-то вам угрожает.

— Не берите в голову.

— А ваше расследование?

— Продвигается потихоньку... Гарри, я начал писать книгу.

— Это замечательно!

— Это книга о вас. Я рассказываю о нас, о Берроузе. И о вашей истории с Нолой. Это книга о любви. Я верю в вашу историю любви.

— Прекрасная дань ее памяти.

— Значит, вы меня благословляете?

— Ну конечно, Маркус. Знаете, вы были, наверно, одним из самых

близких моих друзей. Вы блестящий писатель. Мне очень лестно, что я стану героем вашей новой книги.

— Почему вы говорите в прошедшем времени? Почему говорите, что я *был* одним из ваших ближайших друзей? Мы же по-прежнему друзья, нет?

Он грустно посмотрел на меня:

— Просто так.

Я схватил его за плечи:

— Мы всегда будем друзьями, Гарри! Я вас никогда не брошу. И эта книга — свидетельство моей нерушимой дружбы.

— Спасибо, Маркус. Я тронут. Но дружба не должна быть движущей силой этой книги.

— Это почему?

— Помните наш разговор в тот день, когда вы получали диплом в Берроузе?

— Да, мы с вами долго бродили по кампусу. Дошли до зала для бокса. Вы спросили, что я теперь намерен делать, я ответил, что собираюсь писать книгу. Тогда вы меня спросили, почему я пишу. Я сказал, что пишу, потому что мне это нравится, а вы ответили...

— Да-да, что я ответил?

— Что жизнь — штука бессмысленная. И что писать — значит придать жизни смысл.

— Вот именно, Маркус. Как раз эту ошибку вы и совершили несколько месяцев назад, когда Барнаски стал требовать от вас рукопись. Вы стали писать, потому что надо было сдать книгу, а не затем, чтобы придать смысл своей жизни. Делать что-то только потому, что надо, всегда бессмысленно: ничего удивительного, что вы не сумели выжать из себя ни строчки. Писательский дар не потому дар, что вы правильно пишете, а потому, что вы способны придать вашей жизни смысл. Каждый день одни люди рождаются, другие умирают. Каждый день толпы безымянных служащих приходят в огромные серые небоскребы. Но есть и писатели. Писатели, по моему, живут более насыщенной жизнью, чем все прочие люди. Не пишите во имя нашей дружбы, Маркус. Пишите потому, что для вас это единственный способ превратить ту мелкую, ничтожную штуку, какую называют «жизнь», в ценный и благодарный опыт.

Я долго смотрел на него. Мне казалось, что я сижу на последнем уроке Учителя. Это было невыносимое чувство. Потом он сказал:

— Она любила оперу, Маркус. Вставьте это в книгу. Ее любимая была «Мадам Баттерфляй». Она говорила, что самые прекрасные оперы — это грустные истории любви.

— Кто? Нола?

— Да. Эта пятнадцатилетняя девчушка до смерти любила оперу. После покушения на самоубийство ее отправили дней на десять в Шарлотс-Хилл, это такой санаторий. Сейчас сказали бы — психиатрическая клиника. Я ее тайком навещал. Приносил ей пластинки с операми, и мы их ставили на маленьком переносном проигрывателе. Она была взволнована до слез, говорила, что если не станет актрисой в Голливуде, то будет петь на Бродвее. А я ей говорил, что она будет величайшей певицей в истории Америки. Знаете, Маркус, я думаю, что Нола Келлерган могла покорить всю страну...

— Как вы думаете, ее родители не могли с ней разделаться? — спросил я.

— Нет, по-моему, это маловероятно. Да еще эта рукопись и надпись на ней... Во всяком случае, я плохо себе представляю Дэвида Келлергана в роли убийцы собственной дочери.

— Но ведь были эти побои...

— Побои... Это была странная история...

— А Алабама? Нола вам не рассказывала об Алабаме?

— Алабама? Да, Келлерганы приехали из Алабамы.

— Нет, я про другое, Гарри. По-моему, в Алабаме произошло некое событие, и оно, вероятно, как-то связано с их отъездом. Но я не знаю, что именно... И непонятно, у кого можно узнать.

— Бедный мой Маркус, у меня такое впечатление, что чем дальше вы копаете это дело, тем больше в нем загадок...

— Это не просто впечатление, Гарри. Кстати, я обнаружил, что Тамара Куинн знала про вас с Нолой. Она сама мне сказала. В тот день, когда Нола пыталась покончить с собой, она, разозлившись, отправилась к вам, потому что вы ее кинули, не пришли на ее обед в саду. Но вас не было дома, и она рылась в вашем кабинете. Она нашла страницу, которую вы написали про Нолу.

— Вот вы сейчас сказали, и я вспомнил, что действительно одного листка не хватало. Я его долго искал, но так и не нашел. Думал, что посеял, хотя тогда меня это сильно удивило, я всегда был очень аккуратен. Что она с ним сделала?

— Говорит, что потеряла...

— Анонимные письма — это она?

— Сомневаюсь. Ей даже в голову не приходило, что между Нолой и вами что-то есть. Она думала, что это просто ваши фантазмы. К слову, шеф Пратт вас допрашивал, когда расследовал исчезновение Нолы?

— Шеф Пратт? Нет, ни разу.

Это было странно: почему Пратт не стал задавать Гарри вопросов в рамках расследования, если, по словам Тамары Куинн, она поставила его в известность о том, что узнала? Затем я отважился назвать имя Стерна — конечно, не упоминая ни Нолы, ни портрета.

— Стерн? — переспросил Гарри. — Да, я с ним знаком. Он был владельцем Гусиной бухты. Я у него выкупил дом после успеха «Истоков зла».

— Вы хорошо его знаете?

— Не сказал бы, что хорошо. Встречались пару раз тем летом семьдесят пятого. Первый раз — на летнем балу: мы сидели за одним столом. Симпатичный человек. Потом мы виделись еще. Он был великодушен, верил в меня. Он глубоко порядочный человек, много сделал для культуры.

— Когда вы его видели последний раз?

— Последний раз? Наверно, по поводу продажи дома. В конце семьдесят шестого. А с чего это вдруг вы о нем заговорили?

— Просто так. Скажите, Гарри, вы упомянули летний бал: это тот, на который Тамара Куинн надеялась отправить свою дочь вместе с вами?

— Тот самый. В конце концов я пошел один. Какой вечер... Вообразите, я выиграл главный приз в лотерею: недельный отдых на Мартас-Винъярде.

— И вы туда ездили?

— Разумеется.

В тот вечер, вернувшись в Гусиную бухту, я обнаружил мейл от Роя Барнаски: он делал мне предложение, от которого не откажется ни один писатель.

От: r.barnaski@schmidandhanson.com

Дата: понедельник 30 июня 2008 г., 19:54

Дорогой Маркус!

Мне нравится Ваша книга. В продолжение нашего утреннего созвона посылаю во вложении проект договора, от которого Вы, думаю, не откажетесь.

Шлите мне продолжение Вашей книги как можно скорее. Я уже говорил, что намерен выпустить ее осенью. Думаю, она будет иметь огромный успех. В сущности, я в этом уверен.

Warner Bros уже выразила заинтересованность в ее экранизации. Права на фильм, разумеется, будут обговариваться отдельно.

Во вложении был проект договора, по которому мне предлагался аванс в миллион долларов.

Ночью я долго не мог уснуть: в голове теснилось множество разных мыслей. Ровно в половине одиннадцатого мне позвонила мать. В трубке слышался шум, и говорила она шепотом.

— Мама?

— Марки! Марки, ты никогда не угадаешь, с кем я сейчас.

— С папой?

— Да. Да нет! Представляешь, мы с твоим отцом решили провести вечер в Нью-Йорке и пошли ужинать к этому итальянцу, возле Коламбус-сёркл. И, думаешь, с кем мы столкнулись у входа? С Денизой! Твоей секретаршей!

— Ну и что?

— Не прикидывайся простачком! Думаешь, я не знаю, что ты с ней сделал? Она мне все рассказала! Все!

— Что она такого рассказала?

— Что ты ее выставил за дверь!

— Мама, я не выставил ее за дверь. Я подыскал ей хорошую работу в издательстве «Шмид и Хансон». Мне больше нечего было ей предложить, ни книг, ни планов, ничего! Надо было хоть немного позаботиться о ее будущем или нет? Я нашел ей отличное место в отделе маркетинга.

— О, Марки, мы упали друг другу в объятия. Она говорит, что скучает по тебе.

— Мама, ради бога!

Она еще понизила голос. Я с трудом ее слышал.

— Марки, я что подумала...

— Что?

— Ты знаешь великого Джека Лондона?

— Писателя? Да. И какая связь?

— Я вчера вечером видела про него документальный фильм. Какое счастье, что я посмотрела эту передачу, просто подарок небес! Представляешь, он женился на секретарше! На своей секретарше! И кого я сегодня встречаю? Твою секретаршу! Это знак, Марки! Она вполне ничего, а главное, битком набита эстрогенами! Уж я-то знаю, женщины это чувствуют. Она фертильна, послушна, она тебе каждые девять месяцев будет рожать по младенцу! Я ее научу, как воспитывать детей, и они будут

совсем такие, как я хочу! Чудесно, правда?

— Даже не думай. Она мне не нравится, она сильно старше меня, и вообще у нее уже есть друг. И потом, на секретаршах не женятся.

— Но если великий Джек Лондон женился, значит, это разрешается! Да, при ней какой-то тип, но такой тьюфак! От него разит одеколоном из супермаркета. А ты великий писатель, Марки! Ты Великолепный!

— Великолепного побил Маркус Гольдман, мама. И только тогда я смог начать жить.

— Что ты хочешь сказать?

— Ничего, мама. Но дай, пожалуйста, Денизе спокойно поужинать.

Через час заехал полицейский патруль, убедиться, что все в порядке. Двое молодых сотрудников, моего возраста, очень симпатичные. Я напоил их кофе, и они сказали, что побудут немного перед домом. Ночь стояла теплая, и в открытое окно я слышал, как они болтают и шутят, курят, сидя на капоте машины. И я вдруг почувствовал себя страшно одиноким и отрезанным от мира. Мне только что предложили огромные деньги за книгу, которая неизбежно снова меня прославит, я жил так, как миллионы американцев могут только мечтать, но мне не хватало одного: настоящей жизни. До сих пор я занимался тем, что тешил свои амбиции, теперь пытался этим амбициям соответствовать, а когда же, если подумать, я соберусь жить, просто жить? На своей страничке в Фейсбуке я просмотрел список своих виртуальных друзей; их были тысячи, и ни одного я не мог позвать выпить пива. Я хотел компанию добрых приятелей, чтобы смотреть с ними чемпионат по хоккею и ходить в походы на выходных; я хотел невесту, милую и нежную, с которой можно посмеяться и немного помечтать. Я больше не хотел быть один.

Сидя в кабинете Гарри, я долго рассматривал фотографии картины, которые увеличил Гэхаловуд. Кто этот художник? Калев? Стерн? В любом случае портрет был прекрасный. Я включил свой плеер и еще раз прослушал сегодняшний разговор с Гарри.

— Спасибо, Маркус. Я тронут. Но дружба не должна быть движущей силой этой книги.

— Это почему?

— Помните наш разговор в тот день, когда вы получали диплом в Берроузе?

— Да, мы с вами долго бродили по кампусу. Дошли до зала для бокса. Вы спросили, что я теперь намерен делать, я ответил, что собираюсь писать книгу. Тогда вы меня спросили, почему я

пишу. Я сказал, что пишу, потому что мне это нравится, а вы ответили...

— Да-да, что я ответил?

— Что жизнь — штука бессмысленная. И что писать — значит придать жизни смысл.

Следуя совету Гарри, я сел за компьютер и стал писать дальше.

Гусиная бухта, полночь. В открытое окно кабинета залетает легкий ветерок с океана. Приятно пахнет отпуском. Снаружи все залито ярким лунным светом.

Расследование продвигается. Или, по крайней мере, мы с сержантом Гэхаловудом понемногу осознаем масштаб этого дела. Думаю, в нем скрыто нечто гораздо большее, чем история запретной любви или гнусное происшествие, когда сбегавшая из дома девочка летним вечером стала жертвой какого-то бродяги. Слишком много вопросов остаются нерешенными:

В 1969 году семейство Келлерган покидает Джексон, штат Алабама, притом что Дэвид, отец Нолы, возглавляет процветающий приход. Почему?

Летом 1975 года Нола переживает роман с Гарри Квебертом, вдохновляя его на написание «Истоков зла». Но в то же время Нола состоит в связи с Элайджей Стерном, позируя обнаженной для его картины. Кто же она на самом деле? Своего рода муза?

Какова роль Лютера Калеба, который, по словам Нэнси Хаттауэй, приезжал за Нолой в Аврору и отвозил ее в Конкорд?

Кто, кроме Тамары Куинн, знал про Нолу и Гарри? Кто мог слать Гарри анонимные письма?

Почему шеф полиции Пратт, расследуя ее исчезновение, не допрашивает Гарри после разоблачений Тамары Куинн? Допрашивал ли он Стерна?

Кто, черт возьми, убил Дебору Купер и Нолу Келлерган?

И что за неуловимая тень хочет помешать мне рассказать эту историю?

Из романа Гарри Л. Квеберта «Истоки зла»

Трагедия произошла в воскресенье. Она была несчастна и попыталась умереть.

Ее сердце больше не в силах было биться, если билось не для него. Он был нужен ей, чтобы жить. И, поняв это, он каждый день приходил в больницу и украдкой смотрел на нее. Как такой красивой девушке захотелось себя убить? Он проклинал себя. Как будто это он причинил ей боль.

Каждый день он тайком садился на скамейку в парке, окружавшем больницу, и ждал, когда она выйдет погреться на солнце. Он смотрел на нее, живую. Это было так важно — жить. А потом, пока ее не было в палате, шел и клал ей под подушку письмо.

Моя милая, драгоценная!

Вы не должны умирать, никогда. Вы ангел. Ангелы никогда не умирают.

Видите, я всегда рядом. Не плачьте, умоляю Вас. Мне невыносима мысль, что Вам грустно.

Целую Вас, пусть Вам станет легче.

Любовь моя!

Какая неожиданная радость — ложась спать, найти Вашу записку! Пишу Вам тайком: по вечерам нам не разрешают не спать после отбоя, а медсестры — настоящие мегеры. Но я не могла устоять: едва прочитав Ваше письмо, я должна была Вам ответить. Просто чтобы сказать, как я Вас люблю.

Я мечтаю танцевать с Вами. Уверена, Вы танцуете, как никто другой. Мне бы хотелось попросить Вас сводить меня на летний бал, но Вы не захотите, я знаю. Вы скажете, что если нас увидят вместе, мы пропали. В любом случае, думаю, я до тех пор еще не выйду отсюда. Но зачем жить, если нельзя любить? Этот вопрос я задала себе, когда сделала то, что сделала.

Я Ваша навеки.

Мой чудный ангел!

Мы потанцуем. Я Вам обещаю. Настанет день, когда любовь победит и мы сможем любить друг друга открыто. И мы будем танцевать, танцевать на пляжах. На пляже, как в первый день. Вы такая красивая, когда Вы на пляже.

Выздоровливайте скорей! Однажды мы будем танцевать на пляжах.

Любовь моя!

Танцевать на пляжах. Я только об этом и мечтаю.

Скажите мне, что однажды поведете меня танцевать на пляжах, вдвоем, только Вы и я...

18. Мартас-Винъярд (Массачусетс, конец июля 1975 года)

— В нашем обществе, Маркус, больше всего ценят людей, которые строят мосты, небоскребы или империи. Но на самом деле больше всего достойны восхищения те, кому удастся построить любовь. Потому что нет задачи более великой и более трудной.

Она танцевала на пляже. Играла с волнами, бегала по песку; ее волосы развевались по ветру, она смеялась, она так радовалась жизни. Гарри полюбовался ею с террасы отеля и снова уткнулся в листки, покрывавшие весь стол. Он писал быстро и хорошо. С тех пор как они приехали сюда, он написал уже несколько десятков страниц, он двигался вперед в бешеном темпе. Благодаря ей. Нола, милая Нола, его жизнь, его вдохновение. Н-О-Л-А. Он наконец писал свой великий роман. Роман о любви.

— Гарри, — крикнула она, — сделайте перерыв! Идите купаться!

Он отложил работу, поднялся в их номер, сложил исписанные листы в портфель и надел плавки. Потом спустился к ней на пляж, и они пошли вдоль океана, подальше от отеля, от террасы, от прочих постояльцев и купальщиков. Обогнули гряду скал и оказались в уединенной бухточке, скрытой от чужих взглядов. Здесь они могли любить друг друга.

— Обнимите меня, милый Гарри, — сказала она.

Он обхватил ее руками, и она повисла у него на шее, прижалась к нему изо всех сил. Они нырнули в океан, весело плескались и брызгались, а потом улеглись на белые гостиничные полотенца, обсохнуть на солнце. Она положила голову ему на грудь:

— Я люблю вас, Гарри... Люблю, как никогда никого не любила.

Они улыбнулись друг другу.

— Это лучший отпуск в моей жизни, — сказал Гарри.

Нола просияла:

— Давайте сфотографируемся! Сфотографируемся, и тогда мы никогда не забудем! Вы взяли фотоаппарат?

Он вынул из сумки аппарат и дал ей. Она прильнула к нему и, держа корпус на вытянутой руке и направив объектив на них, сделала снимок. Перед тем как нажать на спуск, она повернула голову и крепко поцеловала его в щеку. Они засмеялись.

— По-моему, очень хорошее будет фото, — сказала она. — Главное, храните его всю жизнь.

— Всю жизнь. Это фото всегда будет со мной.

Они были здесь пятый день.

Двумя неделями раньше

Настала суббота, 19 июля, день традиционного летнего бала. Уже третий год подряд бал проводился не в Авроре, а в кантри-клубе Монберри — единственном месте, достойном принимать подобное мероприятие, по мнению Эми Пратт, которая с тех пор, как взяла бразды правления в свои руки, старалась превратить бал в великосветский вечер. Она отвергла школьный физкультурный зал Авроры, заменила «шведский стол» ужином за столиками, постановила, что мужчины обязаны быть при галстукке, и учредила между ужином и танцами лотерею, дабы оживить атмосферу.

Поэтому весь месяц перед балом Эми Пратт вышагивала по городу, распродавая втридорога свои лотерейные билеты, и все их покупали, опасаясь, что иначе на вечере им достанется плохое место. Злые языки поговаривали, что доходы от продажи (весьма обильные) шли прямоком ей в карман, но утверждать это открыто никто не смел: портить с ней отношения не стоило. Говорили, что в каком-то году она намеренно забыла отвести место за столом женщине, с которой поссорилась. И когда начался ужин, несчастная так и осталась стоять посреди зала.

Гарри сначала решил не ходить на бал. Правда, за несколько недель до того он купил себе место, но теперь у него не было настроения выбираться из дому: Нола по-прежнему лежала в больнице, и он был несчастен. Ему хотелось побыть одному. Но прямо в субботу утром в его дверь забарабанила Эми Пратт: она уже давно не видела его в городе, он больше не сидел в «Кларксе», и ей хотелось убедиться, что он ее не подведет. Ему непременно надо быть на балу, она уже всем сказала, что он будет. Первый раз на ее вечере присутствует звезда из Нью-Йорка, и кто знает, может, на будущий год Гарри вернется и привезет с собой все сливки шоу-бизнеса. А через несколько лет «весь Голливуд» и «весь Бродвей» прикатят в Нью-Гэмпшир на одну из главных светских вечеринок Восточного побережья, в которую превратится бал. «Гарри, вы сегодня вечером придете? Вы будете, да?» — стенала и молила она, вертась под дверью, и он в конце концов согласился, главным образом потому, что не умел отказывать; ей даже удалось всучить ему лотерейных билетов на пятьдесят долларов.

Днем он съездил в больницу повидать Нолу. По дороге купил в

магазине в Монберри еще несколько оперных пластинок. Он не мог устоять, знал, что музыка для нее — огромное счастье. Но он слишком много тратил, он больше не мог себе это позволить. Он боялся представить себе состояние своего банковского счета, не хотел даже выяснять, сколько там осталось. Его сбережения обращались в дым, если так пойдет дальше, скоро нечем будет заплатить за дом до конца лета.

В больнице они погуляли по парку, и в укромной рощице Нола прильнула к нему.

— Гарри, я хочу уехать...

— Врачи говорят, что тебя выпишут через несколько дней.

— Вы не поняли: я хочу уехать из Авроры. С вами. Здесь мы никогда не будем счастливы.

Он ответил:

— Однажды.

— Что — однажды?

— Однажды мы уедем.

Она просияла:

— Правда? Гарри, правда? Вы увезете меня далеко?

— Очень далеко. И мы будем счастливы.

— Да! Очень счастливы!

Она крепко прижала его к себе. Каждый раз, когда она приближалась к нему, по его телу пробегала сладкая дрожь.

— Сегодня вечером бал, — сказала она.

— Да.

— Вы пойдете?

— Понятия не имею. Я обещал Эми Пратт, что приду, но настроения нет.

— О, сходите, пожалуйста! Я мечтаю туда пойти. Всегда мечтала, чтобы кто-нибудь меня сводил на этот бал. Но я никогда не пойду... Мама не хочет.

— Что мне там делать, одному?

— Вы будете не один, Гарри. Я тоже там буду, у вас в голове. Мы будем танцевать вместе! Что бы ни случилось, я всегда буду у вас в голове!

При этих словах он рассердился:

— Это как это — что бы ни случилось? Это что значит, а?

— Ничего, Гарри, милый Гарри, не сердитесь. Я просто хотела сказать, что всегда буду любить вас.

Из любви к Ноле он все-таки пошел на бал, один и скрепя сердце. Приехав туда, он немедленно пожалел о своем решении: в толпе ему было

не по себе. Пытаясь казаться уверенным, он засел в баре и выпил несколько martinis, глядя, как постепенно прибывают гости. Зал быстро заполнялся людьми, гул голосов становился все громче. Ему упорно казалось, что все взоры прикованы к нему, как будто все знают, что он любит девочку пятнадцати лет. Чувствуя, что не выдерживает, он пошел в туалет, сполоснул лицо, потом заперся в кабинке и уселся на унитаз, глубоко дыша, чтобы прийти в себя. Надо сохранять спокойствие. Про них с Нолой никто знать не может. Они всегда были очень осторожны и предельно сдержанны. Нет никаких причин волноваться. Главное — вести себя естественно. В конце концов ему удалось себя уговорить, и он почувствовал, как внутри все разжалось. Он открыл дверь кабинки — и в тот же миг ему в глаза бросилась надпись на зеркале, сделанная губной помадой:

Ёбарь малолетки

Его охватила паника. Кто здесь? Он позвал, огляделся вокруг, толкнулся во все кабинки: никого. В туалете было пусто. Он поспешно схватил полотенце, намочил его и стер надпись, превратив ее в длинную жирную красную полосу на зеркале. И в страхе, что его застигнут, выбежал из туалета и вернулся в зал, как будто ничего не случилось — весь разбитый, с комком в горле; на лбу его выступили капли пота, кровь стучала в висках. Кто знал о них с Нолой?

В зале как раз начинался ужин, гости рассаживались за столики. Ему казалось, что он сходит с ума. Кто-то положил руку ему на плечо; он так и подскочил. Это была Эми Пратт. С него градом лился пот.

— Гарри, с вами все в порядке? — спросила она.

— Да-да... Просто немного жарко.

— Ваше место за почетным столом. Идемте, это вон там.

Она подвела его к большому, украшенному цветами столу, где уже сидел мужчина лет сорока с выражением смертельной скуки на лице.

— Гарри Квеберт, — торжественно провозгласила Эми Пратт, — позвольте вам представить Элайджа Стерна, щедрого покровителя нашего бала. Только благодаря ему билеты так дешевы. А еще он владелец дома в Гусиной бухте, где вы живете.

Элайджа Стерн с улыбкой протянул Гарри руку. Гарри рассмеялся:

— Так вы мой хозяин, мистер Стерн?

— Зовите меня Элайджа. Приятно познакомиться.

После основного блюда мужчины вышли покурить и немного пройтись по газону кантри-клуба.

— Вам нравится дом? — спросил Стерн.

— Невероятно. Он великолепен.

Попыхивая сигаретой, Стерн начал с чувством рассказывать, что Гусиная бухта долгие годы была их семейным загородным домом: отец построил его, потому что мать страдала жестокими мигренями, и, по словам врача, ей полезен был морской воздух.

— Когда отцу показали этот участок на берегу океана, он влюбился в него с первого взгляда. Тут же его купил и начал строить дом. Он сам рисовал чертежи. Я обожал это место. Мы столько раз прекрасно проводили здесь лето... Но прошло время, отец умер, мать переехала в Калифорнию, и Гусиная бухта опустела. Я люблю этот дом, даже подновил его несколько лет назад. Но я не женат, детей у меня нет, и мне больше не представлялось случая им пользоваться; да и в любом случае он для меня слишком велик. Тогда я поручил агентству по недвижимости сдавать его. Мне невыносима была мысль, что он необитаем и заброшен. И я рад, что в нем живет такой человек, как вы.

Стерн пояснил, что ребенком первый раз сходил в Авроре на бал, пережил первую любовь и что теперь раз в год непременно приезжает сюда, на этот самый бал, в память о детстве.

Они закурили еще по сигарете и присели на минуту на каменную скамью.

— Так над чем вы сейчас работаете, Гарри?

— Пишу роман о любви... Вернее, пытаюсь. Знаете, тут все думают, что я великий писатель, но это какое-то недоразумение.

Гарри понимал, что Стерна так просто не обманешь. Тот ответил только:

— Здешние люди очень впечатлительны. Взять хотя бы этот бал: в какую тоску он превратился... Значит, роман о любви?

— Да.

— Много написали?

— Нет, только начал. Честно говоря, у меня не получается писать.

— Да, для писателя это беда. Неприятности?

— Если угодно.

— Вы влюблены?

— Почему вы спрашиваете?

— Из любопытства. Мне стало интересно, надо ли быть влюбленным, чтобы писать романы о любви. Как бы то ни было, я преклоняюсь перед писателями. Может, потому, что сам хотел бы быть писателем. Или вообще художником, в широком смысле. Я безумно люблю живопись. Но к

несчастью, у меня нет никаких способностей к искусству. Как называется ваш роман?

— Пока не знаю.

— А какого рода история любви?

— История запретной любви.

— Похоже, это действительно очень интересно, — воодушевился Стерн. — Надо нам при случае встретиться еще.

В половине десятого, после десерта, Эми Пратт объявила, что начинается тираж лотереи; ведущим, как и каждый год, был ее супруг. Едва не заглывая микрофон, шеф Пратт тащил номера. Призы были в основном дешевые, предоставленные местными торговыми фирмами, но розыгрыш первого приза вызвал большой переполох: речь шла о недельной путевке в роскошный отель на Мартас-Винъярде, на два лица, все включено.

— Минуточку внимания, пожалуйста! — орал шеф. — Первый приз достается... Внимание... Номеру 1385!

На миг настала тишина; потом Гарри, внезапно осознав, что это один из его билетов, в полном изумлении поднялся с места. Его немедленно наградили громом аплодисментов; гости обступили его, поздравления сыпались со всех сторон. До самого конца вечера все смотрели только на него: он был центром мироздания. Но он не смотрел ни на кого, ведь центр его мироздания спал в маленькой больничной палате, в пятнадцати милях отсюда.

Покидая бал около двух часов ночи, Гарри столкнулся с Элайджей Стерном; тот тоже уходил.

— Главный приз в лотерею, — улыбнулся Стерн. — Вы, прямо скажем, везунчик.

— Да... И ведь кому сказать, чуть было не отказался покупать билеты.

— Может, подвезти вас домой? — спросил Стерн.

— Спасибо, Элайджа, я на машине.

Они вместе дошли до парковки. Черный седан ожидал Стерна, перед ним стоял какой-то мужчина и курил сигарету. Указывая на него, Стерн произнес:

— Гарри, хочу вам представить свое доверенное лицо. Он просто великолепный. К тому же, если вы не против, я пришлю его в Гусиную бухту, чтобы он занялся розами. Их скоро надо подрезать, а он очень одаренный садовник, в отличие от неумех, которых присылает агентство недвижимости и которые в прошлом году загубили мне все цветы.

— Ну конечно. Вы у себя дома, Элайджа.

Подойдя поближе, Гарри заметил, что вид у мужчины устрашающий: крепкое, мускулистое тело и скособоченное, изрубцованное лицо. Они обменялись рукопожатием.

— Я Гарри Квеберт.

— Добрый вефер, мифтер Квеберт, — ответил мужчина; говорил он с мучительным трудом и очень неразборчиво. — Меня фовут Лютер Калерб.

На следующий день после бала вся Аврора пребывала в возбуждении: с кем Гарри Квеберт поедет на Мартас-Винъярд? Здесь его никогда не видели с женщиной. Может, у него подруга в Нью-Йорке? Кинозвезда? Или он возьмет с собой какую-нибудь девушку из Авроры? Может, он уже успел завоевать чье-то сердце, ведь он такой скрытный? И будут ли об этом писать журналы про звезд?

Единственным человеком, которого не волновало это путешествие, был сам Гарри. С утра в понедельник, 21 июля, он сидел дома и погибал от беспокойства: кто знал о них с Нолой? Кто выследил его даже в туалете? Кто осмелился испачкать зеркало гнусной надписью? Причем помадой: то есть почти наверняка женщина. Но кто? Чтобы немного отвлечься, он уселся за стол и решил навести порядок в своих бумагах: тогда-то он и обнаружил, что одного листка не хватает. Той страницы, что он написал про Нолу в день ее попытки самоубийства. Он прекрасно помнил, что оставил его здесь. За последнюю неделю на столе скопилась целая россыпь черновиков, но он всегда нумеровал их в строго хронологическом порядке, чтобы потом можно было разобрать. И вот теперь, разобрав, убедился, что одного нет. Это была важная страница, он ее хорошо помнил. Он еще дважды разложил бумаги, вытряхнул портфель: никаких следов. Это было невозможно. Он всегда тщательно проверял, не оставил ли чего-нибудь на столе в «Кларксе». В Гусиной бухте он работал только в кабинете, а если вдруг садился писать на террасе, потом все относил на стол. Листок не мог затеряться, но тогда где же он? Перерыв весь дом и ничего не найдя, он подумал: а не заходил ли кто к нему в поисках компромата? Может, тот же человек, который на балу оставил надпись на зеркале в туалете? При этой мысли у него до тошноты свело живот.

В тот же день Нолу выписали. Не успев вернуться в Аврору, она сразу бросилась к Гарри. В Гусиную бухту она пришла под вечер: он сидел на пляже с жестяной коробкой в руках. Заметив его, она кинулась к нему в объятия; он подхватил ее и стал крутить.

— Гарри, милый Гарри! Быть здесь с вами — как мне этого не хватало!

Он обнял ее изо всех сил.

— Нола! Милая Нола...

— Как вы, Гарри? Нэнси сказала, что вы выиграли главный приз в лотерею?

— Да! Представляешь?

— Путевка на двоих на Мартас-Винъярд! И на когда?

— С открытой датой. Когда захочу, надо просто позвонить в отель и забронировать номер.

— Возьмете меня с собой? О, Гарри, возьмите меня, там мы можем быть счастливы и не надо будет прятаться!

Он не ответил. Они немного прошлись вдоль моря, глядя, как волны завершают на песке свой бег.

— Откуда идут волны? — спросила Нола.

— Издалека. Они идут издалека, чтобы увидеть берег великой Америки и умереть.

Он пристально посмотрел на Нолу и вдруг в порыве ярости обхватил ладонями ее лицо:

— Черт тебя дери, Нола! Почему ты хотела умереть?

— Дело не в том, что хочется умереть, — ответила Нола, — а в том, что не хочется жить.

— Но ты помнишь тот день, на пляже, после концерта? Ты тогда сказала, чтобы я не волновался, потому что ты со мной! Как ты можешь быть со мной, если убьешь себя?

— Я знаю, Гарри. Простите. Я прошу у вас прощения.

И она встала перед ним на колени, прося прощения, — на том самом пляже, где они встретились и полюбили друг друга с первого взгляда. Попросила снова:

— Возьмите меня с собой, Гарри. Возьмите меня на Мартас-Винъярд. Возьмите меня с собой, и будем любить друг друга навек.

Он обещал, на радостях, в минутном восторге. Но чуть позже, глядя, как она уходит домой по дороге из Гусиной бухты, он подумал, что не может ее взять. Это невозможно. Кто-то про них уже знал; если они уедут вместе, узнает весь город. Верная тюрьма. Он не мог взять ее с собой, и если она снова попросит, он отложит запретную поездку. Отложит навек.

Назавтра он впервые за долгое время вернулся в «Кларкс». Как всегда, клиентов обслуживала Дженни. Увидев входящего Гарри, она вспыхнула от радости: он вернулся! Из-за бала? Может, он приревновал ее к Тревису? Может, он хочет позвать ее на Мартас-Винъярд? Если он поедет без нее, значит, он ее не любит. Ей настолько не давал покоя этот вопрос, что она

задала его Гарри, не успев даже принять заказ:

— С кем ты поедешь на Мартас-Винъярд, Гарри?

— Не имею понятия. Наверно, ни с кем. Может, просто постараюсь написать побольше.

Она состроила гримаску:

— В такое чудное путешествие, и одному? Пустая трата времени.

Втайне она надеялась, что он ответит: «Ты права, Дженни, любовь моя, поедем вместе, будем целоваться на закате солнца». Но он сказал только: «Кофе, пожалуйста». И Дженни, рабыня, подчинилась. В этот момент из кабинета в глубине зала появилась Тамара Куинн; она сводила баланс. Увидев Гарри за обычным его столом, она ринулась к нему и, не здороваясь, заявила с горечью и злобой:

— Я свожу баланс. Мы вас больше не обслуживаем в кредит, мистер Квеберт.

— Понимаю, — произнес Гарри, желая избежать скандала. — Мне очень жаль, что я не воспользовался вашим приглашением в прошлое воскресенье... Я...

— Ваши извинения меня не интересуют. Я получила ваши цветы и выбросила их в корзину. Прошу погасить задолженность до конца недели.

— Разумеется. Дайте мне счет, я заплачу без промедления. Она принесла ему развернутый счет, и он чуть не задохнулся: оказалось, что он должен больше пятисот долларов. Он тратил, не считая: 500 долларов на еду и питье, 500 долларов на ветер, просто чтобы побыть с Нолой. Вдобавок на следующее утро пришло письмо из агентства недвижимости. Он уже оплатил половину своего пребывания в Гусиной бухте, то есть до конца июля. В письме сообщалось, что за пользование до сентября ему осталось уплатить еще тысячу долларов и что, согласно договоренности, данная сумма будет списана с его счета. Но у него не было этой тысячи долларов. У него вообще почти не было денег. Из-за долга в «Кларксе» он остался без гроша. Ему больше нечем было платить за аренду такого дома. Он больше не мог здесь оставаться. Что делать? Звонить Элайдже Стерну и объяснять ситуацию? А зачем? Он так и не написал великий роман, на который рассчитывал, он просто-напросто самозванец.

Немного подумав, он позвонил в отель на Мартас-Винъярд. Вот как он поступит: он откажется от этого дома. Раз и навсегда прекратит этот маскарад. Он уедет на неделю с Нолой, последний раз даст волю своей любви, а потом исчезнет. Ресепшн отеля сообщил, что остался один свободный номер на неделю с 28 июля по 3 августа. Так он и сделает: будет любить Нолу последний раз, а потом навсегда покинет этот город.

Забронировав номер, он позвонил в агентство недвижимости. Объяснил, что письмо получил, но по несчастному стечению обстоятельств больше не в состоянии платить за Гусиную бухту. Попросил расторгнуть договор аренды с 1 августа и, ссылаясь на целесообразность, убедил служащего оставить дом в его распоряжении до понедельника 4 августа: в этот день он сам, по дороге в Нью-Йорк, завезет ключи в бостонский филиал агентства. Он говорил по телефону, почти рыдая: вот и кончалась история якобы великого писателя Гарри Квеберта, мечтавшего о величайшем шедевре и неспособного написать пары строк. В полуобморочном состоянии он произнес: «Прекрасно. Значит, я завезу ключи от Гусиной бухты в ваше агентство в понедельник, 4 августа, по дороге в Нью-Йорк,» — и повесил трубку. И вздрогнул, услышав за спиной сдавленный голос: «Гарри, вы уезжаете?» Это была Нола. Она вошла в дом, не постучав, и слышала разговор. На глазах у нее стояли слезы. Она повторила:

— Вы уезжаете, Гарри? Что происходит?

— Нола... У меня неприятности.

Она подбежала к нему.

— Неприятности? Какие неприятности? Вы не можете уехать! Гарри, вы не можете уехать! Если вы уедете, я умру!

— Нет! Никогда не говори так!

Она упала на колени.

— Не уезжайте, Гарри! Небом заклинаю! Я без вас ничто!

Он опустился на пол рядом с ней.

— Нола... Мне надо тебе сказать... Я врал, врал с самого начала. Я не знаменитый писатель... Я все наврал! Про себя, про свою карьеру! У меня больше нет денег! Ничего нет! У меня нет средств оставаться в этом доме. Я не могу оставаться в Авроре.

— Мы найдем выход! Вы станете очень знаменитым писателем, я нисколько не сомневаюсь. Вы заработаете много денег! Ваша первая книга великолепна, а та, которую вы сейчас так усердно пишете, будет иметь огромный успех, я уверена! Я никогда не ошибаюсь!

— Нола, эта книга — сплошной ужас. Одни ужасные слова.

— Что за ужасные слова?

— Слова о тебе, которые я не должен был писать. Но я писал, потому что так чувствую.

— А что вы чувствуете, Гарри?

— Любовь. Столько любви!

— Ну так сделайте из этих слов красивые слова! За работу! Пишите

прекрасные слова!

Она взяла его за руку, она усадила его на террасе. Она принесла его листки, его тетради, его ручки. Она сварила кофе, поставила пластинку с оперой и открыла окна в гостиной, чтобы ему было слышно. Она знала, что музыка помогает ему сосредоточиться. Он послушно собрался с мыслями и начал все сначала; он стал писать роман о любви, как если бы у них с Нолой все было возможно. Он писал добрых два часа, слова приходили сами, фразы изливались на бумагу потоком, красиво, естественно, перо так и носилось по бумаге. Первый раз за все время, проведенное здесь, ему казалось, что у него в самом деле рождается роман.

Подняв глаза от исписанных листов, он увидел, что Нола уснула, сидя в плетеном кресле поодаль, чтобы не мешать ему. Солнце ослепительно сияло, было очень жарко. И внезапно роман, Нола, дом на берегу океана — все это показалось ему чудесным, и сама жизнь показалась ему чудесной. Он даже подумал, что в отъезде из Авроры нет ничего страшного: он допишет роман в Нью-Йорке, станет крупным писателем и будет ждать Нолу. В сущности, уехать — еще не значит ее потерять. Может, и наоборот. Она окончит школу и сможет отправиться в Нью-Йорк, в университет. И они будут вместе. А до тех пор станут переписываться, встречаться на каникулах. Годы пролетят быстро, и скоро их любовь перестанет быть запретной. Он ласково разбудил Нолу. Она улыбнулась, потягиваясь:

— Хорошо писалось?

— Очень.

— Прекрасно! Можно я почитаю?

— Скоро дам. Обещаю.

Над водой пронеслась стая чаек.

— Вставьте чаек! Вставьте в ваш роман чаек!

— Они будут на каждой странице, Нола. А что, если нам съездить на несколько дней на этот самый Мартас-Виньярд? Там есть свободный номер на следующей неделе.

Она просияла:

— Да! Поедем! Поедем вместе!

— А что ты скажешь родителям?

— Не беспокойтесь, милый Гарри. Родителями я сама займусь. А вы пишите ваш шедевр и любите меня. Значит, вы остаетесь?

— Нет, Нола. Я должен уехать в конце месяца, потому что больше не могу платить за дом.

— В конце месяца? Но это значит вот-вот!

— Я знаю.

У нее на глаза навернулись слезы.

— Не уезжайте, Гарри!

— Нью-Йорк недалеко. Ты будешь ко мне приезжать. Мы станем переписываться. Созваниваться. И почему бы тебе не приехать туда в университет? Ты мне говорила, что мечтаешь увидеть Нью-Йорк.

— Университет? Но это еще через три года! Три года без вас! Я не могу, Гарри! Я не выдержу!

— Не волнуйся, это не так долго. Когда любишь, время летит быстро.

— Не бросайте меня, Гарри. Я не хочу, чтобы Мартас-Винъярд стал нашим прощальным путешествием.

— Нола, у меня больше нет денег. Я не могу больше здесь оставаться.

— Нет, Гарри, сжальтесь надо мной. Мы найдем выход. Вы меня любите?

— Да.

— А если мы любим друг друга, мы найдем выход. Когда люди любят, они всегда находят выход, чтобы любить и дальше. По крайней мере, обещайте подумать.

— Обещаю.

Они уехали неделю спустя, в понедельник, 28 июля 1975 года, на заре, больше ни разу не заговорив об этой поездке, ставшей для Гарри неизбежностью. Он злился на себя за свое тщеславие и мечты о славе: что за наивность, решил написать великий роман за пару летних месяцев!

Они встретились в четыре утра на парковке у пристани для яхт. Аврора спала. Было еще темно. Они быстро докатили до Бостона. Позавтракали. И почти без остановок доехали до Фалмута, а там сели на паром. На остров Мартас-Винъярд они попали поздним вечером. И с тех пор жили, как в сказке, в роскошном отеле на берегу океана. Купались, гуляли, ужинали вдвоем в огромном гостиничном ресторане, и никто на них не смотрел, никто не задавал вопросов. На Мартас-Винъярде они могли жить.

* * *

Они были здесь уже четыре дня. Растянувшись на горячем песке в своей бухточке, вдали от чужих глаз, они думали только о себе, о том, какое счастье быть вместе. Она возилась с фотоаппаратом, а он думал о своей книге.

Она сказала Гарри, что родители считают, будто она поехала к подруге.

Но она его обманула. На самом деле она сбежала из дома без предупреждения: придумать отговорку для недельного отсутствия было бы слишком сложно. Поэтому она уехала, никому ничего не сказав. На рассвете вылезла из комнаты через окно. И теперь, пока они с Гарри валялись на пляже, преподобный Келлерган не находил себе места от беспокойства. В понедельник утром он обнаружил, что комната пуста. Он не стал заявлять в полицию. Сперва попытка самоубийства, теперь бегство: если он заявит в полицию, узнает весь город. Он дал себе неделю, чтобы найти ее. Семь дней, за которые Господь сотворил мир. Целыми днями не вылезая из машины, он колесил по всей округе, разыскивая дочь. Он боялся худшего. Через неделю он обратится к властям.

Гарри ни о чем не подозревал. Он был ослеплен любовью. Так же как в утро их отъезда на Мартас-Винъярд, когда Нола пришла к нему на парковку, он не заметил притаившуюся в темноте фигуру, наблюдавшую за ними.

Они вернулись в Аврору под вечер воскресенья, 3 августа 1975 года. На границе между Массачусетсом и Нью-Гэмпширом Нола расплакалась. Она говорила Гарри, что не может без него жить, что он не имеет права уезжать, что такая любовь, как у них, бывает только раз в жизни, и много чего еще. Умоляла: «Не покидайте меня, Гарри. Не бросайте меня здесь». Говорила, что он очень много написал за последние дни и теперь может не бояться утратить вдохновение. Заклинала: «Я буду заботиться о вас, вам останется только писать. Вы пишете потрясающий роман, вы не имеете права все испортить». И она была права: она была его музой, его вдохновением, только благодаря ей он внезапно смог писать так хорошо и так быстро. Но было слишком поздно; у него не осталось денег заплатить за дом. Он должен был уехать.

Он высадил Нолу за несколько кварталов от дома, и они поцеловались в последний раз. Ее щеки были мокры от слез, она вцепилась в него, пытаясь его удержать:

— Скажите, что завтра утром вы по-прежнему будете здесь!

— Нола, я...

— Я принесу вам горячие булочки, я сварю кофе. Я буду делать все. Я буду вашей женой, а вы — великим писателем. Скажите, что вы будете здесь...

— Я буду здесь.

Она просияла:

— Правда?

— Я буду здесь. Обещаю.

— Обещать мало, Гарри. Поклянитесь, поклянитесь нашей любовью, что вы меня не бросите.

— Клянусь, Нола.

Он солгал, потому что это было слишком тяжело. Как только она исчезла за углом, он помчался в Гусиную бухту. Надо было действовать быстро: вдруг она вернется позже и застанет его приготовления к бегству. Уже сегодня вечером он будет в Бостоне. Дома он поскорей собрал вещи, сунул чемоданы в багажник и покидал все, что надо было еще взять с собой, на заднее сиденье. Потом закрыл ставни, выключил газ, электричество и воду. Он убегал, убегал от любви.

Ему захотелось оставить ей записку. Он нацарапал пару строк: «Милая Нола, мне пришлось уехать. Я тебе напишу. Люблю тебя навсегда» — в спешке, на клочке бумаги, запихнул его в дверь и сразу вытащил, боясь, что его найдет кто-нибудь другой. Никаких записок, так надежнее. Он запер дверь на ключ, сел в машину и нажал на газ. Он мчался на полной скорости. Прощай, Гусиная бухта, прощай, Нью-Гэмпшир, прощай, Нола.

Все было кончено.

17. Попытка бегства

— Вы должны готовиться к своим текстам, как к боксерскому поединку, Маркус: несколько дней надо тренироваться процентов на семьдесят от максимума, чтобы в вас вскипела и забурлила ярость, которую вы выплеснете только в вечер боя.

— Что это значит?

— То, что, когда вам приходит идея, надо не превращать ее в ту же секунду в один из своих нечитабельных рассказов и печатать на первой странице журнала, который сами же и возглавляете, а хранить поглубже в себе, чтобы она созрела. Вы должны не давать ей выхода, позволить ей разрастаться внутри вас, пока не почувствуете, что время пришло. Это у нас будет номер... До какого мы добрались?

— До восемнадцатого.

— Нет, до семнадцатого.

— Зачем спрашивать, если сами знаете?

— Чтобы проверить, следите вы или нет.

— Значит, семнадцатый, Гарри... Превращать идеи...

— ...в озарения.

Во вторник, 1 июля 2008 года, в зале для свиданий тюрьмы штата Нью-Гэмпшир я затаив дыхание слушал рассказ Гарри о том, как вечером 3 августа 1975-го, когда он готов был покинуть Аврору и на полной скорости вылетел на шоссе 1, какая-то встречная машина вдруг развернулась и погналась за ним.

Воскресенье, 3 августа 1975 года, вечер

Сперва он решил было, что это полиция, но у машины не было ни мигалки, ни сирены. Она мчалась за ним по пятам и сигналила, непонятно почему. Он вдруг испугался вооруженного ограбления, попытался еще прибавить скорость, но преследователь сумел его обогнать и прижать к обочине, встав поперек дороги. Гарри выскочил на шоссе, готовый драться, но из машины вышел человек — и он узнал Лютера Калеба, шофера Стерна.

— Вы что, совсем охренели? — заорал Гарри.

— Профу профения, мифтер Квеберт. Я не хотел ваф напугать. Это мифтер Фтерн, он непременно хофет ваф видеть. Я ваф уве нефколько дней иффу.

— И что от меня надо мистеру Стерну?

Гарри весь дрожал, от избытка адреналина сердце выпрыгивало из груди.

— Я не внаю, мифтер Квеберт, — ответил Лютер. — Но он фкавал, это офень вавно. Он вдет ваф у фебя.

Гарри неохотно уступил настояниям Лютера и согласился ехать за ним в Конкорд. Спускалась ночь. Они добрались до громадного поместья Стерна, и Кaleb, не говоря ни слова, провел Гарри в дом, на просторную террасу. Элайджа Стерн в легком халате сидел за столом и пил лимонад. Увидев входящего Гарри, он немедленно встал и двинулся ему навстречу с явным облечением на лице:

— Черт возьми, дорогой Гарри, я уж думал, что вас никогда не найдут! Спасибо, что пришли сюда в столь поздний час. Я вам звонил, я вам письмо написал. Каждый день посылал за вами Лютера. И ни слуху ни духу! Куда вы подевались?

— Меня не было в городе. А что за срочность?

— Я все знаю! Все! И вы хотели скрыть от меня правду?

Гарри похолодел: Стерн знал про Нолу.

— О чем вы говорите? — пробормотал он, чтобы потянуть время.

— О Гусиной бухте, о доме, черт вас раздери! Почему вы мне не сказали, что чуть не вернули дом из-за денег? Мне сообщили из бостонского агентства. Они сказали, что вы с ними договорились завтра привезти ключи, вот почему все так срочно! Мне совершенно необходимо было с вами поговорить! Мне ужасно жаль, что вы собрались уезжать! Мне не нужны деньги от аренды дома и хочется поддержать ваши писательские планы. Я хочу, чтобы вы оставались в Гусиной бухте столько, сколько вам нужно, чтобы закончить роман, как вы к этому отнесетесь? Вы сказали, что это место вас вдохновляет, так зачем уезжать? С агентством я уже все уладил. Я очень ценю искусство и культуру; если вам хорошо в этом доме, поживите еще несколько месяцев! Я буду гордиться, что помог в создании великого романа. Не отказывайтесь, среди моих знакомых не так уж много писателей... Я действительно считаю своим долгом вам помочь.

Гарри с облегченным вздохом рухнул на стул. Он немедленно принял предложение Элайджи Стерна. Это была неслыханная удача: пожить еще несколько месяцев в Гусиной бухте и, черпая в Ноле вдохновение, закончить свой великий роман. Если не швыряться деньгами и не надо

будет платить за дом, ему вполне хватит на жизнь. Он еще немного посидел со Стерном на террасе, поговорил с ним о литературе, только чтобы не показаться невежливым своему благодетелю: единственным его желанием было поскорей вернуться в Аврору, увидеть Нолу и сообщить ей, что он нашел выход. Потом ему пришло в голову, что она, быть может, уже побывала в Гусиной бухте, без предупреждения. Вдруг она обнаружила запертую дверь? Вдруг она поняла, что он удрал, что готов был бросить ее? Внутри у него все сжалось, и как только позволили приличия, он ушел и помчался на всех парах в Гусиную бухту. Поскорей отпер дом, открыл ставни, включил воду, газ и электричество, разложил свои вещи по местам и уничтожил все следы своей попытки бегства. Пусть Нола никогда не узнает. Нола, его муза. Без нее он ничего не мог.

* * *

— Ну вот, — подытожил Гарри, — вот так я смог остаться в Гусиной бухте и продолжать писать. Собственно, в следующие недели я только этим и занимался: писал. Писал как одержимый, лихорадочно, не зная дня и ночи, голода и жажды. Писал без остановки, писал до рези в глазах, до боли в руке, в голове, везде. Писал до тошноты. И все это время Нола заботилась обо мне. Она приходила ухаживать за мной, кормила меня, укладывала спать, водила на прогулку, когда видела, что я выдыхаюсь. Скромная, незримая, вездесущая: благодаря ей все было возможно. А главное, она перепечатывала написанное на машинке, маленьком портативном «ремингтоне». И нередко уносила с собой кусок рукописи почитать. Без спросу. А на следующий день комментировала. Обычно она осыпала меня похвалами, говорила, что текст потрясающий, что она никогда не читала таких прекрасных слов; ее большие влюбленные глаза придавали мне невероятную веру в себя.

— А что вы ей сказали про дом? — спросил я.

— Что я люблю ее больше всего на свете, что я хотел остаться рядом с ней и сумел договориться с банкиром о продлении аренды. Эту книгу я смог написать благодаря ей, Маркус. Я больше не ходил в «Кларкс», почти не бывал в городе. Она опекала меня, она занималась всем. Даже говорила, что я не могу сам ходить за покупками, потому что не знаю, что мне нужно, и мы ездили за продуктами вместе, в отдаленные супермаркеты, где мы могли быть спокойны. Когда она обнаруживала, что я пропустил обед или ужинал шоколадными батончиками, то очень сердилась. Как она чудесно

сердилась... И как бы я хотел, чтобы она так нежно сердилась всегда, в моем творчестве, в моей жизни...

— Значит, вы действительно написали «Истоки зла» за несколько недель?

— Да. Меня охватила какая-то творческая лихорадка; больше она не повторялась никогда. Из-за любви ли она вспыхнула? Вне всякого сомнения. По-моему, когда Нола исчезла, частица моего таланта исчезла вместе с ней. Понимаете теперь, почему я вас уговариваю не волноваться, когда у вас проблемы с вдохновением?

Охранник объявил, что время посещения истекает, и велел заканчивать.

— Значит, вы говорите, что Нола уносила рукопись с собой? — быстро переспросил я, чтобы не потерять нить разговора.

— Она уносила то, что перепечатала. Читала и высказывала свое мнение. Маркус, этот август семьдесят пятого — это был рай. Я был так счастлив! Мы были так счастливы... Но меня все равно преследовала мысль, что кто-то про нас знает. Кто-то, способный измазать зеркало всякой дрянью. Этот самый кто-то мог следить за нами из леса и все видеть. От этой мысли мне становилось дурно.

— Вы из-за этого решили уехать? Вы же договорились уехать вместе вечером тридцатого августа — почему?

— А это, Маркус, из-за одной ужасной истории. Вы записываете?

— Да.

— Я вам сейчас расскажу очень важную вещь. Чтобы вы поняли. Но я не хочу, чтобы это пошло дальше.

— Не беспокойтесь.

— Знаете, эта наша неделя на Мартас-Винъярде... На самом деле Нола не говорила родителям, что она у подружки, она просто сбежала. Уехала, никому ничего не сказав. Когда я снова ее увидел, на следующий день после возвращения, она была ужасно грустная. Она сказала, что мать избила ее. У нее все тело было в синяках. Она плакала. В тот день она мне рассказала, что мать наказывает ее за любой пустяк. Что она ее бьет железной линейкой, а еще проделывает с ней ту мерзость, какую они творят в Гуантанаме, как бы топит: наливает таз, хватая дочь за волосы и сует головой в воду. Говорит, для того, чтобы ее освободить.

— Освободить?

— Освободить от зла. Что-то вроде крещения, я так думаю. Иисус в Иордане или что-то вроде. Я сначала не мог поверить, но доказательства были налицо. Тогда я спросил:

«Кто же с тобой так обращается?» — «Мама». — «А отец почему не вмешивается?» — «Папа запирается в гараже и слушает музыку, очень громко. Он всегда так делает, когда мама меня наказывает. Не хочет слышать». Нола не могла больше, Маркус. Она больше не могла. Я хотел разобраться с этой историей, повидаться с Келлерганами. Это надо было прекратить. Но Нола умоляла меня ничего не делать, говорила, что у нее будут страшные неприятности, что родители точно увезут ее из города и мы больше никогда не увидимся. Но так продолжаться не могло. И вот ближе к концу августа, числа двадцатого, мы решили, что надо уехать. Быстро. И тайно, конечно. Мы назначили отъезд на тридцатое августа. Хотели доехать до Канады, пересечь границу в Вермонте. И отправиться, например, в Британскую Колумбию, поселиться в бревенчатой хижине. Прекрасная жизнь на берегу озера. И никто бы никогда не узнал.

— Так вот почему вы оба решили бежать?

— Ну да.

— Но почему вы хотите, чтобы я никому не говорил?

— Это только начало истории, Маркус. Потому что потом я обнаружил ужасную вещь насчет матери Нолы...

В эту минуту нас прервал охранник. Время истекло.

— Мы поговорим об этом в следующий раз, Маркус, — сказал Гарри, поднимаясь со стула. — А пока, главное, держите это при себе.

— Обещаю, Гарри. Скажите только одно: что бы вы сделали с книгой, если бы сбежали?

— Ну, стал бы писателем в изгнании. Или вообще не стал бы писателем. В тот момент это было не важно. Важна была только Нола. Нола была для меня всем миром. Остальное не имело значения.

Я был ошеломлен. Значит, вот какой безумный план задумал Гарри тридцать лет назад: сбежать в Канаду с девочкой, в которую он влюбился до потери памяти. Уехать с Нолой, жить в уединении на берегу озера; он и не подозревал, что в ночь побега Нола исчезнет и будет убита, а книга, которую он написал за рекордный срок и от которой готов был отказаться, станет одним из величайших бестселлеров второй половины века.

Когда мы встретились с Нэнси Хаттауэй во второй раз, она рассказала, как ей самой представляется поездка на Мартас-Винъярд. По ее словам, когда Нола вернулась из клиники, они всю следующую неделю каждый день ходили купаться на Гранд-Бич, а после Нола несколько раз оставалась у них ужинать. Но уже в следующий понедельник, когда Нэнси позвонила в дверь дома № 245 по Террас-авеню, чтобы снова пойти с Нолой на пляж, она в ответ услышала, что Нола тяжело больна и не встает с постели.

— Всю неделю одна и та же песня: «Нола очень больна, ее нельзя навещать». Даже мою мать не пропустили в дом, когда она забеспокоилась и пошла узнать, как дела. Я с ума сходила, я знала, что-то там затевается. И тут я поняла: Нола пропала.

— Почему вы так подумали? Она могла быть больна, прикована к постели...

— Моя мать тогда подметила одну вещь: музыки больше не было. Всю неделю там ни разу не играла музыка.

Я решил сыграть в адвоката дьявола:

— Но если она была больна, может, музыку выключили, чтобы ее не беспокоить?

— Музыки не было впервые за очень долгое время. Совершенно необычная вещь. Тогда я решила сама все разузнать, и когда услышала в энный раз, что Нола болеет и не встает с постели, тайком пробралась за дом и заглянула через окно в комнату Нола. Комната была пуста, постель не разобрана. Нола там не было, это точно. А потом, в воскресенье вечером, опять заиграла музыка. Снова из гаража неслась эта проклятая музыка, а на следующий день появилась Нола. И вы будете говорить, что это совпадение? Она пришла ко мне под вечер, и мы отправились в большой сквер на главной улице. И там уж я из нее все вытянула. Особенно из-за синяков на спине: я отвела ее за кусты, заставила поднять платье и увидела, что ее били смертным боем. Я не отставала, пока она не призналась, что сбежала из дома на целую неделю. Она уезжала с мужчиной, с мужчиной старше ее. Со Стерном, это точно. Она сказала, что это было чудесно и ради этого стоило вынести порку, которую ей задали дома, когда она вернулась.

Я не стал уточнять, что Нола провела неделю на Мартас-Виньярде с Гарри, а не с Элайджей Стерном. Впрочем, про отношения Нола с последним Нэнси знала не так уж много.

— Думаю, со Стерном, это какая-то грязная история, — продолжала она. — Особенно сейчас, когда я вспоминаю задним числом. Лютер Калев приезжал за ней в Аврору на машине, на синем «мустанге». Я знаю, что он возил ее к Стерну. Это все делалось, конечно, тайком, но однажды я наблюдала эту сцену своими глазами. Нола тогда сказала: «Главное, не говори никому и никогда! Поклянись нашей дружбой. Иначе неприятности будут у нас обеих». Я спросила: «Нола, чего ради ты едешь к этому старикашке?» И она ответила:

«Ради любви».

— Но когда все это началось? — спросил я.

— Не могу вам сказать. Узнала я об этом летом, но не помню когда. В то лето столько всего случилось. Вполне возможно, что эта история тянулась уже давно, может даже несколько лет, кто знает.

— Но в итоге вы кому-то рассказывали об этом или нет? Когда Нола пропала.

— Ну естественно! Я говорила шефу Пратту. Я сказала ему все, что знала, все, что сейчас сказала вам. Он ответил, чтобы я не волновалась и что он вытащит все это дело на свет божий.

— Вы готовы повторить все это в суде?

— Конечно, если понадобится.

Мне очень хотелось еще раз побеседовать с отцом Келлерганом в присутствии Гэхаловуда. Я позвонил сержанту и изложил ему свою идею.

— Вместе допросить отца Келлергана? По-моему, у вас есть какая-то задняя мысль.

— И да и нет. Хочу поговорить с ним о новых данных в расследовании: о связях его дочери и о побоях, которые ей наносили.

— Вы чего от меня хотите? Чтобы я заявился к отцу и спросил, не потаскуха ли, случаем, его дочь?

— Послушайте, сержант, вы же знаете, мы вытаскиваем на свет важные вещи. За одну неделю все, в чем вы были уверены, развеялось как дым. Вы мне можете сейчас сказать, кто такая на самом деле была Нола Келлерган?

— Ладно, писатель, уговорили. Завтра приеду в Аврору. В «Кларксе», знаете такой?

— Конечно. А почему туда?

— Встречаемся там в десять утра. Я вам все объясню.

На следующее утро я приехал в «Кларкс» раньше назначенного часа, чтобы немного поговорить о прошлом с Дженни. Я упомянул летний бал 1975 года, и она рассказала, что это был один из худших балов в ее жизни, ведь она рассчитывала пойти туда вместе с Гарри. Самым ужасным был момент, когда Гарри выиграл в лотерею главный приз. Втайне она надеялась, что станет его счастливой избранницей, что в одно прекрасное утро Гарри заедет за ней и подарит ей неделю любви в лучах солнца.

— Я надеялась, я так надеялась, что он выберет меня. Я ждала его каждый день. А потом, в самом конце июля, он вдруг исчез на неделю, и я поняла, что он, наверно, уехал на Мартас-Винъярд без меня. Только не знаю с кем...

Чтобы не добивать ее, я солгал:

— Один. Он поехал один.

Она улыбнулась, с явным облегчением. Потом сказала:

— С тех пор как я узнала про Гарри и Нолу, про то, что он написал ей эту книгу, я больше не чувствую себя женщиной. Почему он выбрал ее?

— Такие вещи рассудку не поддаются. Ты никогда не догадывалась о них с Нолой?

— Про Гарри с Нолой? Да кому же такое могло прийти в голову?

— Твоей матери, разве нет? Она утверждает, что с самого начала знала. Она тебе раньше ничего не говорила?

— Она ничего не говорила про их отношения. Но когда Нола пропала, она в самом деле говорила, что подозревает Гарри. Помню, как-то в воскресенье Тревис — он тогда за мной ухаживал — пришел к нам на ланч, и мама все время твердила: «Я уверена, что Гарри причастен к исчезновению малышки!» Тревис отвечал: «Нужны доказательства, миссис Куинн, иначе это одни домыслы». А мама опять повторяла: «У меня было доказательство. Неопровержимое. Но я его потеряла». Я никогда в это не верила. Просто мама на него страшно злилась из-за своего обеда в саду.

Гэхаловуд явился в «Кларкс» ровно в десять.

— Похоже, вы попали в точку, писатель, — сказал он, уместаясь за стойку рядом со мной.

— С чего вы взяли?

— Я тут кое-что разыскал про этого Лютера Калеба. Это было нелегко, но вот что я нашел: родился в 1940 году в Портленде, штат Мэн. Не знаю, как он попал сюда, но в начале семидесятых он состоял на учете в полиции Конкорда, Монберри и Авроры за предосудительное поведение с женщинами. Он шатался по улицам и приставал к женщинам. Сохранилась даже жалоба на него от некоей Дженни Куинн, в замужестве Доун. Она хозяйка этого заведения. Заявление о сексуальных домогательствах, от августа 1975 года. Вот потому-то я и хотел, чтобы мы встретились здесь.

— Дженни заявила в полицию на Лютера Калеба?

— Вы с ней знакомы?

— Конечно.

— Пригласите ее сюда, хорошо?

Я велел кому-то из официантов сходить за Дженни: она была на кухне. Гэхаловуд представился и попросил рассказать о Лютере. Она пожала плечами:

— Знаете, мне особо нечего сказать. Он был милый парень. Очень добрый, несмотря на свою внешность. Время от времени заходил сюда, в «Кларкс», и я ему давала кофе и сэндвич. И денег никогда с него не брала, с

бедолаги. Мне было больно на него смотреть.

— Тем не менее вы подали жалобу на него, — сказал Гэхаловуд. Она удивилась:

— Вижу, вы хорошо осведомлены, сержант. Это давнее дело, очень давнее. Мне Тревис велел подать заявление. Он тогда говорил, что Лютер опасен и надо держаться от него подальше.

— Почему опасен?

— В то лето он все время шатался в Авроре. И иногда вел себя со мной агрессивно.

— Из-за чего Лютер Калев вел себя грубо?

— Грубо — это слишком сильно сказано. Скорее агрессивно. Он настаивал... Не знаю, может, вам это покажется смешным...

— Расскажите нам все, миссис Доун. Нам важна каждая деталь.

Я ободряюще кивнул Дженни: говори.

— Он настаивал, чтобы я ему позировала.

— Он хотел вас рисовать?

— Да. Говорил, что я красивая женщина, что он считает меня потрясающей и хочет только одного — иметь возможность меня рисовать.

— Что с ним случилось? — спросил я.

— Однажды он перестал появляться, — ответила Дженни. — Говорят, разбился на машине. Спросите Тревиса, он наверняка должен знать.

Гэхаловуд подтвердил, что Лютер Калев погиб в автокатастрофе. 26 сентября 1975 года, то есть почти через месяц после исчезновения Ноу, его перевернутую машину нашли у подножия скалы возле Сагамора, в Массачусетсе, примерно в двухстах милях от Авроры. Кроме того, Лютер учился в школе живописи в Портленде, и, считал Гэхаловуд, есть серьезные основания полагать, что именно он написал портрет Ноу.

— Похоже, этот Лютер — довольно странный тип, — сказал он. — Может, он пытался приняться за Ноу? Может, это он затащил ее в лес Сайд-Крик? Убил ее в припадке буйства, избавился от тела и сбежал в Массачусетс. А потом, замученный угрызениями совести, зная, что его ищут, бросился на машине со скалы. У него в Портленде есть сестра. Я пытался ей дозвониться, но безуспешно. Попробую еще раз с ней связаться.

— Почему же полиция не привлекла его в те годы?

— Чтобы привлечь Калеба, его надо было считать одним из подозреваемых. Но в тогдашнем деле не было никаких фактов, указывающих на него.

Тут я спросил:

— Может, все-таки допросить Стерна? Официально. Или даже

обыскать его дом?

Гэхаловуд состроил несчастную физиономию:

— У него огромная власть. Пока мы остались с носом. И покуда у нас не будет ничего более весомого, прокурор не пошевелится. Нужны более осязаемые факты. Доказательства, писатель, нам нужны доказательства.

— Есть портрет.

— Портрет — доказательство, добытое незаконным путем, сколько можно вам повторять? Лучше скажите, что вы собираетесь делать у отца Келлергана?

— Мне надо прояснить некоторые вещи. Чем больше я узнаю о нем и его жене, тем больше вопросов у меня возникает.

Я рассказал о поездке Гарри и Нола на Мартас-Винъярд, о материнских побоях, о том, как отец прятался в гараже. Мне казалось, что Нола окутана плотным покровом тайны: девочка была одновременно и светлая, ясная, и потухшая, все считали, что она сияет, а она все-таки пыталась покончить с собой. Мы позавтракали и пустились в путь, в гости к Дэвиду Келлергану.

Дверь дома на Террас-авеню оказалась открыта, но преподобного не было; музыка в гараже не играла. Мы подождали на крыльце. Он прибыл через полчаса на трескучем мотоцикле — том самом «харлее-дэвидсоне», который чинил на протяжении последних тридцати трех лет. Шлема на нем не было, из ушей торчали наушники от плеера. Он поздоровался с нами, перекрикивая громкую музыку, и в конце концов выключил плеер и включил проигрыватель в гараже; оглушительные звуки разнеслись по всему дому.

— Ко мне уже не раз приходила полиция, — объяснил он. — Из-за громкой музыки. Все соседи жалуются. Шеф Тревис Доун лично явился уговаривать меня отказаться от музыки. Я ему ответил: «Что вы от меня хотите, эта музыка — моя кара». Тогда он пошел и купил мне этот плеер и диск той пластинки, что я все время слушаю. Сказал, что так я могу сколько угодно портить себе барабанные перепонки, не портя полиции статистику бесконечными звонками от соседей.

— А мотоцикл? — спросил я.

— Я его доделал. Красавец, правда?

Теперь он знал, что случилось с его дочерью, и смог наконец починить мотоцикл, которым занимался с того вечера, когда она исчезла.

Дэвид Келлерган усадил нас на кухне и угостил чаем со льдом.

— Когда вы мне вернете тело дочери, сержант? — спросил он

Гэхаловуда. — Надо ее теперь похоронить.

— Скоро, мистер Келлерган. Я знаю, что вам нелегко.

Преподобный повертел в пальцах стакан.

— Она любила холодный чай, — произнес он. — Летними вечерами мы часто брали большую бутылку и шли на пляж, смотрели, как солнце спускается в океан и чайки танцуют в небе. Она любила чаек. Она так их любила... Вы знали?

Я кивнул. А потом сказал:

— Мистер Келлерган, в деле есть темные пятна. Поэтому мы с сержантом Гэхаловудом и пришли к вам.

— Темные пятна? Представляю... Мою дочь убили и закопали в саду. Вы нашли что-то новое?

— Мистер Келлерган, вы знаете человека по имени Элайджа Стерн? — спросил Гэхаловуд.

— Лично не знаком. Несколько раз видел его в Авроре. Но это было давно. Очень богатый человек.

— А его мальчика на побегушках? Некого Лютера Калеба?

— Лютер Калев... Имя мне ничего не говорит. Но знаете, я мог забыть. Прошло время, устроило свою большую стирку... А почему вы спрашиваете?

— Все указывает на то, что Нола была связана с этими двумя людьми.

— Связана? — повторил Дэвид Келлерган, отнюдь не страдавший тупоумием. — Что означает «связана» на вашем полицейском дипломатическом языке?

— Мы полагаем, что Нола состояла в связи с мистером Стерном. Сожалею, что приходится быть с вами столь прямолинейным.

Преподобный побагровел:

— Нола? Вы на что это намекаете? Что моя дочь была шлюхой? Моя дочь стала жертвой этого подонка Гарри Квеберта, известного педофила, который скоро окончит свои дни в коридоре смерти! Занимайтесь им, сержант, нечего являться сюда и поливать грязью мертвых! Разговор окончен. До свидания, господа.

Гэхаловуд покорно поднялся, но я хотел все же прояснить некоторые моменты:

— Ваша жена била ее, да?

— Простите? — поперхнулся Келлерган.

— Ваша жена избивала Нолу. Это правда?

— Да вы с ума сошли!

Я перебил его:

— В конце июля 1975 года Нола убежала из дома. Она сбежала и вы никому ничего не сказали, верно? Почему? Вам было стыдно? Почему вы не обратились в полицию, когда она сбежала из дома в конце июля семьдесят пятого?

Он начал было объяснять:

— Она должна была скоро вернуться... И она действительно через неделю была дома!

— Через неделю! Вы ждали целую неделю! Зато в тот вечер, когда она пропала, вы позвонили в полицию всего через час после того, как обнаружили, что ее нет. Почему?

Преподобный сорвался на крик:

— Да потому что в тот вечер я пошел на улицу ее искать и услышал, что на Сайд-Крик-лейн видели окровавленную девочку, и у меня это сразу связалось! Вообще, что вы от меня хотите, Гольдман? У меня больше нет семьи, нет ничего! Зачем вы бередите мои раны? Убирайтесь отсюда немедленно! Убирайтесь!

Но я не испугался:

— Что случилось в Алабаме, мистер Келлерган? Почему вы переехали в Аврору? И что происходило здесь летом семьдесят пятого года? Отвечайте! Отвечайте, черт возьми! Это ваш долг перед дочерью!

Келлерган вскочил и как полоумный бросился на меня, схватил меня за шиворот с такой силой, какую я никак не мог в нем предположить, и с криком: «Вон из моего дома!» — отшвырнул назад. Я бы, наверно, упал, если бы Гэхаловуд не подхватил меня и не вытащил за дверь.

— Вы что, совсем спятили, писатель? — обрушился он на меня по пути к машине. — Или вы клинический идиот? Хотите, чтобы все свидетели ополчились на вас?

— Тут не все ясно, согласитесь...

— Чего тут неясного? Его дочь обозвали потаскухой, он разозлился, вообще-то это нормально, нет? Между прочим, он вам чуть не навалил. Крепкий старикан. Кто бы мог подумать.

— Сожалею, сержант. Не знаю, что на меня нашло.

— Что это за история с Алабамой?

— Я вам говорил: Келлерганы уехали из Алабамы и поселились здесь. И я убежден, что на то была веская причина.

— Я наведу справки. Если обещаете впредь вести себя прилично.

— У нас получается, сержант, а? Я хочу сказать: с Гарри ведь снимут обвинение?

Гэхаловуд пристально посмотрел на меня:

— Мне одно мешает, писатель, — это вы. У меня работа. Расследую два убийства. А у вас, по-моему, навязчивая идея — снять с Квеберта обвинение в убийстве Нолы; вам как будто хочется заявить на всю страну: вот видите, он невиновен, какие могут быть претензии к честному писателю? Но претензии-то, Гольдман, еще и в том, что он втюрился в девочку пятнадцати лет!

— А то я не знаю! Я все время об этом думаю, представьте себе!

— Тогда почему вы никогда об этом не говорите?

— Я приехал сюда сразу, как разразился скандал. Не раздумывая. Думал я прежде всего о друге, о своем старом брате Гарри. В принципе, я мог бы побыть тут два-три дня для очистки совести и живенько вернуться в Нью-Йорк?

— Тогда почему вы еще тут и мозолите мне глаза?

— Потому что Гарри Квеберт — мой единственный друг. Мне тридцать лет, и у меня есть только он. Он всему меня научил, последние десять лет он был моим единственным братом по разуму. Кроме него, у меня никого нет.

Наверно, в этот момент Гэхаловуд меня пожалел, потому что вдруг пригласил к себе домой на ужин.

— Приходите сегодня вечером, писатель. Разберемся с расследованием, перекусим чего-нибудь. С женой познакомитесь. — И, словно чтобы не умереть от избытка вежливости, добавил самым неприятным своим тоном: — Вообще-то довольна будет в основном жена. Она уж сколько времени мне плешь проедает, чтобы я вас домой позвал. Мечтает с вами познакомиться. Странные у нее мечты.

* * *

Семья Гэхаловуда жила в уютном маленьком домике в жилом квартале на востоке Конкорда. Хелен, жена сержанта, была полной противоположностью мужу: изящная, очень приятная женщина. Встретила она меня очень приветливо:

— Мне так понравилась ваша книга, — сказала она. — Значит, вы в самом деле ведете расследование вместе с Перри?

Ее супруг пробурчал, что никакого расследования я не веду, что главный он, а меня просто небо послало портить ему жизнь. Появились две дочки, весьма обаятельные девочки-подростки, вежливо поздоровались со мной и скрылись в своей комнате. Я сказал Гэхаловуду:

— В сущности, в этом доме я не нравлюсь только вам.

Он улыбнулся:

— Заткнитесь, писатель. Заткнитесь и пошли на воздух, выпьем пивка холодного. Такая чудная погода.

Мы с ним долго сидели на террасе, удобно устроившись в плетеных креслах и подливая себе пиво из пластмассового кувшина. Гэхаловуд был в костюме, но надел поношенные тапочки. Вечер выдался очень жаркий, было слышно, как на улице играют дети. В воздухе приятно пахло летом.

— У вас в самом деле замечательная семья, — сказал я.

— Спасибо. А вы как? Жена есть? Дети?

— Нет, никого.

— Собака?

— Нет.

— Даже собаки нет? Вам, наверно, действительно чертовски одиноко, писатель... Дайте угадаю: у вас квартира гораздо больше, чем вам нужно, в модном квартале Нью-Йорка. Огромная пустая квартира.

Я даже не пытался возражать.

— Раньше мой агент приходил ко мне смотреть бейсбол, — сказал я. — Мы с ним делали начос с сыром. Было славно. Но со всей этой историей не знаю, захочет ли мой агент снова ко мне прийти. От него уже две недели никаких вестей.

— Что, писатель, поджилки трясутся?

— Да. Но что хуже всего, я не знаю, чего боюсь. Я сейчас пишу книжку об этом деле. Должен получить за нее как минимум миллион долларов. Она будет нарасхват, это точно. Но в душе я несчастлив. Что мне делать, как вы думаете?

Он взглянул на меня с удивлением:

— Вы просите совета у человека, зарабатывающего пятьдесят тысяч долларов в год?

— Ага.

— Не знаю, что вам сказать, писатель.

— Если бы я был вашим сыном, что бы вы посоветовали?

— Вы? Моим сыном? Меня сейчас стошнит. Сходите к психоаналитику, писатель. Знаете, у меня уже есть сын. Моложе вас, ему двадцать...

— Я не знал.

Он порылся в кармане и вытащил маленькое фото, наклеенное на картонку, чтобы не помялось. На ней был молодой человек в парадном мундире морского пехотинца.

— Ваш сын военный?

— Второй пехотный дивизион. Его послали в Ирак. Помню день, когда он поступил на службу. Тут на парковке торгового центра был передвижной призывной пункт. Для него все было очевидно. Он пришел домой и сказал мне, что его выбор сделан: он бросает университет и отправляется воевать. Из-за одиннадцатого сентября. У него эти кадры не выходили из головы. Я тогда вытащил карту мира и говорю:

«Ирак — это где?» А он ответил: «Ирак — это там, где надо быть». Как вы думаете, Маркус (он первый раз назвал меня по имени), он был прав или нет?

— Понятия не имею.

— Вот и я тоже. Я знаю одно: жизнь — это череда выборов, с которыми потом приходится мириться.

Это был прекрасный вечер. Я уже давно не чувствовал себя окруженным таким теплом и заботой. После ужина я ненадолго остался один на террасе: Гэхаловуд помогал жене убирать со стола. Спустилась ночь, небо было чернильно-черное. Я отыскал мерцающий контур Большой Медведицы. Кругом царил покой. Слышалось только мирное стрекотание сверчков. Когда Гэхаловуд вернулся, мы подвели итоги расследования. Я рассказал, как Стерн позволил Гарри бесплатно жить в Гусиной бухте.

— Тот самый Стерн, у которого была связь с Нолой? — уточнил он. — Все это очень странно.

— Вы же сами видите, сержант. И я вам точно говорю: еще тогда кто-то знал про Гарри и Нолу. Гарри мне рассказывал, что в тот вечер, когда был городской бал, он обнаружил на зеркале в туалете надпись: его обозвали «ёбарем малолетки». Кстати, а что слышно про надпись на рукописи? Когда будут результаты графологической экспертизы?

— Теоретически, на той неделе.

— Значит, скоро все узнаем.

— Я досконально изучил полицейский отчет об исчезновении Нолы, — помолчав, сказал Гэхаловуд. — Тот, что составлен бывшим шефом Праттом. И там ни разу не упомянуты ни Стерн, ни Гарри.

— Странно, потому что Нэнси Хаттауэй и Тамара Куинн утверждают, что, когда Нола пропала, они обе сообщили Пратту о своих подозрениях относительно Стерна и Гарри.

— Но отчет подписал сам шеф Пратт. Он знал и ничего не предпринял?

— И что все это может значить? — спросил я.

Гэхаловуд помрачнел:

— Что у него тоже могла быть связь с Нолой Келлерган.

— У него тоже? Вы думаете, что... Боже милосердый... Шеф Пратт и Нола?

— Завтра утром первое, что мы сделаем, писатель, это поедem к нему и спросим.

* * *

Наутро в четверг, 3 июля 2008 года, Гэхаловуд заехал за мной в Гусиную бухту, и мы отправились к шефу Пратту домой, на Маунтин-драйв. Дверь нам открыл сам Пратт. Сперва он увидел только меня и приветливо произнес:

— Мистер Гольдман, каким попутным ветром вас занесло? В городе говорят, вы ведете собственные разыскания...

Я услышал, как Эми спросила, кто пришел, и Пратт ответил: «Это писатель Гольдман». Потом он заметил Гэхаловуда и обронил:

— А, так это официальный визит...

Гэхаловуд кивнул.

— Всего несколько вопросов, шеф, — пояснил он. — Расследование застопорилось, и нам недостает некоторых сведений. Уверен, вы понимаете.

Мы расположились в гостиной. Эми Пратт зашла поздороваться. Муж велел ей не болтать языком, а поболтаться в саду; она без лишних слов нацепила шляпу и пошла возиться со своими гардениями. Сценка показалась бы мне смешной, если бы в гостиной Праттов не повисла вдруг необъяснимая напряженность.

Я предоставил вести допрос Гэхаловуду. Он был очень хороший коп и, несмотря на затаенную агрессивность, большой знаток человеческой психологии. Для начала он задал несколько ничего не значащих вопросов; потом попросил Пратта коротко напомнить цепь событий, приведших к исчезновению Нолы Келлерган. Но Пратт скоро потерял терпение и заявил, что уже писал отчет о результатах расследования в 1975 году и нам остается только его прочесть. И вот тут Гэхаловуд перешел в наступление:

— Ну, честно говоря, я читал ваш отчет, и он меня не убедил. Я знаю, к примеру, что Тамара Куинн говорила вам, что знает про Гарри и Нолу, и тем не менее в деле об этом ни разу не упоминается.

Пратт не дал сбить себя с толку:

— Да, мамаша Куинн ко мне приходила. Сказала, что ей все известно, сказала, что Гарри бредит Нолой. Но у нее не было доказательств, и у меня тоже.

— Неправда, — перебил я. — Она показывала вам страницу, написанную рукой Гарри и ясно изобличавшую его.

— Показывала, один раз. А потом эта страница исчезла! У нее ничего не было! И что мне было делать?

— А Элайджа Стерн? — спросил Гэхаловуд, сделав вид, что сменил гнев на милость. — Что вы знаете о Стерне?

— Стерн? — повторил Пратт. — Элайджа Стерн? А он какое отношение имеет к этой истории?

Гэхаловуд одержал верх. Он заговорил, очень спокойно, но его тон не оставлял места никаким уверткам:

— Прекратите этот цирк, Пратт, мне все известно. Я знаю, что вы вели следствие не так, как обязаны были вести. Я знаю, что после исчезновения девочки Тамара Куинн делилась с вами своими подозрениями насчет Квеберта и что Нэнси Хаттауэй сообщала вам о сексуальных отношениях Нолы с Элайджей Стерном. Вы должны были задержать Квеберта и Стерна, вы должны были, по крайней мере, их допросить, произвести обыск у них дома и внести все это в отчет. Самая обычная процедура. Но вы этого не сделали! Почему? Почему, а? В конце концов, у вас на руках была убитая женщина и пропавшая девочка!

Я почувствовал, что Пратт растерялся. Пытаясь вновь обрести уверенность, он повысил голос:

— Я неделями прочесывал всю округу! — рявкнул он. — Даже в отпуске! Я из кожи вон лез, чтобы найти девочку! И нечего оскорблять меня в собственном доме и ставить под сомнение мою работу! Копы с копами так не поступают!

— Вы перевернули всю землю и обыскали дно морское, — возразил Гэхаловуд, — но вы знали, что есть люди, которых надо допросить, и не допросили! Почему, черт возьми? Знали за собой вину? Какую?

Повисла долгая пауза. Я смотрел на Гэхаловуда: он выглядел очень внушительно. Он смотрел на Пратта в упор, спокойно и грозно.

— Какую вину вы знали за собой? — повторил он. — Говорите! Ради бога, говорите! Что произошло с девочкой?

Пратт отвел глаза. Он встал и отошел к окну, избегая наших взглядов. С минуту он смотрел на улицу, на жену, очищавшую гардении от сухих листьев.

— Это было в самом начале августа, — еле слышно заговорил он. — В

самом начале августа этого гребаного 1975 года. Хотите верьте, хотите нет, но однажды под вечер малышка пришла ко мне в кабинет, в полицейский участок. Я услышал, как в дверь кто-то постучал, и не успел ответить, как вошла Нола Келлерган. Я сидел за столом, читал какое-то дело и никак не ожидал ее увидеть. Я поздоровался, спросил, что случилось. У нее был очень странный вид. Ни слова не говоря, она закрыла дверь, повернула ключ в замочной скважине, потом пристально посмотрела на меня и подошла. Подошла к столу, и тут...

Пратт замолчал. Он был явно взволнован и не находил слов. Гэхаловуд оставался совершенно бесстрастным; он сухо спросил:

— И тут что, шеф Пратт?

— Хотите верьте, сержант, хотите нет. Она залезла под стол. Она... Она растянула мне штаны, взяла мой пенис и положила себе в рот.

Я так и подскочил:

— Это еще что такое?

— Это правда. Она меня сосала, и я ей позволил. Она сказала: «Не сдерживайтесь, шеф». И когда я кончил, она произнесла, вытирая рот: «Теперь вы преступник».

Мы сидели в полном изумлении: так вот почему Пратт не допрашивал ни Стерна, ни Гарри. Потому что он сам был непосредственно замешан в этом деле, ровно в том же качестве, что и они.

Пратт облегчил свою совесть и теперь ощущал потребность выговориться. По его словам, позже был еще один минет. Но если в первый раз по инициативе Нолы, то во второй он заставил ее повторить. Он рассказал, что однажды патрулировал район в одиночку и встретил Нолу. Она пешком возвращалась с пляжа, недалеко от Гусиной бухты. Она несла пишущую машинку. Он предложил ее подвезти, но поехал не к Авроре, а к лесу Сайд-Крик:

— За несколько недель до ее исчезновения я был с ней в Сайд-Крик. Я остановился на опушке леса, там никогда никто не ходит. И я взял ее руку, положил на свой член и попросил сделать еще раз то, что она делала. Я растянул штаны, нагнул ей голову и попросил меня сосать... Не знаю, что на меня нашло. Я тридцать лет не могу отделаться от этого воспоминания! Я больше не могу! Арестуйте меня, сержант. Я хочу, чтобы меня допросили, чтобы меня судили, чтобы меня простили. Прости меня, Нола! Прости!

Увидев мужа, выходящего из дома в наручниках, Эми Пратт подняла такой крик, что переполошила всех соседей. Любопытные высыпали на

свои лужайки посмотреть, что происходит; какая-то женщина звала мужа, чтобы он не пропустил такое зрелище: «Полиция арестовала Гэрета Пратта!»

Гэхаловуд усадил Пратта к себе в машину и, включив сирену, отбыл в Конкорд. Я остался во дворе у Праттов. Эми плакала, стоя на коленях у своих гардений, а к Маунтин-драйв сбегались соседи, и соседи соседей, и вся улица, и весь квартал; вскоре у дома собралось полгорода.

Вконец оглушенный услышанным, я уселся на пожарную колонку и позвонил Роту, сообщить о сложившейся ситуации. У меня не хватало мужества встретиться с Гарри: мне не хотелось первым сообщать ему такую новость. За меня это очень скоро сделало телевидение. Великая шумиха в СМИ вспыхнула в считанные часы: все каналы передали, что Гэрет Пратт, бывший шеф полиции Авроры, только что признался в совершении актов сексуального характера с Нолой Келлерган, став тем самым еще одним потенциальным подозреваемым в этом деле. Гарри позвонил мне по тюремному телефону уже к вечеру; он плакал. Просил меня приехать. Он не мог поверить, что все это правда.

В зале для свиданий я рассказал ему, что произошло с шефом Праттом. Он был потрясен до глубины души, глаза у него все время были на мокром месте. В конце концов я сказал:

— Это еще не все... Мне кажется, вам пора узнать...

— Узнать что? Вы меня пугаете, Маркус.

— Я на днях спрашивал вас про Стерна; так вот, я к нему ездил.

— И?..

— Я нашел у него портрет Нолы.

— Портрет? Какой портрет?

— У Стерна дома висит портрет обнаженной Нолы.

Я захватил с собой увеличенное фото и показал ему.

— Это она! — закричал Гарри. — Это Нола! Это Нола! Что все это значит? Что это за мерзость?

Охранник призвал его к порядку.

— Гарри, — произнес я, — постарайтесь успокоиться.

— Но Стерн какое отношение имеет ко всей этой истории?

— Не знаю... Нола никогда о нем не говорила?

— Никогда! Никогда!

— Гарри, насколько мне известно, Нола состояла в связи с Элайджей Стерном. В то самое лето 1975 года.

— Что? Что? Что все это значит, Маркус?

— По-моему... В общем, насколько я понимаю... Гарри, вам надо

свыкнуться с мыслью, что, возможно, вы были не единственным мужчиной в жизни Нолы.

Он словно обезумел. Вскочил с места и запустил пластиковым стулом в стену с криком:

— Нет! Это невозможно! Невозможно! Она любила меня! Слышите! Меня она любила!

К нему ринулась охрана, его скрутили и увели. До меня донесся его вопль: «Зачем вы это делаете, Маркус? Зачем вы все поганите? Будьте вы прокляты! Вы, Пратт и Стерн!»

После этой сцены я и принялся писать историю Нолы Келлерган, пятнадцатилетней девочки, вскружившей голову целому американскому городку.

16. «Истоки зла»

(Аврора, Нью-Гэмпшир, 11–20 августа 1975 года)

— Гарри, сколько нужно времени, чтобы написать книгу?

— Это зависит.

— Зависит от чего?

— От всего.

11 августа 1975 года

— Гарри! Милый Гарри!

Она бегом влетела в дом с рукописью в руках. Было раннее утро, еще не пробило девяти. Гарри сидел в кабинете, перебирая ворох бумаг. Она заглянула в дверь и помахала портфелем с драгоценным текстом.

— Где она была? — раздраженно спросил Гарри. — Где, черт возьми, была эта проклятая рукопись?

— Гарри, простите. Милый Гарри... Не сердитесь на меня. Я ее вчера вечером взяла, вы спали, и я ее забрала домой, почитать... Не надо было, наверно... Но это так прекрасно! Просто невероятно! Так прекрасно!

Она с улыбкой протянула ему стопку страниц.

— Так что? Тебе понравилось?

— Понравилось? — воскликнула она. — Вы спрашиваете, понравилось ли мне? Не то слово! Я в восторге! Это самое прекрасное, что мне когда-либо приходилось читать! Вы необыкновенный писатель! Это будет величайшая книга! Вы скоро станете знаменитым, Гарри. Слышите? Знаменитым!

И с этими словами она стала танцевать; она танцевала в коридоре, протанцевала в гостиную, дотанцевала до террасы. Она танцевала от счастья, она была так счастлива! Она прибрала стол на террасе. Вытерла росу, расстелила скатерть и приготовила рабочее место — принесла его ручки, тетради, черновики и тщательно отобранные на пляже камни вместо пресс-папье. Потом принесла кофе, вафли, печенье и фрукты, положила на стул подушку, чтобы ему было удобнее. Она старалась, чтобы все было в полном порядке, чтобы он мог работать в наилучших условиях. Устроив его за столом, она хлопотала по дому. Убирала, готовила еду — занималась всем, чтобы он мог полностью сосредоточиться на книге. Писать и ни о чем больше не думать. По мере того как росла стопка исписанных листов, она перечитывала их, иногда делала исправления, а потом перепечатывала

набело на своем «ремингтоне»; она трудилась страстно и преданно, как самая верная секретарша. И только переделав все дела, позволяла себе сесть неподалеку от Гарри — не слишком близко, чтобы не мешать, — и смотрела, как он пишет. Она была счастлива. Она была женой писателя.

В тот день она ушла вскоре после полудня. Как всегда, оставляя его одного, дала ему указания:

— Я вам приготовила сэндвичи. Они на кухне. В холодильнике есть холодный чай. Главное, ешьте как следует. И передохните немножко. Иначе у вас потом будет болеть голова. Вы же знаете, милый Гарри, что бывает, когда вы слишком много работаете: у вас случаются эти ужасные мигрени, из-за которых вы становитесь таким раздражительным.

Она обняла его.

— Ты придешь попозже? — спросил Гарри.

— Нет, Гарри. Я занята.

— Чем занята? И почему ты так рано уходишь?

— Занята, и все. Женщина должна оставаться загадкой. Это я в одном журнале прочитала.

Он улыбнулся:

— Нола...

— Да?

— Спасибо.

— За что, Гарри?

— За все. Я... Я наконец пишу книгу. И у меня получается только благодаря тебе.

— Милый Гарри, но я только этим и хочу заниматься в жизни: заботиться о вас, быть всегда рядом с вами, помогать вам писать книги, создать с вами семью! Только представьте, как мы будем счастливы все вместе! Сколько детей вы хотите, Гарри?

— По крайней мере, троих!

— Да! И даже четверых! Двух мальчиков и двух девочек, чтобы не было лишних споров. Я хочу стать миссис Гарри Квеберт! И гордиться своим мужем больше всех на свете!

Она ушла. Добралась по дороге из Гусиной бухты до шоссе 1. И снова не заметила тени, притаившейся в зарослях и следившей за ней.

Ей понадобилось полчаса, чтобы дойти пешком до Авроры. Она проделывала этот путь дважды в день. В городе она свернула на главную улицу и дошла до сквера, где они договорились встретиться с Нэнси Хаттауэй.

— Почему в сквере, а не на пляже? — заныла Нэнси, увидев ее. — Так

жарко!

— У меня сегодня вечером свидание...

— Что? Нет, только не говори, что ты опять едешь к Стерну!

— Не произноси его имени!

— Ты опять попросила меня прийти, чтобы у тебя было алиби?

— Ну пожалуйста, прикрой меня...

— Да я тебя все время прикрываю!

— Ну еще раз. Только один разик. Пожалуйста.

— Не езди туда! — взмолилась Нэнси. — Не езди к этому типу, пора это прекратить! Мне за тебя страшно. Что вы там делаете вместе? Сексом занимаетесь, а? Это так?

Нола ответила, ласково и успокаивающе:

— Не волнуйся, Нэнси. Главное, не волнуйся. Ты меня прикроешь, да? Обещай, что прикроешь. Ты же знаешь, что бывает, когда выясняется, что я вру. Ты же знаешь, что со мной дома сделают...

Нэнси покорно вздохнула:

— Хорошо. Буду сидеть здесь, пока ты не вернешься. Только не позже половины седьмого, а то мама ругаться будет.

— Договорились. А если тебя спросят, что мы делали, ты что скажешь?

— Мы сидели здесь и болтали всю вторую половину дня, — протараторила Нэнси кукольным голосом. И жалобно воскликнула: — Но мне надоело из-за тебя врать! Зачем ты это делаешь? А?

— Потому что я люблю его! Я так его люблю! Я для него готова на все!

— Брррр, противно. Даже думать об этом не хочу.

Синий «мустанг» вывернул на улицу, примыкающую к скверу, и остановился на обочине. Нола заметила его.

— Вот он, — сказала она. — Я побежала. Пока, Нэнси. Спасибо, ты настоящий друг.

Она быстро подошла к машине и села в нее. «Здравствуй, Лютер», — сказала она шоферу, устраиваясь на заднем сиденье. Машина тут же тронулась с места и скрылась из глаз. Никто, кроме Нэнси, не видел этой странной сцены.

Через час «мустанг» въехал во двор поместья Элайджи Стерна в Конкорде. Лютер провел девушку в дом. Теперь она знала, как пройти в комнату.

— Раздевайся, — ласково велел Лютер. — Я пойду скажу мистеру Стерну, что ты приехала.

12 августа 1975 года

Каждое утро с тех пор, как они вернулись с Мартас-Винъярда, с тех пор, как к нему вернулось вдохновение, Гарри вставал на рассвете и перед тем, как сесть за работу, отправлялся бегать.

Каждое утро он добегал до Авроры. И теперь, как и каждое утро, он остановился у пристани для яхт, чтобы проделать серию отжиманий. Еще не было шести часов. Город спал. Он обошел «Кларкс» стороной: ресторан как раз должен был открыться, и ему не хотелось столкнуться с Дженни. Она замечательная девушка, она не заслужила такого обращения с его стороны. С минуту он постоял, любуясь океаном, залитым невероятными красками рассвета. И вздрогнул, услышав, как его окликнули по имени:

— Гарри? Так это правда? Ты встаешь так рано, чтобы побегать?

Он обернулся: это была Дженни в форменном платье «Кларкса». Она подошла к нему и неловко попыталась его обнять.

— Просто я люблю смотреть, как встает солнце, — ответил он.

Она улыбнулась. Она подумала, что если он приходит сюда, значит, все-таки немножко ее любит.

— Хочешь зайти в «Кларкс» выпить кофе? — предложила она.

— Спасибо, не хочется сбиваться с ритма...

Она ничем не выдала своего разочарования.

— Хотя бы присядем на минутку.

— Не хочу надолго останавливаться.

Она погрузилась:

— Но ты в последние дни совсем пропал! В «Кларкс» больше не приходишь...

— Извини. Увлёкся своей книгой.

— Но не только же книги есть в жизни! Заходи иногда меня проводить, ты мне доставишь удовольствие. Мама на тебя ругаться не будет, обещаю. Она не должна была заставлять тебя платить весь долг сразу.

— Ничего страшного.

— Мне пора на работу, мы в шесть открываем. Ты уверен, что не хочешь кофе?

— Уверен, спасибо.

— Может, зайдешь попозже?

— Нет, не думаю.

— Если ты бываешь здесь каждое утро, я могу ждать тебя у пристани... Ну, если ты хочешь. Просто чтобы поздороваться.

— Не стоит.

— Ладно. Во всяком случае, я сегодня работаю до пяти. Если хочешь, приходи писать... Я тебе мешать не буду. Обещаю. Надеюсь, ты не рассердился, что я пошла на бал с Тревисом... Знаешь, я его не люблю. Он просто друг. Я... Я хотела сказать тебе, Гарри: я люблю тебя. Люблю, как никогда никого не любила.

— Не говори так, Дженни...

Часы на городской ратуше пробили шесть: она опаздывала. Она поцеловала его в щеку и убежала. Не надо было говорить, что она его любит; она уже злилась на себя. Какая дура! Поднимаясь по улице к «Кларксу», она обернулась, чтобы помахать ему рукой, но его уже не было. Она подумала, что если он все же зайдет в «Кларкс», значит, он ее хоть чуть-чуть любит, значит, еще не все потеряно. Она прибавила шаг, но в конце подъема из-за живой изгороди вдруг вынырнула широкая скрюченная тень и загородила ей дорогу. От неожиданности Дженни вскрикнула. Но сразу узнала Лютера:

— Лютер! Ты меня напугал!

В свете фонаря возникло перекошенное лицо и могучее туловище.

— Фто... Фто ему от тебя надо?

— Ничего, Лютер...

Он схватил ее за руку и сильно сдавил.

— Не... не... не фмейфя надо мной! Фто ему от тебя надо?

— Он просто друг! Пусти меня, Лютер! Мне больно, черт возьми! Пусти, или я всем расскажу!

Он разжал пальцы и спросил:

— Ты подумала про мое предложение?

— Ответ: нет, Лютер! Я не хочу, чтобы ты меня рисовал! А теперь дай мне пройти! А то я скажу, что ты тут бродишь, и у тебя будут проблемы.

Лютер без лишних слов бросился бежать и растворился в утренней заре, как обезумевший зверь. Ей было страшно, она заплакала. Поскорей дошла до ресторана и перед входом вытерла глаза: мать была уже на месте, и ей не хотелось, чтобы та заметила слезы.

Гарри побежал назад через весь город к шоссе 1 и Гусиной бухте. Он думал о Дженни. Не надо было подавать ей ложных надежд. Он очень досадовал на себя из-за этой девушки. На перекрестке с шоссе 1 у него подкосились ноги; мышцы остыли, пока он стоял у пристани, он чувствовал, как их начинает сводить. Он был один на обочине пустынного шоссе и уже жалел, что убежал так далеко от дома, не представляя, как теперь добраться до Гусиной бухты. В эту минуту рядом с ним непонятно

откуда возник синий «мустанг». Водитель опустил стекло, и Гарри узнал Лютера Калеба.

— Нувна помофь?

— Слишком далеко забежал... Похоже, я что-то себе повредил.

— Фадитефь. Я ваф подвеву.

— Повезло мне, что я вас встретил, — сказал Гарри, устраиваясь на переднем сиденье. — Что вы делаете в Авроре в такую рань?

Калев не ответил; он отвез своего пассажира в Гусиную бухту, не обменявшись с ним больше ни словом. Высадив Гарри, «мустанг» покати́л назад, но направился не в Конкорд, а свернул налево, к Авроре, и заехал на узкую тупиковую лесную тропу. Укрыв машину за соснами, Калев проворно пробрался сквозь ряды деревьев и спрятался в зарослях неподалеку от дома Гарри. Было четверть седьмого утра. Он уселся, привалившись к стволу, и стал ждать.

Около девяти часов Нола пришла в Гусиную бухту ухаживать за своим возлюбленным.

13 августа 1975 года

— Понимаете, доктор Эшкрофт, я всегда так делаю, а потом на себя злюсь.

— Как это происходит?

— Не знаю. Это как будто само из меня вырывается, против моей воли. Ну просто тянет меня, и я не могу устоять. Но мне от этого плохо. Мне так плохо! Но устоять не могу.

Доктор Эшкрофт внимательно посмотрел на Тамару Куинн и спросил:

— Вы способны сказать людям, как вы к ним относитесь?

— Я... Нет. Никогда не говорю.

— Почему?

— Потому что они и так знают.

— Вы уверены?

— Ну конечно!

— Откуда же им знать, если вы никогда не говорите?

Она пожала плечами:

— Не знаю, доктор...

— Ваши домашние знают, что вы ко мне ходите?

— Нет. Нет! Я... Это их не касается.

Он кивнул:

— Знаете, миссис Куинн, вам надо записывать свои ощущения. Это успокаивает. Иногда.

— Я и записываю, я все записываю. С тех пор как мы с вами это обсудили, я все пишу в тетрадь и храню ее как зеницу ока.

— Вам это помогает?

— Не знаю. Да, немного. По-моему.

— Мы поговорим об этом на будущей неделе. Время истекло. Тамара Куинн встала, попрощалась за руку с врачом и покинула кабинет.

14 августа 1975 года

Было около одиннадцати. С самого утра Нола на террасе в Гусиной бухте прилежно перепечатывала на «ремингтоне» рукописные страницы, а Гарри, сидя напротив, работал, писал дальше. «Хорошо! — восторгалась Нола с каждым следующим словом. — Правда очень хорошо!» Гарри улыбался ей вместо ответа, чувствуя, как его переполняет неиссякающее вдохновение.

Стояла жара. Нола, заметив, что Гарри нечего попить, на минутку отлучилась с террасы и пошла на кухню приготовить холодный чай. Едва она скрылась в доме, как на террасу с улицы вошел гость — Элайджа Стерн.

— Гарри Квеберт, вы слишком усердно работаете! — громовым голосом произнес Стерн. Гарри, не слышавший, как он вошел, так и подскочил и немедленно впал в страшную панику: никто не должен был увидеть здесь Нолу.

— Элайджа Стерн! — завопил он изо всех сил, чтобы Нола услышала и не выходила из дома.

— Гарри Квеберт! — еще громче повторил Стерн, недоумевая, зачем Гарри так кричит. — Я звонил в дверь, но никто не ответил. Но я видел вашу машину, подумал, что вы, наверно, на террасе, и позволил себе обойти дом.

— И правильно сделали! — проорал Гарри.

Стерн заметил листки и «ремингтон» по другую сторону стола.

— Вы одновременно и пишете, и печатаете? — с любопытством спросил он.

— Да. Я... Я работаю над несколькими фрагментами сразу.

Стерн рухнул на стул. Он обливался потом.

— Несколько страниц сразу? Вы гениальный писатель, Гарри. Вообразите, я был в этих краях и решил заскочить в Аврору. Какой чудесный город! Машину я оставил на главной улице и пошел прогуляться. И ноги сами принесли меня сюда. Привычка, наверно.

— Элайджа, этот дом... Он просто невероятный. Сказочное место.

— Я очень рад, что вы тут остались.
— Спасибо вам за щедрость. Я вам очень обязан.
— Только не надо благодарностей, ничем вы мне не обязаны.
— Однажды у меня появятся деньги, и я куплю этот дом.
— Тем лучше, Гарри, тем лучше. Я буду счастлив, если дом с вами оживет. Простите, ради бога, с меня льет ручьями, и я умираю от жажды.

Гарри нервно поглядывал в сторону кухни, надеясь, что Нола слышала их и не появится. Нужно было как можно скорее найти способ избавиться от Стерна.

— К несчастью, мне нечего вам предложить, кроме воды...

Стерн засмеялся:

— Не беспокойтесь, друг мой... Я так и думал, что у вас дома шаром покати. Это-то меня и тревожит: писать — дело хорошее, только смотрите не зачахните! Вам давно пора жениться, чтобы кто-то был рядом и о вас заботился. Знаете что, отвезите меня в город, приглашаю вас позавтракать, заодно и поболтаем немножко, если, конечно, вы не против.

— С удовольствием! — облегченно воскликнул Гарри. — Непременно! С огромным удовольствием. Пойду возьму ключи от машины.

Он вошел в дом. И, проходя мимо кухни, обнаружил Нолу, спрятавшуюся под стол. Она послала ему чудесную заговорщицкую улыбку и приложила палец к губам. Он улыбнулся в ответ и вернулся на террасу к Стерну.

Они уселись в «шевроле» и поехали в «Кларкс». Устроились на террасе, заказали яичницу, тосты и оладьи. У Дженни при виде Гарри заблестели глаза. Он так давно не приходил!

— С ума сойти, — сказал Стерн. — Я правда решил немного пройтись, и вдруг оказался в Гусиной бухте. Словно провалился в пейзаж.

— Между Авророй и Гусиной бухтой невероятно красивое побережье, — ответил Гарри. — Не устаю любоваться.

— Вы там часто гуляете?

— Почти каждое утро. Я занимаюсь бегом. Отличный способ начать день. Встаю на заре, бегу, а солнце встает. Потрясающее ощущение.

— Да вы атлет, дорогой мой. Мне бы вашу дисциплину.

— Насчет атлета не знаю. Позавчера, например, когда я собирался возвращаться из Авроры в Гусиную бухту, у меня случились ужасные судороги. С места двинуться не мог. По счастью, встретил вашего шофера, и он любезно довез меня до дому.

Стерн натянуто улыбнулся.

— Лютер позавчера утром был здесь? — спросил он.

Разговор прервала Дженни: она принесла им еще кофе и тут же исчезла.

— Да, — ответил Гарри. — Я сам удивился, увидев его в Авроре в такую рань. Он живет где-то поблизости?

Стерн попытался уклониться от ответа.

— Нет, в моем поместье. У меня есть пристройка для служащих. Но он любит эти места. Надо сказать, что Аврора в рассветных лучах — это потрясающе.

— Вы мне, кажется, говорили, что он будет заниматься розами в Гусиной бухте? Просто я его ни разу не видел...

— Но кусты все такие же красивые, верно? Значит, он работает незаметно.

— Но я очень часто бываю дома... Почти все время.

— Лютер — человек очень скромный.

— Я все думаю: что с ним случилось? Он так странно говорит...

— Несчастный случай. Это старая история. Знаете, он очень достойный человек... Выглядит иногда жутковато, но душа у него прекрасная.

— Не сомневаюсь.

Дженни снова подошла подлить кофе, но они еще не притронулись к чашкам. Она поправила салфетницу, наполнила солонку и поменяла бутылку с кетчупом. Улыбнулась Стерну, помахала Гарри и исчезла на кухне.

— Как ваша книга? Продвигается? — спросил Стерн.

— Двигается, и очень быстро. Еще раз спасибо, что позволили мне остаться. У меня просто прилив вдохновения.

— Прилив вдохновения у вас в основном из-за этой девушки, — улыбнулся Стерн.

— Простите? — поперхнулся Гарри.

— Я большой мастер угадывать такие вещи. Вы с ней спите, да?

— Я... Простите?

— Да не делайте вы такое лицо, друг мой. Что же тут плохого? Дженни, официантка, — вы с ней спите, правда ведь? Потому что, судя по ее поведению с тех пор, как мы пришли, один из нас двоих с ней точно спит. И я знаю, что не я. Следовательно, вы! Ха-ха! Одобряю. Красивая девица. Вот видите, какой я проницательный.

Квеберт с облечением выдавил из себя смешок.

— Мы с Дженни не вместе, — сказал он. — Просто слегка флиртовали, скажем так. Она милая девушка, но, честно говоря, мне с ней

немного скучно... Мне бы хотелось найти кого-то, в кого бы я очень сильно влюбился. Особенную... Не такую, как все...

— Ба, я за вас спокоен. В конце концов вы найдете свою редкую жемчужину, ту, с которой будете счастливы.

Пока Гарри и Стерн завтракали, Нола под палящим солнцем возвращалась домой по шоссе 1, волоча свою пишущую машинку. Сзади подъехала машина и остановилась рядом с ней. За рулем полицейского автомобиля сидел шеф Пратт.

— Куда это ты с пишущей машинкой? — заинтересовался он.

— Иду домой, шеф.

— Пешком? Откуда тебя черт несет? Ладно, не важно: садись, я тебя подвезу.

— Спасибо, шеф Пратт, но я лучше пойду.

— Не смейся меня. Жара такая, что сдохнуть можно.

— Нет, шеф, спасибо.

В голосе Пратта вдруг прорезалась агрессия.

— Почему ты не хочешь, чтобы я тебя подвез? Садись, говорю! Садись!

В конце концов Нола согласилась, и Пратт усадил ее на сиденье для пассажира, рядом с собой. Но к городу не поехал. Машина развернулась и двинулась в обратном направлении.

— Куда мы едем, шеф? Аврора в другой стороне.

— Не волнуйся, моя маленькая. Просто хочу тебе показать что-то красивое. Ты ведь не боишься, а? Хочу показать тебе лес, очень красивое место. Хочешь посмотреть красивое место, правда? Красивые места все любят.

Больше Нола не произнесла ни слова. Машина доехала до леса Сайд-Крик, свернула на просеку и остановилась за деревьями. И тогда шеф расстегнул ремень, потом ширинку и, нагнув голову Нола, приказал ей сделать то, что она так хорошо делала у него в кабинете.

15 августа 1975 года

В восемь утра Луиза Келлерган вошла в комнату дочери. Нола ждала ее, сидя на кровати в нижнем белье. День настал. Она знала. Луиза смотрела на нее с улыбкой, полной нежности.

— Ты знаешь, почему я это делаю, Нола...

— Да, мама.

— Это ради твоего же блага. Чтобы ты попала в рай. Ведь ты хочешь

быть ангелом, правда?

— Я не уверена, что хочу быть ангелом, мама.

— Ну-ну, не говори глупости. Идем, дорогая.

Нола встала и послушно пошла за матерью в ванную. Все было готово: на полу стоял большой таз, полный воды. Нола посмотрела на мать: та была красавица, с чудными светлыми вьющимися волосами. Все говорили, что они очень похожи.

— Я тебя люблю, мама, — сказала Нола.

— Я тоже тебя люблю, моя милая.

— Мне жаль, что я гадкая девочка.

— Ты не гадкая девочка.

Нола встала на колени перед тазом; мать схватила ее за волосы и погрузила ее голову в воду. Сосчитала до двадцати, медленно и строго, потом вынула голову Нола из ледяной воды, и девочка испустила панический крик. «Ну-ну, доченька, это епитимья, — сказала Луиза. — Еще, еще». И немедленно снова сунула ее головой в ледяную воду.

Преподобный, запершись в гараже, слушал музыку.

Рассказ поверг его в ужас.

— Мать тебя топит? — потрясенно повторил Гарри.

Был полдень. Нола только что пришла в Гусиную бухту. Она проплакала все утро, и как ни старалась, подходя к дому, высушить свои покрасневшие глаза, Гарри сразу заметил, что дело неладно.

— Она меня сует головой в таз, — пояснила Нола. — А вода ледяная! Сует меня туда головой и держит. Мне каждый раз кажется, что я умираю... Я больше не могу, Гарри. Помогите...

Она прижалась к нему. Гарри предложил спуститься на пляж; на пляже ей всегда становилось веселее. Он захватил с собой жестяную коробку «На память о Рокленде, Мэн», и они пошли вдоль скал, кидая хлеб чайкам, а потом уселись на песок любоваться горизонтом.

— Я хочу уехать, Гарри! — воскликнула Нола. — Хочу, чтобы вы увезли меня отсюда подальше!

— Уехать?

— Вы и я, далеко-далеко. Вы говорили, что однажды мы уедем. Я хочу найти убежище от мира. Разве вам не хочется быть со мной вдали от всего мира? Давайте уедем, умоляю. Уедем прямо в конце этого страшного месяца. Скажем, числа тридцатого, у нас тогда как раз останется две недели на сборы.

— Тридцатого? Ты хочешь, чтобы мы с тобой тридцатого августа

уехали из города? Но это же безумие!

— Безумие? Безумие, Гарри, это жить в этом жалком городишке! Безумие — это любить друг друга так, как любим мы, и не иметь на это права! Безумие — это когда нам приходится прятаться, словно мы какие-то странные звери! Я больше не могу, Гарри! Я уеду. В ночь на тридцатое августа меня больше не будет в этом городе. Не могу больше здесь оставаться. Уедемте со мной, умоляю. Не оставляйте меня одну.

— А если нас арестуют?

— Кто нас арестует? Через пару часов мы уже будем в Канаде. И за что нас арестовывать? Уехать не преступление. Уехать значит быть свободным человеком, а кто может помешать нам быть свободными? Свобода — это основа Америки! Так написано в нашей конституции. Решено, Гарри, я уезжаю, уезжаю через две недели. В ночь на тридцатое августа я уеду из этого ужасного города. Вы со мной?

Он ответил, не раздумывая:

— Да! Конечно! Я не могу представить себе жизни без тебя. Тридцатого августа мы уедем вместе.

— О, милый Гарри, я так счастлива! А как же ваша книга?

— Моя книга почти закончена.

— Почти закончена? Потрясающе! Вы так быстро ее написали!

— Книга теперь не имеет значения. Если я убегу с тобой, то писателем, наверно, быть уже не смогу. Ну и ладно, не важно! Важна только ты! Важны только мы! Важно только быть счастливыми!

— Ну конечно, вы все равно будете писателем! Мы пошлем рукопись в Нью-Йорк по почте! Мне так нравится ваш новый роман! Это, наверно, самый прекрасный роман, какой мне доводилось читать. Вы станете очень большим писателем! Я в вас верю! Так тридцатого? Через две недели? Через две недели мы сбежим, вы и я! За два часа доберемся до Канады. Мы будем так счастливы, вот увидите! Любовь, Гарри, любовь — единственная вещь, способная сделать жизнь по-настоящему прекрасной. Все остальное лишнее.

18 августа 1975 года

Сидя за рулем патрульной машины, он смотрел на нее через витрину «Кларкса». Со дня бала они почти не разговаривали; она держала его на расстоянии, и ему было грустно. С недавнего времени у нее был особенно несчастный вид. Он спрашивал себя, не связано ли это как-то с ее холодностью, и вдруг вспомнил, как застал ее в слезах на крыльце и как она сказала, что ее обидел один человек. Обидел. Что она имела в виду? Может,

у нее неприятности? Или еще хуже — ее избили? Кто? Что происходит? Он решил собраться с духом и поговорить с ней. Как обычно, он дождался, пока ресторан почти опустеет, и только тогда осмелился войти. Дженни убирала один из столиков.

— Привет, Дженни, — произнес он с бьющимся сердцем.

— Привет, Тревис.

— Как дела?

— Нормально.

— Мы не так уж часто виделись после бала, — сказал он.

— У меня тут много работы.

— Я хотел тебе сказать, я был очень рад быть твоим кавалером.

— Спасибо.

Лицо у нее было озабоченное.

— Дженни, ты в последнее время как будто отдалилась от меня.

— Нет, Тревис... Я... Это не имеет к тебе никакого отношения.

Она думала о Гарри; она думала о нем день и ночь. Почему он ее отвергает? Зашел сюда несколько дней назад с Элайджей Стерном и хоть бы словом с ней перемолвился. Она прекрасно видела, что они даже посмеивались над ней.

— Дженни, если у тебя неприятности, ты можешь мне все сказать, ты же знаешь.

— Знаю. Ты такой хороший, Тревис. А теперь мне надо закончить уборку.

Она направилась на кухню со стопкой тарелок в руках.

— Подожди, — сказал Тревис.

Он поймал ее за запястье, пытаясь задержать. Прикосновение было легким, но Дженни вскрикнула от боли, выронила тарелки, и осколки разлетелись по полу. Тревис задел огромный синяк, который остался у нее на правой руке после разговора с Лютером и который она старалась спрятать под длинным рукавом, несмотря на жару.

— Прости, пожалуйста, я такой неловкий, — извинился Тревис, бросившись собирать осколки.

— Ты не виноват.

Он прошел за ней на кухню и вооружился щеткой, чтобы подмести в зале. Когда он вернулся, она мыла руки, засучив рукава, и он заметил синие разводы у нее на запястье.

— Что это такое? — спросил он.

— Ничего, стукнулась на днях об дверь.

— Стукнулась? Не рассказывай мне сказки! — взорвался Тревис. —

Тебя избили, точно! Кто это сделал?

— Не важно.

— Нет, важно, очень важно! Я хочу знать, кто тебя так обидел, я требую! Скажи, я не уйду, пока не узнаю.

— Это... Это Лютер Кaleb сделал. Шофер Стерна. Он... Это было на днях, утром, он рассердился. Схватил меня за руку, больно. Но знаешь, он не нарочно. Просто силу не рассчитал.

— Дженни, это серьезно! Очень серьезно! Если он здесь покажется, немедленно сообщи мне!

20 августа 1975 года

Она шла по дороге к Гусиной бухте и пела. Ее переполняло радостное чувство: через десять дней они вместе уедут отсюда. Через десять дней она наконец начнет жить по-настоящему. Она считала ночи, оставшиеся до великого дня: уже так скоро! Завидев дом в конце гравийной дорожки, она ускорила шаг, спеша вновь увидеть Гарри. Она не заметила человека, притаившегося в зарослях и следившего за ней. Она вошла в дом через парадную дверь, без звонка, как обычно в последнее время.

— Милый Гарри! — крикнула она, давая знать, что пришла.

Никакого ответа. Дом, казалось, был пуст. Она крикнула еще раз. Тишина. Она заглянула в столовую и гостиную, но его там не было. В кабинете тоже. И на террасе. Тогда она спустилась по лестнице на пляж и громко позвала его. Может, он пошел купаться? Он так делал, когда уставал от работы. Но на пляже тоже никого не было. Она запаниковала: куда он мог деться? Вернулась в дом, снова позвала. Никого. Обошла весь первый этаж, поднялась на второй. Открыла дверь спальни и обнаружила, что он сидит на кровати и читает пачку каких-то листков.

— Гарри? Вы здесь? А я уже десять минут вас везде ищу...

Он вздрогнул:

— Прости, Нола, зачитался и не слышал...

Он встал, сложил в стопку страницы, которые держал в руках, и убрал в ящик комода.

Она улыбнулась:

— Что это вы читали такое увлекательное, что даже не слышали, как я воплю на весь дом?

— Ничего особенного.

— Это продолжение романа? Покажите мне!

— Ничего особенного, покажу при случае.

Она лукаво посмотрела на него:

— Вы уверены, что все в порядке, Гарри?

Он засмеялся:

— Все отлично, Нола.

Они спустились на пляж. Ей хотелось посмотреть на чаек. Она раскинула руки, словно крылья, и стала бегать широкими кругами.

— Мне хочется летать, Гарри! Всего десять дней! Через десять дней мы улетим! Уедем навсегда из этого проклятого города!

Они думали, что они на пляже одни. Ни Гарри, ни Нола не подозревали, что из леса над скалами за ними следит Лютер Калев. Он подождал, пока они вернутся в дом, и только тогда вышел из своего убежища и бегом помчался к «мустангу», стоявшему на параллельной просеке. Приехав в Аврору, он припарковался перед «Кларксом» и бросился внутрь: ему непременно надо было поговорить с Дженни. Надо, чтобы кто-нибудь знал. У него было нехорошее предчувствие. Но Дженни вовсе не хотела его видеть.

— Лютер? Тебе не надо сюда приходить, — сказала она, когда он появился у стойки.

— Венни... Профти меня ва то утро. Я не долвен был так хватать тебя ва руку.

— У меня синяк остался...

— Профти, повалуйфта.

— А теперь ты должен уйти.

— Нет, подовди...

— Я заявила в полицию на тебя, Лютер.

Гигант помрачнел.

— Ты ваявила на меня в полифию?

— Да. Ты меня так напугал в то утро...

— Но мне надо тебе фкавать фто-то вавное.

— Нет ничего важного, Лютер. Уходи...

— Это по поводу Гарри Квеберта...

— Гарри?

— Да, фкави, фто ты думаефь о Гарри Квеберте...

— Почему ты о нем заговорил?

— Ты ему верифь?

— Верю? Да, конечно. Почему ты спрашиваешь?

— Мне надо тебе фто-то фкавать...

— Что-то мне сказать? И что же?

Лютер собирался ответить, но тут на площади перед «Кларксом» появилась полицейская машина.

— Это Тревис! — закричала Дженни. — Беги, Лютер, беги! Я не хочу, чтобы у тебя были неприятности.

Лютер бросился наутек. Дженни видела, как он прыгнул в машину и рванул с места. Через несколько секунд в ресторан влетел Тревис Доун.

— Уж не Лютера ли Калеба я сейчас видел? — спросил он.

— Его, — ответила Дженни. — Но он ничего от меня не хотел. Он милый парень, жаль, что я подала жалобу.

— Я же тебя просил меня известить! Никто не имеет права поднимать на тебя руку! Никто!

Тревис кинулся обратно к машине. Дженни выскочила на улицу и остановила его на тротуаре:

— Умоляю, Тревис, оставь его в покое! Пожалуйста. По-моему, он теперь осознал.

Тревис посмотрел на нее и вдруг все понял. Так вот почему она так отдалилась от него в последнее время.

— Нет, Дженни... Только не говори мне, что...

— Что *что*?

— Ты втюрилась в этого полоумного?

— А? Да что ты городишь!

— Черт! Каким же я был идиотом!

— Нет, Тревис, что ты такое несешь...

Но он уже не слушал. Сел в машину и погнал как сумасшедший с включенными маячками и ревушей сиреной.

На шоссе 1, перед Сайд-Крик-лейн, Лютер заметил в зеркало заднего вида, что за ним гонится полиция. Он затормозил на обочине. Ему стало страшно. Тревис в бешенстве выскочил из машины. В его голове мелькали тысячи мыслей. Как Дженни могла увлечься этим чудовищем? Как она могла предпочесть ему Лютера? Он делал для нее все, он остался в Авроре, чтобы быть с ней рядом, а она не с ним, а с этим типом! Он приказал Лютеру выйти из машины и смерил его взглядом с головы до ног:

— Ты, урод недоделанный, ты пристаешь к Дженни?

— Нет, Тревиш. Клянись, это не то, фто ты думаефь.

— Я видел синяки у нее на руке!

— Я не раффитал силу. Мне правда офень валь. Я не хофу неприятнофтей.

— Неприятностей не хочешь? Да от тебя все неприятности! Ты ее трахаешь, а?

— Фто?

— Вы с Дженни трахаетесь?

— Нет! Нет!

— Я... Я делаю все, чтобы она была счастлива, а трахаешь ее ты? Да черт возьми, куда катится мир!

— Треви́ф... Это фовфем не то, фто ты думаефь.

— Заткни глотку! — заорал Тревис, схватил Лютера за шиворот и швырнул на землю.

Он не совсем понимал, что ему делать. Он подумал о Дженни, отвергавшей его, почувствовал себя униженным и жалким. Но в нем поднимался гнев: хватит, сколько можно вытирать об него ноги, пора показать, что он мужчина! И тогда он отстегнул с пояса дубинку, яростно замахнулся и принялся зверски избивать Лютера.

15. Перед бурей

— И как вам понравилось?

— Неплохо. Но по-моему, вы придаете слишком большое значение словам.

— Словам? Но ведь слова имеют значение, когда пишешь, разве нет?

— И да, и нет. Смысл слова важнее, чем само слово.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, слово — это просто слово, и все слова принадлежат всем. Достаточно открыть словарь и выбрать какое-нибудь одно. И вот тут начинается самое интересное: способны ли вы придать этому слову совершенно особый смысл?

— Это как?

— Выберите слово и повторяйте его в своей книге по любому поводу. Возьмем наугад какое-нибудь слово, например, «чайка». Люди станут о вас говорить: «Знаешь, Гольдман — это тот тип, что пишет про чаек». А потом настанет момент, когда эти самые люди, увидев чаек, вдруг подумают о вас. Они посмотрят на этих крикливых птичек и скажут себе: «Интересно, что такого Гольдман в них нашел». И вскоре чайки у них станут связываться с Гольдманом. Каждый раз, увидев чаек, они будут думать о вашей книге и вообще о вашем творчестве. Будут воспринимать этих птиц уже иначе. Только в этот момент вы поймете, что пишете что-то стоящее. Слова принадлежат всем до тех пор, пока вы не докажете, что способны присвоить их себе. Этим и определяется писатель. Вот увидите, Маркус, некоторые станут вас уверять, будто книга — это отношения со словами. Неправда: на самом деле это отношения с людьми.

Понедельник, 7 июля 2008 года,

Бостон, штат Массачусетс

Через четыре дня после ареста шефа Пратта я встретился с Роем Барнаски в Бостоне, в отдельном кабинете отеля «Плаза», для подписания издательского договора на сумму один миллион долларов за книгу о деле Гарри Квеберта. Присутствовал и Дуглас, явно обрадованный тем, что ситуация благополучно разрешилась.

— Возвращаемся на круги своя, — сказал Барнаски. — Великий Гольдман сел наконец за работу. Бурные продолжительные аплодисменты!

Вместо ответа я просто вынул из портфеля стопку страниц и протянул ему. Он широко улыбнулся:

— Так вот, значит, ваши пресловутые первые пятьдесят страниц...

— Да.

— Мне нужно время, чтобы взглянуть, вы позволите?

— Пожалуйста.

Мы с Дугласом вышли из комнаты, чтобы не мешать ему читать, спустились в бар отеля и спросили темного бочкового пива.

— Как дела, Марк? — спросил Дуглас.

— Ничего. Последние четыре дня были совершенно сумасшедшие...

Он подхватил, кивнув:

— Да вся эта история совершенно сумасшедшая! Ты даже не представляешь, какой успех будет иметь твоя книжка. Барнаски знает, потому и предлагает тебе такие бабки. Миллион долларов — ничто по сравнению с тем, что он слупит сам. Ты бы видел, в Нью-Йорке только и разговоров, что об этом деле. Киностудии уже заговорили про фильм, все издательства жаждут выпустить книжки про Квеберта. Но все знают, что настоящую книгу можешь сделать только ты. Ты единственный, кто знает Гарри, единственный, кто знает Аврору изнутри. Барнаски хочет всех опередить и присвоить эту историю: он говорит, если мы сумеем первыми выпустить книгу, Нола Келлерган станет фирменным знаком издательства «Шмид и Хансон».

— А ты что обо всем этом думаешь? — спросил я.

— Что это редкая писательская удача. И хороший повод дать отпор тем, кто поливает грязью Гарри. Ты ведь с самого начала собирался его защищать, верно?

Я кивнул. И взглянул вверх, туда, где Барнаски знакомился с фрагментом моего повествования, весьма обогатившегося благодаря событиям последних дней.

3 июля 2008 года,

за четыре дня до подписания договора

С момента ареста шефа Пратта прошло несколько часов. Я возвращался в Гусиную бухту из тюрьмы штата, где Гарри, потеряв самообладание, едва не запустил мне стулом в физиономию, когда я рассказал ему о том, что у Элайджи Стерна висит портрет Нолы. Припарковавшись перед домом, я вышел из машины и сразу же заметил

клочок бумаги, торчащий из дверного проема. Еще одно письмо. И на сей раз тон его был иным.

Последнее предупреждение, Гольдман.

Я не придавал ему значения: первое предупреждение или последнее, что это меняет? Швырнул письмо в корзинку для мусора на кухне и включил телевизор. По всем каналам говорили об аресте Пратта; кто-то даже ставил под сомнение результаты расследования, которое он в свое время самолично возглавлял, и все задавались вопросом, не вел ли бывший шеф полиции розыски намеренно небрежно.

Вечерело. Ночь обещала быть теплой и прекрасной; таким летним вечером подобает наслаждаться вместе с друзьями, кидая на гриль огромные стейки и попивая пиво. Друзей у меня не было, но я решил, что стейки и пиво имеются. Открыл холодильник, но он оказался пуст: я забыл купить еды. Забыл о себе. И тут я осознал, что у меня холодильник Гарри — холодильник одинокого человека. Я заказал по телефону пиццу и съел ее на террасе. У меня есть, по крайней мере, терраса и океан; для отличного вечера не хватало только барбекю, друзей и подружки. В эту минуту раздался телефонный звонок. Звонил один из немногих моих друзей, который, однако, уже довольно долго не давал о себе знать: Дуглас.

— Марк, что новенького?

— Что новенького? От тебя уже две недели ни слуху ни духу! Ты куда провалился? Ты мой агент или хрен собачий?

— Знаю, Марк. Прости. Просто положение было сложное. Я имею в виду, у тебя и у меня. Но если ты по-прежнему хочешь видеть меня своим агентом, почту за честь продолжить сотрудничество.

— Естественно. Только при одном условии: ты по-прежнему будешь приходить ко мне смотреть чемпионат по бейсболу.

Он засмеялся:

— Заметано. С тебя пиво, с меня — сырные начос.

— Барнаски мне предложил нехилый договор, — сказал я.

— Знаю. Он мне говорил. Ты согласен?

— Кажется, да.

— Барнаски в страшном возбуждении. Хочет тебя видеть как можно скорее.

— Зачем ему меня видеть?

— Договор подписать.

— Уже?

— Да. По-моему, он хочет убедиться, что ты действительно начал работать. Сроки сжатые, писать придется быстро. Он просто с ума сходит: надо успеть до предвыборной кампании. Ты готов?

— Как пойдет. Я пишу. Но не понимаю, что делать: рассказать все, что знаю? Рассказать, что Гарри собирался сбежать с малолеткой? Вся эта история, Дуг, абсолютный бред. Ты даже не представляешь.

— Рассказывай правду, Марк. Просто расскажи правду про Нолу Келлерган.

— А если эта правда навредит Гарри?

— Говорить правду — твой писательский долг. Даже если это неприятная правда. Это я как друг советую.

— А как агент что посоветуешь?

— Главное, прикрывай свою задницу: постарайся в итоге не повесить на себя столько судебных исков, сколько есть жителей в Нью-Гэмпшире. Вот ты, к примеру, пишешь, что родители били девочку?

— Да. Мать била.

— Напиши просто, что Нола была «несчастливая девочка и с ней плохо обращались». Все поймут, что это родители обращались с ней плохо, но открыто это сказано не будет... Тогда никто не подаст на тебя в суд.

— Но мать в этой истории играет очень важную роль.

— Как агент советую, Марк: чтобы обвинять людей, тебе нужны железобетонные доказательства, иначе тебя затаскают по судам. По-моему, ты уже достаточно геморроя нажил за последние месяцы. Найди надежного свидетеля, пусть он подтвердит, что мать была последняя дрянь и избивала девочку по чем зря, а не найдешь, пиши «несчастливая девочка». Кому надо, чтобы какой-нибудь судья приостановил продажу книги из-за проблем с диффамацией. Зато про Пратта теперь все известно, можешь подбавить грязи. Это хорошо продается.

Барнаски предлагал встретиться в понедельник, 7 июля, в Бостоне. Город этот имел то преимущество, что находился в часе лета от Нью-Йорка и в двух часах на машине от Авроры; я согласился. У меня оставалось четыре дня, чтобы писать не покладая рук и представить ему несколько глав.

— Если что-то понадобится, звони, — сказал мне Дуглас на прощание.

— Позвоню, спасибо. Дуг, погоди...

— Да?

— Помнишь, как ты делал «мохито»?

Я услышал, как он улыбнулся.

— Отлично помню.

— Хорошее было время, правда?
— Время всегда хорошее, Марк. У нас у всех потрясающая жизнь, хоть и бывают в ней иногда минуты потяжелее.

1 декабря 2006 года, Нью-Йорк

— Дуг, можешь сделать еще «мохито»?

Дуглас, повязанный фартуком с голой женщиной, колдовал за стойкой у меня на кухне; при моих словах он испустил волчий рык, подхватил бутылку рома и опрокинул ее в шейкер с колотым льдом.

Дело было спустя три месяца после выхода моей первой книги; я пребывал в зените славы. За три недели, что прошли с моего переезда на новую квартиру в Гринвич-Виллидж, я уже пятый раз устраивал у себя вечеринку. В гостиной толпились десятки людей, я знал из них от силы четверть, и мне это страшно нравилось. Дуглас отвечал за орошение гостей «мохито», а я — «белым русским», который всегда считал единственным более или менее сносным коктейлем.

— Какой вечер! — сказал Дуглас. — Это там ваш привратник пляшет в гостиной?

— Ага. Я его пригласил.

— Ешкин кот, и Лидия Глур здесь! Нет, ты представляешь? Лидия Глур в твоей квартире!

— Кто такая Лидия Глур?

— О господи, Марк, знать надо такие вещи! Она сейчас первая актриса. Играет в этом, в сериале, который все смотрят... Ну то есть все, кроме тебя. Как ты умудрился ее к себе затащить?

— Понятия не имею. Люди звонят в дверь, я им открываю. *Mi casa es tu casa!*^[3]

Я вернулся в гостиную, груженный птифурами и шейкерами. Потом увидел, как падает снег за окном, и мне вдруг захотелось подышать воздухом. В одной рубашке я вышел на балкон. Морозило. Я окинул взглядом необъятный Нью-Йорк, простиравшийся передо мной, тысячи огоньков, сиявших, насколько хватало глаз, и крикнул что было сил: «Я Маркус Гольдман!» В эту минуту за моей спиной раздался голос:

— Маркус Гольдман, у тебя телефон звонит, — сказала красивая блондинка моих лет; видел я ее первый раз в жизни, но ее лицо показалось мне смутно знакомым.

— Я тебя где-то видел, нет? — спросил я.

— По телевизору, наверно.

— Ты Лидия Глур...

— Да.

— Черт, здорово!

Я попросил ее никуда не уходить и подождать меня на балконе и бросился к телефону.

— Алло?

— Маркус? Это Гарри.

— Гарри! Как я рад вас слышать! Как вы?

— Неплохо. Просто захотелось пожелать вам доброго вечера. У вас, кажется, шумно... Гостей принимаете? Я, наверно, не вовремя...

— Так, небольшой праздник. В моей новой квартире.

— Вы уехали из Монтклера?

— Да, купил квартиру в Гринвич-Виллидж. Я теперь живу в Нью-Йорке! Вы непременно должны приехать посмотреть, тут такой вид, что дух захватывает.

— Не сомневаюсь. Во всяком случае, вы, похоже, не скучаете, я за вас рад. У вас, наверно, много друзей...

— Куча! И это еще не все: сейчас одна актриса немыслимой красоты ждет меня на балконе, представляете? Ха, даже не верится! Жизнь такая прекрасная штука, Гарри, такая прекрасная! А вы? Что вы делаете сегодня вечером?

— Я... У меня небольшая вечеринка. Друзья, стейки и пиво — что еще человеку надо? Мы веселимся, не хватает только вас. Но я слышу, звонят в дверь, Маркус. Еще гости подошли. Придется вас покинуть и идти открывать. Не знаю, как мы поместимся в доме, а ведь он бог знает какой громадный!

— Удачного вам вечера, Гарри, хорошо повеселиться! Я обязательно перезвоню.

Я вернулся на балкон; с того вечера я начал встречаться с Лидией Глур, которую моя мать будет называть «телеактриса». А в Гусиной бухте Гарри открыл дверь разносчику пиццы. Забрал свой заказ и уселся ужинать перед телевизором.

Я перезвонил Гарри после этого вечера, как и обещал. Но между двумя звонками прошел год. Дело было в феврале 2008-го.

— Алло?

— Гарри, это Маркус.

— О, Маркус! Неужто это вы? Невероятно. С тех пор как вы стали звездой, вы не подаете признаков жизни. Я пытался вам звонить с месяца назад, но попал на вашу секретаршу, которая заявила, что вас ни для кого нет.

Я ответил без обиняков:

— Гарри, дело плохо. По-моему, я больше не писатель.

Он сразу посерьезнел:

— Что за вздор вы несете, Маркус?

— Я не знаю, что писать, мне конец. Чистый лист. И так месяцами. Может, даже год.

Он расхохотался — тепло, успокаивающе.

— Ступор в мозгах, Маркус, вот это что такое! Все эти чистые листы — такая же глупость, как сексуальные неудачи, когда нужен результат: это паника гения, та самая, из-за которой ваш маленький дружок повисает тряпочкой, когда вы собрались покувыркаться с поклонницей и думаете только о том, как бы довести ее до оргазма, измеримого по шкале Рихтера. Забудьте о гениальности, просто складывайте вместе слова. Гениальность придет сама собой.

— Вы думаете?

— Уверен. Только надо слегка отвлечься от светских раутов и тарталеток. Писать — дело серьезное. Мне казалось, я вам это внушил.

— Но я работаю как проклятый! Только этим и занимаюсь! И все равно ничего не получается.

— Значит, обстановка неподходящая. Нью-Йорк — это очень мило, но там чересчур шумно. Почему бы вам не приехать сюда, ко мне, как во времена, когда вы у меня учились?

4–6 июля 2008 года

За дни, предшествующие нашей бостонской встрече с Барнаски, расследование ощутимо продвинулось вперед.

Во-первых, шефа Пратта обвинили в действиях сексуального характера в отношении несовершеннолетней, не достигшей шестнадцати лет, и на следующий день после ареста выпустили на свободу под поручительство. Он на время поселился в мотеле в Монберри, а Эми Пратт уехала из города к сестре в другой штат. На допросе в полиции штата Пратт подтвердил, что не только Тамара Куинн показывала ему найденную у Гарри записку относительно Нолы, но и Нэнси Хаттауэй делилась с ним тем, что ей было известно об Элайдже Стерне. Но Пратт сознательно пренебрег обоими свидетельствами, поскольку боялся, что Нола проговорила кому-то из них об эпизоде в машине, и не хотел, допрашивая их, поставить себя под удар. Однако он поклялся, что не имеет никакого отношения к гибели Нолы и Деборы Купер и безупречно руководил поисками.

На основании этих заявлений Гэхаловуд сумел убедить прокуратуру

выдать ордер на обыск в доме Элайджи Стерна. Обыск состоялся утром в пятницу, 4 июля, в День независимости. Портрет Нолы был обнаружен в мастерской и конфискован. Элайджу Стерна доставили в полицию штата и допросили, но обвинение ему предъявлено не было. Однако этот новый поворот событий возбудил еще большее любопытство в обществе: мало того, что по делу о смерти малышки Келлерган арестованы знаменитый писатель Гарри Квеберт и бывший шеф полиции Гэрет Пратт, в нем оказался замешан еще и самый богатый человек Нью-Гэмпшира.

Гэхаловуд во всех подробностях рассказал мне о допросе Стерна. «Поразительный тип. Абсолютное спокойствие. Даже велел своей армии адвокатов подождать за дверью. Такой внушительный, взгляд стальной, мне даже стало не по себе в его присутствии, а уж я на таких делах собаку съел. Я показал ему картину, и он подтвердил, что это действительно Нола».

— Почему у вас дома висит эта картина? — спросил Гэхаловуд.

Стерн ответил таким тоном, словно это само собой разумеется:

— Потому что она моя. Разве в этом штате есть закон, запрещающий вешать на стену картины?

— Нет. Но это портрет девочки, которую убили.

— А если бы у меня был портрет Джона Леннона, которого тоже убили, это бы имело какое-то значение?

— Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду, мистер Стерн. Откуда взялась эта картина?

— Ее написал один из моих тогдашних служащих. Лютер Калев.

— Почему он написал этот портрет?

— Потому что любил рисовать.

— Когда была написана картина?

— Летом семьдесят пятого. В июле или августе, если мне не изменяет память.

— То есть непосредственно перед исчезновением девочки.

— Да.

— Как она была написана?

— Кистью, я так полагаю.

— Прекратите валять дурака. Откуда он знал Нолу?

— В Авроре все знали Нолу. Она пробудила в нем вдохновение, и он написал ее портрет.

— А вас не смущало, что у вас дома висит портрет пропавшей девочки?

— Нет. Это прекрасная картина. Это называется «искусство». А истинное искусство тревожит. Искусство, которое нравится всем, — это

результат вырождения нашего мира, испорченного политкорректностью.

— Вы сознаете, что, владея картиной с обнаженной девочкой пятнадцати лет, можете заработать неприятности, мистер Стерн?

— Обнаженной? У нее не видны ни груди, ни половые органы.

— Но ведь она явно обнажена.

— Вы готовы отстаивать свою точку зрения в суде, сержант? Ведь вы проиграете, и знаете это не хуже меня.

— Я только хочу выяснить, почему Лютер Калев рисовал Нолу Келлерган.

— Я уже сказал: он любил рисовать.

— Вы знали Нолу Келлерган?

— Немного. Как все в Авроре.

— Только немного?

— Только немного.

— Вы лжете, мистер Стерн. У меня есть свидетели, утверждающие, что вы состояли с ней в связи. Что ее привозили к вам домой.

Стерн расхохотался:

— И вы можете доказать свои слова? Сомневаюсь, потому что это ложь. Я ни разу не притронулся к девочке. Слушайте, сержант, мне вас жаль: ваше расследование явно топчется на месте, и вам стоит большого труда формулировать вопросы. Так и быть, я вам помогу. Нола Келлерган сама пришла ко мне. В один прекрасный день она пришла ко мне домой и сказала, что ей нужны деньги. И согласилась позировать для картины.

— Вы платили ей за то, что она позировала?

— Да. Лютер был очень одаренный художник. Безумно талантливый! Он уже писал для меня превосходные картины — виды Нью-Гэмпшира, сцены из повседневной жизни нашей прекрасной Америки, и я страшно загорелся. На мой взгляд, Лютер мог стать одним из величайших художников столетия, и я подумал, что, рисуя эту потрясающую девушку, он сможет создать нечто грандиозное. И вот вам доказательство: если я сейчас, на волне скандала вокруг этого дела, задумаю продать картину, то, вне всякого сомнения, выручу за нее один-два миллиона долларов. Много вы знаете художников, которые продаются за два миллиона долларов?

После этих объяснений Стерн, решительно заявив, что потерял уже достаточно времени и допрос окончен, удалился в сопровождении толпы адвокатов, а у онемевшего Гэхаловуда к расследованию добавилась еще одна загадка.

— Вы что-нибудь понимаете, писатель? — спросил меня Гэхаловуд,

закончив рассказ о допросе Стерна. — В один прекрасный день девочка является к Стерну и предлагает за бабки позировать для картины. Вы можете в такое поверить?

— Безумие какое-то. Зачем ей нужны были деньги? На побег?

— Возможно. Но она даже сбережения свои с собой не взяла. В ее комнате осталась коробка из-под печенья со ста двадцатью долларами.

— А что вы сделали с картиной? — спросил я.

— Пока оставили у себя. Улика.

— Какая улика, если обвинение Стерну не предъявлено?

— Против Лютера Калеба.

— Так вы его всерьез подозреваете?

— Понятия не имею, писатель. Стерн занимался живописью, Пратт занимался фелляциями, но какие у них мотивы убивать Нолу?

— Боялись, что она проговорится? — предположил я. — Может, она пригрозила все рассказать и один из них в приступе паники ударил ее так, что она умерла, а потом закопал в лесу?

— Но откуда тогда надпись на рукописи? «Прощай, милая Нола» значит, что этот человек любил девочку. А единственным человеком, который ее любил, был Квеберт. Мы все время возвращаемся к Квеберту. А если Квеберт узнал про Пратта и Стерна, слетел с катушек и убил Нолу? Вся эта история вполне может быть убийством из ревности. Кстати, это была ваша гипотеза.

— Чтобы Гарри совершил убийство из ревности? Нет, это полная бессмыслица. Когда наконец будут результаты этой долбаной графологической экспертизы?

— Скоро. На днях, насколько я знаю. Маркус, я должен вам сказать: прокуратура собирается предложить Гарри сделку со следствием. С него снимают похищение, а он признается в убийстве на почве ревности. Двадцать лет тюрьмы. Будет примерно себя вести — просидит пятнадцать. Без смертной казни.

— Сделку? Почему сделку? Гарри ни в чем не виноват.

Я чувствовал, что мы что-то упускаем из виду, какую-то деталь, которая объясняет все. Но, перебирая в памяти последние дни жизни Нолы, не мог найти за весь август 1975 года ни одного значительного события, вплоть до пресловутого вечера 30-го числа. По правде говоря, когда я беседовал с Дженни Доун, Тамарой Куинн и еще несколькими жителями Авроры, мне показалось, что эти три недели были для Нолы счастливыми. Гарри рассказывал, как ее топили, Пратт — как принуждал ее к минету, Нэнси говорила об отвратительных встречах с Лютером Калемом, но

Дженни и Тамара утверждали совсем иное: по их словам, никак нельзя было предположить, что Нолу били или что она была несчастна. Тамара Куинн даже вспомнила, что попросила Нолу вернуться на работу в «Кларкс» с началом учебного года и та согласилась. Я так удивился, что дважды ее переспросил. Зачем Нола предпринимала шаги, чтобы снова занять место официантки, если собиралась сбежать? А Роберт Куинн сказал, что встречал ее иногда с пишущей машинкой, но шагала она легко и весело распевала. Судя по всему, Аврора в августе 1975 года была прямо-таки раем на земле. И я задумался, а действительно ли Нола собиралась покинуть город. Во мне зародилось страшное сомнение: почему я так уверен, что Гарри говорит правду? Откуда я знаю, что Нола в самом деле просила его уехать с ней? А если это уловка, чтобы снять с себя обвинение в убийстве? А если Гэхаловуд с самого начала был прав?

С Гарри я снова встретился под вечер 5 июля в тюрьме. Выглядел он ужасно. Весь серый, с прошлого раза на лбу появились новые морщины.

— Прокурор хочет предложить вам сделку, — сказал я.

— Знаю. Рот мне уже говорил. Убийство из ревности. Через пятнадцать лет я смогу выйти на свободу.

Судя по его интонации, он был готов рассмотреть это предложение.

— Только не говорите, что согласитесь, — рассердился я.

— Не знаю, Маркус. Так я смогу избежать смертной казни.

— Избежать смертной казни? Это что значит? Что вы виновны?

— Нет! Но все улики против меня! И у меня нет ни малейшего желания играть в покер с присяжными, которые меня уже один раз обвинили. Пятнадцать лет тюрьмы все-таки лучше, чем пожизненное или камера смертника.

— Гарри, я последний раз вас спрашиваю: это вы убили Нолу?

— Да боже мой, нет, конечно! Сколько раз вам говорить!

— Значит, мы это докажем!

Я вытащил свой плеер и поставил его на стол.

— Помилуйте, Маркус. Опять эта машина!

— Мне надо понять, что произошло.

— Я не хочу, чтобы вы записывали. Пожалуйста.

— Отлично. Тогда я буду записывать от руки.

Я вытащил тетрадь и ручку.

— Мне бы хотелось еще поговорить о вашем побеге тридцатого августа семьдесят пятого. Насколько я понимаю, к тому моменту, как вы с Нолой решили уехать, ваша книга была почти готова...

— Я ее закончил за несколько дней до отъезда. Я писал быстро, очень

быстро. Как в трансе. Все было так необычно: Нола все время рядом, перечитывает, правит, печатает. Может, я вам покажусь сентиментальным, но это было волшебно. Книга была закончена двадцать седьмого августа. Я точно помню, потому что в тот день я последний раз видел Нолу. Мы договорились, что мне надо уехать из города за два-три дня до нее, чтобы не вызвать подозрений. Так что двадцать седьмое августа было последним днем, который мы провели вместе. Я написал роман за месяц. С ума сойти! Я так гордился собой. Помню, как на террасе, на столе, высились две рукописи: одна написанная от руки, оригинальная, а другая — плод титанических трудов Нолы — перепечатанная на машинке. Мы прошли по пляжу, тому, где три месяца назад встретились в первый раз. Шли долго. Нола взяла меня за руку и сказала: «Встреча с вами изменила мою жизнь, Гарри. Мы будем так счастливы вместе, вот увидите». Мы еще погуляли. Наш план был разработан во всех деталях: я должен был уехать из Авроры на следующее утро, но предварительно показаться в «Кларксе», дать всем знать, что у меня срочные дела в Бостоне и меня неделю-другую не будет в городе. Потом мне надо было два дня прожить в Бостоне и сохранить гостиничные счета, чтобы все сходилось, если мной вдруг заинтересуется полиция. Потом, тридцатого августа, я должен был поехать и снять номер в мотеле «Морской берег», на шоссе 1. Нола просила снять номер восемь, она любила восьмерку. Я спросил, как она доберется до мотеля, он все-таки в нескольких милях от Авроры, и она ответила, чтобы я не беспокоился, она ходит быстро и знает короткую дорогу по пляжу. Она придет ко мне в номер под вечер, в семь часов. Мы сразу же уедем, доберемся до Канады и поищем укромное место, снимем маленькую квартирку. Через несколько дней я должен был как ни в чем не бывало вернуться в Аврору. Нолу наверняка будет искать полиция, но я должен сохранять спокойствие, а если меня спросят, отвечать, что был в Бостоне, и показать гостиничные счета. Потом мне предстояло неделю пожить в Авроре, чтобы не возникало подозрений, а она спокойно будет ждать меня в нашей квартире. После чего я должен был вернуть дом в Гусиной бухте и навсегда покинуть Аврору, объяснив всем, что мой роман закончен и теперь мне надо заняться его публикацией. Я бы вернулся к Ноле, отослал рукопись по почте в нью-йоркские издательства, а потом катался бы из нашего канадского убежища в Нью-Йорк и обратно, пока книга не выйдет в свет.

— Но что собиралась делать Нола?

— Мы бы достали ей фальшивые документы, она окончила бы школу, потом университет. Мы бы дождались, пока ей исполнится восемнадцать, и она стала бы миссис Гарри Квеберт.

- Фальшивые документы? Но это полное безумие!
- Знаю. Это было полное безумие. Полнейшее безумие!
- А что было потом?

— В тот день, двадцать седьмого августа, на пляже, мы еще несколько раз повторили план, а потом вернулись домой. Сели на старую тахту в гостиной — она еще не была старой, это потом она стала старой, потому что я так и не смог с ней расстаться, — и тогда состоялся наш последний разговор. Вот ее последние слова, Маркус, вот они, я их никогда не забуду. Она сказала: «Мы будем очень-очень счастливы, Гарри. Я стану вашей женой. Вы будете величайшим писателем. И профессором в университете. Я всегда мечтала выйти замуж за университетского профессора. Рядом с вами я буду счастливейшей из женщин. И у нас будет большой солнечно-рыжий пес, лабрадор, мы назовем его Шторм. Дождитесь меня, прошу вас, дождитесь меня». И я ответил: «Если понадобится, Нола, я буду ждать тебя всю жизнь». Это были ее последние слова, Маркус. А потом я уснул, а когда проснулся, солнце уже садилось и Нола ушла. Океан утопал в розовом свете, над ним с криком летали стаи чаек. Эти чертовы чайки, которых она так любила. На столе на террасе лежала только одна рукопись, та, что у меня сохранилась, оригинал. А рядом с ней — записка, та самая, что вы нашли в шкатулке, я ее помню наизусть: «Не волнуйтесь, Гарри, не волнуйтесь из-за меня, я найду способ добраться туда к Вам. Ждите меня в номере 8, мне нравится эта цифра, она моя любимая. Ждите меня в этом номере в семь вечера. Потом мы уедем отсюда навсегда». Я не стал искать рукопись: я понял, что она унесла ее с собой, чтобы перечитать еще раз. А может, чтобы быть уверенной, что я приеду тридцатого в мотель. Она унесла эту чертову рукопись, Маркус, она так иногда делала. А я на следующий день уехал из города. Как мы и договаривались. Зашел в «Кларкс» выпить кофе, нарочно, чтобы все меня видели, и сказать, что меня какое-то время не будет. Как всегда по утрам, там была Дженни, и я ей сказал, что у меня дела в Бостоне, что моя книга почти закончена и у меня важные встречи. И я уехал. Я уехал, и мне ни на миг не пришло в голову, что я никогда больше не увижу Нолу.

Я отложил ручку. Гарри плакал.

7 июля 2008 года

В Бостоне, в отдельном кабинете отеля «Плаза», Барнаски полчаса просматривал те полсотни страниц, что я ему принес. Потом он позвал нас.

— Ну как? — спросил я, входя в комнату.

Его глаза сияли.

— Это просто гениально, Гольдман! Гениально! Я знал, что мне нужны именно вы!

— Имейте в виду, пока это только мои заметки. Там есть вещи не для печати.

— Ну конечно, Гольдман. Конечно. Вы в любом случае будете читать корректуру.

Он велел принести шампанского, разложил на столе экземпляры договора и коротко напомнил его содержание:

— Срок представления рукописи — конец августа. К этому времени будут готовы суперобложки. Корректурa и верстка — в течение двух недель, печать в сентябре. Выход книги предполагается в последнюю неделю сентября. Самое позднее. Отличный тайминг! Прямо перед президентскими выборами и примерно к началу процесса над Квебертом! Феноменальный маркетинговый ход, дорогой мой Гольдман! Гип-гип-ура!

— А если расследование к тому времени не будет завершено? — спросил я. — Как мне тогда закончить книгу?

Барнаски уже знал ответ, обоснованный его юридической службой:

— Если следствие завершится, тогда это документальная повесть. Если нет, конец останется открытым или вы сами его придумаете, и тогда это роман. С юридической точки зрения это безупречно, а читателям без разницы. И даже лучше, если следствие не закончится: всегда можно сделать второй том. Какая удача!

Он бросил на меня многозначительный взгляд; официант принес шампанское, и он пожелал открыть его сам. Я подписал договор, пробка хлопнула, все кругом оказалось залито шампанским, он налил два бокала и протянул один Дугласу, а другой мне.

— А вы не пьете? — спросил я.

Он с отвращением поморщился и вытер руки о диванную подушку.

— Терпеть его не могу. Шампанское — это просто для шоу. А шоу, Гольдман, — это девяносто процентов интереса людей к нашей продукции!

И он пошел звонить в *Warner Bros*, договариваться о правах на экранизацию.

В тот же вечер, когда я ехал обратно в Аврору, мне позвонил Рот. Он был вне себя от возбуждения.

— Гольдман, результаты пришли!

— Какие результаты?

— Почерк! Почерк не Гарри! Это не он написал ту фразу на рукописи!

Я вскрикнул от радости:

— И что конкретно это значит?

— Не знаю пока. Но если это не его почерк, следовательно, на момент убийства Нолы рукописи у него действительно не было. А рукопись — одна из главных улик, на ней держится обвинение. Судья уже назначил новую явку в суд на одиннадцать утра в этот четверг, десятого июля. Что так быстро вызвали — это наверняка хорошая новость для Гарри!

Я был очень взволнован: скоро Гарри будет на свободе! Значит, он невиновен, он с самого начала говорил правду. Я с нетерпением ждал четверга. Но накануне, в среду, 9 июля, произошла катастрофа. Около пяти вечера я сидел в кабинете Гарри в Гусиной бухте и перечитывал свои заметки. И тут мне на мобильный позвонил Барнаски. Голос у него дрожал.

— Маркус, у меня ужасные новости, — заявил он без предисловий.

— В чем дело?

— Произошла кража...

— Какая такая кража?

— Ваши записи... Те, что вы привезли мне в Бостон.

— Что? Как это возможно?

— Они лежали у меня в ящике стола. Вчера утром их там не оказалось... Я сначала подумал, что это Мариза наводила порядок и убрала их в сейф, она иногда так делает. Я ее спросил, но она говорит, что ничего не трогала. Я вчера весь день их искал, но так и не нашел.

У меня заколотилось сердце. Я предчувствовал бурю.

— Но почему вы решили, что их украли?

Повисла долгая пауза. Потом он ответил:

— Мне после обеда беспрерывно звонят, отовсюду — из *Globe, USA Today, New York Times*... Кто-то передал копии ваших записок всей американской прессе, и она готова их обнародовать. Маркус, вполне вероятно, что завтра вся страна узнает содержание вашей книжки.

Часть вторая
Выздоровление писателей
Книга пишется

14. Что случилось 30 августа 1975 года

— Видите ли, Маркус, наше общество так устроено, что все время приходится выбирать между разумом и страстью. Разум еще никогда никому не пригодился, а страсть нередко разрушительна. Так что мне будет трудно вам помочь.

— Зачем вы мне это говорите, Гарри?

— Просто так. Жизнь — это сплошное надувательство.

— Вы будете доедать картошку?

— Нет. Угощайтесь, если хотите.

— Спасибо, Гарри.

— Вам совсем неинтересно, что я говорю?

— Почему, даже очень. Я вас внимательно слушаю. Пункт четырнадцать: жизнь — сплошное надувательство.

— О боже, Маркус, вы вообще ничего не поняли. У меня иногда такое впечатление, что я говорю с дебилом.

16 часов

День был замечательный. В такие субботы Аврора, залитая уходящим летним солнцем, погружалась в мир и покой. В центре города люди спокойно гуляли по городу, разглядывали витрины, наслаждаясь последними погожими деньками. Улицы жилых кварталов вместо машин заполнили дети, гоняющие на велосипедах и роликах, а их родители, сидя в тени на крыльце, попивали лимонад и просматривали газеты.

За последний час Тревис Доун, объезжавший город на патрульной машине, уже третий раз оказывался в квартале Террас-авеню, перед домом Куиннов. Вечер был на редкость спокойный, ни единого вызова. От нечего делать он немного подежурил на шоссе, но мысли его витали далеко: он не мог думать ни о чем, кроме Дженни. Она сидела здесь, под маркизой, вместе с отцом. Оба весь вечер решали кроссворды, а Тамара Куинн в преддверии осени подрезала цветы. Подъезжая к ее дому, Тревис притормаживал, тащился еле-еле, в надежде, что она его заметит, повернет голову, и увидит его, и дружески помашет ему рукой, а он тогда на минутку остановится и поздоровается с ней из окна машины. Может, она даже угостит его холодным чаем и они немножко поболтают. Но она не повернула головы и не заметила его. Они с отцом смеялись, вид у нее был счастливый. Он проехал мимо и остановился через несколько десятков

метров, вне ее поля зрения. Посмотрел на букет на переднем сиденье и взял в руки бумажку, лежавшую рядом с цветами. На бумажке было записано, что он хотел ей сказать:

Здравствуй, Дженни. Какой чудесный день. Я подумал, если ты вечером свободна, может, нам прогуляться по пляжу? Или, может, сходим в кино? У них там в Монберри новые фильмы. (Вручить цветы.)

Предложить ей прогуляться или сходить в кино. Это нетрудно. Но он так и не осмелился выйти из машины. Поскорей нажал на газ и поехал патрулировать дальше, по тому же маршруту, чтобы через двадцать минут снова оказаться перед домом Куиннов. Цветы он убрал под сиденье, чтобы никто не заметил. Это был шиповник, он собирал его возле Монберри, на берегу небольшого озера, о котором ему рассказал Эрни Пинкас. На первый взгляд эти розы не так красивы, как садовые, но краски у них гораздо ярче. Ему часто хотелось отвезти туда Дженни. Он даже придумал целый план: завязать ей глаза, подвести к розовым кустам и только тогда снять повязку, чтобы тысячи красок вспыхнули перед ней как фейерверк. А потом они бы устроили пикник на берегу озера. Но ему никак не хватало смелости ей это предложить. Теперь он ехал по Террас-авеню, мимо дома Келлерганов, не обращая на него никакого внимания. Его мысли витали далеко.

Несмотря на прекрасную погоду, преподобный после обеда заперся в сарае и возился со старым «харлеем-дэвидсоном», который надеялся в один прекрасный день вернуть к жизни. Согласно отчету полиции Авроры, он выходил из мастерской только на кухню, чтобы попить, и каждый раз видел Нолу: она спокойно читала в гостиной.

17 часов 30 минут

Вечерело, и улицы в центре города постепенно пустели; в жилых кварталах дети расходились по домам, ужинать, и под козырьками на крыльце оставались лишь пустые кресла и разбросанные газеты.

Шеф полиции Гэрет Пратт, находившийся в отпуске, и его жена Эми вернулись домой: весь день их не было в городе, они ездили к друзьям. В те же минуты семейство Хаттауэй — Нэнси, двое ее братьев и родители — вошли в свой дом на Террас-авеню: после обеда они были на пляже Гранд-Бич. В полицейском отчете сказано, что миссис Хаттауэй, мать Нэнси, упомянула очень громкую музыку, доносившуюся от Келлерганов.

В нескольких милях оттуда Гарри подъехал к мотелю «Морской берег». Снял номер 8, записавшись под чужим именем, и расплатился наличными, чтобы не показывать удостоверение личности. По дороге он купил цветы. И заправил полный бак. Все было готово. Оставалось всего полтора часа. Даже чуть меньше. Как только придет Нола, они отпразднуют свою встречу и сразу уедут. В девять вечера они будут в Канаде. Им будет очень хорошо вместе. Она больше никогда не будет несчастна.

18 часов

Дебора Купер, шестидесяти одного года, жившая после смерти мужа одна в уединенном доме на опушке леса Сайд-Крик, подошла к кухонному столу и стала готовить яблочный пирог. Почистив и нарезав яблоки, она бросила несколько кусочков за окно, для енотов, и стала ждать, когда они появятся. И тут ей показалось, что кто-то бежит среди деревьев. Присмотревшись, она успела ясно разглядеть девушку в красном платье, за которой гнался мужчина; потом оба скрылись в лесу. Она бросилась в гостиную, к телефону, позвонить в полицию. В полицейском отчете указано, что звонок поступил в восемнадцать часов двадцать одну минуту. Длительность — двадцать семь секунд. Расшифровка записи гласит:

— *Единый диспетчерский центр полиции. Что случилось?*

— *Алло! Меня зовут Дебора Купер, я живу на Сайд-Криклейн. По-моему, я только что видела, как какой-то мужчина гонится в лесу за девушкой.*

— *Опишите точно, что произошло.*

— *Я не знаю! Я стояла у окна, смотрела в сторону леса и увидела там эту девушку, она бежала между деревьями... И ее преследовал мужчина... По-моему, она пыталась от него спастись.*

— *Где они сейчас?*

— *Я... Я их больше не вижу. Они в лесу.*

— *Немедленно высылаю к вам группу, мэм.*

— *Спасибо, приезжайте быстрее!*

Повесив трубку, Дебора Купер немедленно вернулась на кухню, к окну. Но ничего больше не увидела. Она подумала, что, возможно, у нее пошаливает зрение, но на всякий случай пусть лучше полиция осмотрит окрестности. И вышла на улицу встречать патрульных.

В отчете говорится, что диспетчерский центр передал информацию в полицейский участок Авроры, где в тот день на службе был только один сотрудник, Тревис Доун. Он прибыл на Сайд-Крик-лейн приблизительно через четыре минуты после звонка.

Попросив в двух словах описать ситуацию, полицейский Доун приступил к первичному осмотру леса. Углубившись в заросли на несколько десятков метров, он обнаружил лоскут красной материи. Сочтя, что дело, возможно, серьезное, он решил немедленно связаться с шефом Праттом, хотя тот находился в отпуске. Он позвонил Пратту домой из гостиной Деборы Купер. Было восемнадцать часов сорок пять минут.

19 часов

Шеф Пратт решил, что дело, видимо, серьезное; стоит выехать на место и лично оценить ситуацию. Тревис Доун никогда не стал бы беспокоить его дома, если бы не случилось что-то из ряда вон выходящее.

Прибыв на Сайд-Крик-лейн, он посоветовал Деборе Купер запереться дома и вместе с Тревисом Доуном отправился прочесывать лес. Они пошли по тропинке вдоль берега океана, в том направлении, куда, по-видимому, бежала девушка. Согласно отчету полиции, примерно через милю полицейские обнаружили в относительно редком лесу недалеко от океана следы крови и светлые волосы. Было девятнадцать часов тридцать минут.

Вероятнее всего, Дебора Купер осталась стоять у окна на кухне, чтобы проследить за полицейскими. Прошло уже какое-то время с тех пор, как они скрылись за деревьями. Вдруг она увидела, что из леса выбежала девушка в разорванном платье, с залитым кровью лицом: она звала на помощь и бросилась к дому. Перепуганная Дебора Купер открыла дверь кухни, впустила ее и кинулась в гостиную снова звонить в полицию.

В полицейском отчете указано, что второй звонок от Деборы Купер поступил в единый диспетчерский центр в девятнадцать часов тридцать три минуты и длился чуть более сорока секунд. Расшифровка записи разговора:

— *Единый диспетчерский центр полиции. Что случилось?*

— *Алло? (Испуганный голос.) Это Дебора Купер, я... я только что звонила по поводу... по поводу девушки, за которой гонятся в лесу, так вот она здесь! Она у меня на кухне!*

— *Успокойтесь, мэ. Что произошло?*

— *Я не знаю! Она прибежала из леса. В лесу сейчас двое полицейских, но, по-моему, они ее не видели! Я ее впустила к себе*

на кухню. Я... По-моему, это дочка пастора... Та девочка, что работает в «Кларксе»... По-моему, это она...

— Ваш адрес?

— Дебора Купер, Сайд-Крик-лейн, Аврора. Я вам уже звонила! Девочка здесь, понимаете? У нее все лицо в крови! Приезжайте быстрее!

— Не уходите из дома. Немедленно высылаю еще наряд.

Доун и Пратт изучали следы крови, когда со стороны дома раздался звук выстрела. Не теряя ни секунды, они бегом помчались обратно с револьверами наготове.

В ту же минуту диспетчер, не сумев связаться по радио с автомобилями Доуна и шефа Пратта и сочтя положение серьезным, решил срочно оповестить офис шерифа и полицию штата и выслать на Сайд-Крик-лейн все имеющиеся в наличии силы.

19 часов 45 минут

Тревис Доун и шеф Пратт, задыхаясь, вбежали в дом через заднюю дверь, со стороны кухни. Здесь они и нашли мертвую Дебору Купер: та лежала на плиточном полу в луже крови, со следами пулевого ранения в области сердца. Быстро осмотрев первый этаж и никого не обнаружив, шеф Пратт кинулся к машине, чтобы связаться с диспетчерским центром и попросить подкрепления. В расшифровке записи значится:

— Это шеф Пратт, полиция Авроры. Прошу срочно выслать дополнительные силы на Сайд-Крик-лейн, на пересечении с шоссе 1. У нас труп женщины с огнестрельным ранением и, судя по всему, потерявшаяся девочка.

— Шеф Пратт, семь минут назад нам уже поступил звонок с просьбой о помощи от миссис Деборы Купер, с Сайд-Крик-лейн, она сообщила, что девочка укрылась в ее доме. Эти два дела связаны?

— Что? Убитая и есть Дебора Купер. И в доме больше никого нет. Высылайте все свободные силы! Тут черт знает что за херня творится!

— Наряды уже в пути. Высылаю подкрепление.

Еще до окончания разговора Пратт услышал сирену: прибыло подкрепление. Он едва успел ознакомить Тревиса с ситуацией и попросить

его заново обыскать дом, как вдруг затрещало радио: на шоссе 1, в нескольких сотнях метров от них, одна из машин службы шерифа начала преследование подозрительного автомобиля, который засекли на опушке леса. Помощник шерифа Пол Саммонд, одним из первых прибывший на место происшествия, случайно заметил черный «шевроле-монте-карло» с нечитаемыми номерами, выехавший из подлеска и мчавшийся на полной скорости, несмотря на приказ остановиться. Автомобиль двигался на север.

Шеф Пратт прыгнул в машину и поспешил на подмогу Саммонду. Он выехал на параллельную просеку, чтобы оказаться на шоссе 1 раньше беглеца и перекрыть ему дорогу. Вылетев на шоссе в трех милях от Сайд-Крик-лейн, он чуть-чуть разминулся с черным «шевроле».

Машины неслись на бешеной скорости. «Шевроле» по-прежнему направлялся на север по шоссе 1. Шеф Пратт вызвал по радио все наличные силы, чтобы выставили кордоны, и попросил прислать вертолет. Вскоре «шевроле», совершив головокружительный вираж, свернул на проселочную дорогу, затем на другую. Он мчался как сумасшедший, полицейским машинам стоило большого труда держаться за ним. Пратт орал по радио, что они его упускают.

Погоня продолжалась по узким проселкам; водитель «шевроле», судя по всему, точно знал, куда направляется, и понемногу расстояние между ним и полицейскими увеличивалось. На одном из перекрестков «шевроле» едва не врезался во встречную машину, и та затормозила посреди шоссе. Пратт сумел объехать препятствие по обочине, но Саммонду, следовавшему за ним по пятам, не удалось избежать столкновения, к счастью несерьезного. Теперь Пратт в одиночку гнался за «шевроле» и, как мог, руководил остальными. На миг он потерял машину из виду, потом заметил ее на дороге в Монберри и наконец отстал окончательно. Встретив двигавшиеся навстречу патрули, он понял, что подозрительная машина от них ускользнула. Он немедленно потребовал перекрыть все дороги, обыскать весь район и прислать полицию штата. Тревис Доун, на Сайд-Крик-лейн, решительно утверждал, что ни в доме, ни в ближайших окрестностях не обнаружено никаких следов девушки в красном платье.

20 часов

Преподобный Дэвид Келлерган в страхе набрал номер экстренной помощи и сообщил, что пропала его дочь Нола, пятнадцати лет. Первым в дом № 245 по Террас-авеню явился помощник шерифа, а сразу вслед за ним — Тревис Доун. В двадцать часов пятнадцать минут приехал и шеф Пратт. Разговор Деборы Купер с диспетчерским центром полиции не

оставлял сомнений: на Сайд-Крик-лейн видели именно Нолу Келлерган.

В двадцать часов сорок пять минут шеф Пратт вновь объявил общую тревогу, подтвердив информацию об исчезновении Нолы Келлерган, пятнадцати лет, последнее местонахождение — Сайд-Крик-лейн, час назад. Он попросил распространить по всем каналам: объявлена в розыск девушка, белая, рост 5 футов 2 дюйма, вес сто фунтов, волосы длинные, светлые, глаза зеленые, одета в красное платье, на шее золотая цепочка с надписью «Нола».

Со всего округа прибывали дополнительные подразделения. Полиция приступила к тщательному обследованию леса и пляжа в надежде обнаружить Нолу Келлерган до наступления ночи; одновременно патрульные машины прочесывали район в поисках черного «шевроле», след которого на тот момент был утерян.

21 час

В двадцать один час на Сайд-Крик-лейн прибыли подразделения полиции штата под командованием капитана Нила Родика. Сотрудники экспертного отдела устремились в дом Деборы Купер и в лес, где были найдены следы крови. Мощные прожектора освещали местность; были обнаружены вырванные пряди светлых волос, осколки зубов и обрывки красной ткани.

Родик и Пратт, издали наблюдая за этой сценой, обсудили ситуацию.

— Похоже, тут была настоящая мясорубка, — произнес Пратт.

Родик, кивнув, спросил:

— Вы полагаете, она все еще в лесу?

— Либо ее увезли на этой машине, либо она в лесу. Пляж уже прочесали, никаких следов.

Родик на минуту задумался.

— Что же могло произойти? Ее похитили? Или она лежит где-то в лесу?

— Ничего не понимаю, — вздохнул Пратт. — Все, чего я хочу, это чтобы девочка нашлась живая, и побыстрее.

— Знаю, шеф. Но она потеряла много крови. Если она еще жива и лежит в лесу, то ей не позавидуешь. Как еще ей хватило сил добежать до этого дома! Сила отчаяния, наверно.

— Наверно.

— Про машину ничего нового? — спросил Родик.

— Ничего. Загадка какая-то. И ведь кордоны абсолютно везде, на всех возможных направлениях.

Когда полицейские обнаружили следы крови, ведущие от дома Деборы Купер к тому месту, где был замечен черный «шевроле», Родик помрачнел.

— Боюсь накаркать, — произнес он, — но либо она куда-то уползла и умерла, либо оказалась в багажнике этой машины.

В двадцать один час сорок пять минут, когда от солнца остался лишь зыбкий ореол над линией горизонта, Родик предложил Пратту на ночь приостановить поиски.

— Приостановить поиски? — возразил Пратт. — Даже не думайте. Представьте, что она где-то здесь, еще живая, ждет помощи. Нельзя же, в конце концов, бросить девочку в лесу! Парни будут здесь всю ночь, если надо, и если она здесь, они ее найдут.

Родик по опыту знал, что местная полиция зачастую наивна, и его работа отчасти состояла в том, чтобы возвращать ее руководство к реальности.

— Шеф Пратт, вы должны отложить поиски. Лес громадный, уже темно, ничего не видно. Искать ночью бесполезно. В лучшем случае вы исчерпаете все силы, а завтра все придется начинать сначала. В худшем — потеряете в этом гигантском лесу копов, и потом придется искать еще и их. У вас и так забот хватает.

— Но ее надо найти!

— Поверьте моему опыту: от того, что вы проведете ночь на улице, ничего не изменится. Если девочка жива, пусть и ранена, то завтра мы ее найдем.

Обитатели Авроры между тем пребывали в страшном волнении. У дома Келлерганов толпились сотни зевак, и заградительные ленты едва сдерживали их напор. Все желали знать, что случилось. Вернувшийся шеф Пратт вынужден был подтвердить ходившие в толпе слухи: Дебора Купер убита, Нола пропала. Послышались крики ужаса; матери подхватили детей, увели их по домам и забаррикадировались, отцы вытащили старые ружья и организовались в отряды народной дружины, чтобы следить за порядком в кварталах. Перед шефом Праттом встала еще более сложная задача: нельзя было допустить, чтобы в городе началась паника. По улицам безостановочно сновали патрули, успокаивая население, а сотрудники полиции штата обходили дома на Террас-авеню и опрашивали соседей.

23 часа

Шеф Пратт и капитан Родик сидели в зале заседаний полиции Авроры

и обсуждали положение. Первичное расследование показало, что в комнате Но́лы нет никаких следов взлома или борьбы. Только окно широко открыто.

— Девочка взяла свои вещи? — спросил Родик.

— Нет. Не взяла ни вещей, ни денег. Ее копилка на месте, там сто двадцать долларов.

— Похоже на похищение.

— И никто из соседей ничего не заметил.

— Ничего удивительного. Кто-то, наверно, убедил девочку пойти с ним.

— Через окно?

— Возможно. Или не через окно. Август на дворе, у всех окна открыты. Может, она пошла прогуляться и налетела на какого-то негодяя.

— Вроде бы один свидетель, некто Грегори Старк, заявил, что около пяти вечера выгуливал собаку и слышал крики у Келлерганов. Но это не точно.

— Как это — не точно? — удивился Родик.

— Он говорит, у Келлерганов играла музыка. Очень громко.

Родик чертыхнулся:

— Ничего нет, ни следа, ни единой зацепки. Просто призрак какой-то. Мелькнула на мгновение перепуганная девочка, вся в крови, зовущая на помощь.

— Что еще нужно сделать, как вы считаете? — спросил Пратт.

— На сегодня вы сделали все, что могли. Пора сосредоточиться на дальнейших действиях. Отправьте всех отдыхать, но оставьте кордоны на дорогах. Подготовьте план осмотра леса, поиски должны возобновиться на рассвете. Руководить ими можете только вы, вы знаете этот лес как свои пять пальцев. Разошлите информацию всем отделам полиции, постарайтесь сообщить как можно больше подробностей о Но́ле. Какое-нибудь украшение, внешние особенности, по которым ее могут опознать. Я передам эти сведения в ФБР, полиции соседних штатов и пограничникам. Вызову на завтра вертолет и кинологов. А еще поспите немножко, если сможете. И молитесь. Я люблю свою работу, но похищения детей — это выше моих сил.

Всю ночь город не мог успокоиться: по улицам сновали полицейские машины, вокруг Террас-авеню толклись зеваки. Кто-то хотел отправиться в лес. Кто-то приходил в полицейский участок и изъявлял желание участвовать в розысках. Жителей охватила паника.

Воскресенье, 31 августа 1975 года

На город обрушился ледяной ливень, с океана наплзал плотный туман. В пять часов утра возле дома Деборы Купер шеф Пратт и капитан Родик, стоя под громадным, наспех натянутым тентом, давали указания первым группам полицейских и добровольцев. На карте лес был разбит на сектора, каждый сектор закреплялся за определенной группой. Утром ожидали прибытия кинологов и лесников, это позволяло расширить пространство поисков. От вертолета пока отказались из-за плохой видимости.

В семь часов утра в номере 8 мотеля «Морской берег» вдруг проснулся Гарри, он уснул одетый. Радио по-прежнему играло, передавали новости:

Все силы полиции подняты по тревоге в районе Авроры после исчезновения накануне вечером, около девятнадцати часов, Нола Келлерган, пятнадцати лет. Полиция разыскивает всех, кто располагает какими-либо сведениями... В момент исчезновения Нола Келлерган была одета в красное платье...

Нола! Они уснули и забыли уехать. Он соскочил с кровати и позвал ее. На долю секунды ему показалось, что она в номере, с ним. Потом вспомнил, что она не пришла. Почему она его бросила? Почему ее нет? По радио говорили, что она пропала, значит, из дома убежала, как и договаривались. Но почему без него? Ей что-то помешало? Может, она укрылась в Гусиной бухте? Побег оборачивался катастрофой.

Еще не осознав всей серьезности ситуации, он выбросил цветы и поскорей покинул номер, даже не успев причесаться и заново повязать галстук. Побросал чемоданы в машину и пулей помчался в Гусиную бухту. Не проехав и двух миль, он увидел внушительный полицейский кордон. Шеф Гэрет Пратт, с карабином в руках, проверял ход операции. Все были взвинчены до предела. Он узнал автомобиль Гарри в веренице стоявших машин и подошел.

— Шеф, я только что услышал по радио про Нолу, — сказал Гарри, опустив стекло. — Что случилось?

— Дрянь дело, дрянь, — ответил тот.

— Но что произошло?

— Никто не знает: она ушла из дома и пропала. Ее видели вчера вечером недалеко от Сайд-Крик-лейн, и с тех пор о ней ни слуху ни духу. Весь район оцеплен, лес прочесывают.

Сердце у Гарри остановилось. Сайд-Крик-лейн — это по дороге к мотелю. Может, она шла к нему и упала, поранилась? Или ее заметили на

Сайд-Крик-лейн и она испугалась, что полиция явится в мотель и застукает их вместе? Тогда где она спряталась?

Шеф заметил, что вид у Гарри встрепанный, а багажник полон.

— Возвращаетесь из путешествия? — спросил он.

Гарри решил, что надо следовать легенде, которую они придумали с Нолой.

— Я был в Бостоне. По поводу своей книги.

— В Бостоне? — удивился Пратт. — Но вы едете с севера...

— Ну да, — пробормотал Гарри. — Я заскочил в Конкорд.

Взгляд у шефа стал недоверчивым. Гарри сидел за рулем черного «шевроле-монте-карло». Шеф приказал ему выключить мотор.

— Какие-то проблемы? — спросил Гарри.

— Мы разыскиваем машину, такую же, как ваша, она может быть замешана в этом деле.

— «Монте-карло»?

— Да.

Двое полицейских обыскали машину. Они не нашли ничего подозрительного, и шеф Пратт разрешил Гарри ехать. Только сказал мимоходом: «Я бы вас попросил не выезжать за пределы округа. Простая предосторожность конечно же». По радио без конца передавали приметы Нола:

Девушка, белая, рост 5 футов 2 дюйма, вес сто фунтов, волосы длинные, светлые, глаза зеленые, одета в красное платье. На шее золотая цепочка с надписью «Нола».

В Гусиной бухте ее не было. Ни на пляже, ни на террасе, ни в доме. Нигде. Он звал ее — плевать, если кто-то услышит. Обезумев, метался по пляжу. Искал письмо, записку. Ничего. Его охватила паника. Зачем же она убежала из дому, если не пришла к нему?

Не зная, что делать, он отправился в «Кларкс». Там он узнал, что Дебора Купер видела окровавленную Нолу, а затем была убита. Он не мог поверить. Что произошло? Зачем он согласился, чтобы она добиралась к нему сама? Им надо было встретиться в Авроре. Он дошел до дома Келлерганов, окруженного полицейскими машинами, и ввязался в разговоры зевая, пытаясь что-нибудь понять. Ближе к полудню, вернувшись в Гусиную бухту, он уселся на террасе с биноклем и хлебом для чаек. И стал ждать. Она просто заблудилась, она скоро придет. Конечно, она придет. В бинокль он осмотрел пляж. И стал ждать дальше. Пока не

опустилась ночь.

13. Буря

— Книги, дорогой мой Маркус, опасны тем, что вы можете потерять над ними контроль. Выпустить книгу означает, что то, что вы писали в полном одиночестве, вдруг ускользает у вас из рук и растворяется в публичном пространстве. Это очень опасный момент: вы все время должны владеть ситуацией. Утратить контроль над собственной книгой — это катастрофа.

Из центральных газет Восточного побережья 10 июля 2008 года

Маркус Гольдман готов приподнять завесу над делом Гарри Квеберта

В последнее время в литературных сферах разнесся слух, что Маркус Гольдман готовит книгу о Гарри Квеберте. Слух подтвердился благодаря утечке нескольких страниц из книги, оказавшихся вчера утром в распоряжении журналистов. Книга повествует о скрупулезном расследовании, которое предпринял Маркус Гольдман, дабы пролить свет на события лета 1975 года, повлекшие за собой убийство пятнадцатилетней Нолы Келлерган: тело девочки, пропавшей 30 августа 1975 года, было обнаружено в саду Гарри Квеберта, неподалеку от Авроры, 12 июня 2008 г.

Права на издание были приобретены за миллион долларов крупным нью-йоркским издательством «Шмид и Хансон». Его генеральный директор Рой Барнаски отказался от комментариев, однако сообщил, что выход книги под названием «Дело Гарри Квеберта» планируется ближайшей осенью.

New York Times

Разоблачения Маркуса Гольдмана

Взгляд изнутри

[...] М. Гольдман, близкий друг Гарри Квеберта, учившийся у него в университете, повествует о недавних событиях в Авроре. Свой рассказ он начинает с того момента, как обнаружил связь Квеберта с юной Нолой Келлерган, которой в то время было пятнадцать лет:

«Весной 2008 года, примерно через год после того, как я стал новой звездой американской литературы, произошло событие, которое я решил похоронить в глубинах памяти: оказалось, что мой университетский профессор, шестидесятисемилетний Гарри Квеберт, один из самых известных писателей в стране, в возрасте тридцати четырех лет состоял в любовной связи с пятнадцатилетней девочкой. Это было летом 1975 года».

Concord Herald

Сенсация от Маркуса Гольдмана

[...] Гольдмана в его расследовании на каждом шагу ждали открытия. Он, в частности, пишет, что Нола Келлерган была испорченной девочкой, что дома ее били и пытали, постоянно истязали и имитировали утопление. Дружба и близость с Гарри Квебертом давали ей неведомую прежде уверенность и позволяли мечтать о лучшей жизни.

Washington Post

Скандальная жизнь юной Нолы Келлерган

Маркус Гольдман вскрывает факты, прежде неизвестные прессе.

Нола Келлерган, как выяснилось, была сексуальной игрушкой Э. С., всесильного дельца из Конкорда, который посылал за ней подручного, словно за свежей говядиной. Полуженщина-полуребенок, она была объектом фантазмов многих мужчин Авроры и стала добычей шефа местной полиции, который принуждал ее к оральному сексу. Тот же шеф полиции впоследствии вел расследование ее исчезновения.

Boston Globe

Я утратил контроль над книгой, которой еще даже не существовало.

С раннего утра в четверг, 10 июля, пресса запестрела зазывными заголовками — все газеты поместили на первой странице обрывки моих записей, не заканчивая фразы, вырывая их из контекста. Мои гипотезы превратились в гнусные утверждения, мои предположения — в достоверные факты, а мои рассуждения — в отвратительные оценочные суждения. Мою работу раскроили на части, идеи выпотрошили, мысли изнасиловали. Гольдман, выздоравливающий писатель, с трудом пытающийся вновь найти путь к книгам, был убит.

Аврора просыпалась, а проснувшись, приходила в смятение: потрясенные жители читали и перечитывали газетные статьи. Телефон в доме разрывался, особо недовольные звонили в дверь и требовали объяснений. У меня был выбор: смело выйти к людям или спрятаться. Я решил выйти. Ровно в десять часов я проглотил два двойных виски и отправился в «Кларкс».

Входя в стеклянную дверь ресторана, я почувствовал, как взгляды завсегдатаев вонзились в меня словно кинжалы. С колотящимся сердцем я уселся за столик № 17, и ко мне в бешенстве подлетела Дженни — сказать, что такого подонка, как я, свет не видывал. Я думал, она запустит кофейником мне в физиономию.

— Это что же, — разразилась она, — ты сюда явился просто бабла срубить на наших костях? Всякие мерзости про нас писать?

В глазах у нее стояли слезы. Я попытался понизить градус:

— Дженни, ты же знаешь, что это неправда. Эти отрывки не предназначались для печати.

— Но ты в самом деле написал этот ужас?

— Эти фразы вырваны из контекста, потому они и омерзительны...

— Но эти слова написал ты?

— Да. Но...

— Никаких «но», Маркус!

— Я никому не хотел причинить зла, уверяю тебя...

— Зла ты не хотел причинить? Хочешь, зачитаю тебе твой шедевр? (Она развернула газету.) Вот, смотри, что написано: «Дженни, официантка в „Кларксе“, с самого первого дня влюбилась в Гарри...» Это ты обо мне такое пишешь? Подавальщица, неряха обслуга, у которой на Гарри слюнки текут?

— Ты же знаешь, что это неправда...

— Но, блин, так написано! Так написано в газетах по всей этой долбаной стране! И это все прочтут! Мои друзья, моя семья, мой муж!

Дженни орала. Посетители молча наблюдали за сценой. Ради общего спокойствия я решил удалиться и направился в библиотеку в надежде найти в лице Эрни Пинкаса союзника, способного понять катастрофические последствия перевранных слов. Но и он не горел желанием меня видеть.

— О, великий Гольдман явился, — произнес он. — Ищешь, каких бы еще гадостей написать про этот город?

— Я в ужасе от этой утечки, Эрни.

— В ужасе? Кончай комедию ломать. О твоей книжке говорят все. Газеты, интернет, телевидение только о тебе и говорят! Ты должен быть счастлив. Во всяком случае, надеюсь, ты сумел выжать все, что можно, из тех сведений, какие я тебе накопал. Маркус Гольдман, всемогущий бог Авроры, этот самый Маркус является сюда и говорит: «Мне надо знать то, мне надо знать это». И даже спасибо не скажет, как будто так и надо, как будто я на побегушках у величайшего писателя Маркуса Гольдмана. Знаешь, чем я занимался на этих выходных? Мне семьдесят пять лет, а я, чтобы свести концы с концами, через воскресенье подрабатываю в супермаркете в Монберри! Собираю тележки на парковке и везу их ко входу в магазин. Да, я ничем не прославился, я не звезда вроде тебя, но имею я право на капельку уважения или нет?

— Мне очень жаль.

— Жаль? Да ничего тебе не жаль! Ты не знал, потому что тебе это неинтересно, Марк. Тебе никто не интересен в Авроре. Все, что тебе нужно, — это слава. Но у славы есть и обратная сторона!

— Мне честно очень жаль, Эрни. Пойдем пообедаем вместе, если хочешь.

— Не хочу я обедать! Я хочу, чтобы ты оставил меня в покое! Мне надо книги расставлять. Книги — это важно. А ты — никто.

Ошеломленный, испуганный, я забился в свою нору в Гусиной бухте. Маркус Гольдман, приемный сын Авроры, сам того не желая, предал свою семью. Я позвонил Дугласу и попросил опубликовать опровержение.

— Опровержение чего? Газеты просто напечатали то, что ты написал. Да и вообще, книжка через два месяца выйдет.

— Газеты все извратили! Там ничто не соответствует моей книге!

— Да ладно тебе, Марк, не парься. Тебе надо сосредоточиться на тексте, вот это и впрямь важно. У тебя мало времени. Ты помнишь, что мы три дня назад встречались в Бостоне и ты подписал договор на миллион

долларов и должен меньше чем за два месяца написать книгу?

— Помню! Знаю! Но это не значит, что я должен писать макулатуру!

— Книга, написанная за несколько недель, — это книга, написанная за несколько недель...

— За это время Гарри успел написать «Истоки зла».

— Гарри — это Гарри... Ты понимаешь, что я хочу сказать.

— Нет, не понимаю.

— Он очень большой писатель.

— Спасибо! Огромное спасибо! А я, значит?..

— Ты же знаешь, я не то хотел сказать... Ты писатель, скажем так... современный. Тебя любят, потому что ты молодой и динамичный... И продвинутый. Ты продвинутый писатель, вот. От тебя не ждут, чтобы ты получил Пулитцеровскую премию, людям нравятся твои книги, потому что они в тренде, потому что они их развлекают, и это тоже очень здорово.

— Ты что, правда так обо мне думаешь? Что я «развлекательный» писатель?

— Не передергивай, Марк. Но ты же понимаешь, что публика запала на тебя, потому что ты... Красавчик.

— Красавчик? Еще того лучше!

— Марк, в конце-то концов, ты же понимаешь, о чем я! Ты несешь определенный образ. И я уже сказал, ты в тренде. Тебя все обожают. Ты и хороший друг, и загадочный любовник, и идеальный зять... И потому «Делу Гарри Квеберта» обеспечен невероятный успех. С ума сойти, книжки еще нет, а ее уже с руками рвут! Сколько работаю, никогда ничего подобного не видел.

— «Делу Гарри Квеберта»?

— Это же название книги.

— Какое еще название книги?

— Ты сам так написал.

— Это же было рабочее название! Я там в заглавии уточнил: «рабочее название». Ра-бо-чее. Если ты не знаешь, это прилагательное означает «неокончательное».

— Барнаски тебе не сказал? Отдел маркетинга решил, что это идеальное название. Они вчера обсуждали. Срочно собрались из-за утечки. Рассудили, что раз так, то надо использовать утечку как инструмент маркетинга, и сегодня с утра запустили рекламную кампанию книги. Я думал, ты знаешь. Посмотри на сайте.

— Ты думал, что я знаю? Дуг, мать твою! Ты мой агент! Ты должен не думать, а действовать! Ты должен убедиться, что я в курсе всего, что

происходит вокруг моей книжки, дьявол тебя раздери!

Я в бешенстве швырнул трубку и ринулся к компьютеру. Вся главная страница сайта издательства «Шмид и Хансон» была посвящена моей книге. Там красовалось мое большое цветное фото, черно-белые картинки Авроры и следующий текст:

Дело Гарри Квеберта

Роман Маркуса Гольдмана

об исчезновении Нолы Келлерган.

УЖЕ ЭТОЙ ОСЕНЬЮ!

ЗАКАЖИТЕ ПРЯМО СЕЙЧАС!

В тот же день, в тринадцать часов, должны были состояться судебные слушания, назначенные прокуратурой по результатам графологической экспертизы. Журналисты осаждали ступени здания суда в Конкорде, комментаторы телеканалов, которые вели прямую трансляцию, излагали от себя откровения, вычитанные в газетах. Говорили о возможном прекращении судебного преследования; выходил смачный скандал.

За час до начала заседания я позвонил Роту и сказал, что в суд не приеду.

— Прячетесь, Маркус? — рассердился он. — Знаете, нечего из себя красну девицу строить: эта книга — божий дар для всех. С Гарри снимут обвинение, вы обеспечите карьеру себе, а заодно подтолкнете как следует и мою: я буду уже не просто Рот из Конкорда, а тот самый Рот, о котором говорится в вашем бестселлере! Так что книга будет весьма кстати. Особенно для вас, на самом-то деле. Вы что, за два года так ничего и не написали?

— Заткнитесь, Рот! Вы не знаете, о чем говорите!

— А вы, Гольдман, прекратите этот цирк! Ваша книжка произведет фурор, и вы это прекрасно знаете. Вы собираетесь объяснить всей стране, что Гарри извращенец. У вас пропало вдохновение, вы не знали, о чем

писать, и теперь вот пишете книгу, заранее обреченную на успех.

— Эти страницы не предназначались для печати.

— Но эти страницы написали вы. Не беспокойтесь, я очень надеюсь сегодня вытащить Гарри из тюрьмы. Скорее всего, благодаря вам. Подозреваю, что судья читает газеты, а значит, мне не составит труда его убедить, что Нола была общая подстилка.

— Не делайте этого, Рот! — закричал я.

— Это почему же?

— Потому что она такой не была. И он любил ее! Он ее любил!

Но он уже повесил трубку. Чуть позже я увидел его на экране своего телевизора: он победоносно шагал по ступеням Дворца правосудия с улыбкой до ушей. Журналисты тянули к нему микрофоны, спрашивали, правда ли то, что пишут в газетах: Нола Келлерган в самом деле развлекалась со всеми мужчинами в городе? Расследование опять начинается с нуля? И он радостно отвечал «да» на все вопросы.

На этих слушаниях Гарри освободили. Длились они от силы двадцать минут, и по мере того, как судья перечислял доказательства, дело сдувалось словно воздушный шарик. Главная улика — рукопись — утратила всякую убедительность, как только было доказано, что слова «Прощай, милая Нола» написаны не рукой Гарри. Все прочие факты разлетелись как пушинки: обвинения Тамары Куинн не были подкреплены никакими вещественными доказательствами, черный «шевроле-монте-карло» тогда даже не рассматривался как улика. Расследование на глазах превращалось в какое-то громадное недоразумение, и судья вынес решение: в связи со вновь открывшимися обстоятельствами выпустить Гарри Квеберта на свободу под залог в 500 тысяч долларов. Это открывало путь к полному оправданию.

Сенсационный поворот событий вызвал повальную истерию среди журналистов. Теперь многие задавались вопросом, не намеревался ли прокурор, арестовав Гарри и бросив его на съедение общественному мнению, сделать себе эпохальную рекламу. Затем толпа, собравшаяся перед Дворцом правосудия, наблюдала выход сторон: первым появился ликующий Рот и объявил, что уже завтра — когда будет внесена сумма залога — Гарри станет свободным человеком; за ним возник прокурор и попытался — не слишком убедительно — объяснить логику своих аргументов.

Устав созерцать большой парад правосудия на маленьком экране, я отправился бегать. Мне нужна была длинная дистанция, нужно было проверить свое тело. Почувствовать себя живым. Я добежал до озера в

Монберри, загаженного детьми и их родителями. На обратном пути, почти у самой Гусиной бухты, меня обогнала пожарная машина, потом другая, а за ней полиция. Только тогда я заметил едкий густой дым, поднимавшийся над соснами, и сразу понял: дом горит. Поджигатель привел свои угрозы в исполнение.

Я побежал так, как не бегал никогда в жизни, я мчался спасать писательский дом, который так любил. Пожарные уже работали, но фасад пожарили гигантские языки пламени. Горело все. В нескольких десятках метров, на обочине дороги, стоял полицейский и внимательно изучал капот моей машины, на котором красной краской было написано: «Гори, Гольдман. Гори».

* * *

В десять утра следующего дня пожарище еще дымилось. Большая часть дома была разрушена. По развалинам ходили эксперты полиции штата, пожарная команда проверяла, нет ли опасности повторного возгорания. Судя по силе пламени, на крыльцо плеснули бензином или аналогичной горючей жидкостью. Пламя занялось немедленно. Гостиная и терраса выгорели полностью, кухня тоже. Первый этаж почти не затронуло, но дым и особенно вода из пожарных шлангов нанесли и там непоправимый ущерб.

Я чувствовал себя как во сне. Сидел на траве в спортивном костюме и смотрел на руины. Я просидел так всю ночь. У моих ног стояла сумка, извлеченная пожарными из моей комнаты; в ней была кое-какая одежда и мой компьютер.

Я услышал, как подъехала машина; по толпе зевак за моей спиной прокатился гул. Это был Гарри. Его только что освободили. Я известил Рота и знал, что тот сообщил ему о пожаре. Он молча подошел ко мне, сел на траву и сказал только:

— Что на вас нашло, Маркус?

— Не знаю, что вам сказать, Гарри.

— Вот и не говорите ничего. Смотрите, что вы наделали. Какие уж тут слова...

— Гарри, я...

Он заметил надпись на капоте моего «рейнджровера».

— Ваша машина цела?

— Цела.

— Тем лучше. Потому что сейчас вы сядете в нее и уберетесь отсюда к чертовой матери.

— Гарри...

— Она любила меня, Маркус! Она меня любила! И я любил ее так, как никогда потом никого не любил. Что вам вздумалось писать эти гадости, а? Знаете, в чем ваша проблема? Вас никогда никто не любил! Никогда! Вы хотите писать романы о любви, но ничего в любви не понимаете! А теперь уезжайте. До свидания.

— У меня и в мыслях не было описывать Нолу так, как утверждает пресса. Они извратили мои слова, Гарри!

— Но какого рожна вы позволили Барнаски разослать эту дрянь во все газеты?

— Это была кража!

Он цинично хохотнул:

— Кража? Только не говорите, будто вы настолько наивны, что верите той лапше, которую вам навешивает на уши Барнаски! Могу вас уверить: он сам скопировал ваши гребаные записки и разослал их по всей стране.

— Что? Но...

Он оборвал меня:

— Маркус. По-моему, лучше бы я вас никогда не встречал. Уезжайте немедленно. Вы в моих частных владениях, и больше вы здесь не желанный гость.

Повисла долгая пауза. Пожарные и полицейские смотрели на нас. Я подхватил свою сумку, сел в машину и уехал. И немедленно позвонил Барнаски.

— Рад вас слышать, Гольдман, — отозвался он. — Я только что узнал про дом Квеберта. Сейчас во всех новостях говорят. Хорошо, что вы не пострадали. Не могу долго говорить, у меня встреча с руководством *Warner Bros*: сценаристы уже в очередь выстроились, хотят писать по вашим первым страницам. Они в восторге. Думаю, можно будет продать им права за кругленькую сумму.

Я перебил его:

— Рой, книги не будет.

— Что за ерунду вы говорите?

— Это вы, да? Это вы послали мои записки в газеты! Вы все угробили!

— Вы прямо флюгер, Гольдман. Хуже того: вы корчите из себя примадонну, и это мне совершенно не нравится! Устраиваете представление, играете в детектива, а потом на вас нападает блажь, и все, приехали. Знаете, давайте я спишу это все на то, что вы провели

кошмарную ночь, и забуду про этот звонок. Не будет книги... нет, за кого вы себя принимаете, Гольдман?

— За настоящего писателя. Писать — значит быть свободным.

Он делано засмеялся:

— Кто вам вбил в голову эту чушь? Вы раб своей карьеры, своих идей, своего успеха. Вы раб своего положения. Писать — значит быть зависимым. От тех, кто вас читает — или не читает. Свобода — бред собачий! Никто не свободен. Часть вашей свободы в моих руках, а часть моей — в руках акционеров компании. Так жизнь устроена, Гольдман. Никто не свободен. Будь люди свободны, они были бы счастливы. Много вы знаете по-настоящему счастливых людей? — Я промолчал, и он заговорил снова. — Знаете, свобода — любопытное понятие. Я знал одного человечка, он был трейдером на Уолл-стрит, эдакий золотой мальчик, набит деньгами, все ему само в руки плывет. И вот в один прекрасный день ему захотелось стать свободным. Увидел по телевизору репортаж про Аляску и загорелся. Решил, что теперь будет охотником, свободным и счастливым, будет жить на природе. Все бросил и уехал на юг Аляски, прямо к Врангелю. И представьте себе, этот тип, успешный во всем, добился успеха и тут: стал действительно свободным человеком. Никаких привязанностей, ни семьи, ни дома — только собаки и палатка. Вот он был единственным свободным человеком из всех, кого я знал.

— Был?

— Был. Малый был очень-очень свободным три месяца, с июня по октябрь. А потом пришла зима, и он замерз, а перед тем с горя сожрал всех собак. Никто не свободен, Гольдман, даже охотники на Аляске. И тем более в Америке, где примерные американцы зависят от системы, эскимосы — от правительственной помощи и алкоголя, а индейцы хоть и свободны, но загнаны в зоопарки для людей под названием «резервации» и обречены танцевать свой вечный жалкий танец вызывания дождя для туристов. Никто не свободен, мой мальчик. Мы пленники других и самих себя.

Пока Барнаски разглагольствовал, я вдруг услышал позади сирену: за мой гналась полицейская машина без опознавательных знаков. Я дал отбой и затормозил на обочине: наверно, меня остановили за то, что я говорил по мобильнику за рулем. Но из машины вышел сержант Гэхаловуд. Он подошел к моему окну и произнес:

— Только не говорите, что возвращаетесь в Нью-Йорк, писатель.

— Почему вы так решили?

— Вы двигались в этом направлении, скажем так.

— Я не думал, куда ехал.

— Гм. Инстинкт самосохранения?
— Точнее не скажешь. Как вы меня нашли?
— Если вы заметили, ваше имя написано красной краской на капоте. Сейчас не время возвращаться домой, писатель.
— Дом Гарри сгорел.
— Знаю. Потому я и здесь. Вы не можете вернуться в Нью-Йорк.
— Почему?
— Потому что вы храбрый парень, писатель. Сколько работаю, редко когда вижу такое упорство.
— Они разворовали мою книгу.
— Да вы же ее еще не написали, книгу-то! Ваша судьба в ваших руках. Вы еще все можете сделать! У вас талант, вы творец — так садитесь за работу и напишите шедевр! Вы боец, писатель. Вы боец, и вы должны написать книгу. Вам есть что сказать, и много! А к тому же, позволю себе заметить, меня вы тоже утопили в дерьме по уши. Прокурор на скамье подсудимых, а с ним и я. Это же я ему сказал, что надо побыстрее арестовать Гарри. Думал, что неожиданный арест спустя тридцать три года собьет с него спесь. И лоханул, как новичок. А потом явились вы, со своими лакированными штиблетами ценой в мою месячную зарплату. Я не собираюсь тут устраивать вам любовную сцену на обочине, но... Не уезжайте. Надо дожать это расследование.
— Мне негде спать. Дом сгорел...
— Вы, кажется, только что положили в карман миллион долларов. Так в газете написано. Так снимите себе номер в какой-нибудь гостинице в Конкорде. Завтракать я буду за ваш счет. Есть хочу до смерти. В путь, писатель. Нас ждут великие дела.

* * *

За всю следующую неделю я ни разу не появлялся в Авроре. Снял одноместный номер в отеле «Риджентс» в центре Конкорда и целыми днями занимался расследованием и своей книгой. О том, как дела у Гарри, я узнал только через Рота: тот сообщил мне, что он живет в восьмом номере мотеля «Морской берег». По словам Рота, Гарри больше не желал меня видеть, потому что я вывалил в грязи имя Нола.

— А вообще-то, с чего вы вздумали трезвонить во всех газетах, что Нола была мелкая потаскушка-неудачница?

Я попытался защищаться:

— Да ничего я не трезвонил! Я написал несколько страниц и дал этому кретину Рою Барнаски, он желал убедиться, что работа не стоит на месте. А он разослал их во все газеты и делает вид, будто их украли.

— Ну, поверю вам на слово...

— Но это правда, черт возьми!

— В любом случае снимаю шляпу. Даже я не придумал бы ничего лучше.

— Что вы хотите сказать?

— Превратить жертву в преступника — офигенный способ развалить обвинение.

— Гарри освободили на основании графологической экспертизы. Вы это знаете лучше, чем я.

— Ба, Маркус, я вам уже сказал: судьи всего лишь люди. Утром за кофе они первым делом читают газету.

Рот был существо весьма приземленное, но, в общем, симпатичное. Он все-таки попытался меня успокоить, объяснив, что Гарри наверняка слишком потрясен утратой Гусиной бухты, и как только полиция поймает поджигателя, он будет чувствовать себя гораздо лучше. На данный момент у следствия появилась важная улика: на следующий день после пожара полиция, тщательно обыскав окрестности дома, обнаружила на пляже спрятанную в зарослях канистру из-под бензина, а на ней — отпечатки пальцев. К несчастью, отпечатки эти не значились в полицейской базе данных, и Гэхаловуд считал, что без дополнительной информации вычислить преступника будет нелегко. Возможно, речь идет о самом что ни на есть добропорядочном гражданине, никогда не бывавшем под судом и ни в чем не замеченном. Однако, по его мнению, круг подозреваемых можно сузить: скорее всего, это кто-то местный, из Авроры; совершив свое злодеяние среди бела дня, он поспешил избавиться от громоздкой улики, чтобы его не узнали случайные прохожие.

У меня оставалось полтора месяца, чтобы переломить ход событий и превратить мою книгу в хорошую книгу. Пора было сражаться и сделать из себя такого писателя, каким я хотел стать. По утрам я погружался в книгу, а после обеда работал над делом вместе с Гэхаловудом, который превратил мой номер в филиал своего кабинета и заставлял посыльных из отеля таскать с места на место папки с показаниями, отчетами, газетными вырезками, фотографиями и архивами.

Мы начали расследование с самого начала: перечитали полицейские отчеты, изучили показания всех тогдашних свидетелей. Мы начертили карту Авроры и окрестностей и промерили все расстояния: от дома

Келлерганов до Гусиной бухты, от Гусиной бухты до Сайд-Крик-лейн. Гэхаловуд выехал на место и проверил, сколько времени нужно, чтобы преодолеть эти расстояния пешком и на машине; проверил даже, когда на место прибыла местная полиция: оказалось, очень быстро.

— К работе шефа Пратта не подкопаешься, — сказал он. — Розыски велись очень профессионально.

— Касательно Гарри, — напомнил я. — Известно, что фраза на рукописи написана не его рукой. Но почему тогда Нолу закопали в Гусиной бухте?

— Чтобы никто не помешал, наверно, — предположил Гэхаловуд. — Вы же мне рассказывали, что Гарри говорил всем и каждому, что его какое-то время не будет в Авроре.

— Точно. Значит, по-вашему, убийца знал, что Гарри нет дома?

— Возможно. Но согласитесь, довольно-таки удивительно, что Гарри, вернувшись, не заметил разрытой земли вблизи от дома.

— Он же был как неменяемый, — сказал я. — Встревоженный, опустошенный. Он все время ждал Нолу. Одного этого более чем достаточно, чтобы не заметить клочок вскопанной земли, тем более в Гусиной бухте: там стоит дождю покапать, как все кругом в сплошной грязи.

— Ладно, на худой конец сойдет. Значит, убийца знает, что здесь ему никто не мешает. А если вдруг найдут труп, то на кого падет подозрение?

— На Гарри.

— Браво, писатель!

— Да, но откуда эта фраза? — спросил я. — Почему кто-то написал «Прощай, милая Нола»?

— А вот это вопрос на миллион долларов. То есть прежде всего для вас, позволю себе заметить.

Главная наша проблема заключалась в том, что следы расходились во все стороны. Многие важные вопросы так и остались без ответа, и Гэхаловуд написал их на больших листах бумаги.

Элайджа Стерн

Почему он платит Ноле за то, чтобы ее рисовали?

Был ли мотив ее убить?

Лютер Калед

Почему он рисует Нолу? Почему он шатается по Авроре?

Был ли мотив убить Нолу?

Дэвид и Луиза Келлерган
Слишком сильно избили дочь?
Почему скрывают попытку самоубийства Нола и ее
бегство на Мартас-Винъярд?

Гарри Квеберт
Виновен?

Шеф полиции Гэрет Пратт
Почему Нола вступила с ним в связь?
Мотив: она угрожала все рассказать?

Тамара Куинн утверждает, что украденный у Гарри листок
исчез.

Кто украл его из сейфа «Кларкса»?
Кто писал Гарри анонимные письма?
Кто тридцать три года знает и молчит?

Кто поджег Гусиную бухту?
Кто не заинтересован в завершении расследования?

Вечером Гэхаловуд приколол эти плакатики на стену моего номера и
испустил тяжкий, горестный вздох.

— Чем дальше в лес, тем больше дров, — сказал он. — По-моему, есть
какое-то главное звено, связующее этих людей и эти события. И это ключ к
расследованию! Если мы найдем связь, преступник будет у нас в руках.

Он рухнул в кресло. Было семь часов, и у него не оставалось сил
думать. А я в последние дни в это время всегда уезжал продолжать
однажды начатое дело — заниматься боксом. Я нашел зал в пятнадцати
минутах на машине и решил торжественно вернуться на ринг. С момента
моего переезда в «Риджентс» я ездил туда каждый вечер; клуб мне
порекомендовал швейцар отеля, он сам там занимался.

— И куда это вы намылились? — спросил Гэхаловуд.

— Боксировать. Не хотите присоединиться?

— Ну уж нет.

Я побросал вещи в сумку и попрощался.

— Сидите, сколько хотите, сержант. Только дверь за собой захлопните,
когда будете уходить.

— О, не волнуйтесь, я велел сделать себе ключ от номера. Вы в самом деле едете заниматься боксом?

— Ну да.

Он заколебался. Уже переступив порог номера, я услышал, что он меня зовет:

— Подождите, писатель, я все-таки с вами.

— С чего это вы передумали?

— Уж больно хочется вас отдубасить. Почему вы так любите бокс, писатель?

— Долгая история, сержант.

В четверг, 17 июля, мы отправились навестить капитана Нила Родика, который вместе с Праттом руководил операцией в 1975 году. Теперь ему было восемьдесят пять, он передвигался в инвалидной коляске и обитал в доме для престарелых на берегу океана. И до сих пор сохранил в памяти страшные поиски Ноны. Он сказал, что это самое невероятное дело в его жизни.

— С этой пропавшей девочкой было какое-то полнейшее безумие! — воскликнул он. — Одна женщина видела, как она вышла из лесу, вся в крови. И за то время, пока она вызывала полицию, девочка как в воду канула. На мой взгляд, самое странное в этой истории — музыка, которую ставил отец Келлерган. Мне это с самого начала не давало покоя. И потом, я все время спрашивал себя, как это он мог не заметить, что его дочь похитили?

— Значит, вы считаете, это было похищение? — спросил Гэхаловуд.

— Трудно сказать. Нет доказательств. Могла девочка просто пойти погулять, а ее подобрал какой-то маньяк на грузовичке? Да, конечно.

— А вы, случайно, не помните, какая погода была во время поисков?

— Метеоусловия были отвратительные, дождь, сильный туман. А почему вы задали этот вопрос?

— Хочу понять, мог ли Гарри Квеберт не заметить, что кто-то копался у него в саду.

— Вовсе не исключено. Участок громадный. У вас есть сад, сержант?

— Есть.

— Большой?

— Маленький.

— Как вы думаете, если кто-нибудь в ваше отсутствие выроет в саду небольшую ямку, вы можете ее не заметить?

— Да, действительно могу.

На обратном пути в Конкорд Гэхаловуд спросил, что я обо всем этом думаю.

— По-моему, рукопись доказывает, что Нолу не похитили прямо из дома, — ответил я. — Она ушла к Гарри. Они должны были встретиться в этом мотеле, она потихоньку выбралась из дома, взяв с собой единственную важную вещь — книгу Гарри, которая была у нее. И по пути ее похитили.

Гэхаловуд сдержанно улыбнулся:

— Кажется, мне начинает нравиться эта мысль. Она убегает из дома: это объясняет, почему никто ничего не слышал. Идет по шоссе 1, направляясь в мотель «Морской берег». И в этот момент ее похищают. Или ее по дороге подбирает кто-то, кому она доверяет. Убийца написал «милая Нола». Он ее знал. Он предлагает ее подвезти. А потом начинает ее лапать. Возможно, останавливается на обочине и запускает руку ей под юбку. Она сопротивляется, он ее бьет, говорит, чтоб сидела тихо. Но он не заблокировал дверцы, и ей удается сбежать. Она хочет спрятаться в лесу, но кто живет возле шоссе 1 и леса Сайд-Крик?

— Дебора Купер.

— Точно! Преступник преследует Нолу, бросив машину на обочине. Дебора Купер видит их и вызывает полицию. В это время преступник настигает Нолу в том месте, где была обнаружена кровь и волосы; она защищается, он ее избивает. Возможно, насилует. Но тут появляется полиция: полицейский Доун и шеф Пратт начинают обыскивать лес и постепенно подходят все ближе. Тогда он увлекает Нолу подальше в лес, но ей удается вырваться, добежать до дома Деборы Купер и укрыться там. Доун и Пратт продолжают поиски в лесу. Они уже достаточно далеко, чтобы что-нибудь заметить. Дебора Купер впускает Нолу на кухню и бежит в гостиную звонить в полицию. Когда она возвращается, преступник уже здесь: он проник в дом, чтобы завладеть Нолой. Он убивает Купер выстрелом в сердце и забирает Нолу. Тащит ее к своей машине, бросает в багажник. Она, возможно, еще жива, но, скорее всего, без сознания — потеряла слишком много крови. Тут на пути попадается машина помощника шерифа. Начинается погоня. Ему удается уйти от полиции, и он прячется в Гусиной бухте. Он знает, что дом пуст и никто ему не мешает. Полиция ищет его дальше, на дороге в Монберри. Он оставляет машину с Нолой в Гусиной бухте; может быть, даже прячет ее в гараже. Потом спускается на пляж и пешком идет назад в Аврору. Да, я уверен, что наш клиент живет в Авроре: он знает все дороги, знает лес, знает, что Гарри нет в городе. Он знает все. Он незаметно возвращается домой, принимает душ,

переодевается, а когда у дома Келлерганов появляется полиция, потому что преподобный заявил об исчезновении дочери, присоединяется к толпе зевак на Террас-авеню. Вот почему убийцу так и не нашли: пока все искали его в окрестностях Авроры, он был в самом городе, среди всей этой суеты.

— Черт, — отозвался я. — Так он был там?

— Да. По-моему, все это время он просто был там, а поздно ночью вернулся в Гусиную бухту по пляжу. Думаю, к этому времени Нола уже умерла. Тогда он хоронит ее на участке, на опушке леса, там, где никто не заметит свежевскопанной земли. Потом забирает свою машину и какое-то время предусмотрительно держит у себя в гараже, чтобы не вызвать подозрений. Идеальное преступление.

Я был ошеломлен.

— И что это говорит о подозреваемом?

— Мужчина, один. Тот, чьи действия ни у кого не вызывали вопросов, у кого никто не спрашивал, отчего он держит машину в гараже и никуда не ездит. Тот, у кого был черный «шевроле-монте-карло».

— Значит, надо узнать, у кого в Авроре в то время был черный «шевроле», и мы его найдем! — обрадовался я.

Но Гэхаловуд немедленно охладил мой пыл:

— Пратт уже тогда об этом подумал. Пратт обо всем подумал. В его отчете имеется список всех владельцев «шевроле» в Авроре и ее окрестностях. Он обошел всех, и у всех было прочное алиби. У всех, кроме одного — Гарри.

Опять Гарри. Мы все время возвращались к Гарри. Сколько бы дополнительных критериев для розыска убийцы мы ни намечали, он подпадал подо все.

— А Лютер Калеб? — с надеждой в голосе спросил я. — Какая у него была машина?

Гэхаловуд понурил голову:

— Синий «мустанг».

Я вздохнул:

— Ну так что, сержант? Что, по-вашему, нам теперь делать?

— У Калеба есть сестра, и мы ее до сих пор не допрашивали. По-моему, пора ее навестить. Это единственный след, который мы пока всерьез не разрабатывали.

В тот вечер, после бокса, я собрался с духом и поехал в мотель «Морской берег». Время было около половины десятого. Гарри сидел на пластмассовом стуле перед номером 8, наслаждаясь теплым вечером и

попивая газировку из банки. Увидев меня, он ничего не сказал; первый раз в жизни мне было неловко в его присутствии.

— Мне нужно было вас повидать, Гарри. Сказать, как я сожалею, что все так вышло...

Он жестом пригласил меня сесть на стул рядом.

— Газировки хотите? — спросил он.

— С удовольствием.

— Автомат в конце коридора.

Я улыбнулся и сходил за колой-лайт. Вернувшись, я заметил:

— То же самое вы мне сказали, когда я первый раз приехал в Гусиную бухту. Я тогда был на втором курсе. Вы приготовили лимонад, спросили, хочу ли я, я ответил «да», и вы меня послали за ним в холодильник.

— Хорошие были времена.

— Да.

— Что изменилось, Маркус?

— Ничего. Все и ничего. Мы все изменились, мир изменился. Всемирный торговый центр рухнул, Америка отправилась воевать... Но я смотрю на вас теми же глазами, что и прежде. Вы по-прежнему мой учитель. Вы по-прежнему Гарри.

— Изменилось другое, Маркус. Бой учителя с учеником.

— Мы не ведем бой.

— Нет, ведем. Я научил вас писать книги, и поглядите, что делают ваши книги: они причиняют мне зло.

— Меньше всего я хотел причинить вам зло, Гарри. Мы найдем того, кто поджег Гусиную бухту, обещаю.

— Но разве это вернет мне тридцать лет воспоминаний, которые я потерял? Вся моя жизнь пошла прахом! Зачем вы написали эти мерзости про Нолу?

Я не ответил. Какое-то время мы сидели молча. Настенные лампы светили слабо, но он заметил у меня на руках ранки от частых ударов по боксерскому мешку.

— Ваши руки, — сказал он. — Вы опять занялись боксом?

— Ага.

— Вы неправильно бьете. У вас всегда была эта ошибка. Удар хороший, но первая фаланга среднего пальца слишком выдается вперед и при ударе скользит.

— Пойдемте побоксируем, — предложил я.

— Пошли, если хотите.

Мы пошли на парковку. Там не было ни души. Мы разделись до пояса.

Он очень исхудал. Оглядев меня, он заметил:

— Какой вы красавец, Маркус. Давайте уже женитесь, черт возьми! Начинайте жить!

— Мне надо закончить расследование.

— К дьяволу ваше расследование!

Мы встали друг напротив друга и обменялись скупыми ударами; один бил, другой должен был держать боевую стойку и защищаться. Гарри бил здорово.

— Вы не хотите знать, кто убил Нолу? — спросил я.

Он застыл на месте:

— А вы знаете?

— Пока нет. Но что-то проясняется. Завтра мы с сержантом Гэхаловудом поедem к сестре Лютера Калеба. В Портленд. И надо допросить кое-кого в Авроре.

Он вздохнул:

— Аврора... После выхода из тюрьмы я ни с кем не встречался. Постоял тогда у сгоревшего дома. Пожарный сказал, что я могу войти внутрь, я забрал кое-что из вещей и пешком пришел сюда. С тех пор не двигаюсь с места. Рот занимается страховками и всем прочим. Я не могу больше появляться в Авроре. Не могу посмотреть в лицо этим людям и сказать, что любил Нолу и написал для нее книгу. Я сам себе в лицо посмотреть не могу. Рот говорит, ваша книга будет называться «Дело Гарри Квеберта».

— Это правда. В этой книге говорится, что ваша книга прекрасна. Я люблю «Истоки зла»! После этой книги я и решил стать писателем.

— Не говорите так, Маркус!

— Но это правда! Это, наверно, самая прекрасная книга, какую я когда-либо читал. Вы мой любимый писатель!

— Ради бога, замолчите!

— Я хочу написать книгу в защиту вашей, Гарри. Когда я узнал, что вы написали ее для Нолы, я был в шоке, это верно. А потом я ее перечитал. Это замечательная книга! Вы же там говорите все! Особенно в конце. Описываете печаль, которая будет снедать вас всю жизнь. Я не позволю людям поливать грязью эту книгу, потому что эта книга создала меня самого. Знаете, вот эта сцена с лимонадом, когда я первый раз был у вас в гостях: я тогда открыл холодильник, ваш пустой холодильник, и понял, насколько вы одиноки. И еще в тот день я понял: «Истоки зла» — это книга об одиночестве. Вы так потрясающе описали одиночество! Вы грандиозный писатель!

— Маркус, перестаньте!

— А какой прекрасный конец у этой книги! Вы отказываетесь от Нолы: она исчезла навсегда, вы это знаете, и все же, несмотря ни на что, ждете ее... Теперь, когда я по-настоящему понял вашу книгу, у меня только один вопрос — про название. Почему вы дали такой прекрасной книге такое мрачное название?

— Это сложно, Маркус.

— Но я и пришел, чтобы понять...

— Это слишком сложно...

Мы смотрели друг другу в лицо, стоя в боевой стойке, словно два бойца. В конце концов он произнес:

— Не знаю, сумею ли я вас простить, Маркус...

— Простить меня? Но я отстрою Гусиную бухту заново! Я все оплачу! На деньги за книгу мы вам отстроим дом! Вы не можете вот так взять и уничтожить нашу дружбу!

Он заплакал.

— Вы не понимаете, Маркус. Дело не в вас! Вы ни в чем не виноваты, и тем не менее я не могу вас простить.

— Простить за что?

— Я не могу вам сказать. Вы не поймете...

— Гарри, в конце-то концов! К чему все эти загадки? Что происходит, дьявол вас возьми?

Он вытер слезы тыльной стороной руки.

— Помните мой совет? Когда вы были моим студентом, я вам однажды сказал: никогда не пишите книгу, если не знаете, какой у нее будет конец.

— Да, прекрасно помню. И всегда буду помнить.

— И какой конец у вашей книги?

— Очень хороший конец.

— Но ведь в конце она умирает!

— Нет, книга не кончается со смертью героини. Потом происходят разные хорошие вещи.

— Это какие же?

— Человек, который ждал ее тридцать лет, начинает жить заново.

Из романа Гарри Л. Квеберта «Истоки зла»

(последняя страница)

Он понял, что ничто никогда не сбудется, что все их надежды напрасны, и написал ей в последний раз. Письма любви кончились, настала пора письма печали. Приходилось смириться. Отныне он будет только ждать. Всю жизнь он будет ждать ее. Но он прекрасно знал, что она больше не вернется. Знал, что больше ее не увидит, не встретит, не услышит.

Он понял, что ничто никогда не сбудется, и написал ей в последний раз.

Моя милая!

Это мое последнее письмо. Мои последние слова. Я пишу, чтобы сказать Вам «прощайте».

С сегодняшнего дня «мы» перестанет существовать. Влюбленные расстанутся и не встречаются вновь; так кончаются все истории любви.

Милая моя, мне будет Вас не хватать. Мне будет так Вас не хватать.

Мои глаза плачут. Во мне все горит.

Мы не увидимся больше никогда; мне будет так Вас не хватать.

Надеюсь, Вы будете счастливы.

Я говорю себе, что Вы и я — это был сон, а теперь пора просыпаться.

Мне будет не хватать Вас всю жизнь.

Прощайте. Я люблю Вас так, как больше не буду любить никогда.

12. Человек, который писал картины

— Научитесь любить свои поражения, Маркус, ведь именно они выкуют вас. Только поражения дадут вам в полной мере почувствовать вкус победы.

В день, когда мы приехали в Портленд к сестре Лютера Силле Каллеб-Митчелл, стояла прекрасная солнечная погода. Это было 18 июля 2008 года. Семейство Митчелл обитало в прелестном доме неподалеку от холма, на котором располагался центр города. Силла приняла нас на кухне; к нашему приезду на столе уже дымились две одинаковые чашки кофе, а неподалеку лежала стопка семейных альбомов.

Гэхаловуд дозвонился ей накануне. По дороге из Конкорда в Портленд он мне рассказал, что, когда она взяла трубку, ему показалось, что она ждала его звонка.

— Я представился, сказал, что я из полиции, расследую убийство Деборы Купер и Нолы Келлерган и что мне надо встретиться с ней и задать несколько вопросов. Обычно, как только люди слышат слова «полиция штата», они начинают волноваться, спрашивают, что происходит и какое они к этому имеют отношение. А Силла Митчелл только и ответила: «Приезжайте завтра в любое время, я буду дома. Нам нужно поговорить, это важно».

На кухне она сидела напротив нас. Красивая женщина лет пятидесяти, мать двоих детей, прекрасно выглядит и держится необычайно изящно. Ее муж тоже присутствовал при разговоре, но стоял поодаль, словно боялся показаться навязчивым.

— Так что, все это правда? — поинтересовалась она.

— Что именно? — спросил Гэхаловуд.

— То, что я читала в газетах... Все эти жуткие вещи про убитую девочку из Авроры.

— Да. Пресса немного все исказила, но факты именно таковы. Миссис Митчелл, вы, кажется, не удивились моему вчерашнему звонку...

Она погрузилась в размышления.

— Я уже говорила вам вчера по телефону: имена в газете не названы, но я поняла, что Э. С. — это Элайджа Стерн. А его шофер — это Лютер. (Она достала вырезку из газеты и прочитала вслух, словно хотела понять то, что ей непонятно.) «Э. С., один из богатейших людей Нью-Гэмпшира,

посылал своего шофера в центр города за Нолой, и тот отвозил ее к нему домой, в Конкорд. Спустя тридцать три года одна из подруг Нолы, в то время еще девочка, расскажет, что однажды присутствовала при встрече с этим шофером и что Нола уезжала с ним как на смертную казнь. Юная свидетельница опишет шофера как страшного человека с могучим торсом и изуродованным лицом». Судя по описанию, это мог быть только мой брат.

Она замолчала и подняла на нас взгляд. Она ждала ответа, и Гэхаловуд выложил карты на стол:

— Мы нашли дома у Элайджи Стерна портрет Нолы Келлерган, в более или менее обнаженном виде. Стерн утверждает, что его написал ваш брат. Судя по всему, Нола согласилась ему позировать за деньги. Лютер отправлялся за ней в Аврору и отвозил в Конкорд, к Стерну. Что там происходило, точно неизвестно, но так ли иначе Лютер написал ее портрет.

— Он много рисовал! — воскликнула Силла. — Он был очень талантливый, он мог бы сделать прекрасную карьеру. А вы... вы подозреваете его в убийстве этой девочки?

— Скажем так, он входит в список подозреваемых, — ответил Гэхаловуд.

По щеке Силлы скатилась слеза.

— Знаете, сержант, я вспоминаю день, когда он умер. Это было в пятницу, в конце сентября. Я только что отметила день рождения, двадцать один год. Нам позвонили из полиции и сообщили, что Лютер погиб в автокатастрофе. Я хорошо помню, как зазвонил телефон и мать взяла трубку. Рядом были мы с отцом. Мама ответила и шепнула нам: «Это полиция». Внимательно выслушала и сказала: «О'кей». Никогда не забуду эту минуту. На другом конце провода полицейский сообщил ей о смерти сына. Сказал что-то вроде: «На меня возложена тяжкая обязанность сообщить вам, что ваш сын погиб в автомобильной катастрофе», а она отвечает: «О'кей». Потом вешает трубку, смотрит на нас и говорит: «Он умер».

— Как это произошло? — спросил Гэхаловуд.

— Он упал с тридцатиметровой высоты, с прибрежных скал в Сагаморе, в Массачусетсе. Говорят, он был пьян. Дорога там извилистая и ночью нет освещения.

— Сколько ему было лет?

— Тридцать... Ему было тридцать лет. Мой брат был хороший человек, но... Знаете, я рада, что вы приехали. По-моему, я должна вам рассказать одну вещь, которую надо было рассказать тридцать три года назад.

И Силла срывающимся голосом поведала нам сцену, случившуюся примерно за три недели до несчастного случая. Это было 30 августа 1975 года.

30 августа 1975 года, Портленд, Мэн

В тот вечер вся семья собиралась пойти поужинать в «Подкову», любимый ресторан Силлы, чтобы отметить ее двадцать первый день рождения. Она родилась 1 сентября. Отец, Джей Калев, решил сделать ей сюрприз и забронировал отдельный зал на втором этаже; он пригласил всех ее друзей и нескольких родственников, всего человек тридцать, включая Лютера.

Калебы — Джей, Силла и ее мать Надя — пришли в ресторан к шести часам вечера. Все гости уже ждали Силлу в зале и, когда она появилась, весело поздравили ее. Праздник начался — музыка, шампанское. Лютер еще не приехал. Отец сначала думал, что его что-то задержало по дороге. Но в половине восьмого, когда подали ужин, сына по-прежнему не было. Привычки опаздывать он не имел, и Джей беспокоился. Он попытался позвонить Лютеру домой, в его комнату в пристройке у Стерна, но там никто не брал трубку.

Лютер пропустил ужин, пирог, танцы. В час ночи Калебы вернулись домой, молчаливые и встревоженные. Лютер ни за что на свете не пропустил бы день рождения сестры. Дома Джей машинально включил в гостиной радио. В новостях сообщали о масштабной полицейской операции в Авроре: пропала девочка пятнадцати лет. Название «Аврора» было им хорошо знакомо. Лютер говорил, что часто ездит в Аврору ухаживать за розами, поскольку у Элайджи Стерна там роскошный дом на берегу океана. Джей Калев подумал, что это совпадение. Он внимательно прослушал остальные новости, потом новости еще нескольких радиостанций, чтобы узнать, не было ли в округе дорожных происшествий; но нигде ни о каких ДТП не упоминали. Охваченный тревогой, он долго не спал этой ночью, не зная, что ему делать — звонить в полицию, ждать дома или ехать в Конкорд. В конце концов он уснул на кушетке в гостиной.

На следующий день, ранним утром, по-прежнему пребывая в неизвестности, он позвонил Элайдже Стерну и спросил, не видел ли он его сына. «Лютера? — ответил Стерн. — Его нет. Он взял отпуск. Разве он вам ничего не сказал?» Вся эта история выглядела очень странно. Почему Лютер куда-то уехал, не предупредив их? Джей Калев, в смятении, не в силах больше ждать, решил отправиться на поиски сына.

Вспоминая этот эпизод, Силла Митчелл задрожала. Она резко встала со стула и сварила еще кофе.

— В тот день, — продолжала она, — отец поехал в Конкорд, мать осталась дома на случай, если вдруг появится Лютер, а я пошла гулять с подругами. Домой я вернулась поздно. Родители разговаривали в гостиной, и я услышала, как отец сказал: «По-моему, Лютер сделал огромную глупость». Я спросила, что происходит, и он велел мне не говорить никому, что Лютер исчез, особенно полиции. Сказал, что сам его найдет. Он тщетно искал его больше трех недель. До самой катастрофы.

Она подавила рыдания.

— Что же случилось, миссис Митчелл? — мягко спросил Гэхаловуд. — Почему ваш отец считал, что Лютер сделал глупость? Почему он не хотел привлечь полицию?

— Это сложно объяснить, сержант. Все так сложно...

Она раскрыла альбомы с фотографиями и стала рассказывать о семье: о Джее, их любящем отце, о Наде, матери, бывшей Мисс штата Мэн, привившей детям вкус к прекрасному. Лютер был старшим из детей, на девять лет старше ее. Оба они родились в Портленде.

Она показала нам детские фотографии. Родительский дом, отдых в Колорадо, гигантский склад отцовского предприятия, из которого они с Лютером летом почти не вылезали. На нескольких фото семья была запечатлена в Йосемитском парке в 1963 году. Лютеру восемнадцать лет, это красивый, стройный, изящный юноша. Потом нам попала фотография, датированная осенью 1974 года: двадцатилетие Силлы. Родители постарели. Джею, гордому отцу семейства, уже шестьдесят, у него отросло брюшко. На лице матери появились морщины, против которых она бессильна. Лютеру под тридцать: его лицо изуродовано.

Силла долго смотрела на эту фотографию.

— До этого мы были прекрасной семьей, — произнесла она. — До этого мы были счастливы.

— До чего? — спросил Гэхаловуд.

Она взглянула на него так, словно ответ разумелся сам собой.

— До того, как на него напали.

— Напали? — повторил Гэхаловуд. — Я не в курсе.

Силла положила рядом две фотографии брата.

— Это произошло осенью, после нашего отпуска в Йосемити.

Посмотрите на это фото... Посмотрите, какой он был красивый. Знаете, Лютер был особенный. Он любил искусство, у него был настоящий художественный дар. Он окончил школу, его только что приняли в академию изящных искусств в Портленде. Все говорили, что он может стать очень большим художником, что у него талант. Он был счастливый мальчик. Но тогда как раз начиналась война во Вьетнаме, и ему надо было идти в армию. Его только что призвали. Он говорил, что, когда вернется, станет заниматься искусством и женится. У него уже была невеста. Ее звали Элеонора Смит. Девушка из его школы. Я вам говорю, он был счастливый мальчик. Вплоть до этого вечера в сентябре шестьдесят четвертого.

— Что произошло в тот вечер?

— Вы когда-нибудь слышали о банде филдголов,^[4] сержант?

— Банде филдголов? Нет, никогда.

— Это прозвище, которое полиция дала группе подонков, орудовавших в то время в нашем районе.

Сентябрь 1964 года

Было около десяти часов вечера. Лютер провел вечер у Элеоноры и возвращался к родителям пешком. Завтра он должен был отправиться на сборный пункт. Они с Элеонорой только что решили, что, как только он вернется, они поженятся: поклялись друг другу хранить верность и в первый раз занимались любовью на узенькой детской кровати Элеоноры, пока ее мать на кухне пекла им печенье.

Лютер ушел не сразу, он еще несколько раз возвращался к дому Смитов. В свете фонарей он видел Элеонору — она, плача, стояла на крыльце и махала ему рукой. Теперь он шел по Линкольн-роуд. Улица в этот час была безлюдна и плохо освещена, зато вела к его дому кратчайшим путем. Идти оставалось три мили. Его обогнала машина, и лучи фар выхватили большой отрезок улицы впереди. Немного погодя сзади появилась вторая машина, ехавшая на большой скорости. Из ее окна раздались вопли: пассажиры, явно на взводе, решили его попугать. Лютер не реагировал, и машина, проехав несколько десятков метров, резко затормозила посреди дороги. Он продолжал идти — что ему еще оставалось делать? Он поравнялся с машиной, и тот, что был за рулем, спросил его:

— Эй ты! Местный?

— Да, — ответил Лютер, и ему плеснули пивом в лицо.

— Баран деревенский! — заорал тот, что был за рулем. — Мэн —

родина баранов!

Пассажиры радостно взвыли. Всего их было четверо, но Лютер в темноте не мог разглядеть их лица. Он догадывался, что они молоды, лет двадцать пять — тридцать, пьяны и очень агрессивны. Ему стало страшно, и он с колотящимся сердцем пошел дальше. Он не любил драки, не хотел ввязываться в историю.

— Эй! — опять окликнул его тот, что за рулем. — Куда это ты намылился, барашек?

Лютер не ответил и ускорил шаг.

— А ну вернись! Иди сюда, мы тебе покажем, как учат мелких говнюков вроде тебя!

Лютер услышал, как открылись дверцы машины и тот, что был за рулем, крикнул: «Господа, охота на барана открыта! Кто поймает, тому сто долларов!» Он бросился бежать со всех ног в надежде, что проедет еще какая-нибудь машина. Но спасти его было некому. Один из преследователей догнал его и, повалив на землю, заорал остальным: «Есть! Поймал! Сто долларов мои!» Все накинулись на Лютера и стали его избивать. И когда он уже не мог подняться, один из нападавших крикнул: «Кто хочет сыграть в футбол? Предлагаю парочку филдголов!» Все завопили от восторга и начали по очереди наносить ему чудовищные удары ногой в лицо, словно посылая мяч в ворота. Закончив свою серию филдголов, они бросили его без сознания на обочине. Через сорок минут его обнаружил какой-то мотоциклист и вызвал скорую помощь.

* * *

— Несколько дней Лютер находился в коме, — объясняла Силла. — А когда очнулся, у него на лице не было ни одной целой кости. Ему делали пластические операции, но так и не смогли вернуть прежнюю внешность. Два месяца он пролежал в больнице и вышел, обреченный жить с изуродованным лицом и затрудненной речью. О Вьетнаме, конечно, можно было забыть, но ведь и обо всем остальном тоже. Он целыми днями сидел дома в прострации, он больше не рисовал, не строил никаких планов. Через полгода Элеонора расторгла помолвку. И даже уехала из Портленда. Кто ее осудит? Ей было восемнадцать лет, она вовсе не хотела всю жизнь возиться с Лютером, который превратился в бледную тень самого себя и погряз в своем несчастье. Он стал совсем другим человеком.

— А преступники? — спросил Гэхаловуд.

— Их так и не нашли. Эта шайка уже не первый раз орудовала в наших краях. И всякий раз они всласть упражнялись в своих «филдголах». Но случай с Лютером оказался самым ужасным: они чудом его не убили. Об этом писали все газеты, полиция сбилась с ног. Но больше о них никто никогда не слышал. Наверно, испугались, что их поймают.

— Что было потом с вашим братом?

— Следующие два года Лютер не делал ничего, только слонялся целыми днями по дому. Как привидение. Отец допоздна засиживался на своем складе, мать старалась как можно чаще уходить по делам. Это были невыносимые два года. А потом, в 1966 году, вдруг кто-то позвонил в дверь.

1966

Он отпер не сразу: для него невыносима была мысль, что его увидят. Но, кроме него, дома никого не было, вдруг что-то важное? Он открыл. Перед ним стоял мужчина лет тридцати, очень элегантный.

— Привет, — сказал мужчина. — Прости, что приходится ломиться в дверь, но у меня машина сломалась. Метров пятьдесят отсюда. Ты, случайно, в механике не разбираешься?

— Фмотря фто у ваф, — ответил Лютер.

— Ничего серьезного, просто колесо село. Но никак не могу справиться с домкратом.

Лютер согласился пойти посмотреть. Машина, роскошное купе, стояла на обочине неподалеку. Правое переднее колесо напоролось на гвоздь. Плохо смазанный домкрат заело, но Лютер все-таки одолел его и поменял колесо.

— Что ж, впечатляет, — сказал мужчина. — Повезло мне, что я тебя встретил. Ты чем занимаешься? Механик?

— Нифем. Раньфе рифовал. Но потом был неффафтный флуфай.

— А чем на жизнь зарабатываешь?

— Я не варабатываю на вивнь.

Мужчина пристально посмотрел на него и протянул ему руку:

— Меня зовут Элайджа Стерн. Спасибо, я тебе по гроб жизни обязан.

— Лютер Калев.

— Приятно познакомиться, Лютер.

С минуту они разглядывали друг друга. В конце концов Стерн задал вопрос, мучивший его с тех пор, как Лютер открыл дверь:

— Что случилось с твоим лицом?

— Вам приходилось флыфать о банде филдголов?

— Нет.

— Они нападали на людей профто ради вабавы. И били по голове как по мяфу.

— Какой ужас... Сочувствую.

Лютер обреченно пожал плечами.

— А ты не сдавайся! — дружески сказал Стерн. — Если жизнь тебя бьет под дых, дай ей сдачи! Как ты посмотришь на то, чтобы получить работу? Я ищу человека, чтобы занимался моими машинами и был моим шофером. Ты мне очень нравишься. Если соблазнишься, я тебя беру.

Через неделю Лютер переехал в Конкорд, в пристройку для служащих в огромном фамильном поместье Стерна.

* * *

Силла считала, что встреча со Стерном была невероятной удачей для брата.

— Благодаря Стерну Лют снова стал человеком. У него появилась работа, деньги. Его жизнь понемногу опять обретала смысл. А главное, он снова начал рисовать. Они со Стерном прекрасно ладили: он был не только его шофером, но и доверенным лицом, я бы даже сказала, почти другом. Стерн недавно принял дела от отца; он жил в громадном доме, слишком большом для него одного. По-моему, он был рад обществу Лютера. Они сильно привязались друг к другу. Лют оставался у него на службе все следующие девять лет. До самой своей смерти.

— Миссис Митчелл, — спросил Гэхаловуд, — а какие отношения были с братом у вас?

Она улыбнулась:

— Он был совсем непохож на других. Такой добрый, нежный! Любил цветы, любил искусство. Он не должен был умереть, как обыкновенный шофер лимузина! Поймите меня правильно, я ничего не имею против шоферов, но Лют — это было что-то особенное! По воскресеньям он часто приезжал домой обедать. Появлялся утром, проводил с нами весь день и вечером возвращался в Конкорд. Я так любила эти воскресенья, особенно когда он принимался рисовать в своей бывшей комнате: он устроил там мастерскую. У него был огромный талант. Как только он начинал рисовать, он излучал неопишемую красоту. Я садилась на стул у него за спиной и смотрела. Смотрела, как из хаотичных поначалу мазков проступают реалистичные, невероятные по силе сцены. Сперва казалось, что он малюет неизвестно что, а потом вдруг среди пятен и линий возникал образ, и

каждая черточка обретала смысл. Это был совершенно неповторимый момент. Я ему говорила, что он должен продолжать занятия живописью, подумать все же о школе изящных искусств, выставлять свои работы. Но он не хотел — из-за своего лица, из-за своей дикции. Из-за всего. До нападения он говорил, что рисует, потому что иначе не может. А когда в итоге оправился, говорил, что рисует, чтобы не было так одиноко.

— Можно взглянуть на его картины? — попросил Гэхаловуд.

— Да, конечно. Отец собрал что-то вроде коллекции — все картины, какие остались в Портленде, и те, что он забрал у Стерна, из комнаты Лютера, после его гибели. Он говорил, что однажды их можно будет отдать в музей, что они могут иметь успех. Но до тех пор просто сгрузил их в ящики, на память; потом родители умерли, и теперь я храню их у себя.

Силла отвела нас в подвал; в одном из помещений громоздилась целая гора больших деревянных ящиков. Из них торчали несколько больших картин, среди рам грудой лежали наброски и рисунки. Их было на удивление много.

— Тут такой беспорядок, — извиняющимся тоном произнесла она. — Просто ворох воспоминаний. У меня рука не поднялась что-то выбрасывать.

Перебирая картины, Гэхаловуд вытащил полотно с портретом юной белокурой женщины.

— Это Элеонора, — пояснила Силла. — Эти картины написаны еще до нападения. Он любил ее рисовать. Говорил, что может рисовать ее всю жизнь.

Элеонора была молодая красивая блондинка. Любопытная деталь: она невероятно походила на Нолу. В ящиках нашлось много других женских портретов; все женщины были белокурые, все картины датированы годами после нападения.

— Кто эти женщины на картинах? — спросил Гэхаловуд.

— Не знаю, — ответила Силла. — Наверно, просто плод воображения Лютера.

Именно в этот момент мы наткнулись на серию набросков углем. На одном из них я узнал зал «Кларкса»; за стойкой стояла красивая, но грустная женщина. Сходство с Дженни было разительным, но я подумал, что это совпадение — пока, перевернув рисунок, не обнаружил на оборотной стороне подпись: «Дженни Куинн, 1974 г.» Я спросил:

— Откуда у вашего брата эта навязчивая идея — рисовать одних блондинок?

— Не знаю, — ответила Силла. — Правда не знаю...

Тогда Гэхаловуд, ласково и в то же время серьезно глядя на нее, произнес:

— Миссис Митчелл, настало время рассказать, почему вечером 31 августа 1975 года ваш отец сказал, что Лютер «сделал глупость».

Она кивнула.

31 августа 1975 года

В девять утра, повесив трубку после разговора с Элайджей Стерном, Джей Калевб понял, что дело неладно. Стерн сказал, что Лютер взял отпуск на неопределенный срок. «Вы ищете Лютера? — удивился Стерн. — Но его нет. Я думал, вы знаете». — «Его нет? А где же он? Вчера мы его ждали на дне рождения сестры, но он не пришел. Я очень волнуюсь. А что конкретно он вам сказал?» — «Он сказал, что, вероятно, не будет больше у меня работать. Это было в пятницу». — «Не будет больше работать у вас? Но почему?» — «Не знаю. Я думал, вы знаете».

Не успев положить трубку, Джей снова взял ее в руки, чтобы позвонить в полицию. Но почему-то не стал этого делать. У него было странное предчувствие. В кабинет влетела Надя, его жена:

— Что сказал Стерн?

— Что Лютер в пятницу уволился.

— Уволился? То есть как это — уволился?

Джей вздохнул: бессонная ночь измотала его.

— Понятия не имею, — ответил он. — Вообще не понимаю, что происходит. Совсем... Я должен его разыскать.

— Но где его искать?

Он пожал плечами: он не имел об этом ни малейшего представления.

— Оставайся здесь, — велел он Наде. — Вдруг он появится. Я буду тебе звонить каждый час и сообщать, как дела.

Он схватил ключи от своего пикапа и пустился в дорогу, толком не зная, откуда начать поиски. В конце концов решил доехать до Конкорда. Город он знал плохо и колесил по нему наугад. Несколько раз миновал один и тот же полицейский пост, хотел было остановиться и попросить помощи, но что-то его удерживало. В итоге он отправился к Элайдже Стерну. Тот куда-то отлучился; один из служителей провел его в комнату сына. Джей надеялся, что Лютер оставил записку, но ничего не нашел. В комнате царил порядок: ни письма, ни каких-то иных признаков, указывающих на отъезд.

— Лютер вам что-нибудь говорил? — спросил Джей у стоявшего рядом служителя.

— Нет. Меня два дня не было, но мне сказали, что Лютер какое-то

время работать не будет.

— Какое-то время? Так он взял отпуск или уволился?

— Не могу вам сказать.

Вся эта путаница была очень странной. Джей убедился, что произошло нечто серьезное, иначе его сын не растворился бы вот так, ни слова не сказав. Он покинул поместье Стерна и вернулся в город. Остановился у ресторана, чтобы позвонить жене и наскоро проглотить сэндвич. Надя сказала, что от Лютера по-прежнему никаких вестей. За завтраком он просмотрел газеты: везде только и писали, что о происшествии в Авроре.

— Что это за история с пропавшей девочкой? — спросил он у хозяина.

— Скверное дело... Это случилось в городишке в часе езды отсюда: убили какую-то бедную женщину и похитили пятнадцатилетнюю девочку. Вся полиция штата ее ищет...

— А как доехать до Авроры?

— Едете по сто первому на восток. Доезжаете до океана, дальше по шоссе 1, на юг, и вы на месте.

Движимый смутным предчувствием, Джей Калев направился в Аврору. На шоссе 1 его дважды останавливали полицейские кордоны. Проезжая мимо густого леса Сайд-Крик, он воочию оценил масштабы поисковой операции: десятки машин скорой помощи, всюду полицейские с собаками. Добравшись до центра города, он затормозил у ресторанчика на центральной улице, сразу за пристанью для яхт. Ресторан был набит битком. Он вошел и сел у стойки. Очаровательная молодая блондинка налила ему кофе. На какую-то долю секунды ему показалось, что он ее знает, хотя раньше никогда здесь не был. Он присмотрелся, она ему улыбнулась, потом он увидел на бейджике ее имя — Дженни. И внезапно понял: женщина на рисунке Лютера, на том наброске углем, который ему особенно нравился, — это она! Он прекрасно помнил подпись на обороте: «Дженни Куинн, 1974 г.»

— Могу я вам чем-нибудь помочь? — обратилась к нему Дженни. — У вас растерянный вид.

— Я... Это такой кошмар, то, что здесь произошло...

— И не говорите... До сих пор никто не знает, что случилось с девочкой. Она такая молоденькая! Всего пятнадцать лет. Я ее хорошо знаю, она здесь работает по субботам. Ее зовут Нола Келлерган.

— Как... Как вы сказали? — заикаясь, проговорил Джей, надеясь, что не расслышал.

— Нола. Нола Келлерган.

Услышав это имя, он пошатнулся. Его тошнило. Надо убираться

отсюда. И подальше. Он оставил на стойке десять долларов и быстро ушел.

Когда он вернулся домой, Надя в ту же секунду заметила, что муж не в себе. Она бросилась к нему и почти рухнула в его объятия.

— Боже, Джей, что происходит?

— Три недели назад мы с Лютером ходили на рыбалку, помнишь?

— Ну да, и наловили совершенно несъедобных окуней. Но почему ты спрашиваешь?

Джей рассказал жене, что происходило в тот день — в воскресенье, 10 августа 1975 года. Лютер приехал в Портленд накануне вечером: они договорились с раннего утра отправиться на озеро ловить рыбу. Погода стояла прекрасная, клевало хорошо, они выбрали тихий уголок, и им никто не мешал. Потягивая пиво, они разговорились о жизни.

— Папа, мне надо тебе фкавать, — произнес Лютер. — Я вфтретил необыкновенную венфину.

— Правда?

— Фефтное флово. Она не такая, как вфе. Она вафтавила битьфя мое фердфе, и внаефь, она меня любит. Она фама фкавала. Однавды я тебя ф ней повнакомлю. Уверен, она тебе офень понравитфя.

Джей улыбнулся:

— А имя у этой женцины есть?

— Нола, папа. Ее вовут Нола Келлерган.

И вот, вспоминая этот день, Джей Калев и сказал жене:

— Нола Келлерган — имя девочки, которую похитили в Авроре. По-моему, Лютер сделал огромную глупость.

В эту минуту в дом вошла Силла и услышала слова отца.

— Что это значит? — закричала она. — Что Лютер натворил?

Отец объяснил ей ситуацию и строго-настрого приказал никому не говорить об этой истории. Никто не должен был связать имя Лютера с Нолой. Всю следующую неделю он почти не бывал дома, искал сына: изъездил весь Мэн, потом все побережье от Канады до Массачусетса. Забирался в самые глухие уголки, на озера, в шалаши, которые сын так любил. Говорил себе, что он, быть может, забился туда, напуганный, затравленный, как дикий зверь, всей местной полицией. Но нигде не нашел никаких следов Лютера. Каждый вечер он ждал, прислушивался к малейшему шуму. И когда из полиции позвонили и сообщили о его смерти, он чуть ли не вздохнул с облегчением. И велел Наде и Силле больше никогда не заговаривать об этой истории, чтобы память о сыне оставалась незапятнанной.

Силла закончила свой рассказ, и Гэхаловуд спросил:

— Вы хотите сказать, что, по-вашему, ваш брат имел отношение к похищению Нолы?

— Он странно вел себя с женщинами, скажем так... Любил их рисовать. Особенно блондинок. Я знаю, что иногда он рисовал их в общественных местах, тайком. Никогда не понимала, что ему в них так нравилось... Да, думаю, у него могло что-то произойти с этой девушкой. Отец думал, что Лютер сорвался, что она ему отказала и он ее убил. Когда позвонили из полиции и сказали, что он погиб, отец долго плакал. И я слышала, как он говорил сквозь слезы:

«Даже лучше, что он умер... Если бы его нашел я, то, наверное, сам бы убил. Чтобы он не окончил жизнь на электрическом стуле».

Гэхаловуд склонил голову. Потом быстро осмотрел вещи Лютера и вытащил записную книжку.

— Это почерк вашего брата?

— Да, тут пометки, как подрезать розы... Он, помимо прочего, ухаживал за розами у Стерна. Не знаю, зачем я ее сохранила.

— Можно я возьму?

— Возьмете? Да, конечно. Только, боюсь, эти записи вряд ли представляют интерес для вашего расследования. Я их просматривала: это просто руководство по уходу за цветами.

Гэхаловуд кивнул:

— Видите ли, мне нужно сделать экспертизу почерка вашего брата.

11. В ожидании Нолы

— Бейте по этому мешку, Маркус. Бейте так, словно от этого зависит ваша жизнь. Вы должны боксировать так, как вы пишете, и писать так, как боксируете; вы должны выкладываться целиком, потому что каждый матч и каждая книга могут оказаться последними.

Лето 2008 года выдалось в Америке очень спокойным. Бои вокруг списка кандидатов в президенты завершились в конце июня, когда после праймериз в Монтане демократы выдвинули Барака Обаму; республиканцы же проголосовали за Джона Маккейна еще в феврале. Теперь пришло время собирать сторонников: ближайшие важные события ожидалось только с конца августа, когда на съездах двух ведущих и старейших партий страны будут официально утверждены их претенденты на Белый дом.

В этот период затишья перед электоральной бурей, которая будет бушевать до *Election Day*, Дня выборов 4 ноября, вся пресса накинута на дело Гарри Квеберта, породив небывалое волнение в обществе. Оно разделилось на «квебертистов» и «антиквебертистов», появились сторонники теории заговоров и те, кто считал освобождение под залог результатом денежной сделки с отцом Келлерганом. В придачу с тех пор, как мои записи попали в газеты, моя книга была у всех на устах; все только и говорили, что о «новом Гольдмане, который выйдет осенью». Элайджа Стерн, хоть его имя и не было прямо упомянуто в записях, подал иск о диффамации, чтобы помешать публикации. Дэвид Келлерган, со своей стороны, яростно отбивался от обвинений в дурном обращении с дочерью и также выразил намерение обратиться в суд. Среди всей этой шумихи радостно потирали руки два человека: Барнаски и Рот.

Рой Барнаски развернул полки своих нью-йоркских адвокатов даже в Нью-Гэмпшире, дабы пресечь любые юридические неувязки, способные задержать выход книги, и теперь ликовал: утечка (организованная им самим, в этом уже не оставалось сомнений) позволила ему занять все медийное пространство и обеспечивала неслыханные продажи. Он считал, что его методы не хуже и не лучше любых других, что мир книг уже не благородное издательское искусство, а капиталистическое безумие XXI века, что отныне книгу надо писать, чтобы она продавалась, а чтобы продать книгу, о ней должны говорить, а чтобы о ней говорили, надо силой

отвоевать себе некое пространство, иначе его займут другие. Глотай, или тебя проглотят.

Что же касается процесса, то почти ни у кого не оставалось сомнений: уголовное дело скоро развалится. Бенджамин Рот имел все шансы стать адвокатом года и обрести всенародную известность. Он направо и налево раздавал интервью и целыми днями торчал в телестудиях и на местном радио. Не важно где, лишь бы о нем говорили. «Представляете, я теперь могу требовать тысячу долларов за час, — сказал он мне. — Всякий раз, как меня печатают в газете, мой почасовой тариф для будущих клиентов возрастает еще на десять долларов. Не важно, что вы там, в прессе, говорите, важно, что вы там есть. Люди помнят, что видели ваше фото в *New York Times*, а не то, что вы наплели». Рот всю жизнь ждал, когда на него свалится дело века; наконец он его нашел. И теперь в лучах софитов скармливал журналистам все, что те хотели услышать: рассказывал про шефа Пратта, про Элайджу Стерна, постоянно твердил, что Нола была девушка сомнительная, скорее всего манипуляторша, и что в конечном счете истинная жертва — это Гарри. Для пущего возбуждения аудитории он стал даже выдумывать какие-то подробности, намекая, что пол-Авроры состояло с Нолой в интимных отношениях, так что мне пришлось ему звонить и расставлять точки над «i»:

— Кончайте свои порнографические байки, Бенджамин. Хватит всех поливать грязью.

— Послушайте, Маркус, моя задача не столько в том, чтобы отмыть честь Гарри, сколько в том, чтобы показать, сколько грязи и мерзости пятнает честь других. Если суд все-таки состоится, я вызову свидетелем Пратта, приглашу Стерна, заставлю прийти всех мужчин Авроры, чтобы они прямо в зале, публично, каялись в своих плотских грехах с малышкой Келлерган. И докажу, что бедняга Гарри виноват лишь в том, что, подобно многим до него, дал себя соблазнить развратной девице.

— Да что вы такое несете? — возмутился я. — Ничего подобного и в помине не было!

— Ну-ну, друг мой, давайте называть кошку кошкой. Эта девчонка была потаскухой.

— Вы невыносимы, — сказал я.

— Я невыносим? Я всего лишь повторяю то, что сказано в вашей книжке, разве нет?

— Именно что нет, и вы это прекрасно знаете! В Ноле не было ничего развязного, ничего вызывающего. Ее роман с Гарри — это история любви!

— Любовь, любовь, куда ни плюнь, везде любовь! Любовь — ничто,

Гольдман! Любовь — это увертка, которую придумали мужчины, чтобы самим не стирать носки!

Пресса во всем обвиняла прокуратуру; атмосфера в коридорах уголовной полиции штата накалялась: по слухам, губернатор во время трехсторонней встречи лично потребовал от следствия как можно скорее завершить дело. Рассказ Силлы Митчелл внес в расследование Гэхаловуда некоторую ясность; все факты указывали на Лютера, и сержант очень рассчитывал, что графологическая экспертиза записной книжки подтвердит его догадки. А пока ему нужно было узнать о Лютере побольше, особенно о его похождениях в Авроре. Поэтому в воскресенье, 20 июля, мы встретились с Тревисом Доуном, чтобы он рассказал нам все, что знает по этому поводу.

Поскольку я еще не был морально готов снова появляться в центре Авроры, Тревис согласился приехать к нам в придорожный ресторан недалеко от Монберри. Я не ждал теплой встречи после всего, что написал про Дженни, но он держался со мной очень любезно.

— Прости за эту утечку, мне очень жаль, — сказал я. — Это были личные заметки, они не предназначались для чужих глаз.

— Мне не за что на тебя сердиться, Марк...

— Есть за что...

— Ты всего лишь сказал правду. Я прекрасно знаю, что Дженни была без ума от Квеберта... Я же видел, как она на него тогда смотрела... Наоборот, я думаю, твое расследование, Марк, вполне убедительно... По крайней мере, это тому подтверждение. Кстати о расследовании: какие новости?

Ответил ему Гэхаловуд:

— Новости такие, что у нас очень серьезные подозрения насчет Лютера Калеба.

— Лютера Калеба... А, этого психа? Значит, эта история с картиной — правда?

— Да. Судя по всему, девочка регулярно ездила домой к Стерну. Вы были в курсе относительно шефа Пратта и Нолы?

— В смысле, всей этой гадости? Нет! Я, когда узнал, ушам своим не поверил. Знаете, он, может, и оступился, но он всегда был отличный коп. В газетах пишут, что его следственные действия могут оказаться под вопросом, так вот я в этом сомневаюсь.

— Что вы думаете о подозрениях насчет Стерна и Квеберта?

— Что они беспочвенны. Тамара Куинн заявляет, что еще тогда

говорила нам про Квеберта. По-моему, надо немного иначе взглянуть на ситуацию: она утверждала, что все знает, но она ничего не знала! Она ничем не могла подтвердить свои слова. Все, что она могла сказать, это что у нее было вполне конкретное доказательство, но она его загадочным образом потеряла. Как ей верить? Вы же сами знаете, сержант, насколько надо быть осторожным с голословными обвинениями. Против Квеберта у нас был только один факт: черный «шевроле-монте-карло». Мягко говоря, маловато.

— Одна подруга Нолы утверждает, что рассказывала Пратту о том, что творится у Стерна.

— Пратт мне ни разу не говорил.

— Ну и как тут не подумать, что он вел расследование спустя рукава? — возразил Гэхаловуд.

— Не надо мне приписывать того, чего я не говорил, сержант.

— А что вы можете сказать о Лютере Калебе?

— Лютер был странный тип. Он приставал к женщинам. Я даже заставил Дженни подать на него жалобу после того, как он повел себя с ней агрессивно.

— Он у вас никогда не был под подозрением?

— По-настоящему нет. Мы внесли его имя в список и проверили, какая у него машина: синий «мустанг», насколько я помню. Да и вообще, вряд ли это он.

— Почему?

— Незадолго до исчезновения Нолы я постарался, чтобы больше его в Авроре не видели.

— То есть?

Тревис вдруг смутился.

— Ну, в общем... Я его увидел в «Кларксе», дело было в середине августа, как раз после того, как я убедил Дженни на него заявить... Он с ней грубо обошелся, у нее на руке остался жуткий синяк. То есть дело было уже все-таки серьезное. Он заметил, что я подъезжаю, и удрал. Я за ним, догнал его на шоссе 1. И там... Я... Знаете, Аврора мирный городок, я не хотел, чтобы он тут шастал...

— Что вы сделали?

— Вздул его как следует. Невелика заслуга, конечно. И...

— Что «и», шеф Доун?

— Я ему ствол приставил к причинному месту. Задал ему трепку, и когда он валялся скрюченный на земле, прижал его хорошенько, вытащил кольт, загнал в барабан одну пулю и сунул пушку ему в ширинку. Сказал

ему, чтобы он больше не попадался мне на глаза. Он скулил. Скулил, что больше его здесь не будет, умолял отпустить. Так не положено себя вести, я знаю, но я хотел быть уверен, что ноги его больше не будет в Авроре.

— И вы думаете, он послушался?

— Само собой.

— То есть вы последний, кто его видел в Авроре?

— Ну да. Я дал ориентировку коллегам, с описанием машины. Он больше ни разу не показывался. Через месяц стало известно, что он погиб в Массачусетсе.

— Что с ним случилось?

— Не вписался в поворот, по-моему. Больше толком ничего не знаю. Честно говоря, не слишком интересовался. У меня в тот момент были дела поважнее.

Когда мы вышли из ресторана, Гэхаловуд сказал мне:

— По-моему, эта тачка — ключ к разгадке. Надо узнать, кто мог водить черный «шевроле-монте-карло». Вернее, вопрос надо ставить иначе: мог ли Лютер Кaleb 30 августа 1975 года быть за рулем черного «шевроле-монте-карло»?

Назавтра я снова приехал в Гусиную бухту — в первый раз после пожара. Входить в дом запрещалось, на уровне крыльца висели заградительные ленты, но я все же пробрался внутрь. Все было разорено. На кухне я нашел коробку «На память о Рокленде, Мэн», она сохранилась. Я высыпал из нее сухой хлеб и сложил туда несколько уцелевших вещей, которые подобрал в комнатах. В гостиной мне попался маленький фотоальбом, каким-то чудом избежавший пламени. Я вышел с ним на улицу, сел напротив дома под высокой березой и стал смотреть фотографии. В эту минуту ко мне подошел Эрни Пинкас.

— Я увидел у въезда твою машину, — просто сказал он и уселся рядом со мной. Потом спросил, указывая на альбом: — Это фото Гарри?

— Да. В доме нашел.

Мы помолчали. Я переворачивал страницы. Снимки относились, по-видимому, к началу 1980-х годов. На нескольких присутствовал желтый лабрадор.

— Это чей пес? — спросил я.

— Гарри.

— Не знал, что у него была собака.

— Его звали Шторм. Лет двенадцать — тринадцать у него прожил.

Шторм. Кажется, я уже слышал эту кличку, только не помнил где.

— Маркус, — снова заговорил Пинкас. — Прости, если обидел тебя на днях. Я не хотел.

— Ничего.

— Нет, чего. Я не знал, что тебе угрожали. Это из-за твоей книги?

— Наверно.

— Но кто это сделал? — возмущенно спросил он, указывая на сгоревший дом.

— Непонятно. Полиция говорит, использовалась горючая жидкость вроде бензина. На пляже нашли пустую канистру, но чьи на ней отпечатки пальцев — неизвестно.

— Значит, тебе угрожали, а ты остался?

— Да.

— Почему?

— А почему я должен уезжать? Потому что страшно? Ну так страху поддаваться нельзя.

Пинкас сказал, что я большой человек и что ему тоже хотелось бы достичь чего-то в жизни. Жена всегда в него верила. Она умерла несколько лет назад, от опухоли. И на смертном одре сказала ему — так, словно он был подающий надежды юноша: «Эрни, ты совершишь в жизни что-то великое. Я в тебя верю». — «Я уже слишком стар... Моя жизнь позади». — «Эрни, поздно никогда не бывает. Пока ты не умер, у тебя вся жизнь впереди». Но все, что сумел сделать Эрни после смерти жены, это получить работу в супермаркете Монберри, чтобы оплатить счета за химиотерапию и содержать в порядке надгробный памятник.

— Я собираю тележки, Маркус. Хожу по парковке, ловлю брошенные, одинокие тележки, забираю их с собой, утешаю и ставлю к их приятельницам на тележную стоянку, для следующих покупателей. Тележки никогда не бывают одиноки. Ну или совсем недолго. Потому что во всех супермаркетах мира есть какой-нибудь Эрни, который приходит за ними и возвращает их в семью. Но кто потом придет за самим Эрни и вернет его в семью, а? Почему для тележек в супермаркете делают больше, чем для людей?

— Да, ты прав. Что я могу для тебя сделать?

— Мне хочется быть среди тех, кого ты будешь благодарить в своей книжке. На последней странице, писатели часто так делают. Чтобы там было мое имя. Первым номером и крупными буквами. Ведь я тебе все-таки немного помог искать сведения. Как ты думаешь, это возможно? Моя жена гордилась бы мной. Ее муженек приложил руку к огромному успеху Маркуса Гольдмана, новой литературной звезды.

— Конечно, — сказал я. — Обязательно сделаю.

— Я буду читать ей твою книгу, Марк. Каждый день я буду садиться рядом с ней и читать ей твою книгу.

— Нашу книгу, Эрни. Нашу.

Внезапно мы услышали за спиной шаги. Это была Дженни.

— Я увидела у въезда твою машину, — сказала она.

Мы с Эрни улыбнулись ее словам. Я встал, и Дженни по-матерински меня обняла. Потом взглянула на дом и заплакала.

В тот же день на обратном пути в Конкорд я заехал к Гарри в мотель «Морской берег». Он стоял у дверей своего номера, голый по пояс, и отрабатывал боксерские удары. Он сильно изменился. Увидев меня, предложил:

— Пошли боксировать, Маркус.

— Мне надо с вами поговорить.

— Вот за боксом и поговорим.

Я протянул ему коробку «На память о Рокленде, Мэн», найденную в развалинах его дома:

— Возвращаю вам вот это. Я заезжал в Гусиную бухту. В доме полно ваших вещей... Почему бы вам их не забрать?

— А зачем мне что-то там забирать?

— На память, например...

Он поморщился:

— От воспоминаний одна печаль, Маркус. Вот я увидел эту коробку, и мне уже хочется плакать!

Он взял коробку в руки и прижал к груди.

— Когда она пропала, — произнес он, — я не участвовал в поисках... Знаете, чем я занимался?

— Нет...

— Я ждал, Маркус. Я ее ждал. Если бы я искал, это бы значило, что ее здесь больше нет. Поэтому я ждал, я был уверен, что она ко мне вернется. Не сомневался, что в один прекрасный день она придет. И хотел, чтобы в этот день она мною гордилась. Я тридцать три года готовился к ее возвращению. Тридцать три года! Я каждый день покупал цветы и шоколад, для нее. Я знал, что кроме нее никого не буду любить; любовь, Маркус, бывает только раз в жизни! Если вы мне не верите, значит, вы еще не любили. Вечерами я сидел на тахте и поджидал ее, говорил себе, что она появится неожиданно, как всегда. Когда я ездил с лекциями по стране, то всегда оставлял на двери записку: «Читаю лекцию в Сиэтле. Буду в

ближайший вторник». На случай, если она вернется в эти дни. И никогда не запираю дверь. Никогда! За все тридцать три года я ни разу не закрыл дверь на ключ. Мне говорили, что я ненормальный, что однажды я вернусь и обнаружу, что дом обокрали — но в Авроре, штат Нью-Гэмпшир, никто ни у кого не ворует. Знаете, почему я целые годы провел в разъездах, почему принимал любые приглашения читать лекции? Потому что думал, что, быть может, найду ее. Я изъездил всю страну вдоль и поперек, от мегаполисов до самых захолустных городишек, я следил, чтобы о моем приезде сообщала вся местная пресса, и, бывало, платил за рекламные площади из своего кармана, и все ради чего? Ради нее, чтобы мы могли встретиться. И на каждой лекции я вглядывался в аудиторию, искал белокурых женщин ее возраста, искал похожие черты. Каждый раз я говорил себе: может, она окажется здесь. А после лекции отвечал на каждую просьбу, все думал, а вдруг она ко мне подойдет. Я годами высматривал ее среди слушателей, отыскивал глазами сперва девушек пятнадцати лет, потом шестнадцати, двадцати, двадцати пяти! Я потому и остался в Авроре, Маркус, что ждал Нолу. И вот полтора месяца назад ее нашли мертвой. Похороненной в моем саду! Я все это время ждал, а она была здесь, совсем рядом! Там, где я всегда хотел посадить для нее гортензии! С того дня как ее нашли, у меня сердце разрывается, Маркус! Потому что я потерял любовь всей моей жизни, потому что если бы я не назначил ей встречу в этом проклятом мотеле, она, быть может, была бы жива! Так что не надо являться ко мне с воспоминаниями и рвать мне душу. Хватит, умоляю вас, довольно.

Он направился к лестнице.

— Куда вы, Гарри?

— Заниматься боксом. Бокс — это все, что у меня осталось.

Он спустился на парковку и стал исполнять воинственные па под встревоженными взглядами посетителей соседнего ресторана. Я догнал его; он встал в боевую стойку и попытался проделать серию прямых ударов, но даже боксировал теперь как-то иначе.

— А на самом деле, зачем вы пришли? — спросил он между двумя атаками правой.

— Зачем? Да чтобы с вами повидаться...

— А почему вам так хочется со мной повидаться?

— Ну потому что мы друзья!

— Маркус, вы никак не хотите понять одну простую вещь: мы больше не можем быть друзьями.

— Что вы такое говорите, Гарри?

— Правду. Я люблю вас как сына. И всегда буду любить. Но впредь мы

не сможем быть друзьями.

— Почему? Из-за дома? Я же сказал, я за все заплачу! Я заплачу!

— Опять вы не понимаете, Маркус. Это не из-за дома.

Я на секунду зазевался, и он нанес мне сразу несколько ударов прямо в правое плечо.

— Держите защиту, Маркус! Будь это голова, я бы вас убил!

— Да плевать мне на защиту! Я хочу знать! Я хочу понять, что означает ваша игра в загадки!

— Это не игра. Вот когда поймете, тогда и раскроете это дело.

Я застыл на месте:

— О господи, вы о чем говорите? Вы что-то от меня скрываете, да? Вы сказали мне не всю правду?

— Я все вам сказал, Маркус. Правда у вас в руках.

— Ничего не понимаю.

— Знаю. Но когда поймете, все будет иначе. В вашей жизни наступил переломный этап.

В досаде я сел прямо на бетон. Он заорал, что сейчас не время сидеть:

— Вставайте, вставайте! Мы занимаемся благородным искусством бокса!

Но мне уже было ни к чему его благородное искусство бокса.

— Для меня бокс имеет смысл только в связи с вами, Гарри! Помните чемпионат по боксу 2002 года?

— Конечно помню... Как я могу забыть?

— Так почему мы больше не будем друзьями?

— Из-за книг. Книги нас свели, а теперь они нас разлучают. Это было предрешиено.

— Предрешиено? Как так?

— Все упирается в книги... Маркус, я знал, что этот момент настанет, с того самого дня, как увидел вас.

— Да какой момент?

— Это из-за книги, которую вы пишете.

— Из-за моей книги? Но я брошу ее, если хотите! Вы хотите, чтобы я все отменил? Да ради бога, я все отменю! Уже отменил! Не будет книги! Ничего не будет!

— К сожалению, это ничего не даст. Все равно будет если не эта книга, так другая.

— Гарри, о чем вы говорите? Я вообще ничего не понимаю.

— Вы напишете эту книгу, Маркус, и это будет замечательная книга. Главное, не поймите меня превратно: я очень за вас рад. Но теперь нам

пришла пора расстаться. Один писатель уходит, другой рождается. Вы пришли мне на смену, Маркус. Вы скоро станете величайшим писателем. Вам заплатили за права миллион долларов! Миллион долларов! Вы будете великим человеком, Маркус. Я всегда это знал.

— Господи боже мой, да что вы хотите сказать?

— Маркус, ключ к разгадке в книгах. Он у вас перед глазами. Приглядитесь, приглядитесь хорошенько! Видите, где мы с вами сейчас?

— Мы с вами сейчас на парковке мотеля!

— Нет! Нет, Маркус! Мы у истоков зла! И я уже тридцать лет со страхом жду этой минуты.

Зал для бокса в кампусе Берроуза, февраль 2002 года

— Вы неправильно бьете, Маркус. Удар хороший, но первая фаланга среднего пальца слишком выдается вперед и при ударе скользит.

— Когда я в перчатках, я ее не чувствую.

— Вы должны уметь боксировать без перчаток. Перчатки нужны только для того, чтобы не убить противника. Сами поймете, если ударите не по мешку, а по чему-нибудь другому.

— Гарри... Как по-вашему, почему я всегда боксирую в одиночку?

— Спросите у себя.

— По-моему, потому, что я боюсь. Боюсь проиграть.

— Но когда вы отправились в этот зал в Лоуэлле, по моему совету, и тот громадный негр размазал вас в лепешку, что вы тогда почувствовали?

— Гордость. Задним числом я почувствовал гордость. На следующий день я оглядел синяки у себя на теле, и они мне понравились: я одолел себя, я осмелился! Я осмелился драться!

— То есть вы считали, что победили...

— По сути — да. Пускай формально я бой проиграл, но мне казалось, что в тот день я победил.

— Вот и весь ответ. Не важно, проиграл ты или победил, Маркус. Важно, какой путь ты прошел от гонга первого раунда до гонга финального. Результат матча — это же просто информация для зрителей. Кто вправе сказать, что вы проиграли, если вы сами считаете, что выиграли? Жизнь, Маркус, она как бег: всегда найдутся те, кто бежит быстрее или медленнее вас. В конечном итоге важно, сколько сил вы вложили в то, чтобы пройти свой путь.

— Гарри, я тут видел объявление в вестибюле...

— Университетский чемпионат по боксу?

— Да... Там будут все крупные университеты... Гарвард, Йель... Я... Я тоже хочу участвовать.

— Тогда я вам помогу.

— Правда?

— Ну конечно. Вы всегда можете рассчитывать на меня, Маркус. Помните это. Мы с вами команда. На всю жизнь.

10. Поиски пропавшей девочки **(Аврора, Нью-Гэмпшир, 1–18 сентября 1975 года)**

— Гарри, как передать чувства, которые сам никогда не испытывал?

— Вот в этом и состоит писательский труд. Если вы пишете, значит, вы способны чувствовать сильнее других и передавать эти чувства. Писать — это позволить читателям увидеть то, что они не всегда могут увидеть сами. Если бы истории о сиротах рассказывали одни сироты, это был бы тупик. Это бы означало, что вы не можете писать ни о матери, ни об отце, ни о собаке, ни о летчике, ни о русской революции, потому что вы — не мать, не отец, не собака, не летчик и не видели русской революции своими глазами. Вы всего лишь Маркус Гольдман. Если бы каждый писатель должен был писать только о самом себе, литература была бы страшно убогой и утратила бы весь свой смысл. Мы вправе писать обо всем, Маркус, обо всем, что нас волнует. И никто не может судить нас за это. Мы писатели, потому что умеем делать по-другому то, что умеют делать все вокруг — писать. В этом вся хитрость.

Всем то и дело казалось, что они видели Нолу. В универсаме в соседнем городе, на автобусной остановке, у стойки ресторана. Через неделю после ее исчезновения, пока еще шли розыски, полиции пришлось иметь дело с множеством ошибочных свидетельств. В округе Корддридж прервали киносеанс: кому-то из зрителей показалось, что он узнал Нолу Келлерган в третьем ряду. В окрестностях Манчестера доставили в комиссариат для проверки какого-то отца семейства, провожавшего на ярмарку дочь — белокурую девочку пятнадцати лет.

Несмотря на все усилия, розыски не приносили результатов. К ним привлекли всех окрестных жителей: это позволило охватить соседние с Авророй районы, но ни к чему не привело. Прибывшие на помощь специалисты из ФБР, исходя из опыта и статистики, указывали места, которые следовало обшарить в первую очередь: реки и ручьи, опушки леса возле парковок, свалки, где гнили тошнотворные отбросы. Дело представлялось им настолько сложным, что они даже прибегли к помощи экстрасенса, работавшего по двум убийствам в Орегоне, — но на сей раз и

он оказался бессилен.

Вся Аврора бурлила, ее заплотнили толпы зевак и журналистов. В полицейском участке на главной улице кипела бурная деятельность: координировали поиски, сводили и сортировали информацию. Телефон раскалывался от бесконечных звонков, зачастую по пустякам, и каждый звонок требовал тщательной и долгой проверки. Какие-то зацепки были обнаружены в Вермонте и Массачусетсе, туда отправили группы кинологов, но безрезультатно. Пресс-конференции, которые дважды в день давали шеф Пратт и капитан Родик перед входом в участок, все больше напоминали признание в собственном бессилии.

Аврора находилась под усиленным, хотя и негласным наблюдением: федералы, смешавшись с толпой журналистов, прибывших со всего штата для освещения событий, пристально следили за домом Келлерганов и поставили их телефон на прослушку. Если девочку похитили, преступник скоро проявится. Позвонит или, может, по своей природной испорченности, присоединится к потоку любопытных, несущих к дому номер 245 по Террас-авеню записки со словами поддержки. Если же дело не в выкупе и здесь, как опасаются некоторые, орудовал маньяк, его следовало обезвредить как можно быстрее, пока он снова не принялся за свое.

Люди сплотились: мужчины, не считаясь со временем, обшаривали каждый метр лесов и полей, осматривали берега речек и ручьев. Роберт Куинн взял два отгула, чтобы участвовать в розысках. Эрни Пинкас отпрашивался с работы на час раньше и присоединялся к поисковым командам, работавшим во второй половине дня и до самой ночи. Тамара Куинн, Эми Пратт и другие добровольные помощницы готовили на кухне «Кларкса» еду для волонтеров. Все их разговоры были только о расследовании:

— Я кое-что знаю! — твердила Тамара Куинн. — У меня есть очень ценные сведения!

— Что ты знаешь? Что? Расскажи! — вскрикивали слушательницы, намазывая маслом хлеб для сэндвичей.

— Не могу... Это слишком серьезно.

И каждая начинала рассказывать, что давно подозревала — в доме 245 по Террас-авеню творится что-то непонятное, ничего удивительного, что все так плохо кончилось. Миссис Филипс, чей сын учился в одном классе с Нолой, рассказала, что вроде бы однажды на перемене кто-то из учеников шутки ради задрал Ноле блузку и все увидели, что у девочки на теле рубцы. Миссис Хаттауэй поведала, что ее дочь Нэнси была близкой подругой Нола и что летом произошло сразу несколько странных вещей, а главное, Нола

вдруг словно пропала на целую неделю, а домой к Келлерганам никого не пускали.

— А эта музыка! — добавила миссис Хаттауэй. — Каждый день приходилось слушать эту ужасную музыку из гаража, и я все думала, почему, черт возьми, ему непременно надо оглушить весь квартал. Наверное, следовало пожаловаться на шум, но я не решилась. Говорила себе, что он все-таки пастор...

Понедельник, 8 сентября 1975 года

Было около полудня.

Гарри сидел в Гусиной бухте и ждал. В голове неотступно вертелись одни и те же вопросы: что произошло? Что с ней случилось? Он уже неделю не выходил из дому и ждал. Спал на кушетке в гостиной, просыпаясь от малейшего шума. Ничего не ел. Ему казалось, что он сходит с ума. Куда девалась Нола? Почему полиция ничего не может найти? Чем больше он думал, тем чаще ему приходила в голову мысль: а вдруг Нола хотела замести следы? Вдруг она инсценировала нападение? Измазала томатным соком лицо и кричала, чтобы все считали, будто ее похитили, а сама, пока полиция ищет ее вокруг Авроры, уже успела уехать очень далеко, добраться до канадской глубинки. Возможно даже, скоро все решат, что она умерла, и перестанут ее искать. Неужели Нола подготовила весь этот спектакль, чтобы их навсегда оставили в покое? Но если это так, почему она не пришла в мотель? Слишком быстро появилась полиция? Ей пришлось прятаться в лесу? И что же произошло у Деборы Купер? Связаны эти два дела или это простое совпадение? Но если Нолу не похитили, почему она не дает о себе знать? Почему она не укрылась здесь, в Гусиной бухте? Он пытался размышлять здраво: где она может быть? Где-нибудь в таком месте, о котором знают только они двое. На Мартас-Виньярде? Слишком далеко. Жестяная коробка на кухне напомнила ему вылазку в Мэн в самом начале их отношений. Может, она спряталась в Рокленде? При этой мысли он вскочил, схватил ключи от машины и кинулся на улицу. И в дверях нос к носу столкнулся с Дженни, как раз собиравшейся нажать кнопку звонка. Она пришла узнать, все ли в порядке — он уже несколько дней не появлялся, она забеспокоилась. Увидев его, она ужаснулась: выглядит скверно, исхудал. Он был в том же костюме, что и в «Кларксе» неделю назад.

— Гарри, что с тобой? — спросила она.

— Я жду.

— Чего ты ждешь?

— Нолу.

Она не поняла:

— Да, это кошмарная история! В городе все просто убиты. Целая неделя прошла — и ничего. Никаких следов. Гарри... Ты плохо выглядишь, на тебя смотреть страшно. Когда ты последний раз ел? Сейчас я тебе налью ванну и приготовлю чего-нибудь перекусить.

У него не было времени возиться с Дженни. Ему надо было найти, где прячется Нола. Отстранив ее, резко, даже грубовато, он спустился по деревянным ступенькам на покрытую гравием парковку и сел в машину.

— Я ничего не хочу, — бросил он из окна. — Я очень занят, не надо мне мешать.

— Но чем ты занят? — грустно спросила Дженни.

— Я жду.

Он нажал на газ и скрылся за соснами. Она села на ступеньки крыльца и заплакала. Чем сильнее она любила его, тем мучительнее становилась эта любовь.

В эту же минуту Тревис Доун, со своим шиповником в руках, вошел в «Кларкс». Он уже несколько дней не видел ее — с самого исчезновения Нолы. Все утро он провел в лесу, с поисковыми группами, а потом, сев в патрульную машину, увидел под сиденьем цветы. Лепестки уже местами пожухли и нелепо свернулись, но ему вдруг захотелось отнести их Дженни. Немедленно. Как будто жизнь слишком коротка. Он отлучился на минутку, только чтобы заехать в «Кларкс», но ее не было на месте.

Он уселся за стойку, и к нему сразу подошла Тамара Куинн: теперь она кидалась к каждому полицейскому мундиру.

— Как продвигаются поиски? — спросила она тоном встревоженной мамы.

— Ничего не нашли, миссис Куинн. Совсем ничего.

Вздыхнув, она взглядела в усталое лицо молодого полицейского:

— Ты обедал, сынок?

— Э-э... Нет, миссис Куинн. Вообще-то я хотел повидать Дженни.

— Она отлучилась ненадолго.

Она налила ему стакан холодного чая и положила перед ним бумажную салфетку и приборы. Потом заметила цветы и спросила:

— Это ей?

— Да, миссис Куинн. Я хотел убедиться, что с ней все в порядке. Все эти истории за последние дни...

— Она скоро должна прийти. Я ее просила вернуться к началу обеда, но, конечно, она опаздывает. Совсем голову потеряла из-за этого типа...

— Это из-за кого? — спросил Тревис, чувствуя, как у него вдруг сжалось сердце.

— Из-за Гарри Квеберта.

— Гарри Квеберта?

— Она к нему пошла, я уверена. Не понимаю, зачем она так жаждет понравиться этому негодяю... В общем, короче, не надо было мне это тебе говорить. Сегодня блюдо дня — треска с жареной картошкой...

— Отлично, миссис Куинн. Спасибо.

Она дружески положила руку ему на плечо:

— Ты хороший парень, Тревис. Я была бы рада, если бы Дженни нашла себе человека вроде тебя.

Она удалилась на кухню, а Тревис отхлебнул холодного чая. Ему было грустно.

Дженни появилась через несколько минут; она подкрасилась на бегу, чтобы никто не заметил ее заплаканных глаз. Она прошла за стойку, повязала передник — и только тут заметила Тревиса. Он улыбнулся и протянул ей увядший букет:

— Прости, они с виду не очень-то... но я уже несколько дней собираюсь их тебе подарить. Для меня это важно.

— Спасибо, Тревис.

— Это шиповник, дикие розы. Я знаю одно местечко возле Монберри, там их очень-очень много. Я тебя туда свожу, если хочешь. Дженни, все в порядке? Ты такая бледная...

— Все нормально...

— Ты расстроена из-за этой жуткой истории, да? Тебе страшно? Не волнуйся, сейчас везде полно полиции. И потом, я уверен, что Нола найдется.

— Мне не страшно. Не в этом дело.

— А в чем?

— Да так, пустое.

— Ты из-за Гарри Квеберта? Твоя мать говорит, он тебе очень нравится.

— Возможно. Не имеет значения, Тревис, не обращай внимания. Мне... Мне надо на кухню. Я опоздала, и мама опять мне закатит истерику.

Дженни скрылась за дверью и налетела прямо на мать. Тамара накладывала еду на тарелки:

— Опять ты опаздываешь, Дженни! Народу полно, а я тут мечусь одна!

— Прости, ма.

Тамара протянула ей тарелку с треской и жареной картошкой:

— Ну-ка отнеси Тревису.

— Да, ма.

— Он, знаешь ли, симпатичный парень.

— Знаю...

— Пригласишь его к нам на обед в воскресенье.

— К нам? На обед? Нет, мама, не хочу. Он мне совсем не нравится. К тому же он начнет питать пустые надежды, это будет нехорошо с моей стороны.

— Не спорь! Небось ты так не ломалась, когда перед балом осталась одна, а он тебя пригласил. Ты ему очень нравишься, это видно, и из него выйдет вполне хороший муж. Забудь ты к черту этого Квеберта! Не будет тебе Квеберта, никогда! Заруби себе это на носу! Квеберт — непорядочный человек! А тебе пора найти мужчину, и радуйся, что за тобой ухаживает красивый парень, хоть ты целыми днями в фартуке!

— Мама!

— «Мама! Мама!» — передразнила ее Тамара глупым писклявым голосом хнычущего ребенка. — Может, хватит нюни распускать? Тебе скоро двадцать пять лет! Старой девой хочешь остаться? Все твои одноклассницы уже замужем! А ты? А? Ты была королевой школы, так что случилось-то, Господи Иисусе! Ох, как ты меня разочаровываешь, дочка. Мама очень разочарована. В воскресенье мы будем обедать с Тревисом, и точка. Отнесешь ему заказ и пригласишь, живо! А потом возьмешь тряпку и протрешь столы у стены, они все заляпаны. Будешь знать, как вечно опаздывать.

Среда, 10 сентября 1975 года

— Понимаете, доктор, этот симпатичный полицейский за ней увивается. Я сказала ей пригласить его на обед в воскресенье. Она не хотела, но я ее заставила.

— Зачем вы ее заставили, миссис Куинн?

Тамара пожала плечами и, снова рухнув головой на диванный валик, на минуту задумалась.

— Затем, что... Затем, что я не хочу, чтобы она в итоге осталась одна.

— То есть вы боитесь, что ваша дочь будет одинокой до конца жизни.

— Да! Именно так! До конца жизни!

— А вы сами боитесь одиночества?

— Боюсь.

— Что вы себе представляете, думая об одиночестве?

- Одиночество — это смерть.
- Вы боитесь умереть?
- Смерть вызывает у меня ужас, доктор.

Воскресенье, 14 сентября 1975 года

За столом у Куиннов на Тревиса обрушился целый град вопросов. Тамара желала знать все о зашедшем в тупик расследовании. Роберт хотел было поделиться некоторыми любопытными наблюдениями, но стоило ему открыть рот, как жена осаживала его: «Помолчи, Боббо. Это вредно для твоего рака». Дженни сидела с несчастным видом и почти не притрагивалась к еде. Только ее мать болтала без умолку. Наконец, когда пришло время подавать яблочный пирог, она набралась храбрости и спросила:

— Так что, Тревис, у вас есть список подозреваемых?

— Вообще-то нет. Надо сказать, мы сейчас немножко запутались. Сумасшедший дом какой-то, ни единой зацепки.

— А Гарри Квеберта подозреваете?

— Мама! — возмутилась Дженни.

— Что «мама»? Уж и спросить нельзя в этом доме? Я про него заговорила не просто так, у меня более чем веские причины: он извращенец, Тревис. Извращенец! И я вовсе не удивлюсь, если он окажется замешан в исчезновении девочки.

— То, что вы утверждаете, очень серьезно, миссис Куинн, — ответил Тревис. — Такие вещи нельзя говорить, не имея доказательств.

— Но у меня оно было! — взревела она в бешенстве. — Было! Представь себе, у меня был листок, написанный его рукой, самый настоящий компромат, он лежал у меня в сейфе, в ресторане! Ключ от сейфа есть только у меня! А знаешь, где я держу ключ? Он у меня на шее висит! Я его никогда не снимаю! Никогда! И вот на днях я хотела взять эту чертову бумажку и отдать шефу Пратту, а она пропала! Ее нет в сейфе! Как такое может быть? Ничего не понимаю. Колдовство какое-то!

— Может, ты его просто не туда положила? — предположила Дженни.

— Придержи свой язык, дочь. Я все-таки еще не сошла с ума! Боббо, я сошла с ума?

Роберт неопределенно кивнул, чем привел жену в еще большую ярость.

— Боббо, ты почему не отвечаешь, когда я тебя спрашиваю?

— Потому что у меня рак, — наконец отозвался он.

— Ну, значит, не получишь пирога. Доктор же сказал: десерты для

тебя — верная смерть.

— Я не слышал, чтобы доктор такое говорил! — возразил Роберт.

— Вот видишь, ты уже оглох от своего рака. Не пройдет и двух месяцев, как ты отправишься к ангелам, бедный мой Боббо.

Тревис, чтобы разрядить ситуацию, попытался продолжить разговор:

— В любом случае, если доказательств у вас нет, это неубедительно, — подытожил он. — Полицейское расследование — штука точная и научная. Я в этом кое-что понимаю, я был лучшим в выпуске в полицейской академии.

От одной мысли о том, что бумажка, способная погубить Гарри, куда-то сгинула, Тамара выходила из себя. Чтобы успокоиться, она схватила лопатку для пирога и решительно раскромсала его на куски. Боббо всхлипывал: ему вовсе не хотелось умирать.

Среда, 17 сентября 1975 года

Отыскать листок стало для Тамары Куинн навязчивой идеей. За два дня она перерыла весь дом, свою машину и даже гараж, куда вообще никогда не заходила. Все напрасно. В то утро, когда первая я смена в «Кларксе» начала разносить завтрак, она закрылась у себя в кабинете и вывалила содержимое сейфа на пол: к сейфу ни у кого нет доступа, страничка не могла исчезнуть, это невозможно. Она должна быть здесь. Тамара заново пересмотрела бумаги — листка не было; раздосадованная, она сложила все на место. В эту минуту Дженни постучала в дверь и, просунув голову в дверной проем, обнаружила мать, по пояс погруженную в огромную стальную пасть.

— Ма, что ты делаешь?

— Я занята.

— Ох, ма, только не говори, что ты опять ищешь эту чертову бумажку!

— Не лезь не в свое дело! Сколько времени?

Дженни посмотрела на часы:

— Почти половина девятого.

— Черт, черт, черт! Я опаздываю.

— Куда опаздываешь?

— У меня встреча.

— Встреча? Но нам же сегодня утром напитки принимать. Ты уже и в прошлую среду...

— Ты вроде бы уже большая девочка? — сухо перебила ее мать. — Обе руки у тебя на месте, где склад, ты знаешь. Чтобы поставить ящики с колой один на другой, гарвардов кончать не надо: уверена, ты прекрасно

справишься. И не вздумай строить глазки экспедитору, чтобы он это сделал за тебя! Пора засучить рукава и работать!

И Тамара, не удостоив дочь даже взглядом, взяла ключи от машины и удалилась. Спустя полчаса к служебному входу «Кларкса» подъехал внушительный грузовик, и водитель выставил у двери тяжелый поддон с ящиками колы.

— Вам помочь? — спросил он Дженни, когда она подписала накладную.

— Нет. Моя мать хочет, чтобы я все сделала сама.

— Ну как хотите. Хорошего вам дня.

Грузовик уехал, и Дженни стала поднимать по одному тяжелые ящики и таскать их на склад. Ей хотелось плакать. В этот момент мимо проезжал Тревис на патрульной машине. Заметив ее, он тут же затормозил и вышел из автомобиля.

— Пособить? — предложил он.

Она пожала плечами и ответила, не останавливаясь:

— Да ладно. У тебя наверняка своих дел хватает.

Он подхватил другой ящик и попытался завязать разговор:

— Говорят, рецепт кока-колы — большая тайна, он хранится в сейфе в Атланте.

— Не знала.

Он зашел вместе с Дженни на склад, и они поставили два принесенных ящика друг на друга. Она молчала, и он решил продолжать:

— Вроде бы еще кола поднимает боевой дух. Со времен Второй мировой ее специально поставляют нашим солдатам, которые служат за границей. Это я прочитал в одной книжке про кока-колу. Вообще-то я ее просто так читал, я и более серьезные книжки читаю.

Они снова вышли на парковку. Она посмотрела ему прямо в глаза:

— Тревис...

— Да, Дженни?

— Обними меня. Обними меня покрепче! Мне так одиноко! Я такая несчастная! Мне кажется, у меня даже сердце замерзло.

Он обнял ее и изо всех сил прижал к себе.

— А теперь еще дочь задает мне вопросы, доктор. Только что спросила меня, куда это я езжу по средам.

— Что вы ей ответили?

— Чтобы не совала свой нос, куда не просят, и приняла ящики с колой! Какое ей дело, куда я езжу!

— По вашему голосу я чувствую, что вы сердитесь.
— Да! Да! Конечно сержусь, доктор Эшкрофт!
— На кого вы сердитесь?
— Ну... на... на себя!
— Почему?
— Потому что я на нее накричала. Знаете, доктор, вот заводишь детей и хочешь, чтобы они были самые счастливые на свете. А потом жизнь встает нам поперек дороги!
— Что вы имеете в виду?
— Она вечно просит у меня совета, во всем! Вечно цепляется за мою юбку, вечно спрашивает: «Ма, а как это делают? Ма, а куда это убрать? Ма то, ма сё! Ма! Ма! Ма!» Но я же не всегда буду при ней! Однажды я уже не смогу с ней нянчиться, понимаете! И у меня от одной этой мысли вот тут все сводит, в животе! Желудок узлом завязывается как будто! Просто физически больно, я есть не могу!
— Вы хотите сказать, что у вас бывают тревожные состояния, миссис Куинн?
— Да! Да! Еще какие тревожные! Ужасно тревожные! Стараешься все делать хорошо, давать детям самое лучшее! А что станется с нашими детьми, когда нас не будет? Что они будут делать, а? И как быть уверенным, что с ними ничего не случится? Вот как с этой девочкой, доктор Эшкрофт! С этой бедняжкой Нолой! Что с ней случилось? Где она может быть?

* * *

Где же она могла быть? В Рокленде ее не было. Ни на пляже, ни в ресторанах, ни в том магазинчике. Нигде. Он позвонил в отель на Мартас-Виньярде, узнать, не видел ли кто из персонала белокурой девушки, но на ресепшне его приняли за сумасшедшего. И тогда он стал ждать, каждый день и каждую ночь.

Он ждал весь понедельник.

Он ждал весь вторник.

Он ждал всю среду.

Он ждал весь четверг.

Он ждал всю пятницу.

Он ждал всю субботу.

Он ждал все воскресенье.

Ждал истово, с надеждой: она вернется. И они уедут вместе. Они

будут счастливы. Она была единственным человеком, который придал его жизни смысл. Гори огнем все — книги, дома, музыка, люди, — все не важно, лишь бы она была с ним. Он любил ее, любил, а это значит, что он не страшился ни смерти, ни беды, пока она рядом. И потому он ждал. А когда спускалась ночь, клялся звездам, что будет ждать ее всегда.

Но если Гарри отказывался терять надежду, то капитану Родик у оставалось лишь констатировать, что, несмотря на все привлеченные средства, полицейская операция провалилась. За две с лишним недели все было перевернуто вверх дном, и все впустую. На совещании с федералами и шефом Праттом Родик подвел горький итог:

— Собаки ничего не находят, люди тоже. По-моему, мы ее не отыщем.

— Согласен с вами, — кивнул ответственный чин из ФБР. — Обычно в таких случаях жертву либо находят сразу, живую или мертвую, либо поступает требование выкупа. Если же ни того ни другого нет, дело попадает в груды таких же нераскрытых дел о пропаже людей: они год за годом громоздятся у нас на письменных столах. Только за последнюю неделю ФБР получило пять сообщений о пропаже детей по стране. Мы просто не успеваем со всем как следует разобраться.

— Но что же такое могло случиться с этой девочкой? — спросил Пратт, не желавший смириться и опустить руки. — Сбежала?

— Сбежала? Нет. Почему же тогда ее видели напуганную и всю в крови?

Родик пожал плечами, а чин из ФБР предложил сходить выпить пива.

Назавтра, 18 сентября, шеф Пратт и капитан Родик провели под вечер последнюю пресс-конференцию, в ходе которой объявили, что поиски пропавшей Нолы Келлерган прекращаются. Дело остается в ведении уголовной полиции штата. За две недели никаких следов Нолы Келлерган обнаружено не было: ни единого факта, ни единой зацепки.

Добровольцы под руководством шефа Пратта еще несколько недель продолжали розыски повсюду, до самых границ штата. Тщетно. Нола Келлерган словно испарилась.

9. Черный «монте-карло»

— Слова — это здорово, Маркус. Но не пишите для того, чтобы вас прочли: пишите, чтобы вас слышали.

Книга моя продвигалась. Часы, проведенные за письменным столом, постепенно обрастали бумажной плотью, и во мне возрождалось неопишное, казалось бы навсегда забытое чувство. Я словно наполнялся наконец жизненной силой, из-за нехватки которой все во мне прежде функционировало неправильно; мне словно кто-то нажал на кнопку в мозгу и внезапно включил его. Как будто я вновь вернулся к жизни. Я чувствовал себя писателем.

День у меня начинался еще до рассвета: я отправлялся бегать, пересекал Конкорд из конца в конец со своим мини-дисковым плеером в ушах. Потом, вернувшись в отель, заказывал целый литр кофе и садился за работу. Я снова мог рассчитывать на помощь Денизы: я позвал ее обратно из «Шмида и Хансона», и она согласилась вернуться на службу в мой офис на Пятой авеню. Я посылал ей написанное по электронной почте, а она вносила правку. Закончив очередную главу, я отправлял ее Дугласу, чтобы узнать его мнение. Забавно было наблюдать, сколько сил он вкладывает в эту книгу; я знал, что он не отходит от компьютера в ожидании следующей главы. И при каждом удобном случае он напоминал мне о неумолимо приближавшихся сроках, повторяя: «Если мы не закончим вовремя, нам крышка!» Он говорил «нам», хотя фактически ничем в этой ситуации не рисковал, просто был так же заинтересован в успехе, как и я.

Думаю, Дуглас испытывал сильное давление со стороны Барнаски и пытался меня от него уберечь: Барнаски боялся, что я не уложусь в срок без посторонней помощи. Он мне уже несколько раз звонил, дабы сказать это лично.

— Вам надо взять «негров», иначе вы ни за что не справитесь. У меня на это есть целые команды, вы набрасываете в общих чертах, а они пишут.

— Никогда, — ответил я. — Эту книгу пишу я, я за нее отвечаю. И никто это за меня не сделает.

— Ох, Гольдман, как вы надоели со своей моралью и честностью. Сейчас все пишут книги чужими руками. Вот Н., например, никогда не отказывается от «негров».

— Н. пишет книги не сам?

Он издал свой характерный дурацкий смешок.

— Ну конечно же нет! Как вы хотите, чтобы он выдерживал такой ритм? Читатели не хотят знать, как Н. пишет книги и вообще кто их пишет. Все, чего они хотят, — это каждый год в начале лета уйти в отпуск с новой книжкой Н. И мы им ее даем. Это называется коммерческий подход.

— Это называется обман публики, — отозвался я.

— Обман публики... Пфф, Гольдман, вы просто непревзойденный мастер высокой трагедии.

Я дал ему понять, что никто, кроме меня, писать книгу не будет, об этом не может быть и речи; он потерял терпение и сорвался на грубость:

— Гольдман, по-моему, я вам отвалил за эту гребаную книжку миллион долларов, и вы могли бы быть поговорчивее. Я сказал, что вам нужны мои негры, значит, они будут работать, мать вашу!

— Успокойтесь, Рой, книгу вы получите в срок. При условии, что прекратите отрывать меня от работы бесконечными звонками.

Тут Барнаски начал просто ругаться как извозчик:

— Черт вас раздери, Гольдман, вы сознаете, надеюсь, что с этой книгой я поставил на карту свои яйца! Свои яйца! На карту! Я вложил на куеву хучу бабла и риску репутацией одного из крупнейших издательств страны. Так что если дело не выгорит, если книжки не будет из-за ваших капризов или еще какого говна и я пойду ко дну, вас я тоже утоплю, имейте в виду! И так, чтоб не выплыли!

— Я учту, Рой. Буду иметь в виду.

Барнаски, помимо чисто человеческих недостатков, обладал врожденным даром маркетинга: рекламная кампания — в виде громадных плакатов на стенах Нью-Йорка — только стартовала, а моя книга уже сейчас была книгой года. Вскоре после пожара в Гусиной бухте он выступил с громким заявлением: «Где-то в Америке скрывается писатель, который хочет выяснить правду о том, что же произошло в 1975 году в Авроре. Но это неудобная правда, и кто-то готов на все, чтобы заставить его замолчать». На следующий день *New York Times* поместила статью под заголовком: «Кто охотится за Маркусом Гольдманом?» Естественно, моя мать ее прочла и тут же мне позвонила:

— О боже, Марки, где ты?

— В Конкорде, в отеле «Риджентс». Номер люкс 208.

— Замолчи сейчас же! — закричала она. — Я не хочу знать!

— Но, мама, ты же сама...

— Если ты мне скажешь, я не удержусь и скажу мяснику, а он своему приказчику, а тот скажет своей матери, а она кузина консьержа

Фелтоновской школы и уж точно ему скажет, а этот паразит пойдет и расскажет директору, а тот все разболтает в учительской, и скоро весь Монтклер будет знать, что мой сын сейчас в 208-м люксе отеля «Риджентс» в Конкорде и тот-кто-охотится-за-тобой придет и зарежет тебя во сне. А кстати, почему номер люкс? У тебя подруга? Ты собираешься жениться?

И я услышал, как она кричит отцу: «Нельсон, подойди к телефону! Марки собрался жениться!»

— Мама, я не собираюсь жениться. Я один в номере.

Гэхаловуд, сидевший в моей комнате и поглощавший весьма плотный завтрак, не нашел ничего лучшего, как крикнуть: «Эй! Я тоже здесь!»

— Кто это? — тут же заинтересовалась мать.

— Никто.

— Не говори, что никто! Я слышала мужской голос. Маркус, я должна тебе задать крайне важный медицинский вопрос, и ты честно ответишь той, что носила тебя в животе целых девять месяцев: в твоей комнате прячется мужчина, гомосексуалист?

— Нет, мама. Это сержант Гэхаловуд, он полицейский. Он вместе со мной ведет расследование, а заодно старается, чтобы мои счета за обслуживание не похудели.

— Он голый?

— Что? Ну конечно нет! Это полицейский, мама! Мы вместе работаем.

— Полицейский... Я, знаешь ли, не вчера на свет родилась: бывает такая музыка, когда мужчины хором поют, бывает байкер, весь в коже, и водопроводчик бывает, и индеец, и полицейский...

— Мама, он самый настоящий полицейский.

— Марки, заклинаю нашими предками, бежавшими от погромов, если ты любишь мамочку, прогони из своей комнаты этого голого мужчину.

— Мама, я никого прогонять не буду.

— О, Марки, зачем ты мне звонишь и меня расстраиваешь?

— Это ты звонишь, мама.

— Потому что мы с твоим отцом боимся этого сумасшедшего преступника, который тебя преследует.

— Никто меня не преследует. Газеты преувеличивают.

— Я каждое утро и каждый вечер заглядываю в почтовый ящик.

— Зачем?

— *Зачем? Зачем?* И он еще меня спрашивает зачем! Из-за бомбы!

— Вряд ли кто-нибудь подложит вам бомбу, мама.

— Нас взорвут! Мы умрем! И так и не порадуемся внукам. Ты доволен собой? На днях, вообрази себе, за отцом до самого дома ехала огромная

черная машина. Папа вбежал внутрь, а машина встала на улице, прямо рядом.

— Вы вызвали полицию?

— Ну разумеется. Приехали две машины, с сиренами.

— И?..

— Это были соседи. Эти негодяи купили новую машину! Даже не предупредив нас! Новую машину, тц-тц-тц! Все говорят, что скоро будет страшный экономический кризис, а они покупают новую машину! Разве это не подозрительно, а? Думаю, муж занимается наркоторговлей или чем-то в этом роде.

— Мама, ну что за глупости ты говоришь?

— Я знаю, что говорю! И не разговаривай так со своей бедной матерью, которая с минуты на минуту может погибнуть от бомбы! Как твоя книга?

— Двигается, и быстро. Через месяц должен закончить.

— А чем она кончается? Может, тот, кто убил девочку, и тебя хочет убить.

— Вот это моя единственная проблема: я до сих пор не знаю, чем кончается эта книга.

Под вечер понедельника, 21 июля, когда я писал главу, где Нола и Гарри решают вместе уехать в Канаду, ко мне в номер влетел Гэхаловуд. Он был невероятно возбужден и первым делом схватил бутылку пива из минибара.

— Я был у Элайджи Стерна, — сообщил он.

— У Стерна? Без меня?

— Не забывайте, что Стерн подал в суд на вашу книгу. Короче, сейчас расскажу...

Гэхаловуд объяснил, что появился у Стерна без предупреждения, чтобы визит не выглядел официальным, и встретил его адвокат Стерна, Бо Силфорд, бостонский гений защиты. Он был в спортивном костюме, весь потный, и сказал: «Дайте мне пять минут, сержант. Быстренько приму душ и буду в вашем распоряжении».

— Приму душ? — переспросил я.

— Вот именно, писатель, я же и говорю: этот Силфорд разгуливал в вестибюле полуголый. Я подождал в маленькой гостиной, потом он вернулся, уже в костюме, а с ним Стерн, и Стерн сказал: «Ну вот, сержант, вы познакомились с моим партнером».

— С его партнером? Вы хотите сказать, что Стерн...

— Гомосексуалист. А следовательно, он, скорее всего, никогда не испытывал ни малейшего влечения к Ноле Келлерган.

— И что все это значит? — спросил я.

— Я ему задал тот же вопрос. Он был вполне открыт для разговора.

Стерн сказал, что очень раздражен моей книгой, что я сам не знаю, что пишу. И тут Гэхаловуд перехватил мяч и предложил Стерну прояснить некоторые пункты расследования.

— Мистер Стерн, — сказал он, — в свете того, что мне стало известно о ваших... сексуальных предпочтениях, можете ли вы сказать, какого рода отношения связывали вас с Нолой?

Стерн и бровью не повел:

— Я же вам говорил с самого начала. Чисто рабочие отношения.

— Рабочие отношения?

— Это когда кто-то для вас что-то делает, а вы ему платите, сержант. В данном случае она позировала.

— То есть Нола Келлерган в самом деле приезжала сюда позировать вам?

— Да. Только не мне.

— Не вам? А кому же?

— Лютеру Калебу.

— Лютеру? Зачем?

— Ради его удовольствия.

Сцена, о которой рассказал Стерн, происходила вечером, в июле 1975 года. Стерн не помнил точной даты, но дело было в конце месяца. Сопоставляя числа, я установил, что это случилось перед самой поездкой на Мартас-Винъярд.

Конкорд. Конец июля 1975 года

Было уже поздно. В доме находились только Стерн и Лютер: они сидели на террасе и играли в шахматы. Когда в дверь вдруг позвонили, оба удивились, кто мог прийти в такой час. Лютер пошел открывать и вернулся на террасу, ведя за собой очаровательную белокурую девушку с покрасневшими от слез глазами. Нолу.

— Добрый вечер, мистер Стерн, — робко сказала она. — Извините, пожалуйста, что я пришла без предупреждения. Меня зовут Нола Келлерган, я дочь пастора из Авроры.

— Из Авроры? Ты доехала сюда из Авроры? — спросил он. — Как же ты добралась?

— Автостопом, мистер Стерн. Мне непременно надо с вами

поговорить.

— Мы знакомы?

— Нет. Но у меня к вам просьба огромной важности.

Стерн окинул взглядом юную маленькую женщину с лучистыми, но грустными глазами, явившуюся к нему поздним вечером с «просьбой огромной важности». Он усадил ее в удобное кресло, а Калев принес ей стакан лимонаду и печенье.

— Я тебя слушаю, — сказал он, когда она залпом выпила лимонад; сцена начинала его почти забавлять. — Что же такое важное ты хотела у меня попросить?

— Еще раз простите, пожалуйста, мистер Стерн, что беспокою вас в такое время. Но у меня чрезвычайные обстоятельства. Пожалуйста, никому не говорите. Я пришла, чтобы... Чтобы попросить вас взять меня на работу.

— Взять тебя на работу? Но в качестве кого?

— Кого хотите. Я буду делать все, что угодно.

— Тебя? На работу? — Стерн никак не мог понять. — Но зачем? Тебе нужны деньги, девочка?

— Взамен я хочу, чтобы вы разрешили Гарри Квеберту остаться в Гусиной бухте.

— Гарри Квеберт уезжает из Гусиной бухты?

— У него нет средств, чтобы там оставаться. Он уже связался с агентством, которое сдает дом. Он не может заплатить за август. Но ему надо остаться! Потому что у него книга, он только что начал писать, и я чувствую, это будет потрясающая книга! Если он уедет, он никогда ее не допишет! С его карьерой будет покончено! И потом, есть мы! Я люблю его, мистер Стерн. Люблю так, как никого никогда не полюблю! Я знаю, вам это покажется смешным, вы думаете, что мне всего пятнадцать и я ничего не знаю о жизни. Может быть, я ничего не знаю о жизни, мистер Стерн, но я знаю свое сердце! Без Гарри я ничто.

Она умоляюще сложила руки, и Стерн спросил:

— Чего же ты ждешь от меня?

— У меня нет денег. Иначе я бы заплатила за аренду дома, чтобы Гарри мог остаться. Но вы можете нанять меня! Я буду служить у вас и стану работать столько, сколько нужно, чтобы хватило на оплату аренды еще на несколько месяцев.

— У меня дома хватает работников.

— Я могу делать все, что вы захотите. Все! Или тогда позвольте мне платить за аренду понемногу: у меня уже есть сто двадцать долларов! — Она вынула из кармана банкноты. — Это все мои сбережения! По субботам

я работаю в «Кларксе», я буду работать, пока все вам не выплачу!

— Сколько ты зарабатываешь?

— Три доллара в час! Плюс чаевые! — гордо ответила она.

Стерн улыбнулся, растроганный ее просьбой. Он смотрел на Нолу с нежностью: в сущности, ему не нужны были деньги от аренды Гусиной бухты, он прекрасно мог позволить Гарри пользоваться домом несколько лишних месяцев. Но в эту минуту Лютер сказал, что хочет поговорить с ним наедине. Они вышли в соседнюю комнату.

— Эли, — сказал Лютер, — я хофу ее рифовать. Повалуйфта... Повалуйфта...

— Нет, Лютер. Только не это... Не сейчас...

— Я тебя умоляю... Повволь мне ее рифовать... Я уве так давно...

— Но почему? Почему ее?

— Потому фто она мне напоминает Элеонору.

— Опять Элеонора? Довольно! Пора это прекратить!

Сначала Стерн отказался. Но Лютер так долго упрашивал, что он наконец сдался. Они вернулись к Ноле, которая потихоньку клевала печенье из тарелки.

— Нола, я подумал, — сказал он. — Я готов позволить Гарри Квеберту пользоваться домом столько, сколько он захочет.

Она порывисто бросилась ему на шею:

— Спасибо! Спасибо, мистер Стерн!

— Погоди, есть одно условие...

— Ну конечно! Все, что хотите! Вы так добры, мистер Стерн.

— Ты будешь позировать. Для картины. Рисовать будет Лютер. Ты разденешься, и он будет писать тебя обнаженной.

Она остолбенела:

— Обнаженной? Вы хотите, чтобы я разделась догола?

— Да. Но только чтобы позировать. К тебе никто не притронется.

— Но... это же так стыдно — быть голой... Я хочу сказать... — Она начала всхлипывать. — Я думала, я могу вам оказывать какие-то мелкие услуги: работать в саду или составить каталог вашей библиотеки. Я не думала, что мне надо будет... Я о таком не думала.

Она утерла слезы. Стерн смотрел на эту бедную, нежную юную женщину, которую он принуждал позировать обнаженной. Ему хотелось обнять ее, успокоить, но он не мог давать волю чувствам.

— Такова моя цена, — сухо произнес он. — Ты позируешь голой, и Квеберт сохраняет за собой дом.

Она кивнула:

— Я буду, мистер Стерн. Сделаю все, что вы захотите. Я теперь ваша.

* * *

Спустя тридцать три года после этой сцены Стерн, одолеваемый угрызениями совести, словно во искупление своего греха, провел Гэхаловуда на ту террасу, где когда-то потребовал от Нолы, чтобы она ради спасения великой любви своей жизни разделась догола перед его шофером.

— Вот так, — проговорил он, — вот так Нола вошла в мою жизнь. Наутро после ее прихода я попытался связаться с Квебертом и сказать ему, что он может остаться в Гусиной бухте, но ему невозможно было дозвониться. На целую неделю он как сквозь землю провалился. Я даже послал Лютера покараулить его у дома. В конце концов он сумел его перехватить, когда тот уже собирался уезжать из Авроры.

Потом Гэхаловуд спросил:

— Но неужели вас не удивила просьба Нолы? И тот факт, что девочка пятнадцати лет состоит в любовной связи с мужчиной за тридцать и просит вас сделать ему одолжение?

— Знаете, сержант, она так прекрасно говорила о любви... Так прекрасно... Я бы никогда не смог найти такие слова. И потом, сам я любил мужчин. Вы знаете, как в те времена относились к гомосексуализму? Да впрочем, и сейчас... Недаром же я по-прежнему прячусь. Настолько, что когда этот Гольдман описывает меня старым садистом, намекая, что я надругался над Нолой, я боюсь что-то сказать. Посылаю адвокатов, затеваю суды, пытаюсь добиться, чтобы книгу запретили. А ведь мне довольно заявить всей Америке, что я иной ориентации. Но наши сограждане столь высоконравственны, а мне нельзя пятнать репутацию.

Гэхаловуд перевел разговор на другую тему:

— А как все происходило с Нолой?

— Лютер ездил за ней в Аврору. Я сказал, что ничего не хочу об этом знать. Велел ему брать свою личную машину, синий «мустанг», а не черный служебный «линкольн». Как только я видел, что он отправился в Аврору, я отсылал всю прислугу. Не хотел, чтобы хоть кто-то оставался в доме. Мне было очень стыдно. Поэтому же я не хотел, чтобы все происходило на веранде, которая обычно служила Лютеру мастерской: боялся, а вдруг кто-то заметит. Так что он устраивал Нолу в маленькой гостиной рядом с моим кабинетом. Я приходил поздороваться с ней, когда

она появлялась, и попрощаться, когда уезжала. Я поставил Лютеру такое условие: мне хотелось убедиться, что все хорошо. Ну или не слишком плохо. Помню, первый раз она сидела на тахте, накрытой белой простыней. Уже обнаженная, дрожащая, смущенная, испуганная. Я пожал ей руку: она была ледяная. Я никогда не оставался в комнате, но всегда был поблизости, хотел быть уверенным, что он не сделает ей ничего плохого. Потом даже спрятал в комнате переговорное устройство. Включал его и мог слышать все, что происходит.

— И что вы слышали?

— Ничего. Лютер не произносил ни слова. Он и вообще-то был молчалив, из-за своих переломанных челюстей. Он писал ее, вот и все.

— То есть он к ней не притрагивался?

— Никогда! Я же вам говорю, я бы не потерпел.

— Сколько раз приезжала Нола?

— Не помню. Наверно, раз десять.

— И сколько картин он написал?

— Одну.

— Ту, что мы конфисковали?

— Да.

Значит, Гарри смог остаться в Авроре только благодаря Ноле. Но почему у Лютера Калеба возникла потребность ее написать? И почему Стерн, который, по его словам, готов был позволить Гарри жить в его доме безвозмездно, вдруг уступил просьбам Калеба и заставил Нолу позировать обнаженной? На эти вопросы Гэхаловуд ответить не мог.

— Я его спрашивал, — объяснил он. — Я ему сказал: «Мистер Стерн, я по-прежнему не могу понять одну вещь: почему Лютер хотел рисовать Нолу? Вы только что сказали, что это доставляло ему удовольствие: вы имеете в виду сексуальное удовольствие? Еще вы упомянули Элеонору — это его бывшая подруга?» Но он не захотел говорить на эту тему. Сказал, что это сложная история, что я знаю все, что мне нужно, а остальное — дело прошлое. И закончил беседу. Я был у него неофициально, я не мог заставить его отвечать.

— Дженни рассказывала, что Лютер хотел писать и ее тоже, — напомнил я.

— Ну и что это такое? Он что, был маньяк с кистью?

— Понятия не имею, сержант. Думаете, Стерн согласился на просьбу Калеба, потому что тот ему нравился?

— Мне это приходило в голову, и я спросил Стерна. Задал ему вопрос, было ли у него что-то с Калемом. Он очень спокойно ответил, что

абсолютно ничего. «Я весьма верный партнер мистера Силфорда, с самого начала семидесятых, — сказал он. — К Лютеру Калебу я никогда не испытывал ничего, кроме жалости, поэтому и взял его на службу. Бедняга жил в Портленде, его жестоко избили и изувечили. Он был хорошим механиком, а мне как раз нужен был шофер и человек, который бы занимался моими автомобилями. Между нами быстро возникли дружеские отношения. Знаете, он был отличный парень. Можно сказать, мы были друзьями». Видите ли, писатель, что меня смущает, так это именно их отношения, которые он назвал дружескими. Но у меня такое впечатление, что там что-то большее. Но не в сексуальном плане: я уверен, что Стерн не лжет и действительно не испытывал влечения к Калебу. Нет, это, по-моему, какие-то более... нездоровые узы. Мне так показалось, когда Стерн рассказывал, как он уступил Калебу и потребовал от Нолы позировать голой. Ему это было противно, и все-таки он это сделал: Калек словно имел над ним какую-то власть. Кстати, от Силфорда это тоже не ускользнуло. До тех пор он не проронил ни слова, только слушал, но когда Стерн описывал, как зашел поздороваться с перепуганной обнаженной девочкой, он произнес: «Эли, как это? Как? Что это за история? Почему ты мне никогда не говорил?»

— А про исчезновение Лютера вы со Стерном говорили? — спросил я.

— Спокойно, писатель, самое вкусное я приберег под конец. Силфорд, сам того не желая, надавил на него. Он был совершенно ошарашен и на время утратил адвокатские рефлексy. Он начал вопить: «Но, Эли, объясни, в конце концов! Почему ты мне ничего не сказал? Почему ты молчал столько лет?» Этот самый Эли, как вы можете понять, перетрусил: «Да, я молчал, я молчал, но я не забыл! Я тридцать три года хранил эту картину! Каждый день я заходил в мастерскую, садился на кушетку и смотрел на нее. Выдерживал ее взгляд, ее присутствие. А она, этот призрак, в упор смотрела на меня! Это была моя кара!»

Гэхаловуд, естественно, спросил Стерна, о какой каре идет речь.

— Кара за то, что я тоже ее немножко убил! — воскликнул Стерн. — Думаю, что когда я позволил Лютеру писать ее обнаженной, я пробудил в нем страшных демонов... Я... я сказал малышке, что она должна позировать Лютеру обнаженной, и тем самым как бы соединил их. Наверное, я косвенно виноват в ее смерти!

— Что же произошло, мистер Стерн?

Стерн сначала молчал, маялся, явно не мог понять, стоит ли говорить то, что ему известно. Потом наконец решился:

— Я скоро понял, что Лютер без ума от Нолы и хочет понять, почему

Нола без ума от Гарри. Он просто свихнулся на этом. И настолько помешался на Квеберте, что стал прятаться в лесу возле Гусиной бухты и шпионить за ним. Я видел, что он все чаще ездит в Аврору, знал, что иногда он проводит там целые дни. Мне казалось, что ситуация выходит из-под контроля, и однажды я поехал за ним. И нашел его машину в лесу, около Гусиной бухты. Я поставил свою подальше от чужих глаз и осмотрел лес. Тогда-то я его и увидел: он прятался в зарослях и следил за домом. Меня он не заметил. Я не стал показываться ему на глаза, но мне хотелось его как следует проучить, чтобы он почувствовал себя на волосок от гибели. Я решил, что заявлюсь в Гусиную бухту, как будто мне вдруг вздумалось неожиданно навестить Гарри. Я вышел на шоссе 1 и как ни в чем не бывало пошел по дороге к Гусиной бухте. Направился прямо на террасу, наделал шуму. Заорал: «Добрый день! Добрый день, Гарри!» — так чтобы Лютер точно меня услышал. Гарри, наверно, принял меня за полоумного, впрочем, помню, он тоже орал как сто чертей. Я сказал, что оставил свою машину в Авроре, и предложил ему отвезти меня в город и там вместе пообедать. К счастью, он согласился, и мы уехали. Я подумал, что так у Лютера будет время убраться и он отделается испугом. Мы отправились обедать в «Кларкс». Там Гарри Квеберт мне рассказал, что двумя днями раньше Лютер на рассвете подвез его из Авроры в Гусиную бухту: у него свело ногу во время бега. Гарри спросил, что делает Лютер в Авроре в такую рань. Я перевел разговор на другое, но очень встревожился: пора было это прекращать. В тот же день вечером я приказал Лютеру больше не появляться в Авроре, иначе у него будут неприятности. Но он все равно продолжал. Тогда, через неделю или две, я сказал, что больше не хочу, чтобы он рисовал Нолу. Мы сильно повздорили. Это было в пятницу, двадцать девятого августа семьдесят пятого года. Он заявил, что больше не может у меня работать, и ушел, хлопнув дверью. Я подумал, что он так поступил сгоряча и вернется. На завтра, в тот самый день тридцатого августа, я уехал рано, у меня было несколько личных встреч, но, вернувшись к вечеру, обнаружил, что Лютера по-прежнему нет, и у меня возникло странное предчувствие. Я отправился его искать. Поехал в Аврору, примерно часов в восемь, и по дороге меня обогнала колонна полицейских машин. Оказалось, что в городе царит невероятное волнение: люди говорили, что Нола пропала. Я спросил адрес Келлерганов, хотя вполне мог просто последовать за любопытными и машинами скорой помощи, которые потоком стекались к их дому. Немного постоял там, в толпе зевак, все еще не веря; смотрел на дом, где жила эта милая девочка, маленький, спокойный, белый дощатый дом с качелями, повешенными на

толстой вишне. В Конкорд я вернулся, когда было уже темно, и зашел в комнату Лютера, посмотреть, нет ли его, но, конечно, никого не было. И на меня смотрел портрет Нолы. Он был закончен, портрет был закончен. Я забрал его, повесил в мастерской. С тех пор он там и висел. Я прождал Лютера всю ночь — напрасно. На завтра позвонил его отец: он тоже его искал. Я сказал, что его сын два дня назад уехал, ничего не уточняя. Впрочем, я вообще никому ничего не говорил. Я замолчал. Потому что если бы я сказал, что Лютер виновен в похищении Нолы Келлерган, это бы значило, что я сам как будто отчасти виновен. Я караулил Лютера три недели; каждый день ездил его искать. Пока его отец не сообщил, что он погиб в автокатастрофе.

— Вы хотите сказать, что, по-вашему, это Лютер Калеб убил Нолу? — спросил Гэхаловуд.

Стерн кивнул:

— Да, сержант. Я уже тридцать три года живу с этой мыслью.

Выслушав рассказ Гэхаловуда о разговоре со Стерном, я сперва потерял дар речи. Потом взял еще пару бутылок пива из мини-бара и включил плеер.

— Вы должны это все повторить, сержант. Мне надо вас записать, для книги.

Он охотно согласился:

— Ради бога, писатель.

Я нажал на кнопку. В эту минуту у Гэхаловуда зазвонил телефон. Он сказал «алло», и плеер зафиксировал его слова: «Вы уверены? Вы все проверили? Что? Что? О господи, офигеть!» Он попросил у меня клочок бумаги и ручку, записал то, что ему сообщили, и повесил трубку. Потом как-то странно посмотрел на меня и сказал:

— Это стажер нашей бригады... Я просил его найти отчет об автокатастрофе с Лютером Калемом.

— И?..

— Согласно тогдашнему отчету, Лютер Калеб был обнаружен в черном «шевроле-монте-карло», числившемся за компанией Стерна.

Пятница, 26 сентября 1975 года

День был пасмурный. Солнце встало несколько часов назад, но свет был тусклый, рассеянный. Всюду стелились плотные полосы тумана: так часто бывает сырой осенью в Новой Англии. В восемь часов утра Джордж Тент, ловец омаров, вместе с сыном вышел на своей лодке из маленького

порта Сагамор, что в Массачусетсе. Его участок ловли располагался в основном вдоль побережья, но он принадлежал к числу тех редких представителей этой профессии, кто ставил ловушки в узких заливах, забракованных другими ловцами: те считали их труднодоступными и слишком зависящими от прихотей приливов, чтобы приносить серьезный доход. Как раз в один из таких заливов, где стояли две ловушки, и направился Джордж Тент. Когда он разворачивал лодку в бухте Сансет — так называлась эта лагуна меж отвесных скал, — его сына вдруг ослепила вспышка света. Луч солнца, пробившись сквозь облака, отразился от какого-то предмета. Это длилось всего долю секунды, но вспышка была достаточно сильной, и юноша, заинтересовавшись, достал бинокль и стал осматривать скалы.

— Что случилось? — спросил отец.

— Там, на берегу, что-то есть. Не знаю что, но я видел, как что-то вспыхнуло, и сильно.

Прикинув уровень океана относительно скал, Тент решил, что глубина позволяет приблизиться к берегу, и очень медленно двинулся вдоль откоса.

— Ты можешь сказать, что это было? — с любопытством спросил он сына.

— Отблеск, это точно. Но от чего-то необычного, вроде металла или стекла.

Они проплыли чуть дальше и, огибая утес, внезапно обнаружили то, что так ярко сверкнуло. «Вашу мамашу!» — ругнулся Тент-отец и с вытаращенными глазами кинулся к бортовому радио, вызывать береговые службы охраны.

В тот же день, в восемь сорок семь утра, в полицию Сагамора от береговой охраны поступил сигнал о несчастном случае со смертельным исходом: какая-то машина сорвалась с дороги, идущей вдоль бухты Сансет, и разбилась на скалах. На место выехал полицейский Даррен Венслоу. Он прекрасно знал этот участок: узкое шоссе вдоль головокружительного обрыва, с которого открывался великолепный вид. В самой высокой точке даже была устроена парковка, чтобы туристы могли полюбоваться панорамой. Это был чудесный уголок, но полицейский Венслоу всегда считал его опасным, поскольку там отсутствовали защитные ограждения. Он несколько раз обращался к городским властям с соответствующим запросом, поскольку летними вечерами на парковке всегда бывало много народу, — но безуспешно. Разве что поставили предупреждающий знак.

Подъезжая к парковке, Венслоу заметил пикап лесничества — значит,

несчастный случай произошел здесь. Он немедленно выключил сирену и затормозил. Двое лесников наблюдали за тем, что происходило внизу: судно береговой охраны выдвигало телескопическую стрелу погрузчика.

— Они говорят, там машина, — сказал один из лесников Венслоу, — только вот ни черта не видно.

Полицейский подошел к краю обрыва: склон был почти отвесный, каменистый, поросший ежевикой и высокой травой. Действительно, увидеть что-либо было невозможно.

— Говорите, машина прямо под нами? — спросил он.

— Так сказали по экстренной связи. Судя по тому, где стоит судно, думаю, машина была на парковке и по какой-то причине свалилась со склона. Об одном молюсь, лишь бы это не подростки... Приехали целоваться среди ночи и не поставили машину на ручной тормоз.

— О господи, — прошептал Венслоу. — Я тоже очень надеюсь, что это не дети.

Он осмотрел часть парковки, примыкающую к обрыву Между битумом и началом склона шла длинная полоса земли. Он поискал следы — вырванную траву, поломанную ежевику в том месте, где машина покатила с обрыва.

— По-вашему, машина не остановилась? — спросил он лесника.

— Наверняка. Уж сколько твердят, что надо поставить ограждение. Говорю же, детишки. Точно детишки. Выпили лишнего и не затормозили. Потому что если не залить zenki, надо очень постараться, чтобы не затормозить у конца парковки.

Катер завершил операцию и отошел от скалы. Трое мужчин увидели автомобиль, болтавшийся на стреле. Венслоу вернулся к своей машине и связался по радио с береговой охраной.

— Машина какая? — спросил он.

— «Шевроле-монте-карло», — ответили ему. — Черный.

— Черный «шевроле-монте-карло»? Подтвердите, это черный «шевроле-монте-карло»?

— Подтверждаю. Номера нью-гэмпширские. Там внутри мертвяк. Малоприятное зрелище.

* * *

Мы тащились на одышливом служебном «крайслере» Гэхаловуда уже два часа. Дело было во вторник, 22 июля 2008 года.

— Хотите, я сяду за руль, сержант?
— Только не это.
— Вы слишком медленно едете.
— Я осторожно еду.
— Это не машина, сержант, а консервная банка.
— Это автомобиль полиции штата. Имейте уважение.
— Значит, это консервная банка штата. Может, музыку включим?
— Даже не мечтайте, писатель. Мы не подружки на прогулке, у нас расследование.

— Знаете, пожалуй, я напишу в своей книге, что вы водите, как старикашка.

— Включайте музыку, писатель. И как можно громче. Чтобы я больше вас не слышал, пока мы не приедем.

Я засмеялся:

— Ладно, напомните, кто такой этот тип. Даррен...
— ...Венслоу. Служил в полиции Сагамора. Его вызвали, когда рыбаки нашли разбитую машину Лютера.

— Черный «шевроле-монте-карло».

— Именно.

— С ума сойти! Почему же никто не увидел связи?

— Откуда я знаю, писатель. Вот это-то и надо вытащить на свет божий.

— А что теперь делает Венслоу?

— Вышел на пенсию несколько лет назад. Теперь вместе с двоюродным братом держит гараж. Вы что, записываете?

— Да. Что вам Венслоу сказал вчера по телефону?

— Ничего особенного. Кажется, удивился моему звонку. Сказал, что днем его можно найти в гараже.

— А почему вы его по телефону не спросили?

— Ничего нет лучше разговора лицом к лицу, писатель. Телефон — штука безликая. Телефон — это для слабаков вроде вас.

Гараж находился на въезде в Сагамор. Мы нашли Венслоу, уткнувшегося носом в мотор старого «бьюика». Он выгнал своего кузена из кабинета, пригласил туда нас, снял со стульев разложенные папки с отчетностью, чтобы мы могли сесть, долго мыл руки над раковиной, а потом сварил нам кофе.

— Ну? — спросил он, наливая чашки. — Что такого стряслось, что ко мне явилась полиция штата Нью-Гэмпшир?

— Я вам уже вчера говорил, — ответил Гэхаловуд, — мы расследуем

обстоятельства смерти Нолы Келлерган. И нас, в частности, интересует автокатастрофа, случившаяся на вашем участке 26 сентября 1975 года.

— Черный «монте-карло», да?

— Совершенно верно. Откуда вы знаете?

— Вы расследуете дело Келлерган. А я сам тогда думал, что тут есть какая-то связь.

— Правда?

— Ну да. К слову сказать, потому я про это и помню. То есть я имею в виду, что со временем какие-то события забываются, а какие-то врезаются в память. Этот случай был из тех, что не забудешь.

— Почему?

— Знаете, когда вы коп в маленьком городке, дорожные происшествия — чуть ли не самые важные дела, с которыми приходится разбираться. То есть я хочу сказать, за все время работы трупы я видел только в ДТП. Но тут было другое дело: в предыдущие недели нас всех подняли по тревоге из-за похищения в Нью-Гэмпшире. Все усиленно искали черный «шевроле-монте-карло», нам велели смотреть в оба. Помню, в те недели я во время патрулирования только и делал, что вылавливал «шевроле» всех цветов, похожие на эту модель, и проверял их. Я считал, что черную машину можно без труда перекрасить. Короче, я вплотную занимался этим, как, впрочем, и все копы в округе: мы хотели во что бы то ни стало найти эту девочку. И вот наконец однажды утром, когда я был на дежурстве, береговая охрана сообщает, что они поднимают машину у подножия скал в бухте Сансет. И угадайте, какой марки машину...

— Черный «монте-карло».

— В яблочко. С нью-гэмпширскими номерами. И трупом внутри. До сих пор помню, как осматривал эту тачку: она при падении разбилась в лепешку, а от парня внутри осталась каша. Мы нашли при нем документы: Лютер Калед. Отлично помню. Машина числилась за крупной фирмой из Конкорда, «Стерн Лимитед». Мы обшарили каждый ее сантиметр — ничего особенного. Надо сказать, водичка там здорово все испортила. Но мы все-таки нашли осколки бутылок из-под алкоголя, они разлетелись вдребезги. В багажнике только сумка с какой-то одеждой.

— Вещи?

— Да, вещи. И прямо скажем, немного.

— И что вы сделали потом? — спросил Гэхаловуд.

— Что положено, то и сделал: стал наводить справки. Выяснять, кто такой этот тип, что он здесь делал и когда свалился вниз. Искал все про Калеба, и угадайте, что нашел.

— Жалобу в полицию Авроры на сексуальные домогательства, — с легкой иронией ответствовал Гэхаловуд.

— Точно! Черт, откуда вы знаете?

— Знаю.

— В тот момент я подумал, что это уже не простое совпадение. Сперва я выяснил, не заявлял ли кто-то об его исчезновении. Я имею в виду, по опыту работы с ДТП, всегда находятся родные, которые беспокоятся. Это, кстати, часто позволяет опознать погибших. Но и тут ничего, никаких сигналов. Странно, да? Я сразу позвонил в компанию «Стерн Лимитед», чтобы все разузнать. Сказал, что я обнаружил одну из их машин, и тут меня вдруг попросили подождать: поиграла музыка, недолго, и оказалось, что меня соединили с мистером Элайджей Стерном. Наследником рода Стернов. Собственной персоной. Я ему объяснил ситуацию, спросил, не пропадала ли у них одна из машин, и он заявил, что нет, не пропадала. Я ему рассказал про черный «шевроле», и он объяснил, что на этой машине обычно ездил его шофер в нерабочее время. Тогда я спросил, когда он последний раз видел своего шофера, и он сказал, что тот в отпуске. Я спросил: «Как давно он находится в отпуске?» — «Несколько недель». — «А где он проводит отпуск?» На это он мне сказал, что понятия не имеет. Все это мне показалось ужасно странным.

— И как вы поступили? — поинтересовался Гэхаловуд.

— Я решил, что нам попался главный подозреваемый. И немедленно позвонил шефу полиции Авроры.

— Вы звонили шефу Пратту?

— Шеф Пратт. Да, вот как его звали. Я сообщил ему о своей находке. Ведь он руководил расследованием похищения.

— И что он?

— Он приехал в тот же день. Поблагодарил меня, внимательно изучил дело. Он был такой симпатичный. Осмотрел машину и сказал, что, к сожалению, машина не похожа на ту модель, за которой он гнался, и что он сейчас уже сомневается, видел ли «шевроле-монте-карло» или скорее «шевроле-нова», они почти не отличаются; собирался перепроверить у помощника шерифа. Еще добавил, что уже имел в виду этого Калеба, но есть много доказательств его невиновности, так что эта версия отпадает. Он попросил меня все-таки послать ему рапорт, я послал.

— То есть вы уведомили Пратта, а он не стал проверять вашу версию?

— Так и было. Я же говорю, он меня заверил, что я ошибаюсь. Он не сомневался, а расследование возглавлял все-таки он. Он знал, что делает. Раз он сказал, что это просто ДТП, я так и написал в отчете.

— Вам это не показалось странным?

— Тогда — нет. Я сказал себе, что чересчур увлекся и поторопился. Но не подумайте, я свою работу на том не закончил: отправил труп на медэкспертизу, прежде всего чтобы понять, что могло произойти, не связана ли авария с употреблением алкоголя, ведь мы нашли бутылки. Но из-за страшного удара, а потом еще из-за морской воды тело практически не сохранилось, и утверждать что-то наверняка было невозможно. Я же говорю, от парня осталось мокрое место. Все, что мог сказать судмедэксперт, это что тело, скорее всего, лежало там уже несколько недель. И пролежало бы еще бог знает сколько, если бы тот рыбак не заметил отблеск машины. Ну а потом тело вернули семье, на том все и кончилось. Я же говорю, по всем признакам это была обычная автокатастрофа. Но конечно, сейчас, когда я столько всего узнал, особенно про Пратта и девочку, я уже ни в чем не уверен.

В этой сцене, как ее описал Даррен Венслоу, и впрямь было много непонятного. После разговора с ним мы с Гэхаловудом пошли перекусить на набережную Сагамора. Крохотный порт, к нему прилепился магазинчик и лоток с открытками. Чудная погода, яркие краски, необъятный океан. Вокруг тут и там, иногда у самой воды, разбросаны прелестные разноцветные дома с ухоженными садиками. Мы взяли стейков и пива в маленьком ресторане с террасой на сваях, нависающей над океаном. Гэхаловуд жевал с задумчивым видом.

— Над чем мозгуете? — спросил я.

— Над тем, что все факты указывают на Лютера. Он уехал с вещами... То есть задумал бежать и, возможно, увезти с собой Нолу. Но план сорвался: Нола вырвалась, ему пришлось убить мамашу Купер, а потом он слишком сильно ударил Нолу.

— Думаете, это он?

— По-моему, да. Но тут не все ясно... Не понимаю, почему Стерн ничего нам не сказал про черный «шевроле». Все-таки важная деталь. Лютер исчезает вместе с машиной, записанной за его фирмой, а его это не беспокоит? И какого черта Пратт не стал ничего больше про него выяснять?

— Думаете, Пратт как-то причастен к исчезновению Нолы?

— Скажем так: неплохо было бы к нему поехать и спросить, почему он отказался от версии с Калемом, несмотря на отчет Венслоу. Сами посудите, ему подносят на блюде подозреваемого в черном «шевроле-монте-карло», а он решает, что никакой связи нет. Весьма странно, вы не находите? И если он в самом деле не был уверен в марке машины, считал,

что это скорее «нова», чем «монте-карло», он должен был внести это в отчет. Но в отчете говорится только о «монте-карло»...

В тот же день после обеда мы отправились в Монберри, в маленький мотель, где поселился шеф Пратт. Это было одноэтажное здание с десятком выстроенных в ряд номеров и местом для парковки перед каждой дверью. С виду мотель казался почти безлюдным, машин стояло всего две, причем одна — перед номером Пратта, вероятно, его собственная. Гэхаловуд постучал в дверь. Никакого ответа. Он забарабанил сильнее — с тем уже успехом. Мимо проходила горничная, и Гэхаловуд попросил ее открыть дверь генеральным ключом.

— Это невозможно, — ответила она.

— Как это невозможно? — вскинулся Гэхаловуд, указывая на свой нагрудный знак.

— Я сегодня уже несколько раз приходила убрать номер, — объяснила она. — Думала, может, клиент вышел, а я не видела, но у него ключ торчит в замке, изнутри. Открыть невозможно. Значит, он здесь. Разве что вышел и дверь захлопнул вместе с ключом, так бывает, когда клиент спешит. Но его машина на месте.

Гэхаловуд помрачнел. Он колотил в дверь, требовал немедленно открыть. Пытался заглянуть в окно, но через задернутые занавески ничего не было видно. Тогда он решил вышибить дверь. После третьего удара ногой замок поддался.

Шеф Пратт лежал на ковре в луже крови.

8. Анонимщик

— Выигрывает тот, кто рискует, Маркус. Каждый раз, когда перед вами встанет трудный выбор, вспоминайте этот девиз. Кто не рискует, не выигрывает.

Из «Дела Гарри Квеберта»

Во вторник, 22 июля 2008 года, настал черед городка Монберри испытать волнение, пережитое Авророй несколько недель назад, когда было обнаружено тело Нолы. Полицейские патрули со всего округа стекались к мотелю неподалеку от промышленной зоны. Среди зевак ходили слухи, что произошло убийство, а убитый — бывший шеф полиции Авроры.

Сержант Гэхаловуд с невозмутимым видом стоял у дверей номера. Несколько экспертов работали на месте преступления; он не вмешивался, только смотрел. Я спрашивал себя, что происходит в данный момент у него в голове. Наконец он обернулся, заметил, что я наблюдаю за ним, сидя на капоте полицейской машины, и с видом разъяренного бизона двинулся ко мне:

- Какого черта вы тут возитесь со своим плеером, писатель?
- Надиктовываю сцену для книги.
- А вам известно, что вы сидите на капоте полицейской машины?

* * *

- Какого черта вы тут возитесь со своим плеером, писатель?
- Надиктовываю сцену для книги.
- А вам известно, что вы сидите на капоте полицейской машины?
- О, простите, сержант. Какие новости?
- Ну-ка выключите плеер.
- Я повиновался.
- По предварительным результатам следствия, Пратту нанесены

удары по голове, — сказал Гэхаловуд. — Один или несколько. Тяжелым предметом.

— Как Ноле?

— Да, примерно так же. Смерть наступила больше двенадцати часов назад. Иначе говоря, сегодня ночью. Думаю, он знал убийцу. Вероятно, он ему открыл, может, ждал его. Ударили его в заднюю часть черепа, то есть он, скорее всего, повернулся спиной — явно не остерегаясь, — и его гость воспользовался этим и нанес смертельный удар. Предмета, которым его стукнули, мы не нашли. Наверняка убийца унес его с собой. Похоже на железный прут или что-то в этом роде. Это значит, что мы имеем не ссору, которая переросла в драку, а преднамеренное убийство. Кто-то пришел сюда специально, чтобы убить Пратта.

— Свидетели есть?

— Ни единого. В мотеле почти пусто. Никто ничего не видел и не слышал. Ресепшн закрывается в семь вечера. С десяти вечера до семи утра работает ночной сторож, но он сидит, уткнувшись в телевизор. Нам ничего сказать не мог. Камер наблюдения, конечно, тоже нет.

— Кто, по-вашему, мог это сделать? — спросил я. — Тот же, кто поджег Гусиную бухту?

— Возможно. Во всяком случае, это, вероятно, кто-то, кого Пратт покрывал и кто испугался, что он заговорит. Возможно, Пратт все это время знал, кто убил Нолу. И его убрали, чтобы он не заговорил.

— И у вас уже есть гипотеза, сержант, да?

— Ну, какое есть связующее звено между всеми этими элементами — Гусиной бухтой, черным «шевроле»... Кроме Гарри Квеберта...

— Элайджа Стерн?

— Элайджа Стерн. Я уже какое-то время думаю в этом направлении и подумал снова, глядя на труп Пратта. Не знаю, убил ли Элайджа Стерн Нолу, но в любом случае мне все время приходит в голову, не покрывал ли он Калеба все тридцать лет. Этот загадочный отпуск, пропавшая машина, о которой он никому ничего не сказал...

— И что вы надумали, сержант?

— Что преступник — Калеб и что Стерн замешан в этой истории. Думаю, что Калеб после того, как его обнаружили в черном «шевроле» на Сайд-Крик-лейн и ему удалось уйти от Пратта во время погони, укрылся в Гусиной бухте. Весь район был оцеплен, он знал, что шансов сбежать у него нет, зато там его никто искать не будет. Никто, кроме... Стерна. Вполне возможно, что 30 августа 1975 года Стерн действительно весь день потратил на всякие «личные встречи», как он мне и сказал. Но к вечеру,

вернувшись домой и обнаружив, что Лютер так и не вернулся, хуже того, что он уехал на одной из служебных машин, не такой заметной, как его синий «мустанг», разве мог он сидеть сложа руки? По логике вещей, он должен был отправиться на поиски Лютера, чтобы не дать ему сделать какую-нибудь глупость. Думаю, так он и поступил. Но когда он приехал в Аврору, было уже поздно: всюду полиция, трагедия, которой он страшился, совершилась. Он должен был любой ценой найти Калеба, и куда он первым делом поехал, писатель?

— В Гусиную бухту.

— Вот именно. Это его дом, он знал, что Лютер там чувствует себя в безопасности. Пожалуй, у него и дубликат ключей мог быть. Короче, Стерн хочет посмотреть, что происходит в Гусиной бухте, и находит там Лютера.

30 августа 1975 года по версии Гэхаловуда

Стерн нашел «шевроле» у дверей гаража; Лютер склонился над багажником.

— Лютер! — заорал Стерн, выходя из машины. — Что ты натворил?

Лютер был до смерти перепуган.

— Мы... Мы поввдорили... Я не хотел вделать ей больно.

Стерн подошел к машине и обнаружил в багажнике скрюченную, неподвижную Нолу с кожаной сумкой через плечо.

— Но... Ты же ее убил...

Стерна вырвало.

— Инафе она бы пофла в полифию...

— Лютер! Что ты наделал? Что ты наделал?

— Свалься, помоги мне. Эли, помоги.

— Тебе надо бежать, Лютер. Если тебя арестуют, попадешь на электрический стул.

— Нет! Повалей меня! Только не это! Не это! — в панике закричал Лютер.

И тут Стерн заметил у него за поясом рукоять пистолета.

— Лют! Что... Что это такое?

— Фтаруха... Фтаруха все видела.

— Какая еще старуха?

— В доме, там...

— О господи, тебя кто-то видел?

— Эли, мы ф Нолой поффорилифь... Она не хотела флуфатьфя. Мне прифлофь вделать ей больно. Но она вырвалафь, побевала, вбевала в этот дом... Я тове вофел, я думал, там никого нет. Но налетел на эту фтаруху...

Мне прифлоть ее убить...

— Что? Что? Ты что такое говоришь?

— Эли, умоляю, помоги!

Нужно было избавиться от тела. Стерн, не теряя ни секунды, взял в гараже лопату и поскорей пошел рыть яму. Место он выбрал над пляжем, где почва была рыхлой и где никто, а главное, Квеберт, не заметит вскопанной земли. Он быстро вырыл неглубокую могилу и крикнул Калебу, чтобы тот принес тело, но не увидел его. Он нашел его у машины: тот, стоя на коленях, уткнулся в пачку бумаги.

— Лютер? Ты чем тут занимаешься, черт тебя дерит?

Лютер плакал.

— Это книга Квеберта... Нола мне про нее говорила... Он напифал для нее книгу... Это так прекрафно.

— Неси ее туда, я вырыл яму.

— Подовди!

— Что?

— Я хофу ей фкавать, фто я ее люблю.

— А?

— Дай мне напифать пару флов. Вфего пару флов. Дай мне руфку. Потом мы ее похороним, а потом я иффезну навфегда.

Стерн чертыхнулся, но вынул из кармана куртки ручку и протянул ее Калебу, а тот написал на обложке рукописи:

«Прощай, милая Нола». Потом он благоговейно убрал книгу в сумку, по-прежнему висевшую на шее Нолы, отнес ее к яме и сбросил в могилу. Затем они оба засыпали ее и разровняли землю, насыпав сверху сосновых иголок, веточек и мха, чтобы все выглядело как обычно.

* * *

— А что было потом? — спросил я.

— А потом, — ответил Гэхаловуд, — Стерн ищет способ защитить Лютера. И выходит на Пратта.

— На Пратта?

— Да. Думаю, Стерн знал, что Пратт сделал с Нолой. Известно, что Калев бродил вокруг Гусиной бухты, что он шпионил за Гарри и Нолой. Он мог видеть, как Пратт подобрал Нолу на обочине и заставил ее сделать минет... И мог рассказать Стерну. Так что в тот вечер Стерн оставляет Лютера в Гусиной бухте, а сам едет к Пратту в полицейский участок,

попозже, часов, наверно, в одиннадцать, когда прекращаются поиски. Он хочет остаться с Праттом наедине и шантажирует его: требует дать Лютеру уехать, пропустить его через кордоны, а в обмен обещает молчать про Нолу. И Пратт соглашается: иначе как Кaleb мог бы свободно добраться аж до Массачусетса? Но Кaleb чувствует, что он загнан в угол. Ему некуда ехать, он пропал. Он покупает виски, пьет. Хочет со всем покончить. И сигает со скал в бухте Сансет. Через несколько недель машину находят, и Пратт приезжает в Сагамор, чтобы замять дело. Выводит Калеба из круга подозреваемых.

— Но зачем отводить подозрения от Калеба, если того нет в живых?

— Затем, что есть Стерн. И Стерн знает. Снимая вину с Калеба, Пратт защищал себя.

— То есть Пратт и Стерн с самого начала знали правду?

— Да. Они похоронили эту историю в недрах своей памяти. Они больше ни разу не встречались. Стерн избавился от дома, сбавив его Гарри, и больше не показывал носа в Аврору. И тридцать лет все считали, что это дело никогда не будет раскрыто.

— Пока не обнаружили останки Нолы.

— И пока некий упертый писатель не стал копать эту историю. Писатель, которого всеми силами старались остановить, чтобы он не узнал правду.

— Значит, Пратт и Стерн хотели замять дело, — заметил я. — Но кто тогда убил Пратта? Стерн? Увидел, что Пратт готов расколоться и рассказать правду?

— А вот это еще предстоит выяснить. Но пока ни слова об этом, писатель, — велел Гэхаловуд. — Не пишите пока ничего на эту тему, я не желаю новых утечек в газеты. Я собираюсь досконально изучить биографию Стерна. Эту версию проверить нелегко. Но в любом случае у всех версий есть общее звено — Лютер Кaleb. И если это и впрямь он убил Нолу Келлерган, у нас будет тому подтверждение...

— Результаты графологической экспертизы... — продолжил я.

— Совершенно верно.

— Последний вопрос, сержант: почему Стерн старался всеми способами выгородить Калеба?

— Хотел бы я знать, писатель.

Расследование убийства Пратта обещало быть сложным: полиция не располагала никакими достоверными данными и не могла выработать ни единой версии. Через неделю после его смерти состоялось захоронение

останков Нолы, которые в конечном итоге вернули отцу. Это было в среду, 30 июля 2008 года. Церемония прошла на кладбище Авроры после обеда, под неожиданным морозящим дождем и при небольшом стечении народа. Я на нее не поехал. Дэвид Келлерган подкатил на своем мотоцикле прямо к могиле, и никто не осмелился сделать ему замечание. В ушах у него по-прежнему были наушники, и, как мне рассказали, произнес он всего одну фразу: «Зачем же ее выкопали, если опять закапывают?» Он не проронил ни слезинки.

На похороны я не поехал потому, что в это самое время решил сделать более важное дело: отправился к Гарри, чтобы поддержать его. Он сидел на парковке под теплым дождем, голый по пояс.

— Идите под крышу, Гарри, — сказал я.

— Они ее хоронят, да?

— Да.

— Они ее хоронят, а меня там нет.

— Так лучше... Лучше, чтобы вас там не было... Из-за всей этой истории.

— Да наплевать мне на то, «что люди скажут»! Они хоронят Нолу, а меня там нет, я не могу попрощаться с ней, увидеть ее в последний раз. Побывать с ней. Я тридцать три года мечтал увидеть ее, пусть в последний раз. Знаете, где мне бы хотелось быть?

— На похоронах?

— Нет. В писательском раю.

Он улегся на бетон и больше не двигался. Я лег рядом. Нас поливало дождем.

— Маркус, мне кажется, лучше бы я умер.

— Я знаю.

— Откуда вы знаете?

— Друзья чувствуют такие вещи.

Мы помолчали, довольно долго. Потом я добавил:

— На днях вы сказали, что мы больше не можем быть друзьями.

— Это правда. Мы постепенно прощаемся, Маркус. Это как если бы вы знали, что я скоро умру и у вас осталось несколько недель, чтобы с этим смириться. Это рак дружбы.

Он закрыл глаза и сложил руки на груди крестом. Я тоже. И мы еще долго лежали так на бетонной парковке.

В тот же день, под вечер, я из мотеля отправился в «Кларкс», попробовать поговорить с кем-нибудь, кто был на погребении Нолы. В

ресторане было пусто: единственный официант вяло протирает стойку, но из последних сил все же нажал на ручку автомата и налил мне пива. И тут я заметил Роберта Куинна, который, забившись в угол зала и поклевывая орешки, решал кроссворды в старых газетах, валявшихся на столах. Он скрывался от жены. Я подошел к нему, предложил угостить его пивом, он согласился и подвинулся на скамейке, освобождая мне место. Жест был трогательный: я мог усесться напротив него на любой из полусотни свободных стульев, но он подвинулся, чтобы я сел с ним рядом, на одну скамейку.

— Вы были на похоронах Ноны? — спросил я.

— Был.

— И как все прошло?

— Скверно. Как и вся эта история. Журналистов больше, чем близких.

Мы немного помолчали, потом он спросил, чтобы поддержать разговор:

— Как продвигается ваша книга?

— Ничего, спасибо. Но вот вчера я ее перечитывал и понял, что надо прояснить некоторые темные места. В частности, в отношении вашей жены. Она уверяет, что в ее распоряжении был компрометирующий текст, написанный рукой Гарри Квеберта, и что он загадочным образом исчез. Вы, случайно, не знаете, куда делся этот листок?

Прежде чем ответить, он отхлебнул изрядный глоток пива и даже успел проглотить несколько орешков.

— Сгорел, — наконец произнес он. — Этот несчастный листок сгорел.

— А? Откуда вы знаете? — в изумлении спросил я.

— Оттуда, что это я его сжег.

— Что? Почему? А главное, почему вы никогда об этом не говорили?

Он пожал плечами с философским видом:

— Потому что меня никогда не спрашивали. Вот уже тридцать три года моя жена все твердит об этом листке. Надрывается, вопит, орет: «Но он был тут! В сейфе! Тут! Тут!» И хоть бы раз сказала: «Роберт, дорогой, ты, случайно, не видел этот листок?» Она никогда не спрашивала, вот я и не отвечал.

Я постарался, как мог, скрыть свое удивление, чтобы он не замолчал:

— Но как? Что произошло?

— Все началось в одно прекрасное воскресенье, после полудня: жена устроила дурацкий обед в саду в честь Квеберта, а Квеберт не пришел. Она в полном бешенстве решила поехать к нему. Я прекрасно помню тот день, это было воскресенье, 13 июля 1975 года. Тот самый день, когда бедняжка

Нола пыталась покончить с собой.

Воскресенье, 13 июля 1975 года

— Роберт! Рооооооберт!

Тамара влетела в дом, как фурия, размахивая какой-то бумажкой. Промчалась по комнатам первого этажа и обнаружила мужа, читающего газету в гостиной.

— Роберт, чтоб тебя разорвало! Почему ты не откликаешься, когда тебя зовут? Ты оглох? Смотри! Смотри, какой ужас! Прочти, какая мерзость!

Она протянула ему украденный у Гарри листок, и он прочел:

Моя Нола, милая Нола, Нола, моя любовь, что ты наделала? Зачем хотела умереть? Из-за меня? Я люблю тебя, люблю больше всего на свете. Не покидай меня. Если ты умрешь, я умру. Все, что мне нужно в жизни, Нола, это ты. Четыре буквы: Н-О-Л-А.

— Где ты это нашла? — спросил Роберт.

— Ха! У этого недоноска Гарри Квеберта!

— Ты украла это у него дома?

— Ничего я не украла! Я воспользовалась! Я так и знала! Он мерзкий извращенец, у него стоит на пятнадцатилетнюю девчушку! Меня тошнит! Меня сейчас вырвет! Слышишь, Боббо, меня вырвет! Гарри Квеберт влюбился в девочку! Это незаконно! Он просто свинья! Свинья! Подумать только, он торчал в «Кларксе», только чтобы таращиться на нее, да! Он ходит в мой ресторан таращиться на груди несовершеннолетней!

Роберт несколько раз перечитал текст. Сомнений не было: это были слова любви, написанные Гарри. Слова любви к пятнадцатилетней девочке.

— Что ты с этим будешь делать? — спросил он супругу.

— Понятия не имею.

— Заявишь в полицию?

— В полицию? Нет, мой Боббо. Не сейчас. Не хочу, чтобы все знали, что этот преступник Квеберт предпочитает какую-то соплячку нашей чудесной Дженни. А кстати, где она? У себя в комнате?

— Представь себе, не успела ты уйти, как явился этот молодой полицейский, Тревис Доун, пригласить ее на летний бал. Они уехали ужинать в Монберри. Так что Дженни нашла себе другого кавалера для бала, может, это некрасиво, но...

— Некрасиво, некрасиво! Это ты некрасивый, бедный Боббо! Так, а теперь катись отсюда! Мне надо где-то спрятать этот листок, и никто не должен знать где.

Боббо покорно встал и пошел дочитывать газету на крыльцо. Но читать не смог: мысли его крутились вокруг открытия, сделанного женой. Гарри, великий писатель, писал слова любви к девочке, вдвое моложе его. К милой малышке Ноле. Очень неприятно. Может, надо предупредить Нолу? Сказать ей, что у Гарри странные наклонности, что он даже может быть опасен? Или заявить в полицию, чтобы его осмотрел врач и назначил лечение?

Через неделю после этой сцены состоялся летний бал. Роберт с Тамарой сидели в углу зала и потягивали безалкогольный коктейль, когда среди гостей вдруг появился Гарри Квеберт. «Смотри, Боббо, — прошипела Тамара, — вот он, изверженец!» Они какое-то время следили за ним; Тамара продолжала извергать проклятия — вполголоса, чтобы слышал только Роберт.

— Что ты будешь делать с этим листком? — наконец спросил Роберт.

— Не знаю. Но что точно, так это что я для начала заставлю его заплатить все, что он мне должен. У него долга больше чем на пятьсот долларов!

Гарри, казалось, чувствовал себя не в своей тарелке; он выпил в баре для храбрости и направился в сторону туалета.

— Гляди, в сортир идет, — сказала Тамара. — Гляди, Боббо, гляди! Знаешь, что он сейчас будет делать?

— По-большому сходит?

— Да нет же, будет начищать свою палку, воображая себе эту девочку!

— Что-о?

— Умолкни, Боббо, ты трещишь без умолку, не хочу больше тебя слушать. И сиди здесь, ясно?

— Куда ты?

— Сиди и не двигайся. И полюбуйся на мою работу.

Тамара поставила стакан на высокий столик и тайком прокралась в туалет, куда только что зашел Гарри Квеберт. Через несколько секунд она вышла оттуда и поспешно вернулась к мужу.

— Что ты там делала? — спросил Роберт.

— Помолчи, я тебе сказала! — рывкнула на него жена, вновь беря в руки стакан. — Помолчи, а то нас застукают!

Эми Пратт объявила начало ужина, и приглашенные начали медленно

стекаться к столикам. В эту минуту из туалета вышел Гарри — перепуганный, потный — и смешался с толпой гостей.

— Смотри, удирает как заяц, — прошептала Тамара. — Ишь как испугался.

— Но что ты сделала-то? — опять спросил Роберт.

Тамара улыбнулась, незаметно вертя в руке тюбик губной помады, которым только что писала на зеркале в туалете. Она ответила только:

— Скажем так, оставила ему небольшое послание, он его долго будет помнить.

* * *

Сидя в углу зала в «Кларксе», я в изумлении слушал рассказ Роберта Куинна.

— Значит, надпись на зеркале — дело рук вашей жены?

— Да. Гарри Квеберт превратился у нее в навязчивую идею. Она только и говорила, что про этот листок, заявляла, что разделается с Гарри всерьез. Говорила, что скоро все газеты выйдут с заголовками: «Великий писатель — великий извращенец». В итоге она поговорила с шефом Праттом. Недели через две после бала. Все ему рассказала.

— Откуда вы знаете? — спросил я.

Он ответил не сразу:

— Знаю, потому что... мне Нола сказала.

Вторник, 5 августа 1975 года

Роберт вернулся с перчаточной фабрики в шесть часов вечера. Как обычно, поставил свой старенький «крайслер» на аллее, а потом, выключив мотор, поправил шляпу перед зеркальцем заднего вида и изобразил взгляд, как у актера Роберта Стэка по телевизору, когда его герой, Элиот Несс, собирается задать хорошую взбучку членам воровской шайки. Он часто медлил перед тем, как выйти из машины: возвращение домой его уже давно не вдохновляло. Иногда он делал крюк, чтобы оттянуть этот момент; иногда останавливался у торговца мороженым. Когда он наконец выбрался из кабины, ему показалось, что из-за кустов его кто-то позвал. Он обернулся, с минуту оглядывался вокруг и наконец заметил Нолу, прятавшуюся в рододендронах.

— Нола? — удивился Роберт. — Здравствуй, малыш, как дела?

Она прошептала:

— Мне надо с вами поговорить, мистер Куинн. Это очень важно.

— Так заходи, приготовлю тебе лимонаду похолоднее, — предложил он, все так же громко и отчетливо.

Она сделала ему знак говорить потише.

— Нет, нам нужно спокойное место. Можно мы сядем в вашу машину и немного проедемся? По дороге в Монберри есть ларек с хот-догами, там нас никто не потревожит.

Роберту эта просьба показалась очень странной, но он согласился. Посадил Нолу в машину, и они направились в Монберри. Проехав несколько миль, они остановились перед дощатым ларьком, где торговали снеками навынос. Роберт взял Ноле картошку фри и газировку, а себе хот-дог и безалкогольное пиво. Они уселись за одним из столиков, расставленных на траве.

— Ну, малыш? — спросил Роберт, поглощая свой хот-дог. — Что такого случилось важного, что ты даже не можешь зайти в дом выпить лимонаду?

— Мне нужна ваша помощь, мистер Куинн. Я знаю, вам это покажется странным, но... Сегодня в «Кларксе» произошла одна вещь, и вы единственный человек, который может мне помочь.

И Нола рассказала о сцене, при которой случайно присутствовала примерно два часа назад. Она зашла к миссис Куинн в «Кларкс» за деньгами — платой за субботние смены, отработанные до попытки самоубийства. Миссис Куинн сама велела ей зайти, когда ей удобно. Было ровно четыре часа дня, в ресторане находились лишь несколько молчаливых посетителей и Дженни, которая убирала посуду и сказала, что мать в своем кабинете, не сочтя нужным уточнить, что та не одна. «Кабинетом» называлось место, где Тамара Куинн держала бухгалтерскую отчетность, хранила в сейфе рецепты блюд дня, бранилась по телефону с опаздывавшими поставщиками или просто закрывалась под каким-нибудь предлогом, чтобы все оставили ее в покое. Это была тесная каморка, на вечно закрытой двери которой висела табличка «Вход воспрещен». Попастъ туда можно было по коридору, расположенному за подсобным помещением и ведущему к служебному туалету.

Нола подошла к двери и уже собиралась постучать, как до нее донеслись голоса. В комнате у Тамары кто-то был. Голос был мужской. Она наострила уши и услышала обрывок разговора.

— Он же преступник, понимаете? — говорила Тамара. — Может быть, сексуальный маньяк! Вы должны что-то сделать.

— А вы уверены, что это написано Гарри Квебертом?

Нола узнала голос шефа Пратта.

— А то как же! — ответила Тамара. — Его собственной рукой. Гарри Квеберт имеет виды на малышку Келлерган и пишет про нее порнографические мерзости. Вы должны что-то предпринять.

— Ладно. Хорошо, что вы мне сказали. Но вы незаконно проникли к нему в дом и украли эту бумажку. На данный момент я ничего сделать не могу.

— Ничего не можете? Что ж теперь, дожидаться, пока этот придурок что-нибудь с ней сделает? Тогда вы раскачаетесь?

— Я ничего подобного не говорил, — уточнил шеф Пратт. — Я буду приглядывать за Квебертом. А пока храните этот листок в надежном месте. Я его взять не могу, у меня могут быть неприятности.

— Он у меня лежит в сейфе, — сказала Тамара. — К нему ни у кого нет доступа, он будет в целости и сохранности. Прошу вас, шеф, сделайте что-нибудь. Этот Квеберт — подонок и преступник! Преступник! Преступник!

— Не переживайте, миссис Куинн, сами увидите, как тут у нас обходятся с подобными типами.

Нола услышала за дверью шаги и опрометью бросилась прочь из ресторана.

Рассказ Нола потряс Роберта. Он подумал: бедная девочка, какой, наверно, для нее шок — узнать, что Гарри пишет про нее всякие неприличные гадости. Ей надо с кем-то поделиться, и она выбрала его; он должен быть на высоте положения, объяснить ей ситуацию, сказать, что вообще все мужчины с приветом, и Гарри Квеберт в частности, что ей прежде всего надо держаться от него подальше, а если она боится, как бы он с ней чего-нибудь не сделал, то предупредить полицию. А кстати, может, уже сделал? Может, она хочет признаться, что он надругался над ней? Сумеет ли он, Роберт, выдержать такое признание, ведь жена говорит, что он не способен даже стол к ужину правильно накрыть? Жуя кусок хот-дога, он обдумывал, какие слова можно сказать ей в утешение, но не успел даже рта раскрыть, как она вдруг заявила:

— Мистер Куинн, вы должны помочь мне достать эту бумажку.

Роберт чуть не подавился сосиской.

* * *

— В общем, вряд ли тут надо долго растолковывать, мистер

Гольдман, — говорил мне Роберт в углу зала в «Кларксе». — Я все мог себе представить, только не это: она хотела, чтобы я добыл этот чертов листок. Выпьем еще пива?

— С удовольствием. Того же. Скажите, мистер Куинн, вы не против, если я запишу ваш рассказ на диктофон?

— Запишете? Ради бога. Хоть раз кому-то интересно, что я говорю.

Роберт подозвал официанта и заказал еще две кружки пива; я вытащил свой плеер и включил его.

— Итак, вы сидите у ларька с хот-догами, и она просит вас помочь, — напомнил я.

— Ну да. Моя жена явно была готова на все, чтобы уничтожить Гарри Квеберта. А Нола была готова на все, чтобы его от нее защитить. А я в себя прийти не мог, такой у нас с ней получался разговор. Тогда-то я и узнал, что у Нолы с Гарри действительно любовь. Помню, она глядела на меня, самоуверенная, со сверкающими глазами, а я ей сказал: «Что? То есть как это — достать эту бумажку?» Она ответила:

«Я люблю его. Я не хочу, чтобы у него были неприятности. Он написал эти слова потому, что я хотела покончить с собой. Это моя вина, я не должна была пытаться себя убить. Я люблю его, он — все, что у меня есть, все, о чем я только могла мечтать». И у нас завязался разговор о любви. «То есть ты хочешь сказать, что у вас с Гарри Квебертом...» — «Мы любим друг друга!» — «Любите? Да что ты мне тут рассказываешь! Ты не можешь его любить!» — «Почему?» — «Потому что он для тебя слишком стар». — «Возраст не имеет значения!» — «Еще как имеет!» — «Значит, не должен иметь!» — «Ну уж нет, девушкам в твои годы вовсе ни к чему иметь дело с мужчиной его возраста». — «Я люблю его!» — «Не говори ерунды и ешь свою картошку!» — «Но, мистер Куинн, если я его потеряю, я потеряю все!» Я не верил своим глазам, мистер Гольдман: эта девочка была безумно влюблена в Гарри. И чувств, какие она испытывала, я сам никогда не знал или не помнил, чтобы я когда-нибудь питал такие чувства к своей жене. И в эту минуту, благодаря этой девочке пятнадцати лет, я понял, что, наверно, так и не узнал любви. Что многие люди точно никогда не знали любви. Что они, по сути, довольствовались хорошими отношениями, прятались в убожестве своей комфортной жизни и проходили мимо невероятных, волшебных ощущений, которыми, быть может, только и оправдано наше существование на земле. У меня есть племянник, он из Бостона, работает в банке: денег у него куры не клюют, женат, трое детей, чудесная жена и красивая тачка. Не жизнь, а сказка, чего там. И вот однажды он приходит домой и говорит жене, что уходит, что он

нашел любовь — студентку из Гарварда, которая ему в дочери годится, познакомился с ней на какой-то лекции. Все говорят, что он сбрендил, пытается найти с этой девушкой вторую молодость, а я вот думаю, он просто встретил любовь. Люди считают, что любят друг друга, ну и женятся. А потом, в один прекрасный день, сами того не желая и не сознавая, открывают для себя любовь. И это как удар под дых. Как будто водород взаимодействует с воздухом — невероятный, ослепительный взрыв, который сметает все. Тридцать лет несчастливого брака разом разлетаются, словно вдруг закипел и взорвался гигантский отстойник и всех вокруг забрызгал. Все эти кризисы сорокалетних, седина в бороду — бес в ребро, это просто люди, которые слишком поздно понимают значение любви, и от этого у них вся жизнь идет под откос.

— Так что вы сделали? — спросил я.

— Для Нолы? Я отказался. Сказал, что не желаю ввязываться в эту историю и что в любом случае не могу выполнить ее просьбу. Что листок лежит в сейфе, а единственный ключ, которым он открывается, висит днем и ночью на шее жены. Гиблое дело. Она умоляла, говорила, что, если листок попадет в руки полиции, у Гарри будут серьезные проблемы, его карьера рухнет, его, возможно, посадят в тюрьму, а ведь он ничего плохого не сделал. До сих пор помню ее горящие глаза, выражение лица, жесты... в ней было какое-то великолепное иступление. Помню, она сказала: «Они все испортят, мистер Куинн! Люди в этом городе совершенно ненормальные! Мне это напоминает одну пьесу Артура Миллера, про салемских ведьм. Вы читали Миллера?» В глазах у нее стояли слезы, как маленькие жемчужинки, вот-вот прольются и покатятся по щекам. Я читал Миллера. Я помнил, какой поднялся шум, когда была премьера на Бродвее. Как раз незадолго до казни супругов Розенберг. Была пятница, как сейчас помню. Меня потом сколько дней трясло, ведь у Розенбергов были дети чуть постарше Дженни, и я все думал, а что бы с ней было, если бы меня тоже казнили. И так радовался, что я не коммунист...

— А почему Нола пришла именно к вам?

— Наверно, воображала, что у меня есть доступ к сейфу. Ничего подобного. Я же говорю, ключ был только у жены, и ни у кого другого. Она его повесила на цепочку и хранила как зеницу ока, у себя между грудей. А мне уже давно к ее грудям был путь заказан.

— И что дальше?

— Нола мне польстила. Сказала: «Вы такой ловкий, изобретательный, вы сумеете его достать!» В общем, я в конце концов согласился. Сказал, что попробую.

— Почему? — спросил я.

— Почему? Да из-за любви! Я же уже сказал, ей было всего пятнадцать, а она мне говорила о вещах, которых я не знал и, наверно, никогда не узнаю. Пусть даже от этой истории с Гарри меня, честно говоря, тошнило. Я это сделал не ради него, а ради нее. И еще я ее спросил, что она намерена делать с шефом Праттом. Улика не улика, а шеф Пратт все равно теперь в курсе. Она взглянула мне прямо в глаза и сказала:

«Я не дам ему навредить. Я сделаю из него преступника». Тогда я не очень понял. Ну а потом, когда Пратта несколько недель назад арестовали, до меня дошло, что там, наверно, происходили странные вещи.

Среда, 6 августа 1975 года

На следующий день оба, не сговариваясь, начали действовать. Около пяти часов вечера Роберт Куинн зашел в аптеку в Конкорде и купил снотворное. В те же минуты Нола в полицейском участке Авроры стояла на коленях под столом у шефа Пратта и пыталась защитить Гарри, превращая Пратта в преступника, увлекая его в спираль падения длиною в тридцать лет.

В ту ночь Тамара спала как убитая. После ужина на нее навалилась такая усталость, что она улеглась, даже не успев смыть макияж. Всей тяжестью рухнула на постель и погрузилась в глубокий сон. Все получилось так быстро, что на какую-то долю секунды Роберт испугался, что подмешал в стакан с водой слишком сильную дозу и убил ее, но, заслышав мощный, как из пушки, ритмичный храп, сразу успокоился. Он подождал до часу ночи: нужно было убедиться, что Дженни спит и что в городе его никто не увидит. Когда настало время действовать, он первым делом бесцеремонно потряс жену, проверяя, отключилась ли она окончательно, — никакой реакции. Он обрадовался и впервые в жизни почувствовал себя сильным — развалившийся на кровати дракон больше не страшен. Он расстегнул цепочку у нее на шее и снял ключ. Победа! Заодно вволю пощупал ее груди и с сожалением понял, что ничего не испытывает.

Он неслышно вышел из дома. Чтобы не наделать шума и не вызвать подозрений, взял велосипед дочери. Крутя педали в темноте, с ключами от «Кларкса» и сейфа в кармане, он ощущал, как его переполняет возбуждение: запретный плод сладок. Он уже не знал, делает ли это ради Нола или чтобы отомстить жене. И, мчась на велосипеде по улицам, он вдруг почувствовал себя таким свободным, что решил развестись. Дженни уже взрослая, у него нет никаких причин оставаться с женой. Сколько можно терпеть эту фурию, он имеет право начать новую жизнь. Он

намеренно сделал несколько кругов, чтобы продлить пьянящее ощущение. Потом выехал на главную улицу и пошел пешком, чтобы осмотреться. Город мирно спал. Нигде ни огонька, ни звука. Прислонив велосипед к стене, он открыл дверь «Кларкса» и нырнул внутрь, ориентируясь в свете уличных фонарей, проникавшем сквозь витрины. Добрался до кабинета. Кабинета, куда ему категорически запрещалось входить без специального разрешения жены. Теперь он был здесь хозяином, он вторгся в него, попирая его ногами, как завоеванную территорию. Он зажег фонарик, который принес с собой, и для начала стал изучать этажерки и ящики: долгие годы он мечтал обшарить это место, понять, что жена может здесь прятать. Вытащил несколько папок, просмотрел — и внезапно осознал, что ищет письма от любовников. Он давно задавался вопросом, не изменяет ли ему жена. Наверно, изменяет: не может же она довольствоваться им одним? Но в папках были только накладные и бухгалтерские отчеты. Тогда он перешел к сейфу — стальному, внушительному, с метр высотой, покоившемуся на деревянной подставке. Он вставил ключ в скважину, повернул и вздрогнул от громкого щелчка: механизм сработал. Он потянул на себя массивную дверцу и посветил фонариком внутрь. В сейфе было четыре полки. Первый раз в жизни он видел его открытым и задрожал от возбуждения.

На первой полке оказались банковские документы, последний бухгалтерский отчет, счета и зарплатные ведомости.

На второй он нашел жестяную коробку с кассовой наличностью «Кларкса» и еще одну, где хранились деньги, чтобы расплачиваться с поставщиками.

На третьей полке лежала деревяшка, похожая на медведя. Он улыбнулся: это был его первый подарок Тамаре, на первом их настоящем свидании. Он тщательно готовился к этому моменту, несколько недель набирал сверхурочные на автозаправке, где работал после учебы, потому что хотел сводить свою Тами в одно из лучших в округе заведений — французский ресторан «У Жан-Клода», там подавали совершенно невероятные блюда из раков. Он изучил все меню, посчитал, во сколько обойдется ужин, если она закажет самые дорогие блюда, сэкономил, пока не скопил нужную сумму, и наконец пригласил ее. В тот памятный вечер он зашел за ней к ее родителям, и она, узнав, куда они едут, умоляла не разоряться ради нее. «О, Роберт, любимый, ты так мил. Но это чересчур, правда чересчур», — сказала она. Она сказала «любимый». И чтобы убедить его отказаться от своих планов, предложила сходить в маленький итальянский ресторан в Конкорде: она уже давно хотела туда попасть. Они

ели спагетти, пили кьянти и домашнюю граппу, а потом, слегка пьяные, отправились на ближайшую ярмарку. На обратном пути они остановились на берегу океана и стали ждать рассвета. Он нашел на пляже деревяшку, похожую на медведя, и подарил ей с первыми лучами солнца. А она прижалась к нему и сказала, что всегда будет ее хранить, и первый раз поцеловала его.

Исследуя дальше содержимое сейфа, растроганный Роберт нашел рядом с деревяшкой пачку собственных фотографий разных лет. На обороте каждого фото, даже на совсем недавних, Тамара сделала пометы. Последняя относилась к апрелю месяцу, когда они ездили смотреть автогонки: Роберт, глядя в бинокль, комментировал заезды. И Тамара написала на обороте: «Мой Роберт, по-прежнему страстно любит жизнь. Я буду любить его до последнего вздоха».

Кроме фото, там были всякие вещицы на память об их совместной жизни: приглашения на свадьбу, на празднование рождения Дженни, отпускные фотографии, разные пустяки, которые, как он считал, давно уже полетели в мусорную корзину. Его подарки — дешевая брошка, ручка-сувенир и еще то самое серпентиновое пресс-папье, что он купил во время отпуска в Канаде: за каждый из них он удостоился выволочки: «Ну Боббо! И что, по-твоему, я должна делать с этой ерундой?» И вот оказалось, что она все их благоговейно хранит в сейфе. Роберту пришло в голову, что жена прячет в сейфе свое сердце, и он задумался почему.

На четвертой полке лежала толстая тетрадь в кожаной обложке. Он открыл ее: это был дневник Тамары. Его жена вела дневник. А он и не знал. Раскрыв наугад тетрадь, он прочел при свете фонарика:

1 января 1975 года

Праздновали Новый год у Ричардсонов.

Оценка вечера: 5 из 10. Еда сносная, а Ричардсоны — очень скучные люди. Никогда раньше не замечала. По-моему, Новый год — хороший способ узнать, кто из ваших друзей скучный, а кто нет. Боббо скоро заметил, что я скучаю, и захотел меня развлечь. Он кривлялся, рассказывал анекдоты, изображал, что его краб разговаривает. Ричардсоны хохотали. Пол Ричардсон даже встал и записал один его анекдот. Сказал, чтобы не забыть. А я только и сумела, что его отругать. На обратном пути, в машине, наговорила ему всяких ужасных вещей. «Твои пошлые анекдоты никому не смешны. Ты жалок. Кто тебя

просил строить из себя шута, а? Ты все-таки инженер на крупной фабрике или кто? Поговори о работе, покажи, что ты серьезный, значительный человек. Ты же не в цирке, черт возьми!» Он ответил, что Пол смеялся его шуткам, а я велела ему замолчать, сказала, что не хочу его слушать.

Не знаю, почему я такая злая. Я так его люблю. Он такой добрый, внимательный. Не знаю, почему я с ним плохо обращаюсь. Потом злюсь на себя, ненавижу себя и оттого веду себя еще хуже.

Сегодня, в первый день нового года, я принимаю решение измениться. Вообще-то я каждый год себе это обещаю и никогда не исполняю. Несколько месяцев назад я начала ходить к доктору Эшкрофту из Конкорда. Это он посоветовал мне вести дневник. Он меня принимает раз в неделю. Я никому не говорю. Мне будет очень стыдно, если кто-то узнает, что я хожу к психиатру. Люди скажут, что я сумасшедшая. Я не сумасшедшая. Я страдаю, я болею. Болею, только не знаю чем. Доктор Эшкрофт говорит, что у меня склонность разрушать все, от чего мне хорошо. Это называется аутодеструкция. Он говорит, что я боюсь смерти и что это может быть как-то связано. Я не знаю. Я только знаю, что мне плохо. И что я люблю моего Роберта. Я люблю только его. Что бы я без него делала?

Роберт закрыл тетрадь. Он плакал. Его жена написала то, что никак не могла ему сказать. Она любит его. Действительно любит. Любит только его. Он никогда не читал таких прекрасных слов. Вытерев глаза, чтобы не закапать страницы, он почитал еще; бедная Тамара, милая Тами, она страдала молча. Почему она не сказала ему про доктора Эшкрофта? Если ей плохо, значит, он будет страдать вместе с ней, для того он на ней и женился. Посветив фонариком на последнюю полку, он заметил листок Гарри, и это разом вернуло его к реальности. Он вспомнил, зачем пришел; вспомнил, что жена валяется на кровати, наглопившись снотворного, и что он должен избавиться от этой бумажки. Он вдруг рассердился на себя за то, что сделал, и чуть не отказался от своего намерения, но тут ему пришло в голову, что если он уничтожит листок, жена, возможно, будет меньше думать о Гарри Квеберте и больше — о нем. Он для нее важнее, она его любит. Так она написала. Именно поэтому он в конце концов взял листок и в ночной тишине покинул «Кларкс», предварительно убедившись, что не оставил никаких следов. Поехал на своем велосипеде обратно и на тихой

улочке поджег текст Гарри Квеберта зажигалкой. Он смотрел, как бумага горит, чернеет, корчится в сперва золотистом, а затем голубом пламени и мало-помалу исчезает. Вскоре от нее ничего не осталось. Он вернулся домой, надел ключ на шею жены, лег рядом с ней и крепко ее обнял.

Через два дня Тамара обнаружила, что листка на месте нет. Она чуть не сошла с ума: ведь она точно положила его в сейф, а теперь его там не было. Открыть сейф никто не мог, ключ всегда был у нее, и признаков взлома нет. Неужели она потеряла его в кабинете? Или машинально убрала не туда? Она часами рылась в комнате, вытряхивала ящики и наполняла их снова, перебирала бумаги и убирала обратно, но все впустую: несчастный клочок бумаги таинственным образом исчез.

* * *

Роберт Куинн рассказал, что, когда несколько недель спустя Нола пропала, его жена чуть не заболела.

— Она твердила, что если бы у нее был этот листок, полиция могла бы заняться Гарри Квебертом. А шеф Пратт ей сказал, что без этой бумажки ничего не может сделать. Она была в истерике. По сто раз на дню говорила: «Это Квеберт! Это Квеберт! Я знаю, и ты знаешь, мы все знаем! Ты же тоже видел эту записку, правда?»

— А почему вы не рассказали полиции о том, что вам известно? — спросил я. — Почему не сказали, что Нола приходила к вам, говорила с вами о Гарри? Это был бы след, разве не так?

— Я хотел. Меня это все очень волновало. Вы не могли бы выключить свой микрофон, мистер Гольдман?

— Конечно.

Я выключил плеер и убрал его в сумку. Он продолжал:

— Когда Нола пропала, я очень злился на себя. Жалел, что сжег эту бумажку, которая была ниточкой к Гарри. Говорил себе, что благодаря этой улике полиция могла бы обратить на него внимание, допросить, выяснить все, как положено. И если ему не в чем себя упрекнуть, то и бояться ему нечего. В конце концов, невинным людям нечего беспокоиться, правда ведь? В общем, короче, я на себя сердился. И тогда я стал писать анонимные письма и вешать ему на дверь, когда знал, что его нет дома.

— Что? Так анонимные письма — это вы?

— Это я. Я напечатал их целую стопку на пишущей машинке своей секретарши, на перчаточной фабрике в Конкорде. «Я знаю, что ты сделал с

этой девочкой 15 лет. И скоро весь город узнает». Письма я хранил в машине, в бардачке. И каждый раз, встретив Гарри в городе, мчался в Гусиную бухту и оставлял письмо.

— Но зачем?

— Для очистки совести. Жена без конца повторяла, что виновен он, и я думал, что это вполне возможно. И что если я буду его изводить и пугать, он в конце концов выдаст себя. Это продолжалось несколько месяцев. А потом я бросил.

— А что вас заставило бросить?

— Его печаль. После того как она пропала, он был такой грустный... Просто другой человек. Я сказал себе, что это не может быть он. Ну и перестал.

Я сидел в полном изумлении. И на всякий случай спросил:

— Скажите, мистер Куинн, это, случайно, не вы подожгли Гусиную бухту?

Он улыбнулся: мой вопрос его почти позабавил.

— Нет. Вы классный парень, мистер Гольдман, я бы вам такого не сделал. Не знаю, кто тот больной на голову, кто это сотворил.

Мы допили пиво.

— Значит, вы в итоге не развелись, — заметил я. — А с вашей женой все уладилось? Я имею в виду, после того как вы нашли в сейфе все эти сувениры и ее дневник?

— Все стало только хуже, мистер Гольдман. Она по-прежнему все время меня шпыняла и ни разу не сказала, что меня любит. Ни разу. За те месяцы, а потом и годы, что прошли с тех пор, я часто одурял ее снотворным, чтобы читать и перечитывать ее дневник и оплакивать наши воспоминания в надежде, что однажды все образуется. Надеяться, что однажды все образуется, — наверно, это и есть любовь.

Я кивнул в знак согласия:

— Наверно.

В своем номере я с удвоенной силой принялся за книгу. Я описал, как пятнадцатилетняя Нола Келлерган сделала все, чтобы защитить Гарри. Как она подставляла и компрометировала себя, чтобы он мог оставаться в Гусиной бухте и писать, чтобы его никто не беспокоил. Как она постепенно стала музой и хранительницей его шедевра. Как ей удалось создать вокруг него своего рода защитный колпак, чтобы он мог сосредоточиться на работе и произвести на свет лучшее творение своей жизни. И пока я писал, я ловил себя на мысли, что Нола Келлерган была той исключительной

женщиной, о какой, безусловно, мечтают все писатели на свете. Однажды под вечер мне из Нью-Йорка позвонила Дениза, с редкостной старательностью и самоотдачей правившая мой текст; она сказала:

— Маркус, по-моему, я плачу.

— Это почему? — удивился я.

— Из-за этой девочки, из-за Нолы. По-моему, я ее тоже люблю.

Я улыбнулся и ответил:

— По-моему, ее все любили, Дениза. Все на свете.

А потом, через два дня, то есть 3 августа, раздался звонок от Гэхаловуда. Он был в крайнем возбуждении.

— Писатель! — завопил он. — У меня результаты экспертизы! Черт подери, вы не поверите своим ушам! Почерк на рукописи — это Лютер Кaleb! Никаких сомнений. Мы нашли убийцу, Маркус. Мы его нашли!

7. После Нолы

— Берегите любовь, Маркус. Пусть она будет вашей самой прекрасной победой, вашим единственным устремлением. Когда уходят люди, после них приходят другие. После книг будут другие книги. После славы — другая слава. После денег — еще деньги. Но после любви, Маркус, после любви остается только соль высохших слез.

Жизнь после Нолы была уже не жизнь. Все говорили, что после ее исчезновения всю Аврору долгие месяцы неотступно преследовал страх; город медленно погружался в депрессию.

Стояла осень, деревья запестрели красками. Но дети больше не валялись в громадных кучах палых листьев, окаймлявших аллеи: встревоженные родители неусыпно следили за ними. Теперь они провожали отпрысков до школьного автобуса, а ко времени его возвращения выходили на улицу. С половины четвертого матери выстраивались в ряд на тротуаре, перед своим домом: живая изгородь на пустынных проспектах, бесстрастные часовые, поджидавшие появления своего потомства.

Детям запретили выходить из дому без взрослых. Ушли в прошлое благословенные времена, когда улицы были заполнены весело орущей детворой. Никто не играл в хоккей на роликах у гаражей, никто не скакал через веревочку и по гигантским классикам, нарисованным мелом на асфальте главной улицы, тротуар перед кондитерской семьи Хендорф, где меньше чем за пять центов можно было купить целую пригоршню конфет, не был заставлен велосипедами. На улицы опустилась тревожная тишина: Аврора превращалась в город-призрак.

Дома запирали на ключ, а с наступлением ночи отцы и мужья, организовавшие народную дружину, шагали по улицам, защищая свой квартал и свои семьи. Большинство вооружались дубинами, некоторые брали охотничьи ружья. Они говорили, что в случае чего будут стрелять без колебаний.

Доверия не осталось. Приезжих, коммивояжеров и дальнобойщиков, встречали в штыки и не оставляли без присмотра. И что всего хуже, жители перестали доверять друг другу. Соседи, дружившие четверть века, теперь друг за другом шпионили. И каждый задавался вопросом, что делал другой

под вечер 30 августа 1975 года.

По городу без конца кружили машины местной полиции и полиции округа; отсутствие полиции беспокоило, ее избыток внушал страх. И когда вполне узнаваемый черный «форд» без опознавательных знаков, принадлежащий полиции штата, стоял перед домом 245 по Террас-авеню, все волновались, не привез ли капитан Родик какие-нибудь новости. Дом Келлерганов стоял с задернутыми шторами, целыми днями, затем неделями, месяцами. Поскольку Дэвид Келлерган больше не совершал богослужений, из Манчестера в срочном порядке был направлен новый пастор, дабы службы в соборе Сент-Джеймс не прекращались.

А потом были октябрьские туманы. Всю округу затянуло плотной серой и влажной пеленой; вскоре начались холодные дожди. Гарри сидел один в Гусиной бухте и постепенно хирел. Уже два месяца он нигде не появлялся. На целый день запирался в кабинете и стучал на пишущей машинке, не отрываясь от стопки рукописных страниц — перечитывал их и прилежно перепечатывал. Он вставал рано и приводил себя в порядок: тщательно брился, изысканно одевался, хотя знал, что не выйдет из дому и никого не увидит. Потом садился за стол и принимался за работу, изредка прерываясь лишь для того, чтобы наполнить кофейник; все остальное время он переписывал, перечитывал, правил, рвал написанное и начинал все сначала.

Его одиночество нарушала только Дженни. Каждый день, закончив смену, она приходила его проводить — тревожилась, что он угасает. Обычно она появлялась около шести часов и, пройдя несколько шагов от машины до крыльца, успевала промокнуть насквозь. В руках у нее была корзина, полная снеди из «Кларкса»: сэндвичи с курицей, яйца под майонезом, макароны с сыром и со сливками, горячие, дымящиеся, в металлическом сотейнике, пирожки, припрятанные от посетителей, чтобы ему точно досталось. Она звонила в дверь.

Он подскакивал на стуле и мчался к двери. Нола! Милая Нола! Она стояла здесь, перед ним, сияющая, восхитительная. Они бросались друг другу в объятия, он поднимал ее, кружил по прихожей, по всему миру, и они целовались. Нола! Нола! Нола! Они целовались еще и танцевали. Стояло прекрасное лето, небо ослепительно переливалось закатными красками, над их головой кружили стаи чаек, певших, как соловьи, она улыбалась, смеялась, ее лицо лучилось солнцем. Она была здесь, он мог прижать ее к себе, коснуться ее кожи, гладить ее по лицу, вдыхать ее запах, перебирать ее волосы. Она была здесь, она была жива. Они оба были живы.

«Ну где ты была? — спрашивал он, беря ее за руки. — Я тебя ждал! Мне было так страшно! Все говорят, что с тобой случилось что-то плохое! Говорят, что мамаша Купер видела тебя, окровавленную, возле Сайд-Крик! Всюду была полиция! Они прочесывали лес! Я думал, с тобой произошло несчастье, я с ума сходил, не зная, что с тобой!» Она крепко его обнимала, повисала у него на шее и успокаивала: «Не волнуйтесь, милый Гарри! Со мной ничего не случилось, я здесь. Я здесь! Мы вместе, вместе навсегда! Вы поели? Вы, наверно, голодный! Вы ели?»

— Ты поел? Гарри? Гарри! С тобой все в порядке? — спрашивала Дженни изможденного живого мертвеца, открывшего ей дверь.

Ее голос возвращал его к реальности. На улице было темно и холодно, по крыше грохотал проливной дождь. Скоро зима. Чайки давно улетели.

— Дженни? — растерянно говорил он. — Это ты?

— Да, я. Я принесла тебе поесть, Гарри. Ты должен питаться, ты нездоров. Совсем нездоров.

Он смотрел на нее, мокрую, дрожащую. Впускал ее в дом. Она задерживалась ненадолго. Только ставила корзину на кухне и забирала вчерашние блюда. Обнаружив, что они почти не тронуты, ласково выговаривала ему:

— Гарри, надо есть.

— Я иногда забываю, — отвечал он.

— Ну как же можно забывать поесть?

— Это из-за книги... Я пишу, погружаюсь в нее и забываю обо всем остальном.

— Это, наверно, прекрасная книга, — говорила она.

— Да, прекрасная книга.

Она не понимала, как можно доводить себя до такого состояния из-за книги. Каждый раз она надеялась, что он попросит ее остаться и поужинать с ним. Она всегда брала с собой еду на двоих, но он ничего не замечал. Она стояла пару минут между кухней и столовой, не зная, что сказать. Он каждый раз готов был предложить ей посидеть немного у него — и каждый раз отказывался от своего намерения, потому что не хотел внушать ей ложные надежды. Он знал, что больше никогда никого не полюбит. Когда молчание становилось тягостным, он говорил «спасибо» и направлялся к входной двери, показывая ей, что пора уходить.

Она возвращалась домой, расстроенная, встревоженная. Отец готовил ей горячий шоколад, бросал туда маршмеллоу и затапливал камин в гостиной. Они садились на тахту, лицом к очагу, и она рассказывала отцу, как томится Гарри.

— Почему он такой грустный? — спрашивала она. — Он же прямо умирает.

— Не знаю, — отвечал Роберт Куинн.

Он боялся выходить на улицу. В те немногие разы, когда он покидал Гусиную бухту, он непременно находил по возвращении эти ужасные письма. Кто-то следил за ним. Кто-то желал ему зла. Кто-то поджидал, когда его не будет дома, и засовывал в дверь маленький почтовый конверт. А внутри были одни и те же слова:

*Я знаю, что ты сделал с этой девочкой 15 лет.
И скоро весь город узнает.*

Кто? Кто мог иметь на него зуб? Кто знал про них с Нолой и теперь хотел его погубить? Он буквально заболел от этого; найдя очередное письмо, он чувствовал, что его лихорадит. Болела голова, теснило в груди. Иногда случались приступы тошноты, мучила бессонница. Он боялся, как бы его не обвинили в том, что он сделал с Нолой что-то нехорошее. Как доказать, что он ни в чем не виноват? Он принимался воображать самое худшее: жуткий блок для особо опасных преступников в федеральной тюрьме, куда его посадят пожизненно; а быть может, его ждет электрический стул или газовая камера. Мало-помалу он начал бояться полицейских: один вид мундира или полицейской машины повергал его в страшную нервозность. Однажды, выходя из супермаркета, он заметил на парковке патруль полиции штата; полицейский в автомобиле смотрел на него. Из всех сил стараясь сохранять спокойствие, он с покупками в руках поскорей направился к своей машине. И вдруг услышал, что его окликают. Полицейский. Он сделал вид, что не слышит. За его спиной хлопнула дверца: полицейский вышел из машины. Он явственно различал его шаги, позвякивание пояса с наручниками, пистолетом, дубинкой. Покидав покупки в багажник, он уже собрался уехать как можно быстрее. Он дрожал, обливался потом, почти ничего не видел от страха. Главное — спокойствие, сказал он себе, сяду в машину и исчезну. В Гусиную бухту не вернусь. Но он не успел: тяжелая рука легла ему на плечо.

Он никогда не дрался, он не знал, как драться. Что делать? Оттолкнуть его, вскочить в машину и удрать? Ударить его? Завладеть его оружием и убить? Он резко обернулся, готовый ко всему. Полицейский протягивал ему двадцатидолларовую банкноту:

— У вас из кармана выпало, мистер. Я вас звал, но вы не слышали. С

вами все в порядке? Вы белый как полотно...

— Все в порядке, — ответил Гарри, — все нормально... Я... Я был... Я задумался, и... В общем, спасибо. Мне... Мне надо ехать.

Полицейский приветливо махнул ему рукой и вернулся в свою машину; Гарри трясло.

После этой сцены он записался на бокс и стал усердно заниматься. Потом решил, что ему надо с кем-то поговорить. Навел справки и связался с доктором Роджером Эшкрофтом из Конкорда, — судя по всему, это был один из лучших психиатров округа. Они договорились о еженедельном сеансе по средам, с 10.40 до 11.30 утра. Он не говорил с доктором Эшкрофтом о письмах, но говорил о Ноле. Не упоминая ее. Но он впервые смог кому-то рассказать о Ноле, и ему стало гораздо легче. Эшкрофт, восседая в мягком кресле, внимательно слушал его, а когда переходил к толкованиям, постукивал пальцами по подлокотнику.

— По-моему, я вижу мертвых, — пояснил Гарри.

— Значит, ваша подруга умерла? — спросил Эшкрофт.

— Не знаю... Вот от этого я и схожу с ума.

— Не думаю, что вы сумасшедший, мистер Квеберт.

— Иногда я выхожу на пляж и кричу ее имя. А когда больше нет сил кричать, сажусь на песок и плачу.

— По-моему, так у вас выражается скорбь. Ваше сознание, рациональное, здоровое, борется с тем началом внутри вас, которое отказывается принять неприемлемое с его точки зрения. Когда действительность слишком невыносима, мы пытаемся ее обойти. Если хотите, пропишу вам релаксанты, они помогут вам расслабиться.

— Нет, только не это. Мне надо сосредоточиться на своей книге.

— Расскажите мне о своей книге, мистер Квеберт.

— Это история волшебной любви.

— И о чем эта история?

— О запретной любви.

— Это история о вас и вашей подруге?

— Да. Я ненавижу книги.

— Почему?

— Они причиняют мне боль.

— Время истекло. Мы поговорим об этом на следующей неделе.

— Отлично. Спасибо, доктор.

Однажды в приемной он столкнулся с Тамарой Куинн, выходившей из кабинета.

* * *

Рукопись была закончена в середине ноября, после полудня; погода стояла такая пасмурная, что непонятно было, день на дворе или ночь. Он сложил толстую пачку страниц и внимательно перечитал название, написанное заглавными буквами на обложке:

Гарри Л. Квеберт

ИСТОКИ ЗЛА

роман

Внезапно ему захотелось кому-нибудь рассказать об этом, и он тут же отправился в «Кларкс», к Дженни.

— Я закончил книгу, — сообщил он ей радостно. — Я приехал в Аврору, чтобы написать книгу, и вот. Она готова. Готова. Готова!

— Потрясающе! — ответила Дженни. — Это великая книга, я уверена. Что ты теперь будешь делать?

— Поеду в Нью-Йорк на какое-то время. Предложу ее издателям.

Он послал экземпляры рукописи в пять крупных нью-йоркских издательств. Не прошло и месяца, как все пять издательств связались с ним, сочтя, что имеют дело с шедевром, и стали набавлять цену. Начиналась новая жизнь. Гарри нанял адвоката и литературного агента. В конечном счете за несколько дней до Рождества он подписал с одним из издателей невероятный договор на 100 000 долларов. Он был на пути к славе.

Он вернулся в Гусиную бухту 23 декабря, за рулем роскошного новенького «крайслера». Он непременно должен был встретить Рождество в Авроре. В дверях торчало анонимное письмо, явно не первый день. Последнее. Больше он их не получал.

Назавтра он занялся подготовкой к праздничному ужину: зажарил громадную индейку, потушил фасоль в масле, приготовил картошку фри и испек торт с шоколадом и сливками. На проигрывателе стояла пластинка «Мадам Баттерфляй». Он накрыл стол на двоих возле елки. Он не заметил, что через заиндевевшее окно за ним наблюдает Роберт Куинн; в тот день

Роберт поклялся себе прекратить историю с письмами.

Поев, Гарри извинился перед пустой тарелкой напротив и, скрывшись на миг в кабинете, вернулся с большой коробкой в руках.

— Это мне? — воскликнула Нола.

— Его нелегко было найти, но всякое бывает, — ответил Гарри, поставив коробку на пол.

Нола опустилась на колени перед подарком. «Что это? Что это такое?» — повторяла она, поднимая незавязанные клапаны крышки. Оттуда высунулась мордочка, а потом и маленькая желтая голова. «Щенок! Это щенок! Песик цвета солнца! О, Гарри, милый Гарри! Спасибо! Спасибо!» Она вытащила собаку из коробки и взяла на руки. Это был лабрадор, месяцев двух с половиной от роду. «Тебя будут звать Шторм! — объяснила она собаке. — Шторм! Шторм! Я всю жизнь мечтала о такой собаке, как ты!»

Она поставила собаку на пол. Щенок, твякая, принялся изучать свой новый дом, а она кинулась Гарри на шею.

— Спасибо, Гарри, я с вами так счастлива. Но мне так стыдно, у меня нет для вас подарка.

— Мой подарок — это твое счастье, Нола.

Он крепко обнял ее, но ему показалось, что она ускользает, и вскоре он перестал ее чувствовать, перестал видеть. Он звал ее, но она уже не откликалась. Он стоял один посреди комнаты, обхватив себя руками. Щенок вылез из коробки у его ног и играл со шнурками его ботинок.

* * *

«Истоки зла» вышли в свет в июне 1976 года и имели огромный успех. Критики наперебой расхваливали книгу; необыкновенный Гарри Квеберт, тридцати пяти лет, считался отныне величайшим писателем своего поколения.

За две недели до выхода книги издатель Гарри, понимая, какую бурю восторгов она вызовет, лично приехал за ним в Аврору:

— Как это, Квеберт, мне говорят, вы не хотите ехать в Нью-Йорк?

— Я не могу уехать, — ответил Гарри. — Я жду одного человека.

— Ждете одного человека? Да что вы мне рассказываете! Вас хочет видеть вся Америка. Вы станете звездой огромной величины.

— Я не могу уехать, у меня собака.

— Ну и что, мы возьмем ее с собой. Мы будем ее холить и лелеять, вот

увидите: у нее будет няня, свой повар, ее будут выгуливать и вычесывать. В общем, складывайте чемодан — и вперед к славе, друг мой!

И Гарри уехал из Авроры в многомесячное турне по всей стране. Скоро все только и говорили, что о нем и его потрясающем романе. Дженни, где бы она ни была, на кухне в «Кларксе» или в своей спальне, следила за новостями по радио и телевидению. Она покупала все газеты, печатавшие статьи о нем, и благоговейно их хранила. Увидев в магазине его книгу, она каждый раз покупала ее. У нее было больше десятка экземпляров. И все она прочла. Она часто спрашивала себя, не вернется ли он за ней. Когда приходил почтальон, она ловила себя на том, что ждет письма. Когда звонил телефон, надеялась, что это он.

Она ждала все лето. Когда на дороге ей попадалась машина, похожая на машину Гарри, ее сердце билось чаще.

Она ждала осенью. Когда двери «Кларкса» открывались, ей казалось, что это он, что он вернулся за ней. Он был любовью всей ее жизни. Она ждала и, чтобы отвлечься, перебирала в памяти те благословенные дни, когда он приходил работать в «Кларксе», за столиком номер 17. Здесь, рядом с ней, он написал шедевр, который она читала каждый вечер. Если бы он по-прежнему жил в Авроре, он мог бы приходить сюда каждый день: она осталась бы официанткой — просто ради удовольствия быть подле него. И не важно, что она до конца своей жизни так и будет подавать гамбургеры, ведь она будет подле него. Она сохранит этот столик за ним, навсегда. И, невзирая на негодование матери, она на свои деньги заказала металлическую пластину и привинтила ее к столику номер 17. На пластине было выгравировано:

За этим столиком летом 1975 года

писатель Гарри Квеберт сочинил

свой знаменитый роман «Истоки зла».

13 октября 1976 года она отпраздновала свой двадцать шестой день рождения. Гарри был в Филадельфии, она прочитала об этом в газете. С момента отъезда он ни разу не давал о себе знать. В тот вечер в гостиной их дома, в присутствии родителей, Тревис Доун, который уже год каждое воскресенье приходил к ним обедать, попросил ее руки. И Дженни,

утратившая надежду, дала согласие.

Июль 1985 года

Прошло десять лет. Время изгладило из памяти призрак Нолы и ее похищение. На улицах Авроры жизнь давно вступила в свои права: снова ребяташки на роликах шумно играли в хоккей, снова везде прыгали через веревочку, снова на тротуарах появились огромные классики. А на главной улице перед кондитерской семейства Хендорф, где горсть конфет стоила уже почти доллар, снова громоздились велосипеды.

В середине июля, поздним утром, Гарри сидел на террасе Гусиной бухты, наслаждаясь теплом и прекрасной погодой, и правил страницы своего нового романа; у его ног спал пес Шторм. Стая чаек пронеслась над домом. Он проследил за ними взглядом, они сели на пляже. Он тут же встал и пошел на кухню за сухим хлебом, который хранился в жестяной коробке с надписью «На память о Рокленде, Мэн»; потом спустился на пляж и стал кидать хлеб чайкам. Старый, больной артрозом Шторм ковылял за ним по пятам. Он уселся на камни поглядеть на птиц, и пес сел рядом с ним. Он долго гладил его. «Бедный мой старый Шторм, — говорил он псу, — трудно тебе ходить, да? Просто ты уже совсем не молод... Помню тот день, когда я тебя купил, прямо перед Рождеством семьдесят пятого... Ты был крохотный комочек шерсти, в два моих кулака, не больше».

Внезапно он услышал, что его кто-то окликнул.

— Гарри?

На террасе кто-то стоял и звал его. Гарри прищурился и узнал Эрика Рендалла, ректора Университета Берроуза в Массачусетсе. Они познакомились на одной его лекции год назад, понравились друг другу и с тех пор регулярно общались.

— Эрик? Это вы? — откликнулся Гарри.

— Он самый.

— Подождите, сейчас поднимусь.

Пару секунд спустя Гарри с тяжело тащившимся следом лабрадором поднялся к Рендаллу на террасу.

— Я пытался вам дозвониться, — извинился ректор за неожиданный визит.

— Я часто не подхожу к телефону, — улыбнулся Гарри.

— Это ваш новый роман? — спросил Рендалл, разглядывая разбросанные на столе листы бумаги.

— Да, осенью должен выйти. Два года над ним работаю... Мне надо еще раз прочесть корректуру, но, знаете, по-моему, я никогда не смогу

написать ничего лучше «Истоков зла».

Рендалл бросил на Гарри сочувственный взгляд:

— В сущности, все писатели пишут за всю жизнь одну-единственную книгу.

Гарри кивнул и предложил гостю кофе. Потом они уселись за стол, и тогда Рендалл сказал:

— Гарри, я позволил себе явиться, потому что, насколько мне помнится, вы говорили, что хотите преподавать в университете. Так вот, на факультете литературы в Берроузе освобождается место. Я знаю, мы не Гарвард, но мы достойный университет. Если место вас интересует, оно ваше.

Гарри повернулся к собаке цвета солнца и потрепал ее по загривку.

— Слышишь, Шторм, — прошептал он на ухо псу. — Я скоро буду профессором в университете.

6. Принцип Барнаски

— Видите ли, Маркус, слова — это замечательно, но порой они напрасны, одних слов мало. Бывают моменты, когда некоторые не желают вас слушать.

— И что тогда делать?

— Хватайте их за шкуру и жмите локтем на горло. Как можно сильнее.

— Зачем?

— Чтобы их задушить. Когда слова бессильны, бейте кулаком.

В начале августа 2008 года прокуратура штата Нью-Гэмпшир представила судье, ведущему дело, новое заключение, где говорилось, что в свете вновь открывшихся в ходе расследования обстоятельств убийцей Деборы Купер и Нолы Келлерган является Лютер Калев; он похитил девушку, забил ее насмерть и похоронил в Гусиной бухте. На основании этого заключения судья вызвал Гарри на срочное заседание, где с него были окончательно сняты все обвинения. Этот поворот событий придал делу привкус большого летнего сериала: Гарри Квеберт, звезда, становится жертвой своего прошлого и попадает в опалу, ему грозит смертная казнь, его карьера разрушена, но в конечном итоге он оказывается невиновен.

Лютера Калеба накрыло волной мрачной посмертной славы, его жизнь была выставлена на всеобщее обозрение во всех газетах, а его имя причислено к пантеону величайших преступников в истории Америки. Вскоре все внимание общества переключилось на него. Газетчики копались в его жизни, иллюстрированные еженедельники в красках расписывали его прошлое — беззаботные годы в Портленде, талант живописца, бандитское нападение, все, что он выстрадал, — и во множестве публиковали фотографии, купленные у близких. Особенно впечатлила публику потребность писать обнаженных женщин, и журналисты обращались за разъяснениями к психиатрам: насколько известна подобная патология? Возможно ли было, исходя из нее, предвидеть столь трагическое развитие событий? Из-за утечки в полиции в прессу попали фотографии портрета, найденного у Элайджи Стерна, и это дало пищу для самых невероятных домыслов: все задавались вопросом, почему Стерн, влиятельный и уважаемый человек, допускал сеансы живописи, на которых позировала

обнаженная пятнадцатилетняя девочка?

Некоторые обратили осуждающие взоры на прокурора штата, считая, что он действовал необдуманно и поторопился посадить Квеберта. Были и такие, кто полагал, что, подписав пресловутое заключение, он поставил крест на своей дальнейшей карьере. Прокурора отчасти спас Гэхаловуд. Как руководитель полицейского расследования, он взял всю ответственность на себя: созвав пресс-конференцию, заявил, что это он арестовал Гарри Квеберта, но он же и выпустил его на свободу, и это не парадокс и не провал, а, напротив, свидетельство исправного функционирования правосудия. «Мы никого не посадили по ошибке, — сказал он многочисленным журналистам. — У нас были подозрения, мы их рассеяли. В обоих случаях мы действовали последовательно. В этом и состоит работа полиции». И, объясняя, почему потребовалось столько лет, чтобы установить личность преступника, сослался на свою теорию концентрических кругов: Нола была центральным элементом, вокруг которого вращалось множество других. Чтобы найти убийцу, их требовалось отсекаать по одному. Но вся эта работа могла быть проделана лишь благодаря тому, что было обнаружено тело. «Вы утверждаете, что на раскрытие этого убийства ушло тридцать три года, — напомнил он собравшимся, — но в действительности нам понадобилось всего два месяца. Все остальное время ничего не происходило: нет трупа — нет убийства. Только пропавшая без вести девочка».

Хуже всего понимал сложившуюся ситуацию Бенджамин Рот. Однажды под вечер я случайно столкнулся с ним в отделе косметики одного из крупных торговых центров Конкорда, и он сказал мне:

— С ума спятить, я тут вчера ездил к Гарри в его мотель: можно подумать, он вовсе не рад, что с него сняли обвинение.

— Он просто грустит, — объяснил я.

— Грустит? Выиграл дело — и грустит?

— Грустит потому, что Нола умерла.

— Да она уж тридцать лет как умерла.

— А теперь умерла по-настоящему.

— Не понимаю, что вы хотите сказать, Гольдман.

— Меня это не удивляет.

— В общем, короче, я к нему заехал сказать, чтобы он распорядился насчет дома: у меня были люди из страховой компании, они всем займутся, но ему надо связаться с архитектором и решить, чего он хочет. У него был такой вид, как будто ему вообще пофиг. Все, что он соизволил мне сказать, это: «Отвезите меня туда». Ну мы поехали. Там еще куча всякого хлама в

этом доме, вы в курсе? Он все там бросил — мебель, какие-то уцелевшие вещи. Говорит, ему больше ничего не нужно. Мы там больше часа проторчали. За этот час я угробил ботинки за шестьсот долларов. Я ему показывал, что он может забрать, особенно из старинной мебели. Предлагал ему снести одну стену, чтобы расширить гостиную, и еще напомнил, что он может подать в суд на штат за моральный ущерб, нанесенный судебным делом, и что с них можно слупить кругленькую сумму. А он даже не отреагировал. Я ему предложил связаться со службой перевозки, вывезти все, что уцелело, и сложить пока на мебельном складе, я говорил, что ему повезло, потому что до сих пор обходилось без дождя и без воров, а он ответил: не стоит. И даже добавил, что не важно, если его обворуют, по крайней мере, мебель кому-то пригодится. Вы что-нибудь понимаете, а, Гольдман?

— Понимаю. Дом ему больше не нужен.

— Не нужен? Это почему, интересно?

— Потому что больше некого ждать.

— Ждать? Кого ждать-то?

— Нолу.

— Да Нола же умерла!

— Вот именно.

Рот пожал плечами:

— В сущности, я с самого начала был прав. Эта маленькая Келлерган была шлюхой. Подстилкой всему городу, а Гарри просто остался в дураках: вляпался, романтик недоделанный, со своими нежностями, писал ей любовные записочки и даже целую книжку наката.

Он сально хихикнул.

Это было уже слишком. Одной рукой я схватил его за ворот рубашки и прижал к стене, а локтем другой уперся ему в горло. Осколки склянок с духами разлетелись по полу.

— Нола изменила жизнь Гарри! — заорал я. — Она пожертвовала собой ради него! Я вам запрещаю твердить всем и каждому, что она была шлюхой!

Он попытался вырваться, но ничего не мог сделать; я слышал, как он задыхается и сипит. Нас окружили люди, сбежались охранники, и я его отпустил. Он был весь красный как помидор, в расхристанной рубашке.

— Вы... вы... Вы ненормальный, Гольдман! — прохрипел он. — Вы полоумный! Как Квеберт! Я ведь и пожаловаться могу, знаете ли!

— Делайте что хотите, Рот!

Он в бешенстве удалился и, отойдя на безопасное расстояние, крикнул:

— Это вы сказали, что она шлюха, Гольдман! Это было в ваших записях, что, нет? Это все из-за вас!

Своей книгой я как раз и хотел исправить катастрофическое зло, причиненное публикацией моих записок. До ее официального выхода в свет оставалось полтора месяца, Рой Барнаски был взвинчен до предела и звонил мне по несколько раз на дню, чтобы поделиться своим возбуждением.

— Все идеально! — восклицал он во время одного из наших разговоров. — Тайминг идеальный! Это прокурорское заключение подоспело так вовремя, вся эта суматоха — невероятная удача, потому что через три месяца президентские выборы, и всем уже будет наплевать и на вашу книгу, и на эту историю. Знаете, информация — это безграничный поток в ограниченном пространстве. Масса информации возрастает по экспоненте, но время, которое человек ей уделяет, весьма невелико, и растянуть его нельзя. Большинство смертных посвящают новостям, ну, от силы час в день. По утрам минут двадцать — бесплатная газета в метро, полчаса — интернет в офисе, и минут пятнадцать *CNN* перед сном. А материала, чтобы заполнить этот отрезок времени, бесконечно много! В мире происходит куча всякой дряни, но о ней не говорят, потому что нет времени. Понимаете, нельзя говорить одновременно про Нолу Келлерган и про Судан, времени нет. Внимание ограничено пятнадцатью минутами *CNN* по вечерам. Потом люди хотят смотреть сериал. Жизнь — это вопрос приоритетов.

— Вы циник, Рой, — отозвался я.

— Нет, о господи, нет! Перестаньте обвинять меня во всех пороках! Просто я реалист. А вы — мягкий и трепетный любитель бабочек, мечтатель, кочующий по полям и лугам в поисках вдохновения. Вы можете написать мне шедевр про Судан, но я его не напечатаю. Потому что людям на этот Судан наплевать! Им на-пле-вать! Ну да, вы можете считать меня мерзавцем, но я только реагирую на спрос. Насчет Судана все умывают руки, и все. Сегодня все и всюду говорят про Гарри Квеберта и Нолу Келлерган, и надо ловить момент: через пару месяцев будут говорить про нового президента, и ваша книга перестанет существовать. Но мы продадим ее столько, что вы вполне сможете жить припеваючи в новом доме на Багамах.

Возразить было нечего: Барнаски обладал настоящим даром заполнять медийное пространство. Все уже говорили о книге, и чем больше было разговоров, тем сильнее он подогревал их рекламными кампаниями. «Дело

Гарри Квеберта», книга на миллион долларов, — так ее представляли в прессе. И я понял, что астрономическая сумма, которую он мне предложил и по поводу которой шумела пресса, была на самом деле инвестицией в рекламу: вместо того чтобы тратить эти деньги на промоакции и афиши, он с их помощью разжигал всеобщее любопытство. Впрочем, когда я задал ему этот вопрос, он не стал отнекиваться и изложил мне свою теорию на этот счет: по его мнению, распространение интернета и социальных сетей коренным образом изменило правила торговли.

— Представьте себе, Маркус, сколько стоит один рекламный щит в нью-йоркском метро. Целое состояние. Люди платят кучу денег за афишу, срок жизни которой весьма ограничен и которую увидит весьма ограниченное количество людей: ведь нужно, чтобы все эти люди оказались в Нью-Йорке и сели в метро на этой самой остановке на этой самой линии в определенное время. А теперь достаточно лишь так или иначе вызвать интерес, создать, так сказать, шумиху, *buzz*, чтобы о вас заговорили, а дальше можно положиться на людей, которые расскажут о вас в социальных сетях, — и вы получаете в свое распоряжение безграничное и бесплатное рекламное пространство. Люди по всему миру, сами того не подозревая, обеспечивают вам рекламу в мировом масштабе. Правда, невероятно? Пользователи Фейсбука — просто те же люди-бутерброды, только работают бесплатно. Глупо было бы их не использовать.

— Вы это и сделали, да?

— Всучив вам миллион долларов? Ну да. Заплатите человеку за книжку столько, сколько платят игрокам НБА или в НХЛ, и можете быть уверены, что о нем заговорят все.

В Нью-Йорке, в офисе «Шмида и Хансона», напряжение достигло предела. На издание и продвижение книги были брошены целые армии сотрудников. Мне прислали через *FedEx* аппарат для конференц-связи, позволявший прямо из номера гостиницы участвовать во всяческих совещаниях, имевших место на Манхэттене. Совещания с маркетологами, занимавшимися рекламой книги, совещания с художниками, готовившими обложку, совещания с юристами, изучавшими все правовые аспекты издания, и, наконец, совещания с группой писателей-«негров», которую Барнаски использовал для некоторых знаменитых сочинителей и которую всеми силами старался всучить мне.

Телефонное совещание № 2. С «неграми»

— Книга должна быть закончена в ближайшие три недели, Маркус, —

в десятый раз повторил Барнаски. — Потом у нас будет десять дней на корректуру и неделя на печать. То есть к середине сентября мы наводним тиражами всю страну. Вы успеете?

— Да, Рой.

— Если надо, мы приедем в ту же секунду, — заорал из глубины кабинета глава группы «негров» по имени Френсис Ланкастер. — Сядем на ближайший самолет до Конкорда и с завтрашнего дня будем вам помогать.

До меня донеслись крики остальных — да, завтра они уже будут здесь, это будет шикарно.

— Шикарно будет, если вы мне дадите спокойно работать, — ответил я. — С книгой я сам управлюсь.

— Но они очень хороши, — настаивал Барнаски, — вы сами не заметите разницы!

— Да, вы не заметите разницы, — повторил Френсис. — Вот вы хотите работать, а вдруг не успеете?

— Не волнуйтесь, я уложусь.

Телефонное совещание № 4. С маркетологами

— Мистер Гольдман, — сказала мне Сандра из группы маркетинга, — нам нужны будут ваши фото, как вы пишете книгу, фото с Гарри и фото Авроры. А еще ваши заметки о том, как вы писали книгу.

— Да, все ваши заметки! — уточнил Барнаски.

— Ладно... Хорошо... Зачем? — спросил я.

— Мы хотим издать книгу про вашу книгу, — объяснила Сандра. — Вроде бортового журнала, с большим количеством иллюстраций. Это будет иметь сумасшедший успех, все, кто купит вашу книгу, захотят иметь и дневник книги, и наоборот. Вот увидите.

Я вздохнул:

— Вам не кажется, что мне сейчас есть чем заняться поважнее, чем делать книгу о книге, которая еще даже не закончена?

— Еще не закончена? — истерически взвыл Барнаски. — Немедленно отправляю к вам «негров»!

— Никого не отправляйте! Дайте мне спокойно дописать книжку, ради бога!

Телефонное совещание № 6. С «неграми»

— Мы написали, что Калев плакал, когда хоронил девочку, — заявил мне Френсис Ланкастер.

— То есть как это — мы написали?

— Ну да, он хоронит девчушку и плачет. Слезы текут в могилу. Там появляется пятнышко грязи. Красивая сцена, вот увидите.

— Да черт возьми! Я что, просил вас писать красивую сцену про Калеба, который хоронит Нолу?

— Ну... Нет... Но мистер Барнаски сказал...

— Барнаски? Алло, Рой, вы здесь? Алло! Алло!

— Э-э... Да, Маркус, я тут...

— Это что еще такое?

— Не нервничайте, Маркус. Я не желаю рисковать: а вдруг книга не будет закончена вовремя? Вот я их и просил слегка забежать вперед, на случай если вдруг. Предосторожность, ничего больше. Если вам не понравится их текст, мы его не используем. Но представьте, вдруг вы не допишете в срок! Это будет наш спасательный круг!

Телефонное совещание № 10. С юристами

— Здравствуйте, мистер Гольдман, это Ричардсон из правового отдела. Мы тут все изучили, ответ положительный: вы можете называть в книге имена реальных людей — Стерна, Пратта, Калеба. Все, о чем вы пишете, есть в заключении прокурора, а он перепечатан в СМИ. Железная отмазка, мы ничем не рискуем. Нет ни домыслов, ни диффамации, только факты.

— Они говорят, вы можете добавить постельные сцены и оргии — в виде фантазмов или снов, — добавил Барнаски. — Да, Ричардсон?

— Совершенно верно. Я вам, впрочем, уже говорил. Ваш герой может видеть во сне, что он вступает в половые отношения, это дает возможность добавить в книгу секса, не рискуя судебным преследованием.

— Да, побольше секса, Маркус, — подхватил Барнаски. — Френсис мне на днях говорил, что ваша книга очень хороша, но, к сожалению, в ней слегка не хватает перца. Ей тогда было пятнадцать, а Квеберту тридцать с лишним! Добавьте остроты! Сделайте погорячее! *Caliente*, как говорят в Мексике.

— Да вы совсем с ума спятили, Рой! — закричал я.

— И все-то вы портите, Гольдман, — вздохнул Барнаски. — Ну кому интересны истории про недотрогу?

Телефонное совещание № 12. С Роем Барнаски

— Алло, Рой?

— Какой такой Рой?

— Мама?

— Марки?

— Мама?

— Марки? Это ты? Кто это — Рой?

— Блин, я ошибся номером.

— Ошибся номером? Он звонит матери, говорит «блин» и «я ошибся номером»?

— Мама, я не то хотел сказать. Просто мне надо было позвонить Рою Барнаски, а я машинально набрал ваш номер. Я сейчас ничего не соображаю.

— Он звонит матери, потому что ничего не соображает... Еще того лучше. Даешь ему жизнь, а что получаешь взамен? Ничего.

— Прости, мам. Поцелуй от меня папу. Я перезвоню.

— Подожди!

— Что?

— У тебя, значит, не найдется минутки для твоей бедной матери? Твоя мать, которая сделала тебя таким красавцем и великим писателем, не заслужила, чтобы ты уделил ей пару секунд своего времени? Помнишь такого мальчика, Джереми Джонсона?

— Джереми? Да, мы вместе учились в школе. Почему ты спрашиваешь?

— У него умерла мать. Помнишь? Как ты думаешь, хотелось бы ему снять трубку и позвонить дорогой мамочке, которая теперь на небесах, с ангелами? Но на небесах не бывает телефона, Марки, а вот в Монтклере он есть! Попытайся иногда вспоминать об этом.

— Джереми Джонсон? Да не умерла у него мать! Это он так всем говорил, потому что у нее был такой темный пух на щеках, на бороду здорово похоже, и все ребята над ним издевались. Вот он и говорил, что мать у него умерла, а эта женщина — его няня.

— Что? Та бородатая нянька у Джонсонов — это была его мать?

— Да, мама.

Я услышал, как мать завозилась и стала звать отца. «Нельсон, иди-ка скорее сюда! Тут таки одна штука, тебе обязательно надо знать: бородатая женщина у Джонсонов была мамаша! Как это „ты знал“? А почему ты мне ничего не сказал?»

— Мама, все, я вешаю трубку. У меня телефонная встреча.

— Это что такое — телефонная встреча?

— Это когда встречаются и говорят по телефону.

— А почему мы никогда не встречаемся по телефону?

— Телефонная встреча — это по работе, мама.

— Кто этот Рой, дорогой? Это тот самый голый мужчина, который

прячется в твоём номере? Ты можешь мне все сказать, я готова выслушать все. Зачем ты встречаешься по телефону с этим грязным мужчиной?

— Рой — это мой издатель, мама. Ты его знаешь, ты его видела в Нью-Йорке.

— Ты знаешь, Марки, я говорила о твоих сексуальных проблемах с раввином. Он говорит...

— Мама, хватит. Я вешаю трубку. Поцелуй папу.

Телефонное совещание № 13. С художниками

Чтобы выбрать обложку для моей книги, был устроен мозговой штурм.

— Может, дать вашу фотографию? — предложил Стивен, начальник отдела.

— Или фото Нолы, — высказался кто-то еще.

— А фото Калеба не пойдет, а? — пробурчал третий художник себе под нос.

— А если поставить фото леса? — добавил один из ассистентов.

— Да, что-нибудь мрачное, тревожное, это, наверно, неплохо, — произнес Барнаски.

— Может, что-нибудь простое и скромное? — в конце концов предложил я. — Вид Авроры, а на переднем плане, как в театре теней, два расплывчатых силуэта, как будто Гарри и Нола, идут рядом по шоссе 1.

— Осторожней с простотой, — сказал Стивен. — Простота наводит скуку. А скучное не продается.

Телефонное совещание № 21. С юристами, художниками и маркетологами

Я услышал голос Ричардсона из правового отдела:

— Хотите пончиков?

— А? Я? Нет, — ответил я.

— Это он не вам, — сказал Стивен, художник. — Он Сандре из маркетинга.

Барнаски взвился:

— Может, прекратите там жевать и влезать в обсуждение со своими чашечками горячего кофе и пирожками? Мы тут чай гоняем или бестселлеры делаем?

Книга моя двигалась полным ходом, зато расследование убийства Пратта топталось на месте. Гэхаловуд привлек нескольких следователей из уголовной полиции, но и они ничего не могли сделать. Никаких зацепок, ни единой рабочей версии. У нас с ним на эту тему состоялся долгий разговор в одном баре для дальнбойщиков на выезде из города, куда Гэхаловуд заезжал иногда отдохнуть от всего мира и поиграть в бильярд.

— Это моя берлога, — сказал он, протягивая мне кий, чтобы начать партию. — Я сюда часто хожу в последнее время.

— Нелегко пришлось, а?

— Теперь-то уже порядок. По крайней мере, закрыли дело Келлерган, это важно. Хоть дерьма вывалилось больше, чем я думал. Хуже всего прокурору, конечно. Потому что прокурор выборный.

— А у вас как?

— Губернатор доволен, шеф полиции доволен, в общем, все довольны. К тому же наверху подумывают создать отдел нераскрытых дел; хотят, чтобы я перешел туда.

— Нераскрытых дел? Но ведь когда не имеешь ни преступника, ни жертвы, какое это может дать удовлетворение? По сути, это всего лишь история мертвецов.

— Это история живых. Если говорить о Ноле Келлерган, то отец вправе знать, что случилось с его дочерью, а Квеберта чуть напрасно не осудили. Правосудие должно иметь возможность закончить работу, пусть даже долгие годы спустя после преступления.

— А Калев? — спросил я.

— По-моему, этот тип просто слетел с катушек. Знаете, в такого рода случаях мы либо имеем дело с серийным убийцей — но за два года до и после похищения Нола в округе не происходило больше ничего подобного, — либо речь идет о временной потере рассудка.

Я кивнул.

— Единственное, что меня бесит, это Пратт, — сказал Гэхаловуд. — Кто его убил? И почему? В этом уравнении есть какое-то неизвестное, и боюсь, мы его так и не решим.

— Вы по-прежнему думаете на Стерна?

— У меня только подозрения, ничего больше. Я уже излагал вам свою теорию: в его отношениях с Лютером далеко не все ясно. Что их связывало? И почему Стерн не сказал, что у него пропала машина? В самом деле что-то странное. Мог он быть косвенно во всем этом замешан? Вполне возможно.

— Вы ему не задавали этот вопрос? — спросил я.

— Задавал. Он меня принял, дважды, очень любезно. Сказал, что ему стало легче с тех пор, как он рассказал про эту историю с портретом. Еще сказал, что разрешал Лютеру иногда брать этот черный «шевроле-монте-карло» в частном порядке, потому его синий «мустанг» барахлил. Не знаю, правда ли это, но объяснение вполне правдоподобное. Все абсолютно правдоподобно. Я уже дней десять копаюсь в биографии Стерна, но ничего не могу найти. С Силлой Митчелл я тоже говорил, спросил ее, куда делся «мустанг» ее брата, она сказала, что не имеет понятия. Тачка исчезла. У меня ничего нет против Стерна, никаких указаний на то, что он как-то причастен к этому делу.

— Почему такой человек, как Стерн, позволял собой командовать собственному шоферу? Потакал его прихотям, давал машину... Чего-то я тут не понимаю.

— Я тоже, писатель. Я тоже.

Я поставил шары на бильярдный стол.

— Через две недели я должен закончить книгу, — сказал я.

— Уже? Быстро написали.

— Не так уж быстро. Вы небось считаете, что эта книжка сляпана за два месяца, а на самом деле у меня на нее ушло два года.

Он улыбнулся.

* * *

В конце августа 2008 года я дописал «Дело Гарри Квеберта», книгу, которую спустя два месяца ждал совершенно невероятный успех. Я даже позволил себе роскошь закончить ее чуть-чуть раньше срока.

Пора было возвращаться в Нью-Йорк: Барнаски готовился запускать масштабную рекламную кампанию — фотосессии, встречи с журналистами. По случайному совпадению я уехал из Конкорда в предпоследний день августа. По дороге я заскочил в Аврору, повидать Гарри в его мотеле. Он, как обычно, сидел перед дверью номера.

— Я возвращаюсь в Нью-Йорк, — сказал я.

— Значит, прощайте...

— Не прощайте, а до свидания. Я скоро вернусь. Я восстановлю ваше доброе имя, Гарри. Дайте мне несколько месяцев, и вы снова станете самым уважаемым писателем в стране.

— Зачем вы это делаете, Маркус?

— Затем, что вы меня сделали тем, что я есть.

— И что? Вы считаете, что как бы в долгу передо мной? Я сделал из вас писателя, но поскольку в глазах общественного мнения я, похоже, уже перестал им быть, вы теперь пытаетесь вернуть мне то, что я вам дал?

— Нет, я вас защищаю потому, что всегда верил в вас. Всегда.

Я протянул ему толстый пакет.

— Что это? — спросил он.

— Моя книга.

— Я не буду читать.

— Я хочу вашего согласия на ее публикацию. Эта книга — ваша.

— Нет, Маркус. Она ваша. В этом-то и загвоздка.

— Какая загвоздка?

— Думаю, это замечательная книга.

— Так в чем же загвоздка?

— Это сложно, Маркус. Однажды вы поймете.

— Да боже мой, что я пойму? Скажите, наконец! Скажите!

— Однажды вы поймете, Маркус.

Повисла долгая пауза.

— Что вы теперь будете делать? — в конце концов спросил я.

— Я здесь не останусь.

— Здесь — это где? В мотеле, в Нью-Гэмпшире, в Америке?

— Я хочу попасть в рай писателей.

— В рай писателей? Это что?

— Рай писателей — это место, где вы можете переписать свою жизнь так, как хотели бы ее прожить. Потому что сила писателей в том, Маркус, что они решают, какой будет конец у книги. В их власти оставить в живых или убить, в их власти изменить все. У писателей в пальцах сила, о которой они зачастую даже не подозревают. Им достаточно закрыть глаза, и жизнь двинется вспять. Маркус, что бы произошло 30 августа 1975 года, если бы...?

— Прошное нельзя изменить, Гарри. Не думайте об этом.

— Как я могу не думать?

Я положил рукопись на стул рядом с ним и сделал вид, что ухожу.

— О чем говорится в вашей книге? — спросил он.

— Это история мужчины, полюбившего очень юную девушку. Она мечтала об их прекрасном будущем. Хотела, чтобы они жили вместе, чтобы он стал великим писателем и университетским профессором, чтобы у них был пес цвета солнца. Но однажды эта девушка пропала. Ее так и не нашли. А мужчина сидел дома и ждал. Он стал великим писателем, он стал профессором в университете, у него был пес цвета солнца. Он все сделал

так, как она просила, и он ждал ее. Он никого больше не полюбил. Он был верен и ждал, что она вернется. Но она так и не вернулась.

— Потому что умерла!

— Да. Но теперь мужчина может ее оплакать и проститься с ней.

— Нет, слишком поздно! Ему теперь уже шестьдесят семь лет!

— Никогда не поздно полюбить снова.

Я дружески махнул ему рукой:

— До свидания, Гарри. Как приеду в Нью-Йорк, сразу позвоню.

— Не звоните. Так будет лучше.

Я спустился по наружной лестнице, ведущей на парковку, и уже собирался сесть в машину, как услышал, что он кричит мне с балюстрады второго этажа:

— Маркус, какое сегодня число?

— Тридцатое августа, Гарри.

— А который час?

— Почти одиннадцать.

— Еще больше восьми часов, Маркус!

— Восьми часов до чего?

— До семи вечера.

Я, не сразу сообразив, спросил:

— А что будет в семь вечера?

— Мы с ней встретимся, вы прекрасно знаете. Она придет. Смотрите, Маркус! Смотрите, где мы! Мы в раю писателей. Стоит только написать — и все изменится!

30 августа 1975 года в раю писателей

Она решила идти не по шоссе 1, а по берегу океана. Так безопаснее. Сжимая в руках рукопись, она бежала по гальке и по песку. Она дошла почти до Гусиной бухты. Еще две-три мили, и она доберется до мотеля. Она взглянула на часы: начало седьмого. Минут через сорок пять она будет на месте. В семь вечера, как договорились. Она двинулась дальше и на подступах к Сайд-Крик-лейн решила, что пора выбираться по кромке леса на шоссе 1. Она вскарабкалась по уступам скал к лесу, потом осторожно пробралась между деревьями, стараясь не поцарапаться и не порвать в зарослях красивое красное платье. Вдали сквозь листву виднелся дом: на кухне какая-то женщина готовила яблочный пирог.

Она вышла на шоссе 1. Прямо перед тем, как она выбралась из леса, по шоссе промчалась машина. Лютер Калевб возвращался в Конкорд. Она прошагала еще две мили и вскоре оказалась у мотеля. Было ровно семь

часов. Она миновала парковку; перед ней была наружная лестница. Восьмой номер на втором этаже. Она взбежала наверх через две ступеньки и постучала в дверь.

В дверь постучали. Он вскочил с кровати, на которой сидел, поджидая ее, и кинулся открывать.

— Гарри! Милый Гарри! — закричала Нола, увидев его в дверях.

Она кинулась к нему на шею и осыпала поцелуями. Он поднял ее.

— Нола... ты здесь. Ты пришла! Ты пришла!

Она удивленно посмотрела на него:

— Ну конечно, я пришла, что за вопрос.

— Я, наверно, задремал, мне приснился кошмарный сон... Я сидел здесь, в номере, и ждал тебя. Я тебя ждал, а ты все не приходила. И я ждал, и ждал, и ждал. А ты так и не пришла.

Она прижалась к нему:

— Какой ужасный сон, Гарри! Я теперь здесь! Я здесь, навсегда!

Они долго стояли обнявшись. Потом он вручил ей цветы, мокнувшие в раковине.

— Ты ничего с собой не взяла? — спросил Гарри, заметив, что она пришла без вещей.

— Ничего. Чтобы никто не заметил. Мы купим все необходимое по дороге. Но я принесла рукопись.

— Я ее где только не искал!

— Я ее унесла с собой. Я прочла... Мне так понравилось, Гарри. Это шедевр!

Они снова обнялись, и она сказала:

— Уедем! Уедем поскорей! Уедем прямо сейчас.

— Прямо сейчас?

— Да, я хочу быть далеко-далеко отсюда. Сжальтесь, Гарри, я не хочу рисковать, а вдруг нас найдут? Уедем прямо сейчас.

Это было 30 августа 1975 года. Вечерело. Две тени выскользнули из мотеля, быстро спустились по лестнице, ведущей на парковку, и сели в черный «шевроле-монте-карло». Машина тронулась и покатила на север по шоссе 1. Она мчалась на большой скорости, постепенно сливаясь с горизонтом. Вскоре уже виднелись лишь ее очертания: она превратилась в черное пятнышко, потом в крошечную точку. Еще мгновение вдали мелькал еле заметный огонек от фар, а потом она скрылась из глаз.

Они ехали навстречу жизни.

Часть третья
Рай писателей
Книга вышла

5. Девочка, которая потрясла Америку

— Новая книга, Маркус, — это начало новой жизни. А еще это время величайшего альтруизма: вы дарите частицу себя любому, кто попросит. Кто-то будет в восторге, кто-то начнет плевать. Для кого-то вы станете великим, для кого-то — презренным. Кто-то будет завидовать, кому-то будет интересно. Вы пишете не для них, Маркус. Вы пишете для тех, кто благодаря Маркусу Гольдману хорошо проведет время, отвлечется от серых будней. Вы скажете, что этого мало, но и это уже неплохо. Есть писатели, которые хотят изменить мир. Но кому под силу изменить мир?

О книге говорили все. Я больше не мог спокойно бродить по улицам Нью-Йорка, я больше не мог совершать обычную пробежку по аллеям Центрального парка — гуляющие встречали меня возгласами: «Э, да это Гольдман! Тот самый писатель!» Бывало, кто-нибудь даже пробегал несколько шагов, чтобы догнать меня и задать терзавшие его вопросы: «Так это правда, то, про что написано в вашей книжке? Гарри Квеберт действительно это сделал?» В моем любимом кафе в Уэст-Виллидж некоторые посетители, недолго думая, усаживались за мой столик и заводили разговор: «Я сейчас читаю вашу книгу, мистер Гольдман, буквально не могу оторваться! Первая тоже была хороша, но эта! Вам правда отвалили миллион долларов, чтобы вы ее написали? А лет вам сколько? Только что исполнилось тридцать? Тридцать лет! И у вас уже такая куча деньжищ!» Даже привратник в моем доме, чье продвижение к концу книги я наблюдал каждый раз, когда он открывал мне двери, наконец, закончив чтение, надолго зажал меня у лифта, чтобы излить душу: «Так вот что случилось с Нолой Келлерган? Какой кошмар! Но как же человек может до такого докатиться, а, мистер Гольдман? Как такое может быть?»

Сразу по выходе «Дело Гарри Квеберта» возглавило рейтинги продаж по всей стране и обещало стать самой продаваемой книгой года на американском континенте. О ней говорили везде: по телевидению, по радио, во всех газетах. Критики, дождавшись своего часа, расточали хвалы в мой адрес. Говорили, что мой новый роман — великий роман.

После выхода книги я немедленно отправился в марафонское

рекламное турне, пролетев всего за две недели всю страну вдоль и поперек: выборы президента обязывали. Барнаски считал, что это предельное временное окно, имеющееся в нашем распоряжении, — потом все взоры устремятся на Вашингтон, на выборы 4 ноября. По возвращении в Нью-Йорк я еще какое-то время в бешеном ритме мотался по телестудиям, отвечая на повальный спрос, докатившийся в итоге до дома моих родителей, которым без конца звонили в дверь то любопытные, то журналисты. Чтобы дать им немного передохнуть, я подарил им кемпинг-кар, на котором они собрались осуществить свою давнишнюю мечту: добраться до Чикаго, а затем по шоссе 66 в Калифорнию.

После одной статьи в *New York Times* Нолу стали называть «девочка, которая потрясла Америку». Во всех читательских письмах, которые я получал, сквозило то же чувство: все были взволнованы историей несчастной, замученной девочки, которая, встретив Гарри Квеберта, вновь научилась улыбаться, которая в свои пятнадцать лет боролась за него и помогла ему написать «Истоки зла». Некоторые литературоведы, впрочем, утверждали, что верное прочтение его книги возможно только в свете моей, и предлагали новый подход, в рамках которого Нола символизировала уже не невозможную любовь, но всевластие чувства. Тем самым «Истоки зла», четыре месяца назад изъятые почти из всех книжных магазинов страны, вновь поступили в продажу. Маркетологи Барнаски готовились выпустить к Рождеству ограниченным тиражом набор в подарочном футляре: «Истоки зла», «Дело Гарри Квеберта» и анализ текста, принадлежащий перу некоего Френсиса Ланкастера.

От Гарри не было никаких вестей с тех пор, как мы распрощались в мотеле «Морской берег». Я без конца пытался связаться с ним, но его мобильный был отключен, а когда я звонил в мотель и просил связать меня с номером 8, в трубке раздавались длинные гудки. Я вообще не имел известий из Авроры, что, возможно, было и к лучшему: мне совершенно не хотелось знать, как там восприняли мою книгу. Все, что мне было известно благодаря юридической службе издательства «Шмид и Хансон», это что Элайджа Стерн изо всех сил пытался привлечь их к суду за диффамацию, особенно за те фрагменты книги, где я задавался вопросом, почему он не только согласился на просьбу Лютера и разрешил ему писать Нолу обнаженной, но и не заявил в полицию о пропаже черного «монте-карло». Я звонил ему перед выходом книги, чтобы услышать его версию событий, но он не удостоил меня ответом.

Начиная с середины октября, в точности как предсказывал Барнаски,

все медийное пространство оказалось занято президентскими выборами. Бесконечные приглашения как отрезало, и я вздохнул с облегчением. Позади были два тяжелых года, мой первый успех, страх чистого листа, наконец, вторая книга. Теперь напряжение спало, мозги у меня расслабились, и я ощущал реальную потребность поехать в отпуск. Ехать одному мне не хотелось, к тому же я собирался отблагодарить Дугласа за поддержку, и потому купил два билета на Багамы: мне со школьных времен не случалось отдыхать с друзьями. Я хотел сделать ему сюрприз, когда он вечером придет ко мне смотреть спортивный канал. Но, к моему великому изумлению, он отказался от приглашения.

— Это было бы здорово, — сказал он, — но я как раз в это время собирался свозить Келли на Карибы.

— Келли? Ты по-прежнему с ней?

— Ну да, конечно. Ты не знал? Мы собираемся пожениться. Как раз там и попрошу ее руки.

— О, круто! Ужасно рад за вас обоих. Мои поздравления.

Вид у меня, наверно, был довольно грустный, потому что он сказал:

— Марк, у тебя есть все, что только можно пожелать. Пора уже кого-нибудь найти.

Я кивнул:

— Просто... Я уже сто лет на свиданки не ходил.

Он улыбнулся:

— Об этом не беспокойся.

Этот-то разговор и стал предысторией вечера среды 23 октября 2008 года, вечера, когда все вдруг резко изменилось.

Дуглас устроил мне свидание с Лидией Глур: от ее агента он узнал, что она по-прежнему ко мне равнодушна. Он убедил меня ей позвонить, и мы договорились встретиться в одном баре в Сохо. Ровно в семь вечера Дуглас зашел ко мне оказать моральную поддержку.

— Ты еще не готов, — констатировал он, когда я, голый по пояс, открыл ему дверь.

— Вот, не могу рубашку выбрать, — ответил я, помахав перед ним двумя вешалками.

— Надень синюю, будет отлично.

— Ты уверен, что мне стоит встречаться с Лидией, Дуг?

— Ты же не жениться идешь, Марк. Ты просто выпьешь по рюмочке с красивой девушкой, которая тебе нравится и которой нравишься ты. Вы сами поймете, есть между вами что-то или нет.

— А после рюмочки что делать будем?

— Я заказал столик в шикарном итальянском ресторане, как раз недалеко от бара. Я тебе пришлю эсэмэску с адресом.

— Что бы я без тебя делал, Дуг?

— А зачем еще нужны друзья, а?

В эту секунду у меня зазвонил мобильный. Я бы, наверно, не ответил, если бы не увидел на дисплее, что звонит Гэхаловуд.

— Алло, сержант? Страшно рад вас слышать.

Голос у него был расстроенный.

— Добрый вечер, писатель, простите, что отрываю...

— Ни от чего вы меня не отрываете.

Казалось, он очень раздражен.

— Писатель, — сказал он, — по-моему, у нас огромнейшая проблема.

— Что случилось?

— Это по поводу матери Нолы Келлерган. Вы еще в своей книге пишете, что она избивала дочь.

— Ну да, Луиза Келлерган. А что с ней?

— У вас интернет есть? Я вам сейчас пришлю мейл.

Не прерывая разговора, я пошел в гостиную, включил компьютер и зашел в свой почтовый ящик. Гэхаловуд прислал мне фотографию.

— Это что? — спросил я. — Вы меня начинаете беспокоить.

— Откройте картинку. Помните, вы мне говорили про Алабаму?

— Ну да, конечно помню. Оттуда приехали Келлерганы.

— Мы облажались, Маркус. Мы совершенно забыли разобраться с Алабамой. И ведь вы мне говорили!

— Что я вам говорил?

— Что надо выяснить, что произошло в Алабаме.

Я кликнул на картинку. На фото было кладбище и надгробие со следующей надписью:

Луиза Келлерган

1930–1969

Наша возлюбленная супруга и мать

Я был в полной растерянности.

— Господи! — выдохнул я. — Что это значит?

— Это значит, что мать Нолы умерла в 1969 году, то есть за шесть лет до того, как пропала ее дочь!

— Кто вам прислал это фото?

— Один журналист из Конкорда. Уже завтра это будет на первых полосах газет, писатель, и вы знаете, как бывает в таких случаях: не пройдет и трех часов, как вся страна решит, что и ваша книга, и расследование не стоят выеденного яйца.

В тот вечер ужин с Лидией Глур не состоялся. Дуглас вытащил Барнаски с какой-то деловой встречи, Барнаски вытащил Ричардсона-из-правового-отдела из дома, и мы имели до крайности бурное кризисное совещание в конференц-зале «Шмида и Хансона». Снимок на самом деле попал в *Concord Herald* из какой-то местной газеты Джексона. Барнаски два часа пытался уговорить главного редактора *Concord Herald* не ставить его на первую полосу завтрашнего номера, но не преуспел.

— Вы себе представляете, что скажут люди, когда узнают, что ваша книжка — куча вранья! — орал он на меня. — Черт побери, Гольдман, вы что, не проверяли источники?

— Не понимаю, это какой-то бред! Гарри мне говорил про мать! И часто говорил. Ничего не понимаю. Мать была Нолу! Он мне так сказал! Рассказывал, что избивала и топила.

— А что Квеберт теперь говорит?

— Недоступен. Я ему раз десять пытался звонить сегодня вечером. От него вообще уже два месяца никаких вестей.

— Звоните еще! Выкручивайтесь, как хотите! Поговорите с кем-нибудь, кто может вам ответить! Найдите объяснение, которое я завтра утром могу выдать журналистам, когда они на меня насядут.

В десять вечера я в конце концов позвонил Эрни Пинкасу.

— Да с чего ты взял, что ее мать была жива? — спросил он.

Я обомлел. И глупо ответил:

— Мне никто не сказал, что она умерла!

— Но тебе никто не говорил, что она жива!

— Говорил! Гарри говорил.

— Значит, он тебя подставил. Отец Келлерган переехал в Аврору один, с дочкой. Матери там не было.

— Вообще ничего не понимаю! Я сейчас с ума сойду. И кто я теперь после этого?

— Дерьмовый писатель, Маркус. Одно могу сказать: здесь у нас обиду проглотили с трудом. Целый месяц мы только и смотрели, как ты

щеголяешь в телевизоре и во всех газетах. И все сказали, что ты несешь невесту что.

— Почему меня никто не предупредил?

— А о чем тебя предупреждать? Спросить, не сядешь ли ты, случайно, в лужу, написав про мать, которая к тому времени уже давно умерла?

— От чего она умерла? — спросил я.

— Понятия не имею.

— А как же музыка? И побои? У меня есть свидетели, они подтвердят.

— Свидетели чего? Что преподобный включал транзистор на всю катушку, чтобы преспокойно лупцевать дочь? Да, мы все это подозревали. Но ты в своей книжке пишешь, что отец Келлерган прятался в гараже, пока мамаша колотила девчонку. А проблема в том, что мамыши сроду не было в Авроре, потому что она умерла еще до переезда. Так как можно верить всему остальному, что ты говоришь в книжке? И еще ты мне сказал, что включишь мое имя в список тех, кого благодаришь...

— Я же включил!

— Ты написал в перечне других имен «Э. Пинкас, Аврора». А я хотел, чтобы мое имя было крупными буквами. Я хотел, чтобы обо мне говорили.

— Что? Но...

Он бросил трубку. Барнаски смотрел на меня злобно. И сказал, угрожая тебе пальцем:

— Гольдман, завтра вы первым же рейсом летите в Конкорд и улаживаете всю эту хрень.

— Рой, если я появлюсь в Авроре, они меня линчуют.

Он деланно засмеялся и ответил:

— Скажите спасибо, если просто линчуют.

* * *

Неужели девочка, которая потрясла Америку, родилась в больном воображении писателя, из-за недостатка вдохновения? Как можно было так грубо упустить такую важную деталь? Информация *Concord Herald* была растиражирована всеми средствами массовой информации; правда о деле Гарри Квеберта оказалась под сомнением.

В пятницу, 24 октября, я с утра сел на рейс до Манчестера. Прилетев сразу после полудня, я взял напрокат машину в аэропорту и поехал прямо в Конкорд, в Главное управление полиции, где меня ждал Гэхаловуд. Он рассказал, что сумел выяснить по поводу прошлой жизни семьи Келлерган

в Алабаме.

— Дэвид и Луиза Келлерган женятся в 1955 году Он — уже священник тамошнего цветущего прихода, и жена помогает делать его еще лучше. В 1960 году рождается Нола. Затем несколько лет ничего интересного. Но однажды летней ночью 1969 года в его доме случается пожар. Девочку в последний момент удалось спасти, а мать погибла. Через несколько недель пастор покидает Джексон.

— Через несколько недель? — удивился я.

— Да. И они едут в Аврору.

— Почему же тогда Гарри мне сказал, что Нолу избивала мать?

— Видимо, это был отец.

— Нет-нет! — воскликнул я. — Гарри говорил именно про мать! Это была мать! У меня и записи есть!

— Тогда давайте послушаем ваши записи, — предложил Гэхаловуд.

Мини-диски были у меня с собой. Я разложил их на столе у Гэхаловуда и попытался сориентироваться по наклейкам на конвертах. Я рассортировал их довольно строго, по людям и по датам, но нужная запись почему-то никак не попадалась. Тогда, вытряхнув всю сумку, я наконец нашел завалившийся последний диск, без даты. И сразу вставил его в плеер.

— Странно, — сказал я, — почему я не поставил дату на диске?

Я включил аппарат. Мой голос произнес, что сегодня вторник, 1 июля 2008 года. Я записывал Гарри в тюремном зале для свиданий.

— Вы из-за этого решили уехать? Вы же договорились уехать вместе вечером тридцатого августа — почему?

— А это, Маркус, из-за одной ужасной истории. Вы записываете?

— Да.

— Я вам сейчас расскажу очень важную вещь. Чтобы вы поняли. Но я не хочу, чтобы это пошло дальше.

— Не беспокойтесь.

— Знаете, эта наша неделя на Мартас-Винъярде... На самом деле Нола не говорила родителям, что она у подруги, она просто сбежала. Уехала, никому ничего не сказав. Когда я снова ее увидел, на следующий день после возвращения, она была ужасно грустная. Она сказала, что мать избивала ее. У нее все тело было в синяках. Она плакала. В тот день она мне рассказала, что мать наказывает ее за любой пустяк. Что она ее бьет железной

линейкой, а еще проделывает с ней ту мерзость, какую они творят в Гуантанамо, как бы топит: наливает таз, хватая дочь за волосы и сует головой в воду. Говорит, для того, чтобы ее освободить.

— Освободить?

— Освободить от зла. Что-то вроде крещения, я так думаю. Иисус в Иордане или что-то вроде. Я сначала не мог поверить, но доказательства были налицо. Тогда я спросил:

«Кто же с тобой так обращается?» — «Мама». — «А отец почему не вмешивается?» — «Папа запирается в гараже и слушает музыку, очень громко. Он всегда так делает, когда мама меня наказывает. Не хочет слышать». Нола не могла больше, Маркус. Она больше не могла. Я хотел разобраться с этой историей, повидаться с Келлерманами. Это надо было прекратить. Но Нола умоляла меня ничего не делать, говорила, что у нее будут страшные неприятности, что родители точно увезут ее из города и мы больше никогда не увидимся. Но так продолжаться не могло. И вот ближе к концу августа, числа двадцатого, мы решили, что надо уехать. Быстро. И тайно, конечно. Мы назначили отъезд на тридцатое августа. Хотели доехать до Канады, пересечь границу в Вермонте. И отправиться, например, в Британскую Колумбию, поселиться в бревенчатой хижине. Прекрасная жизнь на берегу озера. И никто бы никогда не узнал.

— Так вот почему вы оба решили бежать?

— Ну да.

— Но почему вы хотите, чтобы я никому не говорил?

— Это только начало истории, Маркус. Потому что потом я обнаружил ужасную вещь насчет матери Нола... (Звонок.) Голос охранника: время истекло.

— Мы поговорим об этом в следующий раз, Маркус, — сказал Гарри, поднимаясь со стула. — А пока, главное, держите это при себе.

— И что же он обнаружил насчет матери Нола? — нетерпеливо спросил Гэхаловуд.

— Не помню, что было дальше, — ответил я, лихорадочно роюсь в других дисках.

Вдруг я застыл, побледнев, и воскликнул:

— Нет, это невероятно!

— Что, писатель?

— Это была последняя запись Гарри! Вот почему на диске нет даты! Я совершенно забыл. Мы так и не закончили этот разговор! Потому что дальше выяснилось про Пратта, потом Гарри не хотел, чтобы я записывал на плеер, и я делал записи в блокноте. А потом была эта утечка из издательства, и Гарри на меня рассердился. Как я мог быть таким дураком?

— Нам обязательно надо поговорить с Гарри, — заявил Гэхаловуд, хватая пальто. — Мы должны знать, что он обнаружил про Луизу Келлерган.

И мы отправились в мотель «Морской берег».

К нашему удивлению, дверь номера 8 нам открыл не Гарри, а какая-то высокая блондинка. Мы спустились к администратору, и он нам попросту сказал:

— В последнее время тут не было никакого Гарри Квеберта.

— Это невозможно, — возразил я. — Он тут жил несколько месяцев.

Администратор по просьбе Гэхаловуда просмотрел журнал записей за последние полгода. И решительно повторил:

— Нет Гарри Квеберта.

— Этого не может быть, — вспыхнул я. — Я его сам здесь видел! Высокий мужчина, седой, встрепанный.

— А, этот! Да, был такой человек, часто болтался на парковке. Но номер он здесь не снимал.

— У него был восьмой номер! — взорвался я. — Я знаю, я не раз видел, как он сидит перед дверью.

— Да, он сидел под дверью. Я его очень просил уйти, но он каждый раз совал мне стодолларовую бумажку! За такие деньги он мог сидеть, сколько хочет. Он говорил, что с этим местом у него связаны приятные воспоминания.

— А когда вы его видели в последний раз? — спросил Гэхаловуд.

— Ну как... Да уже несколько недель назад. Точно помню, что перед тем, как уехать, он сунул мне еще сотню за то, что если кто-нибудь позвонит и спросит восьмой номер, чтобы я сделал вид, будто переключая вызов, а телефон бы продолжал звонить просто так. Он вроде бы куда-то торопился. Это было сразу после ссоры...

— Ссоры? — рявкнул Гэхаловуд. — Какой ссоры? Что еще за ссора?

— Да тут ваш приятель повздорил с одним типом. Приехал маленький старичок на машине, специально, чтобы ему закатить сцену. Сердитый такой. Крики начались, все такое. Я уж хотел вмешаться, но старичок в итоге сел в машину и уехал. Вот после этого ваш приятель и решил тоже

уехать. Я бы его в любом случае выставил, не люблю, когда скандалят. Клиенты жалуются, а я потом выволочку получаю.

— А из-за чего была ссора?

— Из-за какого-то письма. По-моему. Старик кричал вашему приятелю: «Это были вы!»

— Письма? Какого письма?

— А я-то откуда знаю?

— И что потом?

— Старик уехал, а ваш приятель смылся.

— Вы сможете его опознать?

— Старика? Да нет, вряд ли. А вы спросите у своих коллег. Потому что этот псих ненормальный еще раз вернулся. И я вам скажу, по-моему, он хотел вашего приятеля прикончить. Я много расследований видел, все время сериалы по телику смотрю. Приятель ваш уже смотал удочки, но я почувствовал, что дело нечисто. И даже копов вызвал. Две машины дорожной полиции приехали, очень быстро, проверили его, ну и отпустили. Сказали, что все в порядке.

Гэхаловуд тут же позвонил в Главное управление полиции и попросил выяснить личность человека, которого недавно проверяла дорожная полиция в мотеле «Морской берег».

— Перезвонят, как только получат информацию, — сказал он мне, нажимая на отбой.

Я ничего не понимал. Провел рукой по волосам и сказал:

— Это бред! Это какой-то бред!

Администратор вдруг странно посмотрел на меня и спросил:

— Вы мистер Гольдман?

— Да, а что?

— А то, что ваш приятель оставил мне для вас конверт. Сказал, что придет молодой парень, будет его искать и наверняка скажет: «Это бред! Это бред!» И сказал, что когда парень придет, чтобы я ему отдал вот это.

Он протянул мне крафтовый конвертик, в котором лежал ключ.

— Ключ? — спросил Гэхаловуд. — А больше ничего?

— Ничего.

— А от чего этот ключ?

Я внимательно осмотрел ключ, его форму. И вдруг вспомнил:

— Шкафчик в фитнес-клубе Монберри!

Через двадцать минут мы были уже в раздевалке фитнес-клуба. В шкафчике номер 201 лежала переплетенная стопка бумаги и письмо,

написанное от руки.

Дорогой Маркус!
Если Вы читаете эти строки, значит, вокруг Вашей
книжки поднялся дикий скандал и Вам нужны ответы.
Это может быть Вам интересно. Эта книга и есть правда.

Гарри.

Стопка бумаги оказалась не очень толстой, напечатанной на пишущей машинке рукописью, озаглавленной

Гарри Л. Квеберт

ЧАЙКИ АВРОРЫ

роман

— И что это значит? — спросил Гэхаловуд.

— Понятия не имею. Похоже, неопубликованный роман Гарри.

— Бумага старая, — произнес Гэхаловуд, внимательно разглядывая страницы.

Я быстро пролистал текст.

— Нола часто говорила о чайках, — сказал я. — Гарри сказал, она любила чаек. Тут должна быть какая-то связь.

— Но почему он пишет, что это и есть правда? Может, это текст о том, что произошло в семьдесят пятом?

— Не знаю.

Мы решили отложить чтение на потом и отправиться в Аврору. Мой приезд не остался незамеченным. Прохожие набрасывались на меня и всячески выражали мне свое презрение. У дверей «Кларкса» Дженни, взбешенная тем, как я описал ее мать, и не желавшая верить, что ее отец писал анонимные письма, публично осыпала меня оскорблениями.

Единственным человеком, удостоившим нас беседы, оказалась Нэнси Хаттауэй, и мы отправились к ней в магазин.

— Не понимаю, — сказала мне Нэнси. — Я вам о матери Нола ничего не говорила.

— Но вы же мне говорили, что видели синяки. И еще рассказывали, как вас пытались убедить, что Нола больна, когда она на неделю сбежала из дома.

— Там был только отец. Это он не пускал меня в дом, когда Нола в том самом июле на неделю как сквозь землю провалилась. Про мать я вам ни разу не говорила.

— Вы мне рассказывали, что ее били железной линейкой по груди. Помните?

— Что били, да. Но я не говорила, что била мать.

— Я записал ваши слова! Это было двадцать шестого июня. У меня с собой запись, смотрите, вот дата.

Я включил плеер:

— Странно, что вы так отзываетесь о преподобном Келлергане, мисс Хаттауэй. Я встречался с ним несколько дней назад, и он показался мне человеком скорее мягким.

— Он может производить такое впечатление. Во всяком случае, на людях. Вроде бы в Алабаме он творил чудеса, и его позвали на выручку, потому что приход Сент-Джеймс приходил в запустение. И действительно, не успел он его возглавить, как по воскресеньям в храме стало полно народу. Но в остальном... трудно сказать, что на самом деле творилось дома у Келлерганов.

— Что вы хотите сказать?

— Нолу били.

— Что?

— Да, ее жестоко избивали. Помню одну ужасную сцену, мистер Гольдман. В начале лета. Я тогда первый раз заметила синяки на теле Нолы. Мы пошли купаться на Гранд-Бич. Нола казалась грустной, я думала, из-за мальчика. Был один парень, Коди, старшеклассник, он за ней увивался. А потом она призналась, что дома к ней придираются, говорят, что она гадкая девочка. Я спросила почему, и она упомянула какой-то случай в Алабаме, но больше ничего рассказывать не захотела. А потом, на пляже, когда она разделась, я увидела у нее на груди страшные синяки и рубцы. Я тут же спросила, что это за ужас, и, представьте, она ответила: «Это мама, она меня в субботу побила, железной линейкой». Я, конечно, не поверила своим ушам, думала, что чего-то не поняла. Но она повторила: «Это правда. Это она мне говорит, что я гадкая девочка». У Нолы был такой

расстроенный вид, что я не стала настаивать. После пляжа мы пошли к нам домой, и я намазала ей грудь бальзамом. Я сказала, что ей надо с кем-то поговорить о своей матери, например, с медсестрой в школе, миссис Сэндерс. Но Нола сказала, что больше не хочет говорить на эту тему.

— Вот! — воскликнул я, поставив плеер на паузу. — Вот видите, вы говорите о матери.

— Нет, — возразила Нэнси. — Я только удивилась, что Нола упомянула мать. Я просто хотела объяснить, что у Келлерганов творилось что-то странное. Я ни секунды не сомневалась, что вы знаете, что ее нет в живых.

— Но я же ничего не знал! То есть я знал, что мать умерла, но я думал, она умерла после того, как пропала дочь. Помню, Дэвид Келлерган, когда я к нему пришел в первый раз, даже показал мне фото жены. Я еще удивился, что он так любезно меня принял. Помню, я ему сказал что-то вроде: «А ваша жена?» А он ответил: «Давно умерла».

— Да, вот теперь, когда я послушала запись, я понимаю, что могла ввести вас в заблуждение. Это ужасное недоразумение, мистер Гольдман. Мне очень жаль.

Я снова включил плеер:

— ...с медсестрой в школе, миссис Сэндерс. Но Нола сказала, что больше не хочет говорить на эту тему.

— А что произошло в Алабаме? — спросил я.

— Понятия не имею. Так никогда и не узнала. Нола мне не сказала.

— Это как-то связано с их отъездом?

— Не знаю. Мне бы очень хотелось вам помочь, но я правда не знаю.

— Это я виноват, мисс Хаттауэй, — произнес я. — Перескочил на Алабаму...

— Значит, если ее били, это был отец? — спросил Гэхаловуд.

Нэнси на секунду задумалась, как будто немного растерялась. Потом наконец ответила:

— Да. Или нет. Даже не знаю. Синяки у нее были. Когда я ее спрашивала, в чем дело, она говорила, что дома ее наказывают.

— За что наказывают?

— Она больше ничего не говорила. Но и не говорила, что это отец ее бьет. По сути, никто ничего не знает. Моя мать тоже однажды видела следы побоев, на пляже. И еще эта музыка оглушительная, которую он регулярно включал. Люди подозревали, что отец Келлерган лупит дочь, но никто не осмеливался ничего сказать. Все-таки он был наш пастор.

Выйдя из магазина после разговора с Нэнси Хаттауэй, мы с Гэхаловудом долго сидели на ближайшей лавочке и молчали. Я был в отчаянии.

— Долбаное недоразумение! — в конце концов воскликнул я. — Все из-за какого-то долбаного недоразумения! Ну как я мог так опростоволоситься?

Гэхаловуд попытался меня подбодрить:

— Спокойствие, писатель, не судите себя строго. Мы все оплошали. Слишком увлеклись расследованием и не заметили очевидного. Все мы задним умом крепки, с кем не бывает.

В эту минуту у него зазвонил телефон. Он ответил. Перезванивали из Главного управления полиции штата.

— Они выяснили, как звали того типа из мотеля, — шепнул он, слушая сообщение диспетчера.

На его лице вдруг отразилось изумление. Он отодвинул от уха телефон и сказал:

— Это был Дэвид Келлерган.

Из дома номер 245 по Террас-авеню по-прежнему неслась музыка: преподобный Келлерган был у себя.

— Обязательно надо выяснить, чего он хотел от Гарри, — сказал Гэхаловуд, выходя из машины. — Но Христом Богом молю, писатель, разговор буду вести я!

В ходе проверки у мотеля «Морской берег» дорожная полиция обнаружила в машине Дэвида Келлергана охотничье ружье. Но это их не встревожило: на оружие было разрешение. Он объяснил, что едет в тир и хотел остановиться купить себе кофе в ресторане мотеля. Полицейским не к чему было придраться, и они егопустили.

— Выпотрошите его, сержант, — попросил я, пока мы шли по мощеной аллее к дому. — Очень хочется знать, что это за история с письмом... Ведь Келлерган меня заверял, что едва знаком с Гарри. Думаете, соврал?

— Вот это мы сейчас и выясним, писатель.

Думаю, отец Келлерган видел, что мы приехали, потому что мы еще не

успели позвонить, как он открыл дверь. В руках он держал ружье. Он был вне себя, и, судя по виду, ему страстно хотелось меня пристрелить. «Вы измазали грязью память моей жены и дочери! — заорал он. — Говнюк! Последний сукин сын!» Гэхаловуд попытался его утихомирить, попросил убрать ружье и объяснил, что мы пришли как раз затем, чтобы понять, что же случилось с Нолой. На крики и шум сбегались любопытные, поглядеть, в чем дело. Вскоре дом был окружен кольцом зевак; Келлерган продолжал голосить, а Гэхаловуд делал мне знаки, предлагая медленно отступить назад. Под завывание сирен подъехали две патрульные машины полиции Авроры. Из одной из них вышел Тревис Доун, явно не горевший желанием меня видеть. Мне он сказал: «Думаешь, ты еще не совсем обосрал наш город, еще надо?» — потом спросил Гэхаловуда, по какой такой причине полиция штата является в Аврору без предупреждения. Я понимал, что времени у нас в обрез, и крикнул Дэвиду Келлергану:

— Ответьте: вы включали музыку фоном и старались от души, да?

Он опять вскинул ружье:

— Я никогда не поднимал на нее руку! Ее никогда никто не бил! Вы мразь, Гольдман! Я адвоката найму, я вас засужу!

— Ах так? Почему же до сих пор не засудили? А? Почему вы еще не в суде? Может, вам не хочется, чтобы копались в вашем прошлом? Что случилось в Алабаме?

Он плюнул в мою сторону.

— Таким, как вы, не понять, Гольдман!

— Что произошло между вами и Гарри Квебертом в мотеле «Морской берег»? Что вы от нас скрываете?

Тут Тревис тоже начал орать, угрожая Гэхаловуду пожаловаться начальству, и нам пришлось уехать.

По дороге в Конкорд мы долго молчали. Наконец Гэхаловуд сказал:

— Что мы упустили, писатель? Что такое было на виду, а мы не увидели?

— Теперь мы знаем, что Гарри что-то знал про мать Нолы и не сказал мне.

— И можно предположить, что отец Келлерган знает, что Гарри знает. Но что же он знает, черт возьми!

— Сержант, вам не кажется, что отец Келлерган может быть замешан в этом деле?

Газеты ликовали:

Новый поворот в деле Гарри Квеберта: нестыковки, обнаруженные в романе Маркуса Гольдмана, ставят под вопрос правдивость его книги, расхваленной критиками и преподнесенной североамериканским издательским магнатом Роем Барнаски как рассказ о подлинных событиях, которые привели к гибели пятнадцатилетней Нолы Келлерган в 1975 году.

Я не мог вернуться в Нью-Йорк до тех пор, пока не проясню это дело, и укрылся в своем номере в отеле «Риджентс», в Конкорде. Свои координаты я сообщил только Денизе, чтобы она держала меня в курсе событий в Нью-Йорке и новостей относительно призрака матери Нолы Келлерган.

В тот вечер Гэхаловуд пригласил меня к себе домой. Обе его дочери активно участвовали в предвыборной кампании Обамы и развлекали нас за ужином. Они дали мне наклейки на машину. Потом я на кухне помогал Хелен мыть посуду, и она сказала, что я неважно выгляжу.

— Не понимаю, что я такое сделал, — объяснил я. — Как я мог так подставиться?

— Наверняка была веская причина, Маркус. Знаете, Перри очень в вас верит. Он говорит, вы исключительный человек. Я его уже тридцать лет знаю, он ни разу ни о ком такого не говорил. Уверена, вы ничего не сделали с бухты-барахты и всему этому делу есть какое-то разумное объяснение.

Той ночью мы с Гэхаловудом долго сидели, запершись в его кабинете, и изучали рукопись, которую оставил мне Гарри. Так я познакомился с неизданной книгой «Чайки Авроры», великолепным романом, в котором Гарри рассказал о своих отношениях с Нолой. Роман был не датирован, но мне показалось, что он написан после «Истоков зла». Потому что в «Истоках» он описывал невозможную любовь, без каких-то конкретных подробностей, а здесь рассказывал, как Нола пробудила в нем вдохновение, как она всегда верила в него и подбадривала, как она сделала его тем, кто он есть, великим писателем. Но в конце романа Нола не умирает: герой, которого зовут Гарри, через несколько месяцев после выхода книги, разбогатев и достигнув славы, исчезает и едет в Канаду, где в красивом домике на берегу озера его ждет Нола.

В два часа ночи Гэхаловуд сварил нам кофе и спросил:

— Ну и что он нам пытается сказать своей книжкой?

— Он воображает, какой была бы его жизнь, если бы Нола не

умерла, — ответил я. — Эта книга — рай писателей.

— Рай писателей? Это что такое?

— Это когда писательский дар оборачивается против вас. Вы уже не понимаете, существуют ли персонажи только в вашем воображении или живут реальной жизнью.

— И что это нам дает?

— Не знаю. Вообще не знаю. Книга прекрасная, а он ее так и не напечатал. Зачем надо было хранить ее в шкафчике?

Гэхаловуд пожал плечами.

— Может, он не осмелился ее опубликовать, потому что там говорится о пропавшей девочке, — предположил он.

— Может. Но в «Истоках зла» он тоже писал про Нолу, и это ему не помешало предлагать их издателям. И почему он пишет: «эта книга и есть правда»? Какая правда? О Ноле? Что он хочет сказать? Что Нола вовсе не умирала и живет в деревянной хижине?

— Полнейшая бессмыслица, — отрезал Гэхаловуд. — Все анализы абсолютно точно подтвердили: найденный скелет — ее.

— Тогда что?

— То, что мы с вами топчемся на месте, писатель.

Наутро мне позвонила Дениза и сказала, что в «Шмид и Хансон» обратилась какая-то женщина и ее направили к ней.

— Она хотела поговорить с вами, — пояснила Дениза. — Сказала, что это важно.

— Важно? А по поводу чего?

— Она говорит, что училась в школе вместе с Нолой Келлерган, в Авроре. И что Нола рассказывала ей про свою мать.

**Кембридж, Массачусетс,
суббота, 25 октября 2008 года**

Она числилась в альбоме выпускников 1975 года под именем Стефани Хендорф; там нашлись две ее фотографии, прямо перед фото Нолы. Она была одной из тех, чьих следов Эрни Пинкасу найти не удалось. Выйдя замуж за выходца из Польши, она сменила фамилию, теперь ее звали Стефани Ларжиняк, и жила она в богатом доме в Кембридже, роскошном пригороде Бостона. Там мы с Гэхаловудом с ней и встретились. Ей было сорок восемь лет — столько же, сколько сейчас было бы Ноле. Красивая женщина, второй раз замужем, мать троих детей; раньше она преподавала историю искусств в Гарварде, теперь занималась собственной картинной

галереей. Она выросла в Авроре, училась в одном классе с Нолой, Нэнси Хаттауэй и еще несколькими людьми, с которыми я разговаривал по ходу своего расследования. Я слушал, как она вспоминает прошлое, и мне пришло в голову, что она спаслась. Что была Нола, и ее убили в пятнадцать лет, и была Стефани, и ей было даровано право жить, открыть картинную галерею и выйти замуж, даже дважды.

На журнальном столике в гостиной она разложила несколько юношеских фотографий.

— Я с самого начала слежу за этим делом, — пояснила она. — Я помню день, когда Нола пропала, помню все — как, наверное, все девушки моего возраста, которые тогда жили в Авроре. Так что когда нашли ее тело и арестовали Гарри Квеберта, я, естественно, почувствовала, что это меня прямо касается. Ну и история... Мне очень понравилась ваша книга, мистер Гольдман. Вы так хорошо описали Нолу. Благодаря вам я как будто снова с ней встретилась. Правда, что будут снимать фильм?

— *Warner Bros* хочет купить права, — ответил я.

Она показала нам фотографии: день рождения, на котором среди гостей была и Нола. 1973 год.

— Мы с Нолой были подругами, — продолжала она. — Она была прелестная девочка. Ее все в Авроре любили. Наверно, потому, что людей умиляла картина ее жизни с отцом: милый вдовец-пастор и его преданная дочь, всегда улыбаются, никогда не жалуются. Помню, когда я капризничала, мать, бывало, говорила мне: «Бери пример с Нолы! У нее, бедняжки, Господь Бог прибрал мать, а она всегда вежливая, благодарная».

— Дьявол, ну как же я не понял, что ее мать давно умерла? И вы говорите, что вам понравилась книга? Вам бы спросить себя, что за дешевый писателишка ее написал!

— Да нет, почему? Как раз наоборот! Я даже подумала, что это у вас намеренно. Потому что я сама столкнулась с этим у Нолы.

— Как это — вы с этим столкнулись?

— Однажды случилась очень странная вещь. После этого я отдалилась от Нолы.

Март 1973 года

Семейство Хендорф держало кондитерскую на главной улице. Иногда после школы Стефани приводила туда Нолу и они тайком объедались конфетами в подсобке. Так было и в тот вечер: спрятавшись за мешками с мукой, они лакомились фруктами в желе, пока не заболел живот, и смеялись, прикрывая рот рукой, чтобы их не заметили. И вдруг Стефани

поняла, что с Нолой что-то не так. Взгляд у нее изменился, она больше не слушала.

— Нол, что с тобой? — спросила она.

Молчание. Стефани повторила вопрос, и Нола наконец произнесла:

— Я... мне... мне надо домой.

— Уже? Почему?

— Мама хочет, чтобы я шла домой.

Стефани не поверила своим ушам:

— А? Твоя мама?

Нола в панике вскочила на ноги и повторила:

— Мне надо идти!

— Но... Нола! Твоя мама умерла!

Нола кинулась к выходу; Стефани пыталась удержать ее за руку, та развернулась и вцепилась ей в платье.

— Моя мама! — в ужасе выкрикнула она. — Ты не представляешь, что она со мной сделает! Когда я гадкая, меня наказывают!

И бегом бросилась прочь.

Озадаченная Стефани еще посидела в подсобке, а вечером дома рассказала обо всем матери. Но миссис Хендорф ей не поверила. Она нежно погладила ее по голове:

— Не знаю, что ты такое сочиняешь, моя дорогая. Ладно, хватит глупостей, иди мыть руки. Папа пришел с работы и хочет есть, мы садимся за стол.

Назавтра в школе Нола казалась вполне спокойной и сделала вид, будто ничего не случилось. Стефани не осмелилась заговорить про вчерашнее. Наконец, дней через десять, она решила поделиться своим потрясением с самим отцом Келлерганом и пришла к нему в кабинет при церкви. Он, как обычно, принял ее очень ласково, угостил сиропом и стал внимательно слушать, полагая, что она хочет поговорить с ним как со священником. Но когда она рассказала о том, что видела, он ей тоже не поверил.

— Ты, наверно, что-то недослышала, — сказал он.

— Я знаю, это выглядит бредом, преподобный отец. И все-таки это правда.

— Ну это же бессмыслица. С чего бы Ноле говорить такую ерунду? Ты разве не знаешь, что ее мать умерла? Тебе очень хочется нас всех расстроить, да?

— Нет, но...

Дэвид Келлерган хотел свернуть разговор, но Стефани настаивала. И

вдруг его лицо изменилось, она никогда его таким не видела: в первый раз приветливый священник сделался мрачным, почти страшным.

— Я не желаю больше слушать про эту историю! — отрезал он. — И попробуй только Расскажи кому-нибудь еще! Я пойду к твоим родителям и скажу им, что ты лгуны! И еще скажу, что ты воровала в храме. Что ты у меня украла пятьдесят долларов. Ты же не хочешь, чтобы у тебя были большие неприятности? Тогда будь послушной девочкой.

* * *

Прервав свой рассказ, Стефани с минуту перебирала фотографии. Потом она повернулась ко мне:

— В общем, я никому ничего не сказала. Но я не забыла эту сцену. С годами я убедила себя, что недослышала, недопоняла и что ничего такого не было. И вот выходит ваша книга, и я снова вижу как живую эту жестокую мать. Не могу передать, как это на меня подействовало; у вас невероятный талант, мистер Гольдман. Несколько дней назад все газеты стали твердить, что вы городите бог знает что, и я решила, что мне необходимо с вами связаться. Потому что я знаю: вы говорите правду.

— Какую правду? — воскликнул я. — Мать умерла сто лет назад.

— Я знаю. Но я знаю и то, что вы правы.

— Вы думаете, Нолу бил отец?

— Во всяком случае, так поговаривали. В школе замечали, что у нее на теле синяки. Но кто посмел бы сказать хоть слово против нашего преподобного? В семьдесят пятом году в Авроре никто не вмешивался в чужие дела. И потом, время было другое. Мы все порой получали оплеухи.

— А вам больше ничего не приходит на ум? — спросил я. — В связи с Нолой или с книгой?

Она задумалась:

— Нет. Разве что довольно... забавно выяснить после стольких лет, что Нола была влюблена не в кого-нибудь, а в Гарри Квеберта.

— Что вы имеете в виду?

— Знаете, я была такая наивная... После сцены в подсобке я уже меньше общалась с Нолой. Но в то лето, когда она пропала, я ее встречала очень часто. В это самое лето семьдесят пятого я много работала в магазине родителей, а он тогда был как раз напротив почты. И представьте, мне все время попадалась Нола. Она ходила отправлять письма. Я знала, потому что она ходила мимо магазина и я ее спрашивала. И однажды она

все-таки проболталась. Сказала, что безумно влюблена в одного человека и они переписываются. Но ни за что не хотела сказать, кто это. Я думала, это Коди, парень из предвыпускного, он играл в баскетбольной команде. Мне никак не удавалось подсмотреть, кому адресованы письма, но на одном я все-таки увидела кусочек адреса. Он жил в Авроре. И я спрашивала себя, что за удовольствие писать из Авроры человеку, который живет в Авроре.

Когда мы вышли от Стефани Ларжиняк, Гэхаловуд уставился на меня огромными недоумевающими глазами и спросил:

— Да что такое происходит, писатель?

— Я у вас хотел спросить, сержант. И что, по-вашему, нам теперь делать?

— То, что мы должны были сделать уже давно: ехать в Джексон, штат Алабама. Вы уже сто лет назад задали хороший вопрос: что произошло в Алабаме?

4. Sweet home Alabama^[5]

— Под конец книги, Маркус, поберегите для читателя какой-нибудь неожиданный поворот, в последний момент.

— Зачем?

— Зачем? Затем, что читателя надо держать в напряжении до самой развязки. Это как в картах: всегда надо иметь в запасе козыри.

Джексон, Алабама, 28 октября 2008 года

И мы полетели в Алабаму.

В аэропорту Джексона нас встретил молодой сотрудник полиции штата Филип Томас, с которым Гэхаловуд связался несколько дней назад. Он стоял в зале прибытия, надвинув шляпу на глаза, в мундире, прямой как палка. Почтительно поздоровавшись с Гэхаловудом, он посмотрел на меня и слегка приподнял шляпу:

— Я не мог вас где-то видеть? — спросил он. — По телевизору?

— Возможно, — ответил я.

— Я вам помогу, — вмешался Гэхаловуд. — Это про его книжку все говорят. Бойтесь его, он способен заварить такую кашу, что мало не покажется.

— Значит, семейство Келлерган — то самое, о котором говорится в вашей книге? — Томас с трудом скрывал удивление.

— Точно, — опять ответил за меня Гэхаловуд. — Держитесь подальше от этого типа, молодой человек. Как мне спокойно жилось, пока я его не встретил!

Полицейский Томас весьма ответственно подошел к своему заданию. По просьбе Гэхаловуда он подготовил нам небольшое досье на Келлерганов, и мы просмотрели его в ресторане неподалеку от аэропорта.

— Дэвид Келлерган родился в Монтгомери в 1923 году, — объяснял Томас. — Учился богословию, стал пастором и приехал в Джексон, служил в приходе Маунт-Плезнт. В 1955 году женился на Луизе Бонвиль. Их дом находился в спокойном квартале на севере города. В 1960 году Луиза Келлерган родила дочь, Нолу. Больше ничего интересного. Мирное, верующее алабамское семейство. До той ужасной трагедии в 1969 году.

— Трагедии? — переспросил Гэхаловуд.

— Там случился пожар. Однажды ночью дом сгорел. Луиза Келлерган

во время пожара погибла.

В досье Томаса имелись ксерокопии газетных статей того времени.

Пожар со смертельным исходом на Лауэр-стрит

Вчера вечером в доме на Лауэр-стрит произошел пожар. Погибла женщина. По мнению пожарных, причиной возгорания могла быть непогашенная свеча. Дом полностью разрушен. Жертва — супруга местного священника.

В полицейском рапорте значилось, что 30 августа 1969 года, около часа ночи, пока Дэвид Келлерган находился у постели умирающего прихожанина, в доме, где спали Луиза и Нола, случился пожар. Возвращаясь к себе, преподобный заметил столб дыма. Он бросился внутрь: второй этаж был охвачен пламенем, тем не менее ему удалось добраться до комнаты дочери. Он нашел ее в постели, в полубессознательном состоянии. Он вынес ее в сад и хотел вернуться за женой, но огонь уже распространился на лестницы. На крики сбежались соседи, однако и они оказались бессильны. К приезду пожарных горел уже весь второй этаж, пламя рвалось из окон и пожирало крышу. Луиза Келлерган была найдена мертвой: задохнулась в дыму. Полиция пришла к выводу, что, скорее всего, пожар начался из-за непотушенной свечи, от которой загорелись занавески; затем пламя быстро охватило дощатый дом. Кроме того, преподобный Келлерган в своих показаниях уточнил, что его супруга перед сном часто зажигала на комоде ароматическую свечу.

— Дата! — вскричал я, читая рапорт. — Взгляните на дату пожара, сержант!

— О господи, 30 августа 1969 года!

— Полицейский, который занимался расследованием, долгое время подозревал отца, — сказал Томас.

— Откуда вы знаете?

— Я с ним разговаривал. Его зовут Эдвард Горовиц. Он сейчас на пенсии. Целыми днями чинит свою лодку перед домом.

— Можно с ним повидаться? — спросил Гэхаловуд.

— Я уже договорился о встрече. Он нас ждет в три часа.

Инспектор в отставке Горовиц стоял перед домом и невозмутимо полировал корпус деревянной лодки. Погода стояла ненастная, и он открыл дверь гаража, чтобы при случае укрыться там. Он предложил нам взять себе пива из початого ящика, стоявшего на земле, и разговаривал, не отрываясь от работы, но всем видом показывая, что весь внимание. О пожаре в доме Келлерганов он рассказал примерно то же, что мы уже знали из рапорта полиции, почти ничего не прибавив.

— Вообще-то странная история с этим пожаром, — заключил он.

— Почему странная? — спросил я.

— Мы все долго думали, что это Дэвид Келлерган поджег дом и убил жену. Его версия событий ничем не подтверждается: прямо чудо, вернулся как раз вовремя, чтобы спасти дочь, и слишком поздно, чтобы спасти жену. Напрашивалась мысль, что он сам поджег дом. А главное, через несколько недель он смылся из города. Дом горит, жена гибнет, а он удирает. Что-то там было нечисто, но никаких улик против него так и не нашли.

— Тот же сценарий, что и с пропажей его дочери, — отметил Гэхаловуд. — В 1975 году Нола исчезает, растворяется в пейзаже, скорее всего, ее убили, но утверждать наверняка ничего нельзя, доказательств нет.

— Что вам пришло в голову, сержант? — спросил я. — Что преподобный убил жену, а потом и дочь? Думаете, с преступником вышла ошибка?

— Катастрофа, если так, — поперхнулся Гэхаловуд. — Кого мы можем поспрашивать, мистер Горовиц?

— Трудно сказать. Можете сходить в церковь Маунт-Плезнт. Там, наверно, есть списки прихожан, кто-то знал преподобного Келлергана. Но прошло почти сорок лет... Вы потратите бездну времени.

— Времени у нас в обрез, — чертыхнулся Гэхаловуд.

— Дэвид Келлерган, как я знаю, был весьма близок к местной секте пятидесятников, — продолжал Горовиц. — Полоумные фанатики, живут общиной на ферме в часе езды отсюда. Преподобный после пожара жил у них. Это я точно знаю, я нему туда ездил, когда мне надо было с ним поговорить по ходу расследования. Он там оставался до самого отъезда. Спросите пастора Льюиса, если он по-прежнему там. Он у них вроде гуру.

Пастор Льюис, о котором говорил Горовиц, возглавлял общину Новой Церкви Спасителя. Мы отправились туда на следующее утро. Полицейский Томас заехал за нами в «Холидей Инн» на обочине шоссе, где мы сняли два номера — один оплачивал штат Нью-Гэмпшир, другой я сам, — и отвез в огромное поместье, большую часть которого занимали возделанные поля.

Плутая на дороге, обсаженной кукурузой, мы встретили какого-то человека на тракторе, и он проводил нас к группке домов и показал, где живет пастор.

Нас приветливо встретила милая толстая женщина, провела в кабинет, а через несколько минут появился и сам Льюис. Я знал, что ему около восьмидесяти, но выглядел он лет на двадцать моложе. На вид вполне симпатичный, ничего общего с тем, как его описывал Горовиц.

— Полиция? — спросил он, здороваясь с нами по очереди.

— Полиция штатов Нью-Гэмпшир и Алабама, — пояснил Гэхаловуд. — Расследуем смерть Нолы Келлерган.

— У меня такое впечатление, что в последнее время только об этом и говорят.

Пожимая мне руку, он на миг взгляделся в мое лицо и спросил:

— Вы, случайно, не...

— Он самый, — раздраженно ответил Гэхаловуд.

— Итак... Чем могу быть полезен?

Гэхаловуд начал допрос:

— Пастор Льюис, если не ошибаюсь, вы знали Нолу Келлерган.

— Да. Говоря по правде, я хорошо знал ее родителей. Очаровательные люди. Очень были близки к нашей общине.

— Что такое ваша община?

— Мы одно из течений пятидесятничества, сержант. Ничего больше. У нас христианские идеалы, мы все их разделяем. Да, знаю, кто-то говорит, что мы секта. К нам дважды в год наведываются социальные службы, проверяют, ходят ли наши дети в школу, хорошо ли питаются, не обижают ли их. Иногда смотрят, нет ли у нас оружия и не расисты ли мы. До смешного доходит. Все наши дети ходят в муниципальную школу, я сроду не держал в руках карабина и активно участвую в предвыборной кампании Барака Обамы. Так что же вы хотите знать?

— Что произошло в 1969 году, — сказал Гэхаловуд.

— «Аполлон-11» прилунился, — ответил Льюис. — Главная победа Америки над советским врагом.

— Вы прекрасно знаете, о чем я говорю. Пожар у Келлерганов. Что произошло на самом деле? Что случилось с Луизой Келлерган?

Я до сих пор не произнес ни слова, однако Льюис, глядя на меня в упор, обратился именно ко мне:

— Я вас часто видел по телевизору в последнее время, мистер Гольдман. Думаю, вы хороший писатель, но как вы могли не навести справки о Луизе? Ведь вы поэтому здесь, я так подозреваю, да? Ваша книга

не выдерживает критики, и, говоря по-простому, на борту паника, верно? Чего вы здесь ищете? Оправдания вашей лжи?

— Правды, — сказал я.

Он грустно улыбнулся:

— Правды? Но какой правды, мистер Гольдман? Божественной или человеческой?

— Вашей. Какова ваша правда о смерти Луизы Келлерган? Убил ли Дэвид Келлерган свою жену?

Пастор Льюис встал с кресла и закрыл дверь в кабинет: прежде она оставалась полуоткрытой. Затем подошел к окну и стал смотреть на улицу. Эта сцена сразу напомнила мне наш визит к шефу Пратту. Гэхаловуд знаком дал мне понять, что теперь будет говорить он.

— Дэвид был такой хороший человек, — наконец прошептал Льюис.

— Был? — резко переспросил Гэхаловуд.

— Мы с ним не виделись тридцать девять лет.

— Он бил дочь?

— Нет! Нет. Это был человек чистый сердцем. По-настоящему верующий. Когда он приехал в Маунт-Плезнт, скамьи в церкви стояли пустые. Через полгода по воскресеньям на утренней службе яблоку было негде упасть. Он бы никогда не причинил ни малейшего зла ни жене, ни дочери.

— Так кто же они были? — тихо спросил Гэхаловуд. — Кто такие были Келлерганы?

Пастор Льюис позвал жену. Попросил чаю с медом на всех. Потом снова сел в кресло и обвел нас взглядом. В глазах его была нежность, в голосе звучала теплота:

— Закройте глаза, господа. Закройте глаза. А теперь мы в Джексоне, штат Алабама; идет 1953-й год.

Джексон, Алабама, январь 1953 года

Это была история из тех, что так любят в Америке. В январский день 1953 года молодой священник из Монтгомери вошел в обшарпанный храм Маунт-Плезнт, в центре Джексона. Стояла отвратительная погода: с неба хлестали потоки дождя, неистовые порывы ветра продували улицы насквозь. Раскачивались деревья, в воздухе носились газеты, разлетевшиеся из рук уличного торговца, который прятался за шторой какой-то витрины, а прохожие двигались короткими перебежками, от укрытия к укрытию.

Священник толкнул дверь церкви, тут же захлопнувшуюся от ветра;

внутри было темно, мрачно и холодно. Он медленно пошел вдоль рядов скамей. Прохуdivшаяся крыша не защищала от дождя, по полу растекались лужи. Было безлюдно, ни единого верующего, храм выглядел почти заброшенным. Вместо свечей — несколько оплывших огарков. Он приблизился к алтарю и, заметив кафедру, поставил было ногу на первую ступеньку деревянной лестницы, чтобы подняться на нее, как вдруг из пустоты прозвучал голос:

— Не делайте этого!

Он вздрогнул, обернулся и увидел низенького круглого человечка, вынырнувшего из потемок.

— Не делайте этого! — повторил тот. — Лестница трухлявая, того и гляди сломаете шею. Вы преподобный Келлерган?

— Да, — смущенно ответил Дэвид.

— Добро пожаловать в наш приход, преподобный. Я пастор Джереми Льюис, руковожу общиной Новой Церкви Спасителя. После отъезда вашего предшественника меня попросили присматривать за этой конгрегацией. Теперь она ваша.

Мужчины обменялись теплым рукопожатием. Дэвида Келлергана била дрожь.

— Вы дрожите? — заметил Льюис. — Да вы продрогли до костей! Пойдемте, там на углу кафе. Выпьем грогу и поговорим.

Так состоялось знакомство Джереми Льюиса и Дэвида Келлергана. Они переждали ненастье в ближайшем кафе.

— Мне говорили, что в Маунт-Плезнт дела плохи, — слегка растерянно улыбнулся Дэвид Келлерган, — но такого я, надо сказать, не ожидал.

— Да. Не буду скрывать, вы принимаете приход в плачевном состоянии. Прихожане в церковь не ходят, пожертвований не делают. Здание в развалинах. Тут работать и работать. Надеюсь, вас это не пугает.

— Я и не такого не испугаюсь, преподобный Льюис, вот увидите.

Льюис улыбнулся. Он уже подпал под обаяние сильной, харизматичной личности своего молодого собеседника.

— Вы женаты? — спросил он его.

— Нет, преподобный. Пока холостяк.

Новый священник Келлерган потратил полгода на то, чтобы обойти каждый дом, представиться прихожанам и убедить их в воскресенье вернуться на скамьи Маунт-Плезнт. Потом достал денег на новую крышу для храма и, поскольку в Корее он не служил, внес свою лепту в войну,

развернув программу реадaptации для ветеранов. Затем силами добровольцев был отремонтирован прилегающий к храму приходской зал. Мало-помалу жизнь в общине вновь забурлила, храм Маунт-Плезнт обрел былое величие, а Дэвида Келлергана стали считать восходящей звездой Джексона. Именитые прихожане видели его политиком. Говорили, что он мог бы возглавить муниципалитет. А потом, возможно, претендовать на место в Конгрессе. И даже стать сенатором. У него для этого были все данные.

Однажды вечером, в конце 1953 года, Дэвид Келлерган ужинал в маленьком ресторанчике возле храма. Он сидел за стойкой, как обычно. Вдруг сидевшая рядом с ним молодая женщина, которую он сперва не заметил, повернула голову и, узнав его, улыбнулась.

— Добрый вечер, преподобный отец, — сказала она.

Он несколько принужденно улыбнулся в ответ:

— Простите, мисс, мы знакомы?

Она рассмеялась, и ее светлые локоны рассыпались по плечам.

— Я ваша прихожанка. Меня зовут Луиза. Луиза Бонвиль.

Смутившись, что не узнал ее, он покраснел, и она расхохоталась еще громче. Он закурил, пытаясь взять себя в руки.

— Можно сигарету? — попросила она.

Он протянул ей пачку.

— Вы никому не скажете, что я курю, преподобный отец, а? — сказала Луиза.

Он улыбнулся:

— Договорились.

Луиза была дочерью одного видного деятеля из их прихода. Они с Дэвидом стали встречаться и вскоре полюбили друг друга. Все в городе говорили, что они великолепная, цветущая пара. Летом 1955 года они поженились. Оба так и излучали счастье. Они хотели иметь много детей, по крайней мере шестерых, трех мальчиков и трех девочек, веселых, смешливых ребятишек, которые бы вдохнули жизнь в дом на Лауэр-стрит, куда недавно переехала чета Келлерганов. Но Луизе никак не удавалось забеременеть. Она советовалась с несколькими специалистами, но ничего не помогало. И вот наконец летом 1959 года врач объявил ей радостную новость: она была беременна.

12 апреля 1960 года в центральной больнице Джексона Луиза Келлерган произвела на свет своего первого и единственного ребенка.

— Девочка, — объявил врач Дэвиду Келлергану, беспокойно

ходившему взад-вперед по коридору.

— Девочка! — воскликнул преподобный Келлерган, сияя от счастья.

Он поспешил к жене, прижимавшей к груди новорожденную. Он обнял ее и взглянул на младенца. Глаза девочки были еще закрыты; волосы обещали быть светлыми, в мать.

— Давай назовем ее Нола? — предложила Луиза.

Преподобный решил, что это очень красивое имя, и согласился.

— Добро пожаловать на белый свет, Нола, — сказал он дочери.

Все следующие годы семью Келлерган приводили в пример по любому поводу. Добрый отец, нежная мать, чудесная девочка. Дэвид Келлерган не жалел себя: он был полон замыслов и проектов, и жена поддерживала его во всем. Летом они по воскресеньям часто ездили на пикник в общину Новой Церкви Спасителя: Дэвид Келлерган сохранял тесные дружеские связи с пастором Льюисом, с которым встретился в ненастный день почти десять лет назад. Все, кто ходил к ним в гости в то время, восхищались семейным счастьем Келлерганов.

* * *

— Я никогда не видел настолько счастливых людей, — сказал пастор Льюис. — Дэвид и Луиза невероятно любили друг друга. Просто потрясающе. Они словно были созданы Творцом друг для друга. Родителями они были великолепными. И Нола была необыкновенная девочка, живая, очаровательная. Увидев эту семью, хотелось самому вступить в брак, она вселяла неиссякаемую веру в будущее рода человеческого. Такое прекрасное зрелище. Особенно в этой гнусной Алабаме шестидесятых с ее расистскими установками.

— Но все рухнуло, — произнес Гэхаловуд.

— Да.

— Каким образом?

Повисло молчание. Пастор Льюис изменился в лице. Он снова встал и прошелся по комнате, не в силах усидеть на месте.

— Зачем ворошить все это? — спросил он. — Столько лет прошло...

— Преподобный Льюис, что произошло в 1969 году?

Пастор обернулся к большому кресту, который висел на стене. И сказал:

— Мы изгоняли из нее дьявола. Но все обернулось не очень хорошо.

— Что? — выдохнул Гэхаловуд. — Вы о чем говорите?

— О девочке... О Ноле. Мы изгоняли нечистого. Это было просто ужасно. Думаю, нечистый очень глубоко в нее проник.

— Вы что имеете в виду?

— Пожар... Пожар тогда, ночью. В ту ночь все происходило не совсем так, как Дэвид Келлерган рассказал полиции. Он действительно был у умирающей прихожанки. И когда вернулся, около часу ночи, обнаружил, что дом горит. Но... Как вам сказать... Все произошло не так, как Дэвид Келлерган сказал полиции.

30 августа 1969 года

Джерemi Льюис крепко спал и не услышал, как позвонили в дверь. Открыла его жена, Матильда, и немедленно разбудила его. Было четыре утра. «Джерemi, проснись! — говорила она со слезами на глазах. — Беда!.. Преподобный Келлерган здесь... Пожар! Луиза... Луиза погибла!»

Льюис слетел с кровати. Келлерган сидел в гостиной, обезумевший, заплаканный, страшный. Дочь была рядом. Матильда увела Нолу и уложила ее спать в комнате для гостей.

— Боже! Дэвид, что случилось? — спросил Льюис.

— Пожар... Дом сгорел. Луиза погибла. Погибла!

У Дэвида Келлергана больше не было сил сдерживаться, он дал волю слезам. Его тело сотрясала дрожь. Льюис налил ему большой стакан виски.

— А Нола? С ней все в порядке? — спросил он.

— Хвала Господу, да. Врачи ее осмотрели. Никаких травм.

Льюис смотрел на него со слезами на глазах:

— Боже... Дэвид, какая трагедия! Какая трагедия! — Он ободряюще положил руки на плечи друга.

— Я не понимаю, что случилось, Джерemi. Я был у умирающей прихожанки. Когда вернулся, дом горел. Пламя было уже огромное.

— Это вы вынесли Нолу?

— Джерemi... Мне надо вам что-то сказать.

— Что? Говорите без утайки, я в полном вашем распоряжении!

— Джерemi... Когда я подошел к дому, все было в огне... Горел весь второй этаж! Я хотел подняться за женой, но лестница уже загорелась! Я ничего не смог сделать! Ничего!

— Господи... А как же Нола?

Дэвида Келлергана чуть не вырвало.

— Я сказал полиции, что поднялся наверх, вытащил Нолу, но не смог вернуться за женой...

— Это неправда?

— Да, Джереми. Когда я пришел, дом пылал. А Нола... Нола сидела на крыльце и пела.

Наутро Дэвид Келлерган пошел к дочери в гостевую комнату. Он решил объяснить ей, что ее мать умерла.

— Милая, ты помнишь, что было вчера? Огонь, помнишь?

— Да.

— Случилась очень серьезная вещь. Очень серьезная и очень печальная, ты будешь сильно грустить. Когда вспыхнул огонь, мама была в своей комнате, и она не сумела убежать.

— Да, я знаю. Мама умерла, — объяснила Нола. — Она была гадкая. И я подожгла ее комнату.

— А? Что ты такое говоришь?

— Я зашла к ней в комнату, она спала. Я решила, что у нее очень гадкий вид. Гадкая мама! Гадкая! Я хотела, чтобы она умерла. Тогда я взяла спички на комод и подожгла занавески.

Отец попросил ее повторить, что она сказала, и Нола улыбнулась. И повторила. В эту минуту Дэвид Келлерган услышал, как скрипнула половица, и обернулся. Пастор Льюис зашел посмотреть, как чувствует себя девочка, и слышал их разговор.

Они заперлись в кабинете.

— Это Нола подожгла дом? Нола убила свою мать? — Льюис не мог опомниться.

— Тсс! Не так громко, Джереми! Она... она... говорит, что подожгла дом, но, боже, это не может быть правдой!

— Нола одержима дьяволом? — спросил Льюис.

— Дьяволом? Нет, нет! Нам с Луизой случалось замечать, что она иногда ведет себя странно, но она ничего плохого не делала.

— Нола убила свою мать, Дэвид. Вы отдаете себе отчет в том, насколько это серьезно?

Дэвида Келлергана сотрясала дрожь. Он плакал, голова у него шла кругом, мысли разбегались. Его тошнило. Джереми Льюис подставил ему корзину для бумаг.

— Только не говорите ничего полиции, Джереми, умоляю!

— Но это крайне серьезно, Дэвид!

— Не говорите ничего! Небом заклинаю, молчите! Если полиция узнает, Нола попадет в исправительный дом или не знаю куда еще. Ей всего

девять лет...

— Тогда надо ее лечить, — сказал Льюис. — В Нолу вселился нечистый, его надо изгнать.

— Нет, Джереми! Только не это!

— Надо изгнать дьявола, Дэвид. Это единственный способ избавить ее от Зла.

* * *

— Я изгонял из нее нечистого, — объяснял пастор Льюис. — Мы несколько дней пытались изгнать дьявола из ее тела.

— Что за бред? — пробормотал я.

— Знаете что! — возмутился Льюис. — Откуда такое недоверие? Нола была не Нола: сам Дьявол завладел ее телом!

— Что вы с ней делали? — рявкнул Гэхаловуд.

— Обычно достаточно молитв, сержант!

— Дайте-ка угадаю: на сей раз их оказалось мало!

— Дьявол был силен! Тогда, чтобы справиться с ним, мы окунули ее головой в чан со святой водой.

— Утопление, — сказал я.

— Но и это не помогло. Тогда, чтобы одолеть Дьявола и заставить его выйти из тела Нолы, мы ее били.

— Вы избивали девочку? — взорвался Гэхаловуд.

— Не девочку — Нечистого!

— Вы ненормальный, Льюис!

— Мы должны были ее освободить! И думали, что нам это удалось. Но у Нолы началось что-то вроде припадков. Они с отцом какое-то время жили здесь, и девочка стала неуправляемой. Она стала видеть мать.

— Вы хотите сказать, что у Нолы были галлюцинации? — спросил Гэхаловуд.

— Хуже. У нее развилось что-то вроде раздвоения личности. Временами она становилась собственной матерью и наказывала себя за то, что сделала. Однажды я обнаружил ее в ванной, она кричала. Она налила ванну и, крепко схватив себя за волосы, с силой окунала голову в ледяную воду. Так больше продолжаться не могло. Тогда Дэвид решил уехать. Как можно дальше. Он сказал, что ему надо покинуть Джексон, покинуть Алабаму, что от перемены обстановки Нола со временем наверняка выздоровеет. Как раз в то время мне сказали, что приход Авроры ищет

нового священника; он не колебался ни секунды. Вот так он и уехал, нашел убежище на другом конце страны, в Нью-Гэмпшире.

3. Election Day^[6]

— Время от времени на вашем веку будут происходить великие события. Упоминайте их в книгах, Маркус. Ведь если вдруг окажется, что книги плохи, у них будет, по крайней мере, одно достоинство — в них запечатлится несколько страниц Истории.

Барак Обама избран 44-м президентом Соединенных Штатов

Кандидат от Демократической партии Барак Обама в ходе президентских выборов одержал победу над республиканцем Маккейном и стал 44-м президентом Соединенных Штатов. Штат Нью-Гэмпшир, где в 2004 году победил Джордж У. Буш, вновь перешел в стан демократов [...]

Concord Herald, 5 ноября 2008 г.

5 ноября 2008 года

На следующий день после выборов Нью-Йорк веселился. Люди на улицах до поздней ночи праздновали победу демократов, словно изгоняя бесов двух последних президентских сроков. Я же, со своей стороны, участвовал в народном ликовании лишь посредством телевизора в кабинете, где безвылазно сидел уже трое суток.

В то утро Дениза явилась в офис в пуловере с Обамой, с чашкой с Обамой, бейджем с Обамой и пакетом наклеек с Обамой.

— О, Маркус, вы уже здесь, — сказала она в дверях, увидев, что везде горит свет. — Вы были на улице вчера вечером? Какая победа! Я вам принесла наклейки на машину.

С этими словами она положила вещи на стол, включила кофеварку, отключила автоответчик и вошла в мой кабинет. Обнаружив, во что превратилась комната, она вытаращила глаза:

— О господи, Маркус, что тут произошло?

Я сидел в кресле и созерцал стену, которую ночью увешивал своими заметками и схемами расследования, снова и снова слушая записи Гарри, Нэнси Хаттауэй, Роберта Куинна.

— Чего-то я в этом деле не понимаю, — отозвался я. — И это меня сводит с ума.

— Вы здесь просидели всю ночь?

— Да.

— Ох, Маркус, а я-то думала, вы на улице, отвлеклись немного. Вы уже так давно не отдыхали. Это ваш роман вам жизни не дает?

— Мне жизни не дает то, что я выяснил на прошлой неделе.

— А что вы выяснили?

— Вот именно, что точно не знаю. Что делать, если вдруг понимаешь, что человек, которым всегда восхищался, с которого брал пример, тебя предал и тебе солгал?

Она на секунду задумалась:

— Со мной такое было. С первым мужем. Я его застала в постели со своей лучшей подругой.

— И что вы сделали?

— Ничего. Ничего не сказала. Ничего не сделала. Это было в Хэмптонсе, в отеле на берегу океана, мы туда поехали на выходные с моей подругой и ее мужем. В субботу под вечер я пошла прогуляться по берегу океана. Одна, потому что мой муж сказал, что устал. Я вернулась гораздо раньше, чем собиралась. В конце концов, гулять одной — удовольствие небольшое. Пошла обратно в номер, открыла дверь магнитным ключом, и тут я их и увидела, в постели. Он распластался на ней, на моей лучшей подруге. Эти магнитные ключи такие классные, можно входить совершенно бесшумно. Они меня не видели и не слышали. Я какое-то время смотрела на них, смотрела, как мой муж дергается во все стороны, а она поскуливает, как собачонка, потом так же бесшумно вышла из номера, проблевалась в туалете на ресепшне и отправилась гулять дальше. Я вернулась через час: мой муж сидел в баре отеля вместе с мужем моей лучшей подруги, пил джин и смеялся. Я ничего не сказала. Мы поужинали все вместе. Я сделала вид, что ничего не случилось. Вечером он повалился спать как убитый, сказал, что обессилел от безделья. Я ничего не сказала. Я молчала полгода.

— Но в итоге подали на развод...

— Нет. Он меня бросил, ушел к ней.

— Вы жалеете, что сами не сделали ничего?

— Все время. Каждый день.

— Значит, мне надо действовать. Вы это хотите сказать?

— Да. Действуйте, Маркус. Не будьте обманутой мокрой курицей вроде меня.

Я улыбнулся:

- Вы кто угодно, только не курица, Дениза.
- Маркус, что произошло на прошлой неделе? Что вы выяснили?

Пятью днями ранее

31 октября профессор Гидеон Алканор, один из ведущих специалистов по детской психиатрии Восточного побережья и хороший знакомый Гэхаловуда, подтвердил то, в чем уже не оставалось сомнений: у Нолы было серьезное психотическое расстройство.

На следующий день после возвращения из Джексона мы с Гэхаловудом поехали на машине в Бостон; Алканор принял нас в своем кабинете в Бостонском детском госпитале. Он считал, что на основе данных, которые ему предварительно переслали, можно диагностировать детский психоз.

— В общих чертах, что это значит? — нетерпеливо спросил Гэхаловуд.

Алканор снял очки и долго протирал их, словно обдумывая то, что хотел сказать. Наконец он повернулся ко мне:

— Это значит, что, по-моему, вы правы, мистер Гольдман. Я прочел вашу книгу пару недель назад. В свете того, что вы описываете, и тех данных, что прислал мне Перри, я бы сказал, что Нола иногда теряла связь с реальностью. Вероятно, в момент одного из таких припадков она и подожгла комнату матери. Той ночью, 30 августа 1969 года, у Нолы возникли искаженные отношения с реальностью: она хочет убить мать, но понятие «убить» в данный конкретный момент для нее ничего не значит. Она совершает поступок, смысл которого не осознает. На эту первичную травму впоследствии накладывается эпизод с изгнанием дьявола, память о котором вполне могла спровоцировать раздвоение личности, временные «переключения», когда Нола вдруг превращалась в свою мать, которую сама же и убила. И тут все усложняется: теряя связь с реальностью, Нола целиком оказывается во власти воспоминания о матери и о своем страшном поступке.

С минуту я пытался осмыслить услышанное:

— То есть вы хотите сказать...

Алканор кивнул, не дав мне закончить фразу:

— На стадии декомпенсации Нола избивала себя сама.

— Но что могло вызывать эти припадки? — спросил Гэхаловуд.

— Вероятно, значительные эмоциональные перепады — стрессовые ситуации, глубокая печаль. То, что вы описываете в своей книге, мистер Гольдман: встреча с Гарри Квебертом, в которого она безумно влюбилась, потом его отказ, из-за которого она даже пыталась покончить с собой.

Картина, я бы сказал, почти «классическая». Когда эмоции зашкаливают, наступает декомпенсация. А когда наступает декомпенсация, Нола видит мать, которая наказывает ее за то, что она с ней сделала.

Все эти годы Нола и ее мать составляли единое целое. Нам нужно было получить подтверждение у Келлергана, и в субботу, 1 ноября 2008 года, мы отправились на Террас-авеню целой делегацией: Гэхаловуд, я и Тревис Доун; последнего мы поставили в известность о том, что узнали в Алабаме, и Гэхаловуд попросил его пойти с нами, чтобы подбодрить Дэвида Келлергана.

Открыв дверь и увидев нас, тот с порога заявил:

— Мне нечего вам сказать. Ни вам, ни кому-то еще.

— Зато мне надо вам что-то сказать, — спокойно объяснил Гэхаловуд. — Я знаю, что произошло в Алабаме в августе 1969 года. Я знаю про пожар, я знаю все.

— Ничего вы не знаете.

— Выслушай их, — сказал Тревис. — Ипусти нас, Дэвид. Разговаривать лучше внутри.

Дэвид Келлерган наконец уступил; он впустил нас в дом и провел на кухню. Налил себе чашку кофе, не предложив нам, и сел за стол. Гэхаловуд и Тревис уселись напротив, а я остался стоять в некотором отдалении.

— Ну так что? — спросил Келлерган.

— Я ездил в Джексон, — ответил Гэхаловуд. — Я говорил с пастором Джереми Льюисом. Я знаю, что сделала Нола.

— Замолчите!

— Она страдала детским психозом. У нее случались приступы шизофрении. 30 августа 1969 года она подожгла комнату матери.

— Нет! — выкрикнул Дэвид Келлерган. — Вы лжете!

— В ту ночь вы обнаружили Нолу на крыльце, она пела. В конце концов вы поняли, что произошло. И вы изгоняли из нее дьявола. Думая, что это пойдет ей на пользу. Но последствия были катастрофическими. У нее начались припадки раздвоения личности, во время которых она пыталась наказать себя сама. Тогда вы уехали подальше от Алабамы, на другой конец страны, в надежде оставить призраков позади, но призрак жены преследовал вас, потому что она по-прежнему жила в голове Нолы.

По щеке Келлергана скатилась слеза.

— У нее иногда случались припадки, — всхлипнул он. — Я не мог ничего сделать. Она сама себя избивала. Она была и дочь и мать одновременно. Она себя била, а потом сама себя умоляла прекратить.

— И тогда вы включали музыку и закрывались в гараже, потому что это было невыносимо.

— Да! Да! Невыносимо! Я не знал, что делать. Моя дочь, моя милая дочь, она была так больна...

Он зарыдал. Тревис смотрел на него, в ужасе от услышанного.

— Почему вы ее не лечили? — спросил Гэхаловуд.

— Я боялся, что ее у меня отберут. Что ее посадят в сумасшедший дом! И потом, со временем приступы становились все реже. Несколько лет мне даже казалось, что пожар постепенно изгладился из ее памяти, я даже думал иногда, что эти сцены прекратятся совсем. Ей становилось все лучше. До лета 1975 года. Внезапно у нее опять начались сильнейшие приступы, не знаю почему.

— Из-за Гарри, — сказал Гэхаловуд. — Встреча с Гарри была для нее слишком сильным эмоциональным потрясением.

— Это было страшное лето, — отозвался отец Келлерган. — Я чувствовал, когда приближались приступы. Я почти мог их предсказывать. Это было ужасно. Она била себя линейкой по пальцам и по груди. Она наливала полный чан воды и совала туда голову, умоляя мать перестать. А мать ее собственным голосом поносила ее почем зря.

— Вы сами когда-нибудь ее так топили?

— Джереми Льюис клялся, что только это и поможет! Мне говорили, что он считает себя экзорцистом, но мы с ним никогда это не обсуждали. А потом вдруг он мне заявляет, что в тело Нолы вселился нечистый и его надо изгнать. Я согласился, только чтобы он не выдал Нолу полиции. Джереми был совершенно ненормальный, но что еще я мог сделать? У меня не было выбора... В этой стране детей сажают в тюрьму!

— А побеги? — спросил Гэхаловуд.

— Она однажды убежала из дома. На целую неделю. Помню, это было в самом конце июля 1975 года. Что мне было делать? Звонить в полицию? И что им сказать? Что моя дочь сходит с ума? Я решил, что подожду до конца недели, а потом подниму тревогу. Я всю неделю ее искал, днем и ночью. А потом она вернулась.

— А что произошло тридцатого августа?

— У нее был сильнейший приступ. Я никогда ее не видел в таком состоянии. Я пытался ее успокоить, но ничего не помогало. Тогда я ушел в гараж, чинить этот проклятый мотоцикл. Включил музыку на полную мощность. Я там прятался почти до самого вечера. Что было дальше, вы знаете: когда я пошел к ней, ее уже не было... Я вышел было на улицу, решил обойти квартал, и тут услышал разговоры, что неподалеку от леса

Сайд-Крик видели окровавленную девушку. Мне стало страшно.

— Что вы подумали?

— Честно говоря, сперва я подумал, что Нола убежала из дома и что она в крови от того, что сама с собой сотворила. Что Дебора Купер, вероятно, видела Нолу в самый разгар приступа. В конце концов, это было тридцатое августа, день, когда сгорел наш дом в Джексоне.

— У нее бывали раньше сильные приступы в этот день?

— Нет.

— Тогда что же могло вызвать такой припадок?

Дэвид Келлерган ответил не сразу. Тревис Доун понял, что надо ему помочь.

— Дэвид, если тебе что-то известно, ты должен нам сказать. Ради Нолы.

— Когда я в тот день вошел к ней в комнату, а ее там не оказалось, я нашел у нее на кровати распечатанный конверт. Адресованный ей. В нем лежало письмо. Думаю, это письмо и вызвало приступ. Там говорилось о разрыве.

— Письмо? Но ты никогда не говорил ни про какое письмо! — воскликнул Тревис.

— Потому что, судя по почерку, письмо писал человек явно не того возраста, чтобы иметь роман с моей дочерью. Как я мог об этом сказать? Чтобы весь город считал Нолу потаскухой? В тот момент я был уверен, что полиция найдет ее и приведет домой. И уж тогда я бы ее стал лечить по-настоящему! Всерьез!

— И кто написал это письмо про разрыв? — спросил Гэхаловуд.

— Гарри Квеберт.

Мы все трое потеряли дар речи. Келлерган поднялся, вышел на минуту и вернулся с картонной коробкой, полной писем.

— Я их нашел после того, как она пропала, они были спрятаны в ее комнате, за отошедшей от стены доской. Нола переписывалась с Гарри Квебертом.

Гэхаловуд взял наугад одно из писем и быстро пробежал глазами.

— Почему вы решили, что это Гарри Квеберт? — поинтересовался он. — Они же без подписи...

— Потому что... Потому что это те самые тексты, которые приводятся в его книге.

Я порылся в коробке: в самом деле, в ней лежала переписка из «Истоков зла», по крайней мере те письма, что получала Нола. Там было все: письма о любви, о будущем, письма в Шарлотс-Хилл. Я узнавал

четкий, изысканный почерк рукописи и почти испугался — фразы совпадали слово в слово.

— Вот то последнее письмо, — сказал Келлерган, протягивая Гэхаловуду конверт.

Он прочел, потом передал мне.

Моя милая!

Это мое последнее письмо. Мои последние слова. Я пишу, чтобы сказать Вам «прощайте».

С сегодняшнего дня «мы» перестанет существовать. Влюбленные расстанутся и не встречаются вновь; так кончаются все истории любви.

Милая моя, мне будет Вас не хватать. Мне будет так Вас не хватать.

Мои глаза плачут. Во мне все горит.

Мы не увидимся больше никогда; мне будет так Вас не хватать.

Надеюсь, Вы будете счастливы.

Я говорю себе, что Вы и я — это был сон, а теперь пора просыпаться.

Мне будет не хватать Вас всю жизнь.

Прощайте. Я люблю Вас так, как больше не буду любить никогда.

— То же самое, что на последней странице «Истоков зла», — пояснил Келлерган.

Я кивнул. Я узнал текст. Я был оглушен.

— Давно вы знаете, что Гарри и Нола состояли в переписке? — спросил Гэхаловуд.

— До меня дошло всего несколько недель назад. Мне в супермаркете попались «Истоки зла». Их только что снова пустили в продажу. Не знаю почему, но я их купил. Мне надо было прочесть эту книгу, чтобы попытаться понять. И у меня очень быстро возникло ощущение, что некоторые фразы я уже где-то видел. Память — страшная штука. А потом, подумав, я все понял: это были письма, которые я нашел в комнате Нолы. Я к ним не притрагивался тридцать лет, но где-то в памяти они у меня отложились. Я их перечитал, и тут мне все стало ясно... Из-за этого мерзкого письма, сержант, моя дочь сошла с ума от горя. Может, Лютер Калев и убил Нолу, но в моих глазах Квеберт виновен не меньше: не

случись этого припадка, она, быть может, не убежала бы из дома и не встретила Калеба.

— Вот почему вы приезжали к Гарри в мотель... — заключил Гэхаловуд.

— Да! Я тридцать три года задавался вопросом, кто написал эти чертовы письма. А ответ, оказывается, с самого начала лежал во всех библиотеках Америки. Я поехал в мотель «Морской берег», мы поругались. Я был в таком бешенстве, что поехал домой за ружьем, но когда вернулся, он уже исчез. Думаю, я бы его убил. Знал, что она нездорова, и довел ее до предела!

Я изумился:

— Знал? Что вы имеете в виду?

— Он все знал про Нолу! Все! — закричал Дэвид Келлерган.

— Вы хотите сказать, ему было известно, что у Нолы бывают приступы психоза?

— Да! Я знал, что Нола иногда ходит к нему с пишущей машинкой. Обо всем остальном, естественно, не подозревал. Я считал, что знакомство с писателем ей даже на пользу. Дело было на каникулах, все-таки занятие. Пока этот несчастный писатель не пришел со мной ругаться, потому что считал, что моя жена ее бьет.

— Гарри приходил к вам в то лето?

— Да. В середине августа. Незадолго до того, как она пропала.

15 августа 1975 года

День клонился к вечеру. Из окна своего кабинета преподобный Келлерган увидел, как на приходской парковке остановился черный «шевроле». Из него вышел Гарри Квеберт и быстрым шагом направился к главному входу. Интересно, зачем он понадобился Гарри? Ведь тот за все время, что жил в Авроре, ни разу не появлялся в храме. Он услышал, как хлопнула дверь, в коридоре раздались шаги, и спустя несколько секунд Гарри появился на пороге его кабинета.

— Добрый день, Гарри, — сказал он. — Какой приятный сюрприз.

— Здравствуйте, преподобный отец. Я вас не отрываю?

— Ни в коей мере. Входите, пожалуйста.

Гарри вошел в комнату и закрыл за собой дверь.

— Все хорошо? — спросил преподобный Келлерган. — У вас какой-то странный вид.

— Я хотел поговорить с вами о Ноле...

— А, очень кстати: я хотел вас поблагодарить. Я знаю, что она иногда

ходит к вам и возвращается всегда очень радостная. Надеюсь, она вам не докучает... Благодаря вам у нее есть занятие на каникулах.

Гарри сидел с непроницаемым лицом.

— Она приходила сегодня утром, — сказал он. — В слезах. Она все мне рассказала про вашу жену...

Преподобный побледнел.

— Про... мою жену? Что она вам сказала?

— Что она ее бьет! Что она сует ее головой в таз с ледяной водой!

— Гарри, я...

— Довольно, преподобный отец. Я все знаю.

— Гарри, все гораздо сложнее... Я...

— Сложнее? Вы хотите меня убедить, что у вас есть причины для подобного обращения? Да? Я вызываю полицию, преподобный отец. Я всех на ноги подниму.

— Нет, Гарри... Только не это...

— Ну уж нет, сейчас же еду туда. Вы что думаете? Что я не осмелюсь вас выдать, потому что вы священник? Да вы никто! Вы не человек, если позволяете жене избивать дочь.

— Гарри... Прошу, выслушайте меня. Думаю, произошло ужасное недоразумение и нам надо поговорить спокойно.

* * *

— Не знаю, что Нола наговорила Гарри, — продолжал преподобный. — Не он один подозревал, что у нас не все ладно, но до тех пор я имел дело только с друзьями Нолы, с детьми, и мне нетрудно было уйти от ответа. Тут было иначе. Так что мне пришлось признаться, что мать Нолы существует только у нее в голове. Я умолял его никому не говорить, но он начал лезть, куда не просят, учить меня, что делать с моей собственной дочерью. Он хотел, чтобы я обратился к врачам! Я его послал куда подальше... А потом, две недели спустя, она пропала.

— И вы тридцать лет избегали Гарри, — произнес я, — потому что только вы двое знали тайну Нолы.

— Поймите, это был мой единственный ребенок! Мне хотелось, чтобы все помнили о ней только хорошее, а не считали ее сумасшедшей. Да она сумасшедшей и не была! Просто не совсем здоровая! И потом, если бы полиция узнала правду о ее припадках, они бы не стали ее так искать. Сказали бы, что она полоумная, вот и сбежала!

Гэхаловуд повернулся ко мне:

— И что все это значит, писатель?

— Что Гарри нам солгал: он не ждал ее в мотеле. Он хотел порвать. И с самого начала знал, что порвет с Нолой. Он не собирался бежать с ней. Тридцатого августа она получила последнее письмо от Гарри, где говорилось, что он уехал без нее.

От отца Келлергана мы с Гэхаловудом сразу поехали в Главное управление полиции штата, чтобы сравнить письмо с последней страницей рукописи, найденной вместе с Нолой: они совпадали.

— Он все предусмотрел! — воскликнул я. — Он знал, что бросит ее. С самого начала знал.

Гэхаловуд кивнул:

— Когда она предлагала ему бежать, он знал, что не уедет вместе с ней. Не хотел он вешать себе на шею пятнадцатилетнюю девочку.

— Но она же читала рукопись! — заметил я.

— Конечно, но она считала, что это просто роман. Не знала, что это в точности их история и что конец уже написан: Гарри она не нужна. Стефани Ларжиняк говорила, что они переписывались и что Нола поджидала почтальона. В субботу утром, в день побега, в день, когда, как ей казалось, она уедет искать счастья с мужчиной своей жизни, она в последний раз проверяет почтовый ящик. Хочет убедиться, что не забыла там какое-нибудь компрометирующее письмо с важными сведениями про их побег. А находит вот эту записку от него, где говорится, что между ними все кончено.

Гэхаловуд внимательно рассмотрел конверт, в котором лежало последнее письмо.

— Адрес на конверте есть, но письмо не запечатано, и марки нет, — сказал он. — Его положили прямо в ящик.

— Вы хотите сказать, Гарри положил?

— Да. Наверное, ночью, перед тем как уехать подальше. Вероятно, он сделал это в последнюю минуту, в ночь с пятницы на субботу. Чтобы она поняла, что никакой встречи в мотеле не будет. В субботу, найдя записку, она впадает в иступление, происходит декомпенсация, у нее ужасный припадок, она истязает себя. Перепуганный отец Келлерган в очередной раз прячется в гараже. Придя в себя, Нола понимает связь между письмом и романом. Она хочет объяснений. Берет рукопись и отправляется в мотель. Она надеется, что это неправда, что Гарри будет там. Но по дороге встречает Лютера. И дело кончается плохо.

— Но зачем тогда Гарри возвращался в Аврору на следующий день после того, как она пропала?

— Он узнал, что Нола исчезла. Он оставил ей письмо; ему страшно. Он, конечно, тревожится за нее, вероятно, чувствует себя виноватым, но главное, по-моему, боится, что кому-нибудь попадет в руки письмо или рукопись и у него будут неприятности. Он предпочитает находиться в Авроре и следить за развитием событий, а может, даже выкрасть какие-нибудь компрометирующие его улики.

Надо было срочно найти Гарри. Я обязательно должен был с ним поговорить. Зачем он мне сказал, что ждал Нолу, если написал ей прощальное письмо? Гэхаловуд начал поиск по операциям с кредитными картами и телефонным звонкам. Но следов его кредитки нигде не обнаружилось, телефон был выключен. В базе данных таможенных постов мы обнаружили, что он миновал пост Дерби-Лайн в Вермонте и въехал в Канаду.

— Он пересек канадскую границу, — сказал Гэхаловуд. — Почему в Канаду?

— Он считает, что это рай писателей, — ответил я. — В рукописи, которую он мне оставил, в «Чайках Авроры», он в конце селится там с Нолой.

— Да, но не забывайте, что в этой книге он не рассказывает правду. Нола умерла, и более того, он, похоже, и не собирался с ней бежать. И тем не менее оставляет вам эту рукопись, где они с Нолой встречаются в Канаде. Так где же правда?

— Ничего не понимаю! — чертыхнулся я. — Какого дьявола он сбежал?

— Такого, что он что-то скрывает. Но мы не знаем, что именно.

Тогда мы еще не знали, что нас подстерегают новые неожиданности. Вскоре двум важным событиям суждено было дать ответ на наши вопросы.

В тот же вечер я сказал Гэхаловуду, что завтра улетаю в Нью-Йорк.

— То есть как это — улетаєте в Нью-Йорк? Вы совсем спятили, писатель, нам осталось чуть-чуть! Дайте сюда удостоверение личности, я его конфискую.

Я засмеялся:

— Я вас не бросаю, сержант. Просто пора.

— Чего пора?

— Голосовать. У Америки назначено свидание с Историей.

В полдень того самого 5 ноября 2008 года, пока Нью-Йорк продолжал праздновать пришествие Обамы, я обедал в «Пьере» с Барнаски. Победа демократов привела его в хорошее расположение духа.

— Люблю черных! — заявил он. — Люблю красивых черных! Если вас пригласят в Белый дом, возьмите меня с собой! Ладно, что такого важного вы хотели мне сообщить?

Я рассказал, что выяснил относительно Нолы и ее диагноза. Он просиял:

— Значит, в ваших сценах с жестоким обращением матери это сама Нола себя истязала?

— Да.

— Потрясающе! — заорал он на весь ресторан. — Это настоящее открытие! Читатель сам сходит с ума, потому что персонаж матери существует, хотя в реальности ее нет. Вы гений, Гольдман! Гений!

— Нет, я попросту сел в лужу. Позволил Гарри меня одурачить.

— Гарри был в курсе?

— Да. А теперь куда-то сгинул.

— Как так?

— Его никто не может найти. Вроде бы он пересек канадскую границу. Оставил мне какое-то загадочное послание и неизданную рукопись про Нолу.

— Права у вас?

— Что, простите?

— У кого права на неизданную рукопись, у вас? Я покупаю!

— Да черт возьми, Рой! Об этом не может быть и речи!

— О, простите. Я просто спросил.

— Что-то тут не так. Чего-то я недопонял. Вся эта история с детским психозом, пропавший Гарри. В пазле недостает какой-то детали, но ума не приложу какой.

— Вы большой паникер, Маркус, а паника — дело бессмысленное, уж поверьте. Сходите к доктору Фрейду и попросите прописать вам успокоительное. А я, со своей стороны, свяжусь с прессой, подготовим коммюнике относительно болезни девочки, убедим всех, что все было известно с самого начала, а в книге это такой сюрприз, прием: показать, что правда не всегда там, где ее ищут, и не стоит полагаться на первые впечатления. Над теми, кто вас громил, будут смеяться, и все убедятся, что

вы — великий первопроходец. Заодно про вашу книжку снова заговорят, и мы продадим еще вагон и маленькую тележку. Потому что после такого финта даже те, кто вовсе не собирался ее покупать, не устоят и купят из любопытства — узнать, как вы изобразили мать. Гольдман, вы действительно гений, обед за мой счет.

Я поморщился:

— Я не уверен, Рой. Мне бы надо еще покопаться, нужно время.

— Да вы вечно ни в чем не уверены, старина! Нет у нас времени «копаться», как вы выразились. Вы поэт, вы думаете, что утекающее время имеет смысл, но утекающее время — это либо деньги, которые зарабатываешь, либо деньги, которые теряешь. И я пламенный сторонник первого варианта. Однако со вчерашнего дня, если вы в курсе, у нас новый президент, красивый, черный и страшно популярный. По моим расчетам, его будут подавать нам под разными соусами еще как минимум неделю. В эту неделю ни для кого, кроме него, места не останется. Значит, сейчас бесполезно связываться с прессой, нам в лучшем случае достанется пара строк среди новостей о задавленных собачках. То есть с прессой я свяжусь через неделю, эта неделя у вас есть. Естественно, если вдруг шайка южан в остроконечных колпаках не ухлопает нашего нового президента; тогда мы не попадем на первую полосу еще целый месяц. Да, примерно месяц. А это катастрофа: сами подумайте, через месяц начнутся предрождественские хлопоты, и до наших историй никому не будет дела. В общем, через неделю запускаем историю про детский психоз. Приложения в газетах и все такое. Будь у меня побольше времени, срочно издал бы брошюрку для родителей. Что-нибудь вроде: «Распознать детский психоз, или Как не допустить, чтобы ваш ребенок стал Нолой Келлерган и сжег вас заживо во сне». Какой был бы бум! Но, короче, времени у нас нет.

У меня оставалась всего неделя, прежде чем Барнаски вывалит все. Неделя, чтобы разобраться, чего же я не понял. Прошло четыре дня; четыре совершенно пустых дня. Я без конца звонил Гэхаловуду, но он с места так и не сдвинулся. Расследование буксовало, он ничего не мог сделать. А потом, в ночь на пятый день, произошло событие, полностью изменившее ход расследования. Дело было 10 ноября, в первом часу ночи. На шоссе Монберри — Аврора патрульный дорожной полиции Дин Форсайт начал преследование машины, проехавшей на красный свет и превысившей скорость. Дело бы ограничилось протоколом, если бы полицейский не обратил внимание на поведение водителя: тот был крайне возбужден и обильно потел.

— Откуда едете? — спросил Форсайт.

— Из Монберри.

— Что вы там делали?

— Я... был у друзей.

— Их имена?

Неуверенные ответы и страх, мелькавший в глазах водителя, еще больше разожгли любопытство полицейского Форсайта. Он посветил фонариком нарушителю в лицо и заметил у того на щеке царапину.

— Что у вас с лицом?

— А, это ветка, она была низко, я не заметил.

Полицейского ответ не убедил.

— Почему вы превысили скорость?

— Я... Извините, сожалею. Я спешил. Вы правы, не надо было...

— Вы пьяны?

— Нет.

Проверка на алкоголь показала, что мужчина действительно трезв. Машина была в порядке; посветив фонариком внутрь, полицейский не заметил никаких упаковок из-под лекарств, которые обычно разбросаны на заднем сиденье у токсикоманов. И все же что-то было не так: он интуитивно чувствовал, что человек одновременно и слишком возбужден, и чересчур спокоен, и решил разобраться с ним подробнее. Вдруг он заметил то, на что раньше не обратил внимания: руки у водителя были испачканы, ботинки в грязи, а брюки промокли.

— Выйдите из машины, — приказал Форсайт.

— Зачем? А? А? — забормотал водитель.

— Выполняйте распоряжение и выходите из машины.

Водитель мешкал, и раздраженный Форсайт решил выволочь его силой и задержать за неповиновение полиции. Он отвез его в окружное полицейское управление, сам сделал положенные фотографии и провел электронную дактилоскопию. Информация, которую вывел на экран компьютер, на миг привела его в замешательство. Потом, хотя было уже полвторого ночи, он схватился за телефон, решив, что обнаружил нечто такое, ради чего можно поднять с постели сержанта Перри Гэхаловуда из уголовной полиции штата.

Спустя три часа, примерно в половине пятого утра, меня, в свою очередь, разбудил телефонный звонок.

— Писатель? Гэхаловуд у телефона. Вы где?

— Сержант? — отозвался я, с трудом ворочая языком. — Я у себя в кровати, в Нью-Йорке, где мне еще быть?

- Птичка поймана, — произнес он.
- Простите?
- Тот, кто поджег дом Гарри... Мы его сегодня ночью задержали.
- Что?
- Вы сидите?
- Даже лежу.
- Тем лучше. Потому что я вас сейчас огорошу.

2. Конец игры

— Иногда вы будете приходить в отчаяние, Маркус. Это нормально. Я вам говорил, что писать — это как боксировать, но это еще и как бегать. Потому-то я вас все время и гоню на улицу: если у вас хватает душевных сил выдерживать долгие пробежки под дождем и в холод, если у вас хватает сил идти до конца, выкладываться по полной, во всю мочь, всем сердцем, и достигать цели, тогда вы сможете писать. Никогда не позволяйте усталости и страху одолеть вас. Наоборот, пользуйтесь ими, чтобы двигаться вперед.

В то же утро, совершенно оглушенный тем, что сообщил мне Гэхаловуд, я вылетел в Манчестер. Приземлился в час дня и уже в половине второго был в Главном управлении полиции штата. Гэхаловуд вышел на проходную меня встретить.

— Роберт Куинн! — воскликнул я, увидев его, словно все еще не мог поверить. — Так это Роберт Куинн поджег дом? И он же оставлял мне записки?

— Да, писатель. Отпечатки пальцев на канистре с бензином были его.

— Но зачем?

— Если б я знал. Он рта не раскрыл. Отказывается говорить.

Гэхаловуд отвел меня к себе в кабинет и угостил кофе. По его словам, уголовная полиция с самого раннего утра обыскала дом Куиннов.

— И что нашли? — спросил я.

— Ничего, — отозвался Гэхаловуд. — Вообще ничего.

— А его жена что говорит?

— Вот с ней странно: мы прибыли в половине восьмого, но ее невозможно было добудиться. Спала как сурок, даже не заметила, что мужа нет.

— Он ее усыпляет.

— Как так — усыпляет?

— Роберт Куинн дает жене снотворное, когда хочет, чтобы его оставили в покое. Скорее всего, так было и этой ночью. Чтобы она ничего не заподозрила. Но что она могла заподозрить? Куда он отправился среди ночи? И почему был весь в грязи? Что-то закапывал?

— Вот это-то и загадка... Без его признания мне особо нечего ему

припаять.

— Но есть же канистра из-под бензина.

— Его адвокат уже заявляет, что Роберт подобрал ее на пляже и что он там часто гуляет. Увидел, что на земле валяется канистра, подобрал и забросил в кусты, чтобы не мозолила глаза другим гуляющим. Нам нужно побольше доказательств, иначе адвокат нас обыграет на раз.

— А кто у него адвокат?

— Вы не поверите.

— Скажите уж.

— Бенджамин Рот.

Я вздохнул:

— Так что, вы думаете, это Роберт Куинн убил Нолу Келлерган?

— Не исключено, скажем так.

— Дайте мне с ним поговорить.

— И речи быть не может.

В этот момент в кабинет без стука вошел какой-то человек, и Гэхаловуд тут же вытянулся по стойке «смирно». Это был Лансдейн, шеф полиции штата. Вид у него был недовольный.

— Я все утро убил на разговоры с губернатором, журналистами и этим чертовым адвокатом, Ротом.

— С журналистами? По поводу чего?

— По поводу того типа, что вы сегодня ночью задержали.

— Да, шеф. Думаю, у нас появился важный след.

Шеф дружески положил руку на плечо Гэхаловуду:

— Перри... Пора заканчивать.

— То есть как?

— Это какая-то бесконечная история. Seriously, Перри: вы меняете обвиняемых как перчатки. Рот обещает поднять скандал. Губернатор хочет, чтобы все это прекратилось. Пора закрывать дело.

— Но, шеф, у нас новые данные! Смерть матери Нолы, задержан Роберт Куинн. Мы вот-вот что-то найдем!

— Сперва Квеберт, потом Калев, теперь отец, или этот Куинн, или Стерн, или сам Господь Бог! Что у нас есть против отца? Ничего. Против Стерна? Ничего. Против Роберта Куинна? Опять ничего.

— Есть же эта чертова канистра...

— Рот говорит, что легко убедит судью в невиновности Куинна. Вы хотите предъявить ему обвинение?

— Разумеется.

— Вы проиграете, Перри. В очередной раз проиграете. Вы отличный

коп, Перри. Наверно, лучший. Но иногда надо уметь отступить.

— Но, шеф...

— Не ломайте себе карьеру, Перри... Я не стану забирать у вас дело прямо сейчас, не хочу оскорблять вас. Даю вам двадцать четыре часа, по дружбе. Завтра в пять вечера вы явитесь ко мне в кабинет и официально заявите, что закрываете дело Келлерган. У вас есть сутки. Вы скажете коллегам, что предпочитаете отступить, дабы сохранить лицо. А потом берите семью и поезжайте куда-нибудь на уикенд, отдохните, вы это заслужили.

— Шеф, я...

— Надо уметь отступать, Перри. До завтра.

Лансдейн вышел из кабинета, и Гэхаловуд рухнул в кресло. И тут, в довершение всего, мне на мобильный позвонил Рой Барнаски.

— Привет, Гольдман, — жизнерадостно заявил он. — Неделя истекает завтра, как вам известно.

— Какая неделя, Рой?

— Неделя. Я вам дал неделю, прежде чем мы представим прессе последние события вокруг Нолы Келлерган. Вы не забыли? Кажется, вы ничего нового не выяснили.

— Послушайте, Рой, мы напали на след. Может быть, лучше отложить вашу пресс-конференцию.

— О-ля-ля... Следы, следы, вечно у вас следы, Гольдман... Просто цирк какой-то! Ладно, хватит, пора кончать. Я созвал прессу на завтра, на пять вечера. Очень рассчитываю на ваше присутствие.

— Не могу. Я в Нью-Гэмпшире.

— Что? Гольдман, вы гвоздь программы! Вы мне нужны!

— Простите, Рой.

Я нажал на отбой.

— Это кто? — спросил Гэхаловуд.

— Барнаски, мой издатель. Хочет завтра в конце дня собрать прессу для большого слива: расскажет про болезнь Нолы и про то, как гениальна моя книга, потому что в ней отразилось раздвоение личности у пятнадцатилетней девочки.

— Ясно. В общем, завтра под конец дня мы, похоже, официально все просрем.

У Гэхаловуда оставались последние сутки, и он не собирался сидеть сложа руки. Он предложил съездить в Аврору и допросить Тамару и Дженни, выяснить побольше о Роберте.

По дороге он позвонил Тревису и предупредил о нашем приезде. Мы

нашли его перед домом Куиннов. Он был в полном смятении.

— Так на канистре в самом деле отпечатки Роберта? — спросил он.

— Да, — ответил Гэхаловуд.

— Черт, поверить не могу! Но зачем он это сделал?

— Не знаю...

— Думаете... Думаете, он замешан в убийстве Нолы?

— Сейчас уже ничего нельзя исключать. Как там Дженни и Тамара?

— Плохо. Очень плохо! Они в шоке. И я тоже. Это кошмар! Просто кошмар!

Он с убитым видом уселся на капот своей машины.

— В чем дело? — спросил Гэхаловуд, почувствовав неладное.

— Сержант, я с утра все время об этом думаю... Мне столько всего вспомнилось из-за этой истории...

— И что вам вспомнилось?

— Роберт Куинн очень интересовался расследованием. Я в то время часто виделся с Дженни, по воскресеньям ходил к Куиннам обедать. Он все время говорил со мной о расследовании.

— Я думал, это его жена только о нем и говорила?

— За столом да. Но стоило мне прийти, как отец угощал меня пивом на террасе и без конца расспрашивал. Кого мы подозреваем? Напали ли на след? А после обеда шел меня провожать до машины, и мы опять разговаривали. Я просто не знал, как от него отделаться.

— Вы хотите сказать, что...

— Я ничего не хочу сказать. Но...

— Но что?

Он порылся в кармане пиджака и вытащил фотографию:

— Вот что я нашел сегодня утром в семейном альбоме, Дженни хранит его у нас дома.

На фото Роберт Куинн стоял рядом с черным «шевроле-монте-карло» перед входом в «Кларкс». На обороте была надпись: «Аврора, август 1975 г.»

— Что это значит? — спросил Гэхаловуд.

— Я задал Дженни тот же вопрос. Она сказала, что тем летом ее отец хотел купить новую машину, но никак не мог выбрать модель. Он обратился к местным дилерам с просьбой о тест-драйве и несколько выходных подряд имел возможность тестировать разные модели.

— В том числе и черный «монте-карло»?

— В том числе и черный «монте-карло», — подтвердил Тревис.

— Вы хотите сказать, что в день исчезновения Нолы за рулем этой

машины мог быть Роберт Куинн?

— Да.

Гэхаловуд пригладил волосы и попросил разрешения забрать фото.

— Тревис, — сказал я, — нам надо поговорить с Тамарой и Дженни. Они дома?

— Да, конечно. Заходите, они в гостиной.

Тамара и Дженни без сил распростерлись на кушетке. Мы больше часа пытались их разговорить, но они были в таком состоянии, что никак не могли собраться с мыслями. Наконец Тамара, рыдая, сумела рассказать, что произошло вчера вечером. Они с Робертом рано поужинали, потом смотрели телевизор.

— Вы не заметили ничего странного в поведении мужа? — спросил Гэхаловуд.

— Нет... Хотя да, он хотел, чтобы я непременно выпила чашку чаю. Я отказывалась, а он все твердил: «Пей, Котенок, пей. Это мочегонный настой, тебе полезно». Ну я в итоге и выпила его чертов настой. И заснула прямо здесь, на кушетке.

— В котором часу?

— Кажется, было около одиннадцати.

— А потом?

— А потом провал, черная дыра. Я спала как убитая. Когда я проснулась, было полвосьмого утра. Я так и лежала на кушетке, а в дверь стучали полицейские.

— Миссис Куинн, верно ли, что ваш муж собирался покупать «шевроле-монте-карло»?

— Я... Я уже не помню... Да... Может быть... но... вы думаете, он обидел девочку? Думаете, это он?

Она бросилась в туалет, ее рвало.

Все эти разговоры ни к чему не вели. Мы уехали, так и не узнав ничего нового. Время работало против нас. В машине я предложил Гэхаловуду предъявить Роберту неопровержимую улику — фото черного «монте-карло».

— Бесполезно, — ответил он. — Рот знает, что Лансдейн сдался, и, скорее всего, посоветовал Куинну тянуть время. Куинн не заговорит. И мы останемся с носом. Завтра в пять часов дело будет закрыто, а ваш приятель Барнаски исполнит свой номер перед телекамерами всей страны. Роберта Куинна освободят, а над нами станет потешаться вся Америка.

— Разве что...

— Разве что случится чудо, писатель. Разве что мы поймем, чем

занимался вчера вечером Куинн и куда это он так спешил. Его жена говорит, что уснула в одиннадцать. Задержали его около полуночи. Значит, прошел час. Мы, по крайней мере, знаем, что он был где-то в окрестностях города. Но где?

Гэхаловуд считал, что нам остается одно: отправиться туда, где задержали Роберта Куинна, и попытаться выяснить, откуда и куда он ехал. Он даже позволил себе роскошь вытащить на место полицейского Форсайта, у которого был выходной. Мы встретились с ним через час, на выезде из Авроры, и он проводил нас до нужного места по дороге в Монберри.

— Вот здесь, — сказал он.

Дорога шла среди зарослей, совершенно прямо. Нам это ничего не давало.

— Расскажите подробно, что произошло? — попросил Гэхаловуд.

— Я ехал со стороны Монберри. Самое обычное патрулирование. И вдруг прямо у меня перед носом выскочила эта машина.

— Как это — выскочила?

— На перекрестке, метрах в пятистах — шестистах отсюда.

— На каком перекрестке?

— Не могу сказать, что там за дорога, но перекресток есть, это точно, и там светофор. Я знаю, что там светофор, потому что он единственный на этом участке шоссе.

— Вон тот, да? — спросил Гэхаловуд, глядя вдаль.

— Вон тот, — подтвердил Форсайт.

И вдруг меня словно ударило током.

— Это дорога к озеру! — воскликнул я.

— К какому озеру? — выдохнул Гэхаловуд.

— Там шоссе пересекается с дорогой, которая ведет на озеро Монберри.

Мы дошли до перекрестка, двинулись по дороге к озеру и метров через сто попали на парковку. Берега, размытые недавними осенними ливнями, выглядели жалко. Кругом была сплошная грязь.

Вторник, 11 ноября 2008 года, 8 часов утра

Колонна полицейских автомобилей встала на парковке у озера. Мы с Гэхаловудом немного посидели в его машине. Увидев фургон полицейских-водолазов, я спросил:

— Вы уверены, что поступаете правильно, сержант?

— Нет. Но у нас нет выбора.

Это была наша последняя карта; конец игры. Роберт Куинн, несомненно, побывал здесь. Увязая в грязи, добрался до кромки воды и что-то выбросил в озеро. Во всяком случае, так мы предполагали.

Мы вышли из машины и подошли к водолазам, которые готовились к погружению. Командир дал им несколько указаний, потом переговорил с Гэхаловудом.

— Что мы ищем, сержант? — спросил он.

— Все. Все, что угодно. Документы, оружие. Понятия не имею. Что-то, что связано с делом Нолы Келлерган.

— А вам известно, что это озеро — помойная яма? Хотелось бы поточнее...

— Думаю, ваши парни сообразят. Но я пока не знаю, что это такое.

— А на какой глубине, по-вашему?

— У самого берега. Скажем так, на расстоянии броска с кромки воды. По-моему, скорее на той стороне озера. Подозреваемый был весь в грязи и с царапиной на лице, по-видимому, напоролся на низкую ветку. Он точно хотел спрятать вещь там, где ни у кого не будет охоты искать. Поэтому, думаю, он пошел на противоположный берег, там сплошной подлесок и заросли ежевики.

Поиски начались. Мы встали у воды, недалеко от парковки, и наблюдали, как водолазы исчезают под водой. Было очень холодно. Прошел час; ничего не происходило. Мы держались поблизости от командира водолазов, прислушиваясь к редким сообщениям по радиосвязи.

В половине десятого Гэхаловуду позвонил Лансдейн и устроил ему разнос. Он так кричал, что даже мне было слышно:

— Скажите, что это неправда, Перри!

— Что неправда, шеф?

— Вы вызвали водолазов?

— Да, шеф.

— Вы с ума сошли! Вы сами себе вырыли яму! Я могу вас отстранить от должности за такие вещи. Я назначил на пять часов пресс-конференцию. Вы там будете. И сами объявите о прекращении дела. Сами будете разбираться с журналистами. Я больше не желаю прикрывать вашу задницу, Перри! С меня довольно!

— Хорошо, мистер Лансдейн.

Он повесил трубку. Мы замолчали.

Прошел еще час; поиски по-прежнему ничего не принесли. Мы с Гэхаловудом, невзирая на холод, не покидали свой наблюдательный пункт. Наконец я сказал:

— Сержант, а если...

— Заткнитесь, писатель. Пожалуйста. Помолчите. Не желаю слушать ни ваших вопросов, ни ваших сомнений.

Мы подождали еще. Вдруг рация командира водолазов застрекотала как-то по-новому. Что-то случилось. Водолазы выходили на поверхность; на той стороне царило большое оживление, все устремились к берегу.

— Что там происходит? — спросил Гэхаловуд.

— Они нашли! Нашли!

— Что нашли-то?

Метрах в десяти от берега водолазы обнаружили в тине кольт 38-го калибра и золотую цепочку с надписью «Нола».

В полдень того же дня я, сидя за зеркальным стеклом в Главном управлении полиции штата, слушал признательные показания Роберта Куинна, которому Гэхаловуд предъявил револьвер и цепочку, найденные в озере.

— Вы этим занимались прошлой ночью? — почти ласково спросил он. — Избавлялись от улики?

— Как... как вы нашли?

— Игра окончена, мистер Куинн. Для вас игра окончена. Черный «монте-карло» — это были вы, а? Авто от дилера, нигде не числится. И никто бы до вас не добрался, не приди вам в голову дурацкая мысль с ним фотографироваться.

— Я... Я...

— Зачем, а? Зачем вы убили девочку? И эту бедную женщину?

— Не знаю. Как будто это был не я. По сути, все случайно получилось.

— Как все произошло?

— Нола шла по обочине шоссе, я предложил ее подвезти. Она согласилась, села в машину... А потом... В общем, мне было одиноко. Я хотел погладить ее по голове... Она убежала в лес. Мне надо было ее догнать, попросить, чтобы она никому не говорила. А потом она вбежала к Деборе Купер. И мне пришлось... Иначе бы она ей все рассказала. Это... Это было помутнение!

Он потерял сознание.

После допроса Гэхаловуд позвонил Тревису и сообщил, что Роберт Куинн подписал чистосердечное признание.

— В пять часов будет пресс-конференция, — сказал он. — Мне не хотелось, чтобы вы обо всем узнали по телевизору.

— Спасибо, сержант. Я... Что мне сказать жене?

— Не имею понятия. Но предупредите ее быстрее. Новость произведет эффект разорвавшейся бомбы.

— Сейчас скажу.

— Шеф Доун, вы не могли бы приехать в Конкорд кое-что прояснить по поводу Роберта Куинна? Не хочу мучить вашу жену или свекровь.

— Конечно. Я сейчас на службе, должен выехать на ДТП. И мне надо поговорить с Дженни. Лучше я приеду к вечеру или завтра.

— Спокойно приезжайте завтра. Сейчас уже торопиться некуда. Гэхаловуд нажал на отбой. Вид у него был безмятежный.

— И что теперь? — спросил я.

— А теперь предлагаю перекусить. По-моему, мы с вами заслужили.

Мы пообедали в кафетерии Главного управления. Гэхаловуд сидел с задумчивым видом, не притрагиваясь к еде. Дело он положил рядом на стол и последние четверть часа разглядывал фото Роберта с черным «монте-карло».

— Что-то не так, сержант?

— Все так. Просто мне непонятно, зачем Куинн взял с собой револьвер... Говорит, что встретил девочку случайно, просто ехал мимо на машине. Но либо он все заранее продумал, и машину, и ствол, либо действительно наткнулся на нее случайно, и тогда мне неясно, почему у него с собой было оружие и откуда он его взял.

— Думаете, он все обдумал заранее, но не во всем признался?

— Возможно.

Он по-прежнему держал в руках фотографию. Поднес ее поближе к глазам, чтобы рассмотреть во всех подробностях. И вдруг что-то заметил. Его взгляд сразу изменился.

— Что случилось, сержант? — спросил я.

— Газета...

Я встал и, обойдя стол, тоже взглянул на фото. Он ткнул пальцем в стойку с газетами на заднем плане, рядом со входом в «Кларкс». Присмотревшись, там можно было прочесть заголовок на первой полосе:

Никсон уходит в отставку.

— Ричард Никсон ушел в отставку в августе 1974 года! — закричал Гэхаловуд. — Фото не могло быть сделано в августе семьдесят пятого!

— Но кто тогда приписал фальшивую дату на обороте?

— Не знаю. Но это значит, что Роберт Куинн врет. Он никого не убивал!

Гэхаловуд пулей вылетел из кафетерия и через две ступеньки помчался вверх по главной лестнице. Я бежал за ним по коридорам до самого тюремного отсека. Он потребовал немедленно провести его к Роберту Куинну.

— Кого вы покрываете? — заорал он, увидев Роберта за решеткой камеры. — Вы не тестировали никакого черного «монте-карло» в августе семьдесят пятого! Вы кого-то покрываете, и я хочу знать кого! Жену? Дочь?

Роберт, подавленный, сидел на стеганой банкетке. Он прошептал, не поднимая головы:

— Дженни. Дженни я покрываю.

— Дженни? — изумленно переспросил Гэхаловуд. — Так это ваша дочь...

Он вытащил телефон и набрал номер.

— Кому вы звоните? — спросил я.

— Тревису Доуну Чтобы он не предупреждал жену. Если она узнает, что отец во всем признался, то испугается и удержит.

Мобильный Тревиса не отвечал. Тогда Гэхаловуд позвонил в полицейский участок Авроры, чтобы связаться с ним по радио.

— Сержант Гэхаловуд, полиция штата Нью-Гэмпшир, — сказал он дежурному. — Мне нужно срочно поговорить с шефом Доуном.

— С шефом Доуном? Позвоните ему на мобильный. У него сегодня выходной.

— То есть как? Я ему недавно звонил, он сказал, что занят на ДТП.

— Не может быть, сержант. Говорю вам, у него сегодня выходной.

Гэхаловуд, побледнев, повесил трубку и немедленно объявил общую тревогу.

* * *

Через несколько часов Тревиса и Дженни Доун задержали в аэропорту Бостон-Логан, при посадке в самолет на Каракас.

Поздней ночью мы с Гэхаловудом вышли из Главного управления полиции. Толпившиеся у выхода из здания журналисты тут же набросились на нас; мы молча пробрались через толпу и сели в машину Гэхаловуда. Он молча тронул с места. Я спросил:

— Куда мы едем, сержант?

— Не знаю.

— А что делают копы в таких случаях?

— Идут выпить. А писатели?

— Идут выпить.

Он отвез нас в свой бар на окраине Конкорда. Мы уселись за стойку и заказали по двойному виски. На экране телевизора за нашими спинами бегущей строкой шли новости:

Сотрудник полиции Авроры признался в убийстве Нолы Келлерган.

1. Правда о деле Гарри Квеберта

— Последняя глава, Маркус, всегда должна быть лучшей во всей книге.

Нью-Йорк, четверг, 18 декабря 2008 года

Спустя месяц после того, как открылась правда

В тот день я видел его последний раз.

Было девять часов вечера. Когда он позвонил в дверь, я сидел дома и слушал свои мини-диски. Я открыл; мы долго молча смотрели друг на друга. Наконец он произнес:

— Добрый вечер, Маркус.

Я ответил, замявшись:

— Я уж думал, вы умерли.

Он кивнул:

— Теперь я всего лишь призрак.

— Хотите кофе?

— Хочу, с удовольствием. Вы один?

— Да.

— Пора вам перестать быть одному.

— Входите, Гарри.

Я пошел на кухню ставить кофе. Он ждал в гостиной, явно нервничал, перебирал фотографии, стоявшие у меня на книжных полках. Когда я вернулся с кофейником и чашками, он разглядывал одну из них: наше с ним фото, в день, когда я получал диплом в Берроузе.

— Первый раз прихожу к вам домой, — произнес он.

— Гостевая комната для вас готова. Уже несколько недель как.

— Вы знали, что я приду, да?

— Да.

— Вы хорошо меня знаете, Маркус.

— Друзья знают такие вещи.

Он грустно улыбнулся:

— Спасибо за гостеприимство, Маркус, но я не останусь.

— Тогда зачем вы пришли?

— Попрощаться.

Я постарался скрыть растерянность и разлил кофе по чашкам.

— Если вы меня покинете, у меня больше не останется друзей, —

сказал я.

— Не говорите так. Я вас любил даже не как друга, а как сына.

— Я вас любил как отца, Гарри.

— Несмотря на правду?

— Правда никак не влияет на то, что испытываешь к другому человеку.

Это и есть великая драма чувств.

— Вы правы, Маркус. Значит, вы все знаете, да?

— Да.

— Как вы узнали?

— Понял наконец.

— Только вы могли меня разоблачить.

— Значит, об этом вы говорили тогда на парковке, в мотеле? Поэтому сказали, что между нами никогда ничего не будет по-прежнему? Вы понимали, что я все выясню.

— Да.

— Как вы дошли до такого, Гарри?

— Сам не знаю...

— У меня есть видеозаписи допросов Тревиса и Дженни Доун. Хотите посмотреть?

— Да. Давайте.

Он сел на кушетку. Я вставил *DVD* в плеер и включил его. На экране телевизора появилась Дженни. Ее снимали крупным планом в зале Главного управления полиции штата Нью-Гэмпшир. Она плакала.

Из показаний Дженни Э. Доун

Сержант П. Гэхаловуд. Миссис Доун, как давно вы обо всем знали?

Дженни Доун (рыдая). Я... Я ни о чем не догадывалась. Никогда! Вплоть до того дня, когда обнаружили тело Нолы в Гусиной бухте. Тогда весь город был взбудоражен. В «Кларксе» яблоку негде было упасть: посетители, журналисты приходили, задавали вопросы. Просто ад. В конце концов мне стало плохо, и я вернулась домой раньше обычного, хотела отдохнуть. Перед домом стояла машина, я ее раньше не видела. Я вошла и услышала голоса. Узнала голос шефа Пратта. Он спорил с Тревисом. Они меня не слышали.

12 июня 2008 года

— Спокойно, Тревис! — рявкнул Пратт. — Вот увидишь, никто ничего не поймет.

— Ну почему ты так уверен?

— Все ляжет на Квеберта! Тело нашли рядом с его домом! Все улики против него!

— Черт, а если его оправдают?

— Не оправдают. И больше ни слова об этой истории, ясно?

Дженни услышала звук шагов и спряталась в гостиной. Она видела, как Пратт вышел из дома. Как только раздался звук отъезжающей машины, она бросилась на кухню: муж сидел сам не свой.

— Что происходит, Тревис? Я слышала ваш разговор! Что ты от меня скрываешь? Что ты мне не сказал про Нолу Келлерган?

Дженни Доун. И тогда Тревис мне все рассказал. Показал цепочку; он сохранил ее на память, чтобы всегда помнить, что он наделал. Я забрала цепочку, сказала, что все устрою. Я хотела защитить мужа, защитить свою семью. Я всегда была одинока, сержант. Детей у меня нет. Все, что у меня есть, это Тревис. Я боялась его потерять... Я очень надеялась, что дело быстро закроют и во всем обвинят Гарри... Но тут появился Маркус Гольдман и стал ворошить прошлое. Он был уверен, что Гарри невиновен. Он был прав, но я не могла сидеть сложа руки и ждать, пока он выяснит правду. Тогда я решила писать ему записки... Подожгла эту проклятую тачку, «корвет». Но он плевал на мои предупреждения! Тогда я решила поджечь его дом.

Из показаний Роберта Куинна

Сержант П. Гэхаловуд. Зачем вы это сделали?

Роберт Куинн. Ради дочери. Когда нашли тело Нолы и весь город бурлил, она, по-моему, очень волновалась. Я видел, что она очень озабочена, ведет себя как-то странно. Без всякой причины уходит из «Кларкса». В тот день, когда в газетах напечатали заметки Гольдмана, она пришла в страшную ярость. Она меня просто пугала. Я выходил из служебного туалета и увидел, как она потихоньку вышла через заднюю дверь. Я решил за ней проследить.

Четверг, 10 июля 2008 года

Она остановилась на просеке и быстро вышла из машины; в руках у нее была канистра с бензином и баллончик краски. Она предусмотрительно надела садовые перчатки, чтобы не оставлять отпечатки пальцев. Он с трудом поспевал за ней и сильно отстал. Когда он вышел на опушку, она уже написала свою угрозу на «рейнджровере» и теперь поливала бензином крыльцо.

— Дженни! Остановись! — закричал отец.

Она поскорей чиркнула спичкой и бросила ее на землю. Входная дверь занялась сразу. Пламя оказалось настолько сильным, что ей пришлось отступить на несколько метров, закрывая руками лицо. Отец схватил ее за плечи:

— Дженни! Ты сошла с ума!

— Тебе не понять, папа! Что ты здесь делаешь! Уходи! Уходи!

Он вырвал у нее из рук канистру.

— Беги! — приказал он. — Беги, пока тебя не поймали!

Она скрылась в лесу и села в машину. Ему надо было избавиться от канистры, но мысли от страха путались. В конце концов он кинулся к пляжу и спрятал ее в зарослях.

Из показаний Дженни Э. Доун

Сержант П. Гэхаловуд. Что было потом?

Дженни Доун. Я умоляла отца не лезть в это дело. Я не хотела, чтобы он оказался в нем замешан.

Сержант П. Гэхаловуд. Но он уже был замешан. И что вы делали дальше?

Дженни Доун. После того как шеф Пратт признался, что заставил Нолу делать ему минет, весь удар пришелся на него. И если сперва он был уверен, что все обойдется, то тут почти сломался. Он собирался все рассказать. От него надо было избавиться. И забрать у него револьвер.

Сержант П. Гэхаловуд. Он сохранил оружие...

Дженни Доун. Да. Это был его служебный револьвер. Он всю жизнь был при нем...

Из показаний Тревиса С. Доуна

Тревис Доун. Того, что я сделал, я себе никогда не прощу, сержант. Я уже тридцать три года все время об этом думаю. Меня это преследует тридцать три года.

Сержант П. Гэхаловуд. Одного не понимаю, как это вы, полицейский, сохранили цепочку, такую важную улику.

Тревис Доун. Я не мог от нее избавиться. Эта цепочка была моим наказанием. Памятью о прошлом. Не проходило дня, чтобы я, запершись где-нибудь, не рассматривал эту цепочку. И потом, я ничем не рисковал: кто ее найдет?

Сержант П. Гэхаловуд. Ну а что Пратт?

Тревис Доун. Он бы вот-вот заговорил. После того, как вы выяснили про них с Нолой, он был в ужасе. Однажды он мне позвонил, хотел меня видеть. Мы встретились на пляже. Он сказал, что хочет во всем признаться и заключить сделку со следствием; что я должен сделать то же самое, потому что правда все равно рано или поздно откроется. В тот же вечер я приехал к нему в мотель. Попытался вразумить. Но он отказался. Показал мне свой старый кольт 38-го калибра, он его хранил в ящике прикроватной тумбочки, и заявил, что прямо завтра отнесет его вам. Он собирался заговорить, сержант. Тогда я подождал, чтобы он повернулся ко мне спиной, и убил его дубинкой. Взял кольт и удрал.

Сержант П. Гэхаловуд. Дубинкой? Как Нолу?

Тревис Доун. Ну да.

Сержант П. Гэхаловуд. То же оружие убийства?

Тревис Доун. Да.

Сержант П. Гэхаловуд. Где она?

Тревис Доун. Это служебная дубинка. Мы еще тогда с шефом Праттом решили: он сказал, что лучший способ спрятать оружие преступления — это оставить его у всех на виду. Кольт и дубинка были у нас на поясе, когда мы искали Нолу.

Сержант П. Гэхаловуд. Тогда почему вы в конце концов избавились от кольта? И каким образом кольт и цепочка оказались у Роберта Куинна?

Тревис Доун. Дженни на меня давила. И я уступил. После убийства Пратта она перестала спать. Она была на пределе. Сказала, что нельзя больше держать их в доме, что если полиция, расследуя убийство Пратта, доберется до нас, то нам крышка. В итоге она меня убедила. Я хотел выбросить их в открытое море,

туда, где их никто не найдет. Но Дженни перепугалась и опередила меня, ничего мне не сказав. Попросила отца это сделать.

Сержант П. Гэхаловуд. Почему отца?

Тревис Доун. Думаю, она мне не совсем доверяла. Я за тридцать три года не смог избавиться от цепочки, и она боялась, что я опять не сумею. Она всегда верила отцу и во всем полагалась на него, считала, что только он может ей помочь. И потом, он настолько вне подозрений... Милый Роберт Куинн.

9 ноября 2008 года

Дженни пулей влетела к родителям. Она знала, что матери нет дома. Отца она нашла в гостиной.

— Папа! — закричала она. — Папа, мне нужна твоя помощь!

— Дженни, что случилось?

— Не задавай вопросов. Мне нужно, чтобы ты выбросил вот это.

Она протянула ему пластиковый пакет.

— Что это?

— Не спрашивай. Не открывай. Это очень важно. Только ты можешь мне помочь. Мне надо, чтобы ты это зашвырнул куда-нибудь, где никто не станет искать.

— У тебя неприятности?

— Да. Похоже на то.

— Хорошо, дорогая. Успокойся. Я сделаю все, чтобы тебя защитить.

— Главное, не открывай пакет, папа. Просто избавься от него навсегда.

Но едва дочь ушла, Роберт открыл пакет. Увидев его содержимое, он, испугавшись, что его дочь убийца, решил в ту же ночь выбросить все в озеро возле Монберри.

Из показаний Тревиса С. Доуна

Тревис Доун. Узнав, что папашу Куинна задержали, я понял, что нам крышка. Что надо действовать. Я решил свалить вину на него. Хотя бы на время. Я знал, что он станет покрывать дочь и день-два продержится. За это время мы с Дженни уже были бы в какой-нибудь стране, которая не экстрадирует преступников. Я стал искать улики против Роберта. Порылся в семейных альбомах, которые хранились у Дженни, в надежде найти фото

Роберта и Нолы и написать на обороте что-нибудь компрометирующее. И тут мне попался этот его снимок с черным «монте-карло». Невероятное совпадение! Я ручкой написал дату, август 1975 года, и принес его вам.

Сержант П. Гэхаловуд. Шеф Доун, пора рассказать, что на самом деле произошло 30 августа 1975 года...

* * *

— Маркус, выключите! — закричал Гарри. — Выключите, умоляю! Я не могу больше это слушать.

Я немедленно выключил телевизор. Гарри плакал. Он поднялся с кушетки и стал смотреть в окно. За стеклом большими хлопьями шел снег. Залитый светом город был великолепен.

— Простите, Гарри.

— Какое потрясающее место Нью-Йорк, — пробормотал он. — Я часто думаю, как бы сложилась жизнь, если бы я остался здесь и не поехал летом 1975 года в Аврору.

— Вы бы так и не узнали, что такое любовь, — сказал я.

Он смотрел в ночь.

— Как вы поняли, Маркус?

— Что понял? Что не вы написали «Истоки зла»? Вскоре после ареста Тревиса Доуна. Вся пресса стала писать про это дело, и через несколько дней мне позвонил Элайджа Стерн. Он непременно хотел со мной повидаться.

Пятница, 14 ноября 2008 года

Поместье Элайджи Стерна под Конкордом,

Нью-Гэмпшир

— Спасибо, что приехали, мистер Гольдман.

Элайджа Стерн принял меня в своем кабинете.

— Ваш звонок меня удивил, мистер Стерн. Я думал, вы меня недолюбливаете.

— Вы очень одаренный молодой человек. То, что пишут в газетах про Тревиса Доуна, — это правда?

— Да, мистер Стерн.

— Какая мерзость...

Я сказал, кивнув:

— С Калебом я сел в лужу по всем статьям. Очень сожалею.

— Да не сели вы в лужу. Насколько я понял, полиции в итоге удалось завершить расследование только благодаря вашему упорству. Этот полицейский, он только про вас и говорит... Как его, Перри Гэхаловуд, помоему.

— Я просил издателя изъять из продажи «Дело Гарри Квеберта».

— Рад слышать. Напишите исправленный вариант?

— Наверно. Не знаю еще, в какой форме, но справедливость будет восстановлена. Я бился за доброе имя Квеберта. Буду биться за доброе имя Калеба.

Он улыбнулся:

— Вот именно, мистер Гольдман. Как раз поэтому я и хотел с вами встретиться. Мне надо рассказать вам правду. И вы поймете, почему я нисколько не осуждаю вас за то, что вы сколько-то месяцев считали преступником Лютера: я сам тридцать три года пребывал в полнейшей уверенности, что это Лютер убил Нолу Келлерган.

— Правда?

— Я был абсолютно в этом убежден. Аб-со-лют-но.

— Почему вы не сообщили полиции?

— Не хотел убивать Лютера во второй раз.

— Не понимаю, что вы хотите сказать, мистер Стерн.

— Лютер был одержим Нолой. Он все время был в Авроре и наблюдал за ней...

— Я знаю. Знаю, что вы его застали в Гусиной бухте. Вы говорили сержанту Гэхаловуду.

— Просто я думаю, вы недооцениваете степень одержимости Лютера. Тогда, в августе семьдесят пятого, он целыми днями прятался в лесу у Гусиной бухты и следил за Гарри и Нолой — на террасе, на пляже, всюду. Всюду! Он совершенно сошел с ума, он знал про них все! Все! И все время говорил мне об этом. День за днем рассказывал, что они делали, что друг другу говорили. Рассказал мне всю их историю: что они встретились на пляже, что они работали над книгой, что они на целую неделю уезжали вместе. Он знал все! И я понемногу понял, что их история стала как бы его историей, его любовь воплощалась в жизнь через них. Любовь, которая была ему недоступна из-за отталкивающей внешности, он переживал как бы по доверенности. Доходило до того, что я его целыми днями не видел! Приходилось самому садиться за руль, чтобы ехать на всякие встречи!

— Простите, я вас перебыю, мистер Стерн... Но чего-то я тут не понимаю: почему вы не уволили Лютера? То есть я хочу сказать, это же

бессмыслица: такое впечатление, что вами командовал ваш же служащий. То требовал возможности рисовать Нолу, то вообще вас бросал и целыми днями пропадал в Авроре. Простите за вопрос, но что между вами было? Вы были...

— Любовниками? Нет.

— Тогда откуда такие странные отношения? Вы человек влиятельный, не из тех, кто позволяет сесть себе на шею. А тут вдруг...

— Потому что я был в долгу перед ним. Я... Я... Вы сейчас поймете. В общем, Лютер был одержим Гарри и Нолой, и ситуация постепенно ухудшалась. Однажды он вернулся весь в синяках. Сказал, что один коп из Авроры избил его за то, что он бродит по округе, а одна официантка из «Кларкса» даже подала на него жалобу. Вся эта история грозила обернуться катастрофой. Я сказал, что не желаю, чтобы он появлялся в Авроре, сказал, чтобы он взял отпуск и уехал на какое-то время к родителям в Мэн или куда угодно. Что я оплачу все расходы...

— Но он отказался, — закончил я.

— Не только отказался, а еще и попросил дать ему машину, потому что, видите ли, его синий «мустанг» теперь слишком бросается в глаза. Я, естественно, не согласился, сказал, что с меня довольно. И тут он закричал: «Ты не понимаешь, Эли! Они скоро уедут! Через десять дней они уедут вместе, и навсегда! Навсегда! Они так решили на пляже! Они решили уехать тридцатого! Тридцатого числа они исчезнут навсегда. Я просто хочу попрощаться с Нолой, это наши с ней последние дни. Ты не можешь лишить меня ее, ведь я уже знаю, что она для меня потеряна». Я был непреклонен. Не спускал с него глаз. А потом было это долбаное двадцать девятое августа. В тот день я искал Лютера всюду. Он как сквозь землю провалился. Хотя его «мустанг» стоял на обычном месте. В конце концов один из слуг проговорился, что Лютер уехал на одной из моих машин, на черном «монте-карло». Лютер сказал, что я ему разрешил, а поскольку все знали, что я ему все позволяю, ни у кого не возникло вопросов. Я чуть с ума не сошел. Немедленно обыскал его комнату. Нашел этот портрет Нолы, от которого меня чуть не стошнило, а потом в коробке под кроватью обнаружил эти письма... Письма, которые он украл... Переписку Гарри с Нолой. Наверно, выудил из почтовых ящиков. Я ждал его весь день, и когда он под вечер вернулся, у нас вышла ужасная стычка...

Стерн замолчал, глядя в пустоту.

— Что между вами произошло? — спросил я.

— Я... Я хотел, чтобы он прекратил туда ездить, понимаете! Я хотел, чтобы это наваждение с Нолой кончилось! Он ничего не хотел слушать!

Ничего! Говорил, что у них с Нолой все прочно, как никогда! Что никто не помешает им быть вместе. Я слетел с катушек. Мы сцепились, и я его ударил. Схватил за шиворот, наорал на него и ударил. Обозвал его бараном. Он упал на пол, потрогал окровавленный нос. Я окаменел от ужаса. И тогда он сказал... Сказал...

У Стерна перехватило дыхание. Он скривился.

— Что он вам сказал, мистер Стерн? — спросил я, чтобы он не сбился.

— Он сказал: «Так это был ты!» Он заорал: «Это был ты! Ты!» Я оцепенел. Пока я приходил в себя, он выбежал из комнаты, заскочил к себе забрать какие-то вещи и уехал на «шевроле». Он... Он узнал меня по голосу.

Теперь Стерн плакал, в ярости сжимая кулаки.

— Узнал по голосу? — переспросил я. — В каком смысле?

— Ну... В общем, было время, когда я встречался со старыми приятелями по Гарварду. Этакое идиотское братство. На выходные мы ездили в Мэн: два дня в шикарных отелях, пили, ели омаров. Нам нравилось задиаться, нравилось лупить каких-нибудь бедолаг. Мы говорили, что парни из Мэна — бараны, а наша земная миссия — делать из них отбивную. Нам еще тридцати не было, мы были богатенькие сынки с претензиями. Слегка расисты, несчастные и буйные. Мы придумали такую игру, филдгол, били по голове наших жертв, как по футбольному мячу. Однажды, в 1964 году, мы оказались возле Портленда, страшно взвинченные и сильно поддатые. Нам попался по дороге один парень. За рулем был я... Я затормозил и предложил поразвлечься...

— Это вы напали на Калеба?

Его прорвало:

— Да! Да! Никогда себе этого не прощу! Наутро мы проснулись в своем шикарном номере отеля люкс, в адском похмелье. Во всех газетах писали о нападении: парень был в коме. За нами охотилась полиция; нас окрестили «бандой филдголов». Мы решили больше об этом не заикаться, похоронить эту историю в своей памяти. Но меня она все время преследовала: шли дни, месяцы, а я только о ней и думал. Я был просто болен, жить не мог. Стал наезжать в Портленд, узнавал, как дела у мальчика, которого мы изувечили. Так прошло два года, и однажды, не в силах все это терпеть, я решил дать ему работу и возможность нормально жить. Сделал вид, что мне надо поменять колесо, попросил его помочь и нанял его шофером. Я давал ему все, что он хотел... Устроил ему мастерскую на веранде, чтобы он рисовал, дал ему денег, подарил машину, но чувство вины все равно не проходило. Мне хотелось делать для него все

больше и больше! Я сломал ему карьеру художника, и вот я стал финансировать всякие выставки, часто позволял ему рисовать днями напролет. А потом он стал говорить, что ему одиноко, что он никому не нужен. Говорил, что женщин ему остается только рисовать. Он хотел писать белокурых женщин, говорил, что ему это напоминает бывшую невесту. Тогда я нанял целую толпу белокурых проституток, чтобы они ему позировали. Но однажды в Авроре он встретил Нолу. И влюбился. Сказал, что после той его невесты в первый раз полюбил снова. А потом приехал Гарри, гениальный писатель и красавчик. Такой, каким хотел бы быть сам Лютер. И Нола влюбилась в Гарри. Тогда Лютер решил, что он тоже хочет быть Гарри... И что мне было делать? Я украл у него жизнь, я взял у него все. Как я мог не позволить ему любить?

— Значит, это все для того, чтобы избавиться от чувства вины?

— Называйте как хотите.

— А двадцать девятого августа... что было дальше?

— Когда Лютер понял, что это я... он собрал вещи и уехал на черном «шевроле». Я сразу поехал за ним. Хотел объяснить. Хотел, чтобы он меня простил. Но он пропал. Я искал его весь день и часть ночи. Тщетно. Я так на себя злился. Надеялся, что он сам вернется. Но на завтра под вечер по радио объявили об исчезновении Нолы Келлерган. Подозреваемый был за рулем черного «шевроле»... Ну, вам мне нечего растолковывать. Я решил никому ничего не говорить, чтобы никто не подумал на Лютера. И еще, может, потому, что, по сути, я был виновен не меньше, чем Лютер. Потому-то я и не стерпел, когда явились вы и стали все это ворошить. А в итоге благодаря вам я вдруг узнаю, что Лютер не убивал Нолу. Как будто выяснилось, что и я сам ее не убивал. Вы сняли камень с моей совести, мистер Гольдман.

— А «мустанг»?

— Он в моем гараже, под брезентом. Тридцать три года я его прячу у себя в гараже.

— А письма?

— Их я тоже сохранил.

— Я бы хотел на них взглянуть, если можно.

Стерн снял со стены картину; за ней была дверца маленького сейфа. Он открыл ее и вынул коробку из-под обуви, полную писем. Вот так я познакомился со всей перепиской Гарри и Нолы, той, по которой были написаны «Истоки зла». Я сразу узнал первое письмо — то самое, с которого начиналась книга. Письмо от 5 июля 1975 года, полное грусти письмо, написанное Нолой, когда Гарри ее отверг и она узнала, что он

провел вечер 4 июля с Дженни Доун. В тот день она засунула в дверной проем конверт с письмом и двумя фотографиями из Рокленда. На одной была стоячая чайка на морском берегу, на другой — они оба, вместе, на пикнике.

— Черт, как это все попало к Лютеру? — спросил я.

— Не знаю, — ответил Стерн. — Но меня бы не удивило, если бы он проник к Гарри.

Я задумался: конечно, он спокойно мог стащить письма за те несколько дней, пока Гарри не было в Авроре. Но почему Гарри никогда мне не говорил, что письма пропали? Я попросил разрешения взять коробку с собой, и Стерн согласился. Меня одолевали тяжкие сомнения.

* * *

Гарри стоял лицом к Нью-Йорку, слушая мой рассказ, и молча плакал.

— Когда я увидел письма, у меня в голове все смешалось, — продолжал я. — Я стал думать про вашу книгу, ту, что вы мне оставили в раздевалке фитнес-клуба, «Чайки Авроры». И вдруг до меня дошло, чего я раньше не понимал: в «Истоках зла» нет чайки. Как я мог столько времени не замечать: ни единой чайки! А ведь вы клялись вставить чайку! И вот тогда я понял, что «Истоки зла» написали не вы. Книга, которую вы писали летом 1975 года, — «Чайки Авроры». Эту книгу вы написали, эту книгу Нола перепечатала на машинке. А подтверждение я получил, попросив Гэхаловуда сравнить почерк писем, которые получала Нола, и надписи на рукописи, найденной вместе с ее телом. Он мне сказал, что результаты совпадают, и я понял, что, когда вы просили сжечь вашу пресловутую рукопись, ту, что написана от руки, вы меня попросту использовали, на все сто. Почерк был не ваш... Книгу, которая сделала вас великим писателем, написали не вы! Вы ее украли у Лютера!

— Замолчите, Маркус!

— Что, я не прав? Вы украли книгу! Есть ли более страшное преступление для писателя? «Истоки зла» — вот почему вы ее так называли! А я-то все не мог понять, почему у такой прекрасной истории такое мрачное заглавие! Но заглавие относилось не к книге, оно относилось к вам. К тому же вы всегда мне говорили: книга связана не со словами, книга связана с людьми. Эта книга — источник зла, которое с тех пор подтачивало вас, зла самозванства, угрызений совести!

— Хватит, Маркус, довольно! Замолчите!

Он плакал.

— Однажды Нола оставила у вашей двери конверт, — продолжал я. — Это было 5 июля 1975 года. В конверте были фотографии чаек и письмо на ее любимой бумаге; она писала о Рокленде и о том, что никогда вас не забудет. Вы в то время старались с ней не видаться. Но письмо до вас так и не дошло, потому что Лютер следил за домом и забрал его, как только Нола убежала. Вот так, с этого самого дня, он стал переписываться с Нолой. Он ответил на письмо от вашего имени. Она отвечала, думая, что пишет вам, но он перехватывал почту из вашего почтового ящика. И писал ей в ответ, выдавая себя за вас. Вот почему он бродил вокруг вашего дома. Нола считала, что переписывается с вами, и эта переписка с Калемом превратилась в «Истоки зла». Но Гарри! Как вы могли...

— Я был в панике, Маркус! В то лето мне было так тяжело писать. Я думал, у меня никогда не получится. Я писал эту книгу, «Чайки Авроры», но мне казалось, что это очень плохо. Нола говорила, что она в восторге, но я никак не мог успокоиться. Приходил в страшную ярость. Она перепечатывала рукописные страницы на машинке, я перечитывал и рвал. Она умоляла меня прекратить, говорила: «Не делайте этого, вы блестяще пишете. Пожалуйста, прошу, закончите ее. Милый Гарри, если вы не закончите, я не перенесу!» Но я ей не верил. Мне казалось, что я никогда не стану писателем. А потом, в один прекрасный день, в дверь позвонил Лютер Каледб. Сказал, что ему не к кому обратиться, поэтому пришел ко мне: он написал книгу и не знает, стоит ли показывать ее издателям. Понимаете, Маркус, он думал, что я крупный писатель из Нью-Йорка и смогу ему помочь.

20 августа 1975 года

— Лютер?

Гарри, стоя на пороге, не скрывал удивления.

— Здра... Здрафтуйте, Гарри.

Повисло неловкое молчание.

— Я могу чем-то вам помочь, Лютер?

— Я прифел к вам лифно. За фоветом.

— За советом? Я вас слушаю. Заходите.

— Фпафибо.

Они уселись в гостиной. Лютер волновался. В руках у него был толстый конверт, он прижимал его к груди.

— Ну, Лютер, что случилось?

— Я... Я напифал книгу. Книгу о любви.

— Правда?

— Да. И я не внаю, хорофа ли она. То ефть я хофу фкавать, как увнать, фтоит ли пефатать книгу?

— Не знаю. Если вы считаете, что старались изо всех сил... Текст у вас с собой?

— Да, но он напифан от руки, — извинился Лютер. — Я только фто обнарувил. У меня ефть отпефатанный вариант, но я, выходя ив дома, ввял не тот конверт. Мовет, мне ва ним вернутьфя и вайти поповве?

— Не надо, покажите, как есть.

— Профто я...

— Ну-ну, не стесняйтесь. Уверен, вы пишете разборчиво.

Лютер протянул ему конверт. Гарри вынул исписанные листы и, пробежав глазами несколько страниц, поразился идеальному почерку.

— Это ваш почерк?

— Да.

— Черт, у вас... у вас просто невероятный почерк. Как у вас так получается?

— Не внаю. Такой у меня поферк.

— Оставьте мне на время, если вы не против. Я прочту и честно скажу, что я об этом думаю.

— Правда?

— Ну конечно.

Лютер охотно согласился и ушел. Но не уехал из Гусиной бухты, а спрятался в зарослях и, как обычно, стал ждать Нолу. Вскоре появилась и она — счастливая, радуясь скорому отъезду. Она не заметила фигуры, притаившейся в зарослях и следившей за ней. Она вошла в дом через парадную дверь, без звонка, как обычно в последнее время.

— Милый Гарри! — крикнула она, давая знать, что пришла.

Никакого ответа. Дом, казалось, был пуст. Она позвала еще раз. Тишина. Она заглянула в столовую и гостиную, но его там не было. В кабинете тоже. И на террасе. Тогда она спустилась по лестнице на пляж и громко позвала его. Может, он пошел купаться? Он так делал, когда уставал от работы. Но на пляже тоже никого не было. Она запаниковала: куда он мог деться? Вернулась в дом, снова позвала. Никого. Обошла весь первый этаж, поднялась на второй. Открыла дверь спальни и обнаружила, что он сидит на кровати и читает пачку каких-то листков.

— Гарри? Вы здесь? А я уже десять минут вас везде ищу...

Он вздрогнул:

— Прости, Нола, зачитался и не слышал...

Он встал, сложил в стопку страницы, которые держал в руках, и убрал их в ящик комода.

Она улыбнулась:

— Что это вы читали такое увлекательное, что даже не слышали, как я воплю на весь дом?

— Ничего особенного.

— Это продолжение романа? Покажите мне!

— Ничего особенного, покажу при случае.

Она лукаво посмотрела на него:

— Вы уверены, что все в порядке, Гарри?

Он засмеялся:

— Все отлично, Нола.

Они спустились на пляж. Ей хотелось посмотреть на чаек. Она раскинула руки, словно крылья, и стала бегать широкими кругами:

— Мне хочется летать, Гарри! Всего десять дней! Через десять дней мы улетим! Уедем навсегда из этого несчастного города!

Они думали, что они на пляже одни. Ни Гарри, ни Нола не подозревали, что из леса над скалами за ними следит Лютер Калев. Он подождал, пока они вернутся в дом, и только тогда вышел из своего убежища и бегом помчался к «мустангу», стоявшему на параллельной просеке. Приехав в Аврору, он припарковался перед «Кларксом» и бросился внутрь: ему непременно надо было поговорить с Дженни. Надо, чтобы кто-нибудь знал. У него было нехорошее предчувствие. Но Дженни вовсе не хотела его видеть.

— Лютер? Тебе не надо сюда приходить, — сказала она, когда он появился у стойки.

— Венни... Профти меня ва то утро. Я не долвен был так хватать тебя ва руку.

— У меня синяк остался...

— Профти, повалуйфта.

— А теперь ты должен уйти.

— Нет, подовди...

— Я заявила в полицию на тебя, Лютер.

Гигант помрачнел:

— Ты ваявила на меня в полифию?

— Да. Ты меня так напугал в то утро...

— Но мне надо тебе фкавать фто-то вавное.

— Нет ничего важного, Лютер. Уходи...

— Это по поводу Гарри Квеберта...

- Гарри?
- Да, фкави, фто ты думаефь о Гарри Квеберте...
- Почему ты о нем заговорил?
- Ты ему верифь?
- Верю? Да, конечно. Почему ты спрашиваешь?
- Мне надо тебе фто-то фкавать...
- Что-то мне сказать? И что же?

Лютер собирался ответить, но тут на площади перед «Кларксом» появилась полицейская машина.

— Это Тревис! — закричала Дженни. — Беги, Лютер, беги! Я не хочу, чтобы у тебя были неприятности.

* * *

— Все очень просто, — сказал Гарри. — Это была самая прекрасная книга, какую мне доводилось читать. И я даже не знал, что она про Нолу! Ее имя нигде не упомянуто. Это была история невероятной любви. С тех пор я Калеба не видел. У меня не было случая вернуть ему текст. Потому что случилось то, о чем вы знаете. Месяц спустя я услышал, что Лютер Калеб разбился на машине. А у меня осталась рукопись настоящего шедевра, это я понимал. Тогда я решил его присвоить. Вот так вся моя карьера, вся моя жизнь оказалась построена на лжи. Разве я мог представить, что книга будет иметь такой успех? Этот успех мучил меня всю жизнь! Всю жизнь! И вот тридцать три года спустя полиция находит Нолу и эту рукопись у меня в саду. В моем саду! И я в тот момент настолько боялся все потерять, что сказал, будто написал эту книгу для нее.

— Из боязни все потерять? Вы предпочли, чтобы вас обвинили в убийстве, только чтоб никто не узнал правды про эту рукопись?

— Да! Да! Вся моя жизнь — это ложь, Маркус!

— Значит, Нола не уносила эту рукопись. Вы так сказали, чтобы никому не пришло в голову усомниться в вашем авторстве.

— Да. Но откуда тогда взялся экземпляр, который был у нее с собой?

— Лютер положил его ей в почтовый ящик, — ответил я.

— В почтовый ящик?

— Лютер знал, что вы с Нолой собираетесь бежать, он слышал ваш разговор на пляже. Знал, что Нола уедет без него, и так и закончил свою историю — отъездом героини. Он написал ей последнее письмо, где желает ей жить счастливо. И включил это письмо в рукопись, которую потом

принес вам. Лютер знал все. Но в день отъезда, скорее всего, в ночь с двадцать девятого на тридцатое, у него возникла потребность замкнуть кольцо: закончить историю с Нолой так же, как кончается рукопись. И тогда он кладет в почтовый ящик Келлерганов последнее письмо. Вернее, последний конверт. Прощальное письмо и рукопись своей книги, чтобы она знала, как он ее любит. И, зная, что больше он ее не увидит, пишет на обложке: «Прощай, милая Нола». Наверняка он ждал до утра, хотел убедиться, что почту из ящика вынет именно Нола. Как обычно. Но Нола, обнаружив письмо и рукопись, подумала, что ей написали вы. И решила, что вы не придете. Она сорвалась. Обезумела.

Гарри сполз по стене, держась руками за сердце:

— Расскажите, Маркус! Расскажите мне вы. Я хочу, чтобы это были ваши слова! Вы всегда подбираете слова так точно! Расскажите, что случилось тогда, 30 августа 1975 года.

30 августа 1975 года

В тот день, в конце августа, в Авроре была убита пятнадцатилетняя девочка. Ее звали Нола Келлерган. Все, с кем вам доведется говорить, в один голос будут описывать ее жизнерадостной мечтательницей.

Причины ее гибели трудно свести к событиям 30 августа 1975 года. На самом деле все начинается гораздо раньше, возможно, за годы до этого. В 1960-е, когда родители не замечали, что в их ребенке угнездилась болезнь. Возможно, той ночью 1964 года, когда банда пьяных подонков изуродовала юношу, а потом одного из них замучила совесть, и он, пытаясь ее облегчить, тайком сблизился со своей жертвой. Или в ту ночь 1969 года, когда отец решил не выдавать тайну дочери. А может, все начинается июньским днем 1975 года, когда Гарри Квеберт встретил Нолу и они полюбили друг друга.

Это история о родителях, которые не желали знать правду о своем ребенке.

Это история о богатом наследнике, который в молодости был негодяем, разрушил мечты одного юноши и с тех пор был одержим угрызениями совести.

Это история о человеке, который мечтал стать великим писателем и которого постепенно подтачивало собственное честолюбие.

На рассвете 30 августа 1975 года перед домом 245 по Террас-авеню остановилась машина. Лютер Калев приехал попрощаться с Нолой. Он был в смятении. Он уже не понимал, любили они друг друга или ему это только приснилось; не знал, действительно ли они писали друг другу все эти

письма. Но он знал, что Нола и Гарри решили сегодня сбежать. Он тоже хотел уехать из Нью-Гэмпшира, сбежать подальше, подальше от Стерна. Мысли его путались: человек, вернувший ему вкус к жизни, оказался тем же, кто эту самую жизнь ему поломал. Это был кошмарный сон. Но теперь ему было важно одно: завершить историю любви. Он должен был передать Ноле последнее письмо. Он написал его почти три недели назад, в тот день, когда услышал, как Гарри и Нола говорят об отъезде. Он поскорей закончил книгу и даже отдал оригинал рукописи Гарри Квеберту: ему хотелось знать, имеет ли смысл ее публиковать. Но теперь ничего не имело смысла. Он даже решил не забирать назад текст. У него оставалась машинописная копия, он красиво переплел ее, для Нолы. В тот день, в субботу, тридцатого августа, он положил в почтовый ящик Келлерганов свое последнее письмо и рукопись — чтобы Нола не забывала его. Какое название дать этой книге? Он не знал. Книги никогда не будет, к чему ей заглавие? Он лишь написал на обложке, желая ей счастливого пути: «Прощай, милая Нола».

Припарковавшись на улице, он ждал восхода солнца. Ждал, когда она выйдет. Он просто хотел убедиться, что книгу найдет она, а не кто-то другой. С тех пор как они стали переписываться, почту всегда вынимала она. Он ждал; старался, как мог, не попасться никому на глаза: никто не должен его увидеть, особенно эта скотина Тревис Доун, иначе он ему устроит веселье. Хватит с него побоев, на всю жизнь натерпелся.

В одиннадцать она наконец вышла из дому. Как всегда, огляделась по сторонам. Она так и светилась счастьем. На ней было восхитительное красное платье. Она кинулась к почтовому ящику, улыбнулась, увидев письмо и пакет. Поскорей прочитала письмо и вдруг зашаталась. И в слезах убежала в дом. Они не уедут вместе, Гарри не будет ждать ее в мотеле. Его последнее письмо было прощальным.

Она укрылась в своей комнате и в горе упала на кровать. Почему? Почему он ее отвергает? Зачем он уверял ее, что они всегда будут любить друг друга? Она пролиستала рукопись: что это за книга, ведь он никогда о ней не говорил? Слезы капали на бумагу, оставляя пятна. Это были их письма, в книге были все их письма, и последнее тоже, им книга и кончалась: он с самого начала ей лгал. Он не собирался бежать с ней. Она так плакала, что у нее заболела голова. Ей было так плохо, что хотелось умереть.

Дверь тихонько открылась. Отец услышал, что она плачет.

— Что случилось, моя дорогая?

— Ничего, папа.

— Не говори «ничего», я прекрасно вижу: что-то случилось...

— Папа! Мне так грустно! Так грустно!

Она бросилась преподобному на шею.

— Не подходи к ней! — вдруг крикнула Луиза Келлерган. — Она недостойна любви! Не подходи к ней, Дэвид, слышишь?

— Перестань, Нола... Не начинай опять!

— Замолчи, Дэвид! Ты жалок! Ты не способен действовать! Теперь мне придется закончить работу самой!

— Нола! Небом тебя заклинаю! Успокойся! Успокойся! Я тебе больше не позволю себя обижать.

— Оставь нас, Дэвид! — взорвалась Луиза, резко оттолкнув мужа.

Он бессильно отступил в коридор.

— Поди сюда, Нола! — кричала мать. — Поди сюда! Вот я тебе покажу!

Дверь закрылась. Преподобный Келлерган окаменел. Он мог только слышать через стену, что происходило внутри.

— Мама, пожалей меня! Перестань! Хватит!

— Нет уж, получай! Вот что делают с девочками, которые убили свою мать.

Преподобный бросился в гараж и включил проигрыватель на полную громкость.

Весь день в доме и вокруг гремела музыка. Прохожие неодобрительно поглядывали на окна. Некоторые обменивались понимающими взглядами: все знали, что происходит в доме Келлерганов, когда там звучит музыка.

Лютер не тронулся с места. Сидя за рулем «шевроле», незаметного среди машин, рядами выстроившихся вдоль тротуаров, он не сводил глаз с дома. Почему она плачет? Ей не понравилось письмо? А книга? Она ей тоже не понравилась? Почему слезы? Ведь он так старался. Он написал ей книгу о любви, от любви не надо плакать.

Он ждал до шести часов. Он не знал, то ли ему ждать, пока она выйдет снова, то ли позвонить в дверь. Он хотел ее видеть, сказать ей, что не надо плакать. И тут увидел, как она появилась в саду — вылезла через окно. Оглядела улицу, проверяя, не видел ли ее кто, и, таясь, пошла по тротуару. Через плечо у нее висела кожаная сумка. Потом она побежала. Лютер включил мотор.

Рядом с ней остановился черный «шевроле».

— Лютер? — удивилась Нола.

— Не плачь... Я профто прифел тебе фкавать, фто не надо плакать.

— О, Лютер, случилась такая грустная вещь... Увези меня! Увези!

— Куда ты идешь?

— Подальше от всех.

Не дожидаясь ответа Лютера, она уселась на переднее сиденье.

— Вези меня, мой славный Лютер! Мне надо попасть в мотель «Морской берег». Не может быть, что он меня не любит! Мы любим друг друга так, как никто никогда не любил!

Лютер повиновался. Ни он, ни Нола не заметили, что на перекрестке появилась патрульная машина. Тревис Доун в очередной раз проезжал мимо дома Куиннов, выжидая, пока Дженни останется одна, чтобы подарить ей шиповник, который он нарвал. В недоумении он смотрел, как Нола садится в какую-то незнакомую машину. За рулем был Лютер, он его узнал. Тревис пропустил «шевроле» вперед и немного погодя двинулся за ним: нельзя было упускать его из виду, но и садиться на хвост не стоило. Ему очень хотелось выяснить, почему Лютер все время торчит в Авроре. Следит за Дженни? Зачем он куда-то увозит Нолу? Задумал какое-то преступление? По пути он взялся было за микрофон радиосвязи — вызвать подкрепление, чтобы точно задержать Лютера, если тот будет сопротивляться. Но сразу спохватился: ему не хотелось связываться с коллегами. Он хотел все уладить по-своему. Аврора — город спокойный, пусть таким и остается, уж он постарается. Он проучит Лютера так, чтобы на всю жизнь запомнил. Чтобы больше ноги его здесь не было. И он снова подумал: как Дженни могла влюбиться в это чудище?

— Так это ты писал письма? — возмутилась Нола, выслушав объяснения Калеба.

— Да...

Она вытерла слезы тыльной стороной руки.

— Лютер, ты с ума сошел! Нельзя воровать у людей почту! То, что ты сделал, это дурно!

Он пристыженно повесил голову:

— Профти... Мне было так одиноко...

Она дружески положила руку на его могучее плечо.

— Ладно, Лютер, это не страшно! Ведь это значит, что Гарри меня ждет! Он ждет меня! Мы уедем вместе!

От этой мысли они просияла.

— Тебе повелю, Нола. Вы любите друг друга... Вначит, вы никогда не будете одиноки.

Теперь они двигались по шоссе 1. Проехали поворот на Гусиную бухту.

— Прощай, Гусиная бухта! — воскликнула счастливая Нола. — Ты — единственное место здесь, которое я буду вспоминать с радостью!

Она засмеялась. Просто так, без причины. И Лютер засмеялся тоже. Они с Нолой расставались, но расставались по-доброму. Вдруг они услышали позади вой полицейской сирены. Они подъезжали к лесу, а именно здесь Тревис решил перехватить Калеба и задать ему урок. В лесу их никто не увидит.

— Это Тревиф! — закричал Лютер. — Ефли он наф поймает, нам конеф.

Его страх сразу передался Ноле.

— Только не полиция! О, Лютер, умоляю, сделай что-нибудь!

«Шевроле» прибавил скорость. Мотор у него был мощный. Тревис выругался и через громкоговоритель приказал Лютеру остановиться и прижаться к обочине.

— Не останавливайся! — умоляла Нола. — Быстрее! Быстрее!

Лютер до предела выжал педаль газа. Расстояние между «шевроле» и машиной Тревиса увеличилось. За Гусиной бухтой шоссе начинало петлять, и Лютер, пользуясь этим, оторвался еще немного. Звук сирены стал слабее.

— Он вывовет подкрепление, — сказал Лютер.

— Если он нас поймает, я никогда не уеду с Гарри!

— Тогда мы убежим в леф. Леф огромный, наф там никто не найдет. Ты доберефьфа до мотеля. Ефли меня фхватят, Нола, я нифего не фкаву. Я не фкаву, фто ты была фо мной. И ты фмовефь убежать с Гарри.

— О, Лютер...

— Обефай, фто будефь хранить мою книгу! Обефай хранить ее на память обо мне!

— Обещаю!

С этими словами Лютер резко крутанул руль, и машина, въехав в кусты на опушке леса, остановилась за густыми зарослями ежевики. Они поспешно выбрались из нее.

— Беги! — крикнул Лютер Ноле. — Беги!

Они побежали через колючую чащу. Она порвала платье, расцарапала лицо.

Тревис выругался. Черного «шевроле» больше не было видно. Он прибавил скорость и не заметил черного кузова, скрытого за кустами. Он поехал дальше по шоссе 1.

Они бежали по лесу. Нола впереди, Лютер за ней: при своем росте он с трудом уворачивался от низких веток.

— Беги, Нола! Не офтанавливайся! — закричал Лютер.

Они не заметили, как оказались у опушки, неподалеку от Сайд-Крик-лейн.

Дебора Купер смотрела в лес из окна своей кухни. Вдруг ей почудилось какое-то движение. Приглядевшись, она увидела девушку, бежавшую со всех ног; ее преследовал мужчина. Она бросилась к телефону и набрала номер полиции.

Не успел Тревис остановиться на обочине шоссе, как ему позвонили из диспетчерского центра: неподалеку от Сайд-Крик-лейн была замечена девушка, которую явно преследовал мужчина. Полицейский подтвердил получение ориентировки, немедленно развернулся и, включив маячки и сирену, двинулся в сторону Сайд-Крик-лейн. Проехав с полмили, он заметил в лесу какой-то отблеск: ветровое стекло! В зарослях стоял черный «шевроле». Затормозив, он подошел к машине, держа наготове револьвер: никого. Он немедленно вскочил в свой автомобиль и помчался к Деборе Купер.

Они остановились недалеко от пляжа и перевели дух.

— Думаешь, получилось? — спросила Лютера Нола.

Тот прислушался: все было тихо.

— Надо немножко подовдаться вдеть, — сказал он. — В лефу мы в бевобафнофти.

Сердце у Нола колотилось. Она думала о Гарри. Думала о матери. Она скучала по матери.

— Девушка в красном платье, — объясняла Дебора полицейскому Доуну. — Она бежала в сторону пляжа. За ней по пятам гнался мужчина. Я его плохо разглядела, но скорее высокий, крепкий.

— Это они, — сказал он. — Можно воспользоваться вашим телефоном?

— Конечно.

Тревис позвонил домой шефу Пратту:

— Шеф, простите, что мешаю вам отдыхать, но тут такое странное дело. Я застал в Авроре Лютера Калеба...

— Опять?

— Да. К тому же на сей раз он посадил к себе в машину Нолу

Келлерган. Я пытался его перехватить, но он от меня ушел. Убежал в лес вместе с Нолой. По-моему, он приставал к ней, шеф. Лес густой, и один я не справлюсь.

— Черт, правильно, что позвонил! Выезжаю.

— Мы поедem в Канаду. Люблю Канаду. Мы будем жить в красивом доме на берегу озера. Мы будем так счастливы!

Лютер сидел на поваленном дереве и, улыбаясь, слушал мечтания Нола.

— Фудефный план, — сказал он.

— Да. Сколько на твоих?

— Пофти бев фетверти фемь.

— Тогда мне пора двигаться. Я должна прийти в семь часов в номер восемь. В любом случае нам больше ничего не грозит.

Но в этот миг послышался шум, а потом и голоса.

— Полиция! — перепугалась Нола.

Шеф Пратт и Тревис прочесывали лес; они шли по краю, вдоль пляжа. Шагали по чаще с дубинками в руках.

— Уходи, Нола, — сказал Лютер. — Уходи, а я офтануфь вдефь.

— Нет! Я тебя не брошу!

— Ферт, да иди ве! Иди! Ты уфпеефь дойти до мотеля. Гарри будет там! Уеввайте быфтрей! Как мовно быфтрей. Уеввайте и будьте фафтливы.

— Лютер, я...

— Профай, Нола. Будь фафтлива. Люби мою книгу так, как мне бы хотелось, фтобы ты любила меня.

Она плакала. Помахала ему рукой и скрылась за деревьями.

Полицейские быстро приближались. Метров через сто они заметили его.

— Это Лютер! — заорал Тревис. — Это он!

Он по-прежнему сидел на поваленном дереве. Он не двинулся с места. Тревис бросился к нему, схватил за шиворот, встряхнул.

— Где девочка? — рявкнул он.

— Какая девофка? — спросил Лютер.

Он пытался рассчитать в уме, сколько времени понадобится Ноле, чтобы добраться до мотеля.

— Где Нола? Что ты с ней сделал? — повторил Тревис.

Лютер молчал, и тогда шеф Пратт, подойдя сзади, схватил его за ногу и

страшным ударом дубинки раздробил ему колено.

Нола услышала крик. Она вздрогнула и застыла как вкопанная. Они нашли Лютера, они его бьют. Она колебалась лишь какую-то долю секунды: надо вернуться, показаться полицейским. Из-за нее Лютеру достанется, это несправедливо. Она хотела повернуть назад, но вдруг чья-то рука легла ей на плечо. Она повернула голову и отшатнулась:

— Мама?

Лютер лежал на земле с перебитыми ногами и стонал. Тревис и Пратт поочередно лупили его ногами и дубинками.

— Что ты сделал с Нолой? — вопил Тревис. — Обидел ее? А? Ты, мразь полоумная, обязательно надо было ее обидеть!

Лютер истошно кричал, умоляя полицейских перестать.

— Мама?

Луиза Келлерган ласково улыбнулась дочери.

— Что ты здесь делаешь, милая? — спросила она.

— Я убежала из дому.

— Почему?

— Потому что я хочу к Гарри. Я так его люблю!

— Ты не должна бросать отца одного. Отцу будет очень плохо без тебя. Ты не можешь вот так взять и уйти...

— Мама... Прости за то, что я с тобой сделала.

— Прощаю, моя милая. Но теперь ты должна перестать себя мучить.

— Хорошо.

— Обещаешь мне?

— Обещаю, мама. А что мне делать сейчас?

— Возвращайся к отцу. Ты ему нужна.

— А Гарри? Я не могу его потерять.

— Ты его не потеряешь. Он тебя подождет.

— Правда?

— Правда. Он будет ждать тебя всю жизнь.

До Нолы снова донеслись вопли. Лютер! Она кинулась назад, к дереву. Она кричала, кричала изо всех сил, чтобы прекратить побои. Она вынырнула из зарослей. Лютер лежал на земле. Мертвый. Шеф Пратт и полицейский Доун растерянно стояли на телом. Все вокруг было залито кровью.

— Что вы наделали? — вскрикнула Нола.

— Нола? — произнес Пратт. — Но...

— Вы убили Лютера!

Она набросилась на шефа Пратта, он отшвырнул ее пощечиной. Из носа у нее потекла кровь. Она дрожала от ужаса.

— Прости, Нола, я не хотел, — пробормотал Пратт.

Она попятилась:

— Вы... Вы убили Лютера!

— Нола, подожди!

Она бросилась бежать со всех ног. Тревис попытался поймать ее за волосы и вырвал целую горсть белокурых прядей.

— Черт, лови ее! — заорал Тревису Пратт. — Лови!

Она промчалась сквозь заросли, расцарапав щеки, и выбежала на опушку. Дом. Дом! Она бросилась к двери на кухню. Нос у нее все еще кровоточил, лицо было измазано кровью. Дебора Купер в страхе открыла дверь ипустила ее.

— Помогите! — простонала Нола. — Вызовите скорую.

Дебора снова кинулась к телефону, предупредить полицию.

Нола почувствовала, как чья-то сильная рука зажала ей рот. Тревис рывком поднял ее и понес. Она отбивалась, но он держал ее крепко. Но выйти из дому не успел: Дебора Купер вернулась в гостиную. У нее вырвался крик ужаса.

— Не волнуйтесь, — буркнул Тревис. — Я из полиции. Все хорошо.

— Помогите! — закричала Нола, пытаясь вырваться. — Они убили человека! Эти полицейские совершили убийство! Там в лесу покойник!

Неизвестно, сколько длилось следующее мгновение. Дебора Купер и Тревис молча смотрели друг на друга: она не осмеливалась броситься к телефону, он не осмеливался уйти. А потом раздался выстрел, и Дебора Купер упала. Шеф Пратт застрелил ее из служебного револьвера.

— Вы с ума сошли! — завопил Тревис. — Спятели совсем! Зачем вы это сделали?

— У нас нет выбора, Тревис. Ты знаешь, что нас ждет, если старуха проболтается...

Тревиса била дрожь.

— Что нам теперь делать? — спросил молодой полицейский.

— Понятия не имею.

Ужас и отчаяние придали Ноле сил, и она, пользуясь минутной нерешительностью Тревиса, вырвалась из его рук. Прежде чем Пратт успел опомниться, она бросилась прочь из дома через кухонную дверь. Оступилась на лестнице, упала, сразу вскочила, но могучая рука Пратта уже держала ее за волосы. Вскрикнув, она дотянулась до его руки и

укусила. Шеф выпустил волосы, но убежать она не успела: Тревис ударил ее дубинкой. Удар пришелся на заднюю часть черепа. Она рухнула на пол. Он в страхе попятился. Все вокруг было залито кровью. Она была мертва.

Тревис склонился над телом. Его тошнило. Пратта била дрожь. Из леса доносилось пение птиц.

— Что мы наделали, шеф? — растерянно пробормотал Тревис.

— Спокойно. Спокойно. Сейчас не время впадать в панику.

— Да, шеф.

— Надо избавиться от Калеба и Нолы. Это, как ты понимаешь, электрический стул.

— Да, шеф. А Купер?

— Скажем, что это убийство. Вооруженное ограбление со смертельным исходом. Будешь делать все, как я скажу.

Тревис плакал.

— Да, шеф. Я все сделаю.

— Ты говорил, что видел машину Калеба у шоссе 1.

— Да. Ключи в замке зажигания.

— Отлично. Отнесем тела в машину. И ты от них избавишься, ясно?

— Ясно.

— Как только ты уедешь, я вызову подкрепление, чтобы нас не заподозрили. Но действовать надо быстро! Когда они подъедут, ты будешь уже далеко. В суматохе никто не заметит, что тебя нет.

— Да... Но по-моему, мамаша Купер еще раз звонила в полицию.

— Блин! Надо пошевеливаться!

Они оттащили тела Лютера и Нолы в «шевроле». Потом Пратт бегом помчался через лес к полицейским машинам. Он схватил бортовое радио и сообщил в диспетчерский центр, что обнаружил мертвую Дебору Купер с пулевым ранением.

Тревис сел за руль «шевроле». Выежая из зарослей, он наткнулся на патрульную машину помощника шерифа, которого вызвали на подмогу после второго звонка Деборы Купер.

Пратт как раз звонил в центр, когда невдалеке взвыла полицейская сирена. По радио объявили, что машина помощника шерифа преследует на шоссе 1 черный «шевроле-монте-карло», обнаруженный на подъезде к Сайд-Крик-лейн. Шеф Пратт объявил, что немедленно выезжает на помощь. Он включил сирену и двинулся по параллельной просеке. Выежая на шоссе 1, он едва не столкнулся с Тревисом. Они переглянулись: оба были в панике.

В ходе преследования Тревису удалось подстроить так, что машину помощника шерифа занесло. Он снова выехал на шоссе 1, двинулся на юг и повернул к Гусиной бухте. Пратт следовал за ним по пятам, изображая погоню. По радио он давал неверные координаты, сообщая, что направляется к Монберри. Выключив сирену, он тоже свернул на дорогу к Гусиной бухте и перед домом Гарри нагнал Тревиса. Испуганные, взмыленные, они оба вышли из машины.

— Ты что, спятил, здесь останавливаться? — сказал Пратт.

— Квеберта нет дома, — ответил Тревис. — Он на время уехал из города, я знаю, он сказал Дженни, а она сказала мне.

— Я просил перекрыть все дороги. Так надо.

— Блин! Блин! — заныл Тревис. — Мне крышка! Что будем делать?

Пратт огляделся и заметил пустой гараж.

— Ставь сюда машину, запирай ворота и быстро возвращайся по пляжу на Сайд-Крик-лейн. Сделаешь вид, что обыскивал дом Купер. Я продолжу погоню. Сегодня ночью избавимся от тел. У тебя есть пиджак в машине?

— Есть.

— Надень. Ты весь в крови.

Через четверть часа Пратт возле Монберри встретился с патрулями, прибывшими на подмогу, а Тревис в пиджаке вместе с коллегами, съехавшимися со всего штата, ограждал территорию на Сайд-Крик-лейн, где было найдено тело Деборы Купер.

Глубокой ночью Тревис и Пратт вернулись в Гусиную бухту. Нолу они похоронили в двадцати метрах от дома. Пратт вместе с капитаном Родиком из полиции штата уже очертил район поисков и знал, что Гусиная бухта в него не входит. Здесь никто не станет ее искать. Через плечо у Нолы по-прежнему висела сумка, и они закопали ее вместе с ней, даже не взглянув на содержимое.

Забросав яму землей, Тревис снова сел в черный «шевроле» и скрылся на шоссе 1. Труп Лютера лежал в багажнике. Он добрался до Массачусетса. По дороге ему попались два полицейских кордона.

— Предъявите документы на машину, — оба раза нервничали копы, увидев «шевроле».

И оба раза Тревис показывал им свой жетон.

— Полиция Авроры, парни. Я как раз попал на след.

Полицейские почтительно приветствовали коллегу и желали ему удачи.

Он доехал до Сагамора, маленького приморского городка. Эти места он прекрасно знал. Свернул на дорогу, идущую вдоль океана, над скалами бухты Сансет. Там была пустынная парковка. Днем с нее открывался восхитительный вид; ему часто хотелось свозить туда Дженни в романтическое путешествие. Он остановил машину, перетащил Лютера на водительское место, влил ему в рот дешевого виски. Потом поставил коробку передач на нейтралку и подтолкнул машину: она тихо покатила по травянистому склону, а потом, перевалившись через скалистый обрыв, с металлическим грохотом рухнула в пропасть.

Он вернулся на дорогу и прошел несколько сотен метров. На обочине его ждал автомобиль. Он влез на переднее сиденье, потный, весь в крови.

— Готово, — сказал он Пратту, который сидел за рулем.

Шеф нажал на газ.

— Больше ни слова о том, что случилось, Тревис. А когда они найдут машину, надо будет замять дело. Для нас единственный способ выкрутиться — это не иметь преступника. Ясно?

Тревис кивнул. Сунув руку в карман, он сжал в кулаке цепочку, которую тайком сорвал с шеи Нолы, когда хоронил ее. Красивую золотую цепочку с надписью «Нола».

* * *

Гарри опять рухнул на кушетку.

— Значит, они убили Нолу, Лютера и Дебору Купер.

— Да. И все подстроили так, чтобы дело никогда не раскрыли. Гарри, вы знали, что у Нолы бывали психотические припадки, да? И говорили об этом с преподобным Келлерганом...

— Про историю с пожаром я не знал. Но что Нола нездорова, выяснилось, когда я пошел к Келлерганам ругаться по поводу того, как они с ней обращаются. Я обещал Ноле не ходить к ее родителям, но не мог же я сидеть сложа руки, понимаете? И тут я понял, что ее «родители» — это один преподобный, который вот уже девять лет как вдовец и совершенно не справляется с ситуацией. Он... он не хотел смотреть правде в глаза. Я понял, что должен увезти Нолу подальше от Авроры и вылечить ее.

— Значит, вы хотели бежать, чтобы ее вылечить...

— Для меня это стало главной причиной. Мы бы нашли хороших врачей, она бы выздоровела! Она была потрясающая девушка, Маркус! Она бы сделала из меня великого писателя, а я бы избавил ее от дурных

мыслей! Она вдохновляла меня, направляла! Она всю жизнь направляла меня! Вы же сами знаете, правда? Лучше, чем кто-либо!

— Да, Гарри. Но почему вы мне ничего не сказали?

— Я хотел! И я бы сказал, если бы не эти утечки в связи с вашей книгой. Я решил, что вы злоупотребили моим доверием. Я злился на вас. Я даже, помнится, хотел, чтобы ваша книга провалилась: я знал, что после прокола с матерью вас перестанут воспринимать всерьез. Да, я хотел, чтобы вторая ваша книга обернулась провалом. Как и моя, вообще говоря.

Мы помолчали.

— Мне очень жаль, Маркус. Жаль всего. Вы, наверно, так во мне разочаровались...

— Нет.

— Разочаровались, я знаю. Вы на меня возлагали столько надежд. А я всю свою жизнь построил на лжи!

— Я всегда восхищался вами таким, какой вы есть, Гарри. А написали вы эту книгу или нет — какая разница! Вы человек, который многому научил меня в жизни. А этого никто не отнимет.

— Нет, Маркус. Вы никогда не сможете относиться ко мне как раньше! И сами это знаете. Я всего лишь один большой обман! Я самозванец! Потому-то я и говорил, что мы больше не сможем быть друзьями: все кончено. Все кончено, Маркус. Вы становитесь великолепным писателем, а я больше никто. Вы — настоящий писатель, а я им никогда не был. Вы боролись за свою книгу, боролись за то, чтобы вновь обрести вдохновение, вы преодолели препятствие! А я, оказавшись в такой же ситуации, предал.

— Гарри, я...

— Такова жизнь, Маркус. И вы знаете, что я прав. Вы теперь не сможете смотреть мне в глаза. А я, глядя на вас, никогда не смогу избавиться от жгучей, разрушительной зависти, потому что вы победили там, где я потерпел поражение.

Он прижал меня к себе.

— Гарри, — прошептал я. — Я не хочу вас терять.

— Вы прекрасно справитесь, Маркус. Вы стали отличным парнем. И отличным писателем. Вы прекрасно разберетесь сами! Я знаю. Теперь наши пути расходятся навсегда. Это называется судьба. Мне не судьба была стать великим писателем. Я все-таки попытался ее переломить: украл книгу, тридцать лет лгал. Но судьбу не обманешь, в конце концов она всегда восторжествует.

— Гарри...

— А вам, Маркус, с самого начала было суждено стать писателем. Это

ваша судьба, и я всегда это знал. И всегда знал, что когда-нибудь настанет момент, который мы переживаем сейчас.

— Вы всегда будете моим другом, Гарри.

— Маркус, допишите свою книгу. Закончите эту книгу обо мне! Теперь вы все знаете, расскажите всем правду. Правда всех нас освободит. Напишите правду о деле Гарри Квеберта. Избавьте меня от зла, которое мучит меня уже тридцать лет. Это последняя моя просьба.

— Но как? Я же не могу отменить прошлое.

— Да, но вы можете изменить настоящее. Это во власти писателей. Рай писателей, помните? Я знаю, у вас получится.

— Гарри, я вырос только благодаря вам! Вы сделали меня тем, кто я есть!

— Это иллюзия, Маркус, я ничего не сделал. Вы выросли сами, вы смогли.

— Нет! Неправда! Я следовал вашим советам! Следовал тридцати одному вашему совету! Только так я написал свою первую книгу! И следующую! И все остальное! Тридцать один ваш совет, Гарри! Помните?

Он печально улыбнулся:

— Еще бы я не помнил, Маркус.

Берроуз, Рождество 1999 года

— С Рождеством, Маркус!

— Подарок? Спасибо, Гарри. А что это?

— Откройте. Это мини-дисковый плеер. Вроде бы последнее слово техники. Вы тут все время записываете, что я говорю, а потом теряете свои записи, и мне приходится повторять. Я решил, что так вы сможете все записывать на плеер.

— Отлично. Давайте.

— Что давать?

— Дайте мне первый совет. Я буду тщательно записывать все ваши советы.

— Ладно. И какие вам дать советы?

— Не знаю... советы для писателей. И для боксеров. И вообще для людей.

— Всё сразу? Ну хорошо. И сколько вам нужно советов?

— По крайней мере сто!

— Сто? Нет уж, мне надо что-то придержать для себя, чтобы было чему вас учить потом.

— Вам всегда будет чему меня научить. Вы же великий Гарри Квеберт.

— Я вам дам тридцать один совет. Буду давать их в ближайшие годы. А не все сразу.

— Почему тридцать один?

— Потому что тридцать один год — важный возраст. В десять лет вы формируетесь как ребенок. В двадцать — как взрослый. В тридцать вы станете мужчиной, или не станете. Тридцать один год означает, что вы перешли черту. Каким вы будете в тридцать один год, как вы думаете?

— Таким же, как вы.

— Ну не надо говорить глупости. Лучше включайте плеер и записывайте. Я вам буду давать советы в обратном порядке. Совет номер тридцать один. Это будет совет про книги. Ну вот, номер тридцать один: самое главное, Маркус, это первая глава. Если она читателям не понравится, остальное они читать не будут. С чего вы думаете начать свою книгу?

— Не знаю, Гарри. Думаете, у меня когда-нибудь получится?

— Что?

— Написать книгу.

— Я в этом уверен.

* * *

Он пристально посмотрел на меня и улыбнулся:

— Вам скоро исполнится тридцать один год, Маркус. И смотрите, у вас получилось: вы стали великолепным, великолепным человеком. Стать Великолепным — это ерунда, а вот стать великолепным человеком — это результат вашей долгой и славной борьбы с самим собой. Я вами очень горжусь.

Он надел куртку и повязал шарф.

— Куда вы, Гарри?

— Теперь мне надо идти.

— Не уходите! Оставайтесь!

— Не могу...

— Оставайтесь, Гарри! Побудьте со мной еще немного!

— Не могу.

— Я не могу вас потерять!

— До свидания, Маркус. Встреча с вами была самой прекрасной встречей в моей жизни.

— Куда вы?

— Мне нужно где-то ждать Нолу.
Он еще раз крепко обнял меня:
— Найдите любовь, Маркус. Любовь наполняет жизнь смыслом. Когда любишь, становишься сильнее! Выше. Идешь дальше.
— Гарри! Не бросайте меня!
— До свидания, Маркус.
Он ушел. Он оставил дверь открытой, и я долго ее не закрывал. Потому что тогда я в последний раз видел своего учителя и друга Гарри Квеберта.

Май 2002 года, финал университетского чемпионата по боксу

— Готовы, Маркус? Через три минуты выходим на ринг.
— Гарри, мне страшно.
— Я и не сомневался. Тем лучше: когда не страшно, ни за что не победить. Помните, боксировать — это как писать книгу... Не забыли? Глава первая, глава вторая...
— Да. Раз — наносишь удары. Два — укладываешь на месте...
— Отлично, чемпион. Ну, готов? Ха, мы в финале чемпионата, Маркус! Мы вышли в финал! Кому сказать, ведь совсем недавно вы дрались только с боксерскими мешками, а теперь вы в финале чемпионата! Слышите, диктор объявляет: «Маркус Гольдман, тренер — Гарри Квеберт, Университет Берроуза». Это мы! Вперед!
— Подождите, Гарри.
— Да?
— У меня для вас подарок.
— Подарок? Вы уверены, что сейчас удачный момент для подарков?
— Совершенно уверен. Я хочу, чтобы вы его получили до поединка.
Он у меня в сумке, возьмите. Я не могу вручить его сам, я в перчатках.
— Диск?
— Да, это сборник! Я собрал все ваши тридцать один совет, все самое важное. Про бокс, про жизнь, про книги.
— Спасибо, Маркус. Я очень тронут. Готовы драться?
— Более чем...
— Ну тогда пошли.
— Подождите, у меня еще один вопрос...
— Маркус! Нам пора!
— Но это важно! Я еще раз прослушал все наши записи, но не нашел ответа.
— Ладно, давайте спрашивайте. Я слушаю.

— Гарри, как узнать, что книга закончена?

— Книги — они как жизнь, Маркус. На самом деле они никогда не кончаются.

Эпилог

Октябрь 2009 года

(спустя год после выхода книги)

— О хорошей книге, Маркус, судят не только по ее последним словам, а еще и по воздействию всех предыдущих слов, вместе взятых. Примерно полсекунды после того, как читатель прочел вашу книгу до конца, до самого последнего слова, он должен оставаться во власти сильного чувства; на какой-то миг он должен забыть обо всем, кроме того, что только что прочел, смотреть на обложку и улыбаться с легкой грустью, потому что ему будет не хватать ваших героев. Хорошая книга, Маркус, — это книга, прочитав которую, люди жалеют, что она кончилась.

Пляж в Гусиной бухте, 17 октября 2009 года

— Ходят слухи, вы новую книжку написали, писатель.

— Это правда.

Мы сидели с Гэхаловудом у океана и пили пиво.

— Новый огромный успех невероятного Маркуса Гольдмана! — воскликнул Гэхаловуд. — И про что она?

— Надеюсь, вы прочтете. Тем более вы там тоже есть.

— Правда? Можно взглянуть?

— Даже не мечтайте, сержант.

— В любом случае, если книжка плохая, вернете мне деньги.

— Гольдман больше не возвращает деньги, сержант.

Он засмеялся:

— Скажите, писатель, кто вас надоумил восстановить этот дом и превратить его в дом творчества для молодых писателей?

— Просто в голову пришло.

— «Писательский дом имени Гарри Квеберта». Звучит шикарно, я считаю. Вообще вы, писатели, такой народ, как сыр в масле катаетесь. Приезжать сюда, глядеть на океан, писать книжки — я бы от такой работенки не отказался... Видели статью в сегодняшней *New York Times*?

— Нет.

Он вынул из кармана газетную страницу, развернул и прочел:

«Чайки Авроры», новый роман, который нельзя не прочесть. Лютер Калев, ошибочно обвиненный в убийстве Нолы Келлерган, был прежде всего гениальным писателем, чей талант до сих пор оставался в неизвестности. Издательство «Шмид и Хансон» воздает ему должное, публикуя посмертно его блистательный роман об отношениях Нолы Келлерган и Гарри Квеберта. В этом великолепном произведении повествуется о том, как связь с Нолой Келлерган вдохновила Гарри Квеберта на написание «Истоков зла».

Он сложил газету и расхохотался.

— Вы чего, сержант? — спросил я.

— Ничего. Вы просто гений, Гольдман! Просто гений!

— Не только полиция умеет воздавать по заслугам, сержант.

Мы допили пиво.

— Завтра я возвращаюсь в Нью-Йорк, — сказал я.

Он повесил голову:

— Заезжайте сюда к нам иногда. Просто повидаться. Вообще-то это доставит радость прежде всего моей жене.

— С удовольствием.

— Да, вы так и не сказали, а как называется ваша новая книжка?

— «Правда о деле Гарри Квеберта».

Лицо у него стало задумчивым. Мы пошли назад к машинам. Небо стремительно прочертила стая чаек. Мы проводили их взглядом, потом Гэхаловуд задал еще один вопрос:

— Чем теперь займетесь, писатель?

— Однажды Гарри сказал: «Придайте своей жизни смысл. Жизни придают смысл две вещи: книги и любовь». Книги я нашел. Благодаря Гарри я нашел книги. Теперь буду искать любовь.

* * *

Университет Берроуза

выражает благодарность

Маркусу П. Гольдману,

победителю университетского чемпионата

по боксу 2002 года,

и его тренеру

Гарри Л. Квеберту

Слова благодарности

Выражаю сердечную признательность Эрни Пинкасу (Аврора, Нью-Гэмпшир) за его неоценимую помощь.

Выражаю благодарность сотрудникам полиции штатов Нью-Гэмпшир и Алабама сержанту Перри Гэхаловуду (уголовный отдел полиции штата Нью-Гэмпшир) и Филипу Томасу (дорожная полиция штата Алабама).

Наконец, выражаю особую признательность моей помощнице Денизе, без которой я бы не смог закончить эту книгу.

Cover photo © Gregory Crewdson. Courtesy Gagosian Gallery

© Éditions de Fallois / L'Âge d'Homme, Paris, 2012

© И. Стаф, перевод на русский язык, 2014

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Издательство CORPUS®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

СНОСКИ

«Лига ядовитого плюща» (*Poison Ivy League*) — название песни Элвиса Пресли (1964); «Лига плюща» — ассоциация восьми лучших частных университетов на северо-востоке США. (Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, — прим. перев.)

Термин «писатель-призрак» (от *англ. ghost writer*) обозначает то, что в литературе называется «негр», то есть писатель, пишущий под чужим именем. Англосаксы, придумав выражение *ghost writer*, сумели передать, насколько бесчеловечна эта роль. (*Прим. автора.*)

Мой дом — твой дом! (*исп.*)

Филдгол (от *англ. field goal*) — «полевой гол», или «гол с игры», термин американского футбола.

«Алабама, родной дом» (*англ.*), песня группы *Lynyrd Skynyrd* (1974).

День выборов (англ.).